

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СИНТЕЗ
ФИЛОСОФИИ,
НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ**

*К 80-летию
академика*

В. С. Стёпина

МИНСК
БГУ
2014

УДК 001:1 + 130.2
ББК 87.25 + 87.05
С79

Редколлегия :

А. Н. Данилов (отв. ред.),
С. В. Абламейко, А. Н. Елсуков, А. В. Данильченко,
А. А. Легчилин, А. В. Рубанов, Я. С. Яскевич

Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / ред-
С79 кол. : А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2014. — 503 с.
ISBN 978-985-518-984-9.

Книга посвящена 80-летию выдающегося современного философа, почетного профессора Белорусского государственного университета, академика Российской академии наук В. С. Стёпина, автора фундаментальных работ в области философии и методологии науки, социальной философии, философии культуры и культурологии. Представлены статьи юбиляра, белорусских ученых, освещающие широкий круг актуальных проблем научного познания, развития цивилизации и культуры, связанные с творчеством В. С. Стёпина.

УДК 001:1 + 130.2
ББК 87.25 + 87.05

ISBN 978-985-518-984-9

© БГУ, 2014

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не полоить,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

Николай Заболоцкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Академик В. С. Стёпин многогранен в проявлении своего таланта и по этому интересен во всем. Он рано определился в своем жизненном пути. Выбрал самое трудное среди общественных наук – философию. И никогда не пожалел о своем выборе. Со временем, все больше погружаясь в предмет своих поисков, диапазон его интересов только расширялся, захватывая и естественные науки, литературу, архитектуру и искусство. К своему 80-летнему юбилею Вячеслав Семенович подошел всемирно признанным ученым, руководителем Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, научным руководителем Института философии РАН, президентом Российского философского общества, почетным доктором, профессором многих ведущих европейских университетов и академий, в том числе Белорусского государственного университета. Широкое международное признание заслуг выдающегося ученого не затмило искреннюю и очень крепкую привязанность Вячеслава Семеновича к ставшей родной белорусской столице – городу Минску. Здесь прожито более сорока лет, и именно здесь так много состоялось в его судьбе.

Данная книга подготовлена и издана при поддержке ректората Белорусского государственного университета. И это закономерно, так как юбиляр – выпускник философского отделения исторического факультета Белорусского государственного университета 1956 года. Вячеслав Семенович уже более двух десятилетий достойно несет высокое звание действительного члена (академика) Российской академии наук.

Во времена нашей молодости лучшим подарком всегда была книга, именно поэтому в честь юбиляра его друзья и коллеги горячо откликнулись на инициативу факультета философии и социальных наук БГУ подготовить юбилейное издание. Книга открывается приветствием ректора БГУ академика С. В. Абрамейко и словом почетного Патриаршего Экзарха всея Беларуси, митрополита Филарета, а также материалами, в которых раскрывается интеллектуальная биография юбиляра. Особо стоит выделить краткий очерк научной и научно-организационной деятельности В. С. Стёпина, подготовленный доктором философских наук, сотрудником Института философии Российской академии наук С. Н. Корсаковым.

С именем В. С. Стёпина в современной философской науке связано становление новых направлений. Сфера его научных интересов поражает своим разнообразием. Это философия и методология науки, теория

познания, философия культуры, философия политики и права. В последние годы многие авторы отмечают выдающийся вклад Вячеслава Семеновича в теорию культуры. Однако внешне столь широкий тематический разброс его исследовательских практик тесно коррелирует с расширением предметного поля научного интереса автора, анализа механизмов функционирования теоретического знания.

В настоящем издании белорусские ученые — друзья и коллеги, ученики В. С. Стёпина — развивают основные идеи юбиляра, используют и где-то творчески их перерабатывают применительно к своему предмету научного поиска. Они сгруппированы по тематике в три больших раздела: «Философия и системная трансформация современной цивилизации», «Гуманистические ценности современной науки и техники» и «Постнеклассические практики в современной культуре».

Мы посчитали оправданным в заключительном разделе книги опубликовать беседы члена-корреспондента РАН И. Т. Касавина с В. С. Стёпиным «Важно, чтобы работа не прекращалась...», а также представить читателю несколько текстов Вячеслава Семеновича, малоизвестных и выделяющихся своей тематической направленностью. Поэтому и назвали заключительный раздел юбилейной книги «Известный и неизвестный В. С. Стёпин».

Таким образом, в издании представлена широкая панорама философских и социокультурных проблем современного научного познания, демонстрирующая высокий уровень его востребованности современным социумом в условиях глобализации и нового цивилизационного выбора. Книга интересна как для специалистов в области гуманитарных знаний, так и для представителей естественных наук.

А. Н. Данилов

ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уважаемые коллеги, друзья!

Для меня большая честь представить научной общественности коллективную работу белорусских ученых, посвященную творчеству выдающегося философа современности, почетного профессора Белорусского государственного университета, академика Российской академии наук Вячеслава Семеновича Стёпина. Эта книга — подарок Белорусского государственного университета нашему знаменитому выпускнику к его 80-летию.

Мы горды тем, что именно в Белорусском государственном университете раскрылся и реализовался многогранный талант В. С. Стёпина. Как много это великое имя говорит научному сообществу. Его незаурядные способности, пылкий ум исследователя, наипышность и широкий кругозор заметили уже с 1-го курса его учебы. Студенческая среда 1950-х выделяла людей по реальным делам, поступкам, нравственной позиции. В. С. Стёпин — лидер по жизни, без боя своей позиции не сдаст никогда. Может, поэтому и удалось так много сделать в философии, науке всех наук, которой он посвятил всю свою жизнь.

Полученные академиком В. С. Стёпиным результаты сегодня оцениваются как крупные открытия, серьезное приращение новых знаний, которые позволили сформировать неизвестные ранее подходы и направления в теории познания, современной философии и методологии науки. Если суммировать сделанное философом за более чем полувековой период неустанной работы в науке, то можно с восхищением констатировать, что большая часть его открытий была сделана в Беларуси, в стенах Белорусского государственного университета. Это — и детальный анализ структуры научного знания, создание целостной концепции его динамики, открытие процедуры конструктивного обоснования и решение проблемы генезиса парадигмальных образцов в составе теории, поставленной П. Куном, анализ структуры и функций оснований науки, выявление и детальный анализ исторических типов научной рациональности

(классическая, неклассическая, постнеклассическая наука) и др. Достижения академика В. С. Стёпина широко признаны в мире, их результатами активно пользуются представители как гуманитарных, так и естественных наук. Следует также отметить, что Вячеслав Семенович, работая в БГУ, раскрылся и как выдающийся организатор науки. Он сумел создать лучшую в СССР кафедру философии, Минскую методологическую школу, которая функционировала в университете в 1970—1980 и благодаря которой университет превратился в те годы во всемирно известный философский центр. Надо честно признать, что ему дано создавать в коллективах, где он работает, действительно интеллектуально насыщенную творческую атмосферу, принимать к себе по-настоящему талантливых, одержимых в науке и творчестве людей. В центре его внимания всегда находится талантливая молодежь, многие из них под научным руководством академика В. С. Стёпина защитили диссертации и сегодня продолжают дело своего учителя.

Завершая представление книги, посвященной юбилею академика В. С. Стёпина, я хотел бы выказать юбиляру наши поздравления и благодарность. Дорогой Вячеслав Семенович, нам очень приятно сознавать, и мы всячески приветствуем Ваше искреннее стремление к сотрудничеству с Белорусским государственным университетом. Несмотря на огромную занятость в Москве, где Вы являетесь руководителем Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, научным руководителем Института философии РАН, президентом Российского философского общества, Вы находите время ежегодно бывать в родном университете, читать студентам и аспирантам лекции, встречаться с преподавателями, публиковаться в наших изданиях, делать все возможное для укрепления научных связей между Россией и Беларусью.

Белорусский государственный университет — навсегда Ваш родной дом, и Вы должны знать, что Вас здесь искренне любят и всегда Вам рады. Здоровья Вам, благополучия, новых творческих побед и радостей жизни на долгие годы.

Ректор Белорусского
государственного университета
академик НАН Беларуси,
профессор

С. В. Абламейко

**БЕЛОРУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ**

МИТРОПОЛИТ МИНСКИЙ И СЛУЦКИЙ
ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХ ВСЕЯ БЕЛАРУСИ

**BELOUSSIAN
ORTHODOX CHURCH**

METROPOLITAN OF MINSK AND SLUTSK
PATRIARCHAL EXARCH OF ALL BELARUS

Человек рожден с глубинным стремлением к познанию мира. Это стремление является фундаментальным для его существования, и без него человек не может быть человеком. Из века в век он ставит и ставит перед собой извечные вопросы о сущности бытия и о своем в нем предназначении. И философия, и наука, и религия идут своим путем в едином стремлении к Истине. Единство цели при своеобразии подходов создают нашу культуру как гармоничное целое, как симфонию, являющую красоту Божьего мира.

Вячеслав Семенович Стёпин является выдающимся ученым, чей интеллектуальный потенциал блестяще реализовал себя как в сфере теории, так и в сфере организации науки, как в родной для него Беларуси, так и в Российской Федерации.

Работы Вячеслава Семеновича в области методологии имеют важнейшее значение для современной науки, при этом в равной мере и в сфере естествознания, и в сфере гуманитарных дисциплин.

Минская философская школа, основанная В. С. Стёпиным, играет значительную роль в эволюции современного философского знания и пользуется весомым авторитетом в международном научном сообществе.

С благословением

Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. С. СТЕПИНА

Вячеслав Семенович Стёпин родился 19 августа 1934 г. в пос. Навля Брянской обл. в семье учителей: отец — Стёпин Семен Николаевич (1911–1998), мать — Стёпина (Григорьева) Антонина Петровна (1910–1987). В начале Великой Отечественной войны Вячеслав с матерью был эвакуирован в г. Стерлитамак Башкирской АССР, где в 1941 г. поступил в первый класс начальной школы. Отец с первых дней войны служил в Красной армии. В 1946 г., после демобилизации отца, семья переехала в Минск. В 1951 г. В. С. Стёпин окончил 4-ю среднюю школу г. Минска и поступил на отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ). В университетские годы он активно занимается самообразованием, восполняя пробелы догматизированных учебных программ, изучает первоисточники классиков философской мысли. Тогда же сформировался его интерес к проблемам философии науки. Он интенсивно изучает физику и по разрешению ректората посещает занятия на физическом факультете университета. Окончив в 1956 г. университет, В. С. Стёпин поступил в аспирантуру БГУ, где на кафедре философии занялся исследованием позитивизма Венского кружка. Не решив в этот период для себя проблемы убедительной и конструктивной критики позитивистской методологии и не желая ограничиваться принятой в то время традицией идеологизированных обвинений в адрес позитивизма, В. С. Стёпин не стал защищать рекомендованную к защите диссертацию по окончании аспирантуры и перешел на преподавательскую работу. С 1959 г. В. С. Стёпин преподавал на кафедре философии Белорусского политехнического института. Он читал курсы диалектического материализма, математической логики, эстетики, теории искусства. Для успешного чтения последнего курса В. С. Стёпин прошел стажировку по теории архитектурной композиции в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой. Расширение сферы научных занятий привело его к исследованиям взаимовлияния мировоззренческих образов в различных сферах познания, что позволило по-новому подойти к проблеме критического

анализа позитивизма. Другим важным направлением исследований В. С. Стёпина стала деятельностная, практическая природа познавательного процесса. Он пришел к выводу, что принципиальное «изгнание» позитивизмом метафизики из науки создавало весьма ограниченную идеализацию науки, выключая ее из социокультурного контекста исторически развивающейся человеческой практики. На этой основе В. С. Стёпину удалось показать, что позитивистская методология хотя и позволила выявить ряд реальных особенностей структуры научного знания, его уровней, но вместе с тем создавала препятствия на пути к раскрытию механизмов возникновения и развития научного знания, его функционирования в системе культуры, эволюции понятий и принципов науки, взаимодействия наук и включения полученных ими результатов в культуру. Эти идеи были изложены В. С. Стёпиным в книге «Современный позитивизм и частные науки» (1963) и в кандидатской диссертации «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позитивизм» (1965).

В дальнейшем В. С. Стёпин поставил перед собой цель проанализировать процессы возникновения и исторического развития научного знания. Основным объектом исследования стали для него тексты классиков естествознания, взятые в их исторической последовательности, а методом — исторические реконструкции тех или иных фрагментов эмпирической истории науки. Подобный подход позволял философу осуществлять постоянную проверку выдвигаемых методологических идей и, одновременно, давать историко-логическое объяснение переходам от одной стадии становления естественнонаучной теории — к другой. И в наибольшей степени внимание В. С. Стёпина было сконцентрировано на операциях, которые осуществляются с идеальными объектами в ходе возникновения и развития научного знания. Им была выдвинута идея о разнотипности идеальных объектов в системе научного знания и поставлена задача изучить закономерности их формирования и трансляции из одной системы знания в другую, связанные с порождением нового теоретического содержания.

В. С. Стёпину удалось показать, что категориальная сетка научной теории имеет уровневую организацию, причем ядро каждого уровня — система взаимно связанных теоретических конструктов — представляет собой теоретическую модель исследуемой реальности. Эти модели, в отличие от аналоговых, были названы В. С. Стёпиным теоретическими схемами. Соответственно, в теоретическом уровне познания могут быть выделены в качестве подуровней фундаментальные и частные теоретические схемы, и в развитой научной теории последние существуют как производные от первых. Теоретическим схемам соответствуют схемы деятельности (реальные и мысленные эксперименты). В эмпирическом уровне познания В. С. Стёпиным также были выделены два подуровня — реальных экспериментов и ситуаций наблюдения и их эмпирических схем. В результате научное знание предстало в виде многоуровневой иерархической системы, где уровни имеют прямые и обратные связи.

С этих позиций В. С. Стёпин внес существенные коррективы в ранее принятые представления о функционировании научной теории. Он показал, что вывод из фундаментальных законов теории их следствий не соответствует распространенным представлениям о теории как гипотетико-дедуктивной системе. Процедуры такого вывода не сводятся к чисто логической дедукции, хотя и включают ее в качестве одного из своих аспектов. Они предполагают особые операции конструирования в мысленных экспериментах, под контролем опыта, частных теоретических схем на основе фундаментальной теории. Это конструирование предстает как решение теоретических задач. Теория развертывает скрытое в ней содержание в процессе решения теоретических задач. Некоторые типовые решения задач включаются в состав теории. Они выступают в качестве образцов, на которые

ориентируется исследователь, отыскивая решение новой задачи. На роль парадигмальных образцов в функционировании теории обратил внимание американский историк и философ науки Т. Кун. Но структура парадигмальных образцов и операции перехода от фундаментальной теоретической схемы к частным до исследований В. С. Стёпина оставались непроясненными. Не была решена и возникающая в связи с этим проблема: откуда появляются в составе теории парадигмальные образцы решения задач?

Эту проблему В. С. Стёпин решил, исследуя процессы генезиса научной теории. Выявление структуры научной теории ставило в качестве основной проблемы ее генезиса проблему формирования теоретических схем. Проведенные В. С. Стёпиным исследования генезиса частных теоретических схем показали, что они возникают не как индуктивное обобщение опыта, а путем трансляции теоретических конструктов из уже сложившихся областей теоретического знания и погружения их в новую сетку связей. Ранее созданные наукой, теоретические схемы выступают здесь в качестве аналоговых моделей для формирования новой гипотезы. Таким образом, гипотеза оказывается не результатом индуктивного обобщения опыта, но формируется в результате трансформаций идеальных объектов в сфере теоретического поиска и лишь затем проходит процедуры обоснования опытом, который она призвана объяснить.

И в этом пункте, анализируя процесс эмпирического обоснования гипотезы, В. С. Стёпин обнаруживает операции, ранее не проанализированные в логике, философии и методологии науки. Он показывает, что когда в процессе выдвижения гипотезы осуществляется трансляция абстрактных объектов из одной области знания в другую, их погружение в новую сетку связей, представленную аналоговой моделью, то в новых связях и отношениях они (теоретические конструкты) приобретают новые признаки. Эти признаки могут дополнять признаки, обоснованные опытом ранее, но могут и противоречить им. Поэтому первым шагом обоснования гипотезы является ее проверка на непротиворечивость, на несовместимость прежних и новых признаков теоретических конструктов. Эта процедура необходима, но не достаточна для обоснования гипотезы.

Вторым шагом является выстраивание новых (гипотетических) признаков абстрактных объектов в качестве идеализаций, опирающихся на ту новую область опыта, для описания которой предназначается гипотетическая модель. Только после этого она превращается в теоретическую схему, которая, будучи вначале введена «сверху» по отношению к опыту, предстает как обобщение опыта. Весь этот комплекс операций В. С. Стёпин обозначил как конструктивное обоснование теоретических схем. Благодаря конструктивному обоснованию законы, сформулированные относительно абстрактных объектов, составляющих теоретическую схему, получают связь с опытом. Если закон формулируется в математической форме, как, например, в физике, то конструктивное обоснование формирует в составе теории рецепты связи физических величин с опытом.

Эмпирическое обоснование, в свою очередь, придает теоретическим конструктам онтологический статус. Теоретические объекты, признанные неконструктивными в ходе эмпирического обоснования, элиминируются по мере построения теории; те же, которые образуют новую теоретическую схему, должны быть конструктивно переопределены и адаптированы к новому виду реальности.

Проверив вновь разработанный методологический инструментарий на изучении процессов генезиса частнонаучных теорий, В. С. Стёпин обратился к проблеме генезиса фундаментальной развитой теории. Им была избрана для работы классическая теория электромагнитного поля. Выбор пал на нее по той причине, что, создавая эту теорию, Максвелл опубликовал несколько промежуточных статей, которые позволяли детально проследить основные этапы генезиса теории. Совместно с Л. М. Томильчиком В. С. Стёпин

проанализировал внутреннюю логику открытия Максвелла. В результате были выявлены основные умозаключения, сделанные Максвеллом в ходе открытия, и объяснены переходы от одной стадии открытия к другой, не всегда ранее находившие объяснение в историко-научной литературе. Прделанная авторами работа нашла отражение в совместной монографии «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики» (1970), в ряде статей В. С. Стёпина в журнале «Вопросы философии», в докладе на Международном конгрессе по истории науки в Москве.

В рамках разработанной В. С. Стёпиным концепции генезиса научной теории был получен ответ на вопрос о путях формирования в составе теории парадигмальных образцов решения задач. В. С. Стёпин показал, что такие образцы с необходимостью возникают в самом процессе обобщения предшествующих развитой теории частных теоретических схем благодаря процедуре конструктивного обоснования.

В 1970-е гг. В. С. Стёпин продолжал работать над проблемой структуры научной теории, активно обсуждая новые идеи с коллегами из других городов страны на семинарах Института философии АН СССР, симпозиумах, проводимых Институтом истории естествознания и техники АН СССР в Звенигороде, на научных конференциях в разных научных центрах страны. В развитие своей концепции В. С. Стёпин поставил перед собой задачу провести необходимые историко-научные реконструкции, с тем чтобы сравнить механизмы генезиса и построения теории в классической и неклассической науке. С этой целью он осуществил реконструкцию основных этапов развития квантовой электродинамики и показал, как изменяются методы построения теории в современной квантово-релятивистской физике по сравнению с классическими образцами. Результаты этих исследований вошли в докторскую диссертацию В. С. Стёпина «Проблема структуры и генезиса физической теории. Содержательные аспекты строения и эволюции теоретических знаний», защищенную в 1975 г. и опубликованную, с небольшими редакционными правками, в 1976.

Исследование процесса построения научной теории вывело В. С. Стёпина к проблематике оснований науки. Он выяснил, что резервуаром, из которого ученый черпает аналоговые модели для выдвижения гипотез, становящихся в процессе обоснования теоретической схемой — ядром формирующейся теории, является научная картина мира, способная давать схему предмета исследования в его основных системных характеристиках (типология объектов, принципы их взаимодействий, их пространственно-временные характеристики). Научная картина мира задает исследователю способ видения объекта, характер постановки проблемы и выбор средств ее решения, возможные варианты инодисциплинарных аналогий. В свою очередь, соотнесение с научной картиной мира придает теоретическим схемам онтологический статус, обеспечивает их связь с эмпирическими фактами и позволяет выстраивать специальную дисциплинарную научную картину мира, ориентирует в направлении дальнейших исследований. Получившие конструктивное обоснование теоретические схемы оказывают обратное влияние на научную картину мира, способствуют ее уточнению и дальнейшему развитию. В качестве особого компонента оснований науки В. С. Стёпин проанализировал далее идеалы и нормы научного исследования (объяснения и описания, доказательства и обоснования, строения и построения знания). Он проследил особенности их понимания на различных исторических этапах развития науки и их соотнесенность с видением предмета исследования, выраженным в научной картине мира.

Наконец, В. С. Стёпиным было показано, что обязательным компонентом оснований науки выступает система философских идей и принципов, обеспечивающих обоснование новых теоретических знаний и их включение в поток культурной трансляции. Все эти ре-

зультаты анализа структуры оснований науки и их функций в научном поиске были опубликованы в разделах монографий, вышедших под редакцией В. С. Стёпина: «Природа научного познания» (1979), «Идеалы и нормы научного исследования» (1981), «Научные революции в динамике культуры» (1987), а также в серии его статей в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки».

В результате в работах В. С. Стёпина научное знание было представлено как сложная, открытая, многоуровневая, исторически развивающаяся система. Исследования В. С. Стёпина и его коллег, работавших в том же направлении (Г. П. Щедровицкий, И. С. Алексеев и др.), во многом предвосхитили идеи конструктивной эпистемологии, развившейся уже в наше время в западной философии и методологии науки.

В 1974 г. В. С. Стёпин перешел работать на кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ. В 1979 г. ему было присвоено ученое звание профессора. С 1981 по 1987 г. В. С. Стёпин заведовал этой кафедрой. За эти годы им были подготовлены 5 докторов и 18 кандидатов наук. Идеи В. С. Стёпина оказали на исследования этих ученых определяющее влияние.

Проведенный В. С. Стёпиным анализ оснований науки открывал новые перспективы разработки проблематики взаимодействия науки с другими сферами культуры. Система оснований науки была представлена В. С. Стёпиным как опосредующее звено, через которое различные области культуры влияют на процессы генерации научных идей и которое обеспечивает обратное воздействие этих идей на общую культурную традицию. Им были обнаружены способы прямого взаимодействия оснований науки с опытом, минуя уровень теорий научной дисциплины в тех случаях, когда наука сталкивается с принципиально новыми объектами, для которых еще не построены теории.

Процесс исторического развития науки был показан В. С. Стёпиным как нелинейный процесс, включающий поле реализованных и нереализованных, но возможных научных стратегий и содержащий точки бифуркации – моменты выбора того или иного сценария развития науки. Системно-историческое видение развития науки поставило, в свою очередь, проблему отбора в культурной традиции того пути развития знаний, который лучше согласуется с доминирующими в культуре мировоззренческими смыслами и типом рациональности. Философские основания, обеспечивая внутреннее развитие науки, одновременно являются способом включения научных знаний в культуру и формой инкорпорирования в науку образов, моделей, представлений, возникающих в культуре.

В 1987 г. В. С. Стёпин был приглашен в Москву на должность директора Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР. В декабре 1987 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР. В. С. Стёпин приступил к работе в ИИЕТ АН СССР, были начаты интересные проекты. Однако вскоре ему предложили возглавить Институт философии АН СССР. Вячеслав Семенович не хотел уходить из ИИЕТ, но вместе с тем он давно сотрудничал с Институтом философии АН СССР, неоднократно участвовал в научных конференциях совместно с философами Института, опубликовал более десятка статей в институтских сборниках. На 50-летие В. С. Стёпина в Минск приезжала делегация из московского Института философии: В. А. Лекторский, Р. С. Карпинская, Д. И. Дубровский, В. В. Казютинский. Так или иначе, но выбирать не приходилось: в 1988 г. по вопросу о назначении В. С. Стёпина в Институт философии АН СССР было принято решение Секретариата ЦК КПСС. В 1994 г. он был избран действительным членом Российской академии наук.

В. С. Стёпин приступил к работе в условиях партийного контроля за деятельностью Института, но времена стремительно менялись, и в начале 1990-х гг. наступило время

творческой свободы, которой философы Института во главе со Стёпиным сумели в полной мере воспользоваться. Свобода была сопряжена, как это обычно бывает, с материальными трудностями: нищенское финансирование, периодические недовыплаты зарплат. Бывало, что выплату двенадцатой зарплаты переносили на следующий год. Со всем этим приходилось справляться. Удалось отбить шесть «атак» на здание Института со стороны «приватизаторов», пользовавшихся административной поддержкой. Но именно в этот сложный период был осуществлен целый ряд интересных научно-исследовательских, издательских и образовательных проектов.

Сложился хороший творческий коллектив, и резко возросла его научная продукция. В советский период Институт выпускал около 30 книг в год, объемы листажа были ограниченными, многие философы годами работали «в стол». А уже в начале 1990-х гг. число выпускаемых Институтом книг увеличилось до 100, и потом — до 120 в год. Большую популярность имела серия книг «Из истории отечественной философской мысли», председателем редколлегии которой был В. С. Стёпин. Она выпускалась журналом «Вопросы философии» совместно с Институтом философии. В ней впервые за многие десятилетия были изданы труды Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Г. Г. Шпета и многих других русских мыслителей Серебряного века. В. С. Стёпин возглавлял также редакционный совет серии «Философы России XX века», в которой были изданы труды многих крупных философов советского периода, являлся председателем институтской серии «Философская классика: впервые на русском». Была достигнута определенная издательская независимость Института: по инициативе В. С. Стёпина в Институте было создано собственное издательство, и, таким образом, из почти 120 книг, публикуемых сотрудниками Института в год, 30–35 выпускались институтским издательством.

Происшедшие в стране перемены вызвали необходимость массовой переподготовки преподавателей философии. В 1992 г. в Институте при активном участии В. С. Стёпина в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации был создан Российский центр гуманитарного образования (РЦГО), где, ввиду перехода на новые образовательные стандарты и учебные программы, прошли переподготовку заведующие кафедрами гуманитарных наук российских вузов. В связи с выполнением поставленной перед ним задачи РЦГО в 1994 г. был преобразован в Государственный университет гуманитарных наук (ГУГН). На двух факультетах университета — философском и политологическом — был открыт прием студентов. Был создан цикл подготовки специалистов, в рамках которого студенты, окончившие ГУГН, поступают в аспирантуру Института философии РАН, а затем приходят работать в Институт. Среди молодых сотрудников Института — выпускники ГУГН (ныне — ГАУГН).

В 1994 г. по инициативе В. С. Стёпина на базе Университета г. Карлсруэ (ФРГ) был организован Русско-Германский колледж, финансируемый правительством федеральной земли Баден-Вюртемберг. Студенты ГУГН получили возможность проходить в течение нескольких месяцев обучение и стажировку в Германии. Колледж выпускает свой «Ежегодник». Позиция о создании Русско-Германского колледжа вошла в текст Договора о научном и культурном сотрудничестве, заключенного между Россией и ФРГ в 1994 г.

Следует отметить, что в период директорства В. С. Стёпина заметно возросла интенсивность международных контактов Института. Совместно с американскими учеными был разработан ряд крупных научно-исследовательских проектов. В. С. Стёпин выступал в качестве соруководителя с российской стороны в проекте «Судьбы демократии в XXI веке». Совместно с Бостонским университетом развивался проект «Пайдейя», посвященный философским проблемам образования. В журнале «Boston Studies

in the Philosophy and History of Science» были опубликованы материалы ряда конференций по истории и философии науки, проведенных сотрудниками Института совместно с коллегами из США, Англии, Греции и др. Реализовывалось соглашение с Университетами Париж-10 и Париж-8 по проекту «Судьбы цивилизации и анализ социальных изменений на переломе двух столетий». Велась работа по целому ряду менее долгосрочных проектов. Мадридским университетом в рамках совместного проекта были опубликованы материалы дискуссий по вопросам философии науки с участием философов Института. Были достигнуты соглашения о сотрудничестве с научными учреждениями Китая и Индии. Соглашение о сотрудничестве с Индией в области философских исследований было включено отдельным пунктом в межгосударственное соглашение о сотрудничестве Индии и России.

Институт философии принял участие в работе школ по подготовке специалистов для работы в Европейской организации ядерных исследований (CERN) в Женеве. Наряду со специальной подготовкой российских физиков, которую обеспечивали Объединенный институт ядерных исследований РАН, Московский государственный университет, Московский инженерно-физический институт, Московский энергетический институт, Университет «Дубна», предусматривалась также гуманитарная программа. В ее рамках лекции читались ведущими специалистами Института философии РАН. По оценке помощника генерального директора CERN Н. Кульберга, интенсивность работы российских специалистов, получивших подготовку по особой комплексной программе, оказалась выше, чем у специалистов из других стран.

С середины 1980-х гг. сфера научных интересов В. С. Стёпина значительно расширилась, включив в себя проблемы социокультурной детерминации развития научного знания, типов рациональности и типов цивилизационного развития. Новые существенные результаты были получены В. С. Стёпиным на стыке философии науки, философской антропологии и философии культуры. Они нашли отражение в книгах «Философская антропология и философия науки» (1992), «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации» (1994; совместно с Л. Ф. Кузнецовой), «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция» (2000). Последняя книга в 2004 г. была переведена на испанский язык и вышла в издательстве Мадридского университета, а в 2005 г. была выпущена издательством Springer в виде 326-го тома престижной международной серии «Studies in Epistemology, Logic, Methodology and Philosophy of Science».

В. С. Стёпин проанализировал признаки, специфицирующие науку среди других сфер культуры, выделив в них главные системообразующие факторы. Рассмотрение науки в социокультурном контексте позволило В. С. Стёпину решить проблему порождения новых категориальных смыслов, с помощью которых наука получает возможность осваивать новые, все более сложные типы системных объектов. Он проинтерпретировал философию как генератор новых принципов и способов видения мира, которые, транслируясь и культуре, иногда на протяжении длительного времени, оплодотворяют научный поиск в периоды, когда наука приступает к освоению новых, более сложных типов системных объектов, когда выработанные в философии новые категориальные смыслы оказываются востребованными наукой. Осмысленное через философские основания научное знание включается затем в культуру, становится фактором ее развития.

Выяснение роли философских оснований в генезисе нового научного знания поставило, в свою очередь, проблему природы прогностической функции философии. Ключом к ее решению послужила сформулированная ранее В. С. Стёпиным идея о деятельностной природе познания, о том, что любая схема объекта исследования в познании коррелируется со схемой способа деятельности с данным объектом. Практика, социальная

жизнь включают в свой состав «вторую природу» — совокупность «искусственных органов» «неорганического тела цивилизации», совокупность социальных отношений и совокупность программ деятельности, которые представляют собой основное содержание культуры и обеспечивают воспроизводство и развитие общественной жизни. Социокультурные программы транслируются в виде образцов, норм, ценностей, моделей деятельности, знаний, верований, представляя собой компоненты системной целостности культуры. Целостность того или иного типа культуры обеспечивается взаимосвязанной совокупностью основных мировоззренческих универсалий, «категорий культуры»: понимание природы, человека, пространства, времени, общества, добра, зла, справедливости и пр. Мировоззренческие универсалии, будучи сложными и эволюционирующими образованиями, содержат в себе пласт или уровень общечеловеческий, всеобщий, затем — особенный, выражающий специфику культуры определенной эпохи, общества и, наконец, соответствующий индивидуальному опыту человека и опыту той социальной группы, в которую он включен. Система мировоззренческих универсалий обеспечивает отбор артефактов из всего, что создается в человеческой деятельности, — для дальнейшей культурной трансляции, — образует категориальный строй сознания людей соответствующей эпохи и создает целостный образ жизненного мира эпохи. Совокупность мировоззренческих универсалий, составляя основу ментальности, как целое не проявлена для сознания людей, в особенности тех, кто находится внутри данного типа культуры, изначально воспринял его как само собой разумеющийся тип. Философия же осуществляет рефлексию над этими основаниями культуры, проявляет, обосновывает и систематизирует их, выступает как самосознание культуры. Именно осознанная проработка культурных моделей деятельности и обеспечивает философии дистантный взгляд на культуру, способность ставить под вопрос основания человеческой жизнедеятельности и познания определенной эпохи, выйти за рамки наличной культурной традиции, моделировать различные, не востребованные еще способы познания и деятельности (например, атомистика в античности и др.). Отсюда противоречивые взаимоотношения между универсалиями культуры и философскими категориями. В принципе, совпадая по номенклатуре, они могут оказаться различными, а иногда и противоположными по содержанию, что находит свое выражение в том числе и в драматических коллизиях судеб философов. Вместе с тем, схематизируя основания культуры, философские категории не способны передать все то богатство смыслов, которое заключено в универсалиях культуры, отражающих повседневную жизнь людей, будучи, наконец, востребованной, сформулированная ранее философская идея становится достоянием культуры, находя выражение в художественных образах, религиозных прозрениях, постулатах политических доктрин.

В науке философские идеи, которые ранее могли быть маргинальными в культуре, «срабатывают» в периоды кризисов, вызванных освоением принципиально новых типов объектов, служат источником формирования новых типов научной рациональности в условиях научных революций. В. С. Стёпиным сформулирована ставшая общепринятой в нашем научном сообществе периодизация типов научной рациональности: классического, неклассического, постнеклассического. В. С. Стёпин ввел скоррелированные между собой критерии различения этих типов: по типу объектов, характеру и условиям их взаимодействия, по применяемому методу, идеалам и нормам познания, по особенностям субъекта научной деятельности. В работах В. С. Стёпина подробно раскрыты особенности философских оснований и категориальных сеток, присущие каждому из названных типов научной рациональности, осмыслена роль философских идей в периоды научных революций. Большой эвристический потенциал содержит данное В. С. Стёпиным опреде-

ление постнеклассического типа научной рациональности, для которого характерно изучение сложных, человекоразмерных систем (биосфера, экосистемы, человек-машинные системы и пр.), включение ценностного измерения в сам познавательный процесс, междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности (прежде всего, комплексные программы, в которых принимают участие специалисты из различных областей знания). В. С. Стёпиным был рассмотрен также особый, междисциплинарный тип научных революций, при котором коренная перестройка данной научной дисциплины происходит не вследствие преимущественно внутренних факторов ее развития, а в результате «парадигмальных трансплантаций» из другой дисциплины, осуществившей научную революцию.

Проделанный В. С. Стёпиным анализ универсалий культуры позволил ему сформулировать концепцию типов цивилизационного развития. Система универсалий культуры, совокупность программ деятельности поведения и общения обеспечивают воспроизводство, определенного типа общества, выступают как взаимосвязанный набор социокодов, составляющих геном социальной жизни. Мутации этого «генома», появление новых мировоззренческих смыслов оказываются важным условием возникновения новых видов общества. С этих теоретических позиций В. С. Стёпин проанализировал присущие традиционалистскому и техногенному типам цивилизационного развития системы универсалий культуры и ценностные приоритеты (отношение к инновациям, к природе, к научному знанию, понимание личности, власти), а также имевшие место в истории мутации традиционных типов культурной трансляции формы взаимодействия традиционных и техногенных обществ, включая новейшую – глобализацию, особенности догоняющей модернизации вообще, и в России в частности, диалектику успехов и опасностей, сопряженных с техногенным типом развития. В. С. Стёпин выдвигает идею о новом, третьем типе цивилизационного развития, который позволил бы опять ограничить техногенный тип цивилизации, препятствующий устойчивому развитию человечества. С этих позиций он проанализировал современные изменения научной рациональности и тенденции научно-технического прогресса в целях поиска в существующих типах цивилизационного развития (как в техногенном, так и в традиционалистском, пусть и претерпевшем трансформацию под воздействием техногенного) зародышевых форм, «точек роста» культурно-генетического кода, который бы обеспечил новый тип цивилизационного развития. К ним он отнес подход к биосфере как к целостной системе, в которую органически включен человек, приоритет несиловых воздействий применительно к сложным саморазвивающимся системам, интеграцию когнитивных и ценностных измерений в деятельности со сложными человекоразмерными системами (гуманитарная экспертиза и пр.). По мнению В. С. Стёпина, современная эпоха как никогда нуждается в новых мировоззренческих идеях и стратегии цивилизационного развития, ориентированной на будущее и ответственной перед будущими поколениями.

В 1990 г. В. С. Стёпин возглавил кафедру философской антропологии и комплексного изучения человека философского факультета МГУ. Он читает несколько учебных курсов в МГУ, ГАУГН, руководит философским факультетом ГАУГН. Вячеслав Семенович – один из авторов учебника «Введение в философию», автор учебников по новой программе подготовки аспирантов «Философия науки. Общие проблемы» (2006), «История и философия науки» (2011). Последний учебник отмечен Дипломом в номинации «Учебник XXI века» Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям и Оргкомитетом XXIV Московской международной книжной выставки-ярмарки 2011 г. По инициативе В. С. Стёпина была подготовлена и издана «Новая философская энциклопедия» (в 4 т.). Он был

председателем научно-редакционного совета энциклопедии и автором ряда ее ключевых статей. С 1999 г. по настоящее время В. С. Стёпин – президент Российского философского общества. С 2005 г. руководит Секцией философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН.

В. С. Стёпин – иностранный член НАН Беларуси (1995), иностранный член НАН Украины (1999), заслуженный профессор МГУ (1999), почетный доктор Новгородского университета (1999), почетный доктор Новгородского государственного университета (1999), почетный доктор Ростовского государственного университета (2002), почетный член Международной академии науки, образования и передачи технологий (ФРГ, 1992), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (1999), действительный член Международного института (академии) философии в Париже (2001), почетный профессор Института философии академии общественных наук КНР (2005), действительный член Международной академии устойчивого развития и технологии (2009), почетный профессор Белорусского государственного университета (2009), почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (2010), действительный член Международной академии философии науки (2010).

Научные заслуги академика Вячеслава Семеновича Стёпина отмечены орденами Дружбы народов (1986) и «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1999), а также Государственной премией Российской Федерации в области науки и техники (2004).

А. Н. Данилов, Л. М. Томильчик

БЕЛАРУСЬ НАВСЕГДА В ЕГО СЕРДЦЕ И ТРУДАХ

Так сложилось, что Беларусь навсегда стала для Вячеслава Семеновича Стёпина родной. И хотя родился он в Брянской области Российской Федерации, своей малой родиной по праву считает столицу Беларуси – город Минск. Сюда на работу в 1946 году был направлен его отец – Семен Николаевич Стёпин, фронтовик, орденосец, выпускник Московской партийной школы 1941 года. Впоследствии Семен Николаевич возглавил телерадио комитет БССР и много сделал для развития и оснащения этой новой тогда для Беларуси структуры. Сегодня, размышляя о выдающихся научных достижениях его сына – Вячеслава, об истоках таланта, целеустремленности, трудолюбии, мы видим, что многое было заложено в учительской семье его родителей, непростом детстве, которое пришлось на время тяжелейших потрясений и испытаний нашей общей Родины, выпавших и на его долю. Минск 1946 года... разрушенный, но непобежденный. Повсюду следы минувшей войны, немецкие военнопленные... Еще возвращаются фронтовики, а жители белорусской столицы уже полностью окунулись в мирную жизнь – на месте бывших землянок вырастают новые дома, кругом кипит работа, каждый день свадьбы, полным ходом восстанавливаются промышленные предприятия, возобновили работу школы и вузы. Многие приходится отстраивать заново. Но какие могут быть трудности, когда одержана такая великая победа, а впереди – целая жизнь. Двенадцатилетний Вячеслав с мамой – Антониной Петровной – возвращается из эвакуации, из Саратова, и определяется в 4-ю среднюю школу г. Минска для продолжения образования.

Послевоенное детство... опасное и счастливое одновременно. Гордость за свою страну, отцов-победителей, дворовые баталии за лидерство, увлечение спортом, любознательность, неподдельный интерес к новому, свободомыслие, выбор своего жизненного пути. В 1951 году Вячеслав Стёпин определяется в своем выборе и поступает на философское отделение исторического факультета БГУ.

За почти вековую историю в этом старейшем белорусском вузе подготовлено немало выдающихся исследователей – математиков, естествоиспытателей, специалистов в области технических наук, гуманитариев. Имя всемирно известного ныне ученого, академика Российской академии наук, философа

Вячеслава Семеновича Стёпина навсегда вписано золотыми буквами в историческую летопись БГУ. С 2009 года академик В. С. Стёпин — почетный профессор Белорусского государственного университета. Здесь он получил философскую подготовку, здесь был признан как талантливый и перспективный ученый и избран заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов. Именно в этих стенах зародились и сформировались философские идеи В. С. Стёпина, которые послужили основой его триумфального восхождения на всесоюзный академический, а затем и мировой философский Олимп.

В бурном перестроечном 1987 году заведующий кафедрой БГУ В. С. Стёпин избирается на должность директора московского Института истории естествознания и техники АН СССР, чтобы через год возглавить ведущий академический центр по общественным наукам — Институт философии АН СССР. За свои выдающиеся работы, которыми В. С. Стёпин обогатил философию и методологию науки, он избирается действительным членом Российской академии наук, становится лауреатом Государственной премии России, почетным доктором многих ведущих университетов, иностранным членом Национальных академий Беларуси, Украины, а также ряда старейших академий мира. Его книги и статьи на основных языках ученого мира издаются престижными научными центрами и получают самую высокую оценку. Коллеги уже не одно десятилетие подряд избирают его своим лидером — президентом Российского философского общества.

Но начиналось все это с его университетских исследований, со статей в авторитетных профильных журналах и, наконец, монографии, опубликованной в издательстве Белорусского государственного университета. В знак признания значимости личного вклада В. С. Стёпина в развитие мировой науки и в связи с 90-летием образования университета была издана книга ученого «Научное познание в социальном контексте. Избранные труды» (2012, БГУ). Это не просто сборник избранных, опубликованных ранее работ известного автора. Большинство из публикуемых материалов заново отредактировано и, главное, выстроено таким образом, что реально демонстрирует этапы развития идей ученого, глубину погружения в проблему, логическое восхождение от первоначального замысла к четко сформулированной и обоснованной новой научной парадигме. Как выяснилось, эта парадигма оказалась чрезвычайно перспективной, откликаясь на запросы интеллектуальной среды как второй половины XX, так и первого десятилетия XXI в. Ее разработка потребовала переосмысления накопленного материала философии и методологии науки и глубокого анализа основных этапов истории науки.

Для тех, кто хорошо знаком с творчеством Вячеслава Семеновича и его работами последних лет, книга «Научное познание в социальном контексте. Избранные труды» — как бы реконструкция идей ученого, исследование процесса их зарождения, углубления и развития. Материалы, опубликованные в данной книге, впервые увидели свет в Белорусском государственном университете. Без преувеличения можно сказать, что все это — достояние созданной профессором В. С. Стёпиным Минской методологической школы, которая продуктивно работала в БГУ в 1970–80-е годы и благодаря которой университет превратился в те годы во всемирно известный философский центр. В рамках данной школы развивались стёпинские идеи о генезисе и механизмах развития теоретического знания, взаимодействия научной картины мира, теоретических схем и философских оснований науки, динамики идеалов и норм научного познания и др.

Вокруг В. С. Стёпина всегда как-то совершенно естественно формировалась интеллектуально насыщенная среда, которая притягивала талантливых и интересных людей. Невольно возникает в памяти остроумный эпизод из ставшего классическим фильма Леонида Гайдая «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», когда увлеченный процессом доказательства студент никого и ничего вокруг себя не замечает. Ему уже не хва-

тает двери в аудитории, которую он приспособил в качестве учебной доски, и он плавно переходит на паркетный пол в коридоре. Вячеслав Семенович любит вспоминать, как с одним из авторов этой статьи (Л. М. Томильчиком), забыв о заказе, они часами обсуждали проблемы квантовой механики в привокзальном ресторанчике. Вместо учебной доски или тетради использовались бумажные салфетки. В этот момент ничто не могло отвлечь их от захватывающего занятия, и только официантки, с пониманием относившиеся к причудам своих клиентов, любезно приносили дополнительные порции салфеток.

Возможно, сегодняшним нашим коллегам это трудно представить, но было такое время, когда наука в обществе воспринималась как особая ценность и, естественно, ученые, особенно физики, были настоящими кумирами молодежи. Коллеги и друзья Вячеслава Семеновича с восторгом вспоминают счастливые 1980-е годы, когда В. С. Стёпин возглавил кафедру философии в БГУ. На кафедре сразу возникла творческая атмосфера, сформировался коллектив единомышленников, стало интересно жить и трудиться. Помимо напряженной работы со студентами, аспирантами и докторантами, на кафедре стали готовиться и регулярно выпускаться коллективные монографии, оригинальная учебная литература. Довольно быстро кафедра приобрела всесоюзный авторитет. В частности, только один факт, что кафедра стала базой для проведения круглых столов ведущего союзного академического издания «Вопросы философии», с участием философской элиты того времени, уже говорило о многом. Ярким штрихом, характеризующим атмосферу кафедры тех лет, являются и ставшие традиционными совместный отдых, выходы на тропу здоровья, организация водных походов на байдарках по Свислочи, Днепру, Западной Двине. Эти отчаянные романтики сами снимали кино, прекрасно знали литературу, искусство, писали стихи. Новые белорусские робинзоны замирали, когда на привале у костра Вячеслав Семенович читал стихи любимых ими поэтов – Б. Пастернака, М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Вознесенского, произведения классиков белорусской литературы – Якуба Коласа, Янки Купалы, Аркадия Кулешова. В такие минуты привал затягивался далеко за полночь и поддержанный дружной компанией превращался в настоящий поэтично-песенный конкурс. Здесь находилось место всему: и обмену мнениями о новой книге, интересной статье, просто оригинальной идее; исполнению авторской песни под гитару; задушевному человеческому разговору. Ну и, конечно, спорили до хрипоты, до самого рассвета. В этой связи вполне естественным смотрится в приложении фундаментальной книги академика В. С. Стёпина «Цивилизация и культура» (2011, Санкт-Петербург) текст его выступления в клубе «Свободное слово» на тему «Пушкин в эпоху кинематографа и компьютерного письма». Произведения своих любимых поэтов Вячеслав Семенович и сегодня готов по памяти читать часами – и как читать... Такие минуты не забываются никогда.

Сегодня мы все не удовлетворены уровнем знаний выпускников средней школы, отмечаем формализм и бюрократизацию высшей школы. В этих условиях особенно недопустимым выглядит постоянная тенденция к сокращению дисциплин обществоведческого цикла, фактическая дегуманизация образования. Раньше никому даже в голову не могла прийти мысль об ограничении преподавания гуманитарных дисциплин в вузах. Студент получал фундаментальную подготовку, приобретая широту кругозора, умение хорошо разбираться не только в своей будущей специальности, но и в вопросах культуры, искусства, литературы. Семинары превращались в настоящие интеллектуальные баталии. Стёпинская непредвзятость, увлеченность, открытость объединяла вокруг него людей с разными взглядами. Умение вести дискуссию на любом уровне без малейшей зашоренности, осуществляя сближение зачастую самых полярных позиций, неизменно уважая

при этом точку зрения оппонента, создавало неповторимое обаяние личности, притягивающей самых талантливых и перспективных.

Во время презентации своей новой книги в родном университете Вячеслав Семенович с удовлетворением отметил, что из семи основных научных идей, которые обычно выделяют в его работах эксперты, шесть были высказаны в белорусский период его жизни и деятельности на кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. Символичным выглядело и то, что презентация книги проходила в нынешнем здании ректората, где раньше находился физико-математический факультет, куда В. С. Стёпин приходил, чтобы прослушать курс лекций по физике. В этом присутствующие заметили некий символ, характеризующий последовательность шагов В. С. Стёпина в области методологии науки. В свое время он начал с истории и методологии физики — науки, имеющей достаточно жесткий понятийный аппарат и строгую логическую структуру. Это не могло не найти свое воплощение во внутренней строгости философского мышления и методов анализа, характерных для его творчества. В наши дни это особенно важно, поскольку в массе сегодняшних публикаций не всегда удается отличить собственно философский текст от похожего внешне, но фактически не имеющего никакого отношения к философии.

В. С. Стёпин как лидер Минской философской методологической школы второй половины XX века не только много сделал для развития философской науки в Беларуси, но и обогатил мировую науку новыми оригинальными идеями. Перечитывая тексты В. С. Стёпина, даже давние, вновь и вновь убеждаешься в том, что они по-прежнему свежи, интересны и исключительно современны. С одной стороны, это своего рода портрет «постоттепельного» этапа развития советской философии, с другой — совершенно актуальные положения и идеи, которые и сейчас работают и все еще не до конца освоены. Концепция теоретического знания, его структуры и генезиса, разработанная Вячеславом Семеновичем еще в минский период его деятельности, остается одной из самых содержательных и перспективных в области современной философии и методологии науки в целом.

Академик В. С. Стёпин принадлежит к исследователям, которым как воздух необходима «живая коммуникация», способствующая генерации новых идей. В этом отношении ему сказочно повезло. В тот период, когда он учился в Белорусском государственном университете, чуть ли не единственным средством, позволяющим свести к минимуму идеологический догматизм официальной философии, мог быть только высокий уровень естественнонаучного образования. И университет как раз располагал соответствующими кадрами: преподавание теоретической физики находилось в руках высокопрофессиональных специалистов, абсолютно не подверженных влиянию идеологической конъюнктуры. К примеру, превосходный спецкурс по общей теории относительности читал доцент И. З. Фишер, воспитанный на известном многотомном курсе Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшица. Что же касается курса квантовой механики, то читавший его Ф. И. Федоров, будучи прямым учеником академика В. А. Фока, естественно, полностью разделял не только научные, но и общеметодологические позиции своего учителя по ключевым проблемам физики. Оба выдающихся физика читали предусмотренные учебной программой курсы лекций по физике и для студентов философского отделения. Студент Стёпин своими познаниями и интересом к предмету произвел настолько сильное впечатление на И. З. Фишера, что он буквально потребовал, чтобы тот сменил факультет.

В. Стёпин устоял, но, получив необходимое официальное разрешение, в течение ряда семестров посещал лекции на физфаке, углубляя свои знания в области математики и физики. Тогда он принял твердое решение — специализироваться в области философии

естествознания — и поставил своей задачей соединить углубленную философскую подготовку с изучением физики.

Уже в стенах университета студент-старшекурсник, а затем аспирант В. Стёпин отличался энциклопедическими познаниями в области истории философской мысли и был досконально знаком с основными трудами крупнейших мыслителей — от Платона и Аристотеля до Спинозы, Гегеля, Канта, Маркса и лидеров школы неопозитивизма. В стремлении преодолеть ограниченность гносеологии позитивизма он остановил свой выбор на использовании такой теоретико-познавательной «системы координат», в которой нет места субъекту созерцающему, объект познания задан на срезе его инструментальных целенаправленных манипуляций с природными структурами, а освоение всего того, что возникает в таком процессе, происходит в системе конкретной социально организованной практики. Он твердо придерживался сформулированного им же самим необходимого условия содержательности конкретно-методологического исследования: эмпирическим материалом для методологии науки являются оригинальные, желательно неадаптированные научные тексты, написанные создателями нового знания собственноручно. Это был основной принцип его будущих исследований, своего рода базис намеченной им собственной исследовательской программы.

Высокий уровень физико-математической подготовки дал ему возможность реализовать этот принцип в процессе анализа трудов Галилея, Гюйгенса, Кулона, Фарадея, Ампера, Эрстеда, Вебера и выявить некоторые общие приемы построения конструкций, которые получили название «первичных теоретических схем». Вполне естественно, что очень скоро на повестку дня встал вопрос о выявлении механизма построения развитой теории.

Решение этой проблемы, естественно, потребовало реконструкции соответствующих фрагментов истории науки.

Первой из них стала реконструкция процесса построения Д. Максвеллом теории электромагнитного поля. В этом исследовании в роли «подручного сталевара» посчастливилось выступить одному из соавторов данной статьи (Л. М. Томильчику). В процессе анализа трудов Максвелла не раз пришлось убеждаться в исключительной продуктивности стёпинской методологической концепции. В итоге были раскрыты основные операции построения развитой теории на этапе классического естествознания.

В последующем В. С. Стёпин показал, как изменяется стратегия теоретического поиска в неклассической науке. Для этой цели он осуществил реконструкцию процесса построения квантовой электродинамики, акцентируя внимание на процедурах Бора-Розенфельда, обеспечивших адекватную интерпретацию математического аппарата теории. Он досконально разобрался в этой непростой даже для профессионального физика-теоретика проблеме, причем совершенно самостоятельно, не прибегая к чьей-нибудь посторонней помощи. В результате были выявлены инвариантные, типовые процедуры построения развитой теории и их специфические особенности, отличающие формирование современных (неклассических) теорий от классических образцов.

Свои идеи В. С. Стёпин смело апробировал в Институте физики в дискуссиях с академическими учеными. Одобрение взыскательной профессиональной аудиторией новой оригинальной концепции, выдвинутой молодым ученым, явилось серьезным ободряющим сигналом. Затем пришло признание, напряженная совместная работа и дружба с основными оппонентами. Это сейчас такие понятия, как «исследовательская программа», «предварительная онтологическая схема, определяющая выбор средств исследования», «конструктивное обоснование теоретических моделей» и т. п., прочно вошли в арсенал современной методологии науки. А тогда все это еще носило во многом гипотетический характер. Сама же проблема выявления логики научного открытия, поставленная

в свое время позитивизмом и отправленная ими же целиком в сферу подсознательного, представлялась заоблачно недоступной. В стёпинской интерпретации эта проблема существенно «приземлялась»: нужно выявить в оригинальных текстах, написанных собственноручно первооткрывателями, детерминированную последовательность шагов, совершаемых в строгом соответствии с выбранной ими же самими стратегией исследования. Если же эта стратегия по ходу дела варьируется, то следует установить, в чем именно выражается произведенная коррекция и чем она вызвана.

Реконструкции процесса создания классической и квантовой электродинамики позволили установить некоторые общие «правила построения» теории. В частности, такой типовой прием, как трансляция теоретических объектов из одной предметной области в другую, должен обязательно сопровождаться их конструктивным переопределением, адаптацией к новой описываемой реальности. В противном случае за ними сохранится первоначальный смысл, и попытки их использования в новом качестве чреваты появлением парадоксов. Уроки такого рода сегодня нельзя игнорировать.

Все эти идеи и методологические результаты опубликованы в фундаментальной монографии «Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики)» (Минск, 1976 г.). В ней автором разработана концепция структуры и генезиса научной теории, которая в дальнейшем нашла широкий круг приложений в методологии естественных и технических наук и стала основой становления Минской методологической школы. Это было действительно объединение единомышленников в области философии науки, ядро которого складывалось благодаря открытым дискуссиям и результативной коммуникации В. С. Стёпина сначала с физиками Академии наук Беларуси, а затем и творческой работе с сотрудниками своей кафедры, докторантами и аспирантами. Среди его учеников — сегодня широко известные и признанные в Беларуси ученые, доктора философских наук А. Н. Елсуков, В. Ф. Берков, Л. Ф. Кузнецова, А. И. Зеленков, Я. С. Яскевич, М. А. Можейко, которые уже своим ученикам приносят идеи своего маститого учителя.

В. С. Стёпин — необыкновенно увлеченный оратор, яркий и неповторимый лектор, заряжающий своих слушателей энергией научного поиска и созидания, в его аудитории всегда царит ее величество — живая мысль. Он интересен во всем — манере общения, интонации, реакции на малейшее непонимание слушателей, умении быстро и системно мыслить. Вячеслав Семенович уже более полувека совмещает свою работу в Академии наук с преподаванием и непосредственным общением с аудиторией. За это время кафедра стала для него жизненной потребностью. А все ведь начиналось с работы в Белорусском политехе. Белорусские обществоведы в Национальной академии наук Беларуси, где Вячеслав Семенович (как бы это странно ни звучало) избран в 1998 году иностранным членом (академиком), и преподаватели белорусских вузов хорошо знают творчество академика В. С. Стёпина, с интересом следят за его новыми работами.

Минской философской методологической школой в 1970–80-е годы была подготовлена целая серия коллективных монографий, вышедших в свет под редакцией В. С. Стёпина, опубликованных в издательстве Белорусского государственного университета. В своих разделах В. С. Стёпин развивает новые идеи, которые только обозначались в его первой крупной монографии. В частности, более аналитично проработана проблематика оснований науки: выявлена структура научной картины мира и ее функции как формы систематизации знаний и как исследовательской программы, раскрыта ее роль в выдвижении гипотез и проанализированы изменения благодаря обратному воздействию на нее конструктивно обоснованных теоретических схем; прослежена историческая эволюция идеалов и норм науки; выявлена структура и динамика философских оснований науки, обеспечивающих обоснование научных знаний и их включение в культуру. Далее по-новому

ставится проблема природы философского знания и его способности заранее генерировать категориальные матрицы, необходимые для освоения наукой новых типов системных объектов. С позиции этих идей В. С. Стёпиным проведен анализ научных революций в контексте взаимодействия внутринаучных и социокультурных факторов.

Сегодня академик В. С. Стёпин — один из самых известных российских философов, его труды переведены на основные языки мира, он имеет один из самых высоких рейтингов цитирования среди российских обществоведов.

В юбилейных книгах (Festschrift), посвященных его творчеству, принимали участие ведущие философы мира, а также известные естествоиспытатели (в том числе и лауреат Нобелевской премии И. Пригожин).

Многие из полученных В. С. Стёпиным научных результатов коллеги оценивают как крупные открытия, формирующие новые подходы и направления в современной философии.

Систематизацию этих оценок можно найти в статье «Масштаб личности», посвященной достижениям В. С. Стёпина, в журнале «В мире науки» (гл. редактор С. П. Капица, 2006 г., № 4), который выходит на русском и английском языках в России и США.

В сходном ключе оценивал вклад Стёпина в развитие современной философии известный философ и математик, Президент Международного Института (академии) философии (Париж) Ханс Ленк. В своем докладе по поводу присуждения Стёпину высшего академического титула Университета г. Карлсруэ¹ — почетного доктора (Honoris Cause) он выделил ряд принципиально новых идей, которыми Стёпин обогатил мировую философию².

Отмечая неизменно высокую оценку творчества академика В. С. Стёпина, следует еще раз назвать главные его научные достижения:

- детальный анализ структуры научного знания, создание целостной концепции его динамики;
- открытие процедуры конструктивного обоснования и решение проблемы генезиса парадигмальных образцов в составе теории (проблема поставлена Т. Куном, но не была решена в западной философии науки);
- анализ структуры и функций оснований науки. Ученый представил их и как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. Под этим углом зрения он выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность и обеспечивают включение новых научных теорий и фактов в поток культурной трансляции;
- разработка концепции философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, раскрытие механизмов, обеспечивающих эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании;
- выявление и детальный анализ исторических типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая наука);

¹ Университет г. Карлсруэ входит в число престижных вузов мира. Он славен своими традициями (здесь профессор Герц открыл в эксперименте электромагнитные волны, профессор Бенц изобрел новый тип двигателя внутреннего сгорания, открыв новую эру автомобилестроения и стимулировав создание известной фирмы «Дайм-лер-Бенц», а затем переименованную в «Мерседес-Бенц»). В наше время Университет г. Карлсруэ на протяжении ряда лет сохраняет первенство в качестве лучшего исследовательского университета Германии.

² Ленк Х. О значении философских идей В. С. Стёпина // Российская философия продолжается: из XX века в XXI. М. : РОССПЭН, 2010. С. 31–35.

• разработка концепции типов цивилизационного развития, синтезирующей позитивное содержание «формационного» и «цивилизационного» подходов к анализу общества. Анализ с этих позиций базисных ценностей современной техногенной цивилизации и возможных сценариев ее развития.

Многие из перечисленных выше достижений академика В. С. Стёпина были получены им еще в период работы в БГУ, в родной Беларуси. Уже более четверти века Вячеслав Семенович живет и работает в Москве, но ежегодно он с радостью приезжает в Минск, где остались друзья, родные, близкие, коллеги, ученики, где прошли детство, юность, где он сделал свои первые открытия и поверил в себя. Сегодня достижения академика В. С. Стёпина широко признаны в мире, ими активно пользуются представители как гуманитарных, так и естественных наук. Более того, Вячеслав Семенович не стоит на месте, он постоянно расширяет свой научный поиск, осваивая все новые и новые области знания. Многолетний лидер российского обществознания – Вячеслав Семенович Стёпин все больше становится и моральным авторитетом научного сообщества. На его долю выпало немало испытаний, но он сумел пройти их достойно, не запятнав свое доброе имя в науке, не позволив себе пойти на сделку с совестью.

Годы совершенно не властны над ясным умом и поистине детской увлеченностью Вячеслава Семеновича. Он по-прежнему молод душой, динамичен, способен удивляться и радоваться новому, очень много работает, одновременно выполняя множество самых разных и очень нужных и важных дел, при этом умудряется оставаться открытым и доступным к дружескому общению и рыцарским поступкам. Мы уверены, что он еще не раз порадует нас своими новыми фундаментальными достижениями.

**ФИЛОСОФИЯ
И СИСТЕМНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

- Л. М. Штомльчик.* Стёпинская модель историко-методологической реконструкции – ключ к пониманию процесса научного открытия
- П. А. Водопьянов.* Контуры новой цивилизации в контексте идей коэволюционной стратегии
- А. А. Лазаревич.* Современные тенденции цивилизационного развития и проблема общественного понимания науки
- А. В. Рубанов.* Социальное развитие: к вопросу о механизмах и ценностных ориентирах
- Я. С. Яскевич.* Коммуникативная рациональность в контексте жизненного мира
- М. А. Можейко.* Феномен неравновесных культурных сред и проблема нелинейного моделирования в гуманитаристике
- А. Н. Елсуков.* Техничко-теоретическая обусловленность эмпирического познания и формирования фактов науки
- В. Ф. Берков.* Научное открытие как предмет диалогии
- С. А. Шавель.* Социологические мотивы в творчестве академика В. С. Стёпина
- В. П. Новиков, О. В. Новикова.* Генезис философии истории как теоретико-методологическая проблема
- П. Г. Румянцева.* О новом понимании системной функции и места «Феноменологии духа» в учении Г. Гегеля
- С. В. Воробьева, А. А. Левиллин.* Логико-методологические аспекты кросс-культурных исследований

Л. М. Томльчик

СТЁПИНСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ПРОЦЕССА НАУЧНОГО ОТКРЫТИЯ

Если бы в философии и методологии науки регистрировались открытия, то Вячеслав Семенович Стёпин, несомненно, оказался бы в числе главных претендентов на первую премию. Его вклад в эту область современного знания настолько велик, что жизнь и творчество этого ученого сами по себе могут служить объектом исследования на предмет выявления логики научного открытия.

На роль конструктивной методологии научного (прежде всего естественнонаучного) познания в свое время, причем не без основания, претендовал позитивизм. Однако заявленная им амбициозная программа реконструкции философии так и осталась неосуществленной. Я полагаю, что первым важным моментом в формировании стёпинской методологической парадигмы стало четкое осознание основной причины нереализуемости позитивистской концепции: она рассматривала науку как некое замкнутое самодостаточное образование, вне всякого социокультурного и деятельностного контекста. Еще одним слагаемым последующих успехов стало обращение к теоретико-познавательной «системе координат», в которой нет места созерцающему субъекту, объект познания задан на срезе инструментальных целенаправленных манипуляций с природными объектами, а освоение всего того, что возникает в таком процессе, происходит в системе конкретной социально организованной практики.

Исключительно удачным, с точки зрения выработки конкретных приемов методологического анализа и проверки их эффективности, оказался выбор в качестве приоритетного объекта исследования именно физической науки и истории ее формирования. Здесь нельзя не отметить, что степень физико-математической подготовки выпускника истфака Белгосуниверситета Стёпина позволяла ему самостоятельно осваивать не только учебную, но и специальную монографическую литературу по интересовавшим его вопросам физики. Вообще говоря, на вопрос о том, в каком направлении следует искать логику открытия, или, точнее говоря, можно ли установить какие-либо типовые

приемы генерации нового научного знания, существует два варианта ответа. Нужно либо уметь разгадывать «подсказки» Природы, либо научиться проникать в замысел Создателя.

Казалось бы, наиболее естественным выглядит первый вариант. Однако, как тонко заметил в свое время Гайзенберг, «то, что мы изучаем, не есть мир сам по себе, а мир, каким он предстает перед нами благодаря нашему способу задавать вопросы». Сведения о способе задавать вопросы и получать адекватные реальности ответы «вмонтированы» в систему научного знания о мире, и только сквозь призму «внутреннего устройства» этого знания естествоиспытателю дано «увидеть» структуру этого мира.

Остается второй вариант, но с одним уточнением. Поскольку до Создателя, как известно, очень далеко, то стоит попытаться эксплицировать «замысел» каждого конкретного создателя новой успешной теоретической концепции, для чего, следуя совету Эйнштейна, не нужно спрашивать теоретика, как он работает, а обратиться к анализу его трудов.

Иными словами, реальная логика любого научного открытия должна «в закодированном виде» содержаться в авторских текстах — первоначальных, неадаптированных, черновых набросках — либо в напечатанных работах, опубликованных «по горячим следам». Именно обращение Стёпина к оригинальным текстам создателей нового знания в качестве основной «эмпирической базы» конструктивной теории познания сыграло роль того «ключевого камня», который цементировал всю методологическую концепцию и поставил ее на прочную экспериментальную основу.

Продуктивность этой идеи блестяще продемонстрировал сам ее автор в своих первоначальных конкретно-методологических исследованиях, обратившись к анализу трудов Кулона, Гильберта, Фарадея, Ампера, Эрстеда, Вебера и других. На этом пути ему удалось выявить некоторые общие приемы построения конструкций, получивших впоследствии название «первичных теоретических схем».

Естественно, что после этого на повестку дня встал вопрос об апробации предложенной концепции применительно к генезису структурных образований более высокого уровня — развитых физических теорий. Проблема выявления логики научного открытия, поставленная в свое время позитивизмом и отправленная им же целиком в область подсознательного, представлялась заоблачно недоступной. В стёпинской трактовке она существенно «приземлялась»: нужно выявить в оригинальных текстах, написанных первооткрывателем, детерминированную последовательность шагов, совершаемых в строгом соответствии с выбранной им же стратегией исследования. Если же эта стратегия по ходу дела варьируется, то следует установить, в чем именно выражается произведенная коррекция и чем она вызвана. Иными словами, речь шла о необходимости некоторой историко-методологической реконструкции подходящего «эмпирического материала».

Обращение Стёпина к исторически первой развитой теории — механике Ньютона — оказалось разочаровывающим: в бессмертных ньютоновских «Началах» итоги двадцатилетнего труда представлены в готовом виде, логика же изложения результатов и логика их получения, разумеется, не совпадают. Однако нам с Вячеславом Семеновичем сказочно повезло с другим важнейшим этапом в истории физики, связанным с возникновением электродинамики Максвелла. Еще в 1952 г. в серии «Классики науки» в переводе на русский язык было воспроизведено практически все, опубликованное Максвеллом по этому вопросу с 1855 по 1873 г., начиная с первых эскизных набросков теории и заканчивая полной самосогласованной системой уравнений. Я познакомился с этими текстами еще в 1954 году, пытаюсь найти ответ на давно интересовавший меня вопрос о происхождении знаменитого максвелловского тока смещения. Поскольку тогда я не владел приемами исторической реконструкции, попытка оказалась безуспешной.

Реконструкция истории создания электродинамики Максвелла была произведена в конце 1960-х гг. «в четыре руки». Ее результаты представлены в двух фундаментальных монографиях Стёпина («Становление научной теории» и «Теоретическое знание»), а мои собственные воспоминания и размышления об этом периоде нашли отражение в юбилейном сборнике «Человек, наука, цивилизация», посвященном Вячеславу Семеновичу. Основным конкретным результатом этой деятельности было решение проблемы появления тока смещения и деазуирование широко распространенных и постоянно тиражируемых исторических мифов — наподобие приписывания Максвеллу такого приема, как использование соображений симметрии.

Неоценимым достоинством стёпинского подхода является его существенно конструктивный характер. Оба ключевых элемента предлагаемой парадигмы — предварительное онтологическое видение ситуации (картина мира), определяющее стратегию поиска, и выбор средств его реализации, а также экспликация модельного каркаса вместе с соответствующими математическими структурами задаются «здесь и сейчас», т. е. формируются исключительно на базе наличного научного и социально-культурного материала, принципиально доступного тому или иному первооткрывателю в процессе его деятельности.

Тем самым не только элиминируется возможность проявления эффекта ретроспективы¹, но и открывается возможность эффективной трансляции метода на исследование других важных аспектов процесса формирования научного знания в системе культуры.

При этом удается по-новому взглянуть на некоторые моменты в развитии уже, казалось бы, досконально изученных сюжетов. В качестве наглядной иллюстрации к сказанному мне хотелось бы обратиться к двум ключевым эпизодам, относящимся к становлению квантовых представлений в первой четверти минувшего столетия. Это — история формирования первоначальной Боровской теории атома и его спектров, а также — причудливый (я сказал бы — «остросюжетный») сценарий становления эйнштейновской концепции световых квантов.

Первой из этих тем посвящена обширнейшая литература, включающая ряд фундаментальных монографий. Кроме того, она тиражирована бесчисленное число раз в стандартных учебных пособиях по физике с систематическим воспроизведением полного набора соответствующих «исторических легенд» (вроде приписывания Бору авторства правила селекции стационарных электронных орбит путем квантования углового момента).

Как хорошо известно, «моментом истины» в процессе возникновения модели Бора оказалась «стыковка» ее чисто механической составляющей со спектроскопической схемой Ритберга — Ритца. Дата этого события (начало февраля 1913 г.) наравне с другими деталями чисто психологического свойства («Как только я увидел формулу Бальмера, мне сразу стало все ясно» — часто цитируемые слова самого Бора) зарегистрированы в многочисленных литературных источниках. Одновременно при этом либо явно утверждалось, либо молчаливо предполагалось, что увиденная Бором формула, воспроизводящая спектральные серии атома водорода, является *эмпирической*.

Должен признаться, что вплоть до конца 1980-х годов, когда началось мое незабываемое творческое сотрудничество с известным физиком-спектроскопистом и историком науки М. А. Ельяшевичем, я придерживался такой же точки зрения (хотя, откровенно говоря, этот вопрос не казался мне тогда заслуживающим особого внимания).

Некоторые смутные сомнения по этому поводу возникли у меня в процессе завершения в начале семидесятых нашей с Вячеславом Семеновичем работы над Максвеллом,

¹ Главную трудность исторической реконструкции процесса научного открытия известный физик-теоретик, один из наиболее глубоких исследователей творческого пути Эйнштейна Абрахам Пайс охарактеризовал следующим образом: «Нужно на время забыть, что было после».

когда мы обнаружили, что тот в ходе «конструирования» своей теории не обращался напрямую к эксперименту, а манипулировал «первичными» моделями как своего рода «эмпирическими» объектами. Более того, сопоставляемые друг с другом в ходе этого процесса конструкции обязательно принадлежали, образно говоря, к одной и той же «весовой категории», т. е. имели одинаковый теоретический статус. Если полагать, что подобный «технический» прием является некоторым общим правилом, то ситуация с моделью Бора в случае естественных попыток транслировать принципы, апробированные в процессе реконструкции истории создания электродинамики Максвелла, на другие фрагменты истории физики выглядела бы достаточно тревожным исключением.

Ситуация изменилась в конце 1987 года, когда Михаил Александрович Ельяшевич, который в это время трудился над историей возникновения и развития теории Бора, пригласил меня к сотрудничеству. Замечу попутно, что Ельяшевич был близко знаком со Стёпиным, высоко ценил его как методолога науки и, естественно, знал о наших совместных с Вячеславом Семеновичем работах.

Собственно, он прямо сказал мне тогда, что чисто историческую сторону вопроса полностью берет на себя, а от меня ожидает вклада «по методологической части». Должен сказать, что Михаил Александрович оказался совершенно уникальным кладом информации, касающейся оригинальных авторских текстов, чему способствовала не только его поразительная память, но и свободное владение тремя основными европейскими языками (английским, французским и немецким).

В итоге мне представилась возможность «кроить» весь открывшийся передо мной богатейший «эмпирический» материал по стёпинским «методологическим лекалам». Я получил свободный доступ к обширной коллекции первоисточников, относящихся, с одной стороны, к ранним попыткам разобраться в структуре атома, а с другой — дать если не объяснение, то хотя бы описание особенностей атомных спектров. Вплоть до знаменательной даты своего пересечения в феврале 1913 года эти две ветви тогдашней физики микромира развивались фактически совершенно независимо.

«Пакет документов», относящийся к первой из этих линий развития, содержал, помимо обстоятельных сведений о трудах предшественников Бора, еще и полные тексты его опубликованных работ и ряда рукописных вариантов, а также интенсивную переписку 1911–1912 годов, что позволило отслеживать и последовательно реконструировать все промежуточные этапы Боровского движения от первоначальной постановки исследовательской задачи до итогового результата.

Вторая, чисто спектроскопическая, линия исследований также оказалась богато документированной, причем центральное место здесь занимали оригинальные работы шведского ученого Йоганнеса Ридберга и швейцарца Вальтера Ритца¹.

Первым объектом анализа стал отправной этап исследовательской работы Бора. Здесь четко обозначились следующие важные моменты. Прежде всего оказалось, что проблема структуры атома сама по себе не входила вначале в круг его непосредственных интересов. Хотя в 1912 году он уже находился в числе сотрудников той же лаборатории, в которой к этому времени уже состоялись знаменитые опыты по рассеянию альфа-частиц, и была получена известная формула Резерфорда, основанная на представлении о наличии внутри элементарной ячейки вещества компактного положительно заряженного центра (ядра). Дело в том, что Бор в этот период занимался решением другой задачи — описанием процесса торможения заряженных частиц, проходящих сквозь вещество. Он предпо-

¹ Подробное изложение результатов исследования этих материалов, проведенного совместно с М. А. Ельяшевичем и нашей младшей коллегой Н. Г. Кембровской, можно найти в журнале «Успехи физических наук» (рубрика «Из истории физики». № 12. 1990; № 4. 1995).

ложил, что частица, пролетающая возле атома, своим полем «раскачивает» квазиупруго связанный внутриатомный электрон, теряя тем самым свою энергию. Существенно то, что частота собственных колебаний электрона определяется из опытов по дисперсии света, так что эта теория Бора напрямую подтверждалась экспериментально (заметим, что она сохраняет свое значение и сегодня).

Достаточно популярная в то время атомная модель Томсона («размазанный» внутри атома положительный заряд и «плавающие» в нем точечные отрицательно заряженные электроны) обеспечивала квазиупругий характер связи. Однако результаты опытов Резерфорда поставили перед только что созданной, успешной теорией энергетических потерь очень серьезный вопрос о согласовании ее оснований с новой экспериментальной реальностью. Дело в том, что посредством силы кулоновского притяжения две заряженные частицы в принципе не могут быть связаны квазиупругим образом. С формально-математической стороны речь идет о невозможности сконструировать из наличных физических характеристик такой системы (зарядов и масс ее конstituентов) константу, имеющую размерность длины (т. е. фиксирующую размер атома). В модели Томсона эта проблема вообще не возникала, поскольку размер атома был величиной изначально заданной. Для электрона же в планетарной модели Резерфорда не существует, наглядно говоря, такого положения равновесия, относительно которого он мог бы колебаться. Поэтому уже простейшие из атомов — атомы водорода — не могут иметь в рамках такой модели фиксированного размера. Эта ситуация получила название проблемы *механической* неустойчивости «планетарного» атома. Бор был с самого начала озадачен поиском решения проблемы именно этой, а не *радиационной* неустойчивости (т. е. связанной с излучением волн ускоренно движущимся электроном). Следует подчеркнуть, что радиационная неустойчивость планетарной модели, на которую часто ссылаются при изложении истории возникновения первоначальной теории Бора, не имеет никакого отношения к реальному положению дел. В действительности в модели Бора заряд внутриатомного электрона был представлен исключительно как реагент внешнего поля (не создающий собственного поля), в силу чего вопрос о его излучении не мог быть в принципе поставлен без выхода за рамки модели.

Поэтому предпринятый Бором поиск «перманентного» (по его терминологии) состояния атома вообще не касался излучения, а диктовался необходимостью наделять атом Резерфорда фиксированным размером. Анализ текстов, относящихся к этому периоду, отчетливо выявляет ту эвристическую и конструктивную роль, которую сыграло в успехе этого поиска привлечение квантовых соображений. Все началось с наблюдения, что параметр размерности длины, совпадающий по порядку величины с характерным размером атома, конструируется из заряда электрона, его массы и постоянной Планка, а завершилось успешным обобщением планковской схемы квантования энергии гармонического осциллятора на случай Кеплеровой задачи.

Поскольку утверждение о том, что Бор при этом воспользовался условием квантования углового момента, является одной из наиболее устойчивых исторических aberrаций, имеет смысл в этом, по существу, центральном пункте расставить точки над *i*.

Известно, что реальное физическое содержание закономерности, впервые обнаруженной Планком в ходе решения задачи о нахождении вида функции, определяющей спектральную плотность равновесного излучения абсолютно черного тела, заключено в следующем соотношении, фиксирующем дискретный характер действия:

$$\frac{\text{энергия излучателя}}{\text{частота излучения}} = (\text{целое число}) \times (\text{элементарный квант действия}).$$

Бор предположил выполнение такой связи не только для энергии и частоты колебательного, но также и периодического движения электрона по эллиптической орбите в кулоновском поле неподвижного положительного заряженного центра. Затем, используя известную из классической динамики связь между энергией частицы и частотой ее обращения по орбите (третий закон Кеплера), получил явное аналитическое выражение для допустимых значений энергии электрона в виде комбинации из элементарно заряда, массы электрона и постоянной Планка (кванта действия), деленной на квадрат натурального числа, начиная с единицы. Вне всякого сомнения, Бор располагал этой формулой еще до того, как он познакомился с началами атомной спектроскопии.

Построенная таким путем полуклассическая механическая модель очевидным образом обладает всеми признаками частной теоретической схемы по классификации Стёпина.

Из всех источников, относящихся к этому периоду, с полной определенностью следует, что вплоть до первых чисел февраля 1913 года Бор был абсолютно не осведомлен в вопросах атомной спектроскопии. Для того чтобы понять, что именно и почему ему «стало ясно» при первом взгляде на формулу Бальмера, необходимо обратиться к историческому материалу, относящемуся к развитию этой ветви физической науки.

Возникновение спектроскопии в качестве отдельной научной дисциплины датируется 1859 годом, когда появилась пионерская работа Густава Кирхгофа «О фраунгоферовых линиях». Начальный период формирования этой области исследований характеризовался в основном накоплением эмпирического материала и попытками его систематизации.

Вплоть до успешной «высадки» на европейский континент в конце 1880-х годов электродинамики Максвелла и возникновения в начале 1890-х электронной теории Лоренца теоретическая физика фактически не располагала минимально необходимыми средствами адекватного моделирования процессов взаимодействия света с веществом. Поэтому первоначальные шаги в этом направлении стимулировались лишь общим интуитивным убеждением, что линейчатые спектры вещества каким-то образом отображают внутреннюю структуру его атомарных составляющих, а также четким пониманием тех возможностей, которые открывает исключительная точность оптических измерений.

Здесь первый «сюжетный поворот», важный в чисто конструктивном плане, связан с именем швейцарца Иоганна Бальмера, который в 1885 году подметил простую математическую закономерность, связывающую между собой в единую серию длины волн видимой области спектра атома водорода посредством целого числа, принимающего последовательный ряд значений.

Записанная для волновых чисел (т. е. фактически для частот излучения) формула Бальмера воспроизводила и другие, обнаруженные впоследствии, спектральные серии атома водорода. Набор частот каждой из них выражался через разность обратных квадратов двух целых чисел, причем одно из них было фиксированным для каждой серии, а другое — пробегало последовательный ряд возрастающих значений. Формула содержала единственную константу (известную теперь как постоянная Ридберга), общую для всех серий.

Никаких соображений относительно возможного происхождения такой числовой закономерности не было высказано. Тем не менее сама формула Бальмера стала своего рода нормообразующим ориентиром в процессе систематизации линейчатых спектров других атомов.

На этом пути к началу 90-х годов XIX столетия четко обозначились две конкурирующие линии исследования. Одна из них связана с именем Йохана Ридберга, вторая — развивалась усилиями немецких спектроскопистов Генриха Кайзера и Карла Рунге. Острое соперничество между ними завершилось в пользу Ридберга лишь на рубеже столетий.

Этот фрагмент истории развития атомной спектроскопии достаточно подробно описан в литературе.

Здесь, однако, существует один тонкий момент методологического порядка, который, насколько можно судить, оказался вне поля зрения подавляющего большинства исследователей этого периода истории физики. Речь идет о различии в подходах Ридберга и Кайзера – Рунге, в конечном счете, предопределившем фактический исход соперничества, который с чисто внешней стороны выглядит как торжество удачно угаданной математической структуры.

Как известно, полемика развернулась именно вокруг проблемы систематизации линейчатых спектров щелочных металлов, где к тому времени был накоплен значительный экспериментальный материал. Авторы обоих конкурирующих подходов объединяло понимание того, что требуемое аналитическое выражение для спектральных формул должно представляться такой функцией отрицательных степеней целого числа, которая в случае атома водорода переходила бы в формулу Бальмера. Кроме того, в обоих вариантах фигурировало одинаковое количество числовых параметров, подлежащих определению из сравнения с экспериментом. Различие же состояло в следующем.

Ридберг в своих поисках последовательно придерживался бальмеровской структуры в виде разности двух, имеющих одинаковую «внутреннюю» структуру, членов (названных впоследствии спектральными термами). Кроме того, у него только два из трех числовых параметров были свободно варьируемыми (для согласования с наблюдениями), третий же (названный впоследствии постоянной Ридберга) сохранял фиксированное значение.

Кайзер и Рунге исходили из общего, никак не структурированного трехчленного выражения, в котором варьировались не только все три константы, но и степени целого числа. Единственным целенаправляющим мотивом было достижение максимальной точности согласия с экспериментом.

Из сопоставления этих двух программ видно, что исследовательская деятельность Ридберга направлялась четко выраженными нормативными соображениями – универсальности (единая математическая структура, выделение общей константы) и простоты (минимизация количества базовых предположений). Хотя эти требования относились не к сфере конкретно-научных, а фактически к области методологических регулятивов, их применение *де-факто* повышало реальный статус такого подхода по сравнению с методом Кайзера и Рунге, в действительности не выведившим их построения за рамки чисто описательных схем эмпирического уровня.

Здесь необходимо упомянуть одну деталь, которая сыграла немаловажную роль в дальнейшей судьбе концепции Ридберга. Благодаря использованию универсального представления частот в виде разности двух термов он обнаружил, что, комбинируя попарно термы, взятые из двух разных спектральных серий некоторого атома, можно получить частоту, принадлежащую третьей серии того же элемента. Эта, впервые отмеченная Ридбергом, эмпирическая закономерность была впоследствии возведена в ранг спектроскопического закона, названного «комбинационным принципом» (термин предложен Ритцем в 1908 году).

Дальнейшее усиление теоретического статуса спектроскопической концепции Ридберга было осуществлено в работах Ритца, который, целиком базируясь на представлениях классической физики, сумел получить соотношения, поразительным образом воспроизводящие структуру и детали будущего квантовомеханического описания атомных спектров.

Вначале (1902–1903 гг.) Ритц моделировал наблюдаемые спектры картиной упругих колебаний квадратной мембраны, закрепленной по периметру. Ему пришлось для достижения согласия с наблюдениями модифицировать модель за счет наделения мембраны

псевдоевклидовой структурой, а также использовать дифференциальные уравнения, порядок которых заметно превышал общепринятый второй. Тем не менее на этом пути он сумел получить как формулу Бальмера, так и все формулы Ридберга, выражающие частоты через разность спектральных термов, в качестве строгих следствий найденных им уравнений. Более того, он смог обосновать сами эти уравнения в рамках вариационного принципа. Примечательно, что главным ориентиром в выборе исходной модели в виде именно двумерной упруго деформируемой структуры послужило то, что частоты ее собственных колебаний нумеруются парой целых чисел («дважды бесконечное множество» — как отметил Ритц). Это напрямую ассоциировалось с двойной нумерацией частот в подходе Ридберга. Любопытно, что аналогичными соображениями впоследствии руководствовался Гайзенберг, когда в середине двадцатых годов пришел к своей матричной формулировке квантовой механики (представление частот в форме квадратной матрицы).

Упругостная модель Ритца носит четко выраженный аналоговый характер, причем ее успех в воспроизведении структуры спектров, несомненно, связан с тем, что, как мы теперь знаем, для моделирования поведения частицы, «запертой» в ограниченной области пространства, картина стоячей волны значительно ближе к реальности, чем представление о корпускуле, помещенной в ящик, хотя, разумеется, физическая природа тех волн, о которых фактически идет речь, не имеет ничего общего с упругими колебаниями.

Попытки Ритца подвести под упругостную модель сколько-нибудь удовлетворительную физическую базу по вполне понятным в настоящее время причинам оказались безуспешными. Однако то обстоятельство, что сериальные формулы Бальмера и Ридберга, а также найденное самим Ритцем обобщение последней получались в рамках безупречной в математическом отношении аналоговой модели, придавало этим формулам вполне определенный теоретический статус.

В дальнейшем Ритц попытался привлечь к объяснению структуры линейчатых спектров представление о внутриатомных магнитных полях, порождающих соответствующий набор отдельных линий в духе открытого и объясненного к этому времени эффекта Зеемана (расщепление спектральных линий атома в магнитном поле). Для этой цели он «поместил» внутрь атома линейную цепочку магнитных диполей, построенных, в свою очередь, из элементарных магнитных зарядов. Остроумный характер этой модели отметил «по горячим следам» (в 1908 г.) Анри Пуанкаре, а ретроспективно (в 1954 г.) — Бор. Хотя эта экзотическая идея, естественно, не нашла впоследствии места в атомной физике, тем не менее мавр, как говорится, сделал свое дело. А оно заключалось в том, что магнитная модель не только воспроизводила наблюдаемую структуру сериальных формул.

Комбинационный принцип, носящий у Ридберга характер своего рода мнемонического правила, следовал из этой модели с той же необходимостью, с которой ток смещения возникал в свое время из максвелловской модели упруго деформируемого элементарного вихря.

Так или иначе, сериальные формулы Бальмера — Ридберга, равно как и комбинационный принцип Ридберга — Ритца, на исходе первого десятилетия XX века имели в глазах научного сообщества несомненный статус частных теоретических схем.

Во всяком случае, в монографии Иоганна Штарка «Принципы динамики атома, часть II. Элементарные процессы излучения» (1911 г.) подробно рассмотрены и водородная серия Бальмера, и спектральные серии других атомов по Ридбергу и Ритцу, на работы которых даны прямые ссылки. В частности, Штарк специально подчеркивает «заслугу Ритца» в том, что тот понял «действительное значение идей Ридберга».

Именно в этой книге Штарка в начале февраля 1913 года Бор впервые увидел формулу Бальмера, и ему не могло не броситься в глаза, что ранее найденная им формула для

энергетических уровней электрона в кулоновском поле ядра по своей структуре идентична выражению для спектральных термов атома водорода.

Тем самым было произведено отождествление по выделенному признаку (в данном случае — по одинаковой зависимости от целого числа) двух различных модельных объектов, каждый из которых принадлежал к «своей» первичной (частной) теоретической схеме.

После того как спектральный терм был идентифицирован как энергетический уровень, остальное оказалось «делом несложной техники». Элементарные соображения соблюдения энергетического баланса при излучении легли в основу второго боровского постулата (условия частот), который естественным образом включил комбинационный принцип в единую схему описания, известную сегодня как первичная квантовая модель атома Бора.

Не вызывает сомнения, что в момент знакомства со спектроскопической схемой Ридберга — Ритца Бор вполне адекватно воспринимал ее истинный статус. Так, ссылаясь на нее в первой части своей «Трилогии» 1913 года, он квалифицирует ее как «теорию Ридберга, обобщенную Ритцем», т. е. неэмпирический характер модели спектральных термов и комбинационного принципа для него очевиден. К сожалению, этот факт, наряду с пониманием того, что Ритц «стоял на плечах» Ридберга, еще не стал достоянием научного «общественного сознания». Сегодня, заглянув в Википедию, читаем: *«Комбинационный принцип Ритца — основной закон спектроскопии, установленный эмпирически Вальтером Ритцем в 1908 году».*

Обратимся теперь к ситуации с эйнштейновской концепцией квантов электромагнитного излучения, предложенной все в том же знаменательном 1905 году. На протяжении более чем десяти последующих лет она единодушно отвергалась тогдашними лидерами физической науки, начиная с Макса Планка, который, казалось бы, должен был только приветствовать автора, в подходе которого центральное место занимало знаменитое планковское соотношение, связывающее энергию с частотой. Однако события развивались по совершенно другому сценарию. Запредельный характер эйнштейновской гипотезы световых квантов представлялся научному сообществу настолько очевидным, что о ней вообще не упоминалось на Сольвеевском конгрессе 1911 года, в программе которого проблема «теория излучения и кванты» была предметом специального обсуждения. Более того, в широко известном рекомендательном письме, которое Планк совместно с тремя другими немецкими академиками — Вальтером Нернстом, Генрихом Рубенсом и Эмилем Варбургом — направил в Прусскую академию наук в связи с предполагаемым избранием Эйнштейна в ее состав, после исключительно высокой оценки научных достижений молодого исследователя группа маститых ученых сочла необходимым добавить следующее: *«То, что иногда в своих рассуждениях он заходит слишком далеко, как, например, в случае его гипотезы световых квантов, вряд ли следует ставить ему в вину...»* (1913 г.). К этому остается лишь добавить, что Роберт Милликен, получивший впоследствии (1923 г.) Нобелевскую премию, в частности, за экспериментальное исследование фотоэффекта, подводя в 1915 году итоги своей многолетней работы в этом направлении, отметил, что, несмотря на стопроцентное согласие формулы Эйнштейна для фотоэффекта с экспериментом, тот способ, которым эта формула была получена, абсолютно неприемлем.

В исторической литературе, включая современную, можно встретить даже утверждения о непонимании Планком истинного смысла концепции, предложенной Эйнштейном. Реальное положение дел легко разъясняется, если принять во внимание тот факт, что теоретик, оперируя теми или иными математическими структурами, одновременно имеет дело с определенными (идеальными) модельными конструктами. Именно эти объекты у Планка и у Эйнштейна различались существенным образом. В первом случае

«порции» энергии относились к модели *излучателя* (гармонический осциллятор), во втором — к структуре электромагнитного *излучения* (модель идеального газа, состоящего из отдельных корпускул).

Не вдаваясь в сопоставление деталей обоих подходов, проиллюстрируем ключевой пункт несовпадения позиций Планка и Эйнштейна, процитировав обоих авторов. Во вв-одном разделе своей статьи 1905 года Эйнштейн пишет: *«Я и в самом деле думаю, что опы-ты, касающиеся... групп явлений, связанных с возникновением и превращением света, лучие объясняются предположением, что энергия распределяется по пространству дискретно»*. С другой стороны, образно-метафорическое высказывание Планка по поводу этой идеи, часто цитируемое в литературе, гласит: *«Если пиво из бочки продается пинтами, то это еще не означает, что оно в таком виде уже содержится в бочке»*.

Остроту «общественного недоверия» к модели квантов излучения не могло смягчить даже очевидное согласие с наблюдениями формулы для фотоэффекта, полученной Эйнштейном. Дело в том, что картина энергетического обмена при выводе этой формулы фактически предполагала прямое соударение двух корпускул — света и вещества. Однако любая полноценная движущаяся корпускула должна обладать, помимо энергии, еще одной, пространственно направленной, характеристикой — количеством движения (импульсом), наличие которой в работе 1905 года вообще не учитывалось. Факт передачи импульса при взаимодействии «световой корпускулы» с частицей вещества был теоретически установлен Эйнштейном только в 1916 году, после чего фундаментальная идея дискретной структуры электромагнитного излучения начала обретать «права гражданства» в физике. Ее прямое экспериментальное подтверждение и триумфальное признание не заставили себя ждать (рассеяние фотонов на электронах — эффект Комптона (1922 г.), Нобелевская премия Эйнштейну в этом же году «в особенности за открытие закона фотоэлектрического эффекта»). Сам термин «фотон» появился несколькими годами позже, а его авторство принадлежит американскому физико-химику Герберту Льюису.

В заключение заметим, что эвристическая сила и исключительная продуктивность стёпинской методологии была проверена и продемонстрирована в весьма широком диапазоне — от истории формирования первоначальной квантовой теории Бора до современной теории электрослабых взаимодействий. Применение этой методологии позволило выявить особенности механизма принятия новых фундаментальных концепций научным сообществом и предложить критерии «ранней диагностики» псевдонауки.

П. А. Водопьянов

КОНТУРЫ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ КОЭВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

Достижения научно-технической революции в середине прошлого века привели к резкому обострению противоречий во взаимоотношениях человека и природы, представляющих реальную угрозу дальнейшему существованию людей. Уже сегодня многие регионы можно без преувеличения отнести к зонам экологического бедствия, в которых невозможна нормальная жизнедеятельность людей. Стремительно нарастает экологический кризис как следствие несоответствия законов социально-экономического развития законам эволюции биосферы, происходят кризисные явления в экономической, социальной, политической, энергетической, продовольственной и духовной сферах жизни общества. Эти опасные тенденции в развитии современного общества, во многом обусловленные сугубо потребительским вектором социально-экономического развития, со всей остротой выдвигают вопрос о перспективах ближайшего будущего цивилизации. Сегодня четко обозначились два возможных пути выбора будущего как мирового сообщества в целом, так и каждой отдельно взятой страны: либо коренным образом изменить сложившиеся мировоззренческие ориентации по отношению человека к природе, следовать в направлении достижения экологически безопасного пути развития, либо идти по пути дальнейшего наращивания богатства за счет интенсивного экономического роста, ведущего к разрушению и деградации окружающей среды.

Анализ реального положения дел, сложившихся в развитых странах, показывает, что предпочтение, к сожалению, во многих случаях отдается второму варианту, ориентированному на сохранение и достижение высоких уровней потребления. Подтверждением этого служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в нарастании загрязнения окружающей среды, разрушении озонового края, наводнениях, ураганах и других опасных симптомах, затронувших большинство стран мирового сообщества. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентаций, основанных на осознании необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Потребность изменения сложившихся стереотипов мышления по отношению к природе диктуется необходимостью обеспечения стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. Данная ценностная ориентация, четко зафиксированная в стратегии устойчивого развития, принятой мировым сообществом еще в 1992 году, была направлена на ограничение экономического роста развитых стран с целью уменьшения загрязнения окружающей среды и сохранения природных ресурсов для будущих поколений. Однако, как показало дальнейшее развитие общества, несмотря на грозные очертания экологического кризиса, в мире не произошло радикальных изменений в плане конкретной реализации стратегии и в изменении мировоззренческих ориентаций: стремительно нарастает разрыв в потреблении между бедными и богатыми странами, все более усиливаются межнациональные конфликты на международной арене, вспыхивают и разгораются военные действия во многих регионах мира, со всей остротой обнажились грозные очертания экономического кризиса, затронувшего практически все страны мирового сообщества.

Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для ближайшего будущего человечества и связаны в первую очередь с утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека и зыбкой верой в достижение стабильного будущего. Выход из такого рода затруднений связан не столько с решением социально-экономических, экологических или даже геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей.

Иными словами, для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо прежде всего направить усилия на разрешение духовного кризиса, который породил глобальные проблемы, обострившиеся в последние годы.

Наряду с широко известной концепцией устойчивого развития для преодоления глобального кризиса цивилизации и обеспечения ее дальнейшего безопасного и устойчивого развития в последнее время обосновывается концепция целенаправленного формирования ноосферной цивилизации. Под ноосферной цивилизацией, по определению А. Д. Урсула, следует понимать ее качественно новое состояние, при котором на пути своих интенсивных трансформаций социум войдет в коэволюцию с природой, приоритетными станут гуманитарно-общечеловеческие ценности, и интегральный интеллект человечества обеспечит его переход от стихийного сползания к глобальной катастрофе, к выживанию и эффективно управляемому, устойчивому и безопасному развитию¹.

Достижение этой цели возможно на основе утверждения новых ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы и установления тесного международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Установление международного сотрудничества возможно при условии осознания людьми важности и необходимости принятия неотложных мер по предотвращению экологической катастрофы и утверждения нового гуманизма. Новый гуманизм означает не только установление истинно человеческих отношений между людьми, но и уважение и заботу о сохранении всех форм жизни, что нашло отражение в конвенции о сохранении биологического разнообразия, принятой мировым сообществом. Новый гуманизм, как полагает А. Печчеи, направлен на существенное улучшение человеческих качеств всех жителей планеты, и потому он предлагает сделать центром внимания человека способ его существования и образ жизни, ибо судьба нового мирового порядка будет зависеть от его качеств и способностей.

¹ См. : Урсул А. Д. Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития человечества. М. : Луч, 1993.

Прогрессивное развитие человека, полагает А. Печчеи, и параллельное улучшение его человеческих качеств принесет с собой радикальный пересмотр восприятия человеком самого себя и человека вообще, его роли и ответственности¹.

Сказанное свидетельствует о необходимости кардинального пересмотра сложившихся ценностных ориентаций, мотивов и познавательных моделей человеческой деятельности, что обусловлено остротой современной экологической ситуации, нарастанием социальных потрясений в духовной, социальной и политической сферах жизни общества. Преодоление такого рода опасностей вызывает необходимость изменения сложившегося вектора развития цивилизации и ее перехода на путь гармоничной социоприродной эволюции на основе утверждения биосферного мышления и нового образовательного общества.

На протяжении всей истории человечества образование всегда отражало господствующий тип мировоззрения и миропонимания, в зависимости от которого складывались его различные модели. Реализуя те или иные философские идеи, образование способствовало утверждению их ценности и значимости для каждой личности. При этом господствующая до сих пор парадигма образования покоится на антропоцентристской ориентации, в основе которой лежит покорение природы и использование ее ресурсов в интересах человека. Такого рода образовательная стратегия, ориентированная на усвоение знаний, умений и навыков, в использовании природных ресурсов и покорении природы привела, в конечном итоге, к кризису сложившейся образовательной парадигмы. Кризис образования, наблюдаемый сегодня во многих странах, обусловлен известным консерватизмом традиционных образовательных систем, ориентированных всецело на практицизм и прагматизм. Приближение биосферного века призвано изменить антропоцентристскую ориентацию в использовании природных ресурсов, поскольку сугубо количественная ориентация на экономические показатели привела к тому, что объемы потребления природных ресурсов уже превысили допустимые нормы и во многих случаях приводят к разрушению и деградации окружающей среды в различных регионах мира. Разумное самоограничение, самодостаточность, необходимость сохранения пригодной для обитания среды – наиболее характерные черты экологического мышления, основанного на осознании взаимосвязанности и взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере.

Важно при этом подчеркнуть, что человек тысячами нитей связан с другими людьми, его настоящее предопределяет будущее, нет и не может существовать его независимости от природы, и какие бы мероприятия та или иная страна ни осуществляла в охране своей природной среды, какие бы изощренные мероприятия в этом отношении она ни проводила, нельзя исключить разрушения этой среды со стороны соседних стран. Убедительным доказательством этому служит чернобыльская авария.

Данное обстоятельство видоизменяет традиционное содержание науки как способа преобразования природы и ставит новые задачи перед системой образования и воспитания. Если ранее основной задачей образования являлось усвоение достигнутого знания, образование нового типа должно носить опережающий характер, основанный на прогнозировании будущих достижений в области науки и техники.

Одним из наиболее перспективных направлений современной науки являются исследования в области биотехнологии, позволяющие осуществить синтез достижений биологических и технических наук. Те совершенные регуляторные системы, которые выработались у живых организмов в ходе биологической эволюции, ныне становятся объектом внимания конструкторов технических устройств для создания технологий нового типа.

¹ См. : Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985.

В практической реализации этой задачи в настоящее время достигнуты значительные успехи. Вместе с тем многое еще предстоит сделать для создания технических устройств по принципиальной схеме эволюционного процесса с целью экономии материальных и энергетических ресурсов и обеспечения их надежности. В частности, предполагается, что компьютеры будущего будут построены на основе углерода, химических соединений нейронов и других биохимических соединений, взамен нынешних силиконовых. На стадии экспериментальных разработок находятся создание искусственного глаза, нейронных транзисторов, соединенных со спинным мозгом и способных осуществлять двигательные движения, и др.

Эти успехи дают основание утверждать, что достижения в области современной науки и техники будут осуществляться в направлении все более экономного использования вещества и энергии, что имеет особое значение в условиях ограниченности природных ресурсов. Практическая реализация этой задачи возможна лишь при условии осуществления плодотворного синтеза знаний, достигнутых в пограничных областях науки.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что дифференциация науки – итог исторического прошлого и потому наиболее значительных открытий в науке следует ожидать в области пограничных наук. Однако следует иметь в виду, что такого рода объективная тенденция в развитии науки, связанная с необходимостью расчленения сложного целого на составляющие части, привела на определенном этапе ее исторического развития к огромным достижениям в познании природы и в технике, наблюдаемым в настоящее время. Этим и объясняются огромные достижения в области конкретных наук, которые обычно считают эталоном строго научного знания.

Между тем в условиях угрозы глобальной экологической катастрофы такая оценка роли науки далеко небесспорна и нуждается в переосмыслении, поскольку научные представления о биосфере оказываются неполными без учета знаний в области гуманитарных наук, изучающих человека и общество в целом.

Необходимость цельного синтетического знания – одно из важнейших условий эффективности образования на современном этапе развития общества, ориентированного не только на усвоение достигнутого знания, но и на предвидение будущих научных достижений, призванных обеспечить задачи выживания человечества. В этом плане особая роль принадлежит гуманитарным наукам, изучающим смысложизненные ориентации человека, в первую очередь касающиеся его отношения к окружающему миру.

Существующая ориентация об абсолютном приоритете технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной, поскольку достижения науки и техники, превратившие человеческую деятельность в огромную геологическую силу, несоизмеримую с действием стихийных сил природы, привели к кризисным явлениям поистине глобального характера. Масштабы этой деятельности столь значительны по своей величине, что биосфера не в состоянии нейтрализовать ее последствия, подрывающие механизмы саморегуляции природных экосистем. По этой причине открытия в науке и технике должны содержать нравственное измерение в плане обеспечения нормальной жизнедеятельности человека, его психологического комфорта и эстетических потребностей. Гипертрофированные представления об абсолютном приоритете технологических и технических открытий зачастую оказываются необоснованными, поскольку критерии эффективности и целесообразности для человека во многих случаях нарушают нормальное протекание природных процессов. Исходя из этого можно заключить, что решение экологических коллизий во взаимоотношениях общества и природы связано не столько с решением социальных, экономических, политических и даже геополитических про-

блем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и ценностных установок. На это обстоятельство обращает особое внимание В. С. Стёпин, который полагает, что сложившуюся систему ценностей необходимо менять, поскольку преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и этических принципов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития — третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному¹.

В качестве одного из такого рода путей развития цивилизации служит получившая широкое признание коэволюционная стратегия как стратегия сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы, достижение которой предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности и изменение вектора социально-экономического развития в целом. Интенсивное потребление природных ресурсов, господствующее в сфере природопользования, до сих пор не может быть признано обоснованным, поскольку оно является одной из причин деградации и разрушения природных экосистем. С позиций коэволюционной стратегии необходим переход на интенсивный путь экономического развития, связанный с увеличением производительности ресурсов, их экономного потребления и утилизации.

Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. В более широком плане важно добиваться того, чтобы объемы потребления природных ресурсов компенсировались их воспроизводством и искусственным восстановлением. Такого рода ориентация в изменении вектора социально-экономического развития направлена на согласование человеческой деятельности с природными закономерностями. В частности, в качестве такого рода универсальной закономерности биосферы выступает биологический круговорот энергии и вещества, в ходе которого происходит взаимное превращение вещества из одной формы в другую (круговорот углерода, кислорода, азота, фосфора и других химических элементов). В то же время в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства происходит загрязнение окружающей среды твердыми, жидкими и газообразными веществами, появляются горы мусора и отходов, которые не входят в структуру природных круговоротов.

Предотвращение такого рода негативных явлений предполагает необходимость создания экологически безопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, приводящие к негативным последствиям. В тех случаях, когда масштабы человеческой деятельности значительно превосходят ассимиляционные возможности природных экосистем, необходимо снижение антропогенной нагрузки либо вовсе ее прекращение. В противном случае в экосистеме произойдут необратимые изменения, приводящие к ее деградации.

Знание подобного рода тенденций в изменении структуры экосистем подсказывает стратегию природопользования, ориентированную на сохранение благоприятной окружающей среды на основе согласования масштабов человеческой деятельности в соответствии с возможностями природы. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и в сфере образования, которое в качестве главного императива должно

¹ Стёпин В. С. Проблема будущего цивилизации // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики. М., 2010. С. 35–46.

содержать требование сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

Достижение этой цели возможно при условии сохранения всех позитивных аспектов предшествующих моделей образования, в которых содержится информация о достижениях науки и техники, умение их использовать в практической деятельности для удовлетворения потребностей людей. Образование призвано транслировать из поколения в поколение общечеловеческие ценности, знания и умения для достижения поставленных целей.

Помимо этого, задачей образования является передача информации, культуры и навыков практической деятельности, направленных на предотвращение экологической катастрофы. При этом широта образования, как отмечал Н. Н. Моисеев, должна достигаться за счет объединения знаний в области гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Резкое разграничение гуманитарного и естественнонаучного знания, ориентация на достижение узкопрагматических целей послужили одной из определяющих причин кризиса современной образовательной системы. Следствием такого рода ориентации явилось падение нравственных норм, нестабильность политических и экономических ситуаций, узко прагматическая оценка реальных событий, неспособность адекватно реагировать на современную экологическую ситуацию. Именно поэтому столь актуальной является задача утверждения нового видения мира на основе непредвзятого и объективного анализа сложившейся ситуации и целостного представления о природе, обществе и человеке, что возможно лишь при теснейшем взаимоувязывании знаний из различных научных дисциплин. Иными словами, реформирование образования должно осуществляться на основе междисциплинарного синтеза знаний, открывающего возможность целостного видения мира.

Утверждение нового способа видения будущего, осознание остроты современной экологической ситуации возможно на основе изменения сознания и мировоззрения людей, нравственно поведенческих норм и ориентиров, учитывающих необходимость внедрения эколого-безопасного развития в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, при добыче и использовании природных ресурсов, а также в социальной практике, в организации международного сотрудничества.

Эколого-безопасный путь развития предполагает поддержание пригодной для жизнедеятельности окружающей среды, которая обусловлена сохранностью природных территорий и зависит от степени их вовлеченности в хозяйственный оборот. По имеющимся данным, площадь ненарушенных территорий в мире в настоящее время составляет 27 %, частично нарушенных — 36,7 и полностью нарушенных — 36,3 %¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что качественные характеристики окружающей среды не удовлетворяют экологическим требованиям и потому, стратегия природопользования должна быть ориентирована на восстановление естественных свойств природных территорий с целью обеспечения их нормального функционирования и удовлетворения эстетических и духовных потребностей человека. По мнению Ю. Одума, для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека ему необходимо не менее 2 га территории: 0,6 га — для производства продовольствия, 0,2 га — для производственных нужд, 1,2 га — для обеспечения устойчивости биосферы и активного отдыха².

Знание качественных характеристик биосферы имеет важное значение для оптимального размещения производительных сил и определения оптимальной численности насе-

¹ См. : Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.

² См. : Одум Ю. Основы экологии. М. : Мир, 1975.

ления с целью определения контуров экологической политики, которая должна быть положена в основу экологического образования в контексте требований коэволюционной стратегии. Новая система образования хотя и включает в качестве важнейшей составляющей экологическое образование, однако далеко не сводима к последнему, поскольку включает экономические, культурные и социальные аспекты.

Социальные аспекты ориентированы на улучшение качества жизни, сокращение безработицы, наличие рабочих мест, личной безопасности, жилья, пенсионного обеспечения, доступ к образованию. Социальная политика включает комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня здоровья за счет досуга и врачебной помощи, мер по снижению смертности, искоренению наркомании и алкоголизма. Она неразрывно связана с развитием социальной активности в принятии решений по охране окружающей среды, сотрудничества на всех уровнях.

Особое значение в реализации идей коэволюционной стратегии имеет научно-образовательная система, ориентированная на выживание человечества и прогнозирование ближайшего будущего. Только при этом условии открывается возможность реализации упреждающих управленческих действий, направленных на предотвращение кризисных явлений в жизни.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОНИМАНИЯ НАУКИ

Пожалуй, нет более важной, более богатой в историческом, культурном, созидательном аспекте темы, чем тема науки. Выдающийся философ современности В. С. Стёпин не только показал, что такое наука, каковы механизмы ее развития, но и органично увязал данный феномен с особенностями изменений в культуре, выявив и обосновав при этом фундаментальные закономерные связи между ценностями исторической эпохи и идеалами научного познания, между прогрессом науки и типами цивилизационного развития. «Современная цивилизация, — отмечает В. С. Стёпин, — неразрывно связана с достижениями науки, основанными на систематическом развертывании теоретических исследований. Именно благодаря этим достижениям и их внедрению в производство стал возможен впечатляющий технологический прогресс XX века, приведший в развитых странах Запада и Востока к новому качеству жизни»¹.

Значение и роль науки в обществе невозможно переоценить. Чаще приходится иметь дело с явным несовпадением во времени социальной оценки научных открытий и их фактического появления в науке. В ряде случаев это объясняется объективным наличием так называемой собственной логики опережающего развития науки, феноменом ее самостоятельности и самодостаточности. В других случаях могут иметь место издержки общественного понимания науки и ее достижений, что способно привести к конфликту науки и власти, науки и идеалов социального прогресса, науки и иных форм мировоззрения.

Изменяющиеся функции и статус современной науки, характер научных исследований, быстрый рост научных знаний и интерактивный способ их практического использования кардинально влияют на состояние общества, на специфику социальных связей и отношений, на уровень культуры и образования. В этих условиях чрезвычайно важное значение имеют разработки эвристических моделей взаимосвязи науки и общества, которые бы раскрывали

¹ Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 17.

закономерности изменений, происходящих как в науке, так и в обществе, и служили бы нормативно-методологическим императивом социального управления и развития. Фактически все многогранное творчество В. С. Стёпина в той и ли иной мере ориентировано на решение этой задачи. «Наука, — пишет он, — революционизирует не только сферу производства, но и оказывает влияние на многие другие сферы человеческой деятельности, начиная регулировать их, перестраивая их средства и методы. Неудивительно, что проблемы будущего современной цивилизации не могут обсуждаться вне анализа современных тенденций развития науки и ее перспектив»¹.

История науки мало чем отличается от истории человечества, особенно если иметь в виду его развитие, цивилизационные формы и факторы, повлиявшие на становление этих форм. Существует множество подходов к пониманию и определению науки, но неизменным является тот факт, что наука мыслится в первую очередь как источник знания и самосознания людей. Именно в таком своем понимании наука вошла в контекст человеческой культуры и систему общественно значимых ценностей.

Эпистемологическая ценность науки сформировалась значительно раньше, чем тот период человеческой культуры, с которым связано возникновение развитых форм организации профессиональной научной деятельности. Достаточно вспомнить творчество Платона, центральной темой которого выступает понятие знания. Этому понятию он посвятил еще и специальный диалог, где идет разговор о знании между умудренным Сократом и совсем еще молодым человеком по имени Теэтет. «Скажи честно и благородно, что, по-твоему, есть знание?» — спрашивает Сократ. На беседе присутствует математик Феодор — учитель Теэтета. Молодой собеседник в ответ на вопрос Сократа замечает, что знание — это умение что-то делать, скажем, умение сапожника шить сапоги. На что Сократ бросает упрек — вопрос ведь не в том, о чем знание или сколько бывает знаний, но в том, что такое знание само по себе. Надо дойти до смысла понятия знания, а не перечислять, о чем бывает знание. Теэтет пытается дать более общий ответ: знающий воспринимает, ощущает то, что знает, а это означает, что знание — это ощущение. Сократ в связи с этим указывает молодому собеседнику, что сформулированное им понятие знания не ново. Такая трактовка уже была высказана в свое время Протагором.

Пройдут столетия, и такое понимание знания получит название сенсуализма и будет выражено в лаконичном утверждении: нет ничего в нашем интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях.

Сократ, как известно, подверг критике сведение знания к ощущениям. Знание содержится «вовсе не в ощущении, а в том имени, которое душа носит тогда, когда сама по себе занимается рассмотрением существующего»². Другими словами, знание заключается не в чувственных восприятиях, а в умозаклчениях, в мышлении. Мыслить — значит рассуждать; мышление это процесс, в котором «душа ведет рассуждения сама с собой о том, что она наблюдает»³. Опуская подробности дальнейшей беседы Сократа и Теэтета, следует заметить, что и к концу диалога вопрос о знании остается нерешенным. «И выходит, Теэтет, — заключает беседу Сократ, — что ни ощущения, ни произвольное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание»⁴.

Все доводы и сомнения Платона в отношении того, что на самом деле есть знание, в той или иной форме возникают в последующей многовековой истории философской мысли. «Уже в рамках классической эпистемологии Нового времени, едва успевшей

¹ Стёпин В. С. Теоретическое знание. С. 17.

² Платон. Сочинения. Т. 2. М., 1993. С. 245.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 274.

зафиксировать особенности своего предмета, — пишет известный философ И. Т. Касавин, — возникали трудности с определением понятия «знание». Можно ли, следуя традиционной логике, считать знанием лишь выраженные в языке суждения, подлежащие бинарной истинной оценке? Являются ли формой знания нравственная норма, художественный образ, религиозный символ, философская проблема? Прав ли был Аристотель, фактически видевший познавательное содержание не только в том, что именовалось «эпистеме» (научное знание в современном понимании), но и в таких феноменах, как вера, мнение, нравственное суждение, повседневный опыт? Заслуживает ли названия «знание» опровергнутая научная теория, на определенном этапе истории признанная заблуждением? Наконец, как быть с неосознаваемым (и бессознательным) содержанием человеческих представлений, с познавательными предпосылками, герменевтическими «предрассудками», с так называемым неявным знанием (М. Полани), с мыслительными навыками, с кантовскими априорными формами? В XX веке эти вопросы обрели свою остроту в связи с кросскультурными исследованиями и анализом первобытного сознания (К. Леви-Строс; Э. Эванс-Причард), с проблемой демаркации науки и метафизики в философии науки (К. Поппер), с дискуссией о соотношении науки и идеологии в социологии науки (К. Манхайм), с противостоянием «двух культур» — естественнонаучного и социально-гуманитарного знания с контркультурными идеями «наукизации мистики» и «мистизации науки», с исследованием возникновения науки и проблемой рациональности¹.

Трудно что-либо добавить к столь обильной количественной и содержательной впросительности в отношении феномена знания. В свое время Ф. Бэкон рассмотрел факторы знания: 4 идола, по его мнению, терзают ум — идола племени, пещеры, рынка, театра, т. е. примерно — общество, личность, общий язык и манера выражаться, философская система, среда, привычка. Кант писал о естествознании; Гегель — о разрывании в истории высшей истины, связи знания и сознания; Маркс и Энгельс — о природе идеологии в обществе, формах знания и сознания, их социально-объективной обусловленности. В списке готовивших социологию знания — О. Бауэр, А. Бергсон, М. Вебер, В. Дильтей, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Д. Лукач и другие. Современная эпистемологическая литература акцентирует внимание на проблемах истинности знания и познания, знания научного и ненаучного, знания теоретического и эмпирического, обыденного и умозрительного, связи знания с познанием, мышлением, отражением, опытом, информацией, чувственной и интуитивной сферой и т. д.

Постановка вопроса о том, что такое знание, — это свидетельство мудрости и духовной культуры общества. Поиск же ответа на этот вопрос постоянно стимулирует общественное сознание, органы власти, образовательные и воспитательные институты общества в плане выработки созидательной научной политики, стратегии социального развития, стандартов образования и самообразования, форм и способов организации жизни. Приобщение людей к созданным пластам знания — это важная, но недостаточная задача. Человечество способно развиваться только в том случае, если оно задается вопросом относительно возможности расширения своего познавательного пространства, необходимым механизмом чего всегда выступала наука. Именно она создает новое знание, реагирует на его социальную востребованность, подсказывает способы и технологии практической реализации.

Наука — это форма сознания и самосознания народа, важнейший элемент его культуры. Трудно себе представить формат развития общества, его культурных и образовательных традиций вне должного отношения к науке, формированию ее престижа и авторитета.

¹ Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. СПб. : РХГИ, 1998. С. 26.

Данная проблема имеет достаточно сложный спектр значений, но абсолютно оправданной является позиция, ориентированная на поиск взаимопонимания науки и общества, что обеспечивается как внутренними интенциями самой науки, так и той внешней социально-экономической и культурной средой, в которой формируются отношение к науке и формы влияния на нее.

В философии науки есть немало наработок относительно того, как обеспечивается связь науки и общества, науки и власти, науки и культуры в целом. Начиная с эпохи Античности важно было не только установить, кто решает, что есть знание, но и кто знает, что и как необходимо решать. Такая постановка вопроса сохранила свою актуальность вплоть до наших дней. Другое дело, что поиск его решения не всегда был прост и однозначен. Не случайно даже в современных философских течениях, представленных, например, учениями модных ныне Т.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса, демонстрируется противоположность взглядов по данному вопросу.

Позиция Лиотара больше напоминает необходимость признания науки исходя из ее самоценности, степени генерирования неизвестной ранее информации и ее обоснованности. Именно в таком своем качестве наука должна быть безоговорочно легитимизирована в обществе. Ю. Хабермас предлагает включить в процесс социализации знания диалогически равноправную аргументацию, взаимопонимание, целью которого является достижение согласия на основе взаимопризнанных притязаний на значимость. Процесс взаимопонимания, согласно Хабермасу, всегда свободен от принуждения. В этом, собственно, позиции и Лиотара и Хабермаса совпадают. И тот и другой считают, что внешне организованные системы предписаний могут негативно сказаться на возможностях и ценностях науки.

Тем не менее наука всегда находится в определенном социально-культурном и экономическом пространстве. Это пространство предлагает свои правила игры, не всегда совпадающие с идеализированными схемами функционирования науки в обществе. Особенно это характерно для так называемых транзитивных экономик, не способных в силу объективных причин обеспечить необходимый уровень и масштаб научной деятельности. В таких условиях, естественно, нарушается не только материальная база науки, ее кадровое обеспечение, но происходит изменение в базисных основаниях культуры, системах ценностей, мировоззренческих ориентациях людей. Подобное стечение обстоятельств способно вызвать, и, как правило, вызывает, предпочтительное отношение к ненаучным формам мировоззрения. Результатом этого выступает подмена научно-рациональных форм сознания различными другими взглядами и убеждениями. Поэтому неудивительна в таких случаях популярность астрологических предсказаний, различных форм оккультного знания, которые по степени воздействия на сознание людей имеют более мобильный характер в сравнении с научным знанием в силу их относительной простоты, затруднительной верификации, а также по причине экзистенциальных особенностей психики человека.

Социально-культурная ценность подобных результатов «интеллектуального творчества» весьма сомнительна. Это особенно становится понятно в случае поиска эффективных программ преодоления социально-экономического кризиса, при необходимости разработки новых материалов и технологий, источников энергии, перспективных учебно-воспитательных курсов и методик и т. д. Во всех этих случаях и власть, и общество пытаются апеллировать к науке как источнику рационально-прагматичных форм знания, что вполне понятно и исторически оправдано.

Рациональная прагматика науки ни в коей мере не посягает, например, на чувственно-эмоциональную сферу бытия человека, что нередко истолковывается как отсутствие у науки духовного содержания и соответствующих средств формирования стратегии раз-

вития человека и общества. Духовные интенции науки связываются в первую очередь с интеллектуальным творчеством, обогащением людей знанием и культурой жизни. Нравственно-этические издержки, приписываемые науке, — это не проблема науки как таковой, науки как явления культуры. Это вопрос, во-первых, установления и, соответственно, нарушения возможных запретов в тех или иных областях познания, во-вторых, это проблема практического использования достижений науки.

Современная гуманитарная культура действительно достаточно остро ставит вопрос о роли, значении и предназначении научно-рациональных форм знания и сознания. При этом и в лоне самой науки отдается отчет в том, что личностный мир человека и общественное бытие не могут быть объяснены только законами и категориями науки, что для этого необходим выход в более широкий социальный и духовно-культурный контекст. Человек не только познает мир, но и преобразует его, переживает свое бытие в нем, соприкасаясь с самыми разными нормами жизни, не всегда поддающимися возможностям научного объяснения. На основе подобного ощущения неполноты мировосприятия и возникают различные направления иррациональной философии, как, собственно, и критические оценки науки в сфере ее непосредственных представителей, нередко указывающих на невозможность выявления каких-то четких закономерностей, которые строго определяли бы становление и функционирование существующих конкретных дисциплин. Показательно в этом смысле утверждение известного американского математика М. Клайна о том, что развитие математики всегда носило в основном алогичный характер. В этом ряду констатаций можно отметить и критические замечания в адрес науки и научной рациональности со стороны многих философов и методологов, особенно пост-позитивистского направления. Они сводятся к следующему:

1. Человеческая жизнь и деятельность гораздо шире и богаче рационализированных ее форм. В ней присутствуют внерациональные и даже иррациональные моменты, которые нуждаются в иных экспликациях, чем это дает наука с ее формами и критериями рациональности.

2. Природа научного открытия и научное творчество в целом не могут быть соотносены только с актом рациональности, поскольку нередко содержат в себе такие феномены, как интуиция, догадка, «безумная гипотеза», алогичность, бессознательное и т. п.

3. Наука и научная деятельность регулируются не только собственной логикой развития, но и опосредованы всей системой социокультурной практики, т. е. фактически не являются абсолютным результатом разума, как бы странно это ни выглядело.

История науки демонстрирует огромное число примеров, когда проблемные ситуации в познании не могли быть разрешены конкретно-историческими нормами рационального научного знания, а возникавшие в связи с этим гипотезы отвергались научным сообществом как абсурдные, иррациональные. Но с течением времени происходила переоценка взглядов в науке, что позволяло включить «отвергнутые» теории в ее арсенал.

Сказанное свидетельствует лишь о том, что природа и сущность рационального не могут быть объяснены на основе незыблемости и постоянства научного знания, которое само по себе имеет, как известно, относительный характер. При этом важное значение представляют всевозможные процедуры социальной обусловленности знания и механизмы его функционирования в обществе. «Любое общество, — писал Фуко, — имеет собственный порядок истины, свою “общезначимую” политику истины: т. е. оно делает акцент на определенные виды дискурса, которые позволяют ему функционировать в качестве истинного дискурса; существуют механизмы и инстанции, которые делают разграничение истинных и ложных высказываний и определяют модус, в котором санкционируются одни или другие; существуют приоритетные техники и процедуры нахождения

истины; существует определенный статус для тех истин, которые уже обреты, определения того, являются ли они истинными или нет»¹.

Все это, несомненно, может иметь место, но не является абсолютно бесспорным. Научная истина, если она действительно таковой является, — это социально и культурно значимый феномен. Акцентация же идеи расхождения ценностей научной истины с возможными другими взглядами и подходами ошибочна и даже опасна, поскольку дестабилизирует нормативные основы социальных и индивидуально-личностных ориентаций. Наука — это продукт человеческой культуры, запрос людей на обеспечение разумной организации своей жизни. От любых других форм сознания науку отличает доказательность, объективная и логически обоснованная аргументация, выявление закономерных связей, непротиворечивость посылок и следствий и т. д. Рациональность человека не может не основываться на этих принципах, как бы она не понималась. Естественно, возможности науки имеют пределы, и осознание этого также должно выступать признаком рационального сознания. «Чем больше выдвигаемая цель совпадает с нормами мышления, задаваемыми существующим знанием, — отмечает С. С. Гусев, — тем более рациональной она воспринимается соответствующей культурой. В свою очередь, рациональность нового фрагмента знания, произведенного наукой, оценивается по степени его соотносительности с имеющимися социальными целями. Таким образом, на выбор проблем и обусловленных ими целевых ориентаций, как общества в целом, так и отдельных научных коллективов в частности, реально влияют не только идеалы и нормы теоретического сознания, но и представления о полезности предполагаемых и искомых результатов, а это уже выходит за пределы компетенции собственно науки»².

Более того, есть сферы человеческих отношений, которые невозможно выразить нормами научной доказательности, например, области нравственности, морали, культурно-этических традиций, веры и т. п. Сегодня воспитание человека понимается как процесс познания самого себя, как управление «страстями души» на основе разума. Вместе с тем один из родоначальников этой программы — Спиноза — понимал, что разум бессилен перед аффектами, и, например, Ницше подхватывает его учение, согласно которому управление человеком осуществляется как игра аффектов. Поведение людей определяется не понятиями, а борьбой, где одна сила ограничивает другую силу. Отсюда развитие культуры Ницше описывает не в терминах производства идей, знаний, а как волю к власти. Главным капиталом культуры являются люди, способные как переживать, так и действовать, люди, чувствующие ответственность как перед прошлым, так и перед настоящим, люди, способные принять судьбу и осуществить волю к власти³.

Столь чуждый ценностям науки тезис в какой-то мере снимается особенностями понимания власти, например у Фуко, как власти научных дискурсов над сознанием человека. Против тотальной критики разума, предпринятой западными философами, выступил Юрген Хабермас. «Критика разума в том виде, в каком она исходит из идей новых философов и некоторых французских постструктуралистов, низвергает себя, обесценивая средства самой критики, — для зрячего ока она апоретична. У некоторых остались только ложные послышки без продуктивных следствий»⁴.

Позиция Ю. Хабермаса заключается в том, чтобы не просто проанализировать рациональность, разум и подвергнуть его критике, и так развернувшейся до грандиозных

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 201–202.

² Гусев С. С. Координата рационального // Перспективы метафизики. СПб., 2001. С. 15.

³ Ницше Ф. Воля к власти. М.: Попурри, 1999.

⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Наука, 1995. С. 82.

масштабов, а предложить конструктивный выход из этой тупиковой ситуации. Поэтому он стремится разработать такую модель рациональности, которая включала бы завоевания разума научного и аккумулировала бы в себе гуманизирующие ценности. Как альтернативу всем модернистским концепциям, которые исходят либо из «старой» рациональности, либо неэффективно ее критикуют и деконструируют, Ю. Хабермас предлагает свою оригинальную концепцию «коммуникативного разума», «коммуникативной рациональности». Как отмечает Ю. Хабермас, «в повседневной коммуникативной практике когнитивные толкования, моральные ожидания, выражения и оценки и без того пронизывают друг друга. Поэтому протекающим в жизненном мире процессам общения и взаимопонимания потребна культурная традиция во всей ее широте...»¹.

Высказывания, как в поддержку, так и против научно-рационализированных форм человеческого мышления, можно было бы продолжить. Но это едва ли прольет дополнительный свет на природу и сущность рационального, определение его перспектив в системе культуры. Своего рода методологический кризис, возникший в связи с этим, может быть разрешен не на пути разъединения и противопоставления в содержании рационального научных и вненаучных компонент, а на основе выявления и актуализации ценностей интегральных форм сознания, характеризующих целостность мировоззрения человека.

Одна из главных особенностей развития современного общества заключается в том, что научный фактор социальных инноваций является доминирующим и существенно определяет реализацию других условий социокультурной динамики. Пока еще именно наука формирует цели и приоритеты развития различных сфер общественной жизни, занимается систематизацией и оценкой средств их достижения. Похоже, что такая ее функция сохранит свое значение и в будущем, ибо основополагающей компонентой в теоретических реконструкциях так называемого постиндустриального общества выступают представления об особом статусе информации и знаний, роли и месте науки в инновационном развитии социума вообще.

Кстати, во многом уязвимая, с точки зрения гуманистических ценностей, индустриальная эпоха также обязана прежде всего науке, и поэтому вместе с критикой в адрес индустриализма в разряд отверженных нередко попадает и наука, и научная рациональность в целом. Эпоха становления индустриализма дала мощный импульс технико-технологическому прогрессу. Последний сформировал новый тип цивилизации, которую В. С. Стёпин назвал техногенной, «поскольку в ее развитии решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций»².

Именно в условиях техногенного типа развития сформировались основные механизмы и принципы экспансии технологических новшеств, их влияние на социально-экономический и культурный динамизм. Собственно говоря, в этом и заключается самоценность и приоритет техногенной цивилизации. На этой основе формируются мировоззренческие, культурные и социальные программы жизни, способ производства, сложная система отношений людей, типов их поведения и деятельности. Формируется особый идеал социального успеха, основанный на экономическом прагматизме, научно-технической мощи, задачах преобразования природы, подчинении биосферных закономерностей техносферным.

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. С. 31–32.

² «Важно, чтобы работа не прекращалась...». Интервью с академиком РАН В. С. Стёпиным // Вопр. философии. 2004. № 9. С. 65.

В. С. Стёпин показал, что техногенная цивилизация коренным образом отличается от традиционалистского типа общества, которому свойственны консервативные программы развития: медленные изменения типов, средств и целей деятельности, ориентация на стабильность духовно-культурных ценностей и смыслов жизни, гармоничное отношение с окружающей природой, подчинение инноваций традициям. «В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет способы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни. В результате возникает отчетливо выраженная направленность прогресса с ориентацией на будущее. Для культуры техногенных обществ характерно представление о необратимом историческом времени, которое течет от прошлого через настоящее в будущее. Отметим для сравнения, что в большинстве традиционных культур доминировали иные понимания: время чаще всего воспринималось как циклическое, когда мир периодически возвращается к исходному состоянию. В традиционных культурах считалось, что «золотой век» уже пройден, он позади, в далеком прошлом. Герои прошлого создали образцы поступков и действий, которым следует подражать. В культуре техногенных обществ иная ориентация. В них идея социального прогресса стимулирует ожидание перемен и движение к будущему, а будущее полагается как рост цивилизационных завоеваний, обеспечивающих все более счастливое мироустройство»¹.

Консерватизм традиционных обществ выступает своего рода лакмусовой бумажкой стремительных перемен и инноваций техногенной цивилизации. Индустриально-технологическая революция «пришла в столкновение со всеми установлениями прошлого и изменила жизненный строй миллионов людей... Вторая волна подняла технологию на совершенно новый уровень... Она объединила множество связанных друг с другом машин под одной крышей, создавая фабрики и заводы... На этой технологической основе быстро выросло множество видов промышленного производства, окончательно определивших облик цивилизации Второй волны... Новая технология, питаемая новой энергетической системой, открыла двери для массового производства»².

Между тем важнейшие особенности соотношения объективных и субъективных основ техногенного общества во многом определяются ценностями свободы человека, понятием автономной и суверенной личности, предпочтениями научно-рациональных форм сознания. В традиционалистских обществах «человек уже с рождения был закреплен за определенным местом в кастово-сословной системе, ему предстояло усвоить определенный тип профессиональных и иных навыков, чтобы продолжить передачу эстафеты традиций. В современной же техногенной цивилизации (позволю себе назвать ее техногенной цивилизацией постиндустриального типа. — А. Л.) человек становится личностью именно благодаря тому, что он не привязан жестко к некоторой одной корпоративной структуре, не сращен с ней, а может гибко строить свои отношения с другими людьми, включаясь в разные социальные общности и в разные традиции.

Успех преобразующей деятельности, приводящей к позитивным для человека результатам и социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично увязывается с приоритетной ценностью науки, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает доминантой в системе человеческого знания, оказывает активное воздействие на все другие его формы»³.

¹ Стёпин В. С. Теоретическое знание. С. 21.

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. С. 61.

³ «Важно, чтобы работа не прекращалась...». Интервью с академиком РАН В. С. Стёпиным. С. 66.

Следует подчеркнуть, что к ряду негативных черт индустриального техногенного общества справедливо относят факты неудачной эксплуатации научных знаний в сугубо производственных интересах, попытки использования императивов науки в политических, военных и идеологических целях, конструирование всеохватывающих методологических приемов, в основу которых помещается безукоризненность, полнота и завершенность научных доказательств.

Вместе с тем с отвержением принципов индустриализма следует отвергать не науку, а великую претензию на ее использование в качестве завершенных решений многих проблем, в том числе и социального характера. Одна из великих и по-прежнему актуальных задач философии в том и состоит, чтобы продолжать утверждать идею принципиальной невозможности окончательного объяснения. Потому что, как верно заметил К. Поппер, всякое объяснение может быть в дальнейшем объяснено за счет законов более высокой универсальности. Не может быть объяснения, не нуждающегося в дальнейшем объяснении, ибо невозможно самообъясняющее описание сущности¹.

Кстати, К. Поппер как нельзя лучше показал и роль научных знаний в системе человеческого мироощущения и мироотношения. Согласно учению К. Поппера взаимодействие между тремя его известными мирами осуществляется посредством человеческого разума. Состояния «второго мира», ментального мира верований, установок и предрасположенности, любви и ненависти, удовольствий и боли, функционируют как некоторые системы контроля тела, а продукты «третьего мира», в особенности наши научные теории, – как некоторые системы контроля разума. Современный кризис в ценностных основаниях научно-рациональной методологии выглядит как рассогласованность в отношениях обозначенных К. Поппером миров. Похоже, что эпистемологическая составляющая «контроля разума» нуждается сегодня в дополнении со стороны более широкой системы духовно-культурных ценностей общества и индивидуального мира человека.

Постиндустриальный формат развития культуры, актуализированные в нем тенденции гуманизации и гуманитаризации социальной практики, в том числе и научной, направлены на достижение этой цели. Не случайно в поле зрения общественного мнения попадают вопросы этики науки, персональной ответственности ученого за эффективность новых знаний и их безопасное функционирование в обществе. Современная научная деятельность перестает быть автономным процессом производства знаний, рациональность которых задана исключительно их внутренней организацией, а начинает выступать в такой форме человеческой активности, в пределах которой оценивается рациональность не только действий, но и целей.

С переходом к постиндустриальному развитию изменяется отношение к науке, к ценности и самооценности знания вообще и теоретического знания в особенности. Если индустриальное общество основано на технологии машинной, то постиндустриальное — на технологии интеллектуальной. И если, как отмечал известный американский социолог Даниел Белл, капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знания — основа общества постиндустриального. При этом автор четко отделял роль и значение знания от роли и значения информации. По его мнению, информация может выступать основным производственным ресурсом общества, тогда как знание остается внутренним источником его прогресса².

Становление общества, основанного на знании, — величайшее завоевание человечества. Функциональное значение звания приобретает норму своего рода цивилизацион-

¹ Поппер К. Реализм и цель науки // Совр. философия науки. М. : Логос, 1996. С. 102.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999.

ной константы, возможно, коррелирующей неизвестным пока нам образом с теми, которые определяют физические закономерности организации и развития мира. Но на этом пути к эпистемологическому олимпу науку и научные знания подстерегают новые опасности. Если речь по-прежнему будет идти только о прагматически-амбициозном использовании науки в преобразовании действительности, в приведении этой действительности в соответствие с познанной сущностью, в формировании эгоцентричных программ социального развития, то и постиндустриальная цивилизация неизбежно столкнется с традиционными проблемами так называемой технической (техногенной, технологической) рациональности, свойственными критически воспринимаемой сегодня индустриальной эпохе.

Постиндустриальная культура должна характеризоваться не только количественными и даже содержательными особенностями функционируемых и усвоенных знаний, но и степенью их субъективной (живой) эксплицированности, включающей вопросы гуманизма, нравственные и культурно-этические идеалы и нормы. Все эти качества относятся к духовно-культурным основам человека, участвующего в производстве знаний, являющегося их носителем и выступающего ответственным за последствия их использования. Абстрактный рационализм как ориентация только на объективную ценность знания и его рецептурную эффективность, на достижение цели и желательны меньшими средствами, как следование заданной (всеобщей) целесообразности, такой рационализм отрицает (вплоть до уничтожения) индивидуальность, лишает знание субъективной спецификации, делает его внеличным.

Настораживающие тенденции в становлении современного информационного общества связаны с его заметной неустойчивостью и быстротечностью происходящих в нем событий, интенсивным характером происходящих перемен, возникновением совершенно новых связей и отношений. Интенсивная динамика социальных изменений основывается в том числе и на разрыве закономерной взаимообусловленности событий, что характерно для ситуаций искусственного комбинирования нового вне его «произрастания» из прошлого и вне оценки возможностей разворачивания в будущем. Человек не способен сегодня в полной мере усвоить наследие прошлого и даже оценить экспонентный рост событий настоящего. Человек находится под ударом обрушивающейся на него новой и новой информации, с трудом используя лишь маленькую ее часть и в этом смысле проявляя индифферентные связи с окружающей (опережающей) его действительностью.

Все это выступает дополнительным свидетельством неполноценности современной интеллектуальной ситуации, ее кризисности. В первую очередь кризис затрагивает самого человека, его духовно-культурные, интеллектуально-мировоззренческие, рационально-смысловые основы. Новые потоки информации и знаний, развитие мобильных систем связи и телекоммуникационных технологий влекут за собой глубокие социальные изменения, меняют лексику, модифицируют вербальные средства общения, трансформируют основы рациональной методологии.

В истории развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс производства и накопления знаний. Именно на этой основе были в общих чертах созданы те системы объяснения реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе систематизации и социализации объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие современной эпохи заключается в ином — сейчас неизмеримо больше коммуникаций, строящихся в основном на процедурах передачи информации. За термином «знание» сегодня все чаще скрывается понятие «информация» как необязательно рефлекслируемые человеческим сознанием (пониманием) сообщения, сведения и даже факты, передаваемое (принимаемое)

с помощью технологий социальной коммуникации. Особенность этих коммуникаций такова, что их информационная основа не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Информация в структуре подобных коммуникаций операциональна.

В традиционных типах общества информация никак не могла претендовать на ту роль, что играет теперь. Только как коммуникация, а не как знание информация способна вызывать новые операции. Люди действуют, используя информацию, а коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а напротив — умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что информация не столько интеллектуально-знаниевый ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности. «В организованном подобном образом информационном потоке, — пишет Д. В. Кузнецов, — на первое место выходит не передача данных о свойствах товара или услуги, т. е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего скорее аффективные коннотации. Именно образ приносит прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий»¹. По меткому замечанию М. Мак-Люэна, сделанному еще в 60-х годах XX века, действительным содержанием сообщения является сам сообщающий².

Иначе говоря, одной из характерных сторон современного информационно-коммуникативного процесса является тенденция дистанцирования от его эпистемологической адекватности. Получается, что не в знании, а в создании привлекательных образов заключается сила современного субъекта социального действия. Оценивая данную ситуацию, А. Турен, видимо, не случайно пытается избежать терминов «информация» и «знание», когда пишет, что в постиндустриальную эру социальные конфликты возникают по поводу «символических благ»³.

То, что коммуникация как создание образов играет в современном обществе важнейшую роль, подтверждает и концепция одного из лидеров теоретиков информационного общества М. Кастельса. Кастельс начинает свой труд с тезиса о переходе от капитализма к информационализму, в условиях которого успех зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Однако наряду с этим утверждением анализ новых форм экономики и культуры вынуждает Кастельса все же опираться на понятия «коммуникационная система», «сетевое общество», «образы» и т. п.⁴

Критическая оценка сложившейся ситуации в отношении феномена дезэпистемологизации современной коммуникативной практики может быть прослежена в контексте анализа наметившегося когнитивно-эпистемологического поворота, основанного на сопоставлении так называемой классической (репрезентативной) и социально-конструктивистской концепций знания. Согласно первой из них знание есть ментальное представление, логико-теоретическая репрезентация объективного мира. Вторая концепция (новый когнитивизм) акцентирует внимание на знании-представлении, где представление служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений. Суть поворота заключается в отказе от теории знания как репрезентативного феномена и переходе к его пониманию в рамках теории социального конструктивизма. Одно

¹ Кузнецов Д. В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания // Философия и общество. 2004. № 3. С. 96.

² McLuhan M. The medium is message. N.Y., 1967.

³ Touraine A. The waning sociological image of social life // International journal of comparative sociology. 1984. № 1–2. Vol. 25.

⁴ Castells M. The information age: economy, society and culture. Oxford, 1996–1998. Vol. 1–3.

из следствий данной теории связывается с тем, что истина перестает быть «чистым» аналогом эмпирической достоверности, а конституируется, в том числе, в социально и культурно значимых коммуникативных практиках.

Известный французский психолог С. Московичи показал, что когнитивные системы, упорядочивающие образ мира, социальны как с точки зрения своего генезиса, так и в содержательном отношении. Основные понятия, которые их составляют, берут начало в повседневной межличностной коммуникации. Тем самым когнитивный и коммуникативный аспекты представлений неотделимы друг от друга. Исходной идеей новой версии знания является тезис о том, что социальное «измерение» не добавляется *post hoc* к когнитивным моделям, а органически в них вплетено.

В отличие от постмодернизма, заменившего изучение психологических процессов (смерть автора) анализом дискурсивных практик участников лингвистической деятельности, новейший когнитивизм (позиция С. Московичи) пытается преодолеть крайности репрезентативной и постпозитивистской (языковой игры) концепций знания. Данный подход признает относительную автономию социальной реальности и ее влияние на индивида, но в то же время внимание акцентируется на тех процессах, посредством которых психологические феномены продуцируют эту реальность, оставаясь ее продуктами¹.

Когнитивно-эпистемологический поворот связан с трансформацией ряда ценностей техногенной цивилизации индустриального типа. Достижения науки и технологии, научная рациональность не рассматриваются уже в качестве самодостаточных сущностей, автономно определяющих стратегию социального развития. Они все больше и больше включаются в целостную систему социально-культурной и природной эволюции. При этом масштабность влияния науки и технологии на современное общество не уменьшается, а скорее увеличивается, но уже в единстве рационально-знаниевых, социально-культурных, нравственных и экологических принципов.

«Сетевая» (М. Кастельс) организация постиндустриального мира таким же образом обуславливает создание и трансляцию научно-технологических новаций в обществе. Для сравнения вспомним, что уже в индустриальном обществе наука впервые стала объектом инновационной политики, т. е. получила внешнее управление через социальный заказ, который мог исходить не только от государства, но и от частного бизнеса. Однако при этом возникла проблема когнитивной сопротивляемости науки, когда различные исследовательские центры осуществляют плохо скоординированную между собой деятельность. В условиях сетевого общества возникает задача преодоления данной проблемы путем внедрения механизма рефлексивной дифференциации – различные центры, работая над схожими проблемами, вырабатывают свои рефлексивные установки в рамках общих рефлексивных сверхустановок, спускаемых из более общего центра. Это значит, что наиболее вероятной координационной задачей в сфере современной науки является преодоление разделительного дезинтеграционного способа существования и развития научных центров и переход к глобальным открытым системам и структурам, функционирующим в соответствии с предзаданной системой векторов. Осуществление этой задачи особенно актуально при реализации сетевых моделей общества с сильной векторной направленностью, т. е. с увеличением рефлексивной дифференциации. Рефлексивная дифференциация должна стать динамическим каналом как управления, так и самоуправления исследовательскими центрами, тем каналом, который регулирует их творческие и коммуникационные возможности, а также их интеграцию в опосредованно сложные системы.

¹ Черникова И. В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2004. № 6. С. 101.

Сетевая организация постиндустриального мира и соответствующая ей система производства и функционирования науки и технологий обуславливают новые формы детерминации цивилизационной динамики. Но это лишь частичные успехи. Необходимо создавать политические, правовые, социально-экономические предпосылки информатизации общества и развития его информационной культуры, как в рамках национальных, так и международных проектов. В настоящее время оставляет желать лучшего гуманитарная составляющая информационной политики большинства государств мира, слаба ее правовая и законодательная обеспеченность. Процессы информатизации в ряде современных индустриальных государств представляют собой скорее социокультурное явление, нежели закономерные социально-экономические преобразования, которые лежат в основе серьезных социальных трансформаций, обуславливающих переход к новому типу общества, организации науки и социализации ее результатов.

Механизмы такого перехода неразрывно связаны с интенсивной кристаллизацией научно-инновационной среды. Достичь серьезных успехов на пути инновационного развития и технологической модернизации вне переосознания роли науки маловероятно. Большое значение в этом деле имеет широкое общественное мнение, которое значительно дезориентировано в плане понимания ценностей науки. Уже отмеченный нами индустриальный тип развития значительно сужал возможности широкой социально-культурной экспертизы механизмов производства и практического использования научного знания. В обществе складывалось отрицательное мнение относительно включенности науки в социальную жизнь, относительно ее роли и возможностей.

Постиндустриальный формат цивилизационного развития ориентирован на постоянное возобновление растущих социально значимых качеств производимых товаров и услуг, на эффективное решение текущих и глобальных проблем современного общества на основе высоких наукоемких технологий. Сделать это вне активно развивающегося теоретического знания фактически невозможно. Механизмы возникновения и функционирования теоретических знаний в системе культуры имеют свои особенности. «В этой связи, — отмечает В. С. Стёпин, — возникает целая серия вопросов. Как возможно включение в научное познание внешних для него ценностных ориентаций? Каковы механизмы этого включения? Не приведет ли к деформациям истины и жесткому идеологическому контролю за наукой требование соизмерять ее с социальными ценностями? Имеются ли внутренние, в самой науке вызревающие, предпосылки для ее перехода в новое состояние? И как это новое состояние скажется на судьбах теоретического знания, его относительной автономии и его социальной ценности?»¹

На решение этих всегда актуальных «кардинальных вопросов современной философии науки» и направлен многогранный талант Вячеслава Семеновича Стёпина.

¹ Стёпин В. С. Теоретическое знание. С. 35.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРАХ

Стёпин В. С. – ученый многогранный. Прежде всего он известен своими исследованиями в области философии науки и научного познания. Но в сферу его научных интересов, в числе других, входят проблемы цивилизационной и культурной динамики, ценностных основ цивилизации, перспектив общественного развития. Анализу этих проблем посвящена и данная статья. Как известно, существует два основных теоретико-методологических подхода к объяснению развития общества: формационный и цивилизационный. В основе формационного подхода лежит членение развития общества на пять самостоятельных и определенным образом структурированных стадий (формаций). Развитие и смена общественно-экономических формаций объясняются действием закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Развитие общества оценивается как идущее по пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация считается прогрессивнее предыдущей. Ведущая роль в общественном развитии отводится историческим закономерностям, объективным социальным законам, в рамках которых действует человек. В целом формационную теорию можно оценивать как одну из разновидностей эволюционистской традиции объяснения общественного развития. Общие черты этой традиции можно выразить следующим образом. Человеческая история имеет единую форму и направленность развития, которая отождествляется с прогрессом. Различия отдельных сообществ связаны с неодинаковой скоростью их развития. Эволюционные изменения являются строго линейными, носят предопределенный характер. Они направлены от простых состояний к более сложным, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации. В основе эволюции общества лежит универсальный и единообразный причинный механизм, выражающий его потребность в самотрансформации и действующий независимо от сознания и воли людей. Переоценка идей социального эволюционизма, включая концепцию общественно-экономических формаций, стала отправным пунктом дальнейшего развития теории социального развития. Оппоненты классического

эволюционизма прежде всего поставили под сомнение существование единой формы и направленности исторического процесса. Представлению о строго линейном, однообразном характере общественного развития было противопоставлено положение о многообразии мира, своеобразии исторического пути различных сообществ людей. Получила распространение точка зрения, что причины социальных изменений нельзя свести к действию какого-то одного, пусть и очень важного фактора. Обычно эти изменения — итог своеобразного взаимодействия группы факторов. Наконец, постепенно усиливалось убеждение, что многие социальные изменения являются результатом вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей.

Эти постулаты легли в основу цивилизационного объяснения развития общества. Наиболее известным примером цивилизационного подхода является теория локальных цивилизаций А. Дж. Тойнби, который считал цивилизацией устойчивую общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими и историческими рамками. Механизм развития локальных цивилизаций он основывал на действии закона Вызова-и-Ответа. «Общество, — писал он, — в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов»¹. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию»². Вызовы данному обществу Тойнби связывал с действием внешних по отношению к нему факторов: природной среды (климатических и географических условий) и человеческого окружения (давление «иноземной социальной силы»). Выработка адекватного ответа на вызовы — дело всей человеческой общности, но особо ответственная роль выпадает на долю творческих личностей и групп. «Творческие личности, — писал Тойнби, — при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»³. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису (подражанию).

Суть механизма общественного развития, воплощенного в законе Вызова-и-Ответа А. Дж. Тойнби, можно сформулировать в трех тезисах. Во-первых, история любой социальной общности есть история выработки ответов на встающие перед ней вызовы, иными словами — это история решения возникающих перед ней проблем. Во-вторых, выбор ответа на вызов (решение проблем) по своему содержанию, способам потенциально вариативен. В-третьих, выбор ответа (решения) и его реализация на практике вполне осознанно делаются людьми. Раскроем содержание каждого из этих тезисов.

Первый тезис, несомненно, требует ответа на вопрос: какие вызовы существенны для общества, а тем более наиболее значимы для него? В современной социально-экономической, социально-культурной и геополитической лексике понятийная связка «вызовы и ответы» (в другой терминологии, «угрозы и шансы» или «риски и возможности») становится ключевой. Вызовы обычно рассматриваются как внутренние или внешние препятствия, дефициты, а также открывшиеся более широкие возможности (научные открытия и технические изобретения, появление новых запасов ресурсов, геополитическое ослабление соседей и т. д.). Создаются типологии вызовов. К ним прежде всего относят демографические (снижение естественного прироста населения, его старение или, наоборот, перенаселенность и др.), экологические (изменение климата, природные катастрофы, истощение ископаемых и других ресурсов и др.), экономические (финансовый

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 108.

² Там же. С. 119–120.

³ Там же. С. 260.

кризис, экономическая рецессия, безработица и т. д.), социальные (бедность, девиации, межрелигиозные и межэтнические конфликты и пр.), культурные (чрезмерное давление какой-либо одной культуры, например американизма, информационная интервенция и т. д.). При признании целесообразности и исследовательской продуктивности такого подхода, на наш взгляд, особенно важно выделить вызовы, которые имеют основополагающее значение для функционирования и развития общества.

Наши рассуждения по поводу такого рода вызовов начнем с постулирования положения о том, что существование любого социального сообщества возможно только на основе организации, упорядочения совместной жизнедеятельности людей, взаимоотношений между ними. Необходимость в такой организации не могла не обусловить возникновения обеспечивающего ее процесса саморегуляции различных социальных объединений. Этот саморегулятивный процесс охватывает порядок устройства социума, образующие его институты, систему взаимоотношений, связывающих людей (социальный компонент) и способ, формы их жизнедеятельности (культурный компонент).

Содержание саморегулирующего воздействия двуедино и состоит, во-первых, в создании благоприятных условий для проявления активности, деятельности людей; во-вторых, в придании этой активности характера, целесообразного для данной социальной общности, реализующего потребности ее сохранения и развития. Иначе говоря, в процессе саморегулирования решается энергоинституциональная задача, если понимать под энергетикой активность людей, а под институционализацией — процесс организации различных социальных сообществ. Энергоинституциональная задача, как представляется, и является тем внутрисоциальным вызовом, степень эффективности ответа на который определяет основную линию развития общества. Рассматриваемый в исторической ретроспективе процесс решения этой задачи, т. е. саморегуляции совместной жизни людей, создал социокультурную традицию.

Второй тезис гласит, что процесс решения энергоинституциональной задачи, организации совместной жизни людей по своему содержанию, способам вариативен и может носить своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время. Первым с особой очевидностью это продемонстрировал М. Вебер при сравнении разных ветвей социокультурной традиции.

Высокоразвитые формы религиозной жизни немецкий социолог классифицировал на основе различного отношения к миру и как следствия — специфики поведения людей. Так, для конфуцианства характерно приятие мира. Буддизм отличает отрицание и неприятие мира. Зороастризм, христианство, ислам принимают его на условиях улучшения, исправления. По-разному решается в них и проблема спасения. Основополагающими являются два варианта: спасение через собственные действия (буддизм) и спасение с помощью посредника (иудаизм, христианство, ислам). При первом варианте методами спасения являются или ритуальные культовые действия и церемонии, или социальные действия (любовь к ближнему, благотворительность, забота о близких), или самоусовершенствование. При втором — спасение возможно через принадлежность к церкви (католицизм), через веру (иудаизм, лютеранство), через милость предопределения (ислам, кальвинизм). Различаются также пути спасения: через активное этическое действие и через мистическое созерцание. В первом случае необходимым условием спасения является аскеза, которая, в свою очередь, означает или бегство человека от мира, или внутримирскую экономическую и иную деятельность (кальвинизм). Во втором варианте аскеза — средство достижения мистического просветления, покоя в божественном¹.

Нельзя не отметить, что даже при возможной разновариантности подходов позитивное решение энергоинституциональной задачи не гарантируется никаким социальным

¹ История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979. С. 301—302.

законом, а представляет собой результат вполне сознательной деятельности людей. Законом является сама необходимость данного действия. Там, где оно оказывается малоэффективным, активность человека теряет целесообразный для социума характер, становится деструктивной, социальная общность приходит в упадок, гибнет. Такова судьба некоторых древних цивилизаций. Не исключено, что она ждет и наше общество.

Третий тезис касается осознанного участия людей в поиске ответов на вызовы и их реализации. А. Дж. Тойнби считает их участие в этом процессе определяющим. Но какой способ использования заложенных в разуме и активности людей конструктивных возможностей является наиболее эффективным и где находятся границы его позитивного воздействия на социальные процессы? Спектр мнений на этот счет более чем разнообразен и противоречив.

Одной из антитез является противопоставление социального натурализма и волюнтаризма. Суть социального натурализма состоит в констатации предзаданной логики, неизбежности определенной траектории общественного развития. В этой ситуации роль человека состоит, во-первых, в правильном понимании заданной извне социальной траектории, во-вторых — в содействии ее реализации. Со своей стороны, волюнтаризм, преувеличивая значение сознательной деятельности людей, предполагает реализацию идеальных проектов и идеологических моделей без должного учета условий и пределов преобразования социальной среды.

Вторая антитеза относится к соотношению в общественном развитии двух его составляющих: стихийности, или спонтанности, в смысле самопроизвольности, неинспирированности человеческим вмешательством, и сознательного воздействия человека на ход социальных процессов. Преувеличение роли одной из этих составляющих, что имеет место в некоторых объяснительных конструкциях, на наш взгляд, является некорректным.

Спонтанность и сознательность, понимаемая как разумные действия людей по решению наиболее острых социальных проблем — атрибутивные свойства всей человеческой истории. Саморегуляция общественного организма — это продукт деятельности людей. Но именно по этой причине регулирующее воздействие, в принципе, не в состоянии охватить, организовать, предусмотреть, спланировать весь социальный, жизненный процесс. Функционирование и развитие общества, в особенности повседневная жизнь людей, проходят хотя и под преобразующим влиянием конкретного регулирующего воздействия, всей социокультурной традиции, но во многом и естественным, т. е. независимым от этого воздействия, путем.

Ответить на вопрос о роли сознательной деятельности людей в истории одним из первых попытался английский историк Р. Дж. Коллингвуд. Он писал, что деятельность, в процессе которой человек создает свой постоянно изменяющийся мир, свободна. Помимо самой этой деятельности, нет иных сил, которые управляли бы ею, модифицировали ее или же заставляли принять то или иное направление, создать мир одного типа, а не другого. Но это отнюдь не означает, что человек волен поступать, как ему заблагорассудится, делать все по своему желанию. Он, особо отмечает Коллингвуд, вынужден смотреть в лицо фактам в той ситуации, в которой очутился. Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. Окажутся его действия успешными или нет, зависит от правильности понимания им той ситуации, в которую он поставлен. Свобода в истории заключается в том, что цепи принуждения накладываются на деятельность человеческого разума не кем-то посторонним, а им самим¹.

В истории социально-философской мысли при оценке роли сознательного воздействия людей на ход общественного развития противостоят одна другой две точки зрения. Социальные институты «проектируются» — позиция теоретиков общественного догово-

¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 301–303.

ра, начиная с Т. Гоббса. Социальные институты «просто вырастают», являясь непреднамеренным результатом человеческих действий — подход критиков теории общественного договора, начиная с Д. Юма. Как представляется, несостоятельность дилеммы: социальные институты спроектированы и социальные институты «просто вырастают» объясняется следующими обстоятельствами.

Любые идеальные социальные проекты в условиях реальной жизни претерпевают изменения, и часто весьма существенные. Корректировка их первоначального варианта происходит из-за ряда причин. Например, в силу несовершенства любого идеального образа социальной действительности, тем более ее проекта. Различно авторство конкретных вариантов решения той или иной социальной или культурной проблемы. Оно может принадлежать как официальным органам управления, так и стремящейся к власти оппозиции, неофициальным структурам. Нередко его содержание заимствуется официальными структурами у неофициальных. В противовес одному варианту выдвигаются иные, как правило, альтернативные. Каждый из них выражает специфические интересы их авторов и стоящих за ними социальных групп. Существенное корректирующее воздействие оказывает изменчивость окружающего мира. В итоге содержание реализованного проекта правомерно рассматривать как результат взаимодействия целого ряда разнообразных факторов: потенциала интеллектуальных ресурсов данного общества, деятельности властных структур, борьбы и согласования интересов различных социальных групп, принятия членами данной общности некоторого минимума общепринятых ценностей, норм деятельности и т. п. Но, и это главное, эффективность социально-преобразующих действий зависит прежде всего от того, нацелены ли они на разрешение возникающих в процессе функционирования и развития общества проблем, лежащих в их основе противоречий. В итоге можно сказать, что социальные институты возникают в процессе решения различных социальных проблем и представляют собой результирующий итог как сознательных представлений и действий различных субъектов, так и борьбы (согласования) интересов классов и других групп населения.

Как отмечалось выше, суть энергоинституциональной задачи состоит в приведении в соответствие способа жизнедеятельности людей и порядка социальной организации. Рассмотрим более подробно эти феномены и историю их взаимодействия, а соответственно и способа решения энергоинституциональной задачи.

Определение способа жизнедеятельности можно дать достаточно простое. Это «то, как люди живут». С определенной долей условности в способе жизнедеятельности можно выделить повседневные формы поведения, индивидуальное и социальное бытие человека. С повседневными формами поведения мы имеем дело тогда, когда люди, по выражению Ф. А. Хайека, «просто живут», действуя привычным для них способом. Процесс достижения, реализации разнообразных — прежде всего ведущих — мотивов составляет содержание индивидуального бытия человека. Социальное бытие — это действия людей в качестве членов тех социальных общностей, к которым они принадлежат, выполнение возлагаемых этими общностями обязанностей и реализация предоставляемых ими прав.

В основе динамики способа жизнедеятельности людей лежит саморазвитие человека, изменение мотивов его деятельности и ее самой, эволюция всего комплекса жизненных условий, различных элементов общественного организма и культурной матрицы.

При первобытнообщинном строе жизнедеятельность людей была подчинена интересам родовой общины. Содержание личных мотивов человеческой деятельности подвергалось жесткой, уравнивающей регламентации со стороны общины, стоявшего за нею обычая. Господствовал коллективный путь их достижения. Утверждение приоритета личных мотивов, индивидуальных путей их реализации произошло в переходный период от

первобытного к древнему обществу и само по себе составило субъективную основу этого перехода. Приоритет индивидуального мотива первоначально сочетался с его заданностью конкретному человеку. Эта заданность связывалась с традицией, социальным происхождением. В условиях античной цивилизации ее соотносили с космическим роком, судьбой, вера в которую, по характеристике А. Ф. Лосева, удивительным образом совмещалась со свободным использованием своей сознательной воли для реального устройства жизни¹. При феодализме ее основу составила сословно-иерархическая социальная модель, имевшая в христианском мире статус богоустановленного порядка. Дарованная человеку свыше свобода воли оборачивалась здесь дилеммой добра и зла и на деле превращалась в заповедь избегать всего, что может помешать спасению души. Добросовестное выполнение предназначенной социальной роли — путь к спасению.

Преодоление строгой социальной адресованности, предопределенности мотивов, путей их достижения приходится на эпоху Возрождения, когда принцип суверенитета личности, свободы выбора жизненных ценностей и целей лег в основу нового способа жизни. Бесспорно, этому способствовал синтез на заре Возрождения двух великих культурных традиций: античной философской саморефлексии, открывшей самостоятельную силу человеческого разума, и средневековой христианской традиции с ее пониманием разума человека как созданного по образцу и подобию божественного, а потому способного к рациональному постижению смысла бытия.

Развитие капитализма привело к установлению в качестве главенствующего мотива обогащения. Трудно дать однозначное объяснение того исторического факта, что в результате свободного выбора, сделанного человеком, именно этот мотив стал ведущим в его деятельности. Скорее всего, наиболее близок к истине М. Фридман, связывающий, ссылаясь на А. Токвиля, этот феномен, т. е. превращение богатства в символ и свидетельство успеха, с тем, что широкие слои общества не желали принимать в расчет такие традиционные критерии феодального и аристократического общества, как родословная и происхождение. Очевидной альтернативой этим критериям являлись результаты практической деятельности человека, а накопление богатств было наиболее простым и доступным мерилем этих результатов².

Для человека вопрос о способе его жизни — это глубоко личностная тема, предмет извечных размышлений и переживаний. Для любой общности — это проблема целесообразности социальной активности ее членов, ее соответствия задачам поддержания ее эффективного функционирования и развития.

Способ жизнедеятельности (социальная энергетика) — одна из основополагающих составляющих организационного каркаса социальной общности. Другим таким базисным образованием, соотносимым со способом жизни, является порядок устройства общества, образующие его институты, т. е. совокупность ролей и статусов, обеспечивающих организованные усилия людей по удовлетворению различных потребностей социальной общности.

Эволюцию социального порядка в значительной мере определило происходившее в ходе истории постепенное вытеснение общинных (т. е. преимущественно личных) связей общественными (в основном рациональными) отношениями. Универсальной основой социального порядка в первобытной (родовой) общине было родство. Из него исходили права и обязанности первобытного человека, модели его поведения и отношений с другими. После того как семья превратилась в главную хозяйственную ячейку, возникла соседская община, которая стала основной первичной организационной структурой

¹ Лосев А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 69.

² Фридман М. Свобода и равенство // Фридман и Хайек о свободе. Минск, 1990. С. 76.

общества. Одновременно с утверждением территориального принципа расселения, образованием племен и их иерархических союзов, разделением социальных общностей на группы с различными интересами — словом, с возникновением общества — регулировать сильно усложнившиеся социальные связи стало государство с присущим ему особым аппаратом управления, включая средства насилия. Конкретные формы государственного правления были различными. Еще Платон, исходя из современного ему социального опыта, выделял аристократию, тимократию, олигархию, демократию и тиранию. Но главное назначение государства — организация социальной жизни — оставалось неизменным на протяжении всей истории.

Сочетание государства и объединений свободных граждан, представленных полисными, городскими, храмово-городскими и другими организациями общинного типа, было отличительным признаком социального устройства древних обществ. Соседская община сохранилась при феодализме, где в отсутствие централизованного государства социально-регулятивные функции выполнял сословно-иерархический порядок организации общества.

Произошедший при переходе к капиталистическому строю качественный скачок активности людей привел к резкому ослаблению общинных связей и крушению сословно-иерархической системы. В ответ начались поиск и образование новых форм социальной организации. Их основу составило сочетание гражданского общества и правового государства. Если первое призвано обеспечить суверенитет личности, свободное проявление и представительство в структуре власти интересов всех социальных групп, то второе — защитить общество от произвола какой-либо из групп, утвердить в противовес ему верховенство закона. Но разнообразные формы общинных связей не исчезли и при этом порядке организации социальной жизни.

Итак, эволюцию социального порядка нельзя представить вне перехода от общины к обществу, их длительного, не прекратившегося до сих пор сосуществования. Но сам этот переход связан с преобразованием способа жизнедеятельности людей (от первобытной коллективности к индивидуальному достижению социально заданного мотива и далее — к его свободному выбору, основанному на этом выборе образу жизни), что и явилось главным фактором изменения устройства социума. Основные требования к новому порядку всегда были одинаковыми: во-первых, способствовать институционализации предпочитаемых форм жизни. Во-вторых, вносить в изменившуюся жизнь людей достаточное организующее начало.

Особенности современного общества (общепланетарность, глобальное выживание, экология, высокие риски и др.) требуют дальнейшего преобразования способа жизнедеятельности людей и соотносящегося с ним конгломерата социальных институтов, решения энергоинституциональной задачи применительно к условиям новой социальной и глобальной реальности.

В чем эта задача? Наш ответ такой. До сих пор основную линию общественного развития определяло самопроизвольное изменение способа жизнедеятельности людей. В соответствии с ним проходила институционализация новых форм жизни и порядка социальной организации. Отныне, и в этом главное отличие саморегулятивного механизма, в котором нуждается современное общество, именно способ жизнедеятельности, ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразования человеком.

Чтобы уяснить суть этого преобразования, нужно прежде всего установить ту систему ценностных координат, на которую оно должно быть ориентировано. Эти координаты знакомы истории. Вот самые известные из них.

Эгоизм (в его разных видах) как поведение, в основе своей ориентированное на собственную пользу, ставящее интересы одного индивида выше интересов других, и его противоположность — альтруизм как бескорыстная забота о благополучии других людей или общем благе в целом.

Индивидуализм, акцентированный на индивидуальной свободе и собственных интересах личности, и его противоположность — коллективизм как главенство некоторой группы и ее интересов над человеческой личностью и ее индивидуальными запросами.

Э. Фромм выразил систему основополагающих ценностных координат дилеммой «иметь или быть», считая, что приоритет модуса обладания лишает «принцип жизни» его абсолютного значения, ведет к безразличию в жизни, утрате чувства благоговения перед нею.

Еще одна система ценностных координат связана с именем И. Канта. Остановимся на ней более подробно.

Как известно, одна из формулировок категорического императива Канта гласит: поступай так, чтобы человечество и в твоём лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобою как цель и никогда только как средство¹.

Данное высказывание можно проинтерпретировать и таким образом, что широкое распространение противоположной жизненной практики имеет особые социокультурные последствия. В этой связи можно говорить о социокультурной традиции, ценностным основанием которой является точка зрения, даже культ средства. Для ее обозначения лучше всего годится термин «тропократический», берущий начало от древнегреческих слов: *τρόπος* — средство, способ, образ действий и *χρatos* — сила, мощь, могущество, власть.

Происхождение этой социокультурной традиции обусловлено тем, что естественное становление деятельности и восприятия мира в качестве средства обеспечения жизни, реализации мотивов людей, привело к тому, что сама жизнь в решающей степени превратилась в средство, скрыло ее самоценность, самоценность различных видов человеческой деятельности и всего многообразия окружающего мира². Альтернативой культу средства является утверждение самоцельности и самоценности жизни, деятельности, окружающего мира. На смену культу средства должен прийти провозглашенный еще А. Швейцеров культ жизни. Таким образом, четвертая система ценностных координат носит следующий характер: жизнь средство — жизнь самоценна.

Реалии современного общества таковы, что на смену свободному выбору жизненных целей должно прийти свободное же ограничение людьми их нынешних желаний. Но это самоограничение должно быть сделано не в пользу альтруизма или коллективизма. Оно сродни здравому смыслу, только вышедшему за пределы сиюминутности, поскольку равнозначно признанию самоценности мира и самых разнообразных проявлений человеческой жизни. Опыт истории показал, что бесперспективно добиваться отказа человека от первенства его интересов, его «Я». Но хотя, бесспорно, эгоизм и индивидуализм — не лучшие человеческие качества, противопоставлять им следует не их антиподы — альтруизм и коллективизм, — а признание и за другими людьми прав, равных моим правам, отказ от отношения к другому, равно к миру в целом, как исключительно к средству достижения моих желаний, безотносительно к тому, являются эти желания индивидуальными или групповыми.

¹ Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. 2. С. 79.

² Рубанов А. В. Кант И. и тропократическая культура. Философия И. Канта и современность: материалы междунар. науч. конф. 19–20 нояб. 2004 г. Минск, 2005. С. 66–70.

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В современной философско-методологической литературе фундаментальную роль играет концепция академика РАН В. С. Стёпина, касающаяся выделения трех типов рациональности — классического, неклассического и постнеклассического, которые задают особый ракурс исследования и понимания идеалов объяснения и описания в самых различных областях науки, политики, экономики, управления¹. Сегодня теме *рациональности* как философско-мировоззренческой установке, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума, уделяется особое внимание. Рассмотрим *специфику рационализма в жизненном мире политики, экономики, коммуникативных практик, принятии рациональных и в то же время нравственных решений*.

Рациональность, коммуникация, жизненный мир человека

Обращение к критическому осмыслению происходящих событий перед лицом «глобального кризиса» и «глобальной депрессии», необходимости синтеза полученных знаний актуализирует тему рациональности, в то время как «представители глобального управляющего класса в своих публичных выступлениях демонстрируют, как правило, либо неспособность осмыслить происходящее, либо принципиальное нежелание искать приемлемый для него выход»². Тема рациональности пронизывает разнообразные сферы человеческого бытия, специфицируясь в социально-философских, ценностно-антропологических, научно-познавательных, политико-правовых и экономических дискурсах. Наряду с этим выстраиваются гносеологические и методологические модели рациональности, опирающиеся на такие критерии познавательных целей и их достижения, как *эмпирическая адекватность*,

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск : БГУ, 2012.

² Делягин М. Г. В жерновах глобальной депрессии // Свободная мысль. 2013. № 1 (1637). С. 5.

целерациональность, эффективность и продуктивность интеллектуальной и практической коммуникации, общепринятость норм и правил поведения, ясность и согласие относительно понятий и суждений. Разрешение конфликта между различными типами рациональности, преодоление ранжирования их на «низшие» и «высшие» возможно, если исходить из принципа методологической дополнительности Н. Бора, позволяющего рассматривать оба подхода в ракурсе смысловой сопряженности и связи человеческих знаний в раскрытии закономерностей природы и общества, эффективности социальных действий и институтов, субъективности свободы и творчества. Принцип дополнительности важен и для понимания специфики коммуникативной рациональности, требуя сочетания норм логической семантики, знания смыслов и значений, рациональных правил, описаний и объяснений, взятых в контексте культурно-исторической статистики, с одной стороны, и учета динамики коммуникативных практик и процессов, вплетенных в конкретно-исторические условия и реальный коммуникативный процесс, с другой стороны¹.

Выяснение специфики коммуникативной рациональности, принятие рациональных и нравственно-ориентированных решений особенно необходимо в условиях современного рискогенного общества. Рационализм в европейской традиции как жизнеспособный и полнокровный образ мысли придал характерную окраску не какому-то отдельно взятому, а всем без исключения социальным, экономическим, политическим направлениям, невзирая на их содержательные различия. *Почти все ныне существующие бизнесмены и политики заняли рационалистическую и приближающуюся к ней позицию*, идя к этому образу мыслей собственным путем — или по убеждению, или в силу веры в то, что рационализм неотвратим, или вовсе принимая его без рассуждений. При этом общий характер и настрой рационалиста заключается в том, что он всегда утверждает *независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли*, отказывающийся преклоняться перед авторитетом и делающий исключение только для авторитета разума. По своему образу мыслей рационалист является одновременно и скептиком и оптимистом: скептиком — потому что во всем разнообразии мнений, обычаев, верований не находится ничего, что избежало бы его критики, ничего, способного уйти от суда разума; оптимистом он является потому, что никогда не сомневается в способности собственного разума определять истинную ценность вещей, справедливость мнений или ущербность действий².

При всех издержках рационализма, который критиковался в своих мировоззренческих и методологических установках как образцово-идеальная модель организации общества, основных социальных практик, человеческого поведения и общения, достижения истинного объективного знания, эта методологическая установка остается непреходящим ориентиром современной науки, культуры, экономики, политики, коммуникации, включая в свое исследовательское поле проблемы принятия решений, выявления специфики политической и экономической коммуникации, обоснования новых геополитических сценариев и т. д. в условиях политических, экономических, экологических и других типов рисков, вступая при этом в диалог с альтернативными подходами. Это касается и коммуникативных практик.

Важно иметь в виду, что процесс любой коммуникации предполагает своего рода «перекодировку вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» (Г. Почепцов), что означает: посредством слов, обмена значениями выражений некоторого языка

¹ Порус В. Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности). М. : УРАО, 1999. С. 54.

² Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи: пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 7–38.

вызываются необходимые действия. Причем, как правило, *субъект, передающий сообщение, обладает некоторой властью над субъектами, принимающими это сообщение*, а в рамках коммуникативного пространства работают соответствующие правила коммуникации. Исходя из этого *коммуникация считается рациональной, если она подчинена определенным критериям, разумность которых признается и принимается субъектами коммуникации*; если участники коммуникации признают разумными конкретные приемы и процессы обмена смыслами, влекущими за собой определенные действия; если она позволяет достичь целей на основе общих ценностей — рационального принятия управленческих решений, взаимопонимания и консенсуса в переговорном процессе, в случае разрешения различного рода конфликтов и др.

Поиск критериев рациональности, которые бы «работали» на более широком коммуникативном пространстве и в меньшей степени подвергались критической рефлексии и сомнению, приводит нас к осмыслению концепции *«формальной рациональности»* М. Вебера. В качестве критерия рациональной коммуникации выступает здесь успешное действие, т. е. *действие, достигающее цели или способствующее ее достижению*. Действия, не достигающие своей цели, определяются как нерациональные или иррациональные, т. е. уводящие от цели действия.

В реальных антропологических, экономических и социально-политических практиках критерии «формальной рациональности» «достраиваются» и другими подходами, расширяющими пространство успешного целерационального действия, когда приходится «на ходу» корректировать соответствующие цели и механизмы достижения их, использовать не только логически четко выстроенные аргументы, но и противоположные им приемы и манипуляции. В качестве идеальной модели, наиболее полно отвечающей пониманию «формальная рациональность», может выступить обмен информацией и командами между техническими устройствами любой степени сложности¹. Лишь в строгой науке критерии научной коммуникации и такие методологические установления, как ценность истинного, достоверного, непротиворечивого знания, признаются общими и значимыми для всех субъектов познавательных процессов и в то же время наполняются новыми специфическими характеристиками рациональности в конкретном историко-культурном контексте классической, неклассической и постнеклассической науки². В рамках *политической коммуникации* ее субъекты ориентируются прежде всего на ценность власти, учитывая методы усиления своей и возможности чужой власти, что и является здесь критерием рациональности и рационального политического решения. *Экономическая рациональность* не обходится без таких ценностных ориентиров, как экономическая выгода, прибыль и т. п.

Несмотря на специфику коммуникативного пространства (политическое, научное, экономическое пространство), существуют общий предметно-смысловой континуум, «общий язык», общее правило, позволяющие осуществлять коммуникативный процесс, приспособив свой опыт и свой язык к опыту другого, чтобы не произошла «блокировка» общей коммуникационной системы из-за нашего неумения/нежелания принять ее «правила игры». *Чтобы не прийти к «пределу доверия», надо быть предельно внимательным и рациональным*. Ведь даже в технических устройствах достаточно трех неверных попыток для блокирования системы. Наши ошибки в политической, экономической, межличностной коммуникации имеют порой негативные последствия, когда из-за обрванного

¹ Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М.: ИФ РАН, 2009. С. 56.

² Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте.

или написанного слова, сообщения, неверных фраз, игнорирования социокультурного и ментального контекста трудно наладить деловые и иные коммуникационные отношения.

Динамично развивающийся современный экономический, политический, духовный и в целом жизненный мир человека несомненно открыт для инновационных средств общения, новых коммуникационных практик, «языковых игр», разрушая в отдельных случаях традиционные структуры коммуникативной рациональности и не позволяя своевременно сформироваться механизмам адаптации человека к ним, а значит, понимания, ориентации и «вписывания» в непривычное коммуникационное пространство. Именно поэтому Ю. Хабермас в «теории коммуникативного действия» связывает понятие коммуникативной рациональности с жизненным, быстро меняющимся миром, включая в него мир политики, экономики, принятия решений.

В современном демократическом обществе важно, чтобы *коммуникативная рациональность или рациональность общения была ориентирована на предпочтения ценностей компромисса, консенсуса, рационального дискурса* и тем самым способствовала взаимному согласованию деятельности социальных субъектов, наработке и вписыванию в общественное развитие наиболее прогрессивных локально-коммуникационных практик, что приводит к реализации принципа социальной справедливости (Дж. Ролз).

Рациональность современного общества с необходимостью проявляет себя в умении согласовывать частные и общие интересы, в стремлении не доводить до крайности и конфронтации различные политические, экономические и духовные предпочтения, нейтрализовать их враждебные столкновения. Отсюда – возможность рационализации конфликтов на пути согласования интересов, рационализация принятия политических и экономических решений, разработка специальных институтов и технологий по регулированию приемлемых для конфликтующих сторон вариантов консенсуса. Политико-экономический дискурс при этом использует рациональные стандарты языка науки и одновременно отвечает определенным общественным реалиям и социальным целям – политической эффективности, экономической выгоде и т. п.¹

Рациональная коммуникация в экономике, политике, управлении

Развитие коммуникационных технологий за последние несколько десятилетий качественно преобразили облик современного мира, расширяя различные источники информации, средства и каналы доставки знаний, радикально изменяя содержание процессов общения в сфере экономического и социально-политического дискурсов. *Политика и экономика изначально содержат в себе коммуникационное начало*, которое проявляется в конкретно-исторических формах взаимодействия различных субъектов экономики и политики – индивидов, субъектов хозяйствования и финансово-экономической деятельности, социальных групп и выражающих их интересы институтов по поводу установления, функционирования и изменения политической и экономической власти в обществе.

Рациональность в экономике означает такое поведение экономического агента (потребителя, производителя, правительства и т. д.), которое соответствует набору правил, относящихся к предпочтениям (*preferens*). В теории потребительского спроса, например, предполагается, что потребители подчиняются *аксиомам рациональности* и другим аксиомам поведения, которые в совокупности образуют поддающуюся проверке теорию поведения потребителей. К таким аксиомам рациональности, используемым в теории потребительского спроса, относятся *аксиомы полноты, транзитивности и выбора*.

¹ Коммуникативная рациональность... С. 52–59.

В противоположность классическому подходу в экономической науке, в котором предпочтение отдавалось расчетливому, рационально-прагматическому экономическому агенту с его установкой на получение собственной выгоды любой ценой, в современной экономике формируется постнеклассический тип рациональности, предполагающий соотносимость с ценностно-целевыми структурами общества. Современная экономика социальных взаимодействий «переживает» *антропологический поворот*, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т. п. В экспериментальной экономике нейроэкономистами доказано, что люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства¹. Социокультурный контекст в понимании справедливости европейцами и американцами позволяет современным экономистам объяснить макроэкономические различия между Европой и Америкой. Полагая, что бедные – не лентяи, а жертвы обстоятельств и несправедливости, европейцы поддерживают высокие социальные пособия и соответственно высокие налоги, американцы же голосуют за низкий уровень бюджетного перераспределения и низкие налоги. Оказывается, экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье. Эконометрические методы, несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни или счастье является наиболее близким аналогом функции полезности или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ощущением полноты счастья, падением инфляции и несчастьем от роста безработицы и т. п. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже².

Наряду с широким использованием экономистами количественных аргументов, идеалов и подходов, сформированных в естественных науках, с формулировкой теоретико-методологических предпосылок, обоснованием гипотез с последующей верификацией эмпирических данных и получением истинных результатов в виде теоретически убедительных построений (свидетельствующим о высоком статусе экономики в современной науке, ее лидерских амбициях), современные направления экономической науки включают в себя *открытый тип рациональности*, нелинейный характер развития экономических процессов, неустойчивость, динамическую иерархичность и необходимость учета нравственно-аксиологических измерений в принятии решений.

Это дает импульс развитию рационального подхода к проблеме формирования справедливого общества, и в частности, *справедливого распределения*, основополагающие принципы которого нашли свое отражение в книге «Теория справедливости» (1972) философа из Гарвардского университета Джона Ролза. Автор утверждает, что справедливое общество – это такое устройство общества, которое индивиды выбрали бы, если бы на них не оказывали влияния их чисто личные интересы. В таком «исходном положении», когда индивиды заведомо не знают того положения (определяемого полом, расой, способностями), которое они займут в обществе, они выберут такое общество, которое будет обладать следующими свойствами: каждый индивид получит равные права на максимальную личную свободу, совместимую со свободой других индивидов; все неравенство в обществе

¹ Fehr E. Theories of Fairness and Reciprocity – Evidence and Economic Applications. Advances in Economics and Econometrics – 8-th World Congress, Econometric Society Monographs. Cambridge, 2002.

² Di Tella K. Some Uses of Happiness Data in Economics // Journal of Economic Review. 2006. Vol. 96. June. P. 108.

(а) может являться результатом свободной конкуренции и (б) может оправдываться лишь настолько, насколько оно приносит пользу всем членам общества. Данное свойство, которое Ролз назвал «дифференциальным принципом», наибольший интерес представляет для экономистов. В соответствии с этим принципом неравенство допустимо только тогда, когда оно создает стимулы к труду и производству, когда оно гарантирует максимальное возможное благосостояние наименее обеспеченному члену общества. К тому же Ролз рассматривает понятия «богатство», «состоятельность» и «неравенство» не в терминах полезности, т. е. прагматической рациональности, а в *гуманистических терминах первичных благ*, к которым, наряду с благосостоянием и доходом, относятся права, свободы, возможности и способности человека. Заметим, что если в классической экономике благосостояние рассматривалось как синоним удовлетворения или полезности, то в современных экономических концепциях *благосостояние является этическим понятием и удовлетворение потребностей индивида рассматривается как благо*. Экономическая теория благосостояния выступает как наука о том, как экономическое устройство влияет на благосостояние членов общества. Экономическое благосостояние при этом выступает как часть человеческого благосостояния, являющаяся результатом потребления благ и услуг и выражающаяся не только в денежной, но и в ценностно-гуманистической форме. Хотелось бы верить, что по мере того, как на смену обществу и экономике потребления будет приходить общество и экономика справедливости, критерии экономического благосостояния будут наполняться новыми, гуманистическими индикаторами, подобными «экономике счастья», блага, ценностей, гражданского долга, привилегий общественной морали и партнерства.

Реагируя на коммуникативные и аксиологические повороты открытой рациональности современной экономики, следует обратить внимание на понятие *общественного оптимума*. Данное понятие используется в экономической теории благосостояния и выражает такое размещение ресурсов общества, такую структуру производства и распределения продукции, которые являются «наилучшими» с точки зрения набора поставленных целей, когда рассматривается выбор между различными альтернативными ситуациями, каждая из которых является оптимальной по Парето (Pareto optimal). Здесь утверждается, что в каждой из этих ситуаций можно сделать кому-то лучше только за счет того, чтобы кому-то другому стало хуже. Вводя функцию общественного благосостояния, отражающую благосостояние общества в целом как благосостояние составляющих его индивидов, можно из всех оптимальных, по Парето, ситуаций выбрать наилучшую, являющуюся общественным оптимумом. Такой рациональный выбор в идеале задает стратегию экономического развития общества, определяет его перспективные направления, социально-экономическую политику государства и соответственно детерминирует специфику политической коммуникации.

Политическая коммуникация как своеобразный вид политических отношений и информационное поле политики представляет собой совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и органы власти с целью определения своих задач и влияния на поведение граждан. Информационные потоки политической коммуникации выступают действующим механизмом формирования массовых настроений, общественного мнения, коллективных представлений, политических предпочтений¹.

Специфика политической коммуникации определяется совокупностью процессов информационного обмена, ориентированного на передачу политической информации, структурирующей политическую деятельность и придающей ей особое значение. Ин-

¹ Данилов А. Н. Переходное общество: Проблемы систем. Трансформации. Минск : Універсітэцкае, 1997.

формационно-коммуникативные процессы в этом случае неотделимы от политических и экономических отношений в обществе, подчиняясь принципам и законам политической системы, специфическим формам взаимодействия субъектов политики и экономики.

Политическая коммуникация включается в широкий спектр массовой коммуникации, действует на формирование отношения к тем или иным политическим проблемам общества и в конечном итоге воздействует на функционирование экономической и политической системы, ее стабильность и устойчивость.

Политическая коммуникация как процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой, осуществляет информационный обмен между политическими акторами в ходе их формальных и неформальных взаимодействий, передачу, перемещение, оборот политической информации.

В зависимости от типа отношений между субъектами политики, целей и ресурсов, на которых основана та или иная коммуникация, выделяют такие *типы политических сообщений*, как *побудительные* сообщения (приказ, убеждение), собственно *информативные* (реальные или вымышленные сведения) и *фактические* (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики)¹.

Система политической коммуникации направлена на различные уровни информационных потоков, определяющих ее виды:

актуальная информация, обслуживающая органы власти и управления, необходимая в рамках государственного управления (служебная и иная информация, необходимая для решения тех или иных административных задач);

информационная среда деятельности партий, профсоюзов, общественных движений (программы, уставы и информация в рамках общественных объединений);

информация, обращенная непосредственно к общественному мнению, к массовому сознанию, к политическому поведению больших групп людей (с особой ролью средств массовой информации);

неформальная коммуникация между людьми и группами, которая не контролируется внешне формальными структурами (слухи, сплетни, анекдоты, карикатуры и политические мифы как каналы передачи неформальных сообщений), позволяющая включаться в политический процесс широкому слою субъектов и адаптироваться к политической информации в рамках собственного мировоззрения и принятия политических ценностей.

Политическая коммуникация является неотъемлемой частью политики, представляет ее сущность, организует общение между людьми для решения социально значимых задач в политической сфере, оказывает значительное влияние на отдельные политические процессы, осуществляет взаимодействие субъектов политики, формирование политических предпочтений и ориентаций, является своеобразным индикатором социально-политических процессов².

Коммуникация в сфере политики и экономики предполагает использование элементов и диалогической, и авторитарной манипулятивной направленности. В последнем случае *политическая коммуникация реализует свое экспрессивное начало*, позволяющее достаточно успешно воспринимать ее, интерпретировать и понимать. Здесь в отличие от других сфер коммуникации вряд ли уместно то или иное сообщение «прошептать», подать в мягкой, индифферентной форме. *Мотивирующим и оптимизирующим средством политической коммуникации является ее ориентация на власть, подобно тому, как в науке таким средством и целью выступает истина, в экономике и бизнесе — деньги, прибыль, обогащение,*

¹ Василик М. А. Основы теории коммуникации. М. : Гардарики, 2006.

² Вершинин М. С. Политическая коммуникация. СПб. : Михайлов, 2001.

коммуникативное взаимодействие в процессе производства материальных благ. Вместе с тем при всей специфике рациональной коммуникации в зависимости от ее принадлежности к тем или иным глобальным формам социальности — к политике, экономике, науке и т. д., важно ее наполнение нравственным началом, либеральными ценностями, идеалами согласия, толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения. Как только нарушается эта «мера добра», тогда и возникает возможность «перекодировки» системы коммуникативной рациональности, ее перехода в свою противоположность. К примеру, *когда политические решения регулируются не кодом власти, а кодом денег возникает коррупция, когда для субъекта власти код личных предпочтений более значим, чем объективные критерии и показатели развития общества, возникает политический волюнтаризм*, ведущий к рискованным ситуациям и принятию неадекватных управленческих решений.

Важнейшим условием социальной жизни является «вотум доверия» в обществе, без чего невозможны бизнес, политика, искусство, личная жизнь, консолидация и обеспечение единства общества, его цивилизационное развитие. Именно доверие и гражданская идентичность обеспечивают стабильность и реализацию нравственного вектора социальной динамики. При этом доверие в широком смысле слова означает *взаимное доверие личности бизнесу, экономике, праву, государству, определяет механизмы формирования гражданской идентичности*. Понятие гражданской идентичности вбирает в себя такие исторически предшествующие стадии, как «этническая», задающая принадлежность к роду, племени, клану; «статусная», на которой личность выступает как уже выделенный из рода индивид и занимающий определенное место в социальной иерархии; «ролевая», на которой личность идентифицируется по выполняемым ею социальным ролям и профессиональной востребованности; «проектная», на которой идентификация задается ее ответственностью, признанием и узнаваемостью личности в обществе, сетевом пространстве; «постчеловеческая», где идентичность выступает в синтезе свободы и ответственности, гражданской зрелости и жизненной компетентности, нравственности и взаимного доверия личности и социума¹.

Демократическая коммуникативная рациональность позволяет ее участникам поддерживать целенаправленное общение даже в случае негарантированного успеха, ради стремления к консенсусу, что лишает такую коммуникацию потенциальной или актуальной «репрессивности». При этом коммуникативная рациональность/нерациональность погружается в пространство анализа отношений между субъектами коммуникации, разрешения проблемных ситуаций, налаживания дискурса и «языковой игры» с ее правилами и системой аргументации. В зависимости от участников коммуникации, их целей, интеллектуального окружения рациональность приобретает специфические черты и смыслы в ситуации повседневности, научного, политического, экономического дискурса и т. п., обеспечивая плюрализм коммуникативного пространства.

Политико-экономический дискурс, нацеливаясь на политическую эффективность и экономическую выгоду, отличается в основном использованием рациональных стандартов языка науки и одновременно ориентируется на определенные общественные реализации и социальные цели. *Научный дискурс* отвечает понятиям истины, достоверности, обоснованности и не ограничен никакими внешними — предметными и социальными — сферами, хотя в рамках современной науки особую актуальность приобретает этико-гуманитарная экспертиза проводимых научных исследований с привлечением заинтересованной общественности и гражданских инициатив. Вне отчетливого понимания контекста исторической эпохи, своеобразия индивидуального стиля, исключаящего унифициро-

¹ Тульчинский Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философ. науки. 2012. № 11. С. 76–78.

ванные знаковые стандарты, невозможно представить *художественный дискурс*, раскрывающий смысл произведений искусства. В любом случае рациональность как базисная ценность европейской культуры цементирует собой социальное устройство демократических стран, систему международного права и современные коммуникативные стратегии, демонстрируя свою общественную значимость и фундаментальность, обеспечивая тем самым принятие адекватных политических решений.

Модели принятия управленческих решений: нравственно-ценностные регулятивы

Неразрывная связь политической коммуникации и принятия управленческих решений со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений обуславливает необходимость разработки эффективных механизмов принятия рациональных решений и управления этим процессом на уровнях мегариска (международного или глобального), макрориска (внутреннего, странового) и уровне микрориска (отдельных субъектов – политиков, экономистов, предпринимателей, фирм и т. п.) с учетом междисциплинарных подходов и стратегий.

В принятии решений выделяют несколько фаз: накопление исходных данных о проблемной ситуации в обществе; анализ исходных и всех дополнительных данных; принятие решения; реализация решения¹.

Принятие решений в сфере государственного управления детерминировано масштабом управленческого воздействия и уровнем своего осуществления. Процесс принятия управленческих решений, сочетающий в себе диалог государства и общества, государственных структур и гражданских инициатив, олицетворяет содержание современной общественной (публичной) политики, обеспечивая гуманистический вектор ее дальнейшего развития и реализацию целей прогрессивной динамики социума. *Междисциплинарно-синергетический ракурс интерпретации общественной политики позволяет рассматривать процесс принятия политико-управленческих решений как саморазвивающуюся систему*, ориентирует исследование на раскрытие целостности данной системы и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей системы принятия решений и сведения их в единую теоретическую картину, где равнозначно представлена совместная управленческая деятельность институтов государства и институтов гражданского общества, система официального законодательства и демократических структур и инициатив².

В процессе принятия управленческих решений приходится осуществлять выбор в условиях неопределенности и риска, которые связаны с наличием факторов, неподдающихся в политике строго количественной оценке. Методы системного анализа и междисциплинарно-синергетического подходов как раз и направлены на выдвижение альтернативных вариантов решения проблемной ситуации, на выявление масштабов неопределенности по каждому из вариантов и на сопоставление вариантов по тем или иным критериям эффективности, что позволяет выбрать наиболее приемлемый («здесь и сейчас») способ управления и принятия решения для конкретной ситуации³.

¹ Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. С. 5.

² Современная политическая наука: нравственные регулятивы / под ред. Я. С. Яскевич и К. А. Войташчика. Минск : Право и экономика, 2012. С. 48.

³ Яскевич Я. С. Политический риск и психология власти. Минск : Право и экономика, 2011. С. 118.

В современной науке *формируется качественно новая синергетическая социально-политическая картина мира, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума*. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой политической системы, нелинейность и открытость вариантов будущего развития, нестабильность и хрупкость современного мира. Синергетическое мировидение дает вместе с тем и теоретическую основу для цивилизационной перспективы, ибо предполагает, что шествие человеческой истории не предопределено и во многом зависит от нравственного выбора людей, ответственности субъекта власти, их способности заглядывать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их реального воплощения в сценарий истории, становясь одновременно его режиссером, автором и исполнителем¹.

Синергетическая эпистемология задает новые принципы в развитии социально-гуманитарных наук и поведения человека в XXI веке, ибо важно понять, что «линейное мышление может быть опасным в нелинейной сложной реальности... Мы должны помнить, в политике и истории монокаузальность может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму... Подход к изучению сложных систем порождает новые следствия в эпистемологии и этике. Он дает шанс предотвратить хаос в сложном нелинейном мире и использовать креативные возможности синергетических эффектов»².

Современные модели принятия решений все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качеств, установок на сотрудничество, понимание, согласие и высокий профессионализм. *Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (Managing by instructions – MBI) к управлению по целям (Managing by objections – MBO) и, наконец, к управлению на основе ценностей (Management by values – MBV)*³.

В условиях радикально меняющегося рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, *одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса*, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента. Модель управления на основе ценностей как устойчивой системе убеждений о предпочтительных принципах поведения, требованиях организационной жизни и нравственных регулятивов позволяет эффективно, творчески и ответственно решать сложные вопросы, уметь приспосабливаться к неопределенности, работать на взаимном доверии и преданности делу компании. Вопрос заключается в том, «как сохранить человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую,

¹ Яскевич Я. С. Время кризиса – время надежды и диалога. Минск : Право и экономика, 2011. С. 31.

² Майнцер К. Размышления о Сложности. Сложная динамика материи, разума и человечества. М. : Наука, 1994. С. 212.

³ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М. : Претекст, 2008.

а резкое ухудшение условий жизни создает сильнейший соблазн избавиться от моральных норм, сохраняющихся «по инерции»¹.

Модель управления на основе ценностей является своего рода вызовом современной экономике, предъявляя системе управления человеческим капиталом необходимость ее переориентации на субъект-субъектные отношения в лице персонала компании, организационное развитие управления и принятия решений на основе изменения культуры компании, культуры контроля и культуры развития. *Необходимы нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей*, индивидуализации в структуре управления через акцентацию роли лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество, образующие социальный капитал, его эмоциональное воздействие. Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными. Эффективное управление персоналом становится ключевым показателем². Такие принципы управления персоналом, как разумное использование ресурсов компании, эффективные коммуникационные планы, гибкая корпоративная культура, основанная на сотрудничестве, четкая политика вознаграждений и отчетности, оказывают наибольшее влияние на акционерную стоимость, повышают корпоративную производительность, эффективность сотрудников компании и доход акционеров. Индекс человеческого капитала (НСИ), оценивающий различные методы и принципы управления персоналом и принятия решений, подтверждает четкую взаимосвязь между эффективностью сотрудников компании и высоким доходом акционеров, как показывают исследования международной компании Watson Wyatt Consulting³.

Эффективные методы и принципы управления персоналом, конкурентная стратегия по повышению качества работы, гибкость и инновационность в PR-политике приносят большую рентабельность инвестиций, чем новые технологии и разработки (НИОКР). О влиянии персонала на итоговые достижения компаний свидетельствует семилетнее исследование Management Today, проведенное в Великобритании Институтом персонала и развития, в рамках которого был сделан вывод, что от управления персоналом зависит 19 % различий в производительности между компаниями и 18 % различий в объемах дохода, что выше влияния НИОКР. Инновационная модель управления на основе ценностей, бизнес-модель, несомненно, требует реорганизации культуры предприятия в целом, внедрения и развития новых убеждений и приоритетов среди персонала на всех уровнях, системного управления качеством и эффективного планирования.

Такие приоритетные корпоративные ценности в деятельности сотрудников, как креативный подход при решении сложных вопросов, умение находить быстрые решения в условиях неопределенности, самостоятельность и ответственность, самоконтроль, преданность компании, взаимное доверие, обеспечивают эффективное функционирование организации, ее рост, конкурентоспособность, личностное развитие сотрудников, их мотивированность на успех, продвижение и благополучие, ибо «основа успеха – сотрудники. Именно поэтому они вознаграждаются за преданность, высокие достижения и личностный рост, опираясь на три долгосрочные инициативы компании: предоставление сотрудникам права покупки акций компании, вручение наград за профессиональные достижения

¹ Делягин М. Г. В жерновах глобальной депрессии // Свободная мысль. 2013. № 1 (1637). С. 17.

² Верякина В. П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Философ. науки. 2012. № 6. С. 7–21.

³ Oliver J. Invest In People and Profitability and Productivity, Management Today (1998, March) – Tsupport@Bellhowell, inforlearning – com.

и постоянное обучение и тренинг»¹. В реальной практике утверждаются системы корпоративных ценностей, управление по ценностям (management by Values, MBV). Так, председатель банка «Уралсиб» Николай Цветков настаивает именно на таком типе управления и считает его «новым инструментом стратегического лидерства, когда ключевой корпоративной ценностью выступает самосознание, предполагая, что ясное понимание своих внутренних побуждений, желаний и намерений, своего места в мире, обществе и семье, в профессии и компании наполнит работу и жизнь сотрудников смыслом»².

Высокие личностные качества руководителей-управленцев, их привлекательный имидж и глубинный профессионализм создают основу развития эффективной экономики и бизнеса. «В бизнесе, как и в любом другом виде человеческой деятельности, особенно в высших ее проявлениях, высока роль личности. Именно от личности зависит выбор и принятие решения в важных и критических управленческих ситуациях, которые определяют, по какому пути пойдет основное развитие»³.

Необходимо иметь в виду, что в условиях синергетической открытости «в точках исторических переломов даже самое слабое воздействие может оказаться решающим. Каждый из нас, — подчеркивает Михаил Делягин, — может стать соломинкой, ломающей спину верблюда, и мы обязаны использовать все имеющиеся или кажущиеся возможности до последней»⁴. *Философия управления на основе поощрения самоконтроля, креативного решения сложных ситуаций, высокой потребности к самостоятельности и ответственности, творческого участия и взаимного доверия и означает управление на основе ценностей и развития человеческого потенциала.*

Таким образом, отмеченные академиком РАН В. С. Стёпиным особенности постнеклассического типа рациональности, связанные с включением в структуру науки ценностных императивов, проявляют себя и в современной политике, экономике, управлении, когда принимать решения приходится в контексте коммуникативной рациональности и наличия множества синергетических факторов, когда необходимо учитывать меняющуюся информацию о событиях, определять вероятность реализации многообразных вариантов принимаемых решений и социально-политических рисков, ориентироваться на нравственные регулятивы и ценности, идеалы доверия, сотрудничества и ответственности.

¹ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М. : Претекст, 2008. С. 52.

² Корпорация самопознания // Forbes. 2013. № 4 (109). С. 96–99.

³ Литвак Б. Г. Великие управленцы. 2-е изд., доп. М. : Наука-Пресс, 2006. С. 618.

⁴ Делягин М. Г. В жерновах глобальной депрессии. С. 13.

ФЕНОМЕН НЕРАВНОВЕСНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СРЕД И ПРОБЛЕМА НЕЛИНЕЙНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

На рубеже XX–XXI вв. социальная философия эксплицитно зафиксировала, что новации в сфере нематериальной культуры возникают именно в неомогенном культурном пространстве. В силу этого актуальным становится исследование механизма взаимодействия культурных традиций в свете выявления креативного потенциала этого процесса. Подобное исследование может быть проведено на основе нелинейного подхода к процессу кросс-культурного взаимодействия, опирающегося на методологические принципы современной синергетики.

Разумеется, это возможно лишь с учетом специфики интерпретации последних в контексте гуманитарного познания.

Следует отметить, что вопрос о перспективах применения синергетического подхода к анализу социально-культурных явлений фактически является открытым: если на уровне прикладных исследований соответствующие разработки активно осуществляются в самых различных гуманитарных областях, то на концептуально-методологическом уровне столь же активно ведутся дискуссии о правомерности, корректности и даже самой возможности использования синергетического подхода к феноменам социо-гуманитарного порядка.

В рамках этих дискуссий, с одной стороны, формируется своего рода вектор позитивной оценки перспектив использования идей самоорганизации при исследовании феноменов социального и гуманитарного порядков. Как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, в ходе разворачивания синергетической исследовательской матрицы «неизбежно напрашивается аналогия с социальными явлениями и даже с историей»¹. А. Баблюяц также отмечает, что «в настоящее время концепция и методы рассмотрения диссипативных структур проникли не только в область естественных, но и социальных наук»².

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 56.

² Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М., 1990. С. 25.

И в целом, по оценке О. Тоффлера, «синергетическая парадигма особенно интересна тем, что она акцентирует внимание на аспектах реальности, наиболее характерных для современной стадии социальных изменений: разноурядочности, неустойчивости, разнообразия, неравновесности, нелинейных соотношений, в которых малый сигнал на входе может вызвать сколь угодно сильный отклик на выходе, и темпоральности — повышенной чувствительности к ходу времени»¹.

Однако на этом мажорном фоне И. Пригожин и И. Стенгерс формулируют предупреждение против непосредственного заимствования социальными науками понятий и методов синергетики. По их мнению, прямая «аналогия между ними и социальными или экономическими явлениями» и непосредственное апплицирование синергетической методологии на материал социально-исторического характера не могут рассматриваться в качестве корректных².

Из сказанного можно сделать вывод о том, что корректное применение методологии нелинейного моделирования предполагает специальную предварительную работу, которая позволила бы интерпретировать культуру в категориях синергетической методологии и апплицировать выявленные синергетикой закономерности на предметность, имеющую социально-культурную природу³.

В данном случае, т. е. при необходимости нелинейного моделирования кросс-культурного взаимодействия, необходим анализ культурной среды на уровне категориального строя культуры, позволяющий обнаружить ее изменения на своего рода микроуровне и зафиксировать те процессы самоорганизации, которые имеют место на уровне ее мировоззренческих универсалий.

В этом контексте целесообразно применить рассмотрение культуры, предложенное В. С. Стёпиным⁴, и трактовать ее как систему программ деятельности и поведения, усвоение которых индивидом в процессе социализации имплицитно формирует у него соответствующие представления о мире, человеке и месте человека в мире, лежащие в основании универсалий культуры того или иного периода.

* * *

В стабильном и равновесном своем состоянии культурное пространство может рассматриваться как аксиологически центрированное определенной совокупностью тех ценностных иерархий и интерпретационных матриц, которые рассматриваются в данной культурной традиции как нормативные. Подобный «центр» культурного пространства может быть условно обозначен как своего рода «ортодоксия». Если иметь в виду не конфессиональный, а собственно этимологический смысл этого понятия (*ortos* — правильный, *doxa* — мнение), то под ортодоксией можно понимать феномен канонического воспроизведения в рамках культурной традиции той или иной теоретической системы, обретающей в этой традиции аксиологически акцентированный статус *учения*, вне зна-

¹ Тоффлер О. Наука и изменение. М., 1986. С. 16–17.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса... С. 270.

³ Можейко М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм. Смоленск, 2004. Раздел 1.2.

⁴ Стёпин В. С. История и философия науки. М., 2011; *Он же*. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды Минск, 2012.; *Он же*. Специфика научного познания и социокультурные предпосылки его генезиса // Наука и культура. М., 1984; *Stepin V.* Theoretical knowledge. Springer vert. Dordrecht, 2005.

чимых семантических трансформаций ее содержания, однако при неизбежной редукции последнего с течением времени.

В своем становлении каждая ортодоксия проходит следующие этапы:

- содержательное оформление концепции;
- формирование вокруг концептуального ядра будущей ортодоксии пояса культурных поведенческих программ, которые фиксируют ее предпочтительный по отношению к другим системам статус;
- официальное санкционирование ее со стороны официальных структур (государство, церковь и др.) посредством придания ей статуса единственно легитимной интерпретационной стратегии в соответствующей предметной области.

Оформившаяся ортодоксия исключает релятивизм трактовки, обретая черты социальной мифологии. Соответственно этому ортодоксия в перспективе имеет тенденцию к трансмутации от статуса концепции, организованной в форме проблемного знания, к статусу замкнутого и формализованного догматического кодекса, тяготеющему — при аппликации на массовое сознание — к катехическим жанрам бытия в культуре¹.

В равновесном (центрированном вокруг ортодоксии) состоянии культурная традиция обеспечивает стабильность характерных для нее аксиологических шкал.

Для индивидуального сознания это означает, что оно может функционировать на основе устоявшихся мировоззренческих схем и интерпретационных стратегий, не подвергая их ни сомнению, ни даже рефлексивному осмыслению. И нарушение равновесного состояния культуры неизменно разрушает эту идиллию, основанную на том, что у человека не возникает оснований усомниться в том, что мир устроен именно так, как он о нем думает.

Для культуры в целом равновесное ее состояние означает своего рода баланс между ортодоксией как своего рода центром культуры, семантически и аксиологически доминирующим над всем культурным пространством, и так называемой культурной периферией (т. е. альтернативными аксиологическими программами, инакомыслием, ересями, концептуальными построениями маргинального характера и т. п.).

Культурная среда может приходить в неравновесные состояния вследствие флуктуационных изменений параметров ее развития, которые могут быть как внутренними, так и внешними.

Внешние флуктуации связаны с невозможностью воспроизведения сложившихся образцов деятельности и поведения вследствие дисфункций в работе культурных программ: как в области экономики (что проявляется в утрате системой соответствующего технологического уровня, — например, переход от лоций к каботажному плаванию в античной Греции периода упадка или деградация сельскохозяйственных технологий Западной Европы в X–XI вв.), так и в области политики (кризис власти, как правило, осложняемый состоянием войны, — например, ситуация в Германии перед возникновением Веймарской республики или в России перед Столыпинской реформой).

Источником внутренних флуктуаций в культурной динамике выступают противоречия ортодоксией и культурной периферией, сложившийся между ними аксиологический баланс может нарушаться как при утрате доминирующей аксиологической системой необходимого регулятивного потенциала (своего рода «старения» ортодоксии), так и в силу усиления позиций периферии.

Когда этот дисбаланс достигает той точки, когда ортодоксия не в состоянии оказывать свое влияние на все содержание культуры, а ее интерпретационный потенциал —

¹ Можейко М. А. Ортодоксия // История философии. Минск, 2002.

недостаточный для контроля периферии на всю ее глубину, культурная среда приходит в неравновесное состояние. И если применительно к равновесным (стабильным) культурным средам можно говорить об акцентуации ортодоксии как о жесткой централизованности культуры, предполагающей наличие фиксированных семантических и аксиологических приоритетов, то в неравновесной культурной среде, в противоположность этому, ортодоксия теряет приоритетные позиции по отношению к культурной периферии и культура выступает как ацентричная.

Важнейшим фактором дестабилизации культурной среды, приведения ее в неравновесное состояние, выступает кросс-культурное взаимодействие: в едином ментальном контексте проявляют себя семантически несовместимые способы мироинтерпретации, порождая на уровне индивидуального сознания плюрализацию и дестабилизацию его мировоззренческих оснований, – в едином культурном пространстве актуализируются альтернативные аксиологические шкалы, каждая из которых в этих условиях теряет ореол безусловности.

Ситуация взаимодействия культурных традиций может быть типологизирована по различным критериям, которые в своем системном взаимоналожении позволяют задать классификацию вариантов такого взаимодействия.

По критерию аксиологического статуса взаимодействующих традиций ситуация этого взаимодействия может быть дифференцирована на:

1) аксиологически вертикальное взаимодействие, т. е. взаимодействие периферийной культурной традиции и традиции ортодоксии, в пространстве которого реализуются интенции ортодоксии к собственной консервации и интенции периферических традиций к изменению своего статуса; особенно остро это проявляется при формировании в сложившемся культурном контексте новой мировоззренческой парадигмы, которая еще не доминирует, но достаточно сильна, чтобы противостоять господствующей ортодоксии и – хотя бы в отдаленной перспективе – претендовать на ортодоксальный статус (например, возникновение христианского миропонимания в контексте позднеантичной культуры); как правило, такое взаимодействие имеет место при условии, что ортодоксия находится на эволюционной стадии стагнации (к примеру, «Вискули» были бы невозможны в СССР 1960-х гг.);

2) аксиологически горизонтальное взаимодействие, т. е. взаимодействие нескольких традиций, ни одна из которых исходно не обладает статусом ортодоксии; в его рамках, в свою очередь, может быть выделено два варианта его осуществления:

2.1) хронологически вертикальное взаимодействие традиций, одна из которых возникает позже другой и в перспективе замещает ее (становится ортодоксией);

2.2) хронологически горизонтальное взаимодействие нескольких исторически параллельно сосуществующих традиций, взаимодействие которых разрешается не посредством возобладания одной из них, но посредством механизмов культурного синтеза и/или порождения новой традиции на основе взаимодействующих (что также может приводить к оформлению новой ортодоксии).

По генетическому критерию ситуация взаимодействия культурных традиций может быть дифференцирована на:

1) интракультурную, имеющую место в случае, когда взаимодействующие традиции возникают внутри определенной культурной системы в силу имманентных для нее процессов, приводящих к исторически одновременному конституированию дифференцированных культурных параллелей, которые в силу семантической или аксиологической альтернативности не могут быть непосредственно сведены в единую систему или непротиворечиво сняты более общей культурной программой (например, параллельное развитие аристотелизма и августицианства в схоластике XII–XIII вв.);

2) экстракультурную, инспирированную внешними историческими причинами, приводящими социальные и культурные системы в столкновение, в ходе которого происходит внедрение в сложившийся культурный контекст чужеродных элементов, — как на масштабном уровне (когда кросс-культурное взаимодействие может быть оценено в регистре Восток — Запад: столкновение античной и восточной традиций в период завоеваний Александра Македонского или христианства и ислама во время Крестовых походов), так и на уровне локальных взаимодействий этнонациональных традиций.

По такому критерию, как степень эксплицированности порожденного взаимодействием культурных традиций противостояния, можно выделить:

а) выраженную оппозицию традиций при условии эксплицитной манифестации аксиологически и/или семантически альтернативных культурных программ (типа борьбы христианства и ислама в период мавританского владычества в Испании) и

б) параллельное сосуществование в рамках единой культуры тенденций, объективно альтернативное, но не оформляющееся в эксплицитное столкновение: ситуация взаимодействия в культуре различных традиций фиксируется лишь на метауровне культуры — в рамках философской рефлексии (например, объективно русская культура выступает как духовное пространство встречи восточной и западной традиций, но противостояние аксиологических установок последних становится предметом осмысления лишь в ее философских и историко-культурных концептуальных построениях).

Разумеется, реально в поле столкновения различных культур, как правило, осуществляется одновременное взаимодействие нескольких и даже многих традиций — своего рода полилог, в контексте которого выделение отдельных взаимодействующих в режиме диалога пар есть результат абстрагирования.

В любом из описанных случаев культурная среда приходит в состояние неустойчивости, характеризующееся, с одной стороны, утратой жестких аксиологических ориентиров, а с другой — актуализацией и реализацией творческого креативного потенциала: оформляющаяся константная макроструктура (прежде всего, аксиологический центр) культурной среды, проявляя все признаки интенции к самоконсервации, тем не менее утрачивает в обрисованном контексте свои прагматически и/или аксиологически приоритетные позиции (ценностные шкалы теряют свою безусловность, а ортодоксия как культурный «центр» — потенциал мировоззренческого доминирования (а с ним и возможность поддерживать равновесный характер культурной среды)).

Нестабильная культурная среда демонстрирует то особое свойство неравновесных систем, что возникающие в ее содержании флуктуации не подчиняются действию закона больших чисел, не вымываются из культурной традиции общим вектором развития ортодоксии, но могут укореняться в культуре, полагая начало будущим фундаментальным трансформациям.

Выявление механизма этих трансформаций, как отмечалось выше, предполагает специальную предварительную работу, которая сделала бы возможным применение сформированных синергетикой подхода и понятийного инструментария к культурным средам. Именно анализ культурной среды на уровне категориального строя культуры позволяет эксплицировать те изменения, которые характеризуют последний в ситуации взаимодействия культурных традиций.

Специфика категориального строя культуры задается посредством содержания характеризующих ту или иную традицию мировоззренческих универсалий культуры. В качестве таковых выступают интегральные представления о мире, человеке и месте человека в мире, имплицитно формирующиеся у индивида в процессе его социализации и служащие специфическим мыслительным инструментарием для человека определенной

эпохи: они задают систему координат, исходя из которой человек воспринимает и интерпретирует явления действительности, сводя их в своем сознании воедино¹.

В каждой культурной традиции может быть выделен набор ключевых таких представлений, и в равновесном состоянии культурной среды веер возможных (семантически и аксиологически допустимых в данной культуре) интерпретаций этих универсалий задает характеризующий данную культуру тип мировоззрения.

Система мировоззренческих универсалий включает в себя универсалии объектного ряда (к ним относятся представления о том, чт. е. мир, природа, Бог, изменение, причинность, пространство и время, часть и т. п.), универсалии субъектного ряда (представления о том, чт. е. человек, общество, государство, долг, честь, совесть, справедливость, любовь, счастье, смысл жизни и т. п.) и универсалии субъект-объектного ряда (представления о деятельности, познании, истине и т. п.)².

На уровне сознания повседневности универсалии культуры не осмысливаются ни с точки зрения их статуса, природы и пределов функционирования, ни даже с точки зрения их наличия, лишь по мере развития концептуального (прежде всего философского) мышления они подвергаются рефлексивному осмыслению, конституируясь в качестве понятий³.

Ситуация взаимодействия культурных традиций в поле определенной культуры вносит существенные коррективы в протекание этих процессов.

Прежде всего хаос культурной среды в условиях неравновесного ее состояния со всей очевидностью обнаруживает себя на уровне мировоззренческих универсалий. Он проявляется в том, что в рамках культурной традиции оформляется несколько вариантов содержания одной и той же (причем, как правило, достаточно значимой в общей системе приоритетов данной культуры) универсалий: например, различные интерпретации природы в русской культуре XIX в. или трактовки любви в культуре Средневековья. На этой основе конституируются мыслительные структуры, которые могут быть оценены в качестве семантически альтернативных и аксиологически несовместимых друг с другом, — мировоззренческая среда приходит в состояние, именуемое в синергетике состоянием достигнутого хаоса.

Во-вторых, в обрисованном контексте функционирование универсалий культуры в сознании повседневности в прежнем, безрефлексивном режиме невозможно. В плюрализированных культурных средах сложившаяся в соответствующей традиции универсальная схема мироинтерпретации (картина мира), принятые в ней идеалы мирообъяснения, сложившиеся ценностные шкалы и т. п. сталкиваются с иными (постулируемыми иной традицией) версиями мирообъяснения, иными системами ценностей и идеалами. А поскольку и те и другие, опираясь на *свою* ортодоксию, изначально постулировали себя как несомненно и единственно истинные, постольку реально и те и другие ставятся под сомнение. Кросс-культурное взаимодействие неизменно провоцирует и интенсифицирует процесс рефлексивного осмысления мировоззренческих универсалий, ибо встреча в едином культурном пространстве нескольких различных (взаимоисключающих) версий интерпретации одной и той же универсалии неизбежно приводит не только к осознанию самого факта наличия таковой, но и к эксплицитной постанов-

¹ Стёпин В. С. История и философия науки. С. 394–414; *Он же*. Научное познание в социальном контексте. С. 259–296; *Он же*. Специфика научного познания и социокультурные предпосылки его генезиса. С. 138–159; *Stepin V.* Theoretical knowledge. С. 357–396.

² Стёпин В. С. История и философия науки. С. 394–414; *Lovejoy A.* Key Imaginations // *An Axiology & Social Science. An Approach to Interpretation.* N.Y.; L., 1973. С. 5–24.

³ Стёпин В. С. Специфика научного познания... С. 138–159.

ке вопроса о способах и границах ее функционирования, а главное — к эксплицированию ее содержания.

В-третьих, рефлексия над культурой при наличии в ней противоположных смыслов одной и той же универсалии приводит ко вторичной дестабилизации культурной среды: осознание равновозможности взаимоисключающих трактовок мировоззренческих структур приводит к окончательному разрушению устойчивой структуры культурной среды. Соотношение центра и культурной периферии, обеспечивавшее равновесность культурного целого, становится невозможным: параллельное функционирование в единой культуре различных версий одной и той же универсалии лишает смысла саму идею ортодоксии.

Таким образом, с разрушением культурного «центра» (ортодоксии) разрушается и вся оформленная макроструктура культурной среды — последняя приходит в состояние достигнутого хаоса. Категориальный строй таких культур являет собой пример хаотизированной нелинейной среды, открытой для переосмысления и переинтерпретаций.

Последние могут возникать посредством различных механизмов, среди которых можно зафиксировать такие, как:

- изменения в интерпретации традиционных универсалий, например, новая (линейная) трактовка времени в античной классике, пришедшая на смену циклическому его видению и влекущая за собой радикальную перестройку всего мировоззренческого комплекса (прежде всего расслоение единого событийного континуума на события сакрального и профанного рядов);

- фиксация в содержании универсалий новых семантических и аксиологических акцентов (например, фокусировка внимания на личностном содержании такой универсалии культуры, как «Бог», приводит к оформлению теистических религий, предполагающих возможность диалогических субъект-субъектных отношений с Абсолютом, что инспирирует акцент на диалоговых формах религиозного культа (адресованная Богу молитва, например);

- оформление новых конфигураций связи универсалий культуры между собой (например, сопряжение в античной натурфилософии субстанциальных и темпоральных аспектов *архэ* обуславливает конституирование идеи множественности миров);

- формирование новых универсалий, вызывающее содержательные изменения и структурные трансформации всего категориального строя культуры (например, конституирование универсалии «счастливого случая» в рыцарской культуре, радикально изменившее представления о судьбе, будущем, сущем и должном).

В том случае, если речь идет о масштабном взаимодействии традиций, исходно принадлежащих к аксиологически разнородным культурным средам (именно в масштабе *Восток — Запад*), в общем процессе этого взаимодействия может быть выделен, кроме названных, еще один специфический и очень важный в общекультурном процессе аспект, связанный с рефлексией над глубинными мировоззренческими универсалиями культуры. В пространстве *встречи* разнородных культурных традиций осуществляется рефлексивное осмысление различных (специфических в этнокультурном отношении) версий интерпретации той или иной универсалии культуры, что позволяет осознать наличие и сущность того универсального аксиологического гештальта, который лежит в основании всех этнокультурно версифицированных артикуляций соответствующей универсалии. Фактически это означает, что в перспективе (при завершеном своем и содержательно полном своем осуществлении) описанная рефлексивная процедура может выводить мышление к осознанию базисных общечеловеческих ценностей как универсальных, причем речь

может идти не только об осознании их общечеловеческого статуса, но, что еще более важно, и об осмыслении их общечеловеческого содержания.

Классическим примером подобной рефлексии может служить формирование универсалистской внеконфессиональной трактовки понятия «Бог» в трудах Николая Кузанского, оформившейся на основании компаративного сопоставления автохтонного для него, кардинала Римской церкви, западного христианства с восточным, а также с исламом. Мыслитель делает попытку выразить универсальные представления о Боге, характерные для всего человечества, независимо от специфики их частноконфессионального выражения: в трактате «О согласии веры» Николай Кузанский формулирует принцип единства всех вероучений «различных существ», обусловленный их общей основой, которая «предполагается при всем различии обрядов».

И очевидно, что сделанные Николаем Кузанским выводы были возможны лишь на этапе изживания католицизмом своего потенциала культурной ортодоксии. Не случайно данный мыслитель считается последним схоластом и первым философом эпохи Возрождения. Но если в XV в. Николай Кузанский, несмотря на изложенные идеи, неизменно оставался одной из ключевых фигур папской курии (кардинал, епископ, папский легат и до конца жизни — генеральный викарий Рима), то в контексте ортодоксальной средневековой культуры подобные идеи (даже если бы они могли бы быть сформулированы) стали бы предметом рассмотрения инквизиции, и их автор окончил бы жизнь на костре.

Таким образом, в описанных ситуациях культура утрачивает жесткую дифференциацию своих феноменов на ортодоксальные и ценностно периферийные, культурная среда обретает характеристики аксиологической децентрированности и аструктурности. Практически это означает, что она открыта для нового структурирования, оформления новых культурных приоритетов (в перспективе — доминирующих аксиологических центров).

В данном контексте взаимодействие культурных традиций не может быть артикулировано как традиционно понятый *диалог*, т. е. взаимодействие стабильных культурных систем с определенным содержанием и четко заданными аксиологическими шкалами: механизм взаимодействия культурных традиций не может быть описан ни как превалирование одной из них, ни как их взаимная аннигиляция, ни как суммативный синтез. Это связано с тем, что «встреча» в духовном пространстве той или иной культуры различных традиций сопровождается таким феноменом, как утрата культурой языка, на котором можно было бы выразить содержание как взаимодействующих традиций, так и самого процесса взаимодействия. Как было показано в свое время Ю. М. Лотманом¹, каждая из пришедших во взаимодействие традиций по отношению ко всем иным — фактически вне языка, ибо ни одна из них не может быть ассимилирована посредством чуждых ее содержанию понятийных средств. Такая ситуация сохраняется до тех пор, пока не будет сформирован метаязык, способный служить средством выражения всех взаимодействующих семантико-аксиологических рядов, т. е. охватывающий все версифицированное культурное пространство «встречи».

В структурном отношении каждая культурная традиция может быть рассмотрена как текст (представляющий определенный язык), а новая формирующая ортодоксия — как метаязык, обладающий потенциалом «прочтения» этих текстов, т. е. задающий их семантическую и аксиологическую интерпретацию.

В условиях, когда ни культура в целом, ни феномены, проявляющие себя на ее метауровне, не обладают универсальным языком, на котором могло бы быть выражено содержание всех пришедших во взаимодействие традиций, единственным критерием

¹ Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 110–120.

адекватности той или иной идеи становится, по оценке Ж.-Ф. Лиотара, наличие у нее креативного потенциала — способности генерировать «новые правила»¹.

Неравновесность культурной среды оказывается источником формирования новых культурных языков, т. е. новых семантических систем и аксиологических шкал, открывая тем самым новые эволюционные перспективы рассматриваемой культурной среды, равно как и пути для новых кросс-культурных взаимодействий. Тем самым развитие культуры в целом может быть артикулировано в качестве атрибутивно нелинейного процесса.

В этой ситуации флуктуации на микро- (единичном, индивидуальном) уровне не сглаживаются, ибо в культуре нарушены системы стабилизации (т. е. защиты структуры), а дают начало новым версиям структурирования культурной среды. Типичным примером может служить оформление платоновской концепции любви и красоты, предполагающей аксиологическую дифференциацию Афродиты Урании и Афродиты Пандемос: в контексте стабильной культуры античной классики эта концепция практически не повлияла на представления греков о любви: фабулы античных романов (Гелиодор, Лонг, Харитон и др.) организуются вокруг внешних препятствий, разделяющих влюбленных героев, и не фиксируют коллизий, связанных с различной интерпретацией ими природы любви; Лукиан, чьи герои клянутся «обеими богинями», эксплицитно фиксирует отсутствие различий между любовью земной и любовью небесной для мышления повседневности. Между тем при утрате культурой стабильного состояния актуализация неоплатонической версии указанной дифференциации оказывается той точкой центрации, вокруг которой складывается христианская мораль, акцентирующая агапе и сторге при негации филии и эроса.

Более того, сам факт прихода культурных традиций во взаимодействие, будучи явлением цивилизационного (не собственно культурного) процесса, является сугубо внешним по отношению к имманентному содержанию и может быть рассмотрен как случайная флуктуация в его динамике.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с ситуацией возникновения того, что в синергетической терминологии обозначается как *порядок через флуктуацию*.

Формирование новой ортодоксии в данном случае не выступает в качестве изначально целеположенного процесса, но представляет собой продукт самоорганизации культурной среды, предполагающей моменты бифуркационного ветвления, версифицирующего перспективы ее эволюции. Применительно к культурной среде это означает, что в период ее неравновесности в ее контексте формируются основы различных и независимых друг от друга вариантов нового интерпретационно-семантического «центра», каждый из которых представляет собой попытку создания метаязыка по отношению ко взаимодействующим традициям.

Это обстоятельство также оказывается фактором активизации генерирования новых версий мироинтерпретации: возникновение христианства на основе античной рациональности и ближневосточного теизма; конституирование Андалусской культуры как продукта взаимодействия христианско-европейской и мусульманско-арабской традиций и т. п.

Следует отметить, что ситуация взаимодействия традиций может артикулироваться как динамическая лишь до того момента, как будет конституирован новый культурный центр (ортодоксия), т. е. до формирования универсального и унифицированного языка культуры, в нормативно-семиотическом пространстве которого осуществится негативная интерпретация всего, что выходит за рамки санкционированной этим языком легитимной аксиологической «нормы».

¹ Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // *Философия эпохи постмодерна*. Минск, 1996. С. 140–158.

Однако на эксплицитно-официальном уровне, когда язык новой ортодоксии уже сформирован, ситуация рефлексивно моделируется таким образом, будто один аксиологический центр культуры просто заменяется другим. Последний оценочно артикулируется в соответствии с характерной для данной культуры фоновой аксиологической шкалой: в культурах, ориентированных на новацию (типа новоевропейской), — в качестве новационного, а в культурах, ориентированных на консервацию (типа древневосточной), — в качестве традиционного. Обретя статус ортодоксии, новый «центр» конституирует своего рода мифологическую историю своего становления, в рамках которой альтернативные ему (содержательно им подавленные) версии культурного развития ретроспективно подвергаются окончательному (интерпретационному) подавлению, дискредитируясь как семантически некорректные («еретические», «лженаучные» и т. п.).

Если внешне ситуация выглядит как однозначное тотальное доминирование одной из взаимодействующих традиций над другой, то, как правило, это результат интерпретационных усилий со стороны новой ортодоксии, своего рода социальный миф, подобный мифу о смене язычества христианством, реально же средневековое западноевропейское христианство пронизано языческими реминисценциями, подобно тому, как эллинистическая культура семантически пронизана восточными влияниями, а культура социализма так называемыми «пережитками».

Объективно процесс конституирования различных узлов семантико-аксиологической центрации культурной среды (вплоть до конституирования нового центра — новой ортодоксии) реализуется, как правило, в качестве поливариантного: одновременно возникает несколько конкурирующих мировоззренческих парадигм, претендующих на статус ортодоксии. Подобная ситуация может быть интерпретирована как точка бифуркации в динамике культуры, версифицирующая ее эволюционные перспективы, что предполагает своего рода бифуркационный выбор системой пути развития (многочисленные программы реорганизации церковной практики, предшествующие и параллельные францисканству — от катаров до Дольчино; конституционно-демократическая, социал-демократическая, анархистско-радикальная и др. социально-политические программы развития России начала XX в.; плюрализм эстетических программ при переходе от классики к модерну и т. п.).

Речь идет, однако, не о выборе культурой предпочтительной программы из исходно пришедших во взаимодействие, но о том выборе, который формируется в рамках нового интерпретационного поля, задающего варианты различных культурных программ, позволяющих тем или иным путем разрешить ситуацию мировоззренческого хаоса, т. е. задать новую структурную организацию культурной среды, предполагающую конституирование новой ортодоксии. Так, конфликтное столкновение в рамках средневековой теологии аристотелизма, ориентированного на схоластический дедуктивизм, и неоплатонического августинизма, тяготеющего к мистическому богопознанию, разрешается посредством оформления томизма как включающего в себя элементы того и другого, но ни содержательно, ни аксиологически не аддитивного по отношению к ним.

Несмотря на то что темпоральность культурной динамики измеряется в масштабе глобальных исторических отрезков, тем не менее в ситуациях описанной нестабильности возникновение новых версий организации культурной среды может происходить с предельно высокой скоростью (шквальный рост популярности Франсиска Ассизского, «триумфальное шествие» советской власти и т. п.). С этой точки зрения ситуация может быть описана как протекающая в режиме, который может быть описан в синергетической терминологии как режим *blow up*, что предполагает радикальные структурные трансформации среды в момент времени, практически близкий к точечному. В этой ситуации

флуктуация на микроуровне (в системе отсчета культуры — на уровне индивидуального сознания) может оказаться решающей для конституирования новой макроструктуры в культурной среде. Окажется она таковой или нет, зависит от того, в каком локусе культурной среды она будет иметь место: большинство флуктуаций проходят незамеченными, ибо нивелируются в силу высокой скорости протекания культурных процессов в описываемых условиях, если же «возмущение» культурной среды произойдет в ключевой точке, могущей выполнить функцию узла центрации самоорганизующейся среды, оно положит (подобно платоновскому видению любви и красоты) начало новой макроорганизации культурного целого.

Процессуальность взаимодействия культурных традиций с точки зрения механизма ее реализации может быть рассмотрена как осуществляющаяся поэтапно:

1. Первая фаза предполагает децентрацию культурной среды, разрушение прежней ортодоксии посредством снятия с нее ореола единственности, культурная среда в данном контексте обретает характер аксиологически изотропной и может быть рассмотрена как открытая нелинейная среда, предельно хаотизированная на микроуровне (индивидуальное сознание и сознание повседневности) — как в смысле отсутствия упорядоченности, так и в смысле потенциальной креативности. В данном контексте удобно воспользоваться термином «ризом», предложенным Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹: ризоморфная среда обладает практически всеми перечисленными свойствами, хотя моделируется совершенно абстрактно и не связывается названными авторами с состоянием неравновесности.

2. Вторая фаза представляет собой фазу генерации плюральных версий нового семантико-аксиологического центра культуры (эксплицитно эта цель может быть не выражена, а соответствующие модели — рефлексивно осмысливаться в качестве оппозиции прежнему центру или маргинальных интерпретационных систем). В данный период приоритетным для культурной среды становится не столько стремление к гомеостазису и семантической гомогенности, сколько интенция к разнообразию (в терминологии Г. Спенсера данная фаза может быть названа эволюционным движением от однообразия к разнообразию): в процессуальности ризоморфной среды конституируются определенные семантически значимые *плато*², т. е. своего рода системы смысла, пока еще не претендующие на статус ортодоксии. Семантико-аксиологический плюрализм, порожденный взаимодействием нескольких культурных традиций, оборачивается квазиплюрализмом попыток его преодоления. На этой фазе культурная среда максимально чувствительна к микрофлуктуациям, и флуктуации даже на уровне индивидуального сознания могут приводить к макроскопическим — в масштабе культурного целого — последствиям, в силу чего эволюционные перспективы такой культурной среды абстрактно могут быть оценены как бесконечно плюральные, а конкретно локализуются в рамках определенного вероятностного поля, очерчивающего границы возможного будущего данной культуры. Специфика превращения этих возможностей в действительность зависит не только от исходного содержания взаимодействующих традиций, но и от случайных факторов, которые в равновесных условиях были бы нивелированы, и от внешних влияний, которые при равновесном состоянии культурной среды выступали бы в качестве индифферентных. Например, наличие арабизированной испанской культуры за Пиренеями в течение нескольких веков (IX—XI) не оказывало содержательно значимого воздействия на эволюцию автохтонной христианской традиции южной Франции, в то время как дестабилизация культурной среды в Провансе в XI в. делает фактор мусульманского соседства семантически значимым для оформления куртуазной традиции.

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Ризом // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 9–31.

² Можейко М. А. Плато // Постмодернизм. Минск, 2001. С. 574–576.

3. Третья фаза — фаза центрации, т. е. конституирования нового семантико-аксиологического центра культуры (новой ортодоксии) и оформления (посредством жестко избирательной легитимации определенных интерпретационных матриц) новой иерархии культурных смыслов. Каждое из плюральных семантических плато культуры обретает конкретный статус: санкционированные поля (центр), нейтрально легитимная зона и периферия. Структурированная таким образом культурная среда утрачивает ризоморфный характер и обретает статус *культурной системы*. Формы макроорганизации культурной среды в данной фазе различны: среди них могут быть обнаружены и своего рода аналогии того, что в синергетике называют ячейками Бенара, т. е. оформление принципиально временной, но в течение определенного периода относительно устойчивой структурной дифференциации среды (жесткое выделение центра при непримиримой позиции в отношении инакомыслия), и аналогичные «химическим часам» динамические маятникообразные организации культурного пространства (колебания между двумя и более центрами: схоластика и мистика в христианской истории Средневековья или тори и виги в парламентской истории Великобритании). Пульсационные ритмы этого механизма моделируются концепцией правящих элит (например, «львы» и «лисы», по модели В. Парето).

Ни в одной из перечисленных ситуаций невозможно однозначное прогнозирование эволюционных перспектив неравновесной культурной среды, ибо динамика последней носит принципиально статистический характер.

Это обстоятельство, однако, свидетельствует не о слабости исследовательской программы, примененной в том или ином конкретном случае, но, напротив, о ее комплексном характере, позволяющем учитывать флуктуационный механизм исследуемого принципиально нелинейного процесса и статистический характер реализуемых в нем закономерностей.

Имманентное включение в процесс самоорганизации неравновесной среды фактора случайной флуктуации делает принципиально невозможным предвидение будущих состояний системы исходя из знания о ее наличном состоянии, поскольку, по словам И. Пригожина и И. Стенгерс, «очень часто отклик системы на возмущение оказывается противоположным тому, что подсказывает нам наша интуиция»¹, воспитанная на образцах классической научной рациональности. По оценке Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, синергетическое мировидение задает «новый образ детерминизма»², конституируя «в некотором смысле высший тип детерминизма — детерминизм с пониманием неоднозначности будущего»³. Соответственно, презумпция научного предсказания в классическом смысле сменяется, как констатируют Б. Мизра и И. Пригожин, презумпцией «проблемного описания»⁴.

Подобная установка не только полагает допустимым, но и предполагает гипотетическое моделирование тех возможных вариантов культурной организации, которые могут возобладать при новом макроструктурировании неравновесной культурной среды. Нелинейный подход открывает возможность фиксации ареала возможных путей эволюции, которые в перспективе могут иметь место в динамике исследуемой культурной среды, т. е. вероятностного семантического поля ее развития (оставляя вопрос о механизмах перехода этих возможностей в действительность на долю последующего ретроспективного анализа).

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 266.

² Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М., 2004.

³ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопр. философии*. 1992. № 12. С. 14–20.

⁴ Misra B., Prigogine I. *Time, Probability & Dynamics // Long-Time Prediction in Dynamics*. N.Y.; L., 1983.

В качестве принципиально возможных гипотетических вариантов эволюционных путей культурной системы в подобных случаях могут быть рассмотрены:

- экстремальные (как с точки зрения содержательной последовательности, так и с точки зрения аксиологического ригоризма) версии культурных программ: например, аскетический экстремизм катаров в средневековой культуре, с одной стороны, и культивация скабрёзности в фаблю и шванках — с другой; славянофильство и западничество в интерпретации евразийского характера русской культуры и др.;

- программы, являющиеся зеркальной семантико-аксиологической альтернативой утратившей свой статус ортодоксии: либертинаж в противовес ригористической морали; феномен хиппи как эпатажная альтернатива «культуре отцов» и т. п.;

- реактуализация некогда имевших место культурных программ (своего рода «малые ренессансы»): например, Овидианское возрождение, программно культивировавшее эротическую поэзию в средневековой латинской литературе;

- программы, являющие собой результат семантической трансформации фрагментов прежней ортодоксии в контексте новых аксиологических тенденций: классическим примером является христианское переосмысление языческих сюжетов (привнесение пасхальной семантики в мифо-архаическую символику яйца; трансформация в рождественское дерево майского шеста как фаллического символа космогонического соединения неба и земли; модификация языческих божеств в демонические фигуры: мифологема змеи, образы Марены, Хольды и т. п.);

- причудливые синкризы различных и нередко разнородных культурных традиций: например, молитвенная традиция бенгинок как соединяющая в себе традиционные технологии мистической практики и приемы сексуального возбуждения («нагие молитвы»); северофранцузская рыцарская культура, синтезирующая презумпции христианского фатализма и культ «счастливой авантюры» и т. п.;

- продукты своего рода аннигиляции альтернативных культурных программ, встреча которых в едином культурном пространстве приводит к вытеснению соответствующего предметного поля из фокуса аксиологической значимости: например, отторжение любых нравственных ориентиров массовым сознанием Ренессанса в условиях резкого противостояния христианской и светской морали или исчезновение пейзажной лирики из Мавританской поэзии XI–XII вв. в результате столкновения в едином культурном пространстве западной трактовки природы как источника сырья для преобразующей человеческой деятельности (парадигма природопользования) и восточной интерпретации природы как живого целого, куда человек вписан как имманентный (парадигма слияния с природными циклами).

Данный список может быть продолжен, и, как правило, в реальной исторической ситуации объективируются параллельно несколько из приведенных возможностей. Хаотизированная и нестабильная культурная среда генерирует целый веер возможных путей своей макроорганизации. Однако на нормативно-официальном уровне происходит аксиологическая дифференциация и селекция актуализировавшихся культурных программ, т. е. санкционирование и легитимация одних (как правило, центрирующихся вокруг будущей ортодоксии) и дискредитация и элиминация других.

Таким образом, свойство креативности может быть зафиксировано как атрибутивный параметр нестабильной культурной среды: если для истории эпоха нестабильности — это *смутные времена*, ибо развитие цивилизации предполагает эволюционное накопление достижений (безусловно, при соответствующих моментах перехода к новой мере), то для культуры период нестабильности, когда в полной мере реализуется ее креативный потенциал, — это ее звездный час.

ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭМПИРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТОВ НАУКИ

С момента зарождения философии и теоретической математики определился ряд весьма сложных вопросов о подлинной природе научного познания. Сложность этих вопросов состояла в том, что необходимо было соединить в рамках общей картины научного познания такие противоположности познавательной деятельности, как материальное и идеальное, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, абсолютное и относительное, истинное и ложное и т. д. В сущности, вся история философии представляет собой поле острой борьбы по истолкованию этих вопросов. В тени этой борьбы пробивались наружу ростки новых идей, новых научных открытий, которые приводили к коренной перестройке мировоззренческих оснований науки. На некоторое время споры затихали, и наука спокойно развивалась в русле сложившихся парадигм. Однако наука представляет собой наиболее динамичную форму общественного сознания, поэтому с новыми открытиями возникали и новые методологические проблемы. Так что вопросы о подлинных основаниях научного познания вновь и вновь приобретали свою актуальность.

Сложность решения многих вопросов гносеологического и методологического характера определялась тем, что процесс познания чаще всего рассматривался в рамках бинарных противоположностей: объект — субъект познания, чувственное — рациональное, эмпирическое — теоретическое, отражение — конструирование и т. д. А так как эти противоположности напрямую не удавалось соединить, то отдавалось предпочтение какой-либо одной стороне познавательного акта, к преувеличению ее роли в ущерб другим его сторонам.

В XVIII в. начинает складываться новая картина научно-теоретического знания, разработанная представителями немецкой классической философии и развитая далее (в XIX в.) основоположниками позитивизма и марксизма. Суть новых идеалов научного познания состояла в том, что в структуру познавательной деятельности вводилось такое звено, как практика (опыт, исторический опыт, классовый опыт и т. д.). А для определения сущности

культуры такой признак, как индустриализация, что в значительной степени меняло все представления о том, как осуществляется переход от материального к идеальному, от объективного к субъективному и наоборот. Даже сторонники марксизма вынуждены были признать тот факт, что не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие. А В. И. Ленин выразил это соотношение в краткой фразе: «Сознание не только отражает мир, но и творит его». Понятие «мир» в данной фразе означало не только природный мир (как говорили древние греки – «Космос»), но и мир, созданный руками человека, мир культуры (К. Маркс назвал этот мир «второй природой»), предметы которого также становятся объектами познания. Изучая и совершенствуя эти предметы, человек более глубоко осознает свойства и законы собственно природных явлений.

Так или иначе, постепенно стала осознаваться та мысль, что процесс познания нельзя трактовать в рамках бинарных противоположностей, что научное познание – это непрерывная цепь чередования теории и практики, эмпирического и теоретического познания (вырывать какие-то два звена в этой цепи и изучать их изолированно с точки зрения первичности просто бессмысленно). Постепенно осознавалась та мысль, что не только эмпирическое обуславливает теоретическое, но и наоборот – теоретическое в равной мере обуславливает эмпирическое. Научная истина стала рассматриваться не как абсолютное знание, а как исторически меняющаяся сущность. В этом случае наука утрачивала образ зеркально-механического отражения и приобретала черты сложной практически-теоретической деятельности. Сама теория стала представляться не как нечто простое и однородное, а как сложное ментальное образование, имеющее иерархическую структуру, в рамках которой специфически сочетаются переходы от частного к общему, и наоборот. Стала осознаваться еще и та мысль, что теория может развиваться как в силу внешней обусловленности, так и самостоятельно, благодаря развитию своих собственных логико-математических принципов. Наконец, в теорию познания вводились и такие проявления человеческого сознания, как фантазия, интуиция и конструирование.

Все это коренным образом меняло представления людей о логике научного познания и логике научных открытий. Наряду с зарубежными исследователями свой вклад в разработку новых методологических идей внесли и советские ученые. В работах П. В. Копнина, В. А. Лекторского, А. Ф. Зотова, В. С. Швырева, А. И. Ракитова, М. В. Мостепаненко, В. А. Штофа, С. Б. Крымского, В. В. Косолапова, В. Ф. Беркова и многих других авторов подробно анализировались эти проблемы. Особое значение в этом плане имеют работы В. С. Стёпина, в которых дается развернутая характеристика теоретического знания и его роли в научно-познавательной деятельности. Опираясь на основные идеи этого российско-белорусского философа, попытаемся раскрыть теоретическую и опытно-техническую обусловленность эмпирического познания, логику формирования научных фактов.

Рассматривая структуру теоретического знания, его внутреннюю и внешнюю обусловленность, В. С. Стёпин пишет: «Таким образом, можно говорить о некоторых весьма общих основаниях научных теорий, которые принимают активное участие в их формировании и обеспечивают включение конкретных теоретических знаний в культуру эпохи. К таким основаниям относятся: специальная и общенаучная картины мира, идеалы и нормы научного исследования и философские идеи... можно выделить две взаимосвязанные структуры в сложной организации теоретических знаний – “внутреннюю” и “внешнюю”. “Внутреннюю структуру” теоретического знания образуют связи между теоретическими схемами, математическими аппаратами, картиной мира и опытом... “Внешняя структура” теории определена связями между специальной картиной мира, общенаучной картиной мира, идеалами познавательной деятельности и философскими основаниями науки... благодаря связям, образующим “внешнюю структуру” теоретического знания, последнее включается в культуру в качестве одного из ее компонентов...

“Внутренняя” и “внешняя” структуры теоретического знания как бы наложены друг на друга, так что организация теории может быть представлена в качестве весьма сложного полиструктурного образования»¹.

Все компоненты теоретического знания в той или иной мере воздействуют на характер эмпирического исследования, на процесс формирования эмпирического базиса науки. Как и теоретическое знание, эмпирическое исследование имеет свою сложную структуру. В темпоральном плане можно выделить следующие компоненты эмпирического исследования: подготовительная стадия; стадия проведения наблюдений и опытов, сбора эмпирического материала; стадия логической обработки данных, их интерпретация и формирование строго обоснованных научных фактов. На всех этих этапах широко используются логико-теоретические и технико-практические приемы исследования.

Первая стадия включает в себя следующие этапы теоретического и практического характера: 1) определение предмета эмпирического исследования; 2) формулировка цели эмпирического исследования; 3) разработка плана эмпирического исследования, определяющего последовательность логических и практических операций в ходе наблюдения или эксперимента; 4) подбор (или конструирование) технических средств исследования (приборов наблюдения и измерения, создание экспериментальной установки); 5) выбор средств описания и фиксации наблюдаемых явлений.

Кроме этого, структура эмпирического исследования может быть конкретизирована и через сочетание различных элементов экспериментальной установки. В работах В. С. Стёпина этот вопрос также нашел свое отражение. С его точки зрения, экспериментальная установка включает в себя следующие элементы: 1) приготавливающую систему, обеспечивающую получение объекта исследования с заданными параметрами (например, потока частиц); 2) рабочую часть — устройство, с помощью которого ведется пробное воздействие на изучаемый объект (мишени, фильтры, экраны, призмы, пузырьковые камеры и т. д.); 3) регистрирующие и измерительные приборы. Каждый элемент, в свою очередь, представляет собой систему, состоящую из различных по сложности объектов. Среди них могут быть как искусственно созданные приспособления, так и природные явления, которые включаются в экспериментальную установку в качестве особой ее подсистемы².

Для примера обратимся к простому эксперименту, в свое время осуществленному Ньютоном. Задавшись целью усовершенствовать работу телескопа, он стал изучать закономерности преломления света. Итогом его размышлений и наблюдений стал опыт столь же простой, сколь и гениальный по своей идее. Его оригинальность состояла в том, что Ньютон догадался направить на призму пучок света и наблюдал процесс его разложения на цветовую гамму, которая фиксировалась а стене затемненной комнаты. Этот опыт и многочисленные его вариации позволили Ньютону обосновать теорию преломления света. Современники посчитали ее самым выдающимся открытием ученого, о чем говорит надпись на его могиле.

Таким образом, научное наблюдение (выступая как самостоятельный метод, в то же время является составной частью экспериментального исследования) имеет строго целенаправленный характер. В отличие от обыденного созерцания, оно представляет собой систематическое, планомерно организованное восприятие изучаемых явлений. Оно всегда оплодотворено какой-либо общей идеей, опосредуется теоретическим знанием, соответствующей гипотезой, которая указывает, что наблюдать и как наблюдать. Иначе

¹ Стёпин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного познания: логико-методологический аспект. Минск, 1979. С. 212–214.

² Стёпин В. С. Становление научной теории: содержательные аспекты строений и генезиса теоретических знаний физики. Минск, 1976. С. 85–87.

говоря, теоретическое знание служит своеобразным лучом прожектора, в свете которого осуществляется эмпирический поиск, строится научное наблюдение и осуществляется экспериментальное исследование.

Рассматривая воздействие теории на начальной стадии эмпирического исследования, можно указать на два варианта такого воздействия. Во-первых, теория может достаточно однозначно определять эмпирический поиск чрез систему гипотез. Такая ситуация складывается тогда, когда в науке сложилась и господствует какая-либо фундаментальная теория, развертывание которой с целью получения дополнительных эмпирических данных задает вполне определенную программу научного эксперимента и наблюдения.

Во-вторых, теоретическая мысль может проявляться в виде общей рациональной установки, общей идеи, которая весьма эскизно задает направление эмпирическому поиску. Как правило, подобная ситуация имеет место в тех случаях, когда фундаментальная теория еще не сложилась, и научная мысль опирается на общие представления картины мира или же на общие философские предпосылки. Причем роль теории в научном исследовании многогранна, ибо сама теоретическая установка может быть как истинной, так и ложной, как правильно, так и неправильно понятой. Рассмотрим эти варианты взаимодействия теории и эмпирии на конкретных примерах.

После того как фундаментальная теория создана, начинается стадия ее экстенсивного развития. На базе существующей теории строится объяснение вновь открытых явлений, выводятся следствия, требующие своего эмпирического подтверждения, строятся различные гипотезы, предсказывающие открытие новых явлений. На этой стадии развития теории к эмпирическому исследованию прибегают как к средству, обеспечивающему поиск таких фактов, которые подтверждали бы (или опровергали) основные положения теории. Опыт А. Майкельсона, проведенный с целью установления существования эфира, опыты по отысканию потока солнечных нейтрино и многие другие имели четко поставленную цель – проверить правильность основных положений фундаментальной теории, в частности опыты Майкельсона опровергли теорию существования эфира.

Столь же определенно влияние теории на эмпирию проявляется и при установлении предмета исследования. Здесь теория прежде всего выступает в своей предсказательной функции. Когда новый объект теоретически описан, предпринимается серия опытов и наблюдений для его обнаружения. Наиболее ярким примером в этом отношении является открытие планеты Нептун. Стремясь объяснить некоторые аномалии в движении Урана, проявляющиеся в отклонении между расчетным и фактическим движением этой планеты, французский математик У. Лавуазье предположил, что на Уран действует какая-то неизвестная планета. Причем он не только сделал этот вывод, но и достаточно точно рассчитал некоторые параметры предполагаемой планеты и даже ее координаты. Осталось только направить телескоп в указанную точку небосвода для фиксации нового объекта солнечной системы, что и было сделано (по просьбе самого У. Лавуазье) немецким астрономом И. Галле. То же самое можно сказать и о теоретических обобщениях химических элементов Д. И. Менделеева, на базе которых было предсказано существование ранее неизвестных элементов и позже открытых химиками, существование нейтрино (предсказанного В. Паули), позитрона (теоретически рассчитанного П. Дираком) и многих других объектов реальной действительности, ранее не известных науке.

Важным моментом эмпирического познания является выбор практических средств исследования. В ряде случаев оно осуществляется за счет использования уже имеющихся приборов и установок. Но по мере того как мы приближаемся к переднему краю научных исследований, очевидной становится необходимость изготовления новых приборов, ибо имеющиеся, как правило, уже не обеспечивают решение вновь возникающих задач.

Здесь мы сталкиваемся с конструктивной способностью исследователей. Талант ученого в этом случае проявляется именно в конструировании, изготовлении новых приборов и экспериментальных установок. Казалось бы, очень простой опыт — сбрасывать с башни тяжелое ядро и маленькую дробинку, с тем чтобы убедиться, что тела разного веса падают на землю с одинаковой скоростью. Но понадобился именно гений Галилея, чтобы осуществить этот опыт и опровергнуть веками державшееся теоретическое положение физики перипатетиков. Гениальность этого ученого состояла не только в силе его абстракций, но и в способности изобретать новые приборы наблюдения и измерения, придумывать опыты для проверки своих теоретических предположений.

Важно подчеркнуть, что создание новых средств наблюдения и экспериментирования всегда обусловлено уже имеющимся теоретическим знанием. Для того чтобы сконструировать прибор, надо знать свойства некоторых материалов, характер перехода одного вида движения в другой, общие закономерности физической реальности. Например, известным опытом Ш. Кулона, исследовавшего взаимодействие электрических зарядов, предшествовало изучение им упругого кручения нитей. Опираясь на закон Р. Гука, он установил зависимость, согласно которой сила закручивания нити зависит от ее вещества, пропорциональна углу закручивания и обратно пропорциональна ее длине. На основе этого закона был сконструирован новый измерительный прибор — крутильные весы, — позволивший измерять чрезвычайно малые силы взаимодействия. Изобретение дало возможность Кулону провести ряд весьма тонких измерений взаимодействия двух электрических зарядов и вывести на их основе один из основных законов электростатики.

Или другой пример. Известно, какую роль в изучении элементарных частиц сыграла камера Вильсона. Ее изобретение стало яркой иллюстрацией перехода от теоретического знания к практическим операциям познания. До создания нового прибора Вильсон изучал образование атмосферной облачности. Ему удалось установить, что капельки влаги в атмосфере образуются, концентрируясь вокруг наэлектризованных ионов. Сами же ионы возникают в результате радиоактивного облучения Земли потоками элементарных частиц, идущими из Космоса или от самой Земли. Со времен А. Беккереля теоретически было известно об ионизирующем воздействии радиоактивного излучения. Опираясь на это положение, Вильсон, рассуждая как бы от обратного, задумался над тем, а нельзя ли создать такую камеру с перенасыщенным паром и пропускать по ней поток частиц. Тогда пролет элементарной частицы через такую камеру приводил бы к образованию ионов. На них (по теории) должны были бы образовываться капельки конденсата, а это фиксировало бы трек частицы. Задача заключалась в том, чтобы довести пар до состояния перенасыщения, без чего невозможно добиться образования капелек конденсата (что и происходит в самой атмосфере). Эта задача легко решалась за счет резкого снижения давления в камере, что вело к адиабатическому расширению пара и его охлаждению. Если такой пар «простреливать» элементарной частицей, то неизбежно образуется след из микрокапелек влаги, который может быть зафиксирован с помощью микроскопа и соответствующей фотоаппаратуры. Так был изобретен прибор, позволивший раскрыть многие тайны микромира.

Характерно, что не только ученые-экспериментаторы, но и сами теоретики активно участвуют в продумывании схем опытов, изобретении новых технических систем, обеспечивающих проведение научных экспериментов. Советский физик А. Иоффе отмечал, что при знакомстве с А. Эйнштейном его поразила ярко выраженная «тенденция изобретательства» основоположника теории относительности. Сам же Эйнштейн даже обоснование теории относил к разновидности изобретательской (т. е. конструктивной) деятельности.

Нужно отметить тот факт, что многие бытовые радиотехнические приборы современности (от простой лампочки накаливания до мобильных телефонов и телевизоров) были изобретены учеными в процессе изучения тех или иных физических (в частности, электрических) явлений. Получается, что ученый не просто наблюдает явления природы, а чаще всего моделирует их в своих приборных ситуациях и в определенных технических конструкциях. Влияние теории на эмпирию в этом случае приобретает опосредованный характер. Вначале создается прибор (на базе имеющихся теоретических предпосылок), а затем изучается его функционирование, в результате чего могут быть получены принципиально новые теоретические положения, раскрыты новые фундаментальные законы природы и получены новые факты науки.

Все эти примеры неопровержимо доказывают факт глубокого воздействия фундаментальной теории на эмпирическое исследование. Однако в научном исследовании часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда такой теории еще не существует. Естественно, возникает вопрос, будет ли и в этом случае эмпирия оплодотворяться теорией или эмпирический поиск будет осуществляться стихийно. Оказывается, что и в этом случае теория сохраняет свое эвристическое значение. Не все ученые эту зависимость четко осознают, отдавая предпочтение чисто эмпирическим методам исследования. Например, Дарвин специально подчеркивал свою приверженность бэконовскому методу, полагая, что «наука заключается в такой группировке фактов, которая позволяет выводить на основе их общие законы и закономерности»¹.

Анализ творческой деятельности ученого позволяет установить несколько иной путь научного открытия. Достаточно поставить простые вопросы: почему Дарвин собирал именно те факты, которые затем оказались полезными для его будущей теории, и отбрасывал или не замечал те из них, которые эту теорию не подтверждали; почему столь высок КПД его наблюдений, чтобы убедиться в том, что формирование его теории не связано с чистой эмпирией. В его творчестве отчетливо прослеживается влияние общей идеи развития, которая начала развиваться до него и подспудно влияла на характер его наблюдений.

Дело в том, что Дарвин жил в ту эпоху, когда стала дряхлеть метафизическая картина мира. Идея неизменного и сотворенного мира постепенно стала уступать свое место идее его развития. Новая идея развивалась в трудах многих ученых и философов, постепенно приобретая характер научной картины мира. В этом плане можно сослаться на труды Ж. Ламарка, Ч. Лайеля, Дж. Вико, Д. Дидро, Ж. Кондорсе, И. Гердера, И. Канта, Г. Гегеля, предшествовавших созданию эволюционной теории. Будучи человеком широко образованным Дарвин, конечно, не мог не знать о существовании этой идеи и того, как она оценивается в научных кругах. Вот его признание: «То обстоятельство, что уже в очень ранние годы моей жизни мне приходилось слышать, как поддерживаются и встречают высокую оценку такого рода воззрения, способствовало тому, что я сам стал отстаивать их – в иной форме в моем “Происхождении видов”»².

Правда, Дарвин не говорит о том, что до формирования своей теории он сознательно пользовался этой идеей, постоянно подчеркивая приверженность наблюдению и накоплению фактов. Без фактов, конечно, невозможно было бы обосновать эволюционную теорию. Но подбор и накопление фактов не является абсолютно случайным процессом, а задается определенными теоретическими установками. Видимо, ученый и сам не очень четко осознавал характер воздействия общей идеи на свое творчество, используя ее, скорее всего, интуитивно. После работ Дарвина идея развития получила общенаучный характер,

¹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. М., 1957. С. 85.

² Там же. С. 66.

была обобщена в принципах диалектического материализма и стала вполне осознанно использоваться представителями как естественных, так и общественных наук.

В науке не бывает такой ситуации, чтобы у ученого не было каких-то общих представлений о мире, реализующихся либо в картине мира, либо в общих философских представлениях о нем. Поэтому можно утверждать, что в науке не существует абсолютно чистого эмпирического исследования, которое не было бы обусловлено (оплодотворено) предваряющей его теорией и носило исключительно опытно-индуктивный характер.

Общая идея выступает в качестве такой теоретической установки, которая во многом определяет характер восприятия и отбор исходных данных. Наличие или отсутствие теоретической установки, ее правильность или ложность во многом определяют характер эмпирического познания, плодотворность научного наблюдения. Интересно, что и сам Дарвин подтверждает эту мысль, описывая свое путешествие по Англии после окончания университета. В своей автобиографии он рассказывает: «Это путешествие дало мне разительный пример того, как можно проглядеть даже самые замечательные явления, если на них уже не обратил внимание кто-нибудь другой. Мы провели много часов в Кумбран-Идуоле, самым тщательным образом исследуя горные породы, так как Седжвику очень хотелось найти в них остатки ископаемых организмов; однако никто из нас не заметил следов замечательных ледниковых явлений, окружающих нас со всех сторон: мы не заметили ни отчетливых шрамов на скалах, ни нагромождения валунов, ни боковых и конечных морен»¹.

В данном случае наличие узко заданной идеи (или отсутствие общей теоретической установки) привело к тому, что восприятие явлений окружающей действительности оказалось суженым и внимание исследователей не зафиксировало то, что буквально лежало перед их глазами.

Кроме отсутствия идей (или наличия узкой установки), может сложиться ситуация, при которой ученый руководствуется ложной идеей. В этом случае восприятие также носит искаженный характер. Так, общая идея Аристотеля о том, что тело движется до тех пор, пока на него действует сила, просуществовала много веков, предопределяя понимание природы механического движения, хотя многие эмпирически наблюдаемые проявления этого движения не вписывались в рамки этой теории (например, движение по инерции). То же самое можно сказать про идеи теплорода или флогистона, преформизма или витализма, механического детерминизма и т. д., заставлявших ученых искать в природе то, что в ней в действительности не существовало.

Не более продуктивна и такая ситуация, когда ученый пользуется верной, но догматически воспринятой идеей. Подобная ситуация также может направлять эмпирический поиск по неверному пути. Характерна в этом отношении трагикомическая ситуация, связанная с открытием так называемых «N-лучей», которое впоследствии было оценено как «величайшее научное заблуждение». После открытия рентгеновских лучей и явления радиоактивности среди физиков стало модным отыскивать все новые и новые излучения. Эта идея настолько увлекла французского физика Р. Блондлю, что по истечении некоторого времени он известил научный мир об открытии им нового излучения. По его мнению, эти лучи спонтанно испускались многими металлами и сильно превосходили по своим «странным» качествам даже рентгеновские лучи. Эта «странность» состояла в том, что «новые» лучи значительно усиливали способность человека видеть в темноте. По данному поводу появилось более сотни статей в солидном научном журнале Парижской академии, а сам Блондлю был удостоен золотой медали этой академии. Станным, однако, было то, что это излучение наблюдалось только самим исследователем и его ближайшими учениками.

¹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии... С. 85.

Вот тут-то и понадобилось искусство известного американского физика-экспериментатора Р. Вуда, развеявшего миф о новом «открытии». «Трагическое разоблачение в конце концов привело к сумасшествию и смерти Р. Блондло. Он был вполне искренний и большой человек, у которого “зашел ум за разум”, возможно, в результате самогипноза или чрезмерного зрительного воображения после многих лет работы с приборами в темноте»¹.

Именно верная теоретическая установка, в свете которой ожидается получение новых эмпирических данных, или наоборот, наличие ошибочных (как в равной мере и догматизированных) идей, перестройка внутри теоретического знания, строгая или нестрогая постановка опытов, наблюдательность ученого и его пронизательность — все эти факторы в конечном счете влияют на полноту эмпирических данных, их точность и репрезентативность, обуславливающих формирование новых научных фактов. Как отмечал В. Гейзенберг, «наблюдение означает непосредственную связь между явлением и нашим пониманием явления... Если вы измените теорию этих событий, тогда, конечно, изменится и наблюдение»².

Таким образом, теория в целом (в разных формах своего проявления) составляет тот рациональный фон, на котором разворачивается эмпирическое познание. Однако не следует считать, что это предопределение фатально. При всей своей предсказательной силе теория не может полностью предопределять результаты эмпирических исследований. В последнем наряду с теоретическими предпосылками и четко обозначенным планом (в рамках которого ожидаются предсказанные результаты) в определенной степени проявляется и метод «проб и ошибок», т. е. своя логика развития, своя относительная самостоятельность, что и приводит в ряде случаев к появлению непредвиденных результатов. Открытые новые факты приводят к перестройке старых теорий, к формированию новых теоретических положений и систем, поэтому не только теория влияет на эмпирическое исследование, но и это последнее влияет на перестройку теоретического знания.

В свете этих положений уточняется и природа фактического знания. В обыденном познании факт воспринимается как прямой результат наблюдения или эксперимента. Такое упрощенное понимание научного факта определяется тем, что люди имеют дело с окончательными результатами научного поиска, с тем, что отражено в учебной и популярной литературе. Если же мы обращаемся к самому процессу научного поиска, то оказывается, что факт не представляет собой результат простого наблюдения, а выступает как сложный процесс научного открытия, в котором органично переплетаются приемы теоретического и практического (эмпирического) познания.

При всей ясности понятие факта включает в себе ряд противоречивых характеристик. Факт — это то, в истинности чего мы не сомневаемся, но в то же время эта очевидная истинность нуждается в подтверждении и обосновании. С одной стороны, факт представляет собой то, что реально существует и непосредственно воспринимается, с другой стороны, он предполагает определенную логическую реконструкцию и интерпретацию, выступая в этом случае как особый фрагмент знания. В последнем случае в структуру факта входит не только то, что представляет его объективное содержание, но и его понимание, т. е. то, что идет от субъекта познания, от его теоретической насыщенности. Поэтому одним исследователям факт представляется фрагментом самой действительности, конкретным событием или явлением, выступает результатом непосредственного наблюдения и тем самым обладает как бы абсолютной объективностью, другим — элементом знания со всеми вытекающими характеристиками этого познавательного акта, в

¹ Сибрук К. Роберт Вуд. М., 1978. С. 235.

² Гейзенберг В. Теория, критика и философия // Успехи физических наук. Вып. 2. Т. 102. М., 1970. С. 303.

котором немалую роль играет и такая логическая операция, как интерпретация. Все это и заставляет говорить о науке в двух ее разновидностях: наука как ставшее знание и наука как становящееся знание, т. е. наука выступает, с одной стороны, как особый результат познавательной деятельности, а с другой — это постоянно длящийся процесс, в котором определенным образом сочетаются различные приемы и методы познавательной деятельности. Если же науку рассматривать как процесс, тогда и факт рассматривается с точки зрения процесса его формирования, в котором переход от наблюдений к фактическому знанию опосредуется процедурой интерпретации. Указывая на важную роль интерпретации в процессе научного познания, И. С. Шкловский утверждает: «Между открытием какого-нибудь явления и построением его полной теории должна иметь место интерпретация явления без какой бы то ни было серьезной теоретической разработки»¹. «Интерпретация явления» — это и есть процесс преобразования комплекса наблюдений в строго оформленный научный факт. Обратимся к примеру.

Допустим, астроном зафиксировал ряд признаков нового астрономического объекта, предположим, звезды. Ее координаты, светимость, блеск, расстояние до нового объекта и т. д. Затем он, привлекая теоретические данные механики, электродинамики и других наук, вычислил массу и плотность звезды. На основе этих данных, их статистической обработки и соответствующей интерпретации на основе теоретических положений физики и самой астрономии (классификация типов звезд и т. д.), астроном делает вывод о том, что наблюдаемая им звезда является белым карликом. Последнее утверждение и будет выступать в качестве факта науки.

Особое место интерпретация занимает в общественных науках. Исторические сведения без соответствующей интерпретации не представляют собой фактов науки в строгом смысле слова. Эти сведения могут быть представлены как летопись, хроника, генеалогический сборник, статистический сборник, археологические находки и т. д., которые могут стать материалом для формирования исторических фактов, но сами по себе еще фактами не являются. Для того чтобы эти сведения превратились в факты истории, они должны быть подвергнуты соответствующей логико-теоретической обработке исходя из той или иной картины социальной реальности, т. е. должны получить соответствующую интерпретацию в свете сложившейся социально-теоретической системы взглядов и идей, существующих в данном обществе.

Известно, что исторические и социологические законы и соответственно социально-исторические теории существенно отличаются от естественнонаучных. В свое время основоположники как позитивизма, так и марксизма полагали, что им удалось сциентизировать социальное познание, довести его статус до требований строгих научных теорий. Но очень скоро оказалось, что как идеалистическое, так и материалистическое истолкование социальных процессов имеет свои ограничения. Неокантианская традиция вообще попыталась развести в разные стороны науки естественные и социокультурные, пытаясь доказать, что существуют две принципиально различные логики научного познания: одна, ориентированная на объяснение, а другая — на понимание изучаемых явлений. Тем самым разрывалась не только связь эмпирии и теории, но и противопоставлялась связь логических и психологических актов познания. Особое значение в этой связи приобрел вопрос о сущности научного факта как в естествознании, так и в области общественных наук, логико-теоретическая разработка которого сохраняет свою актуальность вплоть до наших дней.

Дело в том, что теория факта как фрагмента научного знания включает в себе два различных подхода. Во-первых, это теория формирования факта, во-вторых, раскрытие

¹ Шкловский И. С. Размышления об астрономии, ее взаимосвязи с физикой и технологией и влиянии на современную культуру // *Вопр. философии*. 1969. № 5. С. 55.

его логических функций. Чаще всего в повседневном использовании имеют в виду эту вторую сторону фактического знания. Когда говорят, что «факты упрямая вещь», «факты что-то доказывают», «факты что-то опровергают» и т. д., то имеют в виду именно эту вторую сторону фактического знания с явным или неявным предположением о том, что факты представляют собой самоочевидные истины. В этом случае первая часть теоретической сущности факта как бы отбрасывается, затушевывается сложный процесс его формирования. Но, как мы попытались показать выше, факт не следует полностью отождествлять с явлением или простым событием, так как он является результатом сложной поисковой деятельности. Что же касается подбора фактов (для опровержения или доказательства какого-либо теоретического положения), то эта операция носит абсолютно субъективный характер, выражая те или иные теоретические (или идеологические) пристрастия автора. Например, если В. И. Ленин накануне октябрьских событий доказывал индустриальный характер развития России, подбирая для этого соответствующие факты, то его оппоненты, подбирая свои факты, столь же неопровержимо доказывали сельскохозяйственный характер ее экономики.

Таким образом, к чисто логико-теоретической обусловленности фактического знания примешивается целый ряд социогуманитарных и нравственных факторов. Наука оказывается важным элементом всей структуры общественно-политической жизни. Определенные части этой жизни содействуют развитию науки, какие-то сдерживают это развитие. Экономика, политика, философия, идеология, религия, искусство, так или иначе, влияют на развитие науки. И общество, в котором все эти элементы общественной жизни находятся в своеобразной гармонии и равновесии, создает необходимые условия для успешного развития науки. Как отмечает В. С. Стёпин, «возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутренних ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера»¹. Откуда следует, что только в рамках выяснения всех этих связей в полной мере раскрываются тайны логики научного познания, которое нельзя отрывать ни от социального контекста развития, ни противопоставлять одни части научного поиска другим его частям.

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск, 2012. С. 394.

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ КАК ПРЕДМЕТ ДИАЛОГИКИ

Польский логик А. Тарский доказал теорему о невозможности обсуждения проблемы истинности высказываний данного формализованного (дедуктивно построенного) языка в рамках самого этого языка¹. Проблема истинности такого рода высказываний, согласно этой теореме, может быть корректно поставлена и решена лишь в рамках метаязыка.

Но поскольку в науке понятие нового обычно сопрягается с понятием истинного (новое знание, в соответствии с природой науки, в конечном счете должно быть истинным), то вполне правомерны высказывания об ограниченности абстракций и идеализаций, на которых строятся выводы позитивистски настроенных исследователей относительно творческой природы дедуктивных рассуждений. Эти абстракции и идеализации имеют отношение к сфере синтаксиса (как дисциплины, изучающей отношения между знаками и знаковыми системами) и семантики (ее предмет — отношения знаков и знаковых систем к обозначающим ими предметам). Однако они чужды прагматике, которая изучает отношения между знаками и знаковыми системами, с одной стороны, и их потребителями — с другой. Прагматика вторгается в сферу социокультурных, ценностных, психологических отношений и является более общим, метаязыковым уровнем анализа по сравнению с синтаксисом и семантикой. Стало быть, тайну нового познавательного результата (и следовательно, открытия как его частного случая) следует исключить из области той логики, которая традиционно сводит свои задачи к изучению семантико-синтаксических языковых уровней. Постановка вопроса о природе открытия в рамках дедуктивной теории оказывается некорректной. Этот вопрос правомерно перенести на более общий, прагматический уровень, в частности в сферу *диалогии* — раздела прагматики, где исследуются проблемы общения между людьми, прежде всего проблемы вербального диалога. Задача данной статьи — используя средства диалогии, рассмотреть процедуры признания некоторого достижения научным открытием. При этом термин «научное открытие» будем понимать как любое истинное и обоснованное приращение научных знаний.

¹ Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. М. : РОССПЭН, 1999. С. 14–156.

Диалогизм — сущностная черта человеческого бытия. Ф. М. Достоевским убедительно показано, что в диалоге «человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, ... не только для других, но и для самого себя. Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — все кончается. Поэтому диалог в сущности не может и не должен кончиться»¹. Примечательно, что даже тогда, когда человек задумывается о чем-то, оставаясь наедине с самим собой, он задает себе вопросы и сам ищет на них ответы, сам выдвигает идеи и сам их критикует, т. е. он мыслит в форме диалога (такой диалог называется *внутренним*). Философ В. С. Библер описывает ситуацию следующим образом: «“Я” утверждаю нечто. “Я” отвергаю это нечто и выдвигаю другое предположение. “Я” — в ответ — усиливаю свои исходные аргументы, но тут же “Я” развиваю свое ответное предположение... Короче, я мыслю»².

Новые мысли рождаются в головах одиночек, но, по образному выражению одного автора, одинокая мысль бесплодна, как папский дискант. Полученная способом внутреннего диалога, истина требует выхода во внешнее пространство, представления на суд научного сообщества. «После того как истина найдена, — писал академик Б. М. Кедров, — задача, стоящая перед исследователем, сразу и резко меняется — от ее поисков любимы путями и средствами он немедленно переходит к тому, чтобы оптимальным путем довести ее до ученого мира, а главное — убедить этот мир в ее действительной ценности»³. Публикация — важнейшая форма оповещения ученого мира о появлении нового продукта. Она дает толчок *внешнему* диалогу, фактически с публикации начинается этап социализации этого продукта, т. е. этап его общественного признания. Только ученому миру судить, является ли этот продукт истинным и новым результатом.

Можно выделить три уровня, три этапа существования и социализации новой истины. Используя полузабытую терминологию, обозначим члены этой триады как истину «в себе», истину «лично для меня» и истину «для некоторых» (в смысле «для некоторых», а может быть, для всех», как это принято в аристотелевской логике). Истина «в себе» — еще не обнаруженные связи объективной действительности. Она существует безотносительно к субъективному мышлению, восприятию, переживанию, к любому индивидуальному акту сознания. Это, так сказать, нулевой уровень социализации. Истина «лично для меня» немислима без учета субъективного, индивидуального аспекта ее становления. Внутренний диалог — естественный способ его оформления и бытия. Не может быть истины «лично для меня», если истине «в себе» нет доверия со стороны «лично меня», познающего индивидуального субъекта, т. е. если она для него недостоверна. Таким образом, истина «лично для меня» есть удостоверенная истина «в себе» в рамках некоторой индивидуальной концептуальной системы. Она может стать истиной «для некоторых» в процессе ее испытания и в конечном счете признания представителями определенной социальной (в частности, научной) общности, элементом которой «Я» является.

Необходимым условием превращения истины «в себе» в истину «лично для меня» и, далее, в истину «для некоторых» является возможность подведения истины «в себе» под имеющуюся у субъекта познания совокупность категориальных структур — предпосылку мировоззренческого, аксиологического, методологического, научно-теоретического, психологического и прочего характера. Процесс этого превращения связан с внешним диалогом, в котором исключительная роль принадлежит особой логико-коммуникативной процедуре — аргументации. Задача аргументации состоит в том, чтобы

¹ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. М. : Алконост, 1994. С. 153.

² Библер В. С. От научения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. С. 55.

³ Кедров Б. М. Научное открытие и информация о нем // Научное открытие и его восприятие. М. : Наука, 1971. С. 55.

владелец категориальных структур воспринял, понял и, наконец, принял истину «в себе», «открыл» ее для себя, сделал ее своей собственной.

Приведенные соображения могут навести на мысль о том, что ключ к раскрытию сути феномена открытия находится исключительно в сфере субъект-субъектных отношений, в сфере вербальной коммуникации, диалога. Но тогда придется согласиться с Платоном, который утверждал, что познание есть особого рода припоминание, которое лишь возвращается к уже известному и потому, в соответствии с современными интерпретациями, не может давать ничего нового о внешнем мире.

Коллизия снимается с учетом того обстоятельства, что у процесса познания есть другая, не менее важная, *субъект-объектная* сторона и что познание есть единство коммуникации и *деятельности* — процесса, направленного на отображение свойств объективной реальности. При этом по ходу познания субъект-объектные отношения доминируют над субъект-субъектными, являются фундаментальными по отношению к ним. Лишь проникнув в объект, раскрыв его, субъект (личность, социальная группа, человеческое общество) обращает полученные результаты в предмет специальной рефлексии и коммуникации в целях доказательства истинности, существенности, новизны и общественной значимости полученного результата. Таким образом, в науке результат признается за истинный и новый в процессе общения, диалога (первоначально внутреннего, затем внешнего), т. е. в сфере субъект-субъектных отношений. Однако порождается и добывается он благодаря исследовательскому труду в сфере субъект-объектных отношений. Исследования В. С. Стёпина внесли заметный вклад в разработку данной проблематики¹.

Так как всякая исследовательская деятельность имеет сходные черты, то существует возможность представить ее в виде обобщенной схемы. Поэтапно она выглядит следующим образом: а) формулировка проблемы (задачи); б) ее адаптация к методам решения; в) выдвижение гипотез; г) их анализ и оценка; д) выбор (принятие решения по достоверному результату). Как правило, эта схема конкретизируется в зависимости от предмета исследования.

Пункты а), в) и д) являются узловыми в данной схеме — в том смысле, что здесь фиксируются достаточно оформленные *положительные результаты* познавательного процесса: проблема, гипотеза, аподиктический, т. е. безусловно достоверный, основанный на необходимости, результат (греч. *apodeiktikos* — достоверный, убедительный). Каждая из этих конструкций обладает своей познавательной ценностью, является положительным научным результатом, т. е. научным достижением. Но в отличие от аподиктических суждений, с помощью которых фиксируются научные факты, законы и их системы (теории), проблематические и гипотетические не обладают свойством истинности и, в силу этого, не столь значимы в *практическом* отношении. Традиционно отношение научной общественности к проблемам и гипотезам является, как правило, более умеренным, прохладным, чем к аподиктическим результатам. За постановку проблем, выдвижение гипотез не присуждают ученых степеней, тем более нобелевских премий. Вместе с тем проблемы и гипотезы — необходимые формы воплощения исследовательского процесса, складывающиеся и существующие на промежуточных этапах его развития, в то время как аподиктический результат — его конечный пункт.

Все эти познавательные конструкции погружены в контекст деятельности и общения и потому окрашены в субъективные человеческие тона (эта субъективность фиксируется пунктами б) и г) приведенной схемы). Например, возникновение некоторого противоречия в науке — объективный процесс, но соответствующая этому противоречию проблема складывается лишь с появлением субъективной потребности в его устранении.

¹ Стёпин В. С. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск : Наука и техника, 1970; *Он же*. Становление научной теории. Минск : БГУ, 1976.

Теперь вернемся к понятию открытия. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова открытие определяется как *новая истина*. Достоинство этой дефиниции не только в ее простоте. Важно, что она дается в терминах прагматики и ею «схвачены» как субъект-субъектная, так и субъект-объектная характеристики определяемого предмета — открытия. Этой дефиницией за грань рассмотрения выводятся те виды научных достижений, которые фиксируются с помощью проблематических и гипотетических языковых средств.

Однако данная дефиниция недостаточна, она является слишком широкой. Ею охватывается как «истина для некоторых», так и «истина лично для меня». Однако последняя — не обязательно открытие. Она может им и не быть вообще, если, например, «для некоторых» она уже известна (ситуация «изобретения велосипеда») или в процессе исследования получены данные, которые являются избыточными, «шумовыми» по отношению к предполагаемому результату. Поэтому требуются определенные уточнения.

В процессе познания отношение субъекта к познаваемому объекту и к другим субъектам (вернее, к их мыслям) носит избирательный характер. «Субъект видит только то, — писал И. Кант, — что сам создает по собственному плану... он с принципами своих суждений должен идти вперед согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу»¹. Поэтому для субъекта *ничто* не отличается новизной и, тем более, не становится открытием, если это *ничто* не совместимо с кругом его (субъекта) понятий и убеждений. Такое *ничто* воспринимается скорее как нонсенс, псевдооткрытие, поскольку не отвечает надеждам, запросам и интересам этого субъекта. Классическим примером может служить отношение современников к геометрии Лобачевского на первом этапе ее существования — от провозглашения до признания (1826—1868 гг.).

Н. И. Лобачевский впервые сообщил о созданной им геометрии в докладе на заседании Совета Казанского университета 11 февраля 1826 года. Однако он потерпел фиаско в глазах присутствующих. Как пишет историограф А. Ливанова, «современники Лобачевского, кому судьба подарила счастье услышать изложение основ новой великой науки из уст его первооткрывателя, — даже эти люди не только ничего не поняли, они не сделали попытки что-либо понять. Слова о необычайном и сложном, почти фантастическом строении мира, эти слова, сказанные впервые на земле, были обращены к глухим. Да, к глухим, потому что и слабого волнения ума не вызвали они у слушателей. Мысль их спала непробудным сном»². Комиссия из членов Совета, которая должна была дать заключение о сообщении Лобачевского, оказалась несостоятельной. Никто не проявил интереса к дальнейшему обсуждению содержащихся в докладе идей, и, таким образом, полученная Лобачевским истина «истиной для некоторых» не стала. В научном сообществе не возник вопрос даже о новизне представленного результата, не говоря уже о его истинности.

В других случаях новизна результата не ставится под сомнение, но ученые оказываются как бы под гипнозом предвзятых представлений и потому противятся признанию его ценности. Профессор Седжвик, учитель Ч. Дарвина, отказался принять от последнего в подарок его знаменитую книгу, заявив, что он оскорблен содержащимися в ней идеями. Кандидатуру великого англичанина дважды выдвигали в почетные члены французской академии, и оба раза ученые мужи проваливали ее. В Германии была выбита свинцовая печать, на которой Дарвин изображался в карикатурном виде. Креационисты до сих пор упорно отвергают как ложную, якобы построенную на пустом месте эволюционную теорию Дарвина и ее продолжение — синтетическую теорию эволюции.

Курьезно выглядят случаи, когда по причине несовместимости старых представлений с полученными результатами ученые отказывали в эвристических достоинствах даже

¹ Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 85.

² Ливанова А. Три судьбы. Постигание мира. М. : Знание, 1969. С. 38.

собственным изысканиям. Выдающийся физик М. Планк, с именем которого связывается рождение квантовой теории, не считал своей особой заслугой введение кванта действия (постоянная Планка) и лишь через десять с лишним лет прекратил попытки примирения идеи квантовых порций энергии с непрерывностью как важнейшим понятием классической физики. Новый истинный результат не принимал статуса открытия даже в глазах самого ученого. Как пишет Н. И. Кузнецова, «не Планк был революционером по своим установкам и целям, а скорее физика XX века сделала его революционером в своей рефлексии»¹.

Что же касается чужих трудов, то предвзятое к ним отношение — обычное дело. Но в конечном счете «истина торжествует» (*veritas vincit*, по выражению древних римлян) или *при определенных обстоятельствах* противники вынуждены по крайней мере с ней считаться. Что же это за обстоятельства? Рассмотрим этот вопрос на примере одной из «вечных» научных проблем — происхождение материков и океанов.

В начале 50-х годов XIX в. из работ французского исследователя Э. де Бомона родилась так называемая концепция контракции (в переводе с латыни — сжатия). Суть ее такова. Земля, представлявшая в момент своего рождения огненно-жидкое тело, со временем, остывая, покрылась твердой корой. Ядро же Земли и лежащая над ним оболочка до сих пор раскалены. Они продолжают остывать, отдавая сквозь кору свое тепло в мировое пространство, а значит, и сжимаются, уменьшаются в объеме. При этом должна уменьшаться и земная кора. Но поскольку она твердая, непластичная, то сжиматься может морщась, образуя складки. Примерно так сжимается и морщится кожура усыхающего яблока. Однако земная кора на сокращение объема глубинных слоев реагирует болезненнее, чем яблочная кожура, она не только морщится, но еще и разрывается. Через гигантские трещины вырывается на поверхность раскаленная магма. Одни участки коры от движения вещества в глубинах воздымаются, другие — проседают, что, в свою очередь, приводит к созданию в подкорковых слоях очагов напряжения, которые, разряжаясь, вызывают землетрясения, оползни, извержения вулканов.

Эта концепция быстро заняла почетное место в мире науки, но не беспричинно. Во-первых, практически все факты, известные наукам о Земле к тому времени, получали с ее помощью убедительное для современников объяснение. Во-вторых, развитие геологической науки в последующие десятилетия не давало повода для сомнений: новые факты также легко встраивались в эту гипотезу, подтверждая ее. В-третьих, ее поддержали, а затем усиленно пропагандировали авторитетнейшие геологи и геофизики того времени, отчего любой скепсис по ее поводу казался неуместным; в-четвертых, гипотеза была просто, доступно и даже изящно преподнесена, в связи с чем крупный специалист в области геофизики О. Г. Сорохтин заметил: «Гипотеза контракции была исключительно красивой концепцией, и именно ее красота и кажущаяся физичность гипнотизировала ученых почти 100 лет (до 30-х годов нашего века)»².

Короче, концепция контракции, вобрав в себя все достижения науки прошлого, была всесторонне и тщательно *аргументирована*, и это было тем «определенным обстоятельством», которое сделало ее приемлемой в сообществе геологов, геофизиков и других представителей наук о Земле. Более того, в глазах ученых она приобрела даже статус научной теории и в этой роли вошла в вузовские и школьные учебники. На самом же деле это было псевдооткрытие.

В период господства концепции контракции раздавались и другие голоса. В частности, высказывалось мнение о том, что причиной образования материков и океанских впадин являются горизонтальные перемещения глыб земной коры. Но голоса представителей

¹ Кузнецова Н. И. Научная рефлексия как объект историко-научного исследования // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск : Наука, 1987. С. 217.

² Цит. по : Дуэль И. И. Судьба фантастической гипотезы. М. : Знание, 1985. С. 35.

этой точки зрения были очень слабыми и робкими, к тому же указанные перемещения объяснялись ими, как правило, совершенно фантастическими и нереальными процессами.

И вот в 1915 году выходит книга немецкого ученого А. Вегенера «Возникновение материков и океанов». В ней не только высказывается, но и обосновывается идея дрейфа материков при тончайшем анализе огромного количества сведений из разных наук — геофизики, геологии, палеонтологии, биологии, палеоклиматологии. Даже яростным противникам этой идеи не просто было отмахнуться от приведенных доводов. Она сразу же нашла себе множество почитателей, получила дальнейшее развитие в трудах ученых многих стран. Она не имеет убедительных контрдоводов по сегодняшний день и приобрела, таким образом, аподиктический характер.

Судьба концепций возникновения материков и океанских впадин является свидетельством того, что «для некоторых» научные результаты могут как «открываться», так и «закрываться» — в соответствии с тем, являются они положительными или отрицательными с точек зрения этих «некоторых». В ряде случаев вопрос решается пристрастно, в соответствии не только с социокультурными и ценностными, но даже конъюнктурными и сиюминутными установками субъектов, и то, что в одном из субъективных «возможных миров» является положительным результатом, в другом — отрицательным, и наоборот. В связи с этим нельзя не вспомнить язвительное замечание английского философа Т. Гоббса: «Если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладают властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»¹.

По нашему мнению, подлинный научный интерес адекватен совокупности двух основных целей: во-первых, новый результат должен быть объективно истинным (т. е. отображающим явления и закономерности действительности в рамках исторически сложившихся познавательных форм такими, какими они существуют вне и независимо от воли, мнений, пристрастий и прихоти исследователя); во-вторых, он должен быть логически обоснованным (т. е. непротиворечиво включенным в систему ранее добытых знаний и гуманистических ценностей). Наряду с объективной истинностью и логической обоснованностью научному результату должны быть присущи и другие особые характеристики — системность, эссенциальность (лат. *essentia* — сущность), практическая полезность, общезначимость, специфический для данной научной области язык. Однако последние признаки являются производными от основных — объективной истинности и логической обоснованности².

В диалоге, разворачивающемся по поводу чьей-то «истины для меня», как основные, так и производные признаки выступают в качестве средств, критериев, с помощью которых формируется или отвергается новая «истина для некоторых». Как открытие «воображаемая геометрия» Лобачевского не существовала в науке до тех пор, пока не была доказана ее практическая полезность при описании свойств поверхностей отрицательной кривизны. По причине сомнительной полезности в настоящее время вряд ли заслужит особого внимания ученого мира уточнение очередного знака после запятой в числе π (за будущее ручаться не будем).

Авторитет концепции контракции в геологии был окончательно подорван обнаружением радиоактивного распада элементов, сопровождающегося выделением тепла, и тем самым опровержением важнейшей опоры этой концепции — утверждения о том, что Земля есть остывающее тело («усыхающее яблоко»). Концепция контракции не вписывалась больше в систему развивающихся знаний и в настоящее время представляет лишь исторический интерес.

¹ Гоббс Т. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 79.

² Подробнее об этом см. : Берков В. Ф. Методология науки. Общие вопросы. Минск : РИВШ, 2012. С. 84—86.

Английский астроном Дж. Адамс поставил заслон своему собственному открытию — теоретическому обоснованию размеров и координат доселе неизвестной планеты (впоследствии она была названа Нептуном) — тем, что не представил на суд астрономического научного мира должных объяснений. Аналогичные результаты позже (но не намного) получил француз Ж. Леверье, которому и досталась «пальма первенства», поскольку с точки зрения доказательности его работа не вызвала претензий.

Однако отмечая значение критериев обоснования, не следует забывать, что их абсолютизация (даже отдельных из них) чревата, как правило, негативными последствиями. Фактически дело заканчивается псевдооткрытиями, как это случилось с экспериментами Т. Д. Лысенко, «обещающими» решение актуальной практической задачи — достижения продовольственного изобилия в СССР, с работами по синтезу вредоносного ДДТ (дуста), которые были удостоены Нобелевской премии, с многими технократическими проектами. Во всех этих случаях самодовлеющая роль придавалась критерию практической полезности. Г. Д. Левин, в целом положительно оценивая значение этого критерия, вместе с тем пишет: «История применения этого критерия в нашей стране — это история наших бедствий. Резолюция “Не имеет народнохозяйственного значения” является эпитафией на “могилах” многих выдающихся отечественных открытий. Однако вред, который использование невеждами критерия практической полезности нанесло отечественной науке, не доказывает вреда самого критерия»¹.

К сказанному добавим следующее. С именами Коперника, Лобачевского, Дарвина, Эйнштейна и многих других великих ученых связаны открытия, которые произвели революцию в воззрениях не только на окружающий мир, но и на самого человека. Но эти открытия стали возможны благодаря другим достижениям, не столь эпохальным. Уместно вспомнить слова великого ученого XX в. Н. Винера, который в своей книге «Я — математик» писал, что 95 % оригинальных научных работ принадлежит менее чем 5 % профессиональных ученых, но большая часть из этих работ вообще не появилось бы, если бы остальные 95 % не содействовали созданию общего достаточно высокого уровня науки. И вопрос не в том, точно ли определены Н. Винером названные соотношения. Важно, что им отмечена ценность повседневной работы рядовых тружеников, рождающей даже не всегда заметные достижения — миниоткрытия, которые обеспечивают эволюционное развитие науки и создают фундамент для революционных сдвигов в общественном сознании. Крупные, средние и мелкие открытия — размытые понятия, связанные между собой едва ли уловимыми переходами.

Таким образом, как этап исследовательского процесса научный результат может носить аподиктический, гипотетический или проблематический характер. Аподиктический результат имеет наибольшую ценность в практическом отношении. Он может стать открытием, при условиях: а) его (результата) аподиктической истинности; б) новизны; в) достаточной аргументированности, позволяющей принимать или не принимать его в данной интеллектуальной среде. Принятие (непринятие) открытия зависит от особенностей господствующих в научном сообществе категориальных структур — предпосылок мировоззренческого, аксиологического, методологического, идеологического, психологического и прочего характера. При этом не исключается появление псевдооткрытий, которые разоблачают себя и устраняются из науки в процессе ее дальнейшего развития. Решение об открытии принимается в сфере субъект-субъектных отношений, в процессе диалога (внутреннего и/или внешнего), в метаязыке, на прагматическом уровне. Однако порождается и добывается оно благодаря исследовательскому труду, в сфере субъект-объектных отношений.

¹ Левин Г. Д. Принципы теоретической критики // Философ. науки. 2004. № 3. С. 46.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АКАДЕМИКА В. С. СТЕПИНА

В хорошей книге, будь то научная работа, художественная, публицистическая и др., каждый находит то, что нужно ему. У Стёпина много книг, творчество его обширно и глубоко, и социолог имеет возможность выделить прежде всего то, что относится к его специальности. Говоря о мотивах, мы имеем в виду оба из основных значений этого термина: во-первых, внутреннее побуждение, личностный смысл деятельности, то, ради чего и зачем она предпринимается; во-вторых, затронутый автором сюжет, аспект, фрагмент социологического предметного поля. Философия и социология все-таки близкие дисциплины. Э. Дюркгейм, неоднократно упоминаемый В. С. Стёпиным, писал: «Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвращался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути»¹. Это слова одного из создателей социологии как науки, который, будучи философом по базовому образованию, всю жизнь добивался дистанцирования от нее социологии, стремясь обеспечить ей статус самостоятельной науки против метафизики в философии. «Природа вопросов», о которой говорит автор, это в широком смысле слова потребности развития общества, в более конкретном — методология и методика социологического исследования. В то время социология еще не знала теории выборки, шкалирования, операционализации, математико-статистических методов и других средств эмпирического анализа. Дюркгейм использовал в основном данные наблюдений, интроспекции, статистики и исторические сведения. В. С. Стёпин пишет: «Между социологическим, философским подходом и историко-научными исследованиями нет непроходимых барьеров... Социологи способны реконструировать исторические процессы развития знания, не утрачивая логики развития научных идей, философы способны, проследившая эту логику, выяснить, как на нее воздействуют состояния культуры и ее глубинные изменения, каковы условия включения новых научных открытий в поток культурной традиции»². Речь идет о социологии знания,

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 321.

² Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск, 2012. С. 391–392.

которая в своих интерпретациях акцентирует социальную обусловленность и культурную организованность знания, познания и мышления. В ее зарождении особое значение имела идея Дюркгейма о связи сознания с разделением труда, задающим структуру социальности и соответствующие формы интерактивности, развитую его учениками — М. Моссом, Л. Леви-Брюлем, К. Леви-Строссом и др.

Стёпин отмечает, что включение в предмет философии науки представлений о социальной детерминации научной деятельности поставило ряд проблем о соотношении философского и социологического подходов к пониманию генерации нового научного знания. «Сегодня они не только не утратили своей актуальности, но в определенных отношениях обрели новую остроту в связи с новым развитием социологии знания»¹. Проведя достаточно полный и корректный анализ, Стёпин показал, что в ранний период социология знания сама ограничила свой предмет, определив его как изучение науки в качестве социального института, при этом изучение процессов порождения нового знания оставила за эпистемологией и философией науки. В дальнейшем, по мере расширения предметного поля социологии знания и появления новых направлений, стало ясно, что такой подход улавливает в определенной мере особенности современной науки: потребности в социально-этической экспертизе исследовательских программ, оценках социальной эффективности, их популяризацию, позитивное общественное мнение о научном исследовании. Вместе с тем выяснилось, что, вопреки позитивизму, «решить две главные методологические проблемы (выяснить механизмы научного открытия и найти принципы, обеспечивающие интеграцию дисциплинарно организованной науки) невозможно, не принимая во внимание социокультурную детерминацию науки»². Одним словом, в современной методологии науки социология знания должна занять свое место. Перефразируя Дюркгейма, можно сказать, что и философы обращаются к социологии самой природой вопросов, которые возникают на их пути. Противоречия, с которыми боролся французский социолог, были естественными для его времени; не следует их создавать искусственно. Нельзя не согласиться со следующим выводом В. С. Стёпина: «Программа синтеза социологических, философских и историко-научных исследований при изучении сложных процессов функционирования и развития научных знаний представляется сегодня наиболее перспективной»³.

В социологию знания существенный вклад внес марксизм. Достаточно сказать, что известное положение об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию позволяет в принципе поставить правильно вопрос о социальных детерминациях всякого знания, в том числе и научного. Иначе говоря, не останавливаться на уровне когнитивных связей в духе «филиации идей», а искать причины и условия порождения нового знания в ответ на сложившиеся социальные потребности. Не будем говорить о таких положениях, как расстановка сил, вера в прогресс, превращенные формы, отчуждение, идеология и др. В связи с этим хочется привлечь внимание к небольшому выступлению автора в дискуссии по теме «Умер ли марксизм?»⁴, вошедшему с небольшими изменениями позже в известную книгу «Освобождение духа»⁵. В обсуждении проявились не только ортодоксальные подходы (в меньшей степени), но и резко критические, а также у некоторых обескураженность и растерянность. Одним из наиболее взвешенных, спокойных и, вместе с тем, конструктивных было выступление

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте... С. 386.

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 392.

⁴ См. : Вопр. философии. 1990. № 10.

⁵ Освобождение духа. М., 1991.

Стёпина. Перечитывая этот текст сегодня, мы не найдем в нем ни апологетики, ни уничижения. В нем призыв к спокойному размышлению, в ситуации обостренных эмоциональных отношений, и точный вывод, что «только с учетом всего клубка проблем можно содержательно обсуждать вопрос о судьбе марксизма в нашей стране»¹. Несмотря на ограниченность объема, представлена тезисно логическая схема анализа, опирающаяся на развиваемую автором концепцию техногенной цивилизации. Жизнь, однако, избрала иной сценарий — если не полного отрицания, то возможного уклонения от марксизма. И это не могло не затронуть многие стороны жизни, но особенно высшее образование. Приведу пример. В выступлении перед студентами я озвучил знаменитый афоризм Маркса «В науке нет широкой столбовой дороги...», и выяснилось, что большинство студентов не знают ни этих слов, ни их автора. К счастью, в Белгосуниверситете марксистской социологии уделяется достойное внимание², на философско-социологическом факультете понимают, что, не зная работ К. Маркса, нельзя стать профессиональным социологом. И в этом могут быть полезны названные работы В. С. Стёпина.

Что касается судьбы марксизма, то в кумулятивном мировом разуме человечества это учение занимает одно из важнейших мест, о чем можно судить хотя бы по усилиям (публикациям и пр.), затраченным на его якобы опровержение. Но даже если не приводить пример Китая, использующего уточненную марксистскую методологию, то футурологическая функция марксизма далеко не исчерпана. Ряд положений учения Маркса актуализируются в связи с мировыми экономическими кризисами, вызываемыми сейчас не перепроизводством, а не очень понятными латентными факторами спекулятивного характера. Тем не менее все это обостряет социальную напряженность, конфликтность между разными силами, подталкивает созревание революционной ситуации в развитых странах. Стёпин был прав, когда писал: «Беда начинается тогда, когда к сверхдальному прогнозу (имеется в виду историческое видение Маркса. — С. III.) относятся как к конкретному проекту социального будущего»³.

Для методологической подготовки социологов особое значение имеет раскрытие автором сущности, структуры и функции (плюсов и минусов) техногенной цивилизации в ее соотношении с культурой. «В западной литературе, — пишет Стёпин, — современную цивилизацию часто именуют цивилизацией «проекта Модерн». Я называю эту цивилизацию техногенной, учитывая, что определяющим фактором ее эволюции является ускоряющийся научно-технический прогресс»⁴. Для социологической науки принципиальное значение имеет инновационный характер современной цивилизации. «Она, — по словам Стёпина, — разительно контрастирует с предшествующими ей традиционными обществами, где инновации допускались только в рамках традиции и не воспринимались как приоритетная ценность, где виды деятельности, цели и средства менялись чрезвычайно медленно, часто воспроизводясь на протяжении жизни многих поколений. Что же касается техногенной цивилизации, то в ней инновации становятся приоритетной ценностью. Здесь новые научные достижения, воплощенные в технологических инновациях, порождают новые виды деятельности, которые меняют окружающий человека предметный мир (вторую природу), структуры социальных связей, виды человеческих коммуникаций»⁵.

Заметим, что введенное в 1970-е годы Зб. Бжезинским в книге «Между двух эпох» название «технетронное общество», в котором культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и

¹ Освобождение духа. М., 1991. С. 309.

² Данилов А. Н., Елсуков А. И. История социологии. Минск, 2012.

³ Освобождение духа. М., 1991. С. 306.

⁴ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте... С. 392.

⁵ Стёпин В. С. Новые проблемы философии науки // Социология. 2011. № 3. С. 10.

коммуникаций¹, не получило развития и не востребовано. О причинах мы говорить не будем, более значимо то, что понятие техногенной цивилизации прочно вошло в научный оборот, во многом благодаря разработкам и многим публикациям В. С. Стёпина. Весьма существенно и то, что автор не абсолютизирует и не восхваляет данную цивилизацию. Он констатирует: «Еще сравнительно недавно (по историческим меркам) казалось, что техногенная цивилизация является магистральным путем развития будущего человечества. Но уже в середине прошлого столетия стало выясняться, что она подошла к критическим рубежам, породив обостряющиеся глобальные кризисы (экологический, антропологический и др.)»².

Возникает необходимость радикального пересмотра базисных ценностей современной цивилизации, поиск точек роста в различных сферах культуры, а главное, в характере научной и технологической рациональности. Главное потому, что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры — креативной деятельности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

Решающим для возникновения точек роста новых ценностей является формирование постнеклассического типа научной рациональности. О непрестанном и особом внимании автора к данной проблеме свидетельствует и то, что на XXIII Всемирном философском конгрессе (Афины, 4–10 августа 2013 г.) он вместе с академиком РАН В. А. Лекторским организовали и провели симпозиум «Рациональность как культурная ценность». Социологические исследования этого феномена восходят к М. Веберу, который назвал рационализм судьбой западного мира, раскрыл этическое своеобразие кальвинизма как расколдование мира. В спорах с «антирационалистами» необходимо отдавать себе отчет в том, что если Запад порой грешит избытком формального рационализма (калькулируемости, расчетливости и пр.), то мы часто страдаем от его недостатка. Вебер соглашался с Марксом в том, что необходимо «принимать во внимание прежде всего экономические условия». Но он отмечал: «Экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения. Там, где определенные психологические факторы служат ему препятствием, развитие хозяйственно-рационального жизненного поведения также наталкивается на серьезное внутреннее противодействие»³. Приведенные слова, возможно, будут уместны как демонстрация связи философского и социологического подходов.

Близко к этим словам Вебера следующее утверждение Стёпина: «Чтобы наука успешно развивалась, необходима такая система мировоззренческих установок, которая не запрещает, а, наоборот стимулирует научный прогресс, сопровождающийся постоянным пересмотром ранее сложившихся представлений о мире»⁴.

В. С. Стёпин выделяет три специфических типа рациональности: классический, неклассический и постнеклассический. Первый из них (классический) основан на том, что объективность достигается лишь в том случае, когда в цепи познавательной деятельности «субъект — средства — изучаемый объект» объяснение сосредоточивается только на объекте, исключая при этом все относящиеся к субъекту, средствам и операциям деятельности. Второй (неклассический) тип отражает связи между знаниями об изучаемом объекте

¹ *Brzezinski Zb. Between Two Ages. N.Y., 1970. P. 9.*

² *Социология. 2011. № 3. С. 10.*

³ *Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 55–56.*

⁴ *Стёпин В. С. Послесловие // Л. Р. Грэхэм. Естествознание, философия, науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 426.*

(явлении) и характерными особенностями средств и операции познания. Он характерен для квантово-релятивистской физики, где описание и объяснение включают принципы относительности Эйнштейна, неопределенности Гейзенберга и др. Постнеоклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии, включая ценностные и целевые ориентации исследователя. Как показывает автор, соответственно расширяется поле системных объектов, которые можно освоить в соответствующих структурах деятельности — от простых систем к все более сложным с саморегуляцией, положительными и отрицательными обратными связями и к развивающимся системам с человеком (человекообразным) в постнеклассической рациональности.

Здесь, может быть, уместно вспомнить одного из немногих, после Ж. Ж. Руссо, критиков науки — Л. Н. Толстого. Он писал: «Свойственная настоящей науке деятельность не есть изучение того, что случайно заинтересовало нас, а того, как должна быть учреждена жизнь человеческая, — те вопросы религии, нравственности, общественной жизни, без разрешения которых все наши познания природы вредны или ничтожны»¹. Говоря о настоящей, истинной науке, он предлагает набор тем (вопросов) для нее: от выяснения, как пользоваться землей, воспитания детей, половых отношений, отношения к иноземцам до учреждения совокупной жизни людей. Как видим, все это человекообразные вопросы, относящиеся к третьему типу рациональности, при изучении которых, как считает Стёпин, исследователи сегодня все чаще сталкиваются с необходимостью включения гуманистических ценностей и приоритетов внутрь развивающегося знания, проведение экологической и этической экспертизы. Анализ подобных объектов предполагает знание «запретов» на такие стратегии исследования, которые потенциально содержат в себе катастрофические последствия. В связи с этим возникает необходимость установления связей между внутренними ценностями науки и общесоциальными ценностями, аксиологические ориентиры приобретают универсальный характер. Эти слова В. С. Стёпин еще раз произнес на упомянутом симпозиуме в Афинах, в передаче Я. С. Яскевич они опубликованы в журнале «Социология»². Вполне очевидно, что они очень близки и могут быть адекватно восприняты каждым социологом. Упоминание о «запретах» более чем своевременно. Например, клонирование человека запрещено, но, по словам автора, не исключено, что кое-кто продолжает такие исследования. Возможны и невольные ошибки. Так, в 1948 году Паулю Мюллеру присудили Нобелевскую премию «За открытие действия ДДТ как сильного яда для большинства членистоногих»³. Спустя время выяснилось, что ДДТ опасен для всего живого, в том числе и для человека, но яд распространился так широко, что и в снегах Антарктиды были найдены его следы. Знал или не знал Мюллер о возможных неблагоприятных последствиях — это дела не меняет. Предохранительная функция науки состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос: чего нельзя делать? В практическом смысле это означает соблюдение древнего правила: «Не навреди». Если говорить о социологии, то в ее профессиональном кодексе записано: «Социолог обязан строить свою исследовательскую деятельность так, чтобы она не выходила за рамки ограничений, связанных с объемом имеющихся ресурсов, познавательными возможностями методов и техники исследования»⁴. Существуют разные инструментальные «табу», например, нельзя ставить провокационные вопросы, разжигать рознь, задевать чувства людей, их достоинство и т. д.

¹ Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Собр. соч. : в 20 т. М., 1964. Т. 15. С. 223.

² Яскевич Я. С. Философия как познание и образ жизни: XXIII Всемирный философский конгресс // Социология. 2013. № 3. С. 137.

³ Чолоков В. Нобелевские премии. Ученые и открытия. М., 1987. С. 353.

⁴ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М., 2003. С. 487.

Вообще, рациональность как ценность — это междисциплинарная проблема: в исследовательском поле та точка, в которой реально могут состыковываться и сотрудничать социология и философия науки. В обширном творческом багаже Стёпина она — одна из значимых. И здесь, как мне кажется, правомерно говорить о социологическом мотиве в первом значении, т. е. не только как о необходимом сюжете размышлении и анализа, но и как о внутреннем побуждении, личностном смысле творчества. Не случайны ведь и симпозиум на конгрессе, и доклад автора, и бурная дискуссия, и вывод о том, что альтернативы рациональности как мировоззренческой установке, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения являются принципы разума, в современном мире нет.

Особое значение для социологии, для социогуманитаристики в целом имеет концептуализация Стёпиным картины социальной реальности как методологического инструмента, исследовательской матрицы и формы научного познания. Придерживаясь доступного и студентам текста, опубликованного в двух статьях в журнале «Социология», отметим ключевые положения данной работы. Во введении названы трудности второго становления социологии как самостоятельной дисциплины, ее, можно сказать, реинституализации. Серьезным препятствием явилось то, что многие, по разным причинам, не хотели понять, что развитие исторического материализма (преобразуемого сегодня постепенно в нормальную социальную философию) «не отрицает, а, наоборот, предполагает развертывание теоретических и эмпирических социологических исследований»¹. Второй момент связан с расширением междисциплинарных исследований, естественно, требующих переноса методов и концептуальных средств из одной науки в другую. Для того чтобы это делать осознанно и грамотно, необходимо «некоторое табло распознавания общих признаков предметных образов различных наук»². В качестве такого табло предлагается особая форма теоретического знания — научная картина мира. Автор скромно отмечает, что этот методологический инструмент выработан отечественными исследователями, умалчивая о том, что львиную долю работы выполнил именно он, лично сам. «Картина мира —, по его словам, — строится из небольшого набора фундаментальных теоретических абстракций (теоретических конструкций), которые онтологизируются, отождествляются с исследуемой реальностью. Это — общая характеристика любой научной картины мира»³. Первой версией была механическая картина мира, созданная Г. Галилео, И. Ньютоном и другими учеными. Ее конструктами были неделимые корпускулы (атомы), мгновенная передача сил по прямой (дальное действие), абсолютные пространство и время и связывающий все лапласовский детерминизм. Позже эту картину Ламарк перенес на органический мир (биология), а Конт — на общество, назвав соответствующую дисциплину вначале социальной физикой, а позже социологией.

Стёпин справедливо отмечает: «Что же касается современной социально-научной картины мира (картины социальной реальности), то в сообществе обществоведов и гуманитариев пока нет того уровня консенсуса в принятии той или иной ее версии, который сложился в естествознании по поводу научной картины природы. Тем не менее в различных версиях структуры и динамики общества есть общие компоненты, что намечает общие контуры картины социальной реальности»⁴.

Картина социальной реальности включает представления об обществе как сложной исторически изменяющейся системе, и в качестве ее составляющих автор выделя-

¹ Стёпин В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания // Социология. 2009. № 3. С. 9

² Там же.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

ет основные подсистемы — экономику, социально-политическую подсистему и культуру. Кажется, что имело бы смысл выделить также подсистемы личности и идеологии. Но, по-видимому, учитывая инклюзивность последних, автор допускает их присутствие («растворение») в блоках названной им триады. На обыденном уровне знание об онтологии социальной реальности представлено в ответах на вопросы, что такое общество, как оно устроено и функционирует для обеспечения сохранения и саморазвития в духе «порядка и прогресса» О. Конта. Согласно изложению В. С. Стёпина, каждую из выделенных подсистем можно сделать особым предметом исследования. Именно такое выделение соответствующих блоков социальной реальности и конкретизация каждого из них в дисциплинарных онтологиях происходит в соответствующих социально-гуманитарных науках — экономических науках, социологии и политологии, в гуманитарных науках, ориентированных на исследование культуры и человека в культуре. В этом аспекте можно рассматривать картину социальной реальности в качестве системообразующего компонента, объединяющего различные социальные и гуманитарные науки¹.

Обратим внимание на проведенную автором краткую, но емкую реконструкцию подходов К. Маркса, М. Вебера и Т. Парсонса. Метод реконструкции фрагментов истории физики (построение Д. Максвеллом теории электромагнитного поля, квантовой электродинамики, моделей атома Томсона и Резерфорда и др.) широко и плодотворно использован еще в работе «Становление научной теории». Здесь же он подчеркивает: «Картина социальной реальности, разработанная Марксом, ориентировала на исследование процессов формирования капитализма, прежде всего как становления капиталистических производственных отношений (базис), которые выступают системообразующим ядром капиталистического общества. Отсюда вытекали особенности Марксова анализа — исследование превращения денег в капитал и включение в товарно-денежное обращение рабочей силы в качестве особого товара»².

Вебер сделал акцент на формировании духа капитализма, его базовых ценностей, которые нашли выражение в протестантской этике и в становлении нового типа рациональности. Главным фактором веберовской картины социальной реальности являются ценности, программирующие деятельность и поведение людей.

Что касается подхода Т. Парсонса, то в нем Стёпин видит пример переноса понятий и методов кибернетики в социологию. Предложенная им схема AGIL (по первым буквам названия функций) является структурно-функциональной, поскольку за каждой функцией закреплен блок структурных компонентов (институтов): за адаптацией (А) — экономика, целеполаганием (G) — политика, интеграцией (I) — идеология, религия, латентность (L), т. е. поддержание внутренних (неявных) образцов — культура. В этой концепции главное внимание уделяется процессам воспроизводства социальных систем и их саморегуляции как поддержанию порядка (гомеостаза). Предмет особой заботы Парсонса — стандартные переменные действия — оказалось очень трудно реализовать в эмпирических исследованиях. Стёпин, на наш взгляд, выделил в учении Парсонса главное, не вдаваясь в обсуждение тех вопросов, которые вызывали критику («нормативизм», «гомеостазис» и др.). «Парсонс, — по его мнению, — развивая идеи Маркса, Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и используя идеи кибернетики и системного анализа, предложил картину социальной реальности как сложной, саморегулирующейся системы. Важным аспектом этой картины были представления об открытости саморегулирующейся социальной системы и ее воспроизводстве благодаря кодам социальной информации и управлению,

¹ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 12.

² Там же.

учитывающему обратное влияние результатов деятельности на целостное состояние данной системы»¹. Этот вывод согласуется с мнением В. Ф. Чесноковой: «Концепция Парсонса дана нам на будущее. Мы еще очень многому можем научиться у этого ученого»².

Из проведенного Стёпиным анализа картины мира как исследовательской программы выделим положение о генетической преемственности, которое он высказал в полемике с Т. Куном и раскрыл на примере связи между механической, электродинамической и квантово-релятивистской физическими картинами мира. Исходя из этих данных он формулирует следующее утверждение: «С этих позиций следует рассматривать и парадигмы социальных наук. Различные картины социальной реальности, возникающие в процессе исторического развития этих наук, не исключают преемственности. И это может стать основой для построения целостной системной картины социальной реальности»³.

Задача создания такой картины стоит не только перед социологией, но и перед другими науками об обществе и человеке. Вообще, потребность в целостной картине общества возникла в глубокой древности. В Древней Греции многими мыслителями она осмыслена как научная проблема. Это стимулировало усилия философов по разработке как отдельных компонентов такой целостной картины общества (общезития), так и по созданию проектов наилучшего общества. Из всех опубликованных таких проектов (Протагора, Аристотеля и др.) наибольшей известностью пользуется учение Платона об идеальном обществе. Несмотря на ряд, можно сказать, опережающих разработок (о роли разделения труда, о справедливости, о войне, об учете личностных качеств — «каждому свое» и т. д.), в целом оно не могло ни быть утопичным. Для Платона «должное» было выше эмпирически реального, что сказывалось на характере проектируемых отношений и всей конструкции.

Мы упоминаем об этом (не говоря о сонме утопистов из истории), чтобы отметить рациональность требования Стёпина к построению картины общества, «учитывающей современные достижения экономических, социально-политических и социально-гуманитарных наук»⁴.

Для этого, как отмечает автор, необходимо разобраться с доминировавшим длительное время в социальных науках принципом множественности парадигм, каждая из которых вводит свое понимание структуры и динамики общества. Перечислив основные современные социологические парадигмы⁵, Стёпин соглашается с идеей их конвергенции и возможному «переходу» от многовариантного к монопарадигматическому статусу социологической науки. Он пишет: «Анализ взаимодействия разных парадигмальных образцов социальной реальности является необходимой предпосылкой формирования ее интегральной картины... Разумеется, картина социальной реальности представляет собой схему, упрощающую действительность, но вместе с тем способную прояснить некоторые существенные стороны человеческой жизнедеятельности. Поэтому она должна быть открыта для критики и последующей конкретизации»⁶.

В представленном эскизе современной картины социальной реальности предлагается начинать с экспликации отношений человека к миру, включающих: а) отношения к природе и искусственной природной среде; б) отношения к другим людям и коллективам; в) отношение к духовной жизни, аккумулирующей как индивидуальный опыт, так

¹ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 14.

² Чеснокова В. Ф. // Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 14.

³ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 17.

⁴ Там же.

⁵ История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С. 532.

⁶ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 18.

и исторический опыт поколений. Думается, что целесообразно выделить в отдельную группу отношения человека к самому себе, используя данные и разработки Э. Фромма, В. Франкла, М. Фуко, А. Маслоу и др.¹.

«Познающему субъекту, — писал автор в своей первой монографии, — предмет исследования всегда дан не в форме созерцания, а в форме практики, и поэтому у него нет иного способа видения действительности, кроме как сквозь призму этой практики»². Для социальной действительности (реальности) это важно еще и потому, что онтология общества, его динамика обусловлены деятельностью людей и передачей накопленных достижений новым поколениям.

Несомненной заслугой Стёпина является то, что рассматривая отношения человека к природе, он концептуализировал и развил мысль Маркса о «неорганическом теле человека», доведя ее до уровня цивилизации. «Неорганическое тело человека», т. е. мир созданной человеком «второй природы», передается от поколения к поколению, наследуется социально. Это тело как продукт общественного разделения труда исторически качественно усложняется и выступает для входящих в жизнь индивидов «неорганическим телом цивилизации». И следовательно, чтобы понять, как развивается человек, необходимо прежде всего выяснить, какие изменения, усложнения вносятся, как воспроизводится его неорганическое тело «в процессе производства материальных благ»³. Выделенные слова показывают, что суждение о том, что изменение неорганического тела индивида от него не зависит, нелогично. Он не может просто созерцать и пользоваться цивилизационными достижениями предков, эти достижения необходимо адекватно освоить, а главное воспроизводить и развивать в собственном труде по производству материальных благ. Здесь уместно было бы отметить известную парадигму трудового общества и привести слова Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, а пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей — архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. В том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»⁴. Автор рассматривает этот процесс исторически и приходит к следующему выводу: «С биологической точки зрения современный человек мало чем отличается от человека эпохи неолита. Но если учесть организацию его неорганического тела, то он — принципиально иной социально-исторический вид, приобретающий благодаря развитию искусственно создаваемой им предметной среды новые условия своего природного существования, иную несравненно более широкую, чем у древнего человека, экологическую нишу.

Итак, первым важнейшим аспектом социального бытия человека и его отношения к природе выступает воспроизводство и развитие «неорганического тела цивилизации». Оно предполагает особую форму «обмена веществ» между обществом и природой — процесс производства материальных благ. Этот процесс является ядром экономической жизни общества»⁵.

¹ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992; Франкл В. Логотерапия и поиск смысла жизни // Психология личности. М., 1982. С. 118; Фуко М. Воля к истине. М., 1996; Маслоу А. Мотивация и личность. М., 2001.

² Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте... С. 88.

³ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 5.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1954. С. 185.

⁵ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 6.

Переходя к анализу положения человека в системе социальных связей, Стёпин выделяет уровни структурирования: малые группы, трудовые коллективы, макроструктура общества. Последняя представлена спецификой классовых, сословных, кастовых отношений и соответствующих им больших социальных групп. В систему социальных связей, выражающих макроструктуру общества, следует также включить национальные и этнические отношения. Соответственно в качестве больших социальных групп выступают также этнические общности и нации. Но при построении картины социальной реальности, в которой соответствующие абстракции обретают онтологический статус, жесткое разделение и противопоставление микро- и макроструктуры непродуктивно. Этот вывод косвенно опровергает притязания Я. Морено «оздоровить» все общество с помощью социометрических технологий – тестирования малых групп, социодрамы, терапевтического театра и пр. Такая генерализация только снижала бы использование социометрии в рамках ее возможностей, например, выявление неформальных лидеров в группе, смягчение конфликтов, лечение неврозов и др.

Пристальное внимание уделяет Стёпин отношениям к духовной жизни, понимаемой как роль культуры в жизнедеятельности человека. Он вводит следующую дефиницию: «Культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт»¹.

Культурная программа отличается тем, что она накапливаемый социально-исторический опыт фиксирует, хранит и передает в особой знаковой форме. Под знаком в логике понимают любой материальный предмет, который представляет не самого себя, а какой-то другой объект. Различают три вида знаков, в зависимости от отношения к обозначаемым объектам. Знаки-индексы связаны с объектом причинно, например, следы на снегу, дым из трубы и т. п. Знаки-образы являются изображениями объектов – чертеж, схема, фото и пр. Знаки-символы никак не связаны с объектом². Символами являются слова и словосочетания естественного языка, язык тела – позы, жесты и т. п., математические и другие формулы. Прочие предметы материальной культуры также могут выступать не только по прямому назначению, но и знаками других явлений, например, машина – знак престижа и т. п. Благодаря своему знаковому характеру культура создает социокоды. «Таким образом, – констатирует В. С. Стёпин, – наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК, РНК), который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод. Посредством нее фиксируется развивающийся массив социального опыта, который передается от человека к человеку, от поколения к поколению»³.

Автор выделяет в программах деятельности, поведения и общения три следующих уровня. Первый – это реликтовые программы, которые еще живут в современном мире, влияя на многих людей. Второй уровень – это то, что обеспечивает сегодняшнее воспроизводство конкретного общества. Третий уровень обращен в будущее. Это научные знания, идеалы социального устройства, которым еще только предстоит стать идеологиями, новые этические принципы, ряд социальных инноваций в образовании, здравоохранении и других отраслях.

¹ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 12.

² Войшвилло Е. К., Десярёв М. Г. Логика. М., 1994. С. 39.

³ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 13.

Обращаясь к роли мировоззренческих категорий в картине социальной реальности, автор утверждает: «Преобразование общества и типа цивилизационного развития всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закреплённых в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в культуре»¹.

Разработанная академиком В. С. Стёпиным картина социальной реальности является значительным вкладом в современную социогуманитаристику. Для социологической науки она важна прежде всего в плане теоретико-методологическом; в том, что позволяет развязать ряд накопившихся узлов, таких как полипарадигмальность, бесконечные споры о реализме и номинализме, об априорных формах познания, о непреодолимой дистанции между «науками о природе» и «науками о культуре», о субъективном и объективном, традициях и инновациях и др. Я думаю, что если учение о социальной реальности отнесут к социально-философским, социологи не будут расстраиваться, его открытый характер позволяет каждому взять из него полезное для себя. Мы рады тому, что социологические мотивы присутствуют во многих, и уже более 15 лет во всех работах автора. Нельзя не согласиться со Стёпиным в том, что «современная картина социальной реальности в новом свете представляет историческую динамику социальной жизни». Вопреки технократическим подходам автор прав в главном: «Чтобы изменился тип общества и возник новый социальный вид, должно произойти изменение культурного кода, мутация мировоззренческих универсалий, а затем уже технико-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами определяют дальнейшую судьбу нового типа социальной организации»².

Невозможно затронуть все то, что в публикациях и выступлениях В. С. Стёпина имеет социологический смысл, т. е. значимо для практики жизни. Так, рассматривая стратегии развития современной науки, он писал: «Во второй половине XX в. произошли изменения в институциональной структуре фундаментальной науки. Если в XIX и даже начале XX в. она преимущественно развивалась как университетская наука, то во второй половине XX в. начинают интенсивно создаваться сети научных учреждений академического типа: например, комплекс национальных научных лабораторий США, сеть исследовательских научных центров в Германии. Сотрудники этих центров по своей основной работе занимаются только научно-исследовательской деятельностью и, в отличие от представителей университетской науки, не обязаны сочетать исследования с преподавательской работой. Это – аналог российской академической науки, представлено РАН и другими государственными академиями. Таким образом, создана система взаимодействия академической и университетской науки, одной университетской науки в современных условиях уже недостаточно»³.

Не правда ли, эти слова имеют прямое отношение к дрящимся уже два десятилетия дискуссиям о судьбах академической науки на постсоветском пространстве. Видимо, сторонники прозападной модели (с ликвидацией академий наук в пользу университетов) и не заметили, как они отстали от реальных изменений в организации фундаментальной науки на Западе.

Студентам и аспирантам всех специальностей хотелось бы порекомендовать учебник автора «История и философия науки» – 2-е изд., – М., 2012. Глава 2, названная «Познание. Общество. Культура», содержит более развернутый анализ картины социальной реальности и будет весьма полезна не только аспирантам, кому адресована, но и студентам-социологам.

¹ Стёпин В. С. Картина социальной реальности... С. 17.

² Там же.

³ Стёпин В. С. Институциональные изменения в современной науке // Социология. 2005. № 4. С. 5.

ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Казалось бы, вопрос о времени возникновения философии истории имеет риторический характер — это эпоха Просвещения. Но почему тогда такой авторитетный исследователь античной философии и культуры, как А. Ф. Лосев¹ говорил о философии истории античности, а известный русский историк В. И. Герье² о философии истории св. Августина? Учитывая неоднозначность решения данной проблемы, обратимся к вопросу о генезисе философско-исторического знания, обстоятельствах и концептуальных предпосылках его становления.

Для возникновения философии истории требовалось наличие ряда условий: динамизма общественного развития, специализирующегося на его изучении философского знания, а также самого способного подняться до уровня саморефлексии исторического сознания. Кроме того, необходимо было появление связующей воедино названные факторы, идеи человека как свободного, реализующего свои замыслы субъекта — личности. Или, следуя мнению А. Ф. Лосева, «...движение, становление, развитие, общественное развитие и специфическим образом интерпретированная структура общественного развития являются теми пятью категориями, без которых невозможно построение никакой философии истории»³.

Эти факторы отсутствовали в культуре Древнего Востока с характерным для нее социокосмическим синкретизмом, традиционализмом и консерватизмом образа жизни. Комплекс этих факторов постепенно начал складываться в античном мире — учениях неоплатоников и гностиков, наметивших путь к исторической интерпретации бытия, но свойственные картине мироздания греков космоцентризм, фатализм и идея «вечного возвращения» не позволили выработать целостное понимание исторического процесса. «История и дух были у них вставлены в твердые рамки вечных субстанций и порядка, смысл которых постигался не из замутненных и меняющихся земных воплощений, а из логического созерцания их вневременной сущности. Не история

¹ Лосев А. Ф. Античная философия истории. М. : Наука, 1977.

² Герье В. И. Блаженный Августин. М. : Эксмо, 2003.

³ Лосев А. Ф. Античная философия истории. С. 9.

служила средством понимания этой сущности, а, наоборот, из этой сущности выросло понимание истории, поскольку в человеческой деятельности и созидании они видели то смутное и колеблющееся, то растущее и продолжающееся приближение к постигаемым посредством чистой логики идеалам»¹.

Древнегреческая и римская историография не может считаться даже прообразом философии истории, поскольку в ней отсутствует принципиальная для философско-исторического знания корреляция идеи направленности исторического процесса с «идеей человека». Они отличались описанием прошедших событий в хронологическом порядке, а их связь с философией имела односторонний характер — античная история дополняла и конкретизировала философские сентенции, придавая им иллюстративный и нравоучительный характер. Эти особенности античной историографии, по ремарке английского историка лорда Г. Болингброка, нашли отражение в словах греческого историка и политического философа I в. до н. э. Дионисия Галикарнасского: «История — это философия, которая учит нас с помощью примеров»².

Утопизм и неисторичность социальных идеалов древних греков проявились в попытке Платона воплотить на практике собственный проект идеального государства, противоречащий его учению о существовании двух несовместимых миров — мира чистых сущностей и мира конкретно-чувственных явлений. Она выявила размытость чувства исторического времени: социальный идеал перестает выполнять функцию проекта будущего, к которому следует стремиться. В мировосприятии древних греков между будущим и настоящим нет принципиального различия, как нет непроходимого барьера между ними и прошлым — «золотым веком», когда идеал справедливого общества уже был воплощен в качестве нормативной ценности.

История оказывалась погруженной в вечность, в которой отсутствует «связь времен», а единственной формой динамики событий становится круговорот. «Природный историзм» античного мышления — это натуралистическая интерпретация исторических событий, не позволяющая выйти на уровень метаистории и выработать содержательную философскую конструкцию исторического процесса.

Более плодотворной оказалась следующая попытка самоопределения философии истории, предпринятая в Средневековье. Созданную в это время христианскую историософию, понимаемую как метафизическое учение о проблемах исторического бытия человечества (Августин Аврелий, Фома Аквинский, Иоахим Флорский, митрополит Иларион), обычно квалифицируют в качестве теологии истории, однако в ней присутствуют не только богословские, но и философские интерпретации исторического процесса. Главным же стало возникновение христианской «идеи истории», во многом определившей новое видение мира и способствовавшей его освобождению от присущих античной мифологии толкований. Задав интерпретационную модель, в которой развитие общества обрело направленный, определяемый божественным провидением целесообразный и наполненный смыслом характер, христианская «идея истории» выступила предпосылкой для становления в последующем светской философии истории. Она сыграла роль коммуникативной матрицы, придавшей развитию философско-исторического знания фундаментальность, целостность и преемственность.

В своих истоках христианская «идея истории» противостояла древнегреческому «природному историзму», основанному на возвратной модели исторического развития, в которой не ставится вопрос о предназначении человека и его месте в истории. Циклическая модель истории означала, что все повторимо и тленно, а значит, деяния людей и вся их

¹ Трёлль Э. Историзм и его проблемы. М. : Юрист, 1994. С. 18.

² Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М. : Наука, 1978. С. 11.

жизнь не имеют сколь-нибудь существенной ценности и смысла. Отказ от этой модели открывал перспективы для осмысления человеком своего назначения в мире и позволял соотносить поступки с существующей системой ценностей. Как писал Г. Риккерт, если «взор греческих мыслителей либо покоился на вечном ритме бытия, либо обращался в сторону царства сверхъестественных, но столь же абсолютно неисторических, безвременных, сверхиндивидуальных форм, то ныне сущность мира начинают видеть в *единичном*», отнесенном к Богу историческом процессе его становления»¹.

История приобретала для человека личностное, неповторимо-индивидуальное измерение, оставаясь тайной процесса развития человечества в целом. Более того, интимно-личностная ипостась человека — его страдания, — превращались из проклятия и уничтожения человеческого достоинства в акт самоутверждения, ибо через них человек разделял общую судьбу с богочеловеком — Иисусом, приобщаясь к ведомому божественным провидением историческому развитию единого богочеловечества.

Такая ситуация конфронтации «природного» и духовно-религиозного историзма вызвала противостояние двух типов социально-исторического бытия позднего античного общества — эллинистического, ориентированного на жизненный опыт и рационализм обыденного сознания, и иудейско-христианского, стремящегося к постижению трансцендентных основ социума. Причем это постижение предполагало не абстрактно-отвлеченные рассуждения, как у неоплатоников, о безликой, растворяющейся в мире божественной сущности, а персонализацию Бога-сына, связывающего своим существованием мир священных сущностей и мир профанных, обыденных явлений. Библейское «Еллыны ищут мудрости, а мы проповедуем Христа распятого» [1 Кор. 1:22–23] в интерпретации П. Козловски означает, что «бог уже не является (как у Платона. — *Авт.*) более постулатом практического разума и моральной философии, но становится человеком и обретает в мире церкви статус институциональной реальности»².

От иудаизма христианство восприняло символическую форму вероисповедания ценностей, обращенных лишь к «посвященным» и потому имеющих эзотерический, понятный только им смысл. Это — символы веры, не подлежащие санкции здравого смысла, скепсису и утилитарному использованию, — не случайно в Средневековье доступ к письменным источникам христианства был ограничен. В христианской «идее истории» изменяется сам дух эсхатологии: в отличие от иудаистской версии христианство делает акцент и на судьбе отдельного человека, и на судьбе всего человечества, а не исключительно на судьбе отдельного этноса.

По мере стабилизации и распространения христианства антитеза иудейско-христианского (квалифицируемого как «внутренний Восток Европы») и эллинистического типов социального бытия и мышления, во многом обусловившая многоликость западной цивилизации, усваивается христианским сознанием. Исходный культурный дуализм христианства, нашедший выражение в сакраментальной фразе Тертуллиана «Между Афинами и Иерусалимом», в дальнейшем развитии «идеи истории» воплотился в альтернативных методологических тенденциях.

Во-первых, в тенденции *теологизации* социально-исторической картины мира, в которой приоритет принадлежит «небесной истории» перед «земной» и для которой характерен метафизический поиск предельных оснований. Итогом объективации этой тенденции стало появление различных версий теологии истории, исходящих из признания существования всеобъемлющего смысла мировой истории, в событиях которой воплощается божественный замысел. Земная история здесь выступает как процесс искупления «*felix culpa*» — «счастливой вины» — грехопадения Адама и Евы и появление Христа.

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 193.

² Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. С. 54.

Во-вторых, в тенденции *секуляризации* исторической картины мира, методологической основой которой выступает принцип гармонии разума и веры, способствующий выведению «земной истории» из-под диктата истории «небесной». В средние века эта тенденция не имела концептуального оформления и лишь в Новое время привела к формированию лишенной религиозного контекста философии истории, для которой смысл истории не является трансцендентно заданным, а имеет имманентный характер. Он порождается самими людьми и привносится в историю как результат их созидательной деятельности.

Существовавшая в средневековом историческом сознании оппозиция установок как на теологическую, так и на светскую, хроникально-придворную интерпретацию изменяющегося общества на какое-то время была примирена приданием христианской историософии сильного антропологического акцента. Благодаря этому человек предстал как внутренне противоречивое, но целостное существо: телесное, греховное и, одновременно, духовное, богоизбранное — «ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» [Рим. 7:15].

История, тем самым, начала приобретать человеческое измерение, а человек обретать свое место в ней. Период распада цельности мира, связанный с крушением античного космоцентризма — по выражению М. Бубера, период «бездомности» человека, — сменяется периодом «обустроенности» нового, христианского мира, который воспринимается человеком как домашняя обитель. «Схема этого образа мира — крест, вертикальная перекладина которого есть конечное пространство от небес до преисподней, и проходит она посреди человеческого сердца; поперечная же перекладина являет собой конечное время от сотворения мира до последнего его дня, причем центр этого времени — смерть Христова, всепокрывающая и всеискупительная, приходится на самое средоточие пространства — сердце бедного грешника»¹.

Особое значение для религиозно-философского, а не только теологического обоснования новой исторической реальности — христианского мира — имело учение Августина Аврелия (Блаженного) «о двух градах». Они порождаются двумя видами любви — «чистой любовью к Богу, характерной для града Божьего, и любовью к себе, приводящей к граду Земному».

Небесный град составляют люди, существующие на земле и живущие «по духу», следуя нормам христианской морали и ведущие праведный образ жизни, при этом не обязательно «воцерковленные». Обитатели же Земного града — люди, живущие «по плоти», для которых на первом месте стоят обыденные мирские заботы. Эти два града не имеют территориальной границы, их обитатели рассеяны по земле и перемешаны в реальном обществе. Поэтому в отличие от других средневековых теологов, следовавших жесткому противопоставлению града Божьего и града Земного, Августин стремится связать их воедино, говоря о существовании также *Civitas permixta* — «Смешанного града», в котором взаимодействуют церковь и государство.

«Смешанный град» Августина становится результатом божественного деяния и, одновременно, порождением земной необходимости, снимая крайности иных интерпретаций взаимоотношения града Божьего и града Земного², а история, тем самым, приобретает хотя и внутренне противоречивый, но целостный характер. Правда, за пределами земной истории на Страшном суде будет окончательно решена судьба двух градов, «из которых одному предназначено вечно царствовать с Богом, другому подвергнуться вечному наказанию с дьяволом»³.

¹ Бубер М. Проблема человека. Два образа веры. М. : АСТ, 1995. С. 167.

² Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М. : Республика, 1998. С. 90–93.

³ Блаженный Августин. О граде Божием // История средневековой философии. Хрестоматия : в 2 ч. Ч. 1: Патристика. Минск : ЕГУ, 2002. С. 388.

Дальнейшее развитие христианской историософии показало временный характер примирения этих методологических тенденций. Скоро оно вновь сменяется конфронтацией и усилением второй тенденции понимания истории — его секуляризацией, близкой обмирщенному западно-христианскому сознанию, а потому легко адаптированной им. Теология истории впадает в состояние анабиоза, постепенно превращаясь в концептуальный реликт. Роль доминанты в теоретическом осмыслении исторического процесса переходит к формирующейся философии истории — современной форме саморефлексии исторического сознания, в которой отмеченная оппозиция обретает новую плоскость. Если раньше теоретико-методологическая конкуренция касалась исключительно проблем социально-исторической онтологии, то теперь философская рефлексия подводит субъекта исторического познания к осознанию влияния на историческую картину мира его ценностно-нормативных ориентаций.

Если христианская «идея истории» составила концептуальное ядро теологии истории, то последняя, в свою очередь, стала ферментом становления в Новое время светской философии истории. Но эта преемственность проявилась не сразу.

Между Средневековьем и «веком Просвещения», когда оформляется система философско-исторического знания, лежал период утери европейской культурой исторического отношения к природе и обществу. Философия эпохи Возрождения и XVII века была неисторична, что в мировоззренческом и методологическом плане определялось господством натурфилософии, метафизического метода и механистической картины мира.

С точки зрения Н. Макиавелли, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Р. Декарта и других, мир и человек в своей сущности неизменны, а общественный порядок единообразен и разумен; происходящие в природе и обществе изменения не затрагивают сущности мироздания, и задача исследователя заключается в том, чтобы официально зафиксировать этот порядок. В частности, об отсутствии исторического понимания человека свидетельствуют слова Б. Спинозы о том, что человеческая природа «у всех одна и та же»¹. Показателен и интерес Д. Юма к истории лишь как к иллюстративному материалу для доказательства инвариантности человеческой природы. Что же касается собственно исторической интенции этого столетия, то она преимущественно сводилась к описанию отдельных исторических событий или, как у Р. Декарта, к изложению личных взглядов на прошлую жизнь общества.

Подлинное рождение философии истории, датируемое XVIII столетием, концептуально оформляется в двух течениях: философии истории Просвещения и критической философии истории. Философия Просвещения, продолжая рационалистическую традицию новоевропейской философии XVII века, предприняла попытку, используя знание прошлого и настоящего человечества, открыть закономерности социально-культурной динамики общества, с тем чтобы наметить перспективы его будущего развития. В наибольшей мере эти замыслы были реализованы Ж. Тюрго и Н. Кондорсе, последний из которых отмечал, что «если существует наука, с помощью которой можно предвидеть прогресс человеческого рода, направлять и ускорять его, то история того, что было совершено, должна быть фундаментом этой науки»².

Центральная идея философии истории Просвещения — идея общественного прогресса — связывается с поступательным расцветом наук, всеобщим распространением знаний и, что особенно характерно для зачинателей движения, нравственным совершенствованием людей. Для Кондорсе не существует сомнения в кумулятивном характере развития научного знания, а следовательно, не может быть сомнения в целенаправленном со-

¹ Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1957. С. 388.

² Кондорсе Н. Эскиз об исторической картине прогресса человеческой мысли // Философия истории: Антология. М. : Аспект-Пресс, 1995. С. 45.

вершенствовании форм организации общественной жизни. При этом линейная модель прогресса человеческого разума и общества обрела не локальный — западноевропейский, — а универсальный характер, будучи экстраполированной на всемирную историю человечества. Подобные европоцентристские установки отчетливо проявились в позиции Вольтера, настаивавшего на единстве и общей направленности всемирной истории и абстрагировавшегося от национально-культурных и нравственно-психологических особенностей народов.

Философия Просвещения, абсолютизовавшая онтологический фактор исторического процесса, создала историософию, которая стала одним из символов общества эпохи Модерна. В итоге в дальнейшем развитии европейской культуры философско-исторические идеалы Просвещения приобрели идеологический статус, стали достоянием массового сознания и надолго определили духовный климат «прогрессистски» ориентированной западной цивилизации. Они заложили концептуальные основания техногенной цивилизации, которая, согласно В. С. Стёпину, «в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания. Поэтому в ее культуре активно поддерживается и ценится постоянная генерация новых образцов, идей, концепций»¹.

Но эти идеи незамедлительно вызвали интеллектуальное отторжение у других представителей философского историзма.

Второе направление философии истории XVIII века представляет *критическая философия истории* (критическая прежде всего по отношению к философии истории Просвещения), не является концептуально однородным, но обладает внутренним смысловым единством. У его истоков стоял Дж. Вико, сумевший не только создать оригинальную философскую концепцию исторического процесса, но и заложить основы рефлексивной философии истории, обратив внимание на специфику методологии исторического познания. «Новая наука», которую создал Дж. Вико, это наука об истории и историческом сознании. Хотя он и говорит о трансцендентной сущности истории, но признает имманентное содержание исторического процесса, так как история — «мир наций», «мир гражданственности», есть порождение деятельности людей, обладающих изменяющейся общественной сущностью. Говоря о единстве исторического процесса, Дж. Вико, вместе с тем, не приемлет однозначного линейного прогресса, совмещая его с трехстадийной цикличностью развития общества, имеющего упорядоченный характер.

В целом же заслуга итальянского мыслителя заключалась в том, что он отказался от рассмотрения истории как потока событий и соотнес ее с бытием составляющих единое человечество разных поколений людей. Это был новый теоретико-методологический подход к изучению общественного развития, но Дж. Вико «слишком опередил свое время, чтобы оказать сильное непосредственное влияние»² на историческое мышление.

Не менее значимым является его анализ возможностей и условий познания культурно-исторических ценностей, созданных человеком. Используя восходящий к схоластике принцип «*verum et factum convertuntur*» («истинное и сделанное обращемо»), Дж. Вико приходит к выводу, что постижение культурных ценностей доступно тем, кто эти ценности создает. Поэтому ценности прошлых эпох имеют исторический характер, и оценивать их надо по их собственным культурно-историческим критериям, соблюдая «историческую дистанцию». Это, впрочем, не означает, что прошлое непостижимо, ибо у людей разных эпох существуют принципиально единые формы человеческого мышления. Эти общие структуры ментальности, воплощающиеся в языковых конструктах, делают возможным историческое познание.

¹ Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 22–23.

² Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. С. 69.

Таким образом, Дж. Вико вплотную подошел к осознанию проблемы *понимания* и роли языка в историческом познании. Эта проблема стала одной из центральных в творчестве И. Г. Гердера, представлявшего философию романтизма. Он не принял концептуальные основания «просветительской» философии истории — претензию на всеобщность и глобализацию истории, концепцию разума, идею неизменности человеческой природы и линейного социального прогресса, отмечая, что «тот, кто заглянет в глубины истории и человеческого сердца, не сможет поверить в прогрессирующее улучшение мира». Для него общество — не собирательное множество, а форма реальной взаимосвязи индивидов в поле исторически изменчивой во времени и многообразной в пространстве культуры, историческое существование которой обеспечивается языком и традициями как механизмами исторической трансляции культурных ценностей.

Делая акцент на многообразии и вариативности исторического процесса, самоценности исторических форм культуры и, тем самым, исключая европоцентристскую установку, И. Г. Гердер вводит принцип исторической индивидуализации, в котором рассматриваемые явления квалифицируются как уникальные феномены. Однако, в отличие от характерной для новоевропейской философии XVII века методологии «социального атомизма», историцистская индивидуализация не сводится к отдельным личностям. Ее применение проявляется в коллективных феноменах — эпохе, государстве, народе, которые, будучи уникальными и самоценными, являют собой неповторимое жизненное единство. Позже Э. Трёльч сделает вывод¹, что основной категорией истории выступает именно категория индивидуальной тотальности. Национальный дух, передаваемый через языковые структуры и сказочные сюжеты, согласно И. Г. Гердеру, выражает уникальность народа. В отличие от «духа эпохи», который для различных сосуществующих этносов имеет некое объединяющее культурное начало, «национальный дух» не унифицирует, а индивидуализирует культурно-историческое своеобразие народа.

Заметим, что у И. Г. Гердера отсутствует какая-либо установка на националистическую интерпретацию культурно-исторического процесса. Развивая концепцию плюралистической истории и говоря о поливариантности развития культуры, он исходит из самоценности духовной жизни как в историческом пространстве, так и во времени. В этом смысле показательным его откровенное несогласие (сближающее его позицию со взглядами еще одного критика парадигмы линейного прогрессизма Жан Жак Руссо) с негативной оценкой философами-просветителями культуры Средневековья — последняя не выше и не ниже культуры другого периода.

И. Г. Гердера не мог не заинтересовать вопрос о возможности постижения прошлого, учитывая признание им уникальности культур и народов. Использование нормативных образцов, взятых из какой-либо привилегированно выделенной исторической эпохи — например античности или современной национальной культуры, — означало бы теоретико-методологическую экспансию и исключало бы возможность получения объективного знания. Гердер, предвосхищая философско-историческую герменевтику и эмпатическую практику, предполагающие *понимание* исторических явлений, говорит о значении воображения историка: «погрузите себя в эпоху, в небеса, в целую историю, почувствуйте себя во всем»². Тем самым И. Г. Гердер сумел выразить идеи зарождающегося историцистского сознания, которое окончательно оформляется лишь на рубеже XIX—XX веков. Его суть в том, что если социальные явления всегда характеризуются свойственным определенной эпохе культурно-историческим контекстом — системой ценностей, традиций, социальных идеалов, то полученные знания о них историками, живущими в другую эпоху и разделяющими иные ценности, всегда имеют относительно истинный характер.

¹ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М. : Юрист, 1994. С. 31.

² Цит. по : Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. М. : ВЛАДОС, 2000. С. 478.

Критическая философия истории, знаменовавшая возникновение области философского знания, предметом которой стало изучение как социально-исторической онтологии, так и эпистемологии исторического познания, оказала решающее влияние на становление принципиально исторического видения социума в различных разделах общественнознания. По словам Ф. Мейнеке, возникший историзм, произведя революцию в западном мышлении, превращается в исследовательскую программу социально-гуманитарных наук. Он «с тех пор до такой степени стал составной частью современного мышления, что внимательный взгляд обнаруживает его следы едва ли не в любом серьезном суждении о формировании человека»¹.

Каноническую форму классическая философия истории получает в концепциях И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинга, Г. Гегеля, но, как и классическая философия в целом, в первой половине XIX века она вступает в полосу кризиса. В дальнейшем философия истории была вынуждена неоднократно возвращаться к проблеме концептуального самоопределения и переосмысления своего проблемного поля. Но появившиеся позднее неклассическая и постнеклассическая философии истории были бы немыслимы без использования теоретико-методологического наследия классической философии истории.

Так, в современном общественнознании видное место занимают философия истории постмодернизма и постиндустриализма, которые, имея принципиально различные методологические принципы, «выросли» из классической философии истории. Философия истории постмодернизма появилась в результате критики ее методологии и продолжения оппозиционной классике неклассической философии истории, а возникновению философии истории постиндустриализма во многом способствовала рецепция фундаментальных идей и методологических находок философско-исторической классики — таких как идеи единства мировой истории, существования объективной логики исторического процесса и его прогрессивного характера.

¹ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М. : РОССПЭН, 2004. С. 7.

О НОВОМ ПОНИМАНИИ СИСТЕМНОЙ ФУНКЦИИ И МЕСТА «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» В УЧЕНИИ Г. ГЕГЕЛЯ

В своем докладе на Международной конференции, посвященной 200-летию выхода в свет выдающегося произведения Г. В. Ф. Гегеля «Феноменология духа», академик В. С. Стёпин отметил, что важнейшим аспектом историко-философских исследований является «теоретическая работа, связанная с интерпретацией, обогащающей ранее выработанные философские идеи новыми смыслами», их адаптация «к новому настоящему», которая «не сводится к воспроизведению философской идеи в языке аутентичного текста. ...Требуется еще осмыслить идею в новом контексте, интерпретировать ее, переформулируя в новом языке»¹. При этом, анализируя философское наследие Гегеля, В. С. Стёпин подчеркнул особую важность его идей о саморазвитии и уделил первостепенное внимание задаче соотносить гегелевские идеи с методологическими запросами и философскими проблемами современной науки, акцентируя необходимость «нового прочтения и новой интерпретации этих идей»². Речь шла не просто о констатации важности идеи исторического развития, выработанной в гегелевской философии, а о том, что у немецкого философа она получила особую трактовку, которая в современных терминах «означает соединение идеи развития и системного подхода». По словам В. С. Стёпина, именно этим немецким мыслителем были «выработаны первые эскизные представления об особенностях развивающихся систем, которые коррелируют со многими установками и теоретическими поисками современной науки»³.

Работой Гегеля, которая стала не только первым выражением его философской системы абсолютного идеализма, но и впервые представила его концепцию абсолютного духа как идеализированный образ саморазвивающейся системы, стала «Феноменология духа». Для выработки представлений саморазвивающихся систем Гегель, по словам В. С. Стёпина, использовал здесь в качестве объекта историческое развитие духовной культуры, представив

¹ Стёпин В. С. Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М. : Канон, 2010. С. 606.

² Там же.

³ Там же. С. 607.

последнюю как саморазвитие абсолютного духа. Сопоставляя различные формы человеческого сознания, немецкий философ анализирует их как исторически возникающие и развивающиеся особые формообразования духа, «имеющие общие основания, которые тоже развиваются по мере перехода от одного формообразования к другому»¹.

В данной статье предпринята попытка проанализировать в выше отмеченном контексте ряд вопросов, касающихся этой первой крупной и столь значимой гегелевской работы. В частности, выявить ее системную функцию и место в учении Гегеля, а также рассмотреть ее основные интерпретации в философии XIX–XXI вв.

«Феноменология духа» была опубликована в 1807 г. под названием «Система науки. Часть первая. Феноменология духа» («Наука об опыте сознания»). Перевод текста на русский язык осуществлен Г. Г. Шпетом. Будучи оригинальным мыслителем своего трагического поколения, Г. Г. Шпет всю свою жизнь работал в феноменологическом направлении, обосновывая его продуктивность в философии XX века. Поэтому его интерес к работе не был случайным. «Феноменология духа» привлекла его программой превращения философии в строгую науку и пониманием философии как чистого знания, свободного от любого рода психологизма. В противовес многим философским течениям того времени он отстаивал феноменологический подход к анализу сознания и его смысловых образований в их исторической конкретности. Перевод текста на русский язык по праву считается интеллектуальным и гражданским подвигом, заставившим нас «не только пересматривать сложившееся понимание гегелевской философии, в значительной мере определенное “Философскими тетрадами” Ленина, но и выяснять, где находится сама наша мысль, если она еще есть в философском измерении и на каком пути она может себя обнаружить»².

«Феноменология духа» является одним из самых знаковых произведений мировой философской литературы, в то же время ее принято считать и одним из самых загадочных произведений, продолжающих и сегодня притягивать к себе внимание. Это несмотря на то, что она является в высшей степени сложным профессиональным философским текстом. «Загадки», которыми обросла книга, которую К. Маркс не случайно назвал «истинным истоком» и «тайной» гегелевской философии, имеют вполне рациональные объяснения, и их происхождение можно было бы истолковать следующим образом:

а) Одной из главных загадок является то, *как* это произведение *появилось* на свет и *как возникло само его название*? По словам российского исследователя А. Н. Круглова, «и по прошествии двух столетий со дня появления сочинения так и нет окончательной ясности ни в вопросе о том, как же оно появилось, ни в том, что же оно означает»³.

б) До сих пор идут дискуссии и по вопросу о том, каким образом гегелевская феноменология духа связана с феноменологией Гуссерля; не является ли последняя ее закономерным развитием и продолжением, а если нет, то в каком отношении они находятся друг к другу?

в) Еще одна загадка связана с тем, какое *место* занимает работа в системе философии Гегеля. Несмотря на уведомление о будущих публикациях «прочих частей», автор так и не опубликовал ни вторую, ни какую-нибудь другую часть своей «Системы науки». «Феноменология духа» осталась не только первой, но и единственной частью системы

¹ Стёпин В. С. Гегель и современная наука... С. 616.

² Сергеев К. А., Слинин Я. А. «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания. СПб., 1992. С. 6.

³ Круглов А. Н. К предистории понятия феноменологии у Гегеля // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. С. 47.

в данной редакции. А в 1812 году Гегель радикально изменит структуру своего учения, в котором феноменология духа уже не будет фигурировать в качестве самостоятельного раздела. Изложенное кратко по новой схеме в «Энциклопедии философских наук», его учение предстанет как состоящее из логики, философии природы и философии духа, как оно и подается в традиционном изложении. В связи с этим в истории философии постоянно возникают вопросы, касающиеся соотношения «Феноменологии духа» с новой системой Гегеля и с первой ее частью — логикой.

г) Часто возникает вопрос о том, почему в зрелые годы Гегель не внес каких-либо изменений или поправок в данный текст, хотя он всегда тщательно редактировал и вносил замечания в корпус своих работ. Это касается и его «Науки логики», и «Энциклопедии философских наук», вышедших в свет в разных изданиях. Более того, есть свидетельства, что он был явно не удовлетворен этим произведением и наверняка понимал, что полученные здесь результаты не вписываются в общую логику идей его зрелого периода.

д) До сегодняшнего дня дискуссионным остается вопрос о соотношении «большой» и «малой» «Феноменологии духа». Как следует относиться к энциклопедической ее версии (второй части гегелевского учения о субъективном духе) — как ухудшенному варианту «большой» «Феноменологии духа» 1807 года или как интегральной части новой концепции «Философии духа»?

е) Множество споров вызывают и интерпретации данного произведения, в том числе и дискуссии, связанные с аутентичностью одной из самых известных интерпретаций «Феноменологии духа», представленной в лекциях А. Кожева.

И все же главным является вопрос о *системной функции и месте* «Феноменологии духа» в учении Гегеля. Здесь следует вернуться к первоначальному названию работы — «Система науки. Первая часть. Феноменология духа». Как уже отмечалось, оно так и не было реализовано. Позднее он опубликует ряд небольших работ, озаглавленных «Введение», «С чего надо начинать науку?» и др., включив последний фрагмент в корпус «Науки логики». А изданную в 1817 году «Энциклопедию философских наук» Гегель и назовет «Системой философии», где первой частью станет уже логика. Отсюда существующая до сегодняшнего дня проблема *соотношения* «Феноменологии духа» и новой системы Гегеля, состоящей из логики, философии природы и философии духа; а также проблема соотношения «Феноменологии духа» и собственно логики как первой части новой версии его системы. Тем более что круг затрагиваемых в них вопросов и способы их решения явно не совпадают. Более того, основная часть содержания «Феноменологии духа» будет впоследствии включена Гегелем в третью часть ставшего окончательным варианта его системы — философию духа, изложенную в третьей части его «Энциклопедии философских наук». Эту «энциклопедическую» феноменологию духа в философской литературе принято обозначать «Малой феноменологией», в отличие от «Большой феноменологии» в редакции 1807 года. Принято считать, что в Малой феноменологии Гегель сохранил в их чистоте основные темы Большой феноменологии, избавившись, однако, от тяжелейших сюжетов более ранней версии. Малая феноменология, как часть философии духа, хотя и следует основным темам, принципам и процедурам Большой феноменологии духа, все-таки существенным образом от нее отличается. В ней также прослеживаются основные этапы развития сознания и самосознания, но заканчивается она разделом «Разум». И то, что в Большой феноменологии духа следует дальше — Дух, Религия, Абсолютное знание, — в Малой исключено Гегелем из ее содержания и перенесено на более высокие уровни рассмотрения — в философию абсолютного духа, причем в значительно видоизмененном виде. Иначе говоря, Малая феноменология духа 1817 года не ведет нас к абсолютному знанию, она органично переходит в финальную стадию развития субъективного

духа, которую изучает психология. От нее мы переходим затем к праву, морали и нравственности, которые исследуют объективный дух и которые затем разовьются в дух абсолютный. Ступени же развития последнего изучают философия искусства, философия религии и история философии. И только от них и через них мы можем прийти к стихии абсолютного знания или абсолютного духа.

Этот краткий экскурс, касающийся соотношения Большой и Малой феноменологий духа, позволяет вплотную подойти к вопросу о месте «Феноменологии духа» в системе Гегеля. Немецкий философ Б. Тушлинг полагает, что «не стоит бороться за то, чтобы считать “Феноменологию духа” незаменимым введением в гегелевскую философскую систему и даже подлинной версией этой системы. Ни тем, ни другим она уже не является. Ибо сам Гегель в 1812 году вполне определенно оставил ее позади и стал разрабатывать в полном виде содержание и импликации своей системы, основываясь на триаде: логика как первая часть и основание системы, а также две другие науки – философия природы и философия духа; они стали реализацией понятия, идеи духа, или нуса. Если исходить из этой перспективы, то его поздняя [критическая] оценка Большой “Феноменологии” как «специфически ранней работы» не удивительна»¹.

В поздние годы своего творчества Гегель действительно оценит «Феноменологию духа» как «специфически раннюю работу». Подготавливая к публикации второе издание «Логики бытия» (1832), в Предисловии к нему он напишет буквально за неделю до смерти 7 ноября 1831 года, что «Феноменология духа» во втором ее издании не должна больше фигурировать в качестве первой части системы науки. И хотя Гегель планировал ее переиздать, он сам при этом написал на полях рукописи – «не перерабатывать, так как она соотносится с пониманием того времени; абстрактный абсолют – он тогда царил» (некоторые намекают здесь на Наполеона на белом коне). То есть Гегель хотел сохранить особый аромат этой книги, обусловленный специфическими обстоятельствами ее написания.

Однако несмотря на эту дистанцированность феноменологии по отношению ко второму и окончательному варианту гегелевской системы, ее, вслед за Марксом, следует считать не только «тайной», но и «истинным истоком» этой философии.

Сегодня у философов часто возникает вопрос, почему Гегель счел нужным предпослать феноменологию духа всей своей системе и почему в то же самое время он от нее отказался, более того, как мы должны относиться к этому его отказу? Скорее всего, своей феноменологией Гегель, подобно И. Канту, хотел добавить в философию элемент критицизма, и этот критический пафос действительно дает о себе знать, когда мыслитель пытается утвердить философию как высшую форму человеческого познания, как науку.

Его «Феноменология духа» выполняет еще одну чрезвычайно важную, *системную функцию*, являясь своего рода предпосылкой и одновременно квинтэссенцией всего его учения. Так, Гегель начинает свою логику с идеи «чистого знания», совпадающего с «чистым бытием», которое впервые было им дедуцировано именно в «Феноменологии духа». Чистая мысль становится чистым бытием потому, что она есть существующая мысль, а не просто мысль о чем-либо; потому, что на ступени чистого знания противоречие между мыслью и бытием вообще было снято. Бытие и мышление, субъект и объект, мысль и вещь – все это сливается в его логике в неразличимое тождество. Но обосновано это тождество было опять-таки в «Феноменологии духа», где на ступени абсолютного знания мы и получили искомое неразличимое единство субстанции и субъекта. Гегель приходит к искомому «мышлению-бытию», с которого начинается его логика, задачи которой были во

¹ Тушлинг Б. Энциклопедическая феноменология духа 1817, 1827 и 1830-х годов – ухудшенная версия Большой «Феноменологии духа» 1807 года или интегральная часть новой концепции «Философии духа»? // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. С. 129.

многим определены результатами, полученными в «Феноменологии духа». Сняв различие между субъективным и объективным и показав, что субъект является единственным объектом, а объект — единственным субъектом, феноменология как бы уравнила между собой обе эти стороны мышления — субъективную (чистое мышление как деятельность в понятиях) и объективную (чистое мышление как сущность духа). В этом смысле логика становится наукой о чистом мышлении в элементе чистого мышления, являясь одновременно наукой о сущности духа и наукой о сущности вещей, превращаясь из чисто формальной дисциплины в основу метафизики.

«Феноменология духа» содержит в себе краткое изложение *сущности* всей гегелевской философии: абсолютное знание является собой высшую форму развития абсолютного духа, выражающего безусловную полноту всей действительности, и само выступающее этой единственно подлинной действительностью. Ступени развития действительности, истории человечества, а также самой философии являются формообразованиями абсолютного духа, сущность которого состоит в процессе самопознания. Цель абсолютного духа — он сам, познающий себя и тем самым сам себя осуществляющий. Именно эти рассуждения мы находим в заключительном разделе книги, посвященном абсолютному знанию, когда речь идет о том, что сознание на высшей ступени познания предмета открывает для себя, что познание предмета сознанием было лишь познанием духом себя самого. Другое дело, что если система Гегеля излагает или охватывает собой весь мир как целое, как исторический процесс, развитие которого идет параллельно развитию человечества и его познания, то «Феноменология духа» акцентирована по преимуществу на историю развития человеческого сознания как процесса овладения им предметом, а значит, самим собой.

Вокруг данной работы в истории философии постоянно ведутся дискуссии, связанные с трудностями установления ее места в процессе становления гегелевских идей. Небезынтересна и последующая, очень непростая судьба работы. Так, уже в XIX в. она становится объектом ряда интерпретаций. Среди тех, кто особенно активно занимался ее анализом, надо упомянуть учеников и последователей Гегеля в лице Г. Габлера, Г. Хинрикса, К. Мишле, К. Розенкранца, И. Эрдмана и других. Большое место идеям этой работы было уделено в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркса, исследованиях Б. Кроче, Д. Джентиле и других.

Новый интерес к «Феноменологии духа» уже в 20-е гг. XX века был связан с текстологическими исследованиями Р. Кронера, Н. Гартмана, Т. Херинга, Г. Лассона и Г. Глюкнера. Но подлинный исследовательский бум наметился благодаря исследованиям французских неогегельянцев, сделавшим эту книгу едва ли не самым читаемым философским произведением.

С середины 1930-х гг. на Западе наметится возврат к Гегелю, когда он станет авангардным автором, а его «Феноменологию духа» с почтением будут цитировать в самых передовых кругах тогдашней Европы. Здесь следовало бы специально отметить посвященные гегелевскому тексту работы французских авторов — «Несчастье сознания в философии Гегеля» (1929) Ж. Валя, ряд статей А. Койре, в том числе «Гегель в Йене» и др.

Большой интерес у мыслителей того времени вызвал перевод Ж. Ипполита на французский язык текста «Феноменологии духа» (1939–1941 гг.), а также его комментарий к данной работе под названием «Генезис и структура феноменологии Гегеля» (1947). Этого перевода оказалось достаточно, чтобы Ж. Ипполит наряду с Ж. Валем и А. Кожевом стал центральной фигурой движения, которое впоследствии получило название французского неогегельянства, положившего начало триумфу гегелевской философии в послевоенные годы. Особая, исключительная роль в гегелевском наследии отводилась именно его феноменологии, которая рассматривалась как аутентичная форма философии абсолютного

идеализма, от которой в последующих своих работах Гегель якобы отошел. Для Ж. Ипполита Гегель был интересен не столько как создатель системы, сколько как философ «конкретного мышления», направленного на жизнь индивида, культуру и историю¹. Об этом свидетельствовали названия тех лекций, которые французский философ читал, работая над триптихом: «Об экзистенциализме у Гегеля», «Гегель и Кьеркегор в современной французской мысли», в которых Гегель интерпретировался Ж. Ипполитом как мыслитель, стоявший у истоков всех значительных событий в истории современной мысли. Так, в тексте гегелевской «Феноменологии духа» имплицитно содержатся и марксизм, и философия жизни, включая Ницше, и немецкая феноменология, и психоанализ и т. д., так как все эти философские направления, так или иначе, позиционировали себя как «стратегии проникновения в область иррационального и включения его в сферу разумного». Сама же «Феноменология духа», как считал Ж. Ипполит, поставила задачи не столько для XIX, сколько для XX века. В своих лекциях и комментариях французский философ, по свидетельствам его гениальных современников — М. Мерло-Понти, М. Фуко и Л. Альтюссера, — возводит идею системы гегелевской философии к той задаче, которую Гегель в Предисловии к «Феноменологии» поставил как задачу изображения «маршрута сознания», или «путешествия души», проходящей через ряд необходимых форм и состояний.

И все же наиболее яркими, если не сказать скандальными, стали кожевские комментарии к «Феноменологии духа», а также его лекции 1933–1939 гг. Именно под их влиянием и возникла та многочисленная литература, которая вместила в себя самые разные версии толкования гегелевского текста: неомарксистские, экзистенциалистские, герменевтические и т. п. По словам В. Декомба, «в той версии, которую дал Кожев, гегелевская философия обнаруживает черты, способные соблазнить ницшеанца — в ней появляется дух авантюры и риска, она угрожает самой личности, идентичности мыслящего, выводя его за пределы общепринятого добра и зла». Его комментарии превратили строгую книгу Гегеля в философский роман, в котором «участвуют яркие персонажи, драматические сцены сменяют друг друга, неожиданные перемены ситуаций поддерживают напряжение, и читатель, жадно стремящийся узнать конец истории, требует продолжения»². И в самом деле, предложенное Кожевом прочтение «Феноменологии духа» сквозь призму идей Маркса, Ницше и Хайдеггера было своего рода ответом на вопросы, поставленные самой эпохой.

Предложенную Кожевом интерпретацию принято квалифицировать как *антропологическо-атеистическую* версию, акцентировавшую ряд идей, которые лишь имплицитно содержались в учении немецкого мыслителя. Работая над своей «антропологией исторического опыта», Кожев исходил из осознания невозможности пойти в философии «дальше Гегеля» и определял свою задачу рамками воспроизведения мысли немецкого мыслителя в условиях современности. Он пытался реконструировать его идеи так, как если бы самому Гегелю были известны исторические события конца XIX — начала XX века и философские учения Маркса, Ницше и Хайдеггера. Большое место А. Кожев отводил идее «конца истории», которую он дедуцировал, анализируя гегелевский Абсолют и которая как бы в ретроспективном движении отсылала его слушателей к «аутентичному», как он считал, Гегелю. Гегелевской феноменологии Кожев пытался придать глубокий гуманистический смысл, приписывая все, что относится к понятию божественного Абсолюта, самому человеку и его конкретной истории, ибо именно человек, по Кожеву, и является главным персонажем книги немецкого философа. Благодаря этим комментариям работа Гегеля предстала как изложение всеобщей человеческой истории, на протяжении которой именно кровавые битвы, Ужас и Террор, а вовсе не Разум инициировали ход большинства

¹ Ипполит Ж. Логика и существование. СПб., 2006. С. 312.

² Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 31.

исторических событий. Особый акцент здесь был сделан также на поисках Гегелем разумных истоков разумного. Здесь Кожев в какой-то мере пошел по стопам своего немецкого предшественника — В. Дильтея, который в работе «История молодого Гегеля» представил этого закоренелого логициста мистическим пантеистом и участником мощного движения против просветительского разрыва разума и чувства.

В последние годы как на Западе, так и в русскоязычном философском пространстве часто пишут и о «политическом» прочтении Кожевом гегелевской «Феноменологии духа». Речь идет об интерпретации им чисто в политическом ключе таких гегелевских идей, как «борьба за признание» и «конец истории», а также производных от них понятий террора и государства. Делается вывод, что работы Кожева стали своего рода образцом для многих современных интерпретаторов гегелевской политической философии, так как французский мыслитель, продолжая логику и дух самой гегелевской философии, в то же время исходит из современных реалий XX столетия, которые и придают гегелевским понятиям и идеям новые, зачастую весьма оригинальные смыслы.

Сегодня трудно представить исследование текста гегелевской «Феноменологии духа» вне соотнесения его отдельных глав и разделов с соответствующими фрагментами «Введения в чтение Гегеля» Кожева (1947). Однако, несмотря на название, которое дал французский мыслитель своему грандиозному труду, нельзя забывать, что его подход к гегелевской феноменологии не является ни историко-философским, ни ортодоксально-гегельянским. И хотя Кожев пытался пролить свет на многие темные места и потаенные смыслы гегелевской книги, активно использовал терминологию Гегеля, но развитая им концепция радикально отличается от собственно гегелевской, как, впрочем, и от многих неогегельянских интерпретаций XX века. Так что его версия трактовки «Феноменологии духа» до сих пор остается предметом ожесточенных дискуссий. Особенно это касается пресловутой идеи «конца истории». Очень многие исследователи полагают, что в том виде, как она представала у Кожева и была растиражирована затем многочисленными почитателями Ф. Фукуямы, она вряд ли действительно может быть вычитана из Гегеля. Как пишет автор перевода на русский язык и комментария к кожевскому «Введению в чтение Гегеля» А. Г. Погоняйло, «скорее, Гегеля можно понять так, что история у него эсхатологична в принципе, она «окончательна» в качестве истории как таковой, завершена и при этом продолжается, ибо представляет собой не просто ряд исторических событий, но событие, именно событие истории, т. е. начинается не раньше, чем в каком-то смысле и заканчивается. Весь вопрос — в каком смысле»¹. И хотя философский мир в большинстве своем так и не пришел к однозначному выводу о том, следует ли Кожев в своем крайне нарративном «переводе» духу и букве Гегеля или же, наоборот, искажает и то и другое, его комментарии и лекции оказали большое влияние на все последующие интерпретации «Феноменологии духа».

Очень близка к антропологической интерпретации «Феноменологии духа» Кожева ее трактовка немецким неомарксистом Э. Блохом, для которого гегелевская философия фактически стала фундаментом его утопического мышления. Э. Блох — этот, по словам Ю. Хабермаса, «марксистский Шеллинг» — подробно анализировал феноменологию Гегеля в одном из своих главных трудов «Субъект-Объект. Комментарии к Гегелю» (1949). Блох выявил три важнейших события в европейской истории, повлиявшие на возникновение гегелевской книги: 1) Великую французскую революцию, которая вывела на историческую сцену нового субъекта, деятельное «Я», свободно полагающее самое себя и создающее свою собственную свободу; 2) возникновение концепции математического конструирования, *порождения* предмета и содержания познания, где речь опять же шла об особом творящем субъекте; и, наконец, 3) возникновение исторической школы и вли-

¹ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С. 776.

яние немецкого романтизма, позволившие Гегелю, как считал Блох, насытить свои категории конкретно-историческим содержанием. Большое место он уделил также анализу структуры и содержания гегелевской работы, солидаризируясь здесь с идеями Г. Лукача о ее трехчастном делении, на которое обратил внимание еще Маркс. При этом Блох имел в виду так называемые «субъективную» (Сознание. Самосознание. Разум), «объективную» (Дух) и «абсолютную» (Религия. Абсолютное знание) части работы. Однако такая трактовка гегелевской феноменологии оценивается представителями последующего гегелеведения как крайне спорная и неоправданно экстраполирующая структуру более поздней гегелевской «Философии духа» на его феноменологию, которая так и не стала частью его системы в энциклопедическом варианте. Блох акцентировал свое внимание и на таких содержательных моментах гегелевской книги, как ступенчатость эволюции сознания, которую он возвел к мистическим культам архаических времен с их ступенями посвящения, где на каждой ступени сознанию открывается якобы особый мир. Таким же мистическим он посчитал и конец «Феноменологии духа». Снятие всякой объективности он охарактеризовал как «обвал, (вы)падение» объекта в субъект. Философские проблемы свободы и отчуждения должны решаться, по Блоху-марксисту, не только в голове философа или в духовном мире, а вместе с самим миром, олицетворяя «субъективное томление (как факт опыта) со всемирно-историческим принципом надежды на неотчужденное, гуманное общественное существование деятельных индивидов, обретших свободу»¹.

Уже после Второй мировой войны на Западе публикуются многочисленные работы, специально посвященные гегелевской книге. Среди них следует назвать комментарии В. Бекера, П.-Ж. Лабарьера, Я. Лёвенберга, Р. К. Маурера, Л. Флама, а также исследования, в которых осуществляется целостное рассмотрение гегелевских идей при анализе проблем в области его феноменологии. Среди авторов такого рода Р. Бубнер, Г.-Г. Гадамер, И. Говен, В. ван Доорен, С. Жижек, Ф. Николин, О. Пёггелер, Г. Рормозер, Ж. П. Сартр, Д. Хенрих, Дж. Финдлей, Ч. Тейлор и другие. Имеется также большой ряд работ, выполненных в традициях марксистской философии, среди которых произведения Р. Гароди, Г. Лукача, Г. Маркузе и, разумеется, работы советских и российских исследователей — К. С. Бакрадзе, М. Ф. Быковой, А. В. Гульги, Ю. Н. Давыдова, Т. Б. Длугач, А. Н. Круглова, Н. В. Мотрошиловой, Т. И. Ойзермана и других.

В современной философии исследования «Феноменологии духа» по-прежнему занимают весомое место. Представители мирового гегелеведческого сообщества продолжают разрабатывать широкий круг проблем, касающихся данной работы. В центре дискуссий и исследовательских поисков располагаются вопросы, связанные с предысторией, а также с драматической историей написания и публикации «Феноменологии духа»; построением типологии гегелеведческих подходов к истолкованию этого произведения. Предлагаются новые его современные интерпретации; раскрываются главные идеи основных разделов сочинения; исследуются некоторые важные формы рецепции гегелевского сочинения в разных странах. В центре внимания как российских, так и зарубежных авторов «неувядающая актуальность, свежее, современное звучание гегелевского сочинения». По словам Н. В. Мотрошиловой, оно «на протяжении двух веков неизменно волновало и, несомненно, дальше не перестает волновать — своими проблемами, решениями, тайнами и загадками — философствующие умы, в каких бы странах и в какие бы эпохи они ни рождались»².

¹ *Болдырев И. А.* Эрнст Блох и его интерпретация «Феноменологии духа» // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. С. 495–496.

² *Мотрошилова Н. В.* Предисловие // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. С. 3.

С. В. Воробьева, А. А. Легчилин

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современный полифоничный мир требует синтетичности, учитывающей опыт Запада и Востока, Севера и Юга. При всей видимости разноречивости и разнонаправленности стран и регионов, однако, все больше выявляется их общая взаимодополнительность. Все настойчивей исследователи начинают говорить о единой культуре, единой традиции землян. Вместе с тем реальной интернационализации и глобализации современной жизни и культуры человечества противостоит стремление сохранить свою специфику, идентичность. В реальной жизни, тем самым, мы постоянно находимся в состоянии своеобразного кроссбридинга (англ. Crossbreeding – неродовое скрещивание). Наиболее адекватно это состояние реальности осмысливается в социально-гуманитарном знании, получившем название компаративистской методологии. Актуальность подобного рода кросс-культурных исследований, соответственно, требует и построения методологии данного типа научных изысканий. Для ее решения выдвигаются разные концепции, в том числе и формально-логический подход к разработке кросс-культурной методологии. Формально-логический подход к кросс-культурным исследованиям предусматривает систематизацию методологических оснований, обоснование отличительных признаков и структурно-функциональных характеристик. Он позволит, во-первых, раскрыть сущность сравнения как кроссовой процедуры, во-вторых, определить условия построения объяснительных моделей в кросс-культурных исследованиях и реконструировать способы их интерпретации.

Одним из образцов построения научной методологии кросс-культурных исследований может служить теория академика В. С. Стёпина, в которой решены многие фундаментальные проблемы, значимые для методологии кросс-культурных исследований.

На примере классической и неклассической физики В. С. Стёпин раскрыл структуру научной теории и проследил генезис теоретических знаний, обосновав необходимость учета связи между формально-математическими и содержательно-физическими операциями в научной методологии¹. Исследуя формирование и развитие теорий в современной физике, им был сделан

¹ *Стёпин В. С.* Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск : БГУ, 2012. С. 158.

важный методологический вывод для разработки конструктивной логики, являющейся формально-логическим основанием неклассической науки. Данный вывод заключается в том, что «выбор принципов математического описания новой области физических процессов» зависит от картины мира (контекста). При этом сам выбор детерминирует интерпретации как идеализированные измерения. Неверные интерпретации формальных структур (в физике – структур математических) приводят к «накоплению в создаваемой теории неконструктивных объектов, наделенных взаимоисключающими признаками»¹.

Согласно В. С. Стёпину, для построения непротиворечивой теории на промежуточных стадиях «требуется интерпретация математического формализма». Промежуточные интерпретации осуществляются посредством «процедур идеализированного измерения», которые позволяют не только проверять гипотетические характеристики, но и фиксировать новые признаки².

В своих теоретико-методологических исследованиях В. С. Стёпин объясняет специфику формально-логического подхода к построению научной методологии. Поскольку логико-методологический подход в качестве эталона использует математику, подтверждая свою эффективность в качестве математических логик (классические и неклассические теории вывода), «для методолога возникают определенные неудобства». В логике, как и в «чистой» математике, нельзя обнаружить ярко выраженный слой эмпирического знания». Вследствие этого логико-методологический подход дополняется подходом гносеологическим³. В. С. Стёпин проводит демаркационную линию между формально-логическими и гносеологическими основаниями научных теорий. Она лежит в плоскости конструируемых языков. Если формально-логические основания связаны с построением теоретического языка, то гносеологические – с построением языка эмпирического. Объекты эмпирического языка – это «абстракции, фиксирующие признаки реальных предметов опыта», или «схематизации фрагментов реального мира»⁴. Объекты теоретического языка «являются идеализациями, “логическими реконструкциями действительности”»⁵.

Теоретико-методологические исследования В. С. Стёпина содержат принципы формирования научной теории, которые являются реконструкциями, с одной стороны, способов отражения мира, с другой, – средств формирования моделей мира. Это дидактически важный результат для построения методологии кросс-культурных исследований. Если способы отображения мира составляют предмет эпистемической логики, то средства формирования моделей мира – предмет формальной и конструктивной логик. Данное разделение условно, так как предметной областью любого типа научной логики выступает язык, определяющий репрезентации фрагментов мира.

Теоретические высказывания, характеризующие «связи, свойства и отношения идеализированных конструкторов», являются формами отображения реальности. Это означает, что смысл высказываний теоретического языка образуют корреляции абстрактных объектов⁶. В частности, «в рамках фундаментальной теоретической схемы квантовой механики процессы микромира характеризуются через корреляции вектора состояния частицы к вектору состояния прибора. Но эти же процессы могут быть описаны менее строгим

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте... С. 247.

² Там же.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же.

образом, например в терминах корпускулярно-волновых свойств частиц. Взаимодействия частиц с измерительными приборами определенного типа и т. д.». Это вопрос «различия в формах языковых выражений, посредством которых фиксируются в научном знании картина мира и теоретическая схема»¹. Исследователь решает вопрос о выборе языка как средства формирования модели мира. «Язык картины мира менее специализирован», «включает понятия, близкие к понятиям обыденного языка», поэтому «обладает меньшей точностью и глубиной характеристики изучаемых процессов», по сравнению с языком, «в котором формулируется теоретическая схема»².

Таким образом, теоретико-методологические исследования В. С. Стёпина являются одним из научных проектов, в рамках которых реализована кросс-культурная методология. Это подтверждается по меньшей мере двумя ее конструктивными свойствами: во-первых, объекты изучаются только в соотнесении, что способствует проникновению в сущность (идентичность), в контексте обращенности к иному с исключением любых форм центризма; во-вторых, неустранимостью различий и формирований на данной основе методики функционально зависимых оценок. Отсюда следует, что исходным пунктом кросс-культурной методологии выступает стратегия сравнения. Она ориентирует исследователя на поиск средств, которые обеспечат методику кроссового сопоставления, позволяющего выявить и разграничить константы (общие признаки) и переменные (индивидуальные признаки), а также установить корреляции между ними, сформулировать гипотезы и обосновать закономерности, содержащие зависимые от культурного контекста переменные.

Сходства и различия являются основными факторами процессов концептуализации (интеграции) и дифференциации в познании, что позволяет идентифицировать постоянные и переменные структуры или пределы типического и специфического. Поиск сходств обеспечивает концептуализацию посредством установления интегрирующей связи новых свойств или отношений с известными признаками. Напротив, различия обуславливают дифференциацию объектов и формирование уникальных (специфических) значений. В частности, согласно В. С. Стёпину, «в различных типах культур <...> можно обнаружить как общие, инвариантные, так и особенные, специфические черты содержания категорий»³.

Например, концептуализация В. С. Стёпиным категориальных форм культуры как ее мировоззренческих универсалий заключается в фиксации их устойчивых признаков: «аккумуляция многообразных практик», «обеспечивающих жизнедеятельность людей, выявляющих в предметном мире те состояния, которые важны для воспроизводства и развития общества и человека»⁴. Различие между категориальными формами культуры Средневековья и Возрождения В. С. Стёпин фиксирует на уровне понимания картины. «Культуре Средневековья была чужда идея оппозиции человека и природы», поэтому иконопись отображала понимание пространства не как абстракции, а как «системы качественно различных мест», каждое из которых имеет особый символический смысл. В эпоху Возрождения мир разделен на природные объекты и исследующего, наблюдающего человека, поэтому «главным способом организации пространства в живописи Возрождения становится эвклидова перспектива»⁵.

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте... С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 336.

⁴ Стёпин В. С. Человеческое познание и культура. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 115.

⁵ Там же. С. 114.

На основании сходств и различий конструируются два типа объяснительных моделей — концептуальные и культурно специфические. Концептуальные модели устанавливают пределы типического, позволяя зафиксировать отклонения от заданного методологического стандарта. Вопрос отклонений — это вопрос специфики объекта, определяемого его отличием (дистинкциями) от других сопоставимых с ним объектов. Например, «междисциплинарные взаимодействия предполагают перенос концептуальных средств и методов из одной науки в другую. Чтобы осуществить такой перенос, нужно видеть общее в предметных областях исследования разных дисциплин»¹.

Представители других концептуальных установок также фиксируют ряд аспектов процесса кросс-культурных исследований. И прежде всего, акцент делается на сравнении. Сравнение как условие кросс-культурной методологии можно обосновать его соотношением с эволюционистским подходом в научном познании, интерпретирующим разные состояния исследуемого объекта как стадии одного процесса. Эволюционистский взгляд предусматривает доминирование вертикальной динамики, чем и обусловлен его монизм. Отказ от идеи эволюционизма означает поворот от эволюционистской модели объяснения к моделям коммуникативного типа. Объяснительные модели коммуникативного типа предполагают сравнительные исследования, осуществляемые в сегментах «между» (межкультуральные исследования), «транс» (транскультуральные исследования) или «кросс» (кросс-культурные исследования).

Сравнение как способ преодоления эволюционизма реализован в компаративном подходе. Он заключается в объяснении специфики чего-либо или подтверждении какой-либо гипотезы на основе сопоставления объектов и установлении их сходств и различий. «Дисциплина, пытающаяся понять современность, по существу должна быть компаративистской». Она должна «смотреть на Японию, чтобы понять Запад, на социализм, чтобы понять капитализм, на Индию, чтобы понять Бразилию, и т. д.»². Поэтому можно утверждать, что основу кросс-культурного подхода, реализованного в компаративистике, составляют методики оценки сходств и различий исследуемых объектов.

Основанием для концептуализации является отсутствие существенных различий, обусловленное однородностью эмпирического материала. Так, Э. Фромм, оправдывая термин «социальный характер», подчеркивал, что «при изучении психологических реакций социальной группы <...> нас интересуют не те особенности, которыми лица отличаются друг от друга, а та часть структур их характеров, которая является общей для большинства членов группы». Он «менее специфичен, чем индивидуальный характер», так как «содержит лишь выборку черт», сложившихся «в результате основного опыта и способа жизни, общего для этой группы»³. Напротив, Г. Рейхенбах, оценивая философскую систему Гегеля, иронически подчеркивает специфический характер его диалектики: «Система Гегеля — это слабое построение фанатика, который увидел одну эмпирическую истину и пытался сделать ее логическим законом в рамках самой ненаучной из всех логик»⁴.

Культурно-специфические модели исследуемого объекта конструируются на основании различий. С. Тулмин и Х. Перельман, осуществляя ревизию теории аргументации, отмечали независимо друг от друга, что различные языки олицетворяют глубокие

¹ Стёнин В. С. Человеческое познание и культура... С. 125–126.

² Berger P. Sociology: a Disinvitation? // Society. 1992. Vol. 30, № 1. P. 17.

³ Фромм Э. Характер и социальный процесс // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 48.

⁴ Цит. по: Рорти Р. Философия в Америке сегодня // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 434.

различия культур и поэтому они способны выражать одни и те же факты с помощью разных вербальных средств. Под влиянием концепции лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа они «привили» теории аргументации идею культурной обусловленности способов языкового общения. Формы аргументации являются не только логическими, но и коммуникативными. Это означает, что оценками правильности языковых аргументов являются не только логические критерии, но и критерии культурной приемлемости¹.

Сравнение как кроссовая процедура позволяет не только концептуально переопределять и уточнять смысловые границы исследуемого объекта, но и строить объясняющие или подтверждающие их культурно-специфические модели. Так, Э. Левинас, сравнивая хасидизм и психоанализ, разграничил концептуальные поля хасидизма и его собственную теорию становления личности, в которой нет места для признания формирующей роли бессознательного. Дистанцируясь от хасидизма, он выявляет его отличительные психоаналитические атрибуты: сон как фрактальная проекция скрытых от человека сокровенных желаний и стремлений; грех как индикатор тайных стремлений души и как выражение подлинных наклонностей человека, свидетельствующих о его внутреннем несовершенстве.

Уточняя семантические границы психоанализа в хасидизме, Э. Левинас разграничивает условия, при которых личность способна сохранить безразличие (тождественность) к различным стимулам из внешней среды, и условия, при которых она теряет эту индифферентность. Для этого ему необходимы осознание и оценка роли чужеродного в формировании личности и ее желаний. Преодоление желаний, ограничивающих свободу человека и противоречащих воле Творца, Э. Левинас отождествляет с формированием способности человека удержаться в отведенных ему пределах, что предотвращает его вторжение на чужую территорию и оберегает от нанесения вреда окружающим².

Обратимся еще к ряду составляющих методологии кросс-культурных исследований – объекту и предмету, онтологии и гносеологии и связанных с ними логических отношений тождества и различия.

Конструктивность методологии кросс-культурного исследования обусловлена интерпретацией ее объяснительных моделей. Интерпретация моделей – это вопросы онтологии и гносеологии, в рамках которых определяются объект и предмет кросс-культурного исследования. Объектом кросс-культурного исследования является человек в контексте культуры и языка. Именно под их влиянием человек становится кроссированным субъектом. «Цепочки означающих», посредством которых осваивается язык и формируются способы реагирования на окружающий мир, подсказываются культурой. Поэтому необходимым признаком предмета кросс-культурного исследования становится учет факторов среды, формирующих человека. Среда интерпретируется как социальное или коммуникативное взаимодействие, как социальная экология, как национальная культура, как языковая онтология, как повседневная аргументация и пр.

Предметом кросс-культурного исследования являются феномены или структуры, которые познаются в определенном отношении (соотнесении). Они являются одновременно постоянными и переменными, в зависимости от отношений, в которых они участвуют. Постоянные признаки или величины интерпретируются как типические, переменные – как индивидуальные. Переменные признаки, в отличие от признаков постоянных, могут быть зависимыми или независимыми от культурного контекста, что определяется их

¹ Воробьева С. В. Перельман // Постмодернизм. Минск, 2001. С. 559–565.

² Lévinas E. Autrement que savoir. P., 1988. С. 10.

отношениями, в которые они включены. Представители разных культурных сообществ могут по-разному реагировать на одни и те же имена и высказывания, проявляя зависимость способа реагирования (следствия) от какой-то известной или предполагаемой причины. Поскольку предметы в одних отношениях постоянны, в других — переменны, постольку причина является независимой переменной, следствие — зависимой.

Реконструкция и определение объекта и предмета кросс-культурного исследования непосредственно связаны с реконструкцией и определением отношения как контекста или ситуации и предиката как структуры отношения. Под отношением в логике понимается функтор, устанавливающий связь между постоянными и переменными величинами как предметными или смысловыми значениями. Наличие переменных величин придает отношению статус логической функции, которая как формальная структура принимает значение после подстановки аргументов из заданной предметной области — области подстановки.

Отношения, составляющие предмет кросс-культурного исследования, включают множество пересекающихся связей, детерминирующих характеристики и свойства самого предмета. Поэтому предмет кросс-культурного исследования представляет собой функцию множества отношений и связей. При определении предмета исследования важно зафиксировать, в каком отношении он изучается. Это предполагает установление «определенного интервала абстракции» как проекции новой концептуальной сущности¹, что означает составление конечного набора элементов и отношений, т. е. составление выборки. Например, Э. Левинас, раскрывая условия формирования идентичности личности в контексте отношения «взаимодействие с Другим», интерпретирует ксенофобию как следствие «непринятия иного в себе», т. е. как культурно зависимую переменную. Выборка Э. Левинаса позволяет зафиксировать и обосновать различие, при котором соперничество становится ксенофобией: «в другом есть то, чего нет в нас»².

Логика отношений включает инварианты отношений рода и вида и отношений целого и части, индикаторами которых выступают, соответственно, теоретико-множественный предикат «быть элементом» (логика общего) и мериологический предикат «быть частью» (логика целого). Критериями их разграничения являются принципы и методы генерации (образование частного из общего) и холизма (образование части из целого), а также способы обусловливания — принцип дедукции в первом случае и принцип соответствия (когерентности, консонанса, релевантности и пр.) во втором. Например, выявление универсальных закономерностей в системе «организм — орган», «личность — ее переживания» или «социальная группа — ее участники» осуществляется согласно принципам мериологической логики, поддерживаемой аксиоматикой холизма³.

Термин «отношение» в логической семантике рассматривается как n -местный предикат, имеющий два фундаментальных значения. Во-первых, он обозначает логическое включение элементов в класс (множество), т. е. является одноместным предикатом «быть чем-то или кем-то». Во-вторых — обозначает статистическую характеристику тождества и различия явлений (их корреляции), т. е. представляет собой многоместный предикат (двух- или более). Отношения, являющиеся многоместными предикатами, выражают оценку или обозначают взаимодействие между явлениями, включающее как единство связей, так и изолированность.

¹ Новоселов М. М. Категория тождества и ее модели // Кибернетика и диалектика. М., 1978. С. 191.

² Lévinas E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité. Kluwer Academic, 1991.

³ Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999. Гл. 8.

Кроссированные схемы сравнения, разрабатываемые в кросс-культурных исследованиях, — это модели, устанавливающие совместимые и несовместимые признаки сравнимых выборок, отображающих логическое включение или статистическую характеристику тождества и различия явлений. При этом различие выявляется и объясняется его функциональными особенностями в определенном контексте. В частности, культурными различиями определяются кросс-корреляционные распределения между общим как постоянным и индивидуальным как переменным. Например, кросс-корреляционное распределение от посещаемости занятий и выполнения всех заданий преподавателя свидетельствует, что, как правило, успешнее сдают экзамен студенты, выполнявшие все задания, но не обязательно посетившие все занятия, наименее успешно — студенты, не выполнившие ни одного задания, но посетившие все лекции.

Условием объяснения в кросс-культурных исследованиях выступает интерпретация различий, осуществляемая на основе схем отождествления. Тождество является предельным выражением сходства, скрывающим различие. В истории философии максимум тождества и нулевая степень «инаковости» отображены к концепте «Единое» — центральной теме платонизма и неоплатонизма, подготовленного элеатами. Категория тождества обозначает способность сохранять свою идентичность даже в процессе изменений. Но зафиксировать тождество без его отнесенности к иному невозможно. Отнесенность к иному — это работа различия, предполагающая подтверждение тождества или сомнение в нем. Согласно Ж. Ж. Руссо, «чтобы обнаружить свойство, надо сначала наблюдать различия»¹. Следовательно, в интерпретации различий участвуют модели тождества, позволяющие зафиксировать инвариант множества явлений, которые неотличимы друг от друга.

В. С. Стёпин приводит пример методологически неверного исключения различия в соотношении категориальных структур мышления и философских категорий: «В философской литературе категории человеческого сознания нередко отождествляют с философскими категориями. Такое отождествление неправомерно хотя бы потому, что категориальное мышление свойственно и ребенку, только овладевшему языком»².

Интерпретация различий в кросс-культурном исследовании является модальной проблемой, решаемой в контексте онтологии, гносеологии и эпистемологии. Онтологический статус предмета кросс-культурного исследования связан с его участием в событиях некоторого фрагмента мира, объяснить которые можно их структурно-функциональной спецификой. Ограничение культа тождественности в онтологии и признание «обращенности к Другому» влечет за собой изменения в гносеологии. Исследование, претендующее на статус кросс-культурного, должно ответить по меньшей мере на два вопроса: «Существует или не существует Иное?» и «Что считать уникальным, универсальным или всеобщим — идентичность или обращенность к Иному?». Онтология и гносеология кросс-культурного исследования предполагает контакт (соотнесение) с иным как «прививку» от любой формы аутизма (социального, национального, этнического, эпистемического и пр.).

Онтология и гносеология связаны в методологии кросс-культурного исследования с вопросами эпистемологии, решение которых позволяет устанавливать отношения между элементами человеческого опыта и реальным миром. Этот процесс зависит от множества факторов: что-то происходит слишком быстро или слишком медленно, в очень большом или очень малом масштабе, явно или скрытно и т. д. Но именно идеи и обра-

¹ *Левин-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1999. С. 24.

² *Стёпин В. С.* Научное познание в социальном контексте... С. 335.

зы эпистемического субъекта складываются при посредничестве гносеологии в определенную онтологию. По этой причине логика кросс-культурного исследования является конструктивной, что означает ее зависимость от ситуации (онтологии) и эпистемологических возможностей исследователя.

Кросс-культурный исследователь — это наблюдатель, являющийся «кроссированным субъектом» (Ж. Лакан) и «модальным интерпретатором различий» (Э. Левинас). Он решает, является нечто реальным или несуществующим, случайным или необходимым, воображаемым или действительным и пр. Это означает, что вопросы онтологического и гносеологического статуса предмета кросс-культурного исследования обусловлены возможностями исследователя. Поэтому в кросс-культурных исследованиях неизбежны вопросы типа: «Это открыто (найдено) или сконструировано?»; «Это реальное или кажущееся?»; «Это абсолютно или относительно?». Наличие подобных вопросов позволяет провести параллель между кросс-культурными исследованиями и исследованиями в квантовой физике. Ответы на них оказываются зависимыми от используемого наблюдателем языка и от допустимых соотношением неопределенностей величин. Поэтому один и тот же референт характеризуется разными наблюдателями, например как странный, непривычный или абсурдный; как реально существующий или вымысел; как мировоззренческая установка или бред; как правдоподобный или неправдоподобный. Следовательно, обязательными в методологии кросс-культурных исследований являются принципы квантовой логики: принципы соответствия, наблюдаемости и дополнительности.

Квантовая методология обосновала требование разграничения общепринятой реальности и реальности, порождаемой личностью, с одной стороны. С другой — в ней был сформулирован постулат о необходимости фиксирования различия, которое является таким отличительным признаком, который позволяет увидеть разницу между двумя объектами. Квантовая логика, преодолевшая двузначный формализм классической логики, поставила вопрос о степени различия между когнитивной моделью мира и реальным миром. Вопрос о степени их различия — это вопрос кросс-культурных измерений и фрактальной логики.

В. С. Стёпин, рассуждая о сущности идеализаций, подчеркивает, что для них «в реальном мире можно подыскать только прообразы, но которые нельзя отождествлять с реально существующими предметами». По этой причине научное исследование всегда должно ответить на следующий вопрос: «В какой мере отношения абстрактных объектов могут быть обоснованы как замещение тех или иных реальных свойств и связей действительности, выявленных в практике?»¹

Различие является условием кросс-культурной эпистемологии. Раннее развитие ребенка связано с формированием способности видеть одинаковое. Неспособность замечать различия является естественной, так как невозможно научить видеть различия, не освоив операцию отождествления. В действительности, на ранних этапах развития ребенка доминируют операции по различению, а не по отождествлению, что вполне закономерно ведет не к развитию мышления, а к формированию невротических реакций индивида, не оправдывающего надежд педагогов. «Нелогичная склонность» к отождествлению на определенном этапе развития трансформируется в способность осознать, что схожее вовсе не одинаково, а содержит в себе различия. Умение увидеть и обосновать различие и составляет основу кроссированной схемы сравнения, используемую в кросс-культурной эпистемологии.

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте... С. 34.

Эпистемология кросс-культурных исследований должна, на наш взгляд, исходить из трех позиций. Во-первых, похожестью друг на друга концептуальных карт объясняется сходство интерпретаций, что указывает, согласно С. Холлу, «на принадлежность к одной культуре»¹. Во-вторых, для того чтобы заметить особенное, нужно видеть различие. «Различие – это отличие, позволяющее установить разницу. <...> Какая замечательная вещь происходит, когда вы знакомитесь с людьми другой культуры или читаете о других культурах? Вы отмечаете при этом различие»². В-третьих, как отмечал физик Н. Бор: «Едва ли существует культура, про которую можно сказать, что она полностью самобытна. Мы поистине можем утверждать, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу»³. Поэтому он настаивал на интерпретации принципа дополнения, или комплементов, как инструмента кросс-культурного диалога и кросс-культурного исследования.

Таким образом, для разработки методологии кросс-культурных исследований важным оказывается формально-логический подход, регламентирующий базисные стратегии научной эвристики. Во-первых, он обеспечивает систематизацию методологических оснований, в первую очередь – кроссовых тактик сравнения, обуславливающих способы конструирования концептуальных и культурно-специфических объяснительных моделей. Во-вторых, формально-логический подход позволяет обосновать отличительные признаки и структурно-функциональные характеристики кроссовых тактик сравнения, которые производны от способов интерпретации, устанавливающих онтологический и гносеологический статус объекта и предмета кросс-культурных исследований. В-третьих, формально-логический подход обеспечивает решение проблемы обусловленности онтологии и гносеологии вопросами эпистемологии, отвечающей на вопросы о связях человеческого опыта и реального мира.

¹ Hall S. The work of representation // Representation: cultural representation a. signifying practices / Open Univ.; ed. By S. Hall. London, 1997. P. 14.

² Гриндер Дж., Делозье Дж. Черепахи до самого низа. НЛП нового поколения. Мастер-класс генеральности. СПб., 2007. С. 34.

³ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 48–49.

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ
ЦЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ
НАУКИ И ТЕХНИКИ**

Е. М. Бабосов. Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа

Г. Н. Соколова. Научная рациональность как ценность в формировании научно-технического прогресса

А. В. Данильченко. Методологический инструментарий построения интегрированных концепций (на примере экономической теории интернационализации предпринимательства)

Л. Ф. Кузнецова. Проблема оснований науки в концепции В. С. Стёпина

В. К. Щербин. Классификационные схемы как метод познания социальной реальности

И. М. Бондевич. Радиоэкологические знания и формирование культуры ответственности

А. И. Лойко. Диалог современного естествознания и культуры: методология и мировоззрение

Д. К. Безнюк. Структура теории и отраслевая социология: опыт конструирования теоретико-методологических основ социологии власти

В. К. Лукашевич. Интенции и формы креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке

П. С. Лемещенко. Теоретическая экономика — научная основа хозяйственной системы XXI века

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИВЕРОЯТНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТРОПНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА

В своем повседневном функционировании наука предстает как система творческой познавательной деятельности и система знаний, производящая новые знания и способы их практического применения. Одновременно она представляет собой процесс конструирования систематизированной научной картины мира, ориентированной на выявление и объяснение общих свойств и закономерностей окружающей реальности в интересах удовлетворения интересов и потребностей человека. Одна из самых характерных особенностей науки состоит в том, что она формируется, развивается и функционирует как *самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система*, способная видоизменять свои цели, структуру и функции. В ней осуществляется постоянная модернизация научной методологии, возникают все новые концепции и теории, неуклонно расширяется арсенал производимых экспериментов, происходит смена научных парадигм. Прогрессивное развитие науки приводит к освоению новых видов энергии, к проникновению научной мысли в глубь атома, в бездны космоса, в закономерности развития живых организмов и человеческих сообществ.

В процессе саморазвития науки происходит последовательная смена различных типов рациональности. В XVII в. возникает и вплоть до начала XX в. успешно развиваются классическая наука и свойственный ей классический тип рациональности. В первой половине XX в. развивается постклассический тип рациональности, которая не устраняет классическую рациональность, но существенно ограничивает пространство ее применимости. А в конце XX в. возникает и с нарастающим размахом в начале XXI в. развивается постнеклассическая рациональность.

Если классическая рациональность, как отмечает В. С. Стёпин, исследует и осваивает объекты, организованные как простые системы, то неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, а постнеклассический — сложных, саморазвивающихся систем¹. Саморазвивающейся системе присуща иерархия уровней

¹ Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 164.

организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. При чем каждый такой уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность, возникают новые типы прямых и обратных связей.

Самая важная отличительная особенность последнего из охарактеризованных классов исследуемых систем заключается в том, что взаимодействие с ними изучающих их человека протекает в таком ракурсе, при котором само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в данную систему, видоизменяя каждый раз после ее возможных состояний. Перед ним в процессе научной деятельности возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы, а сам этот выбор необратим и не может быть однозначно просчитан¹.

Такой разворот научно-исследовательской деятельности приводит к тому, что развивающаяся наука принимает во внимание соотношенность научных знаний об объекте как с особенностями научно-познавательной деятельности субъекта, так и с совокупностью социальных целей и культурных ценностей. В результате в этом типе рациональности в современной постнеклассической системе науки природа как предмет изучения и соответствующие ей научные знания становятся *человекомерными*, а субъективный фактор в картине мира становится формирующим. В ткань научного познания внедряются такие принципиально новые понятия, как самоорганизация, фракталы, аттракторы, бифуркации, сильная зависимость от начальных условий. Ускоренными темпами происходит технологизация и инструментализация научных исследований. Новейшие научные достижения, немислимые еще полвека назад, привели к созданию самообучающихся электронных систем, вносящих коренные изменения в процессы информации и коммуникации в современном постиндустриальном обществе, базирующемся на экономике знаний.

Для более четкого и рельефного понимания и истолкования отличия постнеклассического понимания соотношения познающего субъекта с познаваемым объектом науки от неклассической трактовки рассмотрим в кратком варианте сходство и различие научных картин мира, предложенных на рубеже XIX – начала XX в. теоретической матрицей великой научной революции, совершенной А. Эйнштейном, и принципиально иной теоретической матрицей той постнеклассической научной революции, которая была на рубеже XX–XXI вв. осуществлена И. Пригожиным. Революция, совершенная теорией относительности и квантовой теорией, привела к разрешению целого ряда парадоксов, с которыми столкнулась в конце XIX в. теоретическая физика; в первую очередь парадоксов одновременности, корпускулярно-волнового дуализма и др. Это требовало возникновения прорывной научной парадигмы, которая открывала бы простор для кардинально иной трактовки проблемы соотношения времени и пространства в соотношенности их с движущимися объектами. Наиболее близко подошел к пониманию сущности данной проблемы и ее решению в рамках физики А. Пуанкаре, который считал, что математическую идею времени, возникающую в процессе разработанной Г. Лоренцом теории преобразования пространственных и временных координат, применяемых в физике при переходе от одной инерциональной системы (системы отсчета) к другой, движущейся относительно нее со скоростью света, можно проинтерпретировать как физическую процедуру координации, не выходя при этом за пределы классической картины мира, разработанной И. Ньютоном.

В отличие от него Эйнштейн подошел к решению проблемы одновременности с принципиально иной позиции. Для него идеалом было не стремление максимизировать способность к совершенствованию существующей теории на основе ее ремонта, а коренная

¹ Стёпин В. С. История и философия науки. М., 2012. С. 363–364.

трансформация теории. Он был уверен, что необходимо перестроение всего здания физики таким образом, чтобы порядок в теории был отражением реально существующего порядка в физическом мире. Но поскольку мир физических феноменов, с его точки зрения, не совсем точно отражался в существующей теории, возникла настоятельная потребность революционного преобразования концептуальной основы физической теории. Именно такие умонастроения и теоретико-методологические подходы привели Эйнштейна к формулированию двух исходных положений теории относительности: во-первых, для всех наблюдателей, движущихся с постоянной скоростью, законы физики будут одинаковы, во-вторых, скорость света постоянна, независимо от того, как быстро и в каком направлении движется источник света. Для согласования этих двух положений, считал он, необходимо поставить основные идеи, касающиеся пространства и времени, на прочное и отнюдь не произвольное основание, каковым должен стать принцип относительности.

Такому решению проблемы способствовало именно то обстоятельство, что в отличие от Пуанкаре, который находился в ту пору на вершине научной славы и в своих решениях был скован существовавшими тогда нормами и ценностями науки, Эйнштейн был молодым, никому неведомым в мире науки сотрудником патентного бюро, не соотносил свои убеждения и решения с господствующими нормами, а самое главное — обладал высочайшей научной интуицией и столь же высочайшим научным мужеством, которое и привело его к свершению великой научной революции.

Исходя из сказанного следует сделать вывод о том, что существенной особенностью научной революции, равно как и любой другой революции — в политике, искусстве, религии, спорте, является мужество ее творцов, их способность идти вперед, преодолевая устаревшие взгляды, схемы, позиции, традиции.

Итак, подлинно великая научная революция, включая в свою ткань достижения и особенности предшествующей великой революции, добавляет к ним новые, ранее не существовавшие достижения и особенности. Это в полной мере относится и к происходившей в конце XX — начале XXI в. научной революции, возникшей на основе создания синергетики — физико-химической теории неравновесных процессов, связанной с такими понятиями, как самоорганизация, бифуркация, диссипативные структуры, иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах. Эта революция привела к видоизменению самого понятия физических законов таким образом, чтобы включить в фундаментальное понимание и истолкование природы необратимость события, стрелу времени и вероятностное описание хаотических систем, из которых в определенных условиях может возникать организованный порядок.

В отличие от прежнего понимания законов природы, которые трактовались в качестве законов, описывающих детерминистическую замкнутую Вселенную, прошлое и будущее которой считались эквивалентными, синергетика утверждает, что детерминистические симметричные во времени законы соответствуют только весьма частным случаям: они верны лишь для устойчивых классических и квантовых систем. В неустойчивых же системах действуют несимметричные во времени вероятностные законы, приводящие к картине «открытого мира», в котором происходят непредсказуемые события, являющиеся следствием неустойчивостей — хаоса. Созданная И. Пригожиным и его последователями теория неравновесных, необратимых процессов и наполненных бифуркациями хаотических систем, очень чувствительных к начальным условиям и резким изменениям с их поверхностными траекториями, дает вероятностное описание событий в образах «стрелы времени» и в научных терминах сжатия траекторий.

Поскольку такая картина мира вводит необратимость и вероятность в фундаментальное описание окружающей действительности, постольку она, по утверждению Пригожина,

«образует базис для синтеза, объединяющего свойства микромира и макромира» и может быть применена к объединению вероятностных, непредсказуемых явлений «из области макроскопической физики, химии, биологии, геологии, гуманитарных наук», где «будущее и прошлое играют различные роли, а существование стрелы времени здесь очевидно». Именно эта теория, по его утверждению, дает эффективное решение и квантового парадокса, и космологического парадокса, и парадокса времени, которые приписывают активную творческую роль субъекту познания. «Человек, — пишет он в совместной с И. Стингерс книге, — отвечает и за стрелу времени, и за переход от квантовой «потенциальности» к квантовой «актуальности», т. е. за все особенности, связанные со становлением и событиями в нашем физическом описании»¹. Все содержание развиваемой им теории, считал И. Пригожин, «может служить отличной иллюстрацией созидательной роли человека в истории науки»². А это означает признание важности такой характеристики постнеклассической науки, как ее человекомерность³.

Краткое изложение основных положений теории необратимых, нелинейных, вероятностных, зачастую хаотических процессов, ассоциируемых с понятием вероятностного времени, подразумевающего нарушение симметрии между прошлым и будущим, дает возможность выделить две отличительные черты, характерные для совершенной этой теорией научной революции конца XX — начала XXI в.

Первая из этих отличительных особенностей проявляется в том, что новейшая научная революция резко раздвинула горизонты диалога человека с природой, диапазон проблем, поддающихся научному решению только через выяснение роли человека в познании и изменении мира, а следовательно, выделяет на приоритетное место человекомерность постнеклассической науки.

Вторая особенность этой научной революции состоит в том, что научная революция, имея некоторые черты сходства с социальной революцией (наличие, в частности, кризиса в первом случае в науке, во втором — в политической и социально-экономической сферах), коренным образом от нее отличается. Социальная революция направлена на изменение и разрушение существующих политических институтов способами, которые данными институтами отвергаются, и социальными группами, действующими вне этих институтов и против них. Научная революция, в отличие от этого, отвергая прежнюю научную парадигму, не разрушает ее, а включает ее в себя в качестве предельного, частного случая. Синергетика, например, включает в свой теоретический синтез и классическую ньютоновскую механику, и квантовую физику, и теорию относительности.

Эта революция привела к видоизменению самого понятия физических законов таким образом, чтобы включить в фундаментальное понимание и истолкование природы необратимость события, стрелу времени и вероятностное описание хаотических систем, из которых в определенных условиях может возникать организованный порядок.

В отличие от прежнего понимания законов природы, которые трактовались в качестве законов, описывающих детерминистическую замкнутую Вселенную, прошлое и будущее которой считались эквивалентными, синергетика утверждает, что детерминистические симметричные во времени законы соответствуют только весьма частным случаям: они верны лишь для устойчивых классических и квантовых систем. В неустойчивых же системах действуют несимметричные во времени вероятностные законы, приводящие к картине «открытого мира», в котором происходят непредсказуемые события, являющи-

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 10.

² Там же. С. 261.

³ Там же.

еся следствием неустойчивостей — хаоса. Созданная И. Пригожиным и его последователями теория неравновесных, необратимых процессов и наполненных бифуркациями хаотических систем, очень чувствительных к начальным условиям и резким изменениям с их поверхностными траекториями, дает вероятностное описание событий в образах «стрелы времени» и в научных терминах сжатия траекторий.

В общем русле развития постнеклассической науки в 1970-х гг. был сформулирован один из фундаментальных принципов современной космологии, получивший наименование «антропного принципа». Данный принцип фиксирует связь между крупномасштабными, метагалактическими свойствами Вселенной и существованием в ней человека. В нем, в предельной и достаточно спорной антропоморфной парадигме сформулированы специфические особенности постнеклассической нелинейной картины мира. Наличие рассматриваемого принципа в его различных формулировках означает, что постнеклассическая наука вполне осознанно стремится к тесному контакту в познании своих объектов с философией и другими формами мировоззрения, включая богословскую, как важнейшими способами самопознания человека.

О достаточно широком спектре в трактовках этого принципа свидетельствует существенная дифференциация его формулировок. Например, впервые сформировавший данный принцип в 1973 г. английский математик Б. Картер утверждал: «То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей»¹.

Дальнейшая разработка с физико-космологических позиций данного принципа осуществлена знаменитым британским физиком Стивеном Хокингом в опубликованной им в 1988 г. книге «Краткая история времени». Предложенный им вариант толкования антропного принципа базируется на утверждении, согласно которому «Вселенная такова, как мы ее наблюдаем, по той причине, что существует человек». Такое объяснение физико-химического устройства нашей Вселенной подразумевает, что наряду с ней могут быть и другие вселенные, или наша Вселенная могла бы оказаться другой в ситуации некоторого выбора². При таком истолковании наблюдаемая Вселенная является одним из многих объектов подобного же типа, которые могут обладать совершенно различными свойствами: разными спектрами масс фундаментальных частиц, разными константами взаимодействия, разными начальными или граничными условиями, даже разными размерностями пространства. И вместе с тем утверждается, что нет никакого общего для всех времени, в котором все эти вселенные могли бы существовать³. Делая общий вывод из подобных рассуждений, известный космолог М. Тегмарк отметил: «Параллельные вселенные — не выдумка писателей-фантастов, а естественный вывод из космологических наблюдений»⁴.

В трактовке антропного космологического принципа существуют и другие, расходящиеся с только что двумя охарактеризованными трактовками. Отстаивая такую именно интерпретацию, Г. Е. Белоногов пишет: «...антропный принцип есть некая искусственная идейная конструкция, ... существование единого антропного принципа сомнительно»⁵. Впрочем,

¹ Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология. Теории и наблюдения. М., 1978.

² Панов А. Д. Вероятностная интерпретация антропного принципа и Мультиверс // Современная космология: философские горизонты. М., 2011. С. 271.

³ Там же. С. 273–277.

⁴ Тегмарк М. Параллельные вселенные // В мире науки. 2003. № 8. С. 23–33.

⁵ Белоногов Г. Е. Противоречивость антропного принципа как зеркало социальных противоречий в сфере современной науки // Философия науки. 2008. № 3. С. 116–117.

следует признать, что высказанная Г. Е. Белоноговым точка зрения на антропный принцип не подтверждена серьезными естественнонаучными и философскими аргументами.

В спектре различных интерпретаций антропного принципа следует выделить еще одну, достаточно распространенную его трактовку — теологическую. Ее исходным принципом стало высказывание известного американского космолога Дж. Уиллвера, который заявил: «В некотором странном смысле это (антропный принцип Евг. Б.) является участием Бога в создании Вселенной».

Более широкую и последовательную богословскую трактовку антропного принципа предлагает сотрудник Института космоса и гравитации при Университете в Портсмуте и одновременно ассистент профессора в Институте православных христианских исследований в Кембридже Алексей Нестерук, в изданной в Москве в 2006 г. книге «Логос и космос» с подзаголовком «Богословие, наука и православное предание». В ней он пишет: «В соответствии с так называемым антропным принципом можно утверждать, что необратимость процессов во Вселенной и стрела времени составляют необходимые условия для того, чтобы могло возникнуть человечество»¹. Такое утверждение, пишет он, ссылаясь на синергетическую концепцию И. Пригожина, подтверждает догадку, согласно которой «то, что ищется как источник времени, находится вне физического мира и представляет собой бесконечное удаление от физического мира вдоль причинно-следственного ряда»². Отсюда делается вывод, что такое истолкование «тесно связано с проблемой фундаментальной зависимости мироздания от Бога»³, а это дает основание утверждать, что «Вселенная была антропной с самого начала, т. е. ее начальные условия позднее проэволюционировали и привели к возникновению среды с *необходимыми* для жизни условиями»⁴.

А это означает, заключает православный богослов и специалист в области космологии и квантовой физики, что «проблема достаточных условий для возникновения и поддержания жизни во Вселенной в рамках космологии соотносится с тайной личного, ипостасного бытия человека в богословии, вследствие чего вопрос о существовании жизни во Вселенной не может быть полностью разрешен в рамках космологии без обращения к теологии»⁵. Отсюда следует, что «истинный антропный принцип должен включать в себя как научные, так и богословские идеи»⁶. И как вывод из всего изложенного звучит заключительная сентенция, высказанная Нестеруком: «Феномен человека во Вселенной, изученный в контексте антропных аргументов в космологии по существу своему конечен и зависим от внеприродных факторов, на которые может пролить свет только обращение к богословию творения»⁷.

Еще более последовательно и неуклонно отстаивает такую позицию епископ Василий (Родзянко) в своей книге «Теория распада Вселенной и вера Отцов». Он пишет: «Применение антропного принципа может объяснить, почему Большой взрыв произошел именно тогда, когда он произошел: именно столько понадобилось времени, чтобы смогли развиваться живые существа. Таким же образом объясняется, почему звезды переработали первоначальные газы — водород и гелий — в углерод и кислород, из чего мы с вами состоим... После этого три миллиарда лет пошли на биологическое развитие, которое из простейших живых существ создало постепенно тех, кто сумел мысленно «вернуться» своими

¹ Нестерук А. Логос и космос. Богословие, наука и православное предание. М., 2006. С. 258.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. С. 280.

⁶ Там же. С. 280–281.

⁷ Там же. С. 290.

расчетами в Большой взрыв. Это задание, эта целеустремленность космоса и называется *антропным принципом*, потому что этот принцип развития Вселенной после взрыва ведет прямо к человеку». И делая обобщающий вывод из изложенного, владыка заключает: «...трудно было бы объяснить, почему Вселенная началась именно так, не приняв антропный принцип как акт Божий: Бог намеревался сотворить на Земле такие существа, как мы»¹ (12). И далее: «На нашем языке (богословском) *антропный принцип называется Промысел Божий о человеке*. Этот Божественный Промысел, известный только Ему Одному, вывел человека из Рая после грехопадения (из-за которого произошел взрыв, повел изгнанного Адама Своими многовековыми путями («мгновениями» для Божественной Вечности!) на эту, уже уготованную Им для него землю, чтобы спасти его Своим Божественным Воплощением и снова вернуть его в Рай и с ним вместе – всех его потомков»².

Автор данной статьи полагает, что наиболее взвешенная и аргументированная трактовка сущности и роли антропного принципа в контексте особенностей и постнеклассической науки содержится в работах В. В. Казютинского. Он утверждает, что согласно антропному принципу Вселенная «взрывным образом неустойчива» к численным значениям определенного набора фундаментальных констант, с необычайной точностью «подогнанных» друг к другу таким образом, что во Вселенной могли возникнуть высокоорганизованные структуры, включая человека. Говоря иначе, человек мог появиться отнюдь не в любой по своим свойствам Вселенной. Ссылаясь на исследования А. Л. Зальманова, Г. М. Иллиса, И. Я. Розенталя, И. С. Шкловского, В. В. Казютинский утверждает: объективные свойства Вселенной таковы, что на некотором этапе ее эволюции привели к возникновению познающего субъекта. Если бы свойства Вселенной были иными, их просто некому было бы их изучать³. Данная трактовка во многом созвучна учению академика В. И. Вернадского, считавшего жизнь явлением космического характера, неотъемлемым свойством материи в развивающейся Вселенной.

В заключение отметим многогранность и дихатомичность возможных истолкований антропного принципа в современной науке и христианской антропологии. Именно в такой дихатомности и кроется суть заключенного в нем вызова перед современной естественнонаучной, философской и богословской мыслью. Одни авторы утверждают, что этот принцип содержит в себе современное объяснение структуры нашей Вселенной, и подчеркивают лишь его физическое содержание вне каких-либо мировоззренческих осмыслений. Другая точка зрения, разделяемая многими естествоиспытателями, философами и богословами, заключается в том, что мировоззренческие, человекомерные представления постнеклассической науки открывают возможности для вероятностного истолкования антропного принципа. Необходимо учитывать многообразие подходов к его осмыслению, превращая антропный космологический принцип в предмет заинтересованного, доброжелательного и взаимоуважительного диалога физиков, космологов, богословов и философов.

¹ *Епископ Василий (Родзянко)*. Теория распада Вселенной и вера Отцов. М., 1996. С. 12.

² Там же.

³ *Казютинский В. В.* Антропный принцип и современная теология. Причинность и телеономизм в современной естественной научной парадигме. М., 2002.

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Этапы формирования техногенной цивилизации

Техногенная цивилизация начала разбег в XVII–XVIII вв., в эпоху подготовки и развертывания первой промышленной революции, становления науки Нового времени, ранних буржуазных революций, закрепляющих господство капиталистических отношений. Но ее предпосылки закладывались развитием европейской культуры намного раньше. Одной из первых явилась ценность объективного и предметного знания, раскрывающего существенные связи вещей, их природы и законов, в соответствии с которыми могут изменяться вещи. Эта ценностная установка обеспечивала не только рост знания, оправданный его практическим применением в производстве или обыденной жизни некоторой исторической эпохи, но и систематическое получение новых знаний об объектах, которые лишь в будущем, часто на принципиально иных ступенях цивилизационного развития, могут стать предметами массового практического освоения. Иначе говоря, для того чтобы наука обеспечила прорыв к новым предметным структурам, не осваиваемым и часто не могущим быть освоенными в практике сегодняшнего дня, чтобы могла систематически заготавливать знания, практически приложимые лишь на будущих этапах развития цивилизации, ей нужен принцип самооценки объективной истины. Этот принцип представляет собой фундаментальную ценность развитой науки. Второй ее фундаментальной ценностью выступает установка на постоянное приращение объективного знания о мире, требование постоянной новизны как результата исследования. Утверждение этих ценностных ориентаций было условием формирования развитой науки и тех оснований научной рациональности, которые отличают ее от других форм познания мира¹.

В XVII–XVIII вв. наука завоевывает себе право на формирование самостоятельной целостной картины человека и природы как результата объективного

¹ Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии*. 1989. С. 3–18.

познания мира. Тем самым наука обретает мировоззренческие функции, а научная рациональность начинает рассматриваться в качестве одной из важнейших ценностей человеческой жизнедеятельности. Для культуры техногенной цивилизации это было одно из необходимых и существенных приобретений. Оно гарантировало опережающее развитие научных знаний, что открывало возможности для будущих научно-технических революций, превращения науки в производительную силу, а затем и социальную силу, регулирующую управление различными социальными процессами. В системе мировоззренческих установок фиксировалась особая ценность прогресса науки и техники, а также убеждение в принципиальной возможности рациональной организации социальных отношений¹.

Под знаком этих идей техногенная цивилизация прошла стадию индустриального развития и социальные революции XIX–XX вв. Возникшие в ходе этого процесса различные социальные системы, несмотря на полярность многих мировоззренческих установок, сохраняли в шкале своих фундаментальных ориентаций веру в ценность научно-технического прогресса и ценность науки как основы управления социальными процессами. Эти ценности не подвергались сомнению до последней трети XX в., пока техногенная цивилизация не столкнулась с глобальными проблемами, порожденными предшествующим научно-техническим развитием.

Во-первых, это проблема выживания в ядерный век и сохранения человечества как рода. Сегодня очевидно, что предотвращение ядерного самоуничтожения стало исходной ценностной установкой, с которой должны соизмеряться любые программы организации переустройства общественной жизни.

Во-вторых, это глобальные экологические проблемы и вызванная ими необходимость радикального изменения нашего отношения к природной среде. Для современного философского сознания стало почти очевидным, что существование человека как части природы и как деятельного существа, преобразующего природу, находится в диалектически противоречивой зависимости. Причем в настоящее время это противоречие приобрело конфликтный характер, поскольку современное техногенное давление на природу создает опасность вырождения биосферы, а значит, угрожает самому человеческому существованию.

В-третьих, ускорение социального развития человечества в XX в. чрезвычайно остро поставило проблему человеческих коммуникаций, общения, преодоления отчуждения человека от им же порожденных социальных структур. Усложнение человеческого мира и расширение поля человеческих коммуникаций, которое несет современный научно-технический прогресс, часто оборачивается усилением стрессовых нагрузок на человека, манипуляцией человеческим сознанием, дегуманизацией социальных связей людей².

Все эти сугубо жизненные проблемы современности носят мировоззренческий характер и на первый взгляд ставят под сомнение традиционные для техногенной цивилизации ценности науки и научно-технического прогресса. Возникли антистицистские концепции, возлагающие на науку и ее технологические применения ответственность за нарастающие глобальные проблемы. Крайний сциентизм с его требованиями ограничить и даже затормозить научно-технический прогресс, по существу, предлагает возврат к традиционным обществам, не способным в современных условиях решать проблемы обеспечения постоянно растущего населения элементарными жизненными благами.

¹ Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. С. 4.

² Там же. С. 5.

Выход состоит не в отказе от научно-технического прогресса, а в придании ему гуманистического измерения. В качестве одного из аспектов этого положения формулируется проблема нового облика науки, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности.

В этой связи возникает целая серия вопросов. Как возможно включение в научное познание внешних для него ценностных ориентаций? Каковы механизмы этого включения? Не приведет ли к деформации истины требование соизмерения ее с социальными ценностями? Имеются ли внутренние, исходящие из основных презумпций науки (установка на поиск объективной истины и установка на постоянный рост нового знания) предпосылки для перехода науки в принципиально новое состояние?

Ответ на эти вопросы требует рассмотрения научного познания как исторически меняющейся деятельности, которая детерминирована, с одной стороны, характером исследуемых объектов, а с другой — социальными условиями, свойственными каждому исторически определенному этапу развития цивилизации¹.

Исторические типы научной рациональности²

Любое творчество начинается с постановки проблемы, задачи, подлежащей разрешению. Индустриальная цивилизация — цивилизация рациональная, где ключевую роль играет наука, стимулирующая развитие новых идей и новых технологий. Осознание многообразия форм существования научной рациональности, сопровождавшее философское осмысление научных революций XX в., в современной философии науки основывается на понятиях идеалов и типов рациональности. Можно сказать, что характеристика исторических типов научной рациональности, данная В. С. Стёпиным, наиболее интересна, так как все три типа одновременно, хотя и не в равной степени, присутствуют сегодня в реальной науке и в научно-технической деятельности.

Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Постнеклассическая рациональность учитывает соотношение знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Каждый тип рациональности обеспечивает преимущественное освоение объектов определенной системной организации: малых систем, больших саморегулирующихся систем и больших саморазвивающихся систем. Именно тип рациональности, определяющий диапазон научно-технической деятельности, является условием получения адекватного знания об этих системах.

Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций (рис. 1).

¹ Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. С. 4–7.

² Асадуллин Э. Ф. Виртуальная антропология социально-исторического познания. СПб. : Нестор, 2009. С. 43–53.

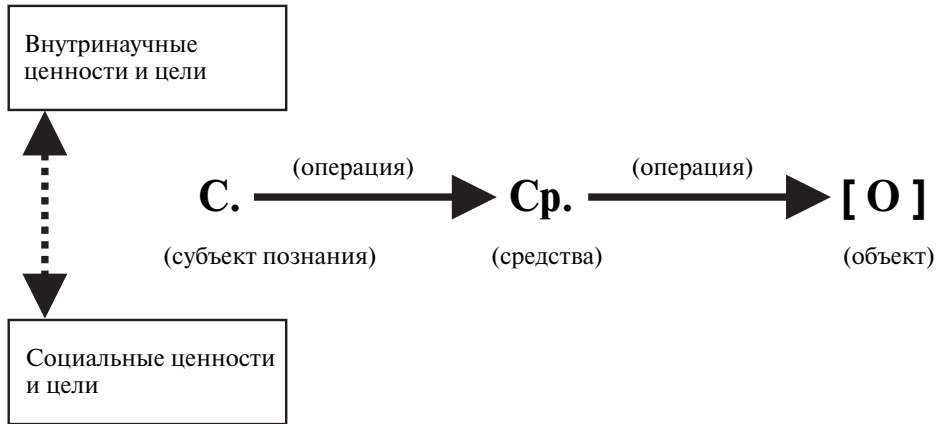

Рис. 1. Классический тип научной рациональности (по В. С. Стёпину)

В конце XIX в. начинается глобальная научная революция, связанная со становлением неклассического естествознания. Изменение исходных требований к конечной интерпретации научной теории и понимание того, какой именно должна и может быть теория, претендующая на описание явления, привели к новому пониманию научной рациональности. В рамках классического естествознания возникли элементы нового неклассического мышления.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем объекты исследований в мире).

Для методов неклассической науки характерны прежде всего вероятностные, статистические подходы, которые преобразуют само видение мира, содержат больше внутренних возможностей для репрезентации свойств и закономерностей бытия, нежели теоретические системы, построенные на базе принципиально жесткого детерминизма (рис. 2).

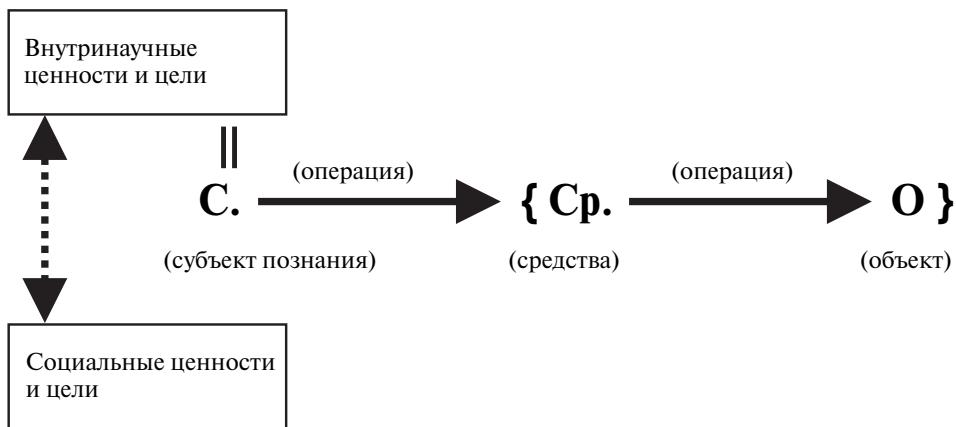

Рис. 2. Неклассический тип научной рациональности (по В. С. Стёпину)

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. началось переосмысление роли науки в системе культуры, сопровождавшееся ее острой критикой, так как связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являлись предметом научной рефлексии. Дебаты с критиками науки побудили ученых к рефлексии о науке, ее структуре, целях, социальном характере и взаимных связях научного знания с культурой, с ее базисными универсалиями.

Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями (рис. 3).

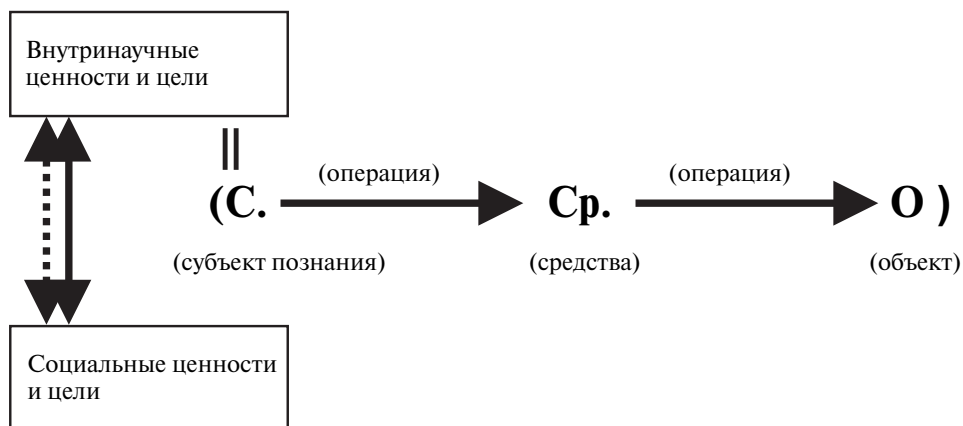

Рис. 3. Постнеклассический тип научной рациональности (по В. С. Стёпину)

Современная наука, концентрирующая внимание на таких типах объектов, как сложные саморазвивающиеся системы, в которые включен человек, требует новой методологии, учитывающей аксиологические и социальные факторы. Научная рациональность становится одной из доминирующих ценностей культуры, однако тип научной рациональности очевидно будет меняться. Сегодня научные сообщества пересматривают свое отношение к природе как к бесконечному резервуару, выступающему чем-то внешним для человека. Складывается новое понимание субъекта, согласно которому человек является частью биосферы как целостного организма.

Традиционно наука и техника считались морально нейтральными, а ученый в глазах общества не нес ответственности за результаты применения своих разработок. Вместе с тем их результаты и достижения могут быть использованы как во благо человеку, так и во зло ему. В связи с этим трансформируется идея «ценностно нейтрального исследования». Объективно истинное объяснение и понимание применительно к «человекообразным» объектам (медико-биологическим объектам, объектам экологии, объектам биотехнологии, системам человек-машина) не только допускают, но и предполагают включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений.

Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося изолированного фрагмента действительности, выступающего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику науки современной эпохи определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты

различных областей знания. Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные исследования, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной постнеклассической науки.

Неклассическая научная рациональность в контексте больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева

Как уже упоминалось, техногенная цивилизация начала разбег в XVII–XVIII вв., в эпоху подготовки и развертывания первой промышленной революции. До возникновения промышленного капитализма изменения в разделении труда носили эволюционный характер, влекли за собой изменения в социальной структуре общества и, в конечном итоге, изменение общественно-экономической формации. В эпоху капитализма происходит то, что Н. Д. Кондратьев назвал «реорганизацией» производственных (экономических) отношений в рамках одной общественно-экономической формации. Развитие производительных сил приобретает циклический характер научно-технических революций, и соответственно реорганизуются производственные отношения. Именно с этого времени в науке начинается переход от классического к неклассическому типу рациональности, с учетом внешних и внутренних, экономических, технико-технологических и социальных факторов, включенных в поле рефлексии субъекта познания. Реализацию данного подхода мы постараемся проследить в контексте теории больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева¹.

Изучая «Большие циклы конъюнктуры» Н. Д. Кондратьева², следует иметь в виду, что экономическая конъюнктура каждого данного момента — это направление и степень изменения совокупности элементов хозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом. Если рассматривать сложившуюся на данный момент конъюнктуру и определяющие ее факторы, то среди них можно выделить три основные группы:

1. Постоянно действующие факторы нециклического свойства (научно-технический прогресс, демографические факторы).

2. Постоянно действующие циклические факторы (будут рассматриваться далее).

3. Случайные и временно действующие факторы (стихийные бедствия, войны). Под воздействием данных факторов мы можем наблюдать такую картину: колебания в идеальном виде представляют собой следующие друг за другом подъемы и спады уровней экономики на протяжении некоторого периода времени. Они имеют общие черты: пик цикла, спад, низшая точка, фаза оживления. Наиболее продолжительными из выделяемых колебаний являются так называемые «большие циклы конъюнктуры» длительностью от 40 до 60 лет.

Специфика метода Н. Д. Кондратьева заключается в том, что он учитывал все возможные связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликацию этих связей он рассматривал в качестве условий описания и объяснения мира, что характерно для неклассического типа рациональности. В тезисном изложении этот метод можно представить следующим образом³.

¹ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопр. конъюнктуры. Т. 1. Вып. 1. М., 1925. С. 24–69.

² Н. Д. Кондратьев — основатель и первый директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР (1920–1928 гг.)

³ См. : Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / редкол. : Л. И. Абалкин (пред.) [и др.]; сост. Ю. В. Яковец. М. : Экономика, 2002. С. 341–400.

1. Чтобы установить, существуют ли большие экономические циклы, изучены статистические данные *по Англии*: о ценах, проценте на капитал, заработной плате сельскохозяйственных и текстильных рабочих, о внешней торговле и производстве угля, чугуна, свинца и др.; *по Франции*: о ценах, проценте на капитал, внешней торговле, потреблении угля, о посевных площадях овса, о портфеле Французского банка, о вкладах в сберегательные кассы, потреблении хлопка, кофе, сахара и др.; *по Германии*: о производстве угля и чугуна; *по США*: о ценах, производстве угля, чугуна и стали, о количестве веретен хлопчатобумажной промышленности, о посевных площадях хлопка и др. Кроме того, были изучены данные о мировом производстве угля и чугуна.

2. Перечисленные данные были подвергнуты исследованию при помощи методов математической статистики. Там, где это было возможно, данные были разделены на количество населения. Далее, для всех них были найдены теоретические кривые вековых тенденций (Secular trend). Затем были найдены отклонения эмпирического ряда от ряда теоретического. Найденные отклонения были сглажены при помощи 9-летней подвижной средней, благодаря чему были исключены как случайные колебания, так и колебания циклические краткой и средней продолжительности. Сглаженные отклонения и были подвергнуты анализу в целях установления факта существования больших экономических циклов.

Основные результаты исследования сводятся к следующему.

Изучение полученных данных позволило установить четыре важные эмпирические правильности в развитии больших экономических циклов.

1. Перед началом и в начале повышательной волны каждого большого цикла наблюдаются глубокие изменения в условиях экономической жизни общества. Эти изменения выражаются в значительных изменениях техники (чему предшествуют значительные технические открытия и изобретения), в вовлечении в мировые экономические связи новых стран, в изменении добычи золота и денежного обращения.

2. На периоды повышательной волны каждого большого цикла приходится наибольшее количество социальных потрясений (войн и революций).

3. Периоды понижательной волны каждого большого цикла сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства.

4. В период повышательной волны больших циклов средние экономические циклы характеризуются краткостью депрессий и интенсивностью подъемов; в период понижательной волны больших циклов наблюдается обратная картина.

Хотя изученный период, охватывающий до 140 лет, недостаточен для окончательных выводов, тем не менее существование больших экономических циклов представляется по меньшей мере весьма вероятным. Обнаруженные большие волны конъюнктуры не могут быть объяснены случайными, привходящими причинами. Объяснение их, по-видимому, нужно искать в особенностях, присущих капиталистической системе хозяйства.

Однако построение такого объяснения встречает значительные затруднения. В качестве первой гипотезы для их объяснения Н. Д. Кондратьевым предложена следующая концепция.

Большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода. Основная причина их лежит в механизме накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания новых основных производительных сил. Начало подъема каждого цикла совпадает с моментом, когда накопление и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала в целях создания основных производительных сил и радикального переоборудования техники.

Начавшееся повышение темпа хозяйственной жизни, осложняющееся циклами средней длительности, вызывает обострение социальной борьбы, борьбы за рынок и внешние

конфликты. В этом процессе темп накопления капитала ослабевает и усиливается процесс рассеяния свободного капитала. Усиление действия этих факторов вызывает перелом темпа экономического развития и его замедление. Так как действие указанных факторов сильнее в промышленности, то перелом обычно совпадает с началом длительной сельскохозяйственной депрессии. Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой — восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства. Все это создает предпосылки для нового подъема большого экономического цикла, и он повторяется вновь, уже на новой ступени развития производительных сил¹.

Эмпирическое обоснование движения больших циклов конъюнктуры

Изменения в области техники производства, оказывающие мощное влияние на разделение труда в мировой экономике, предполагают два условия: 1) наличие соответствующих научно-технических открытий и изобретений; 2) хозяйственные возможности применения этих открытий и изобретений на практике. Направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники. Однако чтобы имело место реальное изменение техники производства, наличия научно-технических изобретений еще недостаточно. Научно-технические изобретения могут иметь место, но могут оставаться недейственными, пока не появятся необходимые экономические условия их применения.

Так, если обратиться к циклам Н. Д. Кондратьева², промышленной революции XVIII — начала XIX в. (первый большой цикл) предшествовал ряд значительных технологических изобретений. Но если изобретение прядильных машин относилось к концу 60-х — началу 70-х гг. XVIII в., то приложение их на практике, т. е. подлинно революция прядения, произошло в 1780-е и более поздние годы. Механический ткацкий станок английского изобретателя Э. Картрайта, приведший к радикальным изменениям в разделении труда, был создан в 1784 году. Одновременно происходит реорганизация социально-экономических отношений, в ходе которых страна-монополист нововведений Англия осуществляет внешнюю интервенцию в поисках рынков сырья и рынков сбыта текстильной продукции и создает Британские колониальные владения в Южной Азии, просуществовавшие с середины XVIII в. до середины XX в. В то же время постепенно, от цикла к циклу, она и другие высокоразвитые страны улучшают внутреннюю политику использования рабочей силы в плане гуманизации труда и выноса «грязных» технологий в развивающиеся страны.

Началу второго большого цикла равным образом предшествовал ряд крупных технических изобретений. Среди них — изобретение паровой машины в Англии Дж. Уаттом (1769 г.), которая была построена только в 1776 г. и начала активно распространяться лишь с середины 1780-х гг. Лишь в период 1830—80-х гг. осуществилась революция паровых машин, которая, после появления необходимых экономических условий, привела к формированию новых отраслей в промышленности и коренным изменениям в разделении труда в Европе и США. Особенно большие изменения произошли в области средств сообщения: с 40-х гг. XVIII в. наблюдается бурный рост железнодорожного и водного парового транспорта. Но эти изменения сопровождаются еще двумя крупными явлениями. Во-первых, это усиление роли Соединенных Штатов на мировом рынке; во-вторых, значительный рост добычи золота, повлиявший на всю хозяйственную жизнь.

¹ См. : Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры... С. 399—400.

² Там же. С. 370—397.

Третьему большому циклу равным образом предшествовал ряд изобретений, среди которых – разработка в 1880 г. американским исследователем Т. Эдисоном коммерчески успешного варианта электрической лампы накаливания. Новая промышленная революция наблюдалась в области электротехнической и химической промышленности. Применение электричества с 1890-х гг. пошло быстрыми темпами и привело к перевороту в моторной технике и в области силовых и рабочих машин, в области техники освещения и связи и совпало с началом нового периода повышения темпов хозяйственного развития.

Однако начало третьего большого цикла совпадает не только с успехами естествознания и техники производства, но еще и с тремя крупными изменениями в условиях развития хозяйственной жизни. Во-первых, это увеличение добычи золота с середины 1880-х и особенно с 1890-х гг. Во-вторых, установление в эти годы золотого денежного обращения в ряде стран (Германии, Швеции, Норвегии, России, Японии, США); в-третьих, широкое вовлечение в мировые экономические отношения стран молодой культуры (Австралия, Аргентина, Чили, Канада и др.), значительно расширивших обороты своей внешней торговли. Очевидно, что одновременно с каждым радикальным изменением в сфере науки и, тем самым, изменением в сфере действия социально-экономического закона разделения труда самое развитие техники включается в закономерный процесс экономической динамики.

Таким образом, в течение примерно двух десятилетий перед началом повышательной волны каждого большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений. Широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное с реорганизацией производственных отношений, совпадает с началом повышательной волны циклов. Одновременно начало больших циклов совпадает с расширением орбиты мировых экономических связей. Такова первая эмпирическая правильность разветвления действия социально-экономического закона разделения труда.

Согласно второй эмпирической правильности Н. Д. Кондратьева периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн. Войны и революции равным образом не могут не иметь весьма глубокого влияния на ход хозяйственного развития. Но войны и революции возникают на почве реальных, и прежде всего экономических, условий. Если думать, что войны и революции являются приводящими толчками, порождающими большие волны экономической динамики, то в силу каких-то обстоятельств они располагаются по определенным периодам, и как раз по периодам восходящих волн больших циклов, что было отмечено выше. Представляется рациональным допустить, считает Н. Д. Кондратьев, что самые войны возникают на почве повышения темпа роста производительных сил, обострения экономической борьбы за рынки и сырье.

Представляется также целесообразным допустить, считает Н. Д. Кондратьев, что и социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых производительных сил, приходящих в конфликт с отставшими экономическими отношениями и социально-правовым укладом общества. В условиях капиталистического способа производства вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит именно в периоды обострения нужды стран старой капиталистической культуры в новых рынках сбыта и сырья. Повышение конъюнктуры, усиливая темп хозяйственной динамики капиталистических стран, приводит к необходимости и возможности использования новых стран, новых рынков сбыта и сырья.

Таким образом, войны и социальные потрясения включаются в процессы развития мировой экономики и оказываются не исходными силами этого развития, а его функ-

цией и формой, а именно — функцией и формой разрешения постоянно возникающих противоречий между характером и уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, связанных с борьбой за рынки сбыта и сферы экономического влияния. Можно утверждать, что Н. Д. Кондратьевым создан алгоритм (идеальный тип) циклического развития производительных сил, ведущих к реорганизации производственных отношений и всей жизни общества в условиях капиталистического способа производства.

Методология Кондратьева как основа развития постнеклассической парадигмы

Следуя методологии Н. Д. Кондратьева, можно проследить, в самом общем виде, окончание третьего и четвертый (1930–1970 гг.) большие циклы развития экономической жизни. Окончание третьего цикла было связано с автомобиле- и тракторостроением, цветной металлургией, а четвертый — с развитием атомной энергетики, в основе которой заложено выделение атомной энергии в результате процессов, происходящих в атомных ядрах, и изобретение атомной и водородной бомбы. Одновременно четвертый цикл ассоциируется с таким величайшим социальным потрясением для человечества, как Вторая мировая война (1939–1945 гг.), развязанная Германией и ее союзниками Италией и Японией против государств Советского Союза и стран Западной и Центральной Европы. Если Первая мировая война (1914–1918 гг.) возникла в результате первого кризиса системы мирового хозяйства, то в результате второго кризиса возникла Вторая мировая война, первой и важнейшей предпосылкой которой явилось возрождение и обновление тяжелой и военной индустрии Германии.

Пятый большой цикл (1970–2010 гг.) ознаменован широко развернувшейся информационной революцией, приближающей нас к информационному обществу, в котором информация, знания выступают в качестве основной социальной ценности. Если в индустриальном обществе главное — производство товаров, а ограничивающим фактором выступает капитал, то в информационном — производство и применение информации для эффективного функционирования других форм производства, а ограничивающим фактором становится знание. Если в индустриальном обществе центральными переменными были труд и капитал, то в информационном — в качестве таковых выступают информация и знания, которые замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости. Само название «информационное общество» появилось в 1980-е гг. и было связано с широко развернувшейся микроэлектронной революцией.

Сейчас развитие мирового хозяйства находится в начале шестого большого цикла экономической конъюнктуры (начиная с 2010 г.) и связано с внедрением изобретений в области информационной техники, нано- и биотехнологий, а также с дальнейшим разделением мирового сообщества на: страны, производящие техническую продукцию по чужим технологиям; страны, производящие техническую продукцию и частично технологии; страны, производящие собственные технологии; страны, производящие научные знания.

Таким образом, созданный Н. Д. Кондратьевым алгоритм циклического развития производительных сил модифицируется в реальные процессы смены технологических укладов с выделением ключевых технологий: первый технологический уклад — текстильные машины; второй — паровой двигатель; третий — электродвигатель; четвертый — двигатель внутреннего сгорания; пятый — микроэлектроника, шестой — нанотехнология, гелио- и ядерная энергетика. В контексте формирования каждого технологического уклада возникает новое разделение труда и, соответственно, новые кластеры профессий, связанные с формированием рынка образовательных услуг. И одновременно возрастает необходимость

социально-гуманитарной и экологической экспертизы крупных научно-технических проектов под углом зрения гуманистических ценностей и решения глобальных проблем.

Крупнейшей научной заслугой Н. Д. Кондратьева является то, что он осуществил попытку построить замкнутую социально-экономическую систему, генерирующую внутри себя длительные колебания — большие циклы конъюнктуры. В работах предшественников Н. Д. Кондратьева обязательно присутствуют факторы, играющие роль внешнего толчка в формировании колебаний. Н. Д. Кондратьев же раскрывает внутренний механизм как спадов, так и подъемов. Именно это второе обстоятельство привлекло западных экономистов. В то время когда общая экономическая ситуация, особенно в кризисные 1930-е гг., казалась безысходной, кондратьевская концепция давала надежду на выход из большого кризиса. В ситуации «Великого краха 1929 года» в США, когда после кризиса наступила депрессия, длившаяся на протяжении десяти лет, выяснилось, что «намного более важным фактором, чем банковская ставка или доступность кредитов, является настроение общества. Желание заниматься биржевыми сделками появляется только в условиях всеобщего оптимизма и уверенности в том, что любой человек может стать богатым»¹.

* * *

В. С. Стёпин называет настоящую цивилизацию техногенной, учитывая, что определяющим фактором ее эволюции является ускоряющийся научно-технический прогресс. Научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры — креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимание власти как контроля над природными и социальными объектами.

Решающим в плане возникновения точек роста новых ценностей является формирование постнеклассического типа рациональности. В нем наука сохраняет свои основные установки: исследовать объекты, выявляя закономерности их функционирования и развития, открывать новые предметные миры, которые выходят за рамки наличных форм деятельности и могут быть практически освоены лишь на будущих этапах развития цивилизации. Сохраняются основные принципы неклассического подхода. Но специфика исследуемых объектов такова, что она формирует особые конкретизации основных установок науки.

Большинство саморазвивающихся систем, которые осваиваются в современном научно-технологическом развитии, человекообразны. Это медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом, объекты биотехнологии (в первую очередь, генетической инженерии), системы «человек-машина» включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта. В этой связи объективно истинное объяснение и описание применительно к человекообразным объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеаучными ценностями общесоциального характера. Не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение предстает одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития².

¹ Гэлбрейт Дж. К. Великий крах 1929 года. Минск, 2009. С. 225.

² Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск : БГУ, 2012. С. 385–396.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ
ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОНЦЕПЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА)**

В своих работах В. С. Стёпин много внимания уделяет проблемам междисциплинарного синтеза. В частности, он пишет: «Построение теоретических моделей в экономических науках, в том числе и моделей, учитывающих связи экономики и культуры, зависит от явно или неявно принимаемой исследователями картины социальной реальности, которая вводит представления о структуре и динамике общественной жизни. Эта картина систематизирует знания, полученные в различных социально-гуманитарных науках, обеспечивает их включение в поток культурной трансляции, являясь исследовательской программой, определяющей постановку тех или иных научных проблем и выбор средств их решения».¹ И далее: «Модели экономического развития, не учитывающие особенности культуры, при их применении на практике могут привести к совершенно иным результатам, чем предполагалось поставленными целями».² В этой связи особую актуальность в постоянно изменяющихся условиях и все новых вызовах приобретает необходимость формирования экономических теорий, объясняющих реальную экономическую действительность с учетом культурных особенностей трансформирующегося общества.

В современной экономической науке сложилось более 50 подходов к объяснению интернационализации предпринимательства, под которой понимаются как инновационные стратегические решения о началах международной предпринимательской деятельности, так и перенос (движение) деловой активности фирмы за рубеж в форме экспорта товаров, услуг и капитала. Именно проблема интернационализации предпринимательства, выбора оптимальной формы заграничной деловой активности и стратегий выхода на внешний рынок требуют теоретического осмысления. Но возникает принципиальный вопрос о статусе теории интернационализации в экономической науке: существует ли вообще общепризнанная теория интернационализации или

¹ Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 312.

² Там же. С. 313.

имеется лишь набор разрозненных теоретических конструкций, которые в состоянии объяснить лишь отдельные составляющие интернационализации?

Приведем отдельные высказывания немецких ученых-экономистов по данному поводу. С. Мюллер считает, что в силу различного понимания объекта исследования, применяемых методов и оценочных интерпретаций экономическая наука до сих пор не выработала общепризнанной теории международной предпринимательской деятельности. По его мнению, «возникло многообразие частично конкурирующих, частично дополняющих друг друга теоретических взглядов и школ, которые, в конце концов, не дифференцированы в своей объективированной области»¹. М. Перлитц пишет: «До сегодняшнего дня не существует общей теории интернационализации» и даже самые новейшие взгляды на интернационализацию (идеи формальной теории интернационализации Махарцины, макроэкономическая теория прямых заграничных инвестиций Коджимы) «не в состоянии обеспечить всеохватывающую постановку проблемы развития всеобщей теории интернационализации»². По мнению К. Мизенбека, наоборот, существует одна всеохватывающая теория, которая объясняет как микро-, так и макроэкономическую проблематику интернационализации. «Различия же результатов исследования интернационализации, — утверждает он, — основываются большей частью на гетерогенности методических позиций, понятийных и теоретических ориентаций и исследовательских целях. Спектр позиций объяснения идет от народнохозяйственных и предпринимательско-экономических через экономико-географические до экономико-исторических теорий». Профессор Е. Дюльфер отмечает, что при наличии различных подходов к интернационализации формулирование единой всеохватывающей экспликативной общей теории интернационализации продолжается³, К. Махарцина видит задачу экономической науки в том, чтобы исходя из ошибок и недостатков различных подходов к международной предпринимательской деятельности обосновать «всеохватывающую подтвержденную фактами систему взглядов, которая могла бы служить в качестве общей прагматической базы знаний» об интернационализации⁴. Как видно из этих высказываний, в экономической литературе не сложилось единого мнения на предмет существования общей теории интернационализации, не говоря уже о ее структуре и объяснительных возможностях.

Однако важно другое, что перед экономической наукой стоит ряд взаимосвязанных вопросов (научных задач), на которые отдельные частичные теории не дают удовлетворительных ответов. Их объяснение возможно лишь в рамках более широких теоретических конструкций, к каким и может быть отнесена всеобщая интегрированная концепция интернационализации предпринимательства (ВИК(Т)ИП), которая должна базироваться на определенных теоретических посылах, строиться на методологических принципах, иметь отличный от других теорий предмет и задачи исследования.

Исходя из вышеизложенного цель данной работы — рассмотрение и обоснование методологических подходов к построению интегрированных концепций, что будет продемонстрировано на примере создания авторской всеобщей интегрированной теории интернационализации деловой экономической активности фирмы (предпринимательства).

Интернационализация предпринимательства напрямую связана с заграничной деловой активностью фирмы в условиях международной конкуренции. Из этой посылки

¹ Данильченко А. В. Теории интернационализации предпринимательства: становление и развитие. Минск : НИО, 1996. С. 105.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же.

и должны формулироваться задачи теории интернационализации. Она должна быть направлена на выяснение предпринимательского поведения фирмы на международных рынках в условиях возрастающей конкуренции и служить основой для разработки стратегий проникновения на них. Она должна вырабатывать знания о причинах выбора альтернативных форм заграничной деловой активности при разработке заграничных рынков. Но первичным остается вопрос: что побуждает фирмы заниматься международной предпринимательской деятельностью? В связи с этим перед ВИК(Т)ИП могут быть поставлены дополнительные вопросы: какие внешние и внутренние факторы заставляют предприятия выходить на международные рынки? Каковы важнейшие детерминанты прямых иностранных инвестиций и/или лицензионных соглашений? Каковы определяющие факторы принятия решений о выборе оптимальной формы заграничной деловой активности? Как возникают международные компании, какие этапы они проходят в своем развитии? Каковы механизмы возникновения, становления, развития и утраты конкурентных преимуществ фирмы на внутреннем и внешнем рынках или, другими словами, каков жизненный цикл международных конкурентных преимуществ?

Данные взаимосвязанные вопросы образуют *область анализа* общей теории интернационализации предпринимательства, которые в большей или меньшей мере рассматриваются в интегрированных, поведенческих, макро- и микроэкономических исследованиях интернационализации. Такая структурная классификация в двух последних случаях исходит из различий в предметах макроэкономики, которая в качестве объекта берет страны и внешнюю торговлю между ними, и микроэкономики, которая анализирует деятельность фирмы на внешнем рынке. Поведенческое направление базируется на управленческих организационных концепциях и психолого-поведенческих моделях, в рамках которых изучаются индивидуальные цели менеджеров и собственников капитала и мотивы прямого иностранного инвестирования.

В интегрированном направлении представлены объяснительные модели интернационализации как широкого феномена, включающего и внешнюю торговлю, и прямые инвестиции, и передачу технологий. Именно в интегрированных моделях Кордена, Хирча, Даннинга предпринимались попытки формулирования общей теории интернационализации с ее задачами, теоретическими посылками и методологическими принципами, отличными от отдельных теорий внешней торговли и прямых иностранных инвестиций *предметом исследования*, в качестве которого берется *заграничная деловая активность фирмы* во всех формах проявления.

Почему не удалось создать удовлетворительную общую теорию интернационализации? Причины этого лежат в плоскости исходных теоретических позиций и ограниченного методологического базиса моделей интернационализации. Так, классические теории внешней торговли в своей основе являются однопричинными, монокаузальными и не в состоянии охватить все решающие факторы, которыми руководствуются менеджеры при принятии решений о заграничной деловой активности. Поэтому они ограничены в объяснении механизмов предпринимательских решений о рынках, технологиях и продуктах. Данные теории являются преимущественно дедуктивно-объяснительными моделями интернационализации и в меньшей степени обосновывают механизмы принятия решений о заграничной деловой активности. Они имеют народнохозяйственную, макроэкономическую ориентацию, в то время как объектом изучения теории интернационализации остается предприятие в качестве хозяйствующего субъекта на микроуровне со всеми своими управленческими функциями и способами рыночного поведения. Многие теоретические подходы к интернационализации являются бинациональными, т. е. страна базирования и заграница, и ищут объяснения на противопоставлении поведения фирмы у себя дома

и за рубежом. При таком подходе — национальный/внутренний рынок и граничный/внешний рынок — тяжело объяснить граничную деловую активность фирм в различных странах и ответить, при каких условиях они предпочитают ту или иную страну, тот или иной граничный рынок и как они должны распределять свои ресурсы между странами.

Большинство международных компаний являются многопродуктовыми, а исследуются преимущественно однопродуктовые предприятия. Для многопрофильных характерно то, что их продукты могут находиться на различных стадиях жизненного цикла и соответственно на различных стадиях процесса интернационализации, причем необходимо учитывать и различный уровень интернационализации не только предприятия, но и отрасли.

Но главный пункт критики заключается в неспособности многих теорий интернационализации выйти на уровень практических рекомендаций для фирм в плане стратегий интернационализации. Ведь большинство теорий интернационализации сравнительно статичны и не принимают во внимание развитие процессов интернационализации. По замечанию М. Портера, лишь концепция жизненного цикла продукта по сравнению с другими известными теориями обладает истинно динамичным характером.

В интегрированном объяснении прослеживается идея интеграции знаний об интернационализации путем синтеза теорий внешней торговли, прямых инвестиций и трансферта технологий. Однако способы интеграции имеют слабую методологическую базу. Самый известный вариант такой интегрированной модели Даннинга получил название эклектической парадигмы международного производства, ибо произошло лишь формальное объединение различных теорий (специфических конкурентных преимуществ, месторасположения, интернализации) в рамках более широкой теоретической конструкции. На наш взгляд, дальнейшее развитие теории интернационализации должно идти по пути применения новых методологических инструментов при построении ВИК(Т)ИП.

Теория состоит из категорий. Первым шагом построения теории интернационализации является вычленение ее аналитического инструментария — системы взаимосвязанных категорий, в качестве которых выступают издержки производства, международная конкуренция, ее виды и рыночные структуры, конкурентные преимущества, система рыночных цен, хозяйственный оборот, доля рынка, предпринимательские доходы и рост. Данные категории, объясняющие динамику процесса интернационализации, обосновываются в рамках сопутствующих или обслуживающих экономических теорий, которые относительно общей теории интернационализации выступают в качестве теоретических предпосылок.

Приведем некоторые точки зрения ученых-экономистов относительно предпосылок теории интернационализации.

В экономической науке, по мнению А. Херманнса и У. Виссмайера, господствуют три взгляда, составляющие теоретическое знание об интернационализации — теория международного предприятия/фирмы, эклектическая теория и идея транзакционных издержек.

Б. Кумар считает, что интернационализация может объясняться с различных позиций, но в силу того что при помощи теории международной торговли с ее совершенной конкуренцией и немобильностью факторов производства не удастся объяснить прямые инвестиции, то она должна быть дополнена предпринимательскими постулатами, которые характеризуют поведение фирмы при олигополистической конкуренции. На этом основании теоретическими предпосылками теории интернационализации являются теории фирмы, предпринимательские стратегии фирмы, теория принятия решений и теория транзакционных издержек. Он подчеркивает, что микро- и макроэкономические соображения указывают на аналитическую непротиворечивость внешней торговли и прямых инвестиций. И внешняя торговля, и прямые инвестиции определяются, с одной стороны, факторами международного окружения (например, дифференциацией ресур-

сов по странам и местоположением), т. е. макроэкономически, а с другой — стратегическими и организационно-экономическими соображениями, т. е. микроэкономически¹.

К. Махарцина в качестве важнейших теоретических оснований международной предпринимательской деятельности назвал следующие идеи: теорию жизненного цикла продукта, теорию интернационализации, которая базируется на трансакционных издержках, и эклектическую теорию международного производства Даннинга.

Процитированные авторы вычлняют в качестве *теоретических предпосылок* схожий перечень так называемых *обслуживающих теорий*, в рамках которых формируется категориальный аппарат современной теории интернационализации. Так, исходная идея Д. Рикардо о сравнительных издержках, возникающих вследствие международного разделения труда и международного обмена на уровне национальных хозяйств, была перенесена на микроуровень и воплотилась в важнейшем постулате теории международной фирмы о специфических, конкурентно-монополистических преимуществах иностранной фирмы над местными товаропроизводителями.

Теория фирмы, как *первая предпосылка* и обслуживающая теория интернационализации, выясняет такие детерминанты заграничной деловой активности, как вид конкуренции, олигополистическая и монополистическая структура международного рынка, издержки производства и конкурентные преимущества фирмы на заграничных рынках, которые проявляются в сравнительных издержках и ценах, недоступных некоторое время местным конкурентам-товаропроизводителям.

Главные цели предпринимательской политики фирмы на международном рынке — объем оборота, доля рынка и доходы — исследуются при помощи теории предпринимательской политики/стратегии и поведенческой теории принятия решений. Они образуют *вторую предпосылку* теории интернационализации и связаны с индивидуальными целями менеджеров, раскрывают механизм принятия решений о выходе на внешний рынок и выборе предпринимательской стратегии (экспорт, совместное предпринимательство, прямые инвестиции).

В качестве *третьей предпосылки* выступает идея минимизации трансакционных издержек в международных компаниях: если издержки по ведению заграничного бизнеса и соответствующие расходы на транспортировку, информацию, реализацию продукции превышают допустимый уровень, то предпочтение отдается прямым инвестициям, а не экспорту продукции.

Четвертой предпосылкой теории интернационализации выступают макроэкономические теории внешней торговли, которые на основе сравнительных преимуществ и факторного насыщения стран определяют основные детерминанты экспорта и импорта с макроэкономических позиций.

Приведенные выше обслуживающие теории, которые сами по себе представляют определенную объяснительную ценность, с одной стороны, дают необходимый категориально-аналитический аппарат общей теории интернационализации, а с другой — исходные предпосылки (постулаты и гипотезы) для создания интегрированной теории. Фактически путем анализа подходов к интернационализации выделены ее теоретические основы.

Но при этом остается открытым вопрос: на каких основаниях производить построение общей теории интернационализации, каковы логические взаимосвязи между частичными теоретическими объяснениями, их соподчиненность и субординированность?

Для построения ВИК(Т)ИП необходимо использовать определенный теоретико-методологический инструментарий. В качестве такой философской базы может быть применен

¹ Данильченко А. В. Теории интернационализации... С. 109.

неопозитивизм, а точнее критический рационализм К. Поппера с его исходными идеями о приращении научного знания и методологическими принципами фальсифицируемости и верифицируемости знания. Впервые вопросы создания интегрированных теорий в экономической науке были изложены в монографии Л. М. Петровской¹.

Суть концепции заключается в том, что выдвигается исходная гипотеза, затем она верифицируется, т. е. подвергается проверяемости на практике. Как правило, ряд эмпирических фактов при определенных условиях ее подтверждают и в этой части, при данных условиях она верна и работает, так как способна объяснять какое-либо явление и на ее основе можно предсказывать его развитие. Однако процесс познания непрерывен и идет дальше. Поэтому находятся эмпирические факты (а задача ученого и состоит в их поиске), для которых данная гипотеза не в состоянии найти подтверждение. Для такого ряда необъясненных фактов необходимо выдвижение новой гипотезы, которая часть фактов объясняет, подтверждает, а некоторые – не подтверждает, для чего соответственно требуется выдвижение новых гипотез и т. д.

На основании выдвижения гипотез происходит приращение нового научного знания, а процесс познания протекает бесконечно. Исходя из такой логики *всеобщая теория представляет собой сумму взаимосвязанных, субординированных между собой гипотез, и на этом основании ее можно характеризовать как синтезированную или интегрированную*. Но при этом возникает ряд методологических вопросов: может ли всеобщая теория, построенная таким способом, быть верной и какова ее объяснительная ценность? На основе каких познавательных-методологических подходов может происходить ее построение?

Будем исходить из *принципа многопричинного* объяснения интернационализации, ибо этот феномен достаточно широк и включает самые разнообразные формы заграничной деловой активности. Поэтому задача сводится к соединению различных причин объяснения интернационализации в одной непротиворечивой теоретической конструкции. Это может быть достигнуто на основе таких методологических подходов, как системный и ситуационный.

Если системный подход давно и успешно применяется в экономической теории, то ситуационный применяется в управленческой науке и его возможности в области экономической теории еще четко не определены.

Системный подход в плане построения общей теории интернационализации имеет значение в том, что он не опровергает различные, даже, возможно, конкурирующие между собой, теоретические гипотезы и/или устоявшиеся в науке теории. Он позволяет рассматривать различные теоретические конструкции объяснения интернационализации в системе, в качестве которой и выступает всеобщая теория с ее теоретическими предпосылками, исходными постулатами, обслуживающими теориями и собственным категориальным аппаратом. Все элементы теории как системы должны быть логически соединены друг с другом, что и гарантирует теории ее объяснительную способность и научную ценность.

Основная идея ситуационного подхода заключается в том, что не может быть раз и навсегда заданных предписаний или стратегий, руководствуясь которыми можно достигать самых эффективных результатов. Деятельность предприятия зависит от большого количества ситуативных внутренних и внешних переменных (факторов, условий и детерминант), которые каждая в отдельности и все вместе имеют значение при выборе той или иной стратегии интернационализации или принятии решения о формах заграничной деловой активности. Поэтому только та гипотеза интернационализации будет верной, которой находятся подтверждающие факты и которая соответствует данной конкретной ситуации, т. е. конкретным индивидуальным условиям заграничного бизне-

¹ *Петровская Л. М.* Модели конъюнктуры: сравнительный анализ. Минск : Университетское, 1992.

са. Из ситуационного подхода следует, что гипотеза может быть верной и полезной для менеджеров при определенных условиях, а в случае их изменения стать неверной, бесполезной (и даже вредной).

Таким образом, на основе философии ситуационного подхода может происходить выдвижение все новых и новых гипотез для объяснения интернационализации в тех или иных конкретных условиях-ситуациях, а на основе системного подхода — их интеграция в рамках всеобщей теории. Возникает вопрос о *выборе первичной гипотезы* для построения интегрированной теории.

Многие западные ученые-экономисты придерживаются точки зрения, что полное объяснение международной предпринимательской деятельности возможно только при помощи различных слоев экономической теории и что внешняя торговля и прямые инвестиции «аналитически не противоречат друг другу» (Б. Кумар). Это подтверждает необходимость формулирования всеобщей интегрированной теории интернационализации. Так, в своей эклектической теории Д. Даннинг попытался на основе принципов эклектики (которая стала его философско-методологической базой) соединить различные теории, которые определяют важнейшие детерминанты прямых инвестиций, трансферта технологий и экспорта, и тем самым создать единую интегрированную теорию. Однако эклектической парадигме не хватает целостности и взаимосвязанности составляющих ее теорий, на что указывает ряд западных ученых, хотя сам путь интеграции различных теоретических взглядов на интернационализацию в рамках более общей теории в современной западной экономической литературе не вызывает принципиальных возражений. Часто критикуются «чистые» теории внешней торговли и прямых инвестиций за то, что они не нацелены на предпринимательскую политику и практику, а имеют в лучшем случае научный интерес. Задача же состоит в соединении теории интернационализации с предпринимательской политикой/стратегией, механизмами принятия решений. Этот недостаток не удалось в полной мере преодолеть и эклектической теории Даннинга¹.

Многочисленные подходы к интернационализации составляют широкую основу для создания всеобщей теории и могут быть идентифицированы по разным критериям. Так, на основе исторического критерия теория интернационализации может быть представлена хронологически с точки зрения возникновения и развития того или иного взгляда, но при всей своей легкости является малопродуктивным. Предложенный Дюльфером критерий объяснения интернационализации через макроэкономические, микроэкономические, поведенческие и эмпирические подходы имеет рациональное зерно, но при этом не ставится цель разработки интегрированной теории.

Таким образом, речь идет о *выборе первичной гипотезы* для объяснения интернационализации, которую путем верифицируемости и фальсифицируемости в соответствии с концепцией К. Поппера о приращении знания можно было бы взять за основу при построении ВИК(Т)ИП. В качестве такой общей гипотезы может рассматриваться ряд взаимосвязанных логически, а в некоторых случаях и исторически макроэкономических теорий внешней торговли. Во-первых, исторически экспорт товаров является древнейшим видом заграничной деловой активности, во-вторых, фактически в международных операциях экспорт является преобладающей формой и, наконец, в-третьих, логически экспорт выступает самой простой формой интернационализации.

В центре теоретической гипотезы о внешней торговле лежит совершенная конкуренция, на основе которой происходит обмен продуктами специализированного труда и возникают преимущества в сравнительных издержках при тех немобильных факторах производства, которые являются избыточными в данной стране и ограничены в другой. Там,

¹ Данильченко А. В. Теории интернационализации... С. 102, 109.

где не нарушаются условия совершенной конкуренции и в соответствии с которой действует механизм ценообразования, работает и теоретическая гипотеза внешней торговли, дополненная и расширенная путем введения в нее «нетрадиционных» факторов производства (научно-технический прогресс, финансы, качество трудовых ресурсов). Однако эта теоретическая конструкция не может объяснить ситуационные переменные, которые возникают при несовершенной конкуренции, например при торговле со странами, которые придерживаются протекционизма, — одна крайность, другая — со странами, которые ограничивают доступ товаров иностранного происхождения посредством экспорта, но стимулируют их производство и реализацию в стране посредством привлечения прямых иностранных инвестиций. Для данных ситуаций гипотезы внешней торговли в различных их вариантах, как правило, не срабатывают, поэтому необходим поиск новых теоретических гипотез для объяснения интернационализации, их выдвижение и подтверждение.

В то же время в методологическом плане неверным будет утверждение, что классические и неоклассические теории внешней торговли являются абсолютно бесполезными: они имеют объяснительную ценность, но в строго заданных параметрах. Поэтому данная гипотеза в той части, в которой она объясняет внешнюю торговлю, входит в состав общей теории интернационализации, а там, где ее объяснительные возможности ограничены, необходимо выдвижение новой гипотезы интернационализации.

В качестве таковой выдвигается микроэкономическая гипотеза интернационализации, которая пытается объяснить прямые инвестиции и экспорт как равнозначные стратегии вступления на заграничный рынок в условиях несовершенной конкуренции и мобильности основных факторов производства. Заметим, что несовершенства рынка проявляются двояко. С одной стороны, они обусловлены тем, что одни фирмы по отношению к другим обладают естественными преимуществами в силу имеющихся способностей, квалификации, технологий и продуктов, с которыми они вступают в конкуренцию. Эти же специфические преимущества еще в большей степени укрепляют несовершенный характер рынка, ибо принуждают конкурентов к созданию новых собственных преимуществ. С другой стороны, они обусловлены тем, что различные институты — государство, местная власть, предпринимательские и профессиональные союзы — искусственными путями (например, тарифные и нетарифные ограничения) углубляют или порождают новые несовершенства рынка. Для объяснения такой ситуации, которую внешнеторговая гипотеза объективно не в состоянии объяснить, выдвигается гипотеза конкурентных монополистических преимуществ К. Киндлебергера и С. Хаймера. В качестве исходной берется идея переноса принципов абсолютных (Смита) и относительных преимуществ в издержках Рикардо на микроэкономический уровень, где они находят свое логическое проявление в монополистических преимуществах иностранной фирмы перед местными конкурентами-товаропроизводителями. И хотя иностранные фирмы имеют ряд негативных моментов перед отечественными предпринимателями (дополнительные расходы, высокий риск, незнание рынка и местных политико-правовых норм и предписаний), однако специфические преимущества позволяют их перекомпенсировать. При помощи гипотезы монополистических преимуществ могут быть объяснены, в частности, прямые инвестиции между странами в условиях несовершенной конкуренции монополистического типа, но не олигополистические реакции конкурентов на их возникновение. Для их объяснения выдвигается гипотеза олигополистического поведения в условиях олигополистических рыночных структур. Она в состоянии объяснить перекрестное прямое инвестирование между индустриальными странами в определенных исторических условиях, в то же время неспособна ответить на вопрос, почему в рамках международного концерта отдается предпочтение прямым инвестициям, а не товарному экспорту.

Для этих целей выдвигается гипотеза транзакционных издержек, которая показывает, что в рамках международной компании путем прямых инвестиций можно существенно сократить транзакционные издержки, которые при экспорте товаров оказываются выше, а попутно преодолеть, например, и торговые ограничения целевой страны и поднять собственный имидж как у себя в стране, так и за рубежом. Однако гипотеза транзакционных издержек не отвечает на другой вопрос: какими соображениями руководствуются менеджеры при выборе страны инвестирования?

Для этого выдвигается поведенческая гипотеза, которая объясняет выбор целевой страны и формы заграничной деловой активности различными предпринимательскими мотивами, индивидуальными целями или групповыми интересами. Для каждой конкретной ситуации характерным будет определенный набор побудительных мотивов. Поэтому выбор страны инвестирования является результатом целого ряда составляющих, в том числе и случайных, которые не всегда могут быть идентифицированы. Более того, эмпирические исследования мотивов интернационализации убеждают, что предприниматели не раскрывают истинные причины прямого инвестирования в ту или иную страну.

В свою очередь, поведенческая гипотеза не объясняет сам механизм принятия решения об интернационализации. Для этого выдвигается бихевиористская гипотеза принятия решений, в соответствии с которой в процессе принятия решений из-за недостатка информации менеджеры поступают порой иррационально. Хотя решения об интернационализации успешных международных компаний и должны обладать общими характеристиками, но они не могут быть полностью эмпирически проверяемыми. Следовательно, психолого-поведенческие гипотезы интернационализации эмпирически труднопроверяемые. Кроме этого, они зависят от функциональной области решения, например производство, сбыт, маркетинг, и будут проявляться в различных стратегиях интернационализации, которые сводятся к выбору гостевой страны и оптимальной формы заграничной деловой активности из имеющихся альтернатив. В рамках решения об общей стратегии интернационализации выдвигаются частные стратегии: размещения, собственности, кооперирования с местными партнерами, которые носят индивидуальный характер и которые должны соответствовать конкретной ситуации. Поэтому оценить эффективность того или иного решения об интернационализации можно только задним числом *ex-post* и трудно предложить менеджерам эмпирически проверенную схему интернационализации. Это связано с тем, что, как отметил последователь К. Поппера немецкий социолог Х. Альберт, «не проверяемы и верны психологические субъективные условия»¹.

Таким образом, через выдвижение теоретических гипотез и их проверяемость происходит плавный переход из области теории интернационализации в область предпринимательской политики, а тем самым соединяется теория и эмпирия (практика). Поэтому всеобщая интегрированная теория описывает интернационализацию как динамичный, непрерывный процесс выбора стратегий интернационализации и их практического осуществления, в том числе и эмпирической проверяемости. По сравнению с эклектической парадигмой Даннинга всеобщая интегрированная теория имеет ряд преимуществ, ибо она соединяет экономическое обоснование интернационализации с практическими решениями менеджеров, которые носят стратегический характер и ориентированы на основание за границей структурных подразделений, их обустройство, функционирование и управление. Следовательно, *всеобщая интегрированная теория интернационализации, состоящая из логически взаимосвязанных гипотез, является несущей конструкцией предпринимательской стратегии, ориентированной на внешний рынок, включает в себя механизм ее выбора и принятия блока взаимосвязанных решений.*

¹ Albert H. Marktsoziologie und Entscheidungslogik. Tuebingen, 1967. S. 124.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ НАУКИ В КОНЦЕПЦИИ В. С. СТЁПИНА

Философско-методологическая проблематика в отечественной философской традиции, начиная с конца 1960-х гг., была своеобразным «оазисом», где можно было реально работать, преодолевая идеологический контроль. Именно здесь были достигнуты результаты, не только сопоставимые с теми, которые были получены в западной философии науки, но в последующем в ряде вопросов существенно превзошедшие их, отличаясь большей глубиной и степенью проработки.

Одной из таких проблем, которая стала активно разрабатываться в тот период, была проблема оснований науки. Эта проблема во многом была инициирована теми изменениями, которые произошли в реальной науке к этому времени. Речь идет, в частности, о революционных изменениях, которые существенно характеризовали различные области научного знания в первой половине XX в. (теория относительности, квантово-релятивистская механика в физике, становление синтетической теории эволюции, возникновение кибернетики, теории систем, а затем синергетики и т. д.).

Разработка проблематики оснований науки шла практически параллельно в западной и отечественной науке. Наиболее известными у нас концепциями динамики науки, развитыми в западной философии науки, первоначально были концепции Т. Куна и И. Лакатоса.

В их работах обнаружилось значительные сдвиги в исследовании высших форм систематизации знания, образующих глубинные структуры науки.

Центральным понятием концепции Т. Куна было понятие «парадигма». Вначале он определил ее как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решения научному сообществу»¹. Однако неопределенность понятия парадигмы, практически сразу отмеченная критиками, заставила Т. Куна выделить основные компоненты парадигмы. В качестве таковых он зафиксировал «символические обобщения» (математические формулировки законов), образцы решения конкретных задач, «метафизические части парадигмы» и

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 11.

ценности¹. При этом «метафизические части парадигмы» понимались Т. Куном по меньшей мере в двух смыслах: как философские идеи, участвующие в формировании научного знания, и как принципы конкретно-научного характера, лежащие в основании научных теорий.

Предпринятая Куном попытка дать структуру парадигмы как некоторого основания, определяющего стратегию развития знаний, получила широкое распространение, но и этот вариант его концепции вызывал множество вопросов. Само выделение компонентов парадигмы было весьма произвольным. Символические обобщения у него принадлежали к конкретным знаниям (в качестве примера таких обобщений Кун приводил уравнения колебаний маятника), и, в принципе, если включить в парадигму такого рода формулировки конкретных законов, да еще все образцы решения задач, то парадигма, по существу, сливалась с основным объемом научного знания. Но тогда невозможно различить нормальную науку и научную революцию, поскольку любое открытие нового закона (символического обобщения) будет означать изменение парадигмы². Не были выявлены Куном и связи между выделенными им компонентами парадигмы, а значит, фактически не была определена ее структура.

И все-таки если учесть, что «метафизические части парадигмы» и ценности действительно принадлежат к глубинным структурам науки, ее основаниям, то даже их предварительная фиксация стимулировала постановку новой задачи — более детального анализа оснований науки.

Понятие парадигмы по своим функциональным характеристикам созвучно понятию исследовательских программ, концепцию которых развивал И. Лакатос. Но основное понятие его концепции, как и понятие парадигмы, было многозначным. Под исследовательской программой И. Лакатос, например, понимал конкретную теорию (типа теории Зоммерфельда для атома), он говорил о декартовой и ньютоновской метафизике как двух альтернативных программах построения механики. Наконец, он писал о науке в целом как о глобальной исследовательской программе³. Следует отметить, что в этой многозначности и неопределенности исходного термина одновременно была скрыта проблема выявления иерархии исследовательских программ науки.

Многозначность терминов «парадигма», «исследовательская программа», непроясненность их структуры и уровней, а также необходимость выявления влияния социокультурных факторов на стратегии научного исследования, изучение механизмов формирования теорий и эмпирических фактов с учетом процессов дифференциации и интеграции научных знаний ставили перед исследователями задачу обнаружения и более детального анализа особых форм систематизации знаний, обеспечивающих синтез различных теорий и фактов и их включение в культуру соответствующей эпохи.

В отечественной философской традиции определяющие результаты в разработке этих проблем были получены В. С. Стёпиным. В структуре оснований науки он выделил три

¹ Кун Т. Структура научных революций. С. 220–259.

² Критический анализ концепции Т. Куна осуществлялся как в западной, так и в отечественной литературе. В. С. Стёпин первым в отечественной философии обратил внимание на противоречие между обозначенными Куном компонентами структуры парадигмы и в целом его концепцией науки, в которой этапы нормальной науки и научной революции сменяли друг друга. Выявление этого противоречия послужило шагом к селекции предложенных Куном компонентов парадигмы, измерение которых могло стать своего рода индикатором революционных преобразований в любой науке.

³ *Lacatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, 1970. P. 127–128; 132–133.*

основных компонента, которые были органично связаны между собой. Это — научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования и философские основания науки.

Понятие научной картины мира в отечественной философии стало использоваться при обсуждении проблемы влияния философских идей на научное знание. В качестве своеобразного посредника между философией и научными теориями и стала рассматриваться научная картина мира (М. В. Мостепаненко). Но тогда же возникли и другие вопросы, а именно: как соотносятся научная картина мира, теория и опыт, по каким признакам различаются теория и научная картина мира, каковы функции научной картины мира в исследовательском процессе. Ряд этих вопросов был поставлен в работах П. С. Дышлевого, но некоторое время они не находили непротиворечивого объяснения.

Новый подход был предложен в работах В. С. Стёпина. В частности, при рассмотрении проблемы соотношения научной картины мира и теории им было показано, что различным слоям эмпирического и теоретического языка соответствуют различные типы идеальных объектов, которые, образуя сложную иерархию, предстают как системно организованные. В этой иерархии первоначально были выделены фундаментальная и частная теоретические схемы, относительно которых формулируются теоретические законы и которые включаются в состав теории (характеристика внутренней структуры теоретического уровня знания), а также эмпирические схемы, непосредственно опирающиеся на «приборные ситуации» реального эксперимента и наблюдения (характеристика внутренней структуры эмпирического уровня).

Впоследствии анализ взаимосвязи теоретических, эмпирических схем и ситуаций реального опыта, а также исследование процедур их формирования привел к вычленению внутри теоретического уровня особой подсистемы идеальных объектов, которые в своих связях вводили обобщенный образ предмета исследования соответствующей науки. Такого рода подсистема идеальных объектов представляет собой дисциплинарную онтологию — специальную научную картину мира, или, как предложил ее также называть В. С. Стёпин, картину исследуемой реальности¹. Анализ ее структуры позволил по-новому сформулировать проблему соотношения научной картины мира с теорией.

Теперь вопрос был конкретизирован и состоял в исследовании различий и связей между научной картиной мира и ядром теории — теоретическими схемами. В. С. Стёпин предложил различать их по двум основным признакам: во-первых, по языковым средствам (характеру идеальных объектов), которые использовались для описания одной и той же реальности, и, во-вторых, по широте охвата и характеру обобщения изучаемых явлений.

Абстрактные объекты теоретической схемы и конструкты картины мира рассматривались как разные типы идеальных объектов. Если относительно первых формулировались законы (фундаментальные, типа закона Ньютона, и частные, типа законов малых механических колебаний), то относительно вторых формулировались принципы (например, принцип дальнего действия, или принцип неделимости атомов — в механической картине мира)².

Различение абстрактных объектов теоретических схем и конструктов картины мира позволяло поставить новую задачу — рассмотреть механизмы их связи. Эта связь осуществ-

¹ Отметим здесь, что когда Т. Кун рассматривал «метафизические части парадигмы» как принципы конкретно-научного характера, то речь, по существу, у него шла о системе онтологических постулатов, конституирующих научную картину мира.

² Стёпин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. С. 64.

влялась за счет отображения теоретических схем на научную картину мира. Было показано, что на одну и ту же картину мира может отображаться несколько теоретических схем (например, на механическую картину мира отображались фундаментальные теоретические схемы механики, термодинамики, электродинамики Ампера — Вебера). А поэтому картина мира характеризуется большей шириной охвата изучаемых явлений, чем любая отдельно взятая теория¹.

Связь научной картины мира с теорией и опытом выявляла ее место в структуре научного знания и вводила представление о целостной системе знания научной дисциплины. Специальная картина мира стала рассматриваться особым системообразующим звеном в многообразии теоретических и эмпирических знаний, которые представляли ту или иную дисциплину (отрасль науки).

Первоначально роль картины мира в динамике науки была сосредоточена на процессах эмпирического и теоретического поиска, осуществляемого в рамках отдельных научных дисциплин. На этом этапе в центре исследовательского интереса оказались специальные научные картины мира (дисциплинарные онтологии) и их функционирование в качестве исследовательских программ². В. С. Стёпиным были зафиксированы две ситуации, выявляющие особенности такого функционирования. Первая из них характеризовала состояние науки, когда в ней обнаруживались явления, для которых еще не было создано объясняющих конкретных теорий и когда объяснение и предсказание эмпирических фактов осуществлялось на основе сложившейся картины исследуемой реальности. Вторая характеризовалась построением теоретических схем и формулировкой теоретических законов, объясняющих накопленные эмпирические факты. Обе ситуации позволяли выявить эвристические функции научной картины мира в исследовательском процессе. Именно здесь она выступала как программа, целенаправляющая формирование эмпирических фактов и построение конкретных научных теорий.

Целенаправляющая функция научной картины мира в исследовательском поиске была проанализирована в работах В. С. Стёпина на уровне конкретных механизмов формирования теории и опытных фактов. Было показано, что в эмпирическом исследовании, когда еще не построены теоретические модели, объясняющие наблюдаемые явления, научная картина мира задает общую программу исследовательской деятельности и ориентирует исследователя на выбор исходных абстрактных объектов и их структур, которые транслируются из различных областей знания и за счет соединения которых создаются первые гипотетические варианты теоретических схем. После эмпирического обоснования теоретических схем (включающего конструктивное введение абстрактных

¹ Стёпин В. С. Становление научной теории. С. 66—67.

² Если использовать результаты, полученные в отечественной методологии науки, то идеи Лакатоса конкретизируются за счет выделения уровней исследовательских программ. Речь идет о том, что в качестве исследовательских программ могут выступать научные теории, целенаправляющие решение конкретных задач и эмпирических исследований; фундаментальная научная теория также выступает как исследовательская программа, целенаправляющая построение частных и прикладных теорий; научная картина мира выступает исследовательской программой и по отношению к фундаментальным, и по отношению к частным теориям, и к эмпирическим исследованиям, генерируя любую из этих форм знания; философские основания и идеалы и нормы науки выступают как исследовательская программа по отношению к научной картине мира и связанным с нею конкретным теориям и эмпирическим знаниям; наконец, принципы научной рациональности и мировоззренческие структуры, опосредующие включение научных знаний в культуру, могут быть рассмотрены в качестве предельно общей исследовательской программы, которая целенаправляет развитие знаний о мире.

объектов¹) указанные схемы перестраиваются и затем вновь отображаются на картину мира. Таким путем новое содержание, полученное в процессе конструктивного обоснования теоретических схем, включается в картину мира, что приводит к ее развитию².

Постоянная обратная связь между картиной мира, теоретическими схемами и опытом обеспечивает функционирование научной картины мира как формы систематизации и обобщения знаний, накопленных на каждом этапе развития некоторой научной дисциплины. Систематизирующая функция научной картины мира оказалась тесно связанной с ее функционированием как исследовательской программы.

Дальнейший анализ показал, что систематизирующая функция предполагает объективизацию эмпирического и теоретического материала, накапливаемого в каждой отрасли науки, что позволяет включать этот материал в культуру соответствующей исторической эпохи. Таким образом были выявлены связи между тремя основными функциями научной картины мира: эвристической (функционированием научной картины мира как исследовательской программы), систематизирующей и функцией объективизации знаний и их включения в культуру.

В работах В. С. Стёпина показано, что картина мира, задающая схему *предмета* исследования в его основных системных характеристиках, вводилась коррелятивно определенной схеме *метода исследовательской деятельности*, обеспечивающей исследование объектов определенной системной организации. Эта схема метода представлена идеалами и нормами исследования (второй блок оснований науки). В их структуре он выделяет три основные группы: 1) идеалы и нормы объяснения и описания; 2) идеалы и нормы доказательности и обоснования знания; 3) идеалы строения (организации) знаний. В его концепции идеалы и нормы предстают не как ставшие и неизменные, а как развивающиеся. Они меняются от эпохи к эпохе, но вместе с тем в них обнаруживаются не только общие, но и особенные характеристики. И если общие черты характеризуют специфику научной рациональности, то особенные черты выражают ее исторические типы и их конкретные дисциплинарные разновидности³.

В содержании идеалов и норм науки (объяснения и описания, доказательности, обоснования и организации знания) В. С. Стёпин выделяет три взаимосвязанных уровня. Первый из них связан с вычленением признаков, позволяющих отличить науку от других форм познания (религии, искусства, обыденного познания и др.). Второй уровень пред-

¹ На этот аспект концепции В. С. Стёпина особое внимание обратил известный американский философ Т. Рокмор. Он относит концепцию В. С. Стёпина к эпистемологическому конструктивизму. Но в отличие от исторического характера эпистемологического конструктивизма, типичного, как он говорит, для западной философии науки (за редким исключением — П. Фейерабенд, И. Лакатос), Т. Рокмор подчеркивает исторический характер концепции конструирования В. С. Стёпина и отмечает, что она заслуживает особого интереса. См. подр.: Рокмор Т. Постнеклассическая концепция науки В. С. Стёпина и эпистемологический конструктивизм // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004. С. 248–260. Отмечу также, что немецкий философ Х. Ленк в выступлении по поводу присвоения В. С. Стёпину титула почетного доктора философии университета г. Карлсруэ, выделяя восемь центральных пунктов и новых результатов, полученных В. С. Стёпиным, в качестве одного из основных называет «конструктивность научного познания». / Х. Lenk. Laudatio zur Ehrenpromotion von Prof. Dr.Dr.Dres. h. c. Vjatcheslav S. Stiopin durch die Fakultät für Geistes- und Sozialwissenschaften der Universität (TH) Karlsruhe // Jahrbuch des Deutsch-Russischen Kollegs. 1999 — 2000. Verl. IF RAS. M., 2000.

² Стёпин В. С. Становление научной теории. С. 100–118.

³ См. подр.: Стёпин В. С. Идеалы и нормы научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 18–21; См. также : Он же. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008. С. 192.

ставлен познавательными установками, доминирующими на исторически определенном этапе развития науки (например, в Средневековье, в Новое время или в современной науке). Третий уровень характеризуется тем, что установки второго уровня конкретизируются применительно к специфике предметной области конкретной научной дисциплины¹.

Выделенные В. С. Стёпиным идеалы и нормы науки имеют двоякую детерминацию. С одной стороны, они детерминируются особенностями объектов, которые осваиваются на каждом историческом этапе ее развития. Этот аспект детерминации идеалов и норм исследования наиболее отчетливо обнаруживается при переходе к изучению наукой объектов нового типа системной организации. С другой стороны, они выражают образ познавательной деятельности, складывающийся в культуре под влиянием практики и обслуживающих ее типов духовного производства. Этот аспект детерминации идеалов и норм науки прослеживается при изменении их исторических типов².

Идеалы и нормы науки представлены В. С. Стёпиным как целостная, сложноорганизованная, развивающаяся система, что дало ему основание, вслед за А. Эддингтоном, рассмотреть эту систему как «сетку метода», которую наука «забрасывает в мир», чтобы вычленил определенные типы объектов для своего изучения. И учитывая, что идеалы и нормы науки изменяются, соответственно, открываются возможности познания новых типов объектов³.

В работах В. С. Стёпина показано, что научные картины мира (схема предмета исследования) и идеалы и нормы науки (схема метода) и в период их функционирования, и в период их перестройки должны быть скоррелированы с доминирующим мировоззрением конкретной эпохи, с категориями ее культуры. Такая корреляция обеспечивается философскими основаниями науки (третий блок оснований науки). Вводя представление о философских основаниях науки, В. С. Стёпин показывает нетождественность всего массива философии и философских оснований науки. В состав последних, наряду с обосновывающими постулатами, включаются идеи и принципы, которые обеспечивают эвристику научного поиска. Философские основания науки, как и два других компонента оснований науки, сложноорганизованы. В. С. Стёпин выделяет в них две подсистемы: онтологическую, которая представлена категориями «вещь», «причинность», «необходимость» и т. п., и гносеологическую, представленную категориями истины, факта, теории и т. д. Первая подсистема служит основанием понимания и познания исследуемых объектов, а вторая характеризует процедуры познания и их результат. Обе подсистемы в зависимости от осваиваемых наукой типов объектов и от эволюции нормативных структур, обеспечивающих освоение таких объектов, исторически развиваются⁴.

Таким образом, все три компонента оснований науки представлены в концепции В. С. Стёпина как сложноорганизованные, исторически развивающиеся, взаимосвязанные между собой. Они являются тем звеном, которое принадлежит и к внутренней структуре науки, и к ее инфраструктуре, обеспечивающей включение эмпирических и теоретических знаний в культуру, их состыковку с мировоззренческими установками соответствующей эпохи, ее ценностными приоритетами⁵.

Концепция оснований науки в своих основных чертах была предложена В. С. Стёпиным в годы работы в Белорусском госуниверситете. В последующем она была дополнена и послужила основанием для разработки концепции типов научной рациональности.

¹ Стёпин В. С. Философия науки... С. 192–194.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 204–206.

⁵ Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 134.

Рассматривая динамику научного знания, еще в 1980-х гг. В. С. Стёпин выделил три этапа в развитии науки — классический, неклассический и так называемый этап науки НТР-овского типа. В дальнейшем для обозначения последнего было применено понятие «постнеклассическая наука». Эти идеи содержали внутреннюю эвристику, но в то время они еще не получили широкого распространения и только спустя более четверти века обнаружили свою востребованность. Подобная ситуация в явном виде продемонстрировала, что в философии зачастую нарабатываются идеи, которые опережают свое время и могут быть восприняты не той культурой, в которой они созданы, а культурой будущего. В настоящее время развитые В. С. Стёпиным идеи широко известны в научном сообществе, сейчас они стали своего рода «классикой» и вошли в учебную и учебно-методическую литературу. Но, как это часто бывает, при использовании идей исследователи вычлениают те фрагменты, которые вписываются в контекст их собственной работы, что иногда приводит к неточному воспроизведению развитых автором идей, а иногда вообще к их искажению.

Может быть, поэтому В. С. Стёпин, развивая свою концепцию, специально акцентировал внимание на выделении четких критериев различения этих этапов и соответствующих типов научной рациональности, а также обосновал системную связь критериев постнеклассики, отличающих ее от других типов рациональности¹.

Опираясь на структуру оснований науки, выявленных в рамках деятельностного подхода, он выделил три основных критерия типов научной рациональности². Такими критериями, с его точки зрения, выступают: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки³.

По этим критериям им была дана содержательная характеристика каждого из типов научной рациональности. Было показано, что на этапе классической науки основными объектами исследования являются простые системы, для понимания которых необходима особая категориальная матрица (особое понимание части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени). Для описания простых систем в качестве философских оснований науки были использованы идеи философии механицизма. В эту эпоху в качестве простой механической системы рассматривались не только физические, но и биологические, а также социальные объекты. Что касается операций и средств познавательной деятельности, то на этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должно было включать только характеристики объекта, а отказ от этих норм воспринимался как отказ от идеала объективности знания.

По этим же критериям была дана характеристика неклассического типа научной рациональности. В отличие от классики объектами исследования в неклассической науке становятся сложные саморегулирующиеся системы. Такие системы предполагают наличие в них особого центра управления, прямые и обратные связи между ним и подсистемами. Категориальная матрица этих систем остается вроде бы прежней (часть и целое, вещь и процесс, причинность, пространство и время, однако содержательное наполнение становится иным. Целое не сводится к свойствам частей; сложные системы обретают процессуальный статус, обладают саморегуляцией и воспроизводятся в результате

¹ Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика. СПб., 2009. С. 249.

² Там же.

³ Там же. С. 250.

взаимодействия их со средой; причинность не сводится к лапласовской, а дополняется «вероятностной» и «целевой» и т. д.). Новый тип исследуемых объектов предполагал и новую интерпретацию идеалов и норм науки. При описании таких объектов стали использоваться ссылки на особенности средств и операций познавательной деятельности. Эпистемологической основой идеалов и норм неклассической науки было представление о деятельностной природе познания.

В работах В. С. Стёпина было показано, что по мере развития науки она вовлекает в сферу своего исследования новые типы объектов, и на этапе постнеклассики такими объектами стали саморазвивающиеся системы. Им присуща иерархия уровневой организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. Категориальная матрица саморазвивающихся систем, которая выполняла продуктивную роль на предшествующей стадии, претерпевала новые изменения (недостаточно было уже наличия системного качества, оно дополнялось идеей изменения видов системной целостности, появляются различные смыслы процессуальности — она проявляется и как саморегуляция, и как саморазвитие, целевая причинность дополняется идеей направленности развития и т. д.).

Особенности исследования сложных саморазвивающихся систем привели к трансформации идеалов и норм науки. Возникали особые способы описания развивающихся систем, связанные с определением возможных сценариев их развития в точках бифуркации. С идеалом строения теории как аксиоматически-дедуктивной системы стали конкурировать теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации и т. д. В естественстве начинается все шире внедряться идеал исторической реконструкции, которая выступает особым типом теоретического знания.

Особое внимание В. С. Стёпин обращает на то, что среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают такие, в которые в качестве компонента включен сам человек. Это так называемые «человекомерные объекты», при изучении которых непосредственно затрагиваются гуманистические ценности. Соответственно идеал ценностно-нейтрального исследования трансформируется, и аксиологические факторы начинают включаться в состав объясняющих положений. Внутренняя этика науки начинает коррелировать с общегуманистическими принципами, а этическая экспертиза научных проектов в качестве компонента включается в идеал обоснования научных знаний. Что касается эпистемологического основания изменения идеалов и норм науки, то им является понимание научного познания как особого компонента культуры, детерминированного ее базисными ценностями¹.

В. С. Стёпин специально подчеркивает, что каждый новый тип научной рациональности, возникая, не приводит к исчезновению предшествующих, а лишь ограничивает область их функционирования, поэтому научная рациональность на современной стадии гетерогенна и характеризуется достаточно сложными взаимодействиями между различными историческими типами рациональности.

Для того чтобы разработать такую концепцию, необходимо было рассмотреть науку как развивающуюся систему. Отличительной особенностью его концепции является то, что она (концепция) сама является развивающейся. На протяжении довольно длительного времени он вносил в нее уточнения, дополнения, и на каждом этапе она становилась совершеннее.

¹ См. подр.: *Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика... С. 249–295; Он же. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы. М., 2012. С. 7–20.*

В эволюции его концепции можно выделить несколько пластов исследования. Первый из них связан с рассмотрением *структуры научного познания* и соответственно с вычленением *основных компонентов оснований науки*. Здесь можно выделить по меньшей мере несколько аспектов: рассмотрение внутренней структуры научной дисциплины, что привело к детальному анализу специальной научной картины мира и ее функций в эмпирическом и теоретическом исследовании; уточнение типологии научных картин мира и рассмотрение ее как компонента, относящегося не только к внутренней структуре науки, но и к ее инфраструктуре, и соответственно расширение ее функций в исследовательском процессе; а также рассмотрение научного знания в социокультурном контексте, выделение и структурирование идеалов и норм науки и философских оснований науки.

Данный подход дал возможность показать, что, во-первых, основания науки выступают в качестве ее глубинных структур, позволяющих выявить механизмы социокультурной детерминации научного познания, а во-вторых, более детально проанализировать механизмы взаимодействия наук и типологизировать научные революции. Наряду с обозначенными Т. Куном механизмами изменения парадигм под влиянием аномалий и кризисов, возникающих внутри научной дисциплины, В. С. Стёпин детально проанализировал другую ситуацию, связанную с изменением дисциплинарных парадигм в результате взаимодействия наук. Это — механизмы изменения оснований науки за счет парадигмальных прививок. В этом случае революции могли произойти в тех науках, где не было аномалий и кризисов, но перенос парадигмальных идей из одной науки в другую приводил к революционным изменениям в них. Примером тому могут служить изменения, произошедшие в биологии, социальных науках под влиянием кибернетики. В работах В. С. Стёпина для обоснования этих идей были осуществлены теоретические реконструкции нового понимания биологической эволюции (на примере работ И. Шмальгаузена), а также представлений о социальных процессах как саморегулирующихся системах (Т. Парсонс) и др.¹. В современной науке к этому типу относятся те изменения, которые возникают под влиянием идей синергетики.

Второй пласт исследований связан с рассмотрением *динамики науки*, выделением *типов научной рациональности* и рассмотрением основных компонентов оснований науки в качестве объективных критериев выделения типов научной рациональности.

Развитая В. С. Стёпиным концепция является работающей, выступая методологической основой анализа обширного материала различных областей знания. Первоначально его идеи, апробированные на материале истории физики, были использованы при анализе истории астрономии, истории биологии, истории технических наук, а в последние годы при исследовании закономерностей развития социально-гуманитарных наук, психологии, медицины.

Важно отметить, что концепция В. С. Стёпина является успешной не только при обращении к *истории* различных наук и проведении здесь теоретических реконструкций. Она обладает достаточно мощным эвристическим потенциалом при определении *тенденций развития* современного научного знания, с учетом процессов дифференциации и интеграции научного знания, в том числе и интенсивного развития так называемых NBICS (нано-био-информационных, когнитивных и социальных технологий), выявления места и роли науки в современном обществе с учетом процессов глобализации и диалога культур.

¹ См. подр.: Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 601–610; см. также : *Он же*. История и философия науки. М., 2011. С. 344–348.

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ СХЕМЫ КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

По оценкам специалистов, окружающая нас среда (физическая и социальная реальность) состоит из нескольких миллионов самых разнообразных (одушевленных и неодушевленных) предметов. Причем все это необозримое множество реальных материального мира стремительно увеличивается за счет ежедневно создаваемых человеком все новых и новых артефактов. Известный французский философ Ж. Бодрийяр по этому поводу заметил следующее: «В нашей городской цивилизации все быстрее сменяют друг друга новые поколения продуктов, приборов, «гаджетов», в сравнении с которыми человек выступает как вид чрезвычайно устойчивый. ...бытовые вещи (о машинах здесь речи нет) стремительно размножаются, потребностей становится все больше, процесс производства заставляет вещи рождаться и умирать все быстрее, в языке не хватает слов, чтобы их именовать»¹. Если дополнить этот поистине неисчерпаемый материальный мир не менее разнообразным по своему составу миром абстрактных понятий, духовных явлений, процессов и иных репрезентантов нематериальной культуры, можно уверенно утверждать, что весьма злободневной проблемой, которую каждому из нас приходится решать ежедневно, является проблема классификации или упорядочения бесчисленного множества окружающих нас предметов, понятий и т. п. явлений в целях удобства пользования ими. Причем объем этого множества стремительно увеличивается: «в 2003 г. человечество получило информацию, равную 500 тыс. библиотек конгресса США»². Именно указанной причиной обусловлено то, что как в науке, так и в быденной жизни разнообразные «методы классификации, группировки и систематизации приобретают все большее значение»³. В частности, австрийский философ К. Беккер считает, что «классификация играет решающую

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей: пер. с фр. М., 1995. С. 3.

² Афанасьев М. В., Мясникова Л. А. Время глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10. С. 16.

³ Щапова Ю. Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М., 2000. С. 25.

роль в восприятии, мышлении и языке и является важным фактором жизнедеятельности как таковой»¹.

Однако путь от еще нерасчлененной социальной реальности к ее упорядоченному использованию с опорой на научные методы классификации является долгим и включает целый ряд промежуточных этапов: а) этап абстрагирования от социальной реальности (в процессе ее идеализации); б) этап формирования «рабочих» классификационных схем социальной реальности в виде гипотез; в) этап апробации этих схем на практике; г) этап теоретического обоснования (теоретизации) «рабочих» схем и получения последними статуса совокупности научных понятий, тенденций, дисциплин, проблем и т. п. теоретических конструктов.

Впервые механизм формирования научной схемы был раскрыт белорусским философом В. С. Стёпиным на материале теоретических знаний физики: «схемы создаются вначале как гипотезы, а затем обосновываются опытом. Построение теоретических схем в качестве гипотез осуществляется путем перенесения абстрактных объектов из других областей теоретического знания и соединения этих объектов в новой «сетке отношений»². Более того, в процессе построения из таких заимствованных абстрактных объектов (понятий, схем, моделей и т. п.) и отношений между ними теории соответствующего фрагмента физической реальности В. С. Стёпин выделил два основных типа теоретических схем (фундаментальные и частные схемы): «Развертывание теории всегда представляет собой создание на базе фундаментальных признаков и отношений абстрактных объектов теоретической схемы новых абстрактных объектов, признаки и корреляции которых фиксируются в системе соответствующих высказываний. Тогда можно представить, что в сети взаимосвязанных теоретических конструктов, образующих содержание теории, выделена основная подсистема (фундаментальная теоретическая схема), остальные же конструкты формируются вокруг нее по мере развертывания теории. Однако более детальный анализ показывает, что такое представление о содержательной структуре теории нуждается в дальнейшем уточнении и конкретизации. “Дочерние” (по отношению к фундаментальным) теоретические конструкты тоже организованы в особые подсистемы, как и конструкты, образующие фундаментальную теоретическую схему. Такие подсистемы могут быть независимы друг от друга и подчинены только фундаментальной теоретической схеме. Каждая такая подсистема характеризуется своей относительно выделенной в теории совокупностью высказываний и понятий, образующих особый раздел теории»³.

Представленная выше логически стройная иерархия теоретических схем (фундаментальных и частных), позволившая В. С. Стёпину всесторонне раскрыть структуру современной физической теории, является только конечным результатом, научной вершиной того длительного и сложного процесса систематизации социальной реальности, который довелось реализовать человечеству за многие тысячелетия своего существования. Знакомство с историей классификационной проблемы показывает, что выработке собственно научных, теоретических схем предшествовало выделение разнообразных схем практического характера: «В “хороших”, устойчивых классификациях аккумулирован огромный исторический опыт человечества. В этом опыте в первую очередь отразились тысячелетние успехи и неудачи производственной деятельности, которые отложились в так называ-

¹ Беккер К. Словарь тактической реальности: культурная интеллигенция и социальный контроль / пер. с англ. М., 2004. С. 124.

² Стёпин В. С. Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики). Минск, 1976. С. 301.

³ Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 124–125.

емых “народных” классификациях растений, животных, почв, минералов, рельефа и т. п. В них запечатлелся опыт педагогической деятельности, а до нее — механизмов передачи опыта, которые обусловили классификационную структуру первых систем знания, сложившихся стихийно именно в процессе передачи опыта. Религия, мифология, социальное устройство жизни людей, несомненно, внесли огромный вклад в классификационное мировосприятие современного человека. Классификация — синоним цивилизации!»¹

Обозревая пройденный человечеством многотысячелетний путь познания социальной реальности и постепенного совершенствования методов ее классификации (от простейших схем практического характера до собственно научных, теоретических схем), нельзя не прийти к выводу о беспредельности человеческого познания. А также к пониманию того, что новые социальные явления, процессы и проблемы, которые непрерывно порождаются окружающей нас социальной реальностью, с необходимостью потребуют для своей систематизации создания новых типов классификационных схем. Актуальность задачи формирования последних лишней раз подчеркивается явно недостаточной разработанностью учения о классификации: «Расхождения в употреблении термина “классификация” в науке столь велики, что это дает основание говорить об отсутствии сколь угодно строгих и точных критериев, позволяющих отличать классификации от того, что ими не является... Если же попытаться отбросить все сомнительные случаи употребления термина “классификация”, когда у кого-то возникают возражения или даже просто сомнения в правомерности его употребления, то и в этом случае реальный набор явлений, стабильно именуемых классификациями, будет чрезвычайно широк и разнообразен, что создает большие сложности для некоторого единообразного описания классификации. Даже по форме выражения это будут очень разные явления, начиная со всевозможных таблиц и графических схем и кончая слитными кусками текста очень разного объема: от одного небольшого высказывания до многотомных изданий»².

Кстати, опора на текстовые формы выражения классификационных схем позволила белорусскому исследователю Б. А. Плотникову выделить такие весьма отличающиеся типы схем, как: 1) «глубинные» и «поверхностные» схемы; 2) по масштабу изображаемого — общие (схематический рисунок) и детализированные (астрономическая или географическая карта) схемы; 3) пространственные и временные схемы; 4) красивые (более верные и правильные) и некрасивые (менее точные) схемы; 5) предварительные, временные (рукописный план будущего текста) и постоянные, многократно используемые (оглавление опубликованного текста) схемы; 6) динамичные, функционирующие и статичные, неподвижные схемы; 7) графические, эксплицитные и имплицитные схемы³; 8) «схемы допускают также свою дифференциацию по соответствующим видам письменных текстов, где они используются, или по дисциплинам, к которым относятся и данные тексты, и встречающиеся в них схемы. Различия между такими схемами могут заключаться как в их конфигурациях (например, электрические схемы тех или иных приборов не совпадают со схемами движения транспорта), так и в используемых на них словах, значения которых связываются с понятиями, типичными для каждой конкретной отрасли знаний»⁴.

На наш взгляд, в зависимости от статуса ключевого теоретического конструкта (понятие, процесс, предметная область или проблема), который кладется в основу той или

¹ Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 215.

² Там же. С. 17.

³ Плотников Б. А. Семиотика текста: Параграфемика: учеб. пособие. Минск, 1992. С. 89–102.

⁴ Там же. С. 103.

иной классификационной схемы, сегодня можно выделить также следующие типы классификационных схем:

- понятийные;
- процессуальные;
- дисциплинарные;
- проблемные.

Причем каждый из перечисленных выше типов классификационных схем имеет специфические текстовые способы экспликации, что и будет показано ниже.

Понятийные классификационные схемы

Поскольку первоначальной формой развития науки была система научных знаний, которая стихийно складывалась в течение нескольких тысячелетий в результате обобщения отдельных видов практической деятельности людей, то вполне естественным выглядит тот факт, что первыми из перечисленных выше типов схем были выделены понятийные классификационные схемы, которые в максимальной степени коррелируют с исторически сложившейся системой научных знаний. Именно данный тип схем располагает в настоящее время и наиболее широким набором текстовых способов своей экспликации.

Так, первые понятийные классификации (в виде идеографических и тематических словарей, т. е. словарей идей и тем) были созданы еще в древности: «Уже во II в. н. э. был создан идеографический словарь “Ономастикон” Ю. Поллукса, впервые опубликованный в 1502 г. в Венеции. В 1798 г. в Риме издается созданный на рубеже II–III вв. замечательный санскритский словарь “Амаракоша”, что в переводе на русский язык означает ‘сокровищница Амара’. Данный словарь содержит более 10000 слов, объединенных по темам и записанных в форме стихов. Эти и ряд последующих тематических словарей были во многом несовершенными в логическом отношении классификациями слов. Однако именно они подготовили почву для издания в 1852 г. первого по-научному обоснованного идеографического словаря П. М. Роже под названием “Тезаурус английских слов и выражений”»¹. Представленные в названных выше идеографических и тематических словарях понятийные классификации отражают обычный прагматический опыт систематизации социальной реальности. К концу XIX в. научное познание социальной реальности развилось до такой степени детализации, что потребовалось создание понятийных классификаций более высокого (научного) уровня абстрагирования.

Как справедливо заметил по этому поводу профессор Иерусалимского университета А. Соломоник, выражаемые словами «понятия имеют тенденцию вступать в ряды и иерархии от менее отвлеченных к более абстрактным. На этом пути обычный прагматический опыт очень скоро теряет свою силу. Чтобы строить такие ряды, человечество нуждается в формальной логике и науке. Лишь пользуясь научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами»². Выявляемые в рамках различных наук ключевые абстрактные понятия (концепты) со временем стали объединять в рамках всевозможных концептосфер, научных картин мира, дисциплинарных концептологий и т. п. классификаций концептов. Структуру взаимоотношений между указанными типами понятийных классификаций российский философ языка М. Я. Блох представляет следующим образом: «Концепты, как известно, объединяются в концептосферы, т. е. в ассоциативные множества концептов, относящихся к определенным участкам мира, отраженным

¹ Шербин В. К. Вселенная в алфавитном порядке: Словари – вчера, сегодня, завтра. Минск, 1987. С. 66.

² Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. 2-е изд. Минск, 2002. С. 227.

сознанием... Значит, картину мира в этом смысле можно определить как совокупность концептосфер»¹. Свои принципы группировки концептов существуют и в рамках различных дисциплинарных концептологий². В наиболее полном виде существующие в настоящее время понятийные классификационные схемы социальной реальности отражены в разнотипных понятийных и информационно-поисковых тезаурусах³, словарях концептов и ключевых слов⁴, предметных указателях, индексах терминов и др.

К сожалению, практика отечественного книгоиздания показывает, что использование понятийных классификационных схем еще не стало неотъемлемым компонентом каждого печатного издания на постсоветском пространстве. У нас порой даже многотомные энциклопедические издания⁵ не имеют при себе указателей и индексов, в то время как в издательской практике развитых стран мира книга без указателя обычно считается «белой вороной»⁶. Более того, польский исследователь М. Ванькович назвал показателем преступления в культуре перечень книг, главным образом исторических и мемуарных, изданных без указателей⁷. Исправить весьма несовершенную практику отечественного книгоиздания можно будет только в том случае, если каждый вновь создаваемый линейный текст будет в обязательном порядке сопровождаться соответствующим нелинейным текстом (указателем, индексом, «поясняющим» словарем и т. п.).

Процессуальные классификационные схемы

По нашим наблюдениям, процессуальные классификационные схемы сегодня используются для систематизации тех социальных процессов и явлений, которые имеют временную протяженность в прошлом, настоящем и будущем. В частности, к числу схем данного типа можно отнести разнообразные перечни тенденций, микро-, макро- и мегатенденций, трендов, направлений, мегатрендов и т. п. когнитивных структур, которые используются обычно при составлении прогнозов. В современной справочной литературе насчитывается до двухсот методов прогнозирования, многие из которых разработаны еще в 1960-е гг.⁸ При этом особой популярностью у отечественных и зарубежных исследователей будущего пользуется подход, направленный на выявление и экстраполяцию тенденций. Американский футуролог Г. Т. Молитор считает, что «исследование тенденций развития – не единственный способ прогнозирования будущего, однако именно оно вызывает наибольшее доверие»⁹. Гносеологические истоки такого доверия к результатам изучения всевозможных тенденций по-разному раскрываются в работах отечественных и зарубежных исследователей.

¹ Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель. XXI век. 2007. № 1. С. 101.

² Шербин В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития // Социология. 2011. № 2. С. 18–42.

³ См., напр.: Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тошенко. М., 2009.

⁴ См., напр.: Swedberg R. The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts. Stanford, 2005; Roberts K. Key Concepts in Sociology. Houndmills; New York, 2009 и др.

⁵ См., напр.: Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Мінск, 1996–2004; Республика Беларусь. Энциклопедия : в 7 т. Мінск, 2005–2008 и др.

⁶ Призмент Э. Л. Вспомогательные, но необходимые: об указателях к содержанию новых книг // Книжное дело. 1995. № 1. С. 59.

⁷ Цит. по: Книгі ці кружэлкі // Наша Нива. 1996. 17 чэрв. С. 16.

⁸ Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 122.

⁹ Молитор Г. Т. Новое тысячелетие: тренды и прогнозы : пер. с англ. // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. М., 2000. С. 373.

К примеру, белорусский социолог Л. Г. Новикова считает наиболее сильной стороной выявляемых тенденций отражение в них «тех социальных моментов, которые еще пребывают в становлении, представляют собой ростки будущего. Опираясь на выявленные социальные тенденции, исследователь может смоделировать ожидаемые явления и процессы — то, что существует сегодня в латентном состоянии или проявляется в виде отдельных симптомов, представить в закономерных, развившихся формах, показать их как актуальные и требующие общественного внимания»¹. В свою очередь, американский футуролог Дж. Нейсбит обосновывает необходимость выявления и использования описываемых им мегатрендов следующим образом: «В мире, где события и идеи анализируются до полного омертвления, где сложность растет гигантскими шагами, где информационный шум так громок, что его приходится перекрикивать, если мы хотим друг друга услышать, нам очень не хватает структуры. С помощью простой схемы (краткого перечня мегатрендов. — *В.Ш.*) мы можем начать понимать в мире смысл»². Именно бесспорными достоинствами указанных выше процессуальных классификационных схем (мегатрендов, тенденций и др.) обусловлено то, что сегодня их выявлением, описанием и использованием занимаются не только ученые, представители государственных органов управления, журналисты, сотрудники аналитических и консалтинговых центров, но и специальные отделы по отслеживанию тенденций, созданные в ряде крупнейших производственных компаний мира (*Coca-Cola* и др.)³.

В настоящее время наиболее распространенными текстовыми способами экспликации процессуальных классификационных схем выступают печатные издания разных жанров: научные статьи, монографии, справочные издания. В частности, содержание ряда научных статей целиком посвящено детальному описанию таких разновидностей процессуальных классификационных схем, как тенденция к демократизации⁴, тенденция «перетекания» властных полномочий от государств к наднациональным и транснациональным структурам⁵ и др. Именно жанр монографии позволяет эксплицировать особенности целого ряда процессуальных классификационных схем, объединяемых рамками той или иной предметной области: тенденции развития психологической науки⁶, мегатренды мирового развития⁷, тенденции глобализации⁸ и др. Наконец, подробные описания основных процессуальных классификационных схем, характеризующих ту или иную предметную область, сегодня можно найти и в справочной литературе: тенденции развития рынка сельскохозяйственных продуктов⁹, *BISS Trends*¹⁰ и др.

¹ *Новикова Л. Г.* Социология как судьба: избранное. Воспоминания коллег / отв. ред. А. Н. Данилов. Минск, 2012. С. 74.

² *Нейсбит Дж.* Мегатренды : пер. с англ. М., 2003. С. 20.

³ *Белл Т.* Использование макротенденций // Профессиональный перевод и управление информацией. 2012. № 5. С. 9.

⁴ *Мельвил А. Ю.* Демократизация как глобальная тенденция? // Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997. С. 99–123.

⁵ *Гонтмахер Е. Ш., Загладин Н. В.* Государство на службе глобализации. Как сочетаются базовые тренды современности // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 20–31.

⁶ Тенденции развития психологической науки / отв. ред. Б. Ф. Ломов, Л. И. Анциферова. М., 1989.

⁷ Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева. М., 2001.

⁸ *Стиллиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции : пер. с англ. М., 2003.

⁹ Продовольственная безопасность: термины и понятия: энцикл. справочник. Минск, 2008. С. 404–416.

¹⁰ *BISS Trends* // Белорусский ежегодник, 2010 : сб. обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2010 г. Минск, 2011. С. 366–433.

К сожалению, далеко не всегда процессуальные классификационные схемы, эксплицированные в печатных изданиях разных жанров, учитываются в процессе прогнозирования и долгосрочного планирования народно-хозяйственного и социокультурного развития. К примеру, еще до распада СССР отечественные специалисты в области промышленной политики открыто писали о том, что «тенденции развития СССР идут вразрез с тенденциями развития промышленно развитых капиталистических стран, поскольку в СССР продолжают развиваться отрасли промышленности, связанные с добыванием и переработкой природного сырья, что отражается в структуре патентной статистики. Наряду с этим вторичная переработка в нашей стране развивается явно медленными темпами, что предопределяет низкую по сравнению с другими странами изобретательскую активность в области химии»¹.

Однако к доводам своих ученых о необходимости учета мировых тенденций информатизации, компьютеризации и роботизации производства при формировании отечественной промышленной политики руководство советского государства не прислушалось, слепо уповав на позитивный отечественный опыт форсированной индустриализации, что и явилось одной из главных причин поражения СССР в холодной войне с Западом. Хотя жизненная необходимость преодоления инерционности в развитии сложившихся отечественных научно-технических заделов и промышленных тенденций осознавалась советскими учеными-экономистами еще в середине 1980-х гг.: «Эти тенденции и заделы несут на себе отпечаток прошлых социально-экономических условий. Если же эти условия изменились, то нет никаких оснований искать решение новых народно-хозяйственных проблем на базе сложившихся тенденций развития науки и техники»².

Задумываясь о причинах столь низкого коэффициента полезного действия выявленных процессуальных классификационных схем (тенденций, трендов, прогнозов и т. п. инструментов), используемых сегодня на постсоветском пространстве, нельзя не согласиться со следующим выводом известного российского прогнозиста Ю. В. Яковца: «В руки лиц, принимающих решения, был дан инструментарий, позволяющий заранее “взвешивать” последствия еще только намечаемых решений и соответственно корректировать их. Скольких промахов, ошибок, бедствий удалось бы избежать в последние десятилетия, если бы к теоретическим достижениям технологического прогнозирования отнеслись более внимательно! Можно назвать только одну причину такой несуразности: извращенные отношения между сферами управления и предвидения, государством и подлинной наукой, рождающей новую парадигму»³. Более того, по свидетельству главного редактора «Малой российской энциклопедии прогнозистики» И. В. Бестужева-Лады, «общий язык между управленцами и прогнозистами не найден до сих пор»⁴.

Дисциплинарные классификационные схемы

В сравнении с процессуальными классификационными схемами, несколько лучше обстоит дело в странах СНГ с выявлением и использованием дисциплинарных классификационных схем, в качестве ключевой единицы которых выступает предметная область (предмет исследования): «Все научные теории, как и науки в целом, могут классифицироваться прежде всего по предмету исследования, т. е. той области действительного мира, которую

¹ Тенденции развития крупных направлений научно-технического прогресса в промышленно развитых странах (Патентно-статистический обзор). М., 1989. С. 14.

² Анчишкин А. И. Наука, техника, экономика. М., 1986. С. 340.

³ Яковец Ю. В. Искусство научного предвидения: доктрины, технологии, сценарии // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 113.

⁴ Бестужев-Лада И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Малая российская энциклопедия прогнозистики. М., 2007. С. 306.

они изучают»¹. При этом создание и использование классификаций научных дисциплин имеет явное преимущество перед созданием и использованием классификаций научных теорий, поскольку основная единица таких классификаций (научная дисциплина) имеет более общий, системный и комплексный характер по сравнению с научной теорией. В частности, В. С. Стёпин считает, что «в качестве исходной единицы методологического анализа структуры теоретического знания следует принять не отдельно взятую теорию в ее взаимоотношениях с опытом (как это утверждалось в так называемой стандартной концепции), а научную дисциплину. Структура знаний научной дисциплины определена уровневой организацией теорий разной степени общности — фундаментальных и частных (локальных), их взаимоотношениями между собой и со сложно организованным уровнем эмпирических исследований (наблюдений и фактов), а также их взаимосвязью с основаниями науки»².

Развернутое определение данной структурной единицы теоретического знания дает И. Т. Касавин: «Дисциплина есть фабрика знания, где оно производится по определенным стандартам, проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю. Дисциплина есть также и, вероятно, прежде всего, условие финансирования науки из государственного бюджета и распределения финансовых ресурсов между научными направлениями, как скоро государственные структуры нуждаются в подобном им контрагенте — научной бюрократии. В этом смысле научная дисциплина — необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания в наше время»³.

Тем не менее определенные сложности возникают и в процессе создания и использования классификаций научных дисциплин. Эти сложности обусловлены следующими двумя причинами:

1) стремительным увеличением количества таких дисциплин. В конце XVIII — первой половине XIX столетия, когда возникает дисциплинарная организация науки⁴, общее количество научных дисциплин исчислялось несколькими десятками наименований. А в 1982 г. советский исследователь С. П. Смирнов уже писал о том, что в «теле» современной ему науки насчитывается около 1300 самостоятельных научных дисциплин и свыше 3000 специальностей⁵. Спустя буквально несколько лет в изданном ЮНЕСКО классификаторе отраслей научных знаний⁶ насчитывается уже около 2000 наименований научных дисциплин. К настоящему моменту их общее количество, скорее всего, еще более выросло;

2) трудностями разграничения многих традиционных и новейших научных дисциплин между собой. Данные трудности многократно возросли после недавнего формирования целого ряда междисциплинарных областей научных знаний, таких как когнитивистика, инноватика, науковедение, экология, синергетика и др. По мнению российского философа В. А. Колпакова, «для современной философии науки предположение о четком, дисциплинарном разделении наук, как об их естественном состоянии, представляется уходящим в прошлое»⁷. В свою очередь, И. Т. Касавин считает, что

¹ Рузавин Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 85.

² Стёпин В. С. Теоретическое знание. С. 706.

³ Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопр. философии. 2010. № 4. С. 64.

⁴ Стёпин В. С. Теоретическое знание. С. 87.

⁵ Смирнов С. Н. Становление междисциплинарного облика науки будущего // Будущее науки. Вып. 25. М., 1982. С. 245.

⁶ Proposed international standard nomenclature for fields of science and technology / UNESCO, 1989. Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008000829/082946eb.pdf>.

⁷ Колпаков В. А. О природе кризиса современной экономической теории и путях его преодоления // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V. № 3. С. 57.

«именно междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой вовлеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого являются относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знания, сколько институциональными формами»¹.

Наконец, в резолюции научной конференции «Междисциплинарность и организация знаний», которая состоялась в сентябре 1997 г. в Кембридже, утверждается следующее: «Дисциплинарные “границы” в значительной степени являются артефактами существующей системы образования, которые не всегда соответствуют структуре знаний. Эти границы варьируют между научными учреждениями и странами. В некоторых случаях они являются результатами прошлых академических дискуссий, которые сохранили свою легитимность на десятилетия или даже столетия. ...В последние десятилетия важность изучения границ традиционных дисциплин оценивается все выше. Развитие такого изучения показывает, что старые дисциплинарные структуры в определенных отношениях были ограниченными и требовали своей модификации. Многие научные отрасли, чьи названия указывают на их междисциплинарное происхождение, теперь признаны полноправными дисциплинами (например, биохимия, астрофизика). То же происходит с отраслями знаний, которые рассматривались как далекие от общепризнанных творческих достижений (например, с ассоциацией многих дисциплин, включая гуманитарные, в когнитивных науках)»².

В то же время стремление международного научного сообщества максимально сблизить степень детализации используемой классификации научных дисциплин с уровнем дифференциации организационных структур науки переднего края может негативно сказаться на эффективности учебных программ, используемых в средних школах: «Дифференциация научного познания, выявляющаяся в растущем числе дисциплин и специальностей..., процесс, похоже, необратимый в силу неисчерпаемости “мира открытий” – совокупного предмета научного познания. Поэтому представительство дисциплинарных когорт ... в силу ограниченной емкости перехода (10 учебных годов) может оказаться нежелательным и нефункциональным балластом в головах взрослых, если оно напрямую (школьный учебник – исследовательская деятельность дисциплины) связано с дисциплинарной дифференциацией науки»³.

На наш взгляд, преодолению перечисленных выше сложностей и трудностей в деле создания и использования дисциплинарных классификационных схем могут способствовать разработка и совершенствование текстовых способов экспликации таких схем. В настоящее время основным способом такой экспликации дисциплинарных классификационных схем является публикация разнообразных классификаторов, рубрикаторов, номенклатур специальностей и т. п. классификационных инструментов⁴. В частности, проведенный нами поиск отечественных классификационных изданий указанных выше типов позволил получить перечень, включающий более сотни наименований

¹ Касавин И. Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 7.

² InterDisciplinarity and the organization of knowledge in Europe // Academia Europaea. 1998. № 1. P. 2.

³ Петров М. К. Системные моменты тезаурусной характеристики современного развитого общества и возможные пути ее оптимизации // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1989–1990. М., 1991. С. 230–231.

⁴ Шчэрбін В. К. Класіфікатары навуковых напрамакаў як сродак сістэматызацыі гуманітарных ведаў // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя. Мінск, 1998. С. 557–567.

таких работ. Причем десятки подобных классификационных изданий были опубликованы еще в советский период¹.

Новый импульс изданию разнотипных классификационных работ дало получение республиками бывшего СССР статуса независимых государств. В частности, ряд крупных по объему классификационных работ был издан в России², Беларуси³, других странах СНГ. Было также установлено, что четкому определению границ дисциплинарного знания способствует издание специализированных энциклопедий. Так, по свидетельству главного редактора «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» И. Т. Касавина, «подготовка специализированной энциклопедии, как правило, становится определенным шагом вперед в концептуализации и институционализации конкретной научной дисциплины»⁴.

Вместе с тем в Республике Беларусь сегодня далеко не все отрасли знаний удалось упорядочить и систематизировать путем создания соответствующих классификационных работ. К примеру, в нашем государстве до настоящего времени отсутствует исчерпывающий классификатор научных направлений. Для сравнения: в Российской Федерации электронный ГРНТИ пришел на смену советскому справочнику «Классификация научных направлений: естественные и общественные науки» (М., 1986) уже в начале 1990-х гг., а в Украине классификатор подобного типа («Государственный классификатор Украины: классификация видов научно-технической деятельности») издан в 1998 г.

Наличие или отсутствие в стране таких рубрикаторов и классификаторов научных направлений, а также их неполнота реально влияют на объем финансирования отечественной науки: «Природа едина, а деление наук по рубрикам всегда условно. На первый взгляд какая разница, как делить единую науку на области знания и как их называть. Но на практике оказывается, что результат этого деления влияет на развитие различных областей естествознания. Здесь во все века не последняя роль принадлежала чиновникам, через которых шло финансирование науки. Нет такой науки в рубрикаторе и нет финансирования, нет и поощрений (симпозиумов и конгрессов, премий и медалей, академиком и журналов, общественного интереса и грантов). Поэтому ближайшие соседи по рубрикатору всегда пытались удержать и расширить свои границы»⁵.

¹ См.: Словарь предметных обозначений (рубрик). М., 1929; Всесоюзная информационная классификация отраслей науки, техники и народного хозяйства. М., 1974; Рубрикаторы отраслей знания (наименования и коды рубрик). Т. 1–2. М., 1985; Классификация научных направлений: естественные и общественные науки. 2-е изд. М., 1986; Общесоюзный классификатор: профессии рабочих, должности служащих и тарифные разряды. 2-е изд. М., 1991 и др.

² См.: электронный ГРНТИ (Государственный рубрикатор НТИ России); электронный «Классификатор РФФИ»; электронная «Номенклатура специальностей научных работников (ВАК-2002/09)»; электронный «Рубрикатор ВИНТИ (текущий, 2013 г.)»; а также изданные в виде книг: Российский рубрикатор «Народное образование. Педагогика». М., 1996; Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для массовых библиотек. М., 1999; *Подобед М. А.* Управленческая документация. Классификатор. М., 2003 и др.

³ См.: Классификатор видов природоохранной деятельности и затрат на охрану окружающей среды (КВПОД). Минск, 1997; электронный «Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности (ОКРБ 005-2001)»; Специальности и квалификации. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь (ОКРБ 011-2001). Минск, 2002; электронная «Номенклатура специальностей научных работников Республики Беларусь» (версия 2012 г.) и др.

⁴ Касавин И. Т. Введение о замысле «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» // Энцикл. эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 3.

⁵ *Иваницкий Г. Р.* Круговорот. Общество и наука / отв. ред. А. Б. Медвинский. М., 2005. С. 68.

Ускорить процесс создания отечественных классификаторов и рубрикаторов для различных отраслей знаний, по мнению отдельных ученых, можно путем более широкого использования международного опыта систематизации предметного содержания таких отраслей¹, а также путем проведения так называемой гармонизации классификаторов, т. е. «установления необходимого соответствия состава, структуры и содержания национальных классификаторов с классификаторами, разработанными международными организациями»². Хотя опыт юридически обоснованного использования разработчиками «Номенклатуры специальностей научных работников Республики Беларусь» аналогичной российской Номенклатуры в качестве образца показал, что «такая «зависимость» белорусской Номенклатуры от российской решает внешние проблемы классификации, связанные с размерностью (российские специалисты определяют количество специальностей), однако привносит вопросы неопределенности и организационные проблемы»³.

Проблемные классификационные схемы

Наименее разработанными и по этой причине малоиспользуемыми в настоящее время являются проблемные классификационные схемы. Считается уже доказанным, что «постановка проблемы определяет направление научного поиска, а нередко магистральный путь развития целой научной отрасли. Проблема является таким же необходимым компонентом в структуре развивающейся науки, как и теория, гипотеза, факт, метод и т. д.»⁴. В пользу данного вывода свидетельствуют высказывания известных отечественных и зарубежных исследователей. К примеру, лауреат Нобелевской премии по физике академик Л. Д. Ландау считал, что «в своей сущности наука есть деятельность по разрешению проблем»⁵. Британский ученый и общественный деятель Г. Тизард так оценивал роль научных проблем в развитии науки: «Секрет науки состоит в том, чтобы уметь задавать правильные вопросы, и скорее выбор проблем, чем что-либо иное, отличает гения в научном мире»⁶. Наконец, выдающийся немецкий математик Д. Гильберт в своем уникальном обобщающем докладе «Математические проблемы» на II Всемирном конгрессе математиков пришел к следующему выводу: «Всякая научная область жизнеспособна, пока в ней избыток новых проблем. Недостаток новых проблем означает отмирание или прекращение самостоятельного развития»⁷.

С другой стороны, к настоящему времени ни для одной научной дисциплины пока не сформирован мало-мальски исчерпывающий перечень ее ключевых проблем. Показателен в этом отношении приведенный академиком П. С. Александровым факт, что «ни до доклада Гильберта 1900 г., ни после этого доклада математики, насколько я знаю, не выступали с научными сообщениями, охватывавшими проблемы математики в целом»⁸.

¹ Андриевский Р. Класс классификации. Неюбилейные заметки к десятилетию РФФИ // Поиск. 2002. 15 февр. С. 9.

² Гавриленко В. Г., Никитенко П. Г., Ядевич Н. И. Экономика. Большой энцикл. словарь : в 3 т. Минск, 2002. Т. 1. С. 425.

³ Морозевич А. Н., Гулько Н. В. Классификация научной деятельности: проблемы реализации // Атэстацыя. 2000. № 4. С. 4.

⁴ Берков В. Ф. Логико-методологический анализ научной проблемы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 1980. С. 3.

⁵ Landau L. Progress and its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley, 1977. P. 11.

⁶ Цит. по: Мирский Э. М. Проблемное обучение и моделирование социальных условий научного творчества // Научное творчество / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1969. С. 410.

⁷ Гильберт Д. Математические проблемы // Проблемы Гильберта / под общ. ред. П. С. Александрова. Касли, 2000. С. 13.

⁸ Александров П. С. Несколько слов о проблемах Гильберта // Проблемы Гильберта / под общ. ред. П. С. Александрова. Касли, 2000. С. 7.

В свою очередь, создатель классического учения о стрессе профессор Г. Селье высказывал сомнения в самой возможности создания такого перечня ключевых проблем для медиков: «По-видимому, никто и никогда не напишет исчерпывающее исследование всех проблем экспериментальной медицины»¹. Но тут же добавлял: «Мы находимся на заре того, что, несомненно, войдет в историю как Век Фундаментальных Исследований. Наверное, нам стоит чуть приостановиться и попытаться сформулировать основные проблемы, с которыми нам придется теперь иметь дело»².

Причина, по которой необходимо создавать перечни основных научных проблем (проблемные классификационные схемы), была названа академиком В. И. Вернадским еще в начале XX в.: «В наше время рамки *отдельной науки*, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам»³.

Более того, к 1930-м гг. необходимость проблемной специализации была осознана не только отечественными учеными, но и производственниками. Так, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства» в СССР началась широкая подготовка и издание так называемых темников — сборников тем для изобретателей и рационализаторов, ориентированных на ликвидацию проблемных, узких мест на производстве⁴. Публиковались такие проблемно-тематические издания и на предприятиях Беларуси⁵. Однако в начале 1970-х гг. практика публикации таких научно-производственных темников в СССР была прекращена. Видимо, они не «вписывались» в идеологические представления того времени об отсутствии каких-либо серьезных проблем у «развитого социализма». Хотя стимулирующий эффект от воздействия проблемного содержания темников на развитие отечественной научно-технической мысли того времени ни у кого не вызывал сомнений.

Вновь о «переходе от изучения предметов к изучению проблем»⁶ отечественные исследователи широко заговорили только в 1980-е гг., после проведения исследований проблемологов и выделения последними особого класса ключевых, системообразующих проблем⁷. В частности, именно углубленный логико-методологический анализ указанного класса системообразующих проблем позволил отечественным философам науки дать комплексное объяснение явлению междисциплинарности в науке: «Междисциплинарное взаимодействие философией науки понимается не как простое заим-

¹ Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым / пер. с англ. М., 1987. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 89.

⁴ См.: Попов В. В. Темник для изобретателей в консервной промышленности. М.; Л., 1932; Соколовский Д. С. Темник для изобретателей и рационализаторов целлюлозно-бумажной промышленности. М.; Л., 1957; Темник диссертационных работ. М., 1971 и др.

⁵ См.: Темнік для рацыяналізатарскіх прапаноў і вынаходак па прадпрыемствах: завод «Пралетарый» імя С. М. Кірава, завод «Рухавік рэвалюцыі» і ложкавая фабрыка. Гомель, 1930; Темнік «узкіх месц» в производстве. Минск, 1959; Темнік для рацыяналізатаров і изобретателей на 1962 год. Ганцевичи, 1962.

⁶ Природа моделей и модели природы / под ред. Д. М. Гвишиани, И. Б. Новика, С. А. Пегова. М., 1986. С. 136.

⁷ Ракитов А. И. Синтагматическая революция (50 лет спустя) // Вопр. философии. 2012. № 7. С. 104.

ствование, а как проблематизация конкретных ситуаций реального научного исследования. Философия науки предлагает ученому взглянуть на возникающие затруднения с более общей точки зрения, как бы погружая конкретную познавательную проблему в самые различные научные и социокультурные контексты. Тем самым методолог подводит ученого к идее многообразия ресурсов и подходов в решении проблем. Он как бы подготавливает стадию методологического синтеза, предшествующего построению нового научного направления исследований. Междисциплинарность в таком случае — не синтез, а приглашение к методологической коммуникации. В таком случае синтез на деле осуществляется *проблемой, а не дисциплиной и не означает перехода к некой новой единой науке*¹.

Однако если в результате изучения крупной научной или народно-хозяйственной проблемы не формируется новая научная дисциплина или новая единая наука, то как назвать то, что появляется благодаря междисциплинарному изучению такой проблемы? По мнению А. И. Ракитова, тот вид научных исследований, которые носят проблемный характер, можно назвать синтагматической наукой². В отличие от «нормальной науки», которую описывал Т. Кун и в основе которой лежит понятие парадигмы, позволяющей придавать результатам наблюдений и экспериментов научный статус, в основе синтагматической науки лежит понятие синтагмы.

Данное ключевое для синтагматической науки понятие А. И. Ракитов определяет следующим образом: «Синтагма (от греч. — построенное вместе) представляет собой систему научных знаний, ориентированных на решение прагматических задач. Синтагматически построенная система знаний должна удовлетворять условиям конструктивности, технологичности, конкурентоспособности и экономической целесообразности. Она должна соответствовать требованиям рынка научных услуг»³. В полном соответствии с перечисленными выше свойствами такой синтагматической науки «подавляющее большинство современных исследований, синтезирующих отдельные “кусочки” знаний из совершенно различных монодисциплинарных отраслей, ориентированы на решение прагматических задач. И их главная ценность заключается в получении полезных результатов. Именно за полезность, экономическую и социальную эффективность платят деньги налогоплательщики, бизнес и государство»⁴.

Проблемным характером синтагматической науки обусловлены сложности с оценкой истинности ее результатов, а также отсутствие у нее устойчивых научных функций: «Синтагматическая система крайне разнородных знаний, продуцирующая, например, создание лекарственного препарата, не может быть оценена в качестве истинной с помощью концепции, принятой в какой-то одной из парадигматических дисциплин, конвертированных в систему синтагматических знаний. При этом следует четко понимать, что синтагматическая система возникает по мере постановки той или иной задачи, не решаемой средствами одной дисциплины, и исчезает или лишается своей актуальности после решения породившей ее задачи. Новое синтагматическое знание может в качестве более или менее значимого компонента использоваться и при решении других задач. Но какой-либо устойчивой парадигмальной функции оно не выполняет»⁵.

¹ Колтаков В. А. О природе кризиса современной экономической теории и путях его преодоления // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V. № 3. С. 57.

² Ракитов А. И. Синтагматическая революция... С. 105.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 106–107.

⁵ Там же. С. 107.

Таким образом, в рамках синтагматической науки особую актуальность приобретает процесс выявления ключевых междисциплинарных и народно-хозяйственных проблем, в ходе решения которых в дальнейшем и строятся синтагматически ориентированные системы знаний. К сожалению, с формированием исчерпывающих перечней и развернутых текстовых описаний таких проблем, в силу их междисциплинарного характера, существуют определенные трудности, особенно в рамках конкретных, монодисциплинарных отраслей знаний. В отечественной и зарубежной научной, производственной и учебной литературе постепенно накапливается опыт выделения и развернутого описания ключевых междисциплинарных и народно-хозяйственных проблем.

К примеру, в отдельных зарубежных учебниках в конце глав приводятся не только перечни так называемых ключевых терминов, но и перечни ключевых проблем, рассматриваемых в рамках таких глав¹. Для сравнения: в большинстве отечественных учебников в конце глав приводятся, как правило, перечни контрольных вопросов. Замена перечней ключевых проблем на перечни информационных вопросов в отечественной учебной литературе значительно упрощает поиск ответов на них для студентов, но снижает уровень проблемного обучения в вузах. Под таким типом обучения обычно «понимается обучение решению проблем или, несколько уже, решению определенного класса задач»².

Кстати, в диссертационном исследовании В. Ф. Беркова наглядно показывается, чем отличается проблема или задача от информационного вопроса: «Ответ на информационный вопрос непосредственно получается из его основы путем замены неизвестной на некоторую константу, без логического преобразования предпосылок вопроса. Ответ же на задачу или проблему получается опосредованным путем, с преобразованием предпосылок по правилам выводов»³. Поэтому использование в учебном процессе всевозможных перечней контрольных вопросов информационного характера не отменяет необходимости выявления, описания и использования перечней ключевых проблем в рамках преподавания различных учебных дисциплин. Вот что, к примеру, пишут известные российские экономисты А. В. Бузгалин и А. И. Колганов о необходимости учета глобальных проблем в практике преподавания экономической теории: «Современная глобальная социально-экономическая жизнь — это не только единый мировой рынок товаров, рабочей силы, капиталов и т. п., но и система глобальных проблем и противоречий. Начнем с необходимости учета в экономической теории (и соответствующей учебной дисциплине) того факта, что глобальные проблемы являются ныне по меньшей мере столь же значимым детерминантом реальной экономической жизни, сколь и законы рынка, столь любимые еsopomics»⁴.

Тем приятнее было узнать, что после более чем сорокалетнего перерыва на Минском подшипниковом заводе вновь возрождена практика подготовки специализированных проблемных изданий. В частности, инженерно-техническими работниками названного предприятия подготовлен и опубликован «Темник для изобретателей и рационализаторов на 2006 год» (Минск, 2006), способствующий инвентаризации и развернутому описанию существующих проблем и узких мест на данном заводе.

¹ См.: *Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R.* Introduction to Macroeconomics. 2nd ed. New York et al., 1988. P. 16, 39–40, 74–75 et el.; *Bodie Z., Kane A., Marcus A. J.* Investments. 3rd ed. Boston; New York; et el., 1996. P. 35–37, 74–77, 115–117 et el.

² *Мирский Э. М.* Проблемное обучение и моделирование социальных условий научного творчества // Научное творчество / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1969. С. 406.

³ *Берков В. Ф.* Логико-методологический анализ научной проблемы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 1980. С. 19–20.

⁴ *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Открытость политэкономии и империализм «мэйнстрима»: экономикс как прошлое (часть 2) // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 34.

Однако наиболее совершенным текстовым способом экспликации содержания той или иной ключевой, комплексной проблемы, по мнению В. К. Солоненко, в настоящее время является создание отдельной энциклопедии по такой проблеме: «Кстати, появление ряда справочников, в которых рассматривается одна, но крупная, комплексная проблема, — новая тенденция в энциклопедистике последних лет. ...Примером подобных изданий могут служить: словарь русской культуры Ю. С. Степанова «Константы» (Академический проект, 1997, 2001), философско-энциклопедический словарь «Человек» (Наука, 2000), энциклопедия «Глобалистика» (Диалог; Радуга, 2003)»¹. Изданы такие энциклопедические справочники по отдельным ключевым проблемам и в Беларуси².

Выводы

Анализ различных типов классификационных схем, с помощью которых упорядочивается окружающая нас социальная реальность, а также текстовых способов их экспликации позволяет сделать следующие выводы:

1. Разработка классификационных схем разных типов (понятийных, процессуальных, дисциплинарных, проблемных) для той или иной научной дисциплины или более широкой отрасли знаний способствует теоретическому развитию данной дисциплины или отрасли знаний, придавая ей системный статус. По мнению А. Соломоника, «система любой отрасли знания (любой науки) — это цельная конструкция данной науки, включающая ее таксономию и классификационные схемы, а также пояснения к ним»³.

2. Созданные классификационные схемы разных типов оказывают систематизирующее воздействие на окружающую нас социальную реальность только в том случае, если надлежащим образом разработаны и активно используются в повседневной практике различные текстовые способы их экспликации (понятийные словари и тезаурусы; монографические и словарные описания тенденций, трендов и мегатрендов; дисциплинарные классификаторы и рубрикаторы, алфавитные и предметные указатели; перечни ключевых проблем и энциклопедии по отдельным, комплексным проблемам).

3. Нас не должно смущать разнообразие текстовых способов экспликации классификационных схем (от простых перечней ключевых понятий, тенденций, дисциплин и проблем до значительных по объему энциклопедических справочников, посвященных отдельным научным дисциплинам, комплексным проблемам и т. д.). В конечном итоге за всеми этими вариативными текстовыми формами экспликации классификационных схем стоит одна и та же социальная реальность, по-разному отражаемая создателями таких схем и текстовых способов их экспликации.

¹ Солоненко В. К. Словарно-энциклопедические издания по философии в России // *Вопр. философии*. 2007. № 1. С. 184.

² См.: *Беларуская мова: энцыкл.* Мінск, 1994; *Постмодернизм: энцыкл.* Мінск, 2001; *Психоанализ: новейшая энцыкл.* Мінск, 2010 и др.

³ Соломоник А. *Семиотика и теория познания*. М., 2012. С. 34.

РАДИОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ядерная энергетика остается предметом острых дебатов. Сторонники и противники ядерной энергии резко расходятся в оценках ее безопасности, надежности и экономической эффективности. Понятно, что в условиях истощения ископаемых источников энергии трудно представить дальнейшее развитие многих стран без использования атомной энергии. Ведь те огромные запасы энергии, которые заключены внутри ядер ряда элементов, являются практически неисчерпаемыми даже в далекой перспективе. С другой стороны, повышенная опасность связана с проблемами утилизации отходов, авариями, приводящими к техногенным катастрофам, а также повышенной опасностью повреждения атомных электрических станций (АЭС) в результате стихийных бедствий или террористических актов. Позитивная консолидация общественного мнения особенно актуальна в Беларуси, где тяжелые последствия чернобыльской аварии сказались на многих сферах человеческой деятельности, но дефицит энергетического баланса вынуждает к поиску более дешевых источников энергии и строительству Белорусской АЭС. Мы живем в обществе риска, который усиливается с развитием научно-технического прогресса. Для формирования позитивного общественного мнения, организации безопасного и эффективного использования атомной энергетики делается немало, включая подготовку специалистов по ядерной безопасности, многочисленные публикации экономических аргументов, нормативных параметров, пропаганду безопасности строящегося реактора. Однако необходимо формирование мировоззренческих ориентиров, направленных на переход от современной цивилизованной неустойчивости с возрастающими рисками к обществу устойчивого развития. Важную роль в решении этой долговременной проблемы могут сыграть фундаментальные труды патриарха отечественной философии, академика Вячеслава Семеновича Стёпина. Их изучение и использование студентами, аспирантами и специалистами различных дисциплин весьма актуально. В. С. Стёпин разработал концепцию типов цивилизационного развития (традиционалистский и техногенный), выделив общую для каждого из них систему ценностей, представленную смыслами универсалий культуры.

Он исследовал изменения, происходящие на современном этапе, как предпосылки для перехода к новому типу развития¹. Сегодня наука и высокие технологии все чаще имеют дело со сложными, исторически развивающимися системами, в которые включен человек. Образцами таких систем являются, например, биосфера как глобальная экосистема, социальные объекты, системы “человек – компьютер” и др. В современных сложных производственных технологиях проектируются не просто технические устройства, а целостный комплекс, выступающий как сложная развивающаяся система: «техническое устройство – человек». Этот комплекс должен учитывать особенности природной среды, в которую будет внедряться соответствующая технология, а также особенности социокультурной среды, принимающей данную технологию. Цель настоящей статьи – показать необходимость углублять и распространить экологические знания как элемент современной культуры и ответственности перед ныне живущими и будущими поколениями на материале уроков преодоления последствий аварий на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС) и «Фукусима Даичи» (ФДАЭС). Автор с 1986 года по настоящее время принимает участие в разработке систем и технологий ведения сельского хозяйства на землях Беларуси, загрязненных радионуклидами, для производства нормативно чистых продуктов питания и сырья для переработки.

Загрязнение окружающей среды и радиационная безопасность

Радиация играет значительную роль в развитии цивилизации с конца XIX в. Благодаря явлению радиоактивности совершен значительный прорыв в области медицины и в различных отраслях промышленности, включая энергетику. Но одновременно с этим стали все отчетливее проявляться негативные стороны свойств радиоактивных элементов. Выяснилось, что воздействие радиационного излучения на организм может иметь трагические последствия. Такого рода сведения волновали общественность. И чем больше становилось известно о действии радиации на человеческий организм и окружающую среду, тем противоречивее становились мнения о том, насколько большую роль должна играть радиация в различных сферах человеческой деятельности. В. С. Стёпин справедливо отмечает опасность обособления научной истины от нравственности в научном познании и технологической деятельности, объектами которых становятся исторически развивающиеся, человекоразмерные системы, такие как биосфера и сложные системы современной техники. Принципиальная невозможность точно просчитать будущие траектории системы каждый раз ставит перед действующим субъектом проблему выбора. Важно не попасть в катастрофические для человека траектории, отсекая соответствующие неблагоприятные сценарии развития системы. Ориентирами здесь служат не только знания о возможных сценариях, но прежде всего ценности и нравственные установки, предостерегающие от необдуманных и опасных действий. По мнению В. С. Стёпина, именно такого рода действия, пренебрегающие нравственными императивами, породили, например, ситуацию Чернобыля и многие негативные последствия избранного в конце 1991 года сценария экономических реформ². Выход не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности³.

Радиационная безопасность – это категория, определяющая состояние защищенности настоящего и будущего поколения людей от вредного воздействия ионизирующего излучения. Иными словами – это обеспечение условий использования ионизирующих источников излучения, при которых вред для человека от возможных радиационных эффектов был бы приемлем. Радиоактивность следует рассматривать как неотъемлемую часть нашей

¹ Стёпин В. С. Ценностные основы и перспективы техногенной цивилизации. М., 1999.

² Стёпин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.

³ Стёпин В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М., 2000.

жизни, но без знания закономерностей процессов, связанных с радиационным излучением, невозможно реально оценить ситуацию. Для разработки нормативной информации по проблемам радиации на глобальном уровне созданы специальные международные организации, в их числе существующая с конца 1920-х гг. Международная комиссия по радиационной защите (МКРЗ), а также созданный в 1955 г. в рамках ООН Научный комитет по действию атомной радиации (НКДАР).

Эпоха массовых испытаний ядерного оружия оставила осязаемое наследие – глобальное загрязнение в виде долгоживущих радионуклидов, распределенных по земному шару. Основные среди них ^{137}Cs (период полураспада 30,1 года), ^{90}Sr (28,5 лет), ^{239}Pu (24110 лет), ^{240}Pu (6553 года), ^{241}Pu (14,4 года) и ^{241}Am (433 года). Вследствие подписания в 1963 г. Московского договора о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой уровни загрязнения поверхности земли оказались сравнительно небольшими. Так, по данным гидрометслужбы СССР на канун аварии на ЧАЭС на Восточно-Европейской равнине уровни содержания ^{137}Cs в почвах были в пределах 2–4 кБк/м².

Крупнейшая в истории человечества авария на ЧАЭС была непредсказуемой и весьма неожиданной. Сразу же после аварии был предпринят ряд экстренных мер по измерению радиационного загрязнения атмосферы и местности. Гамма-съемка атмосферы и местности ближней зоны ЧАЭС осуществлялись с 26 апреля 1986 г. и в течение мая ежедневно. Первая карта ближнего следа (до 100 км от ЧАЭС) была представлена Правительственной комиссии 2 мая 1986 г., еще до полного формирования следа. Эта информация легла в основу срочных решений об эвакуации населения, режиме проживания и ведения хозяйства на загрязненных территориях, проведения дезактивации и других защитных мер. По карте мощности дозы гамма-излучения, которая была построена по состоянию на 10 мая 1986 г., определялась граница зоны эвакуации населения (уровень радиации >5мР/ч), зона отчуждения (>20мР/ч) и зона жесткого контроля (>3мР/ч, но <5мР/ч)¹. В 1986 г. была также создана система радиационного мониторинга для детального длительного наблюдения за изменением структуры и состава загрязнения ближней зоны ЧАЭС. В зоне радиусом до 60 км вокруг ЧАЭС было сформировано 540 пунктов наблюдений на территории 11,5 тыс. км².

В результате аварии на ЧАЭС имел место радиоактивный выброс, почти в сто раз превышающий уровень радиации, отмеченный после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки². Облако, образовавшееся от горящего реактора, разнесло радиоактивные материалы, и прежде всего радионуклиды йода и цезия, по большей части территории Европы. Радиоактивный йод (^{131}I), дающий основной вклад в дозы облучения щитовидной железы, имеет короткий период полураспада (8 дней) и в течение первых недель после аварии в основном распался. Радиоактивный ^{137}Cs , являющийся источником внешнего и внутреннего облучения, имеет гораздо больший период полураспада, и измерения все еще показывают его присутствие в почве и некоторых пищевых продуктах во многих районах Европы. Более чем на 200 тысяч км² территории Европы уровень загрязнения ^{137}Cs превысил 37 кБк/км². Около 150 тыс. км² этой территории находилось в трех наиболее пострадавших странах – Беларуси, России и Украине². Выпадения были крайне неравномерными, поскольку они усиливались в тех зонах, где во время прохождения загрязненных воздушных масс шел дождь. Большая часть радиоизотопов стронция и плутония осела в 100-километровой зоне от разрушенного реактора из-за более крупных размеров частиц. Наибольший урон был нанесен Республике Беларусь, которой пришлось испы-

¹ Атлас современных и прогнозных аспектов последствий аварии на Чернобыльской АЭС на пострадавших территориях России и Беларуси / под ред. Ю. А. Израэля и И. М. Богдевича. М.; Минск : НИА-Природа, 2009.

² IAEA. International Atomic Energy Agency. Environmental consequences of the Chernobyl accident and their remediation: twenty years of experience. Report of the UN Chernobyl Forum Expert Group “Environment” (EGE). Vienna, IAEA, 2006.

тать катастрофические экологические, медицинские и другие последствия чернобыльской аварии. После взрыва на Чернобыльской АЭС более 70 % радиоактивных осадков осели в почве на территории Беларуси, в результате около 2,5 миллиона человек подверглись радиоактивному облучению¹. Радиоактивному загрязнению ¹³⁷Cs с плотностью выше 37 кБк/км² была подвержена значительная часть территории страны площадью 48 тыс. км² (23 % от общей площади страны), на которой было расположено 3668 населенных пунктов. Одновременно 10 % территории было загрязнено ⁹⁰Sr (>5,5 кБк/м²) и 2 % территории – радионуклидами плутониевой группы Pu (>0,37 кБк/м²).

Защитные меры

Уже до начала чернобыльской аварии научные знания и достижения советских ученых по радиационной защите населения не только соответствовали мировому уровню, но и по многим вопросам превосходили его. Более того, еще в 1971 г. были изданы методические указания Минздрава СССР для защиты населения в случае аварии ядерных реакторов, а в 1973 г. изданы рекомендации по ведению сельского и лесного хозяйства при радиоактивном загрязнении внешней среды. К сожалению, эти разработки не были доведены до широкого круга органов управления и специалистов на местах. Не было создано и государственного специализированного органа, ответственного за организацию радиационной защиты населения, не предусмотрены соответствующие планы и ресурсы. В результате некоторые защитные меры после чернобыльской аварии были проведены с опозданием или с недостаточной эффективностью.

Беспрецедентный характер и масштаб радиоактивных выбросов сделал крайне трудным проведение аварийных защитных мер. С первых дней после аварии правительством Беларуси организовывались и проводились мероприятия, направленные на оценку радиационной обстановки и защиту населения. Вначале было принято решение об эвакуации населения с территории, где мощность экспозиционной дозы превышала 25 мР/ч (приблизительно в радиусе 10 км от ЧАЭС). Фактически в белорусской части данной зоны эвакуация населения началась только на восьмой день аварии, 2 мая 1986 г. (вначале только дети и беременные женщины). Затем было принято решение снизить дозовый предел до 5 мР/ч, что примерно соответствовало зоне, описываемой радиусом 30 км. Всего на первом этапе из Брагинского, Хойникского и Наровлянского районов 2–5 мая было эвакуировано 50 деревень (11 035 чел.). 2–9 июня дополнительно переселено 28 деревень (6017 чел.), а в конце августа – 29 (7327 чел.). В течение 1986 года из белорусской зоны аварии эвакуировано 24,7 тыс. жителей из 107 наиболее пострадавших населенных пунктов². Таким образом, эвакуация практически растянулась на три месяца. В дальнейшем после 1991 года организовано отселение из наиболее загрязненных территорий в чистые районы республики. Всего отселено около 140 тыс. человек из 470 населенных пунктов. Одновременно с организованным переселением и эвакуацией самостоятельно покинули территории радиоактивного загрязнения около 200 тыс. человек.

В Украине в 1986–1989 гг. организовано переселено более 200 тыс. человек. Переселение в соответствии с программами 1991–1992 гг. (к этому времени уже было получено > 50 % дозы) растянулось на десятилетие³.

¹ IAEA. International Atomic Energy Agency. Environmental consequences of the Chernobyl accident and their remediation: twenty years of experience. Report of the UN Chernobyl Forum Expert Group “Environment” (EGE). Vienna, IAEA, 2006.

² Четверть века после чернобыльской катастрофы: итоги и перспективы преодоления. Национальный доклад Республики Беларусь. – Минск : Департамент по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, 2011.

³ Чернобыльская катастрофа: эффективность мер защиты населения, опыт международного сотрудничества / Пристер Б. С. [и др.]. Киев : Украинское ядерное общество, 2007.

К сожалению, в первые недели аварийного периода не было организовано всего комплекса защитных мер против йодной атаки (укрытие детей, ограничение пастьбы скота, потребления цельного молока и овощей и др.). Таблетки йодистого калия в качестве профилактического средства для уменьшения накопления радиоактивного йода в щитовидной железе человека были розданы населению с большим опозданием и не могли быть эффективны¹. Дефицит элементарных радиоэкологических знаний наблюдался в первые годы после аварии на ЧАЭС не только у населения, но и у многих специалистов. Дозы, полученные населением в ранний период аварии за счет ^{131}I , определяют рост случаев радиационно-индуцированного рака щитовидной железы у облученных в детском и подростковом возрастах. Зарегистрировано возрастание заболеваемости среди ликвидаторов и взрослого населения. По прогнозам ученых, в течение 50 лет после аварии среди жителей Беларуси возможно развитие около 15 тысяч случаев рака щитовидной железы².

Ученые и специалисты Японии, вследствие горького собственного опыта преодоления последствий ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, уроки Чернобыля изучали более прилежно и тщательно, чем специалисты других стран. В Японии создана сеть мощных научных центров, исследующих проблемы безопасности ядерной энергетики, радиационной защиты населения и окружающей среды, действует национальный правительственный орган – Агентство атомной энергии. Не случайно поэтому, несмотря на катастрофическое цунами, неотложные защитные меры населения после аварии на ФДАЭС были проведены оперативно и организованно. Достаточно сказать, что распоряжение об укрытии населения в 10-километровой зоне и эвакуации было принято через 6 часов после землетрясения, практически за сутки до взрыва на блоке-1. Обязательная эвакуация всех 78 тыс. жителей 20-километровой зоны была завершена за 4 дня³. Следует отметить роль своевременного информирования сельских жителей Японии о правилах поведения в аварийный период. Неудивительно поэтому, что в сельском населенном пункте на расстоянии 37 км от ФДАЭС по радиоактивному следу средние кумулятивные дозы внутреннего и внешнего облучения за первых три месяца составили $8,4 \text{ м}^3\text{в}$ для взрослых и $5,1 \text{ м}^3\text{в}$ для детей, а эквивалентные дозы облучения щитовидной железы не превышали $27\text{--}66 \text{ м}^3\text{в}^4$.

Хорошо известен высокий уровень профессиональной подготовки многих японских специалистов-экологов, однако и у них обнаружили пробелы в знании зарубежного опыта. Японские специалисты не избежали некоторых ошибочных решений, известных из опыта ликвидации последствий чернобыльской аварии. В частности, большие надежды возлагали на фитомелиорацию почв, т. е. отчуждение радиоцезия с надземной фитомассой после уборки урожая растений с большой массой и высокими коэффициентами накопления ^{137}Cs . Для фитомелиорации на загрязненных землях Японии были посеяны на больших площадях амарант и подсолнечник. При возделывании подсолнечника на почвах с концентрацией радиоцезия около $7,7 \text{ кБк/кг}$ ($2,3 \text{ МБк/м}^2$) вынос радионуклидов надземной фитомассой составил приблизительно $0,02 \%$ от содержания в почве⁵. Если сопоставить этот результат

¹Чернобыльская катастрофа: эффективность...

²20 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление. Национальный доклад // под ред. В. Е. Шевчука, В. Л. Гурачевского. Минск : Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь. 2006.

³Hotma T. Emergency preparedness for a severe nuclear accident – Lessons learned from the Fukushima accident. KSR workshop, 2012. Zahnmedizinische Klinik der Universitat Bern. P. 2–37.

⁴Radiation doses among residents living 37 km northwest of the Fukushima Dai-ichi Nuclear Power Plant / Kamada N. [at al] // Journal of Environmental Radioactivity. Vol.110, 2012. P. 84–89.

⁵Алексахин Р. М., Сычев В. Г. Радиоэкологические аспекты реабилитации сельского хозяйства после аварии на АЭС «Фукусима Даичи» // Плодородие. № 4. 2013. С. 2–6.

с радиоактивным ежегодным распадом ^{134}Cs и ^{137}Cs , соответственно 28,6 и 2,28%, становится понятным бесперспективность фитомелиорации. Ее несостоятельность была много раз показана в экспериментальных и производственных условиях после кыштымской и чернобыльской аварий. Имели место и другие неудачные защитные меры, такие как снятие лесной подстилки в загрязненных лесах, удаление старых листьев, струйное обмывание стволов деревьев. В ряде случаев (удаление лесной подстилки) эти приемы вели к ослаблению и даже к гибели лесонасаждений. В последующем нерациональность таких способов дезактивации, как и фитомелиорации, была признана японскими специалистами.

Аварийный выброс радионуклидов на ЧАЭС привел к загрязнению обширных площадей сельскохозяйственных земель и исключению ведения на них производства из-за превышения предельно допустимого содержания радионуклидов в продукции. С этой точки зрения аварию на ЧАЭС, как и другую крупную аварию на ФДАЭС в 2011 г., Р. М. Алексин относит к сельским (коммунальным) авариям¹.

В Беларуси загрязнению ^{137}Cs с плотностью свыше 37 кБк/м² подверглось более 1,8 млн гектаров сельскохозяйственных земель, из которых 265 тыс. гектаров были исключены из сельскохозяйственного оборота. По расчетам, выполненным Институтом экономики НАН Беларуси, ежегодный ущерб от выбытия сельскохозяйственных земель из оборота в ценах 1998 года составляет 717,5 млн долларов США. Затем, в процессе реабилитации загрязненных территорий, небольшая часть этих земель, 16,7 тыс. га, с невысокой плотностью загрязнения радионуклидами ^{137}Cs и ^{90}Sr была возвращена в хозяйственное использование.

Особенностью чернобыльской аварии являлась динамичность радиационной обстановки, что потребовало принципиально нового подхода к организации системы радиационного контроля, а также к разработке и внедрению защитных мероприятий. Высокие уровни загрязнения земель обусловили необходимость применения защитных мероприятий во всех отраслях сельского хозяйства, а также использования специальных технологий переработки сельскохозяйственного сырья. Особенно важной стала выработка стратегий проведения контрмер в различные периоды после аварии, которые обеспечивали бы рациональное использование материальных, людских и финансовых ресурсов. Решение этой задачи стало возможным благодаря созданию системы научного обеспечения защитных мер как в первый послеаварийный период, так и в период реализации 3-х пятилетних Государственных программ преодоления последствий чернобыльской катастрофы.

Институтом почвоведения и агрохимии и другими институтами аграрного профиля НАН Беларуси совместно с Институтом радиологии МЧС на основании проведенных научных исследований разработан комплекс специальных защитных мероприятий, который проводят сельскохозяйственные предприятия на загрязненных угодьях для обеспечения производства нормативно чистой продукции. Установлены теоретически значимые зависимости миграции и поступления радионуклидов в сельскохозяйственные культуры от многообразия особенностей и свойств почв, включая гранулометрический состав, водный режим и агрохимические свойства. На этой теоретической базе разработан целый ряд практически важных методик и рекомендаций. Введена с 1992 года новая система мониторинга почв на основе совместного радиологического и агрохимического обследования сельскохозяйственных земель². Это позволяет планировать размещение культур по полям севооборотов с учетом конечного использования получаемой продукции (продовольственные цели, фураж, промышленная переработка и т. д.). Ситуация по загрязнению сельскохозяйственных угодий периодически, раз в четыре года, уточняется.

¹ Алексин Р. М., Сычев В. Г. Радиоэкологические аспекты реабилитации... С. 2–6.

² Методика крупномасштабного агрохимического и радиологического обследования почв сельскохозяйственных угодий Республики Беларусь / Богдевич И. М. [и др.]. Минск : БелНИИПА, 1992.

За послеаварийный период радиационная обстановка на сельскохозяйственных землях значительно улучшилась. Произошел распад короткоживущих радионуклидов. Концентрация долгоживущих радионуклидов ^{137}Cs и ^{90}Sr в почве уменьшилась почти наполовину только по причине естественного распада. Наблюдается постепенное уменьшение площади используемых загрязненных земель с контролируемой минимальной плотностью загрязнения цезием-137 >37 кБк/м² и стронцием-90 $>5,5$ кБк/м², вследствие перехода части земель в категорию незагрязненных (рис. 1).

К настоящему времени в категорию незагрязненных перешли 456 тыс. гектар земель, ранее загрязненных ^{137}Cs , а площадь загрязненных ^{90}Sr земель уменьшилась на 307 тыс. гектар. Сельскохозяйственное производство по состоянию на 01.01.2013 ведется на 982 тыс. га земель, загрязненных ^{137}Cs с плотностью 37–1480 кБк/м².

Почвоулучшающие приемы в данный период направлены на достижение и поддержание оптимальных агрохимических свойств загрязненных почв, при которых возможна наибольшая продуктивность севооборотов и гарантированное производство нормативно чистой сельскохозяйственной продукции на наиболее загрязненных полях. За послеаварийный период в результате систематического известкования кислых почв существенное улучшение реакции почв можно видеть повсеместно, особенно по районам Гомельской области, наиболее загрязненной радионуклидами.

Дополнительное внесение фосфорных и калийных удобрений проводится на полях и участках, загрязненных радионуклидами ^{137}Cs и ^{90}Sr и одновременно характеризующихся недостаточным содержанием подвижных форм фосфора и калия в почве. Всего за 27-летний период на загрязненные земли внесено около 3,0 млн т K_2O и свыше 1,0 млн т P_2O_5 , что позволило снизить концентрацию радионуклидов в продукции, создать фундамент плодородия почв, гарантирующий производство нормативно чистых продуктов питания на перспективу¹.

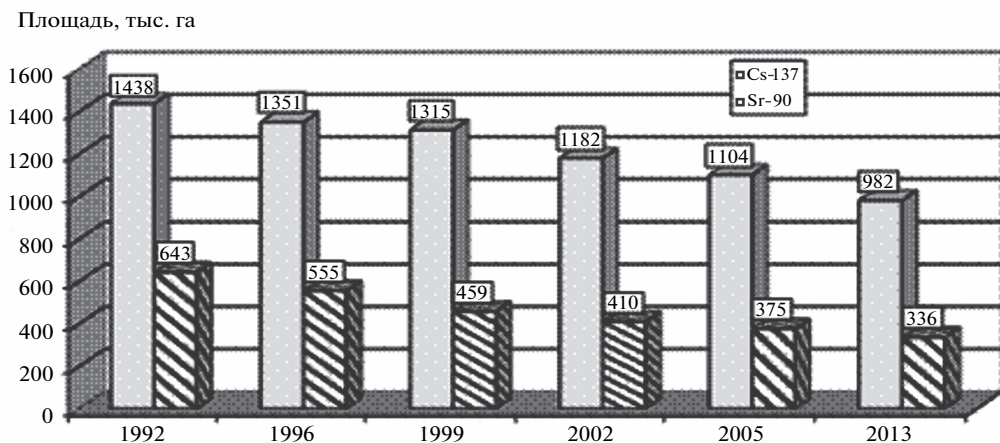

Рис. 1. Динамика площади используемых загрязненных сельскохозяйственных земель Беларуси за 1992–2013 гг. (^{137}Cs с плотностью >37 кБк/м² и ^{90}Sr $>5,5$ кБк/м²)

¹ Богдевич И. М. Итоги и перспективы агрохимических защитных мер на загрязненных радионуклидами землях Беларуси // Вестн НАН Беларуси. Сер. аграр. наук. 2011. № 3. С. 27–39.

За поставарийный период в Беларуси переход ^{137}Cs из почвы в сельскохозяйственную продукцию снизился в 15–20 раз. По экспертной оценке около половины этого снижения обусловлено проведением защитных мер, другая половина приходится на природные факторы распада и фиксации почвой радионуклидов цезия. Радикальное улучшение пастбищ и сенокосов в сочетании с применением цезий-связывающих препаратов оказалось наиболее эффективной и приемлемой защитной мерой. Широкое применение метода предубойного откорма животных кормами с низким содержанием ^{137}Cs в рационе позволило практически исключить возврат скота с мясокомбинатов по результатам прижизненной дозиметрии. Все зерно, картофель и овощи уже ряд лет соответствуют нормативам допустимого содержания ^{137}Cs .

Значительно уменьшилось загрязнение молока, производимого в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ), которые на первом послеаварийном этапе не были первоочередным объектом защитных мер. В середине 1990-х гг. был объявлен приоритет проведения защитных мер в ЛПХ, где на то время производилось и потреблялось населением значительное количество молока, мяса и овощей, загрязненных радионуклидами. За последующие 15 лет количество населенных пунктов, где регистрировались пробы молока с содержанием ^{137}Cs более 100 Бк/л, уменьшилось на два порядка, с 580 до 5 (рис. 2).

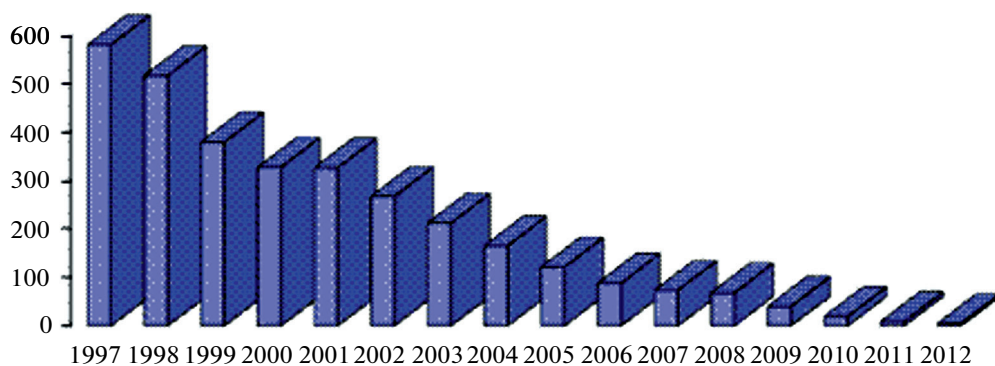

Рис. 2. Динамика количества населенных пунктов в Беларуси, где обнаружены пробы молока с превышением допустимой концентрации ^{137}Cs (> 100 Бк/л)

Теперь появилась возможность очередного пересмотра нормативов и снижения допустимого уровня содержания ^{137}Cs в мясе КРС и баранине с 500 до уровня 200 Бк/кг, предусмотренных в санитарно-гигиенических нормативах России и Таможенного союза. Средневзвешенная концентрация ^{137}Cs в сырье, поступающем на переработку, в Беларуси сегодня в 3–5 раз ниже допустимых уровней.

Значительного внимания требует проблема ^{90}Sr . Поступление ^{90}Sr в пищевую цепочку за поставарийное время снижено примерно в 3–4 раза, так как подвижность ^{90}Sr в почве и доступность его растениям имела тенденцию к повышению. В Беларуси приняты значительно более жесткие, чем в России и Украине, допустимые уровни содержания ^{90}Sr в продуктах питания. В Гомельской области имеются большие массивы пахотных почв, загрязненных ^{90}Sr с плотностью 11–111 кБк м⁻², всего около 75 тыс. га, где еще невозможно производство продовольственного зерна, но возможно производить качественное фуражное зерно. Решение проблемы производства нормативно чистых по ^{90}Sr продуктов питания осуществляется путем дифференцированного размещения посевов сельскохозяйственных культур и целевого использования конечной продукции на основе прогноза

загрязнения урожая с учетом свойств почв и радиационного контроля. Например, зерно с повышенным содержанием ^{90}Sr используется на семена, фураж или перерабатывается на спирт, а молоко перерабатывается на масло. Загрязненное зерно может быть использовано без ограничений на корм животным и для переработки на спирт с последующим применением барды для откорма крупного рогатого скота. При этом сельскохозяйственные животные выступают в роли эффективного «биологического фильтра» на пути поступления радионуклидов в организм человека.

Институтами аграрного профиля НАН Беларуси и Институтом радиологии МЧС разработаны эффективные технологии, позволяющие производить нормативно чистые продукты питания на всей загрязненной радионуклидами территории, где разрешено проживание¹.

Содержание плутония в почве более $3,7 \text{ kBк/м}^2$ характерно только для 30-километровой зоны. Полесский государственный радиационно-экологический заповедник (ПГРЗ) создан на территории площадью 2,162 тыс. км² белорусского сектора 30-километровой зоны ЧАЭС и прилегающих к ней землях, с которой было отселено население. В 2007–2008 гг. было проведено детальное повторное радиологическое обследование земель ПГРЗ с шагом 1 км и построены карты загрязнения в масштабе 1 : 200 000. Основная часть сельскохозяйственных земель, выведенных из пользования, вошла в зону отчуждения, а теперь входит в состав ПГРЗ. Основная территория зоны отчуждения не может быть возвращена в сельскохозяйственный оборот даже в отдаленной перспективе, вследствие высокой плотности загрязнения многими долгоживущими радионуклидами – ^{137}Cs , ^{90}Sr , плутониевой группой.

Таким образом, широкий диапазон состава, структуры и плотности загрязнения земель радионуклидами, с одной стороны, и набор разработанных эффективных технологий для производства нормативно чистых продуктов питания, с другой стороны, позволяет рассматривать эту территорию как экспериментальный полигон международного сотрудничества. Этот полигон необходимо использовать как для пополнения базы знаний, так и для выработки культуры ответственности за радиационную безопасность населения.

Международное сотрудничество

Проблемы, порожденные чернобыльской катастрофой, носят глобальный характер не только по своим негативным последствиям, но и с точки зрения масштабов тех мер, которые необходимы для их решения. Эффективному преодолению последствий катастрофы во многом может способствовать конструктивное международное сотрудничество, привлечение к решению возникших сложнейших проблем интеллектуальных и материальных ресурсов международных организаций, отдельных стран, научно-исследовательских центров. Такое сотрудничество является взаимовыгодным. Оно позволяет значительно повысить уровень знаний об экологических, экономических, медико-биологических, социальных, демографических последствиях катастрофы и способствует накоплению научных данных и международного опыта по практической реализации контрмер в условиях широкомасштабного радиоактивного загрязнения.

В принятой на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1990 г.) резолюции 45/190 «Международное сотрудничество в деле смягчения и преодоления последствий аварии на ЧАЭС» заложены организационные основы международного сотрудничества по проблемам чернобыльской катастрофы. Эти вопросы были в повестке дня заседаний важнейших органов ООН (ДГВ ООН, ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНИДО, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ). Заключены

¹ Богдевич И. М. Итоги и перспективы агрохимических... С. 27–39.

долгосрочные международные и двусторонние соглашения о взаимовыгодном сотрудничестве для привлечения интеллектуальных и материальных ресурсов.

Особенно плодотворным является многолетнее сотрудничество с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Это проекты по радиационному мониторингу, технологиям сельскохозяйственного производства на загрязненных территориях, укрепления инфраструктуры ядерной и радиационной безопасности. МАГАТЭ оказывает помощь в организации информационного обмена и подготовке кадров. Реализованы национальные проекты международного технического сотрудничества с МАГАТЭ «Возделывание и переработка рапса» и «Поддержка лесоводства на территориях, подвергшихся загрязнению в результате чернобыльской аварии». Создан Центр Международной системы информации в области мирного использования ядерной энергии, на базе которого проходят международные семинары, учебные курсы, симпозиумы.

В настоящий период планируются и реализуются новые проекты сотрудничества между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Подписано Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Японии о сотрудничестве в области преодоления последствий аварий на атомных электростанциях (15 декабря 2012 г., Корияма, Япония). Выполняется ряд мероприятий по Соглашению между Правительством Республики Беларусь и Правительством Украины о совместных действиях по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы на 2010–2015 годы.

В рамках провозглашенного ООН Десятилетия реабилитации и устойчивого развития пострадавших регионов (2006–2016 годы) осуществляются проекты ПРООН «Развитие международной исследовательской и информационной сети по Чернобылю (ICRIN)», «Повышение уровня безопасности человека на территориях, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС».

Трудно переоценить роль международного сотрудничества в приобретении научных знаний и практического опыта нашими специалистами для обеспечения радиационной безопасности и повышения качества жизни граждан Беларуси, подвергшихся радиационному воздействию вследствие аварии на Чернобыльской АЭС.

Подготовка кадров, информирование населения

Подготовка специалистов по радиоэкологии, радиационной безопасности и радиационной медицине, информирование и просвещение населения пострадавших районов крайне важны для Республики Беларусь. В. С. Стёпин отмечает, что такие последствия развития атомной энергетики, как последствия чернобыльской катастрофы, не всегда возможно предсказать. Но необходимо хотя бы пытаться это сделать по отношению к новым проектам, проводить соответствующие исследования, выслушивать мнения оппонентов еще до принятия окончательного решения, создать правовые механизмы, регулирующие все эти вопросы. В развитых западных странах это связано с так называемой «оценкой техники». На примере работы специально созданных парламентских комиссий США и ФРГ показана роль независимой общественной социально-экономической и экологической оценки новых технологий и технических проектов. Оценка техники, или оценка последствий техники, является междисциплинарной задачей и требует подготовки специалистов широкого профиля, обладающих не только научно-техническими и естественнонаучными, но и социально-гуманитарными знаниями. Однако это не означает, что ответственность отдельного рядового инженера при этом уменьшается — напротив, коллективная деятельность должна сочетаться с индивидуальной ответственностью¹. Задача подготовки высококвалифицированных кадров

¹ Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1996.

в нашей республике была сложной, так как научные школы по проблемам воздействия радиации человека и окружающую среду начали формироваться только в процессе преодоления последствий чернобыльской катастрофы.

Систематическая работа по организации радиоэкологического образования началась в 1989 г., когда решением Министерства образования и науки Республики Беларусь были введены отдельные курсы по радиационной безопасности для всех контингентов, обучаемых на всех уровнях (средняя школа, средние специальные и высшие учебные заведения). В 1996 г. была разработана «Концепция радиоэкологического образования в Республике Беларусь», одобренная Национальной комиссией по радиационной защите и Министерством образования. Подготовку высококвалифицированных специалистов по радиоэкологии, радиобиологии, радиационной безопасности осуществляют учреждения образования «Международный государственный экологический университет им. А. Д. Сахарова» (МГЭУ) и «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия» (БГСХА). МГЭУ уже к 2008 году выпустил свыше 800 радиоэкологов и радиобиологов, существенно расширил область подготовки специалистов¹. Начата с 2008 года подготовка инженеров по специальности «Ядерная и радиационная безопасность» еще в трех университетах (БГУ, БНТУ, БГУИР).

Следует подчеркнуть ведущую роль государства в минимизации рисков и предотвращении негативных последствий социально опасных технологий. Это хорошо, что за пять лет до начала строительства Белорусской АЭС организована подготовка инженеров различных специальностей по ядерной и радиационной безопасности в четырех университетах. Понятно, что в начальный период работы Белорусской АЭС там будет работать только часть этих выпускников, которые должны пройти стажировку на работающих АЭС. Ключевые позиции могут занять специалисты из России, имеющие большой практический опыт создания и эксплуатации ядерных реакторов. Но если мы желаем иметь свою атомную электростанцию, мы должны иметь соответствующий уровень научно-технического обеспечения, включая и подготовку высококвалифицированных кадров.

По количественной стороне все выглядит успешно, если не считать некоторый перебор. За последние годы устроивались по специальности менее трети выпускников радиоэкологов. Значительно сложнее проблема — это заметный тренд снижения качества подготовки специалистов. Причин много. Важнейшие две. Первая — это низкий конкурс среди абитуриентов, как следствие завышенного числа студенческих мест во всех университетах по отношению к общему количеству выпускников средних школ в республике. В результате на студенческую скамью попадает значительная часть неподготовленных молодых людей, неспособных усвоить даже требуемый минимум знаний. Второй причиной является невысокий профессиональный уровень части преподавателей. Он обусловлен особенностями слабой конкурентной среды и отрывом от научно-исследовательской работы, что связано со скудным финансированием. Усиливается отток активной части кандидатов и докторов наук в сферу государственного управления, бизнеса, отъезд за границу. Известно, что качество образования не может быть высоким без постоянной подпитки со стороны экспериментальной науки. А труд любого ученого, а экспериментального исследователя в особенности, стал непрестижным. Выход из этой ситуации видится непростым и долговременным. Но очевидно, что без существенного повышения финансового обеспечения научных исследований и без подлинного целево-

¹ Четверть века после чернобыльской катастрофы: итоги и перспективы преодоления. Национальный доклад Республики Беларусь. Минск: Департамент по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, 2011.

го планирования подготовки специалистов высшей квалификации, в соответствии с потребностью экономики страны, не обойтись.

Весьма важно формирование позитивной постчернобыльской культуры в обществе. Населению на загрязненных территориях необходимо научиться преодолеть синдром жертвы и формировать оптимистическую позицию человека, способного не только обеспечить безопасность проживания, но и постепенно улучшать свое благосостояние. Для решения этих задач необходим определенный уровень знаний у каждого человека и системная информация, заслуживающая доверия. Именно для этого Министерством образования организован процесс непрерывного радиоэкологического образования детей и молодежи, направленный на воспитание культуры безопасной жизнедеятельности в условиях радиоактивного загрязнения. В учреждениях образования предусмотрено получение детьми и учащейся молодежью углубленной подготовки по радиоэкологии в рамках дополнительных учебных программ, которые реализуются через различные формы учебной и внеурочной деятельности.

На каждом из этапов преодоления последствий чернобыльской катастрофы информационная работа по чернобыльской тематике имела и имеет свои отличительные особенности. До 2000 года целенаправленное информирование населения не считалось первоочередным приоритетом для органов государственного управления, государственных организаций и учреждений, участвующих в работах по преодолению последствий чернобыльской катастрофы. Эта сомнительная позиция объяснялась тем, что на повестке дня стояли срочные меры чрезвычайного характера: эвакуация, массовая дезактивация, переселение людей из опасных для проживания мест, создание систем радиационного контроля, медицинской и социальной защиты, разработка и внедрение контрмер в сельском и лесном хозяйстве. Достоверность и качество информации в большой мере зависели от профессионализма журналистов, которые доносили до населения сведения о последствиях чернобыльской катастрофы и действиях по их преодолению. Ограничения и задержки части сведений о содержании радионуклидов в окружающей среде и продуктах питания, которые имели место в первые годы после аварии, способствовали распространению недоверия к официальной информации и ошибочному ассоциированию многих болезней с воздействием облучения. Хорошо известно, что отсутствие достоверной научной информации вызывает неадекватное восприятие данной проблемы. Вакуум быстро заполняется слухами и псевдонаучной информацией.

В. С. Стёпин отмечает чрезвычайную актуальность анализа взаимодействия науки и современного обыденного сознания, формируемого массовой культурой. Речь идет о возрождении под видом новых научных направлений различного рода псевдонаучных знаний, а зачастую просто шарлатанства. Пропагандируемые средствами массовой информации, они создают особые состояния массового сознания, разрушая его рациональную составляющую, порождая различного рода нереализуемые ожидания, направления и конфликты¹. Экстремальным примером шарлатанства могут быть газетные истории о шестиногих ягнятах и двухголовых младенцах, способные посеять панику. Показательно, что по данным социальных опросов Института социологии НАН Беларуси к концу 1990-х гг. 84 % сельских жителей в большей степени пользовались слухами по поводу Чернобыля, нежели официальной информацией².

¹ Стёпин В. С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М. : Академический Проект; Трикста, 2011.

² Четверть века после чернобыльской катастрофы: итоги и перспективы преодоления. Национальный доклад Республики Беларусь. Минск: Департамент по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, 2011.

Стало очевидным, что для коренного изменения ситуации необходима глубокая систематическая работа. Поэтому в Республике Беларусь была создана основа для нового этапа информационной работы с населением пострадавших территорий, органами управления и специалистами – «Концепция информирования по проблемам чернобыльской катастрофы». Ее последующая реализация проводилась с участием более 20 организаций на основании ежегодных планов, которые утверждались Департаментом по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС МЧС Республики Беларусь. Следующим шагом, направленным на развитие информационной работы по чернобыльской тематике, стало создание Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (РБИЦ). В 2003 году на базе Института проблем безопасного развития атомной энергетики (ИБРАЭ) Российской академии наук начало функционировать Российское отделение РБИЦ, а в 2007 году открыто Белорусское отделение центра (БОРБИЦ, г. Минск) как филиал РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь. Первый итог этой работы – появился свободный доступ к достоверной научной информации в интернете на сайте информационного центра. Специалисты там могут найти обзоры научных работ, выполненных в Беларуси, России и Украине, и необходимые рекомендации. Для населения подготовлен ряд адаптированных для восприятия изданий и памяток. С 2009 года организован выпуск ежемесячного электронного журнала «Возрождаем родную землю», печатный вариант которого направляется во все районы Беларуси, где имеются загрязненные радионуклидами земли. В качестве опорной базы на местах для проведения информационной работы созданы информационные кабинеты в райисполкомах наиболее пострадавших 21 района, 8 информационных точек Администрации зон отчуждения и отселения, 19 информационно-методических кабинетов «Радиационная безопасность и основы безопасной жизнедеятельности» в учреждениях образования. Работу этих кабинетов по обеспечению информацией органов власти и населения, а также и взаимодействие с БОРБИЦ обеспечивают местные специалисты. На всех этапах преодоления последствий аварии важно вовлекать сельских жителей в процесс самореабилитации как непереносимое условие оптимизации защитных мер и эффективный способ улучшения качества их жизни.

Системная информационная работа способствует формированию доверия населения к органам власти и смягчению психологических последствий аварии, которые во многом связаны не столько с реальным загрязнением окружающей среды, как с действиями должностных лиц, выступлениями средств массовой информации, наличием различных информационных потоков. Обнадеживают данные социологических исследований, показывающих, что за последние годы доля граждан, проживающих на загрязненных территориях и попадающих в группу риска по степени психоэмоциональной напряженности, снизилась с 40 % до 17 %. Понятно, что путь от общества риска до общества устойчивого развития далекий и трудный. Но только идущий может осилить дорогу.

Заключение

Вероятность ядерных аварий глобальных масштабов невелика, но существует. Поэтому группа высококвалифицированных специалистов, детальный план неотложных аварийных мер по радиационной защите населения, необходимые материально-технические ресурсы и соответствующий государственный правительственный орган, ответственный за радиационную защиту населения, должны быть подготовлены задолго до возможной ядерной аварии во всех странах, даже если на их территории нет АЭС.

Авария на АЭС «Фукусима Даичи» показала необходимость тщательного анализа всех этапов проведения защитных мер после чернобыльской аварии. Ряд уроков Чернобыля,

усвоенных специалистами Японии, способствовали своевременной и оперативной эвакуации населения из 20-километровой зоны АЭС, развитию системы мер по предотвращению попадания радиоактивного йода (^{131}I) в организм человека, дезактивации населенных пунктов и почв. Однако и японские специалисты не избежали ошибочных решений, известных из опыта ликвидации последствий чернобыльской аварии, таких как попытка фитомелиорации почв или удаление подстилки при дезактивации леса.

Контрмеры на ранней фазе чернобыльской аварии (1986) были в целом правильными, но эффективность их была невысокой, вследствие недостатка знаний у многих специалистов и работников местных органов управления, недостаточной или несвоевременной информации сельских жителей, особенно владельцев личных подсобных хозяйств. В дальнейшем проведенные защитные меры в АПК после чернобыльской аварии были высокоэффективными. Уже ряд лет зерно, картофель, овощи производятся с содержанием ^{137}Cs значительно ниже допустимого уровня согласно РДУ-99. Доля молока с превышением норматива по содержанию ^{137}Cs сократилась до незначительных величин как в общественном секторе, так и в личных подсобных хозяйствах. Создан фундамент плодородия почв для гарантии производства нормативно чистых продуктов питания.

Широкий диапазон состава и плотности загрязнения земель радионуклидами и набор разработанных эффективных технологий для производства нормативно чистых продуктов питания позволяет рассматривать загрязненную территорию Беларуси как экспериментальный полигон международного сотрудничества. Этот полигон необходимо использовать как для пополнения базы знаний, так и для выработки культуры ответственности за радиационную безопасность населения.

Международное сотрудничество и помощь весьма важны для преодоления последствий ядерных аварий. Много успешных международных проектов осуществлено в Беларуси, России и Украине после Чернобыля. Велика роль международного сотрудничества в приобретении научных знаний и практического опыта специалистами для обеспечения радиационной безопасности и повышения качества жизни граждан, проживающих на загрязненных территориях Беларуси.

Государство играет ведущую роль в минимизации рисков и предотвращении негативных последствий социально опасных технологий. Поэтому за пять лет до начала строительства Белорусской АЭС организована подготовка инженеров различных специальностей по ядерной и радиационной безопасности в четырех университетах. Важно обеспечить высокий уровень подготовки специалистов, что, в свою очередь, требует повышения престижа науки в современном обществе.

Формирование позитивной постчернобыльской культуры предполагает как наличие определенного уровня знаний у каждого человека, так и достоверной, системной информации. Ограничения и задержки части сведений о содержании радионуклидов в окружающей среде и продуктах питания, которые имели место в первые годы после аварии, способствовали распространению недоверия к официальной информации и ошибочному ассоциированию многих болезней с воздействием облучения. Организация системной работы Российско-белорусского информационного центра и его сети в районах способствует повышению уровня радиоэкологических знаний и формированию доверия населения к органам власти, смягчению психологических последствий аварии, вовлечению сельских жителей в процесс самореабилитации, что необходимо для оптимизации защитных мер и улучшения качества жизни.

ДИАЛОГ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Современное естествознание представляет постнеклассическую науку, статус которой определяется доминированием технического прогресса, модернизации в обществе. Наука стала одним из инструментов радикализации технологий социальной инженерии. В результате в пространстве культуры возникло множество вопросов относительно того, оправдан ли технологический оптимизм и какие инженерные решения могут последовать после очередной научной революции в естествознании. Первые опасения относительно последствий научных революций в физике стали возникать уже в XX столетии. К концу столетия появились основания говорить о футурошоке¹. Неоднозначная ситуация возникла в условиях, когда философская и методологическая рефлексия перестала культивировать пространство диалога между естествознанием и культурой на уровне мировоззренческих вопросов. Негативную роль сыграл позитивизм, ограничивший обсуждение проблем естествознания логико-лингвистической проблематикой. Возникшая в последующем философия науки вернула естествознание в контекст культурного пространства и свойственной ему ценностной проблематики. Одни методологи науки, такие как П. Фейерабенд, предлагали институционально перестроить иерархию институтов общества, чтобы наука на равных условиях конкурировала с религией, мифологией, эзотерикой². В. С. Стёпин предложил менее радикальный способ диалога современного естествознания и культуры посредством актуализации базовых структур обыденного сознания в естественных условиях их эволюции. Эти структуры выявлены культурологами в различных исторических эпохах европейской истории. Особенно значимыми оказались результаты исследований, проведенных А. Я. Гуревичем на материале средневековой культуры³.

В пользу диалога естествознания и культуры в естественных условиях их эволюции свидетельствуют интенции физиков на поиск мировоззренческих практик в культуре для решения внутринаучных задач интерпретации

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

следствий, вытекающих из квантовой механики¹. Другие, как, например, А. Госвами, их проецируют до уровня предельного философского обобщения в форме идеализма².

Примеры убеждают в актуальности философии и методологии науки для современных ученых. В этих условиях важно рассмотреть методологическую эволюцию В. С. Стёпина к идее диалога современного естествознания и культуры, поскольку речь идет одновременно об ученом, представляющем физику и методологическую рефлексю. Основу этого синтеза сформировала учеба В. С. Стёпина в Белорусском государственном университете в 50-х гг. XX в. В это время в физику устремилась талантливая молодежь, которая была мотивирована стремлением к естественнонаучным знаниям. Но только отдельные ее представители видели за научными достижениями перспективы проблем и трудностей внутри познавательной деятельности. Именно эта причина акцентировала внимание В. С. Стёпина на методологии современного естествознания. Одним из первых предметов его изучения стали механизмы становления физической теории. В результате были реконструированы особенности построения научной теории в естествознании³.

Системный подход детерминировал реконструкцию всех основных компонентов исследовательской деятельности в естествознании с учетом теоретического и эмпирического уровней научного познания. Предметом изучения стали теория и факт, эксперимент. Были проанализированы основные методы научных исследований. Возникла целостная картина исследовательского процесса. Но она, по мнению В. С. Стёпина, не отражала все элементы познавательной деятельности. Эти элементы были артикулированы в виде концептов научной картины мира, идеалов и норм научной деятельности, философских принципов, совокупно представляя основания науки.

В своих методологических реконструкциях В. С. Стёпин не ограничился только структурными задачами. Интересы ученого находились также в области научной динамики, в связи с чем его внимание привлекли механизмы научных революций в естествознании и особенности эволюции научной рациональности в контексте культуры⁴. Эти исследования дали основание говорить об исторических особенностях классической, неклассической, постнеклассической науки. С точки зрения эволюции предметных представлений о природе речь стала идти об интересе современного естествознания к исторически развивающимся системным образованиям на уровне нестационарной Вселенной⁵. Эта тенденция в предметном восприятии природы актуализировала синергетику, в которой отразилась важнейшая особенность постнеклассической науки. Речь идет о том, что эта наука «учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности»⁶.

Синергетика исходит из того, что мир включает особый тип диссипативных структур открытого типа, чувствительных к малейшим случайным отклонениям в среде и готовых ко вторжению флуктуаций. Процессы самоорганизации в такой структуре сопровождаются генерацией и отбором различных структурных конфигураций-аттракторов. Все эти конфигурации соответствуют одному и тому же предметному целевому полю, в границах которого происходит схождение траекторий к одной точке, в пределах которой регулярно колеблется состояние системы. Точка схождения не зависит от начальных

¹ Фурса Е. Я. Мироздание – мир волн, резонансов и ничего более. Минск, 2007.

² Госвами А. Самосознающая Вселенная. Как сознание создает материальный мир. М., 2008.

³ Стёпин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.

⁴ Стёпин В. С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 138–166.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же.

условий движения системы. Аттрактор в данном случае выступает как детерминирующий и исправляющий систему фактор. Эта детерминация идет не от настоящего и прошлого, а от будущего.

Для социокультурных систем это означает особую ценностную роль научно-технического прогресса. С точки зрения механизма обновления синергетика вносит в содержание модернизации акцент, связанный со случайностью и нелинейностью перемен. Если же синергетику трактовать как содействие, сотрудничество, то тогда из нее вытекает коэволюционный аспект модернизации. Он указывает на проблему комплексного обновления социокультурной реальности с учетом того, что она находится в природной среде.

Синергетический аспект перехода социокультурной реальности из состояния порядка в состояние хаоса и к последующей самоорганизации вытекает из закона физического старения инфраструктуры. Максимально изношенная инженерная система при внешнем воздействии может оказаться в состоянии хаоса и частичного или полного разрушения. Это событие влечет последствия для человеческого фактора. И именно в этом факторе социокультурной динамики содержатся начала самоорганизации. На основе подобного типа самоорганизации происходило становление Беларуси как независимого государства. Приоритет был отдан технологической модернизации промышленности, сельского хозяйства. Это позволило не только сохранить экономический потенциал государства, но и создать методологию его эффективного использования.

Эта проблема указывает на актуальность согласованного поведения элементов в рамках социокультурной системы (синергизм). Согласованность актуальна и в рамках информационных контактов различных социокультурных систем. На социально-политическом языке речь идет о государственной идеологии, в рамках которой утверждается ценность консолидированного сообщества, принимающего информацию извне. Для Беларуси в условиях постсоветской модернизации (обновления) этот аспект стал приоритетным. В определенные исторические периоды эти процессы порождают качественные состояния социума, которые обозначаются как техногенная культура. Ее характеризует приверженность рационализму, научному знанию и стремлению человека к комфорту и благосостоянию путем производства материальных вещей, к непрерывным изменениям в окружающем мире, совершенствования материальных орудий, завоевания нового пространства и освоения новых форм человеческих отношений¹.

В процессе постсоветской модернизации Беларусь и Россия трансформировались на всех уровнях функционирования.

В экономике произошло: 1) расширение использования капитала и новых технологий; 2) широкое освоение природных ресурсов; 3) расширение вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства; 4) развитие рынков товаров, капиталов и труда.

В социальной сфере наблюдается: 1) ослабление аскриптивных типов социальной структуры и общих типов социальной принадлежности; 2) фрагментация религиозных связей; 3) расширение сферы целерациональных связей, основанных на профессиональных и рыночных критериях.

В политической сфере имеет место: 1) подрыв традиционных форм легитимности диктаторских режимов; 2) введение некоторых элементов демократии.

В культурной сфере происходит: 1) дифференциация духовных систем и ценностных ориентаций; 2) секуляризация и плюрализация общественного сознания и образования; 3) распространение грамотности; 4) формирование национальной культуры и языка; 5) плюрализация идеологических течений; 6) развитие массмедиа и IT-технологий.

¹ Стёпин В. С. *Философская антропология и философия науки*. М., 1992.

В институциональном плане очевиден рост дифференциации институтов, осуществляющих функцию регуляции новых форм деятельности¹.

Деятельность человека имеет четко выраженную социальную направленность и детерминруется множеством культурных факторов, выступающих в виде ценностей, потребностей, интересов, идеалов, норм. Исторически конституировавшись, базовые ценности культуры сформировали матричное поле деятельности. В совокупности эти установки и мотивационные компоненты образуют методологическую основу для функционирования и смены социокультурных программ деятельности на основе ценностей идентичности.

Термин «программа» многофункционален и употребляется в различных смыслах, начиная от программы концерта, политической партии, алгоритма, государства до международных документов, касающихся стратегии развития человечества. Все эти программы могут быть обозначены как человекозаданные, поскольку в них максимально отражаются целевые и ценностные ориентации различных социальных групп народонаселения. Первый тип программ разрабатывается с учетом потребностей, интересов, идеологических приоритетов, научной теории. Каждое из выделенных оснований является как источником объективности, так и субъективности программ. Второй тип программ вытекает из процесса формирования человечества как субъекта деятельности. В основе этих синтетических программ лежит социальная динамика на уровне повседневности. В ней доминирует нерелексивное начало, поскольку общественное сознание не может охватить все многообразие проявлений действительности, а тем более историю как многофункциональную целостность. Согласно В. С. Стёпину, речь идет о наличии у культуры собственного механизма социокода, в пространстве которого представлены неявные мировоззренческие практики, передаваемые из поколения в поколение².

Неявно формируясь и функционируя, эти социокультурные программы задают конкретно-исторический тип реальности и опосредованно детерминируют деятельность. Их рациональное основание представлено аксиологическими компонентами деятельности, отражающими ценностную проблематику.

Ценность — это категория культуры, фиксирующая значимость человека, окружающей его культуры и природы. Значимость предметов культуры вытекает из материализованного в них труда, оригинальной творческой идеи. Значимость природы проистекает из духовных и утилитарных представлений и потребностей людей. Например, лес для белорусов значим не только как место сбора грибов и ягод, но и как часть их внутреннего мира. Значимость индивида определяется как его личными качествами, включая профессиональные, так и культурой коммуникации и поведения. В рамках философии все эти проблемы постепенно поднимались до их системного осмысления. Опираясь категориями аксиологии философия, да и инженерное сообщество, долгое время, вплоть до конца XIX столетия, не вырабатывали четкого ее определения. Это было связано с тем, что в общественном сознании существовало устойчивое мнение о большей важности других вопросов.

Первыми ценностную проблематику обозначили представители баденской школы неокантианства — В. Виндельбанд, Г. Риккерт. Особые заслуги связываются с деятельностью Р. Г. Лотце, акцентировавшего в своих работах внимание читателя на понятии «значимость». Тем самым было отмечено различие значимости и полезности.

Интерес у философов вызвал и механизм переоценки ценностей. Речь шла о том, что в культуре есть какой-то устойчивый неизменный набор ценностей, который имеет определенное содержание. В какой-то исторический момент содержание перестает удов-

¹ Ерасов Б. С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 381–383.

² Стёпин В. С. Культура // Вопр. философии. 1999. № 8. С. 5–11.

летворять общество, и тогда старые ценности наполняются новым содержанием. Весь вопрос только в том, какие должны быть технологии переоценки ценностей. Марксизм видел их в форме социальной революции. Он был ориентирован на значимость будущей жизни. Другие философские направления выявили тесную связь ценностной проблематики с историческим временем (прошлой деятельностью людей на планете). В итоге приоритет стал отдаваться механизмам модернизации.

Прикладные философские разделы сконцентрировались на исследовании особенностей функционирования моральных, эстетических, правовых, экономических ценностей и приоритетов. Выявление значимости и ценностных смыслов идей, природных объектов и предметов технического мира сопряжено со специальными процедурами оценки. Для осуществления этих процедур необходима ситуация ценностного отношения. Во многом она определяется готовностью субъекта не только к взаимодействию с внешним миром, но и к состоянию оценки.

Ценностное отношение — это взаимодействие между индивидом и внешним миром, ориентированное на ценностную проблематику, создающее условия для оценки. Оценка — это процесс получения и обработки информации, основанный на сравнении ее с определенными критериями значимости. Такие критерии фиксируются или в виде категорий, или норм. Так, эстетическая оценка основана на категориях прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического восприятия социальной действительности. В технической области для успешного осуществления оценки (экспертизы) разрабатывается нормативная база стандартов и требований, следование которым обеспечивает объективность процедур оценки. Важно, чтобы нормативные требования соответствовали объективным ценностным смыслам. Они проходят в общественном сознании ряд этапов осознания, поскольку то, что открыто одним индивидуальным сознанием, автоматически не переходит в другие индивидуальные сознания. Понимание занимает определенное время и выражается в формах ценностного восприятия, ценностного представления и ценностной ориентации.

Ценностное восприятие отражает готовность субъекта к пониманию значимости тех или иных артефактов культуры и их концептуальных модификаций. В них фиксируется способность субъекта формировать оценочные образы, основанные на непосредственном взаимодействии с объектом. Продолжительность контакта играет важную роль, но не решающую, поскольку субъект только после контакта начнет формировать методику более глубокой и основательной оценки объекта. В психологическом плане индивид не уверен в правильности оценки и не готов к ответственности за нее.

Ценностное представление отражает способность субъекта оценивать объект не только при непосредственном контакте, но и без него, исходя из нормативных установок и абстрактно-образных построений, инженерного опыта. Но и в этом случае субъект еще не готов к фактору ответственности за объективность оценки. Он готов лишь к заключениям рекомендательного характера. Суть процесса и его значимость он понимает, но лично не идентифицирует его.

Ценностные ориентации отражают высокую степень отождествляемости субъекта с объектом оценки, проявляющуюся в четко определенных приоритетах активности и восприятия. Подкрепленные практикой, они приобретают вид убеждений в правильности результатов оценки.

В процессах профессиональной деятельности ценностные ориентации могут трансформироваться в определенную ценностную шкалу, или нормативные предписания. Как шкала они входят в структуру оценки и выполняют функции эталона при эксперт-

ной оценке результатов профессиональной деятельности. Главное, чтобы их содержание было максимально приближено к объективным ценностным смыслам.

Ценностные представления и ценностные ориентации в значительной степени отражают индивидуальные особенности восприятия субъектом значимости тех или иных компонентов реальности. Содержание их варьируется и в совокупности может включать, при высокой степени объективности, предпочтения по приоритетам. Тогда в силу вступают механизмы ценностного предписания. В них отражаются аспекты необходимости, обусловленности, нормативности, обязательности, объективности.

Структурно ценностное предписание включает механизмы концептуально-мировоззренческого обоснования приоритетов деятельности и их нормативно-методологической реализации. В совокупности эти механизмы образуют технико-технологическую программу деятельности, но не исчерпывают ее содержания. В него еще входят социальный заказ, интересы, цели.

На форму проявления ценностного смысла влияет не только человек, но и та реальность, значимость которой этот смысл отражает. Например, для архаичного производителя ценностное отношение к внешней природе выстраивалось не только в форме оценки, но и табу (запретов). Незнание природы придавало нормативному регулированию запретный характер. Значимость ответственности за результаты научных исследований в естествознании была во многом мотивирована тем, что исследователи стали видеть свою поисковую деятельность в контексте диалога естествознания с культурой. Одним из первых в 1915 году этой мировоззренческой практикой стал пользоваться уроженец Беларуси биофизик А. Л. Чижевский¹. Данные по физике Солнца он спроецировал на эпидемиологические данные и установил прямую зависимость между пиками солнечной активности и пиками эпидемий на Земле. Он прибег к инженерным решениям с тем, чтобы облегчить метеозависимым людям безопасное существование в сложные по геомагнитным признакам дни. Важную роль стал играть мониторинг солнечной активности и магнитных бурь на Земле. По мере развития технологий насыщения социального пространства техникой и связанной с этим роста зависимости от стабильного функционирования энергосистем мониторинг стал актуален и с точки зрения устойчивости повседневного образа жизни.

Постепенно ученые пришли к выводу, что диалог современного естествознания и культуры должен быть практико-ориентированным. Для этого было необходимо мировоззрение, которое базировалось бы на идее универсального эволюционизма. Такое мировоззрение разрабатывали представители различных направлений естествознания. Свои усилия они объединяли на междисциплинарной основе. Такая методология позволила в США на базе Чикагского университета реализовать уникальную стратегию экологической санации Великих американских озер и одного из самых загрязненных промышленных городов, в частности Чикаго. Инвайронментализм стал не только мировоззренческой, но и инженерной практикой реализации экологических проектов в локальном пространстве.

В Восточной Европе целостную систему экологического мировоззрения обосновали В. И. Вернадский, Н. В. Тимофеев-Ресовский, Н. Н. Моисеев. Ключевую роль в нем играют понятия универсального эволюционизма, биосферы, ноосферы, коэволюции.

Человечество осуществляет техногенную деятельность на сравнительно небольшой планете Солнечной системы с ограниченными возможностями саморегулирования. Интенсивность потребления всех видов ресурсов за последние сто лет невероятно возросла. Атмосфера и водные бассейны практически не способны уже справиться с фильтрацион-

¹ Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976..

ной работой. Дополнительные трудности в сохранении равновесия в биосистеме создают сами люди. Созданные ими технологии крайне неэффективны и расточительны. Потребление ресурсов не упорядочено. Местность загрязняется.

Основные беды человечества формулируются как глобальные проблемы. В этом списке выделяются вопросы экологии, сохранения мира на планете, продовольственной обеспеченности народонаселения, преодоления социальной отсталости, эффективного использования ресурсов. Все эти проблемы актуализировали задачу устойчивого развития человечества. Ее решение связывается с выработкой рекомендаций и специальных программ по сохранению биотического равновесия на планете. В большей степени речь идет о коэволюции как способности человечества максимально адаптировать культивируемый тип деятельности и культуры к возможностям природной системы на планете.

Термин «коэволюция» актуализирован биологами во второй половине XX в. для обозначения специфики взаимодействия организмов в процессе совместной эволюции. Были выделены мутуалистическая и немутуалистическая ее формы, в рамках которых анализируются коэволюция организма и паразита, хищника и добычи; птиц, насекомых и опыляемых ими растений, крупных животных и сопровождающих их санитаров-чистильщиков.

При проекции понятия коэволюции на социокультурную деятельность людей возникает ассоциация о взаимной эволюции человека и растений, человека и животных через их одомашнивание. При этом человек выступает как основной потребитель этих представителей биосферы. На уровне самого предельного обобщения речь ведется о взаимной эволюции биосферы и цивилизации.

Хронологически эти процессы абсолютно неравнозначны. У биосферы был длительный доцивилизационный период адаптации к особенностям Земли. Поэтому ее «опыт» более основателен, и у науки есть основания говорить о ней как об эффективной самоорганизующейся системе.

Биосфера – это живые организмы и заселенное ими пространство Земли в форме литосферы, гидросферы и атмосферы, а также вовлеченные в органический обмен минералы и молекулярно-атомарные структуры. Биосфера через живые организмы поглощает вещество и энергию извне, которые многократно используются в обменных процессах. В этих процессах задействованы продуценты, консументы и редуценты.

В качестве продуцентов выступают автотрофные организмы. Они используют солнечную энергию для выработки из неорганических соединений (воды и двуокиси углерода) богатых энергией органических веществ собственного тела, биомассы. Речь идет о зеленых растениях, синезеленых водорослях, фотосинтезирующих бактериях.

Консументы – это, с одной стороны, растительноядные животные, а с другой – поедатели их хищные животные.

Редуценты выполняют важную функцию утилизации отмерших растений и водорослей, а также погибших животных. Они разлагают органическую массу до уровня минерализации. К тому же биосфера использует механизмы утилизации, связанные с формированием осадочных пород, в которых при определенных условиях формируются механизмы аккумуляции энергии в виде энергоресурсов (торфа, угля, сланцев, нефти, газа).

Модернизация находится на начальном этапе освоения экосоциальной практики. Она постепенно освобождается от технократических установок и берет за основу техноаксиологизм, в рамках которого формируется концепт природно-ландшафтного комплекса с характерными для региона особенностями деятельности и ресурсной базы. Коэволюционные тенденции определяют конституирование системотехнических комплексов, в

пределах которых значительная роль отводится малым и средним городам, способным сочетать промышленную и аграрную деятельность с возможностями саморегулирования биоценозов. Данная тенденция указывает на растущее значение диалога современного естествознания через институты культуры с техническими науками и инженерной деятельностью. Речь идет о направлении ценностной проблематики практико-ориентированного содержания.

Синтезировать прагматичные и экологические задачи человечества в рамках структурно-функционального подхода позволяет бионика. С ее позиций инженерам, техническим специалистам нет необходимости объяснять ценность биологического разнообразия, поскольку существование этого разнообразия является важным источником не только социоприродного равновесия планеты, но и уникальных инженерных решений в рамках имитационного моделирования технических систем и технологических процессов. Фактически биосфера является для инженеров основной базой данных для конструкторских решений. Организмы содержат в себе информацию о материалах, образцах, процессах, актуальных для инженеров. В Беларуси исследования биологов тесно связаны с технологическими решениями. Эти решения проецируются на задачи сельского хозяйства, промышленности, строительства, энергетики, информационного сектора. Новый взгляд на живую природу позволил говорить о стратегии создания возобновляемых сырьевых зон, что значительно увеличило потенциал и привлекательность отечественного сельского и лесного хозяйства, строительной индустрии, машиностроения.

С точки зрения развития биотехнологий интерес представляют модификации сингенеза. Они изучаются в форме взаимоотношений хозяин – паразит, хищник – добыча, насекомое – растение. Формирование взаимосвязей между популяциями в процессе эволюции шло в географической среде. Биологи выявили три основных механизма взаимодействия популяций, основанных на узкой специализации, генерализации, симбиозе. Узкая специализация обеспечивает доступ популяции к веществу, энергии, информации на основе формирования определенного образа жизни (ночного, дневного), адаптации к пищевому рациону, состоящему из одного вида организмов, что неизбежно сказывается на трансформации тела и его рабочих органов. Генерализация отражает стремление популяции выжить в географической среде путем расширения разнообразия пищи, всеядности, миграции. Симбиоз вырабатывает взаимодействие, связанное не только с пищей, но и безопасностью. Получаемые учеными знания об основных механизмах коэволюции используются для развития ветеринарной науки, повышения эффективности селекционной работы, борьбы с паразитами.

Макропроектирование в качестве территориальных единиц избрало регион, агломерацию. Микропроектирование акцентировано на средних и малых городах, агрогородках, населенных пунктах с традиционной инфраструктурой. Главный параметр коэволюции во всех видах системотехнического проектирования определяется понятием экологического равновесия, которое достигается в границах ландшафтно-природного комплекса обеспечением территориально-биосферного разнообразия, перераспределением техногенных нагрузок. Речь идет о создании биоценозов, способных к саморегулированию в условиях техногенной среды. Для решения этой задачи необходимо знать базовые биологические взаимосвязи, которые обеспечивают устойчивость биоценозов в данном регионе. Устойчивость биоценозов определяется в значительной степени саморегулированием и воспроизводством атмосферного воздуха, водных ресурсов, почвы, лесных и парковых зон, а также геохимической и физической активностью ландшафтов, балансом биомассы.

Важную роль в развитии коэволюционной методологии играют методы географии, в частности климатологии, метеорологии, биогеографии, ландшафтоведения, геохимии

ландшафтов, социально-экономической и медицинской географии. Геохимические описания территорий позволяют прогнозировать их устойчивость к антропогенным нагрузкам. Эти нагрузки проецируются также на второго участника социоприродной коэволюции — человека с точки зрения учета: 1) предельно допустимых концентраций химических элементов в атмосфере, воде, почве; 2) критериев зонирования; 3) ограничений; 4) нормирования санитарных разрывов, очистки производственных выбросов и сточных вод, утилизации, обеззараживания мусора.

Важным является решение задач: 1) совершенствования технологий очистки сточных вод; 2) сокращения выбросов в атмосферу вредных веществ; 3) переработки твердых промышленных и коммунальных отходов; 4) внедрения малоотходных технологий; 5) создания экологически чистых видов транспорта, безопасной энергетики, систем эффективного водоснабжения и водоотведения, оперативной связи; 6) внедрения новых методов инженерной подготовки территорий; 7) использования бесшумных видов транспорта; прогрессивных методов водоподготовки; современных методов защиты от воздействия электромагнитных колебаний, радиации, теплового загрязнения; технологий прокладки инженерных коммуникаций; 8) оптимального размещения инженерно-технических систем на территории.

В инженерном проектировании наиболее важны комплексный, системный и биоэкологический подходы. В результате актуальными стали задачи мониторинга, безопасности, сохранения биологического разнообразия, обустройства региональных природно-ландшафтных комплексов, модернизации транспортной и водосточной систем столичного мегаполиса, перераспределения антропогенных нагрузок путем выноса промышленных предприятий за границы крупных городов, развития малой энергетики, диверсификации.

Трансформация глобального мировоззрения указывает на тенденцию перевода производства на экофильные технологии, в рамках которых соблюдаются трофические отношения между продуцентами и консументами. В условиях промышленных промыслов речь идет о научно обоснованных квотах изымания организмов из популяции. Важная роль отводится экофильным технологиям, заменителям естественного воспроизводства популяций в дикой природной среде. Так, производство рыбы, морских моллюсков давно имеет характер промышленного производства. В Беларуси имеются практически все условия для наращивания потенциала этого производства за счет освоения новых видов технологий выращивания и переработки биоресурсов. Благодаря коэволюционному взаимодействию с человеком многие исчезающие виды живой природы получили право на существование в силу их ценности как результата и показателя труда.

Внедрению нового мировоззрения препятствуют многие факторы, коренящиеся в экономических показателях рентабельности, конкурентоспособности, эффективности. Альтернативные экологические технологии влияют на ценовой фактор. Они требуют высокой потребительской культуры, понимания того, что высокая цена на товары, произведенные посредством экофильных технологий, диктуется более высокими издержками, связанными с внедрением инноваций.

В Республике Беларусь государство приступает к решению стратегических задач формирования культуры экологического менеджмента качества, который основан на: 1) производстве продукции из натуральных компонентов; 2) безопасности условий труда и технологических процессов; 3) внедрении полных циклов производственной деятельности, включая переработку вторичного сырья, многократного использования ресурсов; 4) натуральности процессов; 5) рекультивации; 6) использовании технологий зеленой линии (фармацевтика, парфюмерия, пищевая промышленность).

В целях популяризации экологического менеджмента качества отечественным производителям приходится активно осваивать рекламно-маркетинговую деятельность. Так, реализуется стратегия долговременного благополучия отечественных покупателей. Имеются в виду задачи: 1) удовлетворения потребностей потребителей в соответствии с гуманными ценностями; 2) обратной связи с покупательскими запросами и национальной культурой; 3) реализации программ социально-экономического развития города, региона, в котором находится предприятие. Важную роль в трансформации маркетинговой деятельности сыграла методология инвайронментализма, акцентировавшая ценность окружающей среды. Многим предприятиям пришлось провести модернизацию в целях придания технологическим процессам большей безопасности и экологической направленности.

Козволюционная стратегия инженерной деятельности наполнила диалог современного естествознания и культуры практико-ориентированным содержанием. В результате наука стала ближе к насущным задачам человечества. При этом в диалоге естествознания и культуры постоянно возникают новые аспекты обсуждения проблем. Под влиянием последних достижений генетики они сместились в область антропологической тематики. Генная инженерия стала вызывать опасения, связанные с возможными последствиями вмешательства в генетические программы человека. Из субъекта он может превратиться в объект не только информационного, но и технологического манипулирования.

СТРУКТУРА ТЕОРИИ И ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ СОЦИОЛОГИИ ВЛАСТИ

Как известно, В. С. Стёпин в 1960–90-х гг. активно разрабатывал и развивал авторскую концепцию структуры и генезиса теоретического знания, в основе которой лежал оригинальный синтез логики деятельностного подхода, системного анализа и идей историзма. В своей работе «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция» (1999) В. С. Стёпин констатирует факт исторической изменчивости форм науки при сохранении ее сущностного содержания, которое заключается в «специфических особенностях научного познания, отличающих его от других форм познавательного отношения человека к миру, в том числе и от обыденного познания. К ним относятся следующие: а) установка на исследование законов преобразования объектов и реализующие эту установку предметность и объективность научного знания; б) способность науки выходить за рамки предметных структур наличных видов и способов практического освоения мира и открывать человечеству новые предметные миры его возможной будущей деятельности; в) укоренение в науке особого способа порождения знаний, при котором модели предметных отношений действительности создаются «сверху» по отношению к практике; г) выработка наукой специального языка, пригодного для описания его объектов, необычных с точки зрения здравого смысла; д) наличие особых средств практической деятельности; е) особенность метода познавательной деятельности; ж) системный, обоснованный характер знания как продукта научной деятельности; з) специфические особенности субъекта научной деятельности, ориентированного на овладение не только средств и методов исследования, но и на усвоение системы ценностных ориентации и целевых установок»¹. К специфике научного знания следует отнести и структурную организацию теории как конечного продукта процесса научной рефлексии. В работах В. С. Стёпина много внимания уделяется прояснению структуры теории и ее связи с социокультурным окружением науки. «Теория включает: 1) уравнения (математические выражения законов);

¹ Кузнецова Л. Ф. «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция» (Стёпин) // История философии: энцикл. URL : http://velikanov.ru/philosophy/teoreticheskoe_znanie_struktura_istoricheskaja_evolyucija_stepin.asp. Дата обращения: 12.11.2013.

2) теоретическую схему, для объектов которой справедливы уравнения; 3) сложные и опосредованные отображения объектов, составляющих схему, на эмпирический материал; 4) их отображение на картину мира»¹. К этим структурным компонентам В. С. Стёпин добавляет еще один – основания науки. «В сложившейся и развитой системе дисциплинарного научного знания основания науки обнаруживаются, во-первых, при анализе системных связей между теориями различной степени общности и их отношения к различным формам эмпирических знаний в рамках некоторой дисциплины (физики, химии, биологии и т. д.), во-вторых, при исследовании междисциплинарных отношений и взаимодействий различных наук.

В качестве важнейших компонентов, образующих основания науки, можно выделить: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки.

Перечисленные компоненты выражают общие представления о специфике предмета научного исследования, об особенностях познавательной деятельности, осваивающей тот или иной тип объектов, и о характере связей науки с культурой соответствующей исторической эпохи»².

Беря за принципиальную схему модель организации и функционирования научной теории, которую предлагает В. С. Стёпин, можно попытаться сконструировать «стартовую площадку» для отраслевых социологических теорий, появление и развитие которых составляет неотъемлемую характеристику современного социологического знания. В качестве примера автор предлагает свое видение теоретико-методологических основ социологии власти, которая подвержена всем «болезням роста» молодой социологической теории.

Любая научная теория заключает в себе не только предметное, но и методологическое содержание. Последнее не сводится лишь к описанию наборов приемов и процедур научного поиска истины, но несет в себе нечто большее, что является неотъемлемой и необходимой частью процесса познания мира человеком.

Определяя методологические основы социологии власти, выясним один из аспектов функционирования науки в культуре, в обществе. Этот аспект заключается в том, что существование и развитие науки является не автономным, а социально детерминированным процессом. Социально-культурная обусловленность научно-познавательной деятельности является объективной закономерностью. Но каким же образом осуществляется эта детерминация, что и в какой мере в научной деятельности подвержено влиянию извне?

Если рассматривать историю науки, то можно зафиксировать следующее явление: «По мере изменения типа культуры меняются стандарты изложения научного знания, типы видения реальности в науке, стили научного мышления...»³ Экономические и социальные, исторические и культурно-национальные условия и особенности, формирующиеся в контексте культуры, выступают как факторы, оказывающие влияние на выбор направления и задач научного исследования, на его логику и когнитивные нормы, которые в конечном счете выступают познавательно-ценностными установками и ориентирами.

Конкретно-исторический подход позволяет представить процесс социокультурной детерминации научно-познавательной деятельности как включение в ее контекст различных вненаучных факторов, создающих пространство предпосылок знания, его порождающую среду, на что указывают, например, Т. Кун и М. Малкей. Условно знание можно представить в виде нескольких составляющих:

– субъект познания – тот, кто отражает объект познания;

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск : БГУ, 2012. С. 96.

² Стёпин В. С. Теоретическое знание (М., 1999). URL : <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html> (дата обращения: 12.11.2013).

³ Социологический реализм и проблема онтологического обоснования социальной науки (круглый стол) // Социолог. исследования. 1990. № 9. С. 93.

– объект познания – часть объективной реальности, то, что отражается;
– как отражается, каким образом, с помощью каких исследовательских средств и процедур;
– насколько адекватно отражается объект, критерии определения и оценки этой адекватности.

Среда, в которой идет процесс отражения (научного познания), т. е. социально-культурное окружение науки и ученого, которое и определяет в значительной степени первые три составляющие, задает процедурный и ценностный контексты когнитивной деятельности субъекта.

В процессе детерминации научной деятельности социокультурными факторами методологические основы конкретной науки или теории занимают свое определенное место, место своеобразного буфера или посредника между наукой, конкретным содержанием теории и внешней среды науки, культурно-исторической реальностью.

Методологические основы впитывают в себя особенности этой среды, позволяя науке быть постоянно включенной в актуальную культурную ситуацию, и являются центральным звеном процесса социально-культурной обусловленности научного познания. Они выступают как своеобразный «защитный пояс» теории в структуре научно-исследовательских программ И. Лакатоса, но с гораздо более широкими возможностями и функциями.

Определяя функции методологии в той или иной теории, мы можем выделить в ней два уровня или две составляющие: во-первых, теоретико-методологическую часть и, во-вторых, конкретно-методологическую, или методическую, часть. Первую мы можем определить как методологические основы данной теории, как ее мировоззрение, ее философско-мировоззренческое содержание, заключающее в себе инвариантные позиции, задающие условия научного поиска, содержащие и описывающие предпосылки этого поиска и общие, принципиальные подходы к реализации исследования. Такое содержание предполагает, что методологические основы включают в себя:

1. Онтологию, или частную картину мира, – фундаментальные, социально-философские и общетеоретические представления об объекте исследования, представленные в концептуальном аппарате или аксиоматике теории, т. е. первичных самоочевидных допущениях, исходных постулатах и положениях, которые описывают идеализированный объект теории, задают основной каркас, контур исследуемого фрагмента реальности. Эту составляющую методологических основ можно было бы назвать, используя терминологию Т. Куна, «метафизическими частями дисциплинарной матрицы», задающими видение универсума и его онтологию.

2. Категориальный аппарат теории, задающий язык исследования, отражавший логику научного поиска в рамках конкретной теории. Через понятия и категории определяются предмет, цели и задачи исследования. Развитие теории – это развитие системы ее категорий, содержания этих категорий, в котором и раскрывается предмет теории. Использование взаимосвязанных понятий и категорий – это использование самой теории, концепции: мы смотрим на мир глазами, но понимаем и выражаем свое понимание через язык, через категории и понятия, которые есть у нас об этом мире и через которые мы конституируем окружающую нас реальность.

3. Логику теории, которая тесно связана с применением категориального аппарата и содержит правила работы со «словами и вещами» в данной теории: правила вывода и объяснения, условия и критерии научности, схемы и правила интерпретации. Последним, кстати, уделяется много внимания в современной социологии благодаря субъективистским подходам – символическому интеракционизму, этнометодологии, феноменологической социологии. Именно через механизм интерпретации самым непосредственным

образом происходит социокультурная детерминация знания: одно и то же явление или факт, в зависимости от культурного кода, стандарта, образца, могут быть понимаемы совершенно различно, стать носителями отличающихся смыслов для представителей разных общностей, ибо, применяя различные методы интерпретации, они получают разные результаты-смыслы. Таким образом, в логику входят и системы ценностей, т. е. ценностных установок и критериев, влияющих на выбор и направление исследования, на характер получаемых знаний, на цели их практического применения.

Логика как элемент методологических основ призвана отражать правила и схемы производства смыслов (смыслотворчества) данной теории.

4. Общие принципы и нормы технологии изучения объекта или принципы исследования, представленные в виде исследовательских подходов, которые дают возможность глубоко и всесторонне раскрыть специфику объекта, его сущность, содержание и природу. Исследовательский подход – система, совокупность конкретных видов анализа, применение которых диктуется конкретными исследовательскими ситуациями, представлениями о научности, ценностными установками ученого и т. д.

5. Стратегию взаимодействия и сосуществования с другими научными дисциплинами, которая определяется исторической традицией данной теории и ее современным состоянием, уровнем исследований, запросами практики. Английский социолог У. Аутвейт, например, считает, что социология уже «...начинает осознавать свой предмет как междисциплинарный по преимуществу» и «социологи все яснее понимают, что их работа по своей сути должна быть, прежде всего, междисциплинарной, интернациональной, компаративистской»¹.

6. Механизм включения в общий культурный контекст данной теории, полученного знания, который, по мнению автора, тесно связан с праксеологическими аспектами.

Методологические основы определяет целостность предметной области той или иной дисциплины, т. е. позволяет выделить ее, определить эту дисциплину относительно других наук, обозначить ее своеобразие, а значит, и определить ее место в корпусе наук; методологические основы – это господствующие познавательные и ценностные стандарты, которые «исходя из реальных возможностей и потребностей общества... осуществляют выбор, “вырезку” того или иного среза реальности»². Одна из важнейших функций теоретико-методологической части теории – это выработка и обоснование общей стратегии исследования объекта, от которой успех исследования зависит в огромной степени. Еще одна функция – задать видение предмета исследования через собственную картину мира, адаптировать результаты исследования к культуре эпохи, сделать их достоянием и фактом общественного сознания и практики.

Методологические основы сами по себе вполне могут выступать формой самопознания и самосовершенствования науки; их развитие, как и развитие всей методологии, – один из важнейших путей развития научного познания мира.

Конкретно-методологическая, или методическая, часть содержит и развивает знание о методике конкретных исследований, о механизмах приложения исследовательских процедур и методов к конкретным исследовательским ситуациям, о выявлении областей применения тех или иных методов познания, о формальной структуре научных объяснений.

Методология и в частности методологические основы социологии власти призваны выразить общие исследовательские возможности социологии как орудия познания в исследовании феномена власти и предопределить ее вписанность в наличный социокультурный контекст.

¹ Социологический реализм и проблема онтологического обоснования социальной науки (круглый стол) // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 15.

² Социально-философские проблемы производства и применения научных знаний / Т. А. Антонюк [и др.]. Минск : Наука и техника, 1992. С. 96.

ИНТЕНЦИИ И ФОРМЫ КРЕАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДМЕТНОГО, НОРМАТИВНОГО И РЕФЛЕКСИВНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Научное познание в отличие от вненаучных способов познавательного освоения реальности (игрового, мифологического, религиозного, художественного, обыденного, практического познания и др.) обеспечивает получение наиболее достоверного когнитивного результата во многом благодаря тому, что в нем более интенсивно и системно по сравнению с названными видами вненаучного познания осуществляется взаимодействие нескольких фундаментальных типов знания: предметного, нормативного и рефлексивного.

Квалификация предметного, нормативного и рефлексивного знания как фундаментальных типов знания базируется на обобщающей исторические факты идее о системообразующем характере их связей в генезисе и становлении науки. Новое качество предметного научного знания (относительно результатов мифологического, религиозного, обыденного и других видов вненаучного познания) было обеспечено его генетическими, структурными и функциональными связями и взаимодействиями с сознательно фиксируемой и направленно культивируемой совокупностью нормативного и рефлексивного знания. Для каждого из функционирующих в науке фундаментальных типов знания другие типы – это не индифферентный когнитивный фон, а активно взаимодействующие с ним компоненты познавательного процесса. Соответственно характер (интенции, детерминанты и формы) такого рода взаимодействия рано или поздно должны были стать осмысленным предметом философско-методологических исследований, способствующих выявлению его особенностей в конкретных познавательных ситуациях.

Отмеченная ориентация была заложена еще в Античности, но в явном виде и более последовательно проявилась в гносеологии Нового времени в русле «эпистемологического поворота» философии, когда на первый план вышла проблема метода. В современной философско-методологической литературе представлен обширный материал о типах, формах и функциях рефлексивного знания, каналах его влияния на предметное содержание и исследовательский инструментарий научной работы, известный широкому кругу

специалистов по методологии науки. Тем не менее, несмотря на наличие развитых представлений о формах бинарного взаимодействия предметного и нормативного, предметного и рефлексивного знания, не отмечено поставленной в явном виде общеметодологической проблемы форм креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания коррелятивно типологии научных проблем, характеру методологий их исследования и характеристикам планируемого (теоретического или прикладного) результата. Соответствующая заявленной теме проблематика присутствует в трансдисциплинарных исследованиях по вопросам охраны окружающей среды, безопасности, проблемам антропологии и др. Но на данное время там она представлена в основном по принципу прагматической достаточности (для изучения конкретных вопросов) и также не содержит методологических разработок интегративного характера, ассимилирующих ценные приобретения предшествующих направлений по проблеме форм креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в науке.

Цель данной работы – определить основы общенаучной концепции, воспроизводящей фундаментальные интенции, особенности детерминации форм и тенденций креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке. Для этого необходимо решить ряд сопряженных с поставленной целью задач: по классификации познавательных ситуаций, создающих исходные условия и предпосылки определенного варианта креативного взаимодействия названных типов научного знания; по выявлению коррелирующих с исходными условиями ключевых форм такого рода взаимодействия, и в частности, форм ассимиляции в русле данного процесса вненаучного знания, воспроизводящего практический опыт в конкретных предметных сферах; по выявлению факторов, определяющих доминирующие тенденции креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной практико-ориентированной науке.

Характер познавательных ситуаций, создающих исходные условия и предпосылки креативного взаимодействия названных типов научного знания, определяется общей направленностью когнитивных процессов на приращение предметного знания коррелятивно связям в познаваемом объекте части (особенного) и целого (общего), к которым так или иначе адаптировался исследовательский инструментарий науки в ходе своей эволюции. По данному критерию вся совокупность когнитивных процессов может быть дихотомически разделена на два типа:

1) когнитивная селекция как группа когнитивных процессов, осуществляемых преимущественно в русле дисциплинарных исследований, в ходе которой из всего множества характеристик познаваемого объекта отбирается (выбирается) их определенная совокупность, фиксируемая в содержании целей и задач научного исследования, его предмета и проблемы;

2) когнитивная холизация как группа когнитивных процессов, осуществляемых преимущественно в русле междисциплинарных, трансдисциплинарных и кроссдисциплинарных исследований, в ходе которой осуществляется целесообразное объединение (интеграция, синтез) знаний об исследуемом объекте в более масштабную (по сравнению с дисциплинарной) систему с учетом как внутринаучных (внутриносеологических), так и вненаучных (внегносеологических) факторов. В настоящее время осмысление процессов когнитивной холизации ведется в широком диапазоне уровней и аспектов¹.

¹ Wilber K. *The Integral Vision: A Very Short Introduction to the Revolutionary Integral Approach to Life, God, the Universe, and Everything*, 2007; Benedikter R., Molz M. *The Rise of Neo Integral Worldviews* // Hertwig M., Morgan J. (eds.) *critical realism and spirituality*. Routledge, Taylor & Francis Group, 2011. P. 29–74.

Конкретизации и резонансные проявления такого рода общеметодологической дихотомии могут быть найдены на всех уровнях рефлексивного осмысления познавательных действий, организованных в форме науки: это представления о том, что такое анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, дифференциация и интеграция, интенсивное и экстенсивное развитие научного знания, редукционизм и холизм и др.

Когнитивная селекция, осуществляемая в русле предмето- и проблемогенеза, а также в ходе определения целей и задач научного исследования, сопряжена с необходимостью отвлечься от характеристик познаваемого объекта, не связанных сколь-нибудь тесным образом с системой предпосылочного знания (прежде всего, научной картиной исследуемой реальности), вытекающей из нее логикой эмпирического и теоретического анализа, запросами прикладной сферы, и сосредоточиться на тех характеристиках, которые явным образом коррелируют с названными обстоятельствами. Она включает два взаимосвязанных процесса: 1) отвлечение от некоторого множества известных свойств и отношений познаваемого объекта; 2) фиксация подлежащей исследованию совокупности свойств и отношений на основе их сознательного выбора, отбора из всего множества характеристик объекта.

В этих процессах достаточно очевидно ключевое значение рефлексивного знания, основной формой взаимодействия которого с предметным знанием является телеологизирующая когнитивная селекция как процесс, направленный на осмысленный выбор целей и задач исследования на основе, во-первых, принятого в научном сообществе представления о научной рациональности, выражающей тип знания, которое необходимо получить, и его социальную ценность¹, во-вторых, осмысления принципиальной возможности их (целей и задач) реализации, базирующейся на предметном знании, в-третьих, учета всей совокупности материальных, когнитивных и методологических условий конкретного научного исследования, включающей наличие (или отсутствие) необходимых материальных средств исследования, продуктивных методов, обоснованных гипотез, доказанных теорий и др. Результаты телеологизирующей когнитивной селекции закономерно определяют наличие очередной формы креативного взаимодействия фундаментальных типов знания – телеологизированной предметной селекции.

Телеологизированная предметная селекция – это процесс структурирования научно-го исследования, задающий его предметную ориентацию исходя из содержания поставленных целей и задач. Специфика последних направляет процесс ограничения предметной области исследования до ее параметров (масштаба, типов и скорости протекающих в ней взаимодействий, направленности и темпа ее эволюции и др.), коррелирующих, во-первых, с содержанием поставленной цели (отсюда название процесса – телеологизированная, т. е. определяемая целью, предметная селекция), во-вторых, с возможностями инструментально обеспечить пути достижения поставленных целей по приращению предметного знания. Эти пути определяются в контексте еще одной из форм креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания, которую есть основания назвать телеологизированной интерактивной селекцией. Это процесс, направленный на определение диапазона взаимодействий исследуемого объекта с другими объектами как средствами исследования, на основе которых (взаимодействий) возможно приращение предметного знания об исследуемом объекте. Такого рода взаимодействия составляют онтологический, точнее интерактивный, источник новой информации о нем и соответственно приращения предметного знания. Наиболее наглядно взаимодействие

¹ Стёпин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска. Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981; *Он же*. Теоретическое знание. М., 2003.

фундаментальных типов знания в контексте телеологизированной интерактивной селекции проявляется в ходе обоснования метода исследования.

Проблема обоснования метода индуцируется необходимостью доказать рациональность схемы познавательных действий, выраженной в системе его предписаний как нормативном знании. Известно, что рациональность познавательных действий в науке немислима вне их связи с предметным знанием, относящимся к объектам, вовлеченным в сферу познавательного действия. В рамках проблемы обоснования научного метода содержание этого аспекта трансформируется в вопросы о том: связана ли рациональность действий, регламентируемых заключенным в предписаниях метода нормативным знанием, с предметным знанием, относящимся к исследуемому объекту, и если связана, то каким образом? В свое время, анализируя эти вопросы, мы показали, что обоснование научного метода необходимо рассматривать как подтверждение, генерирование либо трансформацию его предметно-концептуального содержания под направленным воздействием имеющихся конкретно-научных данных, различных форм предпосылочного знания, исследуемой проблемы и индивидуальных творческих ресурсов исследователя как используемых для этого оснований. Это рефлексивно осмысленный процесс конструирования предметно-концептуального содержания метода с целью создать его (метода) продуктивный потенциал за счет используемых оснований. Одновременно – это рационализация операционально-нормативного содержания метода, т. е. установление связи этого содержания (как системы предписаний) с законосообразными предметными представлениями и логической структурой исследуемой проблемы. Установление отмеченных связей предметного и нормативного знания осуществляется посредством механизмов концептуального и логического обоснования метода¹, которые с учетом отмеченных обстоятельств могут быть квалифицированы как специфические формы взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания.

В контексте проблемы обоснования научного метода достаточно определенно может быть зафиксирована еще одна форма взаимодействия предметного, и нормативного, и рефлексивного знания, известная как операциональная заданность (операционализация) предмета исследования. Суть ее в том, что в содержание предмета исследования рефлексивно осмысленно включаются только те элементы познаваемого объекта, которые могут быть реально вовлечены в целенаправленное и контролируемое взаимодействие со средствами исследования².

В этом же контексте правомерно выделить предпосылки отмеченного еще Г. Гегелем расширения метода в систему как процесса конституирования предметно-концептуального содержания метода (именно операционально задаваемого предмета исследования) в качестве фрагмента предметного знания в сфере исследуемой реальности. По мере продуктивного функционирования обоснованного метода укрепляется истинностный статус данного фрагмента, а сам процесс также может быть квалифицирован как одна из форм креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания.

Когнитивная холизация, как уже отмечалось, представлена целесообразными процессами объединения (интеграции, синтеза) знаний в более масштабную (по сравнению с дисциплинарной) систему, параметры которой определяются широким набором научных и вненаучных факторов. Основные формы когнитивной холизации можно квалифицировать в качестве процессов и образований, симметричных формам когнитивной селекции. Это соответственно: телеологизирующая когнитивная холизация, телеологизированная предметная холизация и телеологизированная интерактивная холизация.

¹ Лукашевич В. К. Научный метод: структура, обоснование, развитие. Минск, 1991.

² Стёпин В. С., Томильчик Л. М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970.

Телеологизирующая когнитивная холизация — это совокупность познавательных действий, направленных на поиск (обоснование) цели, на основе которой возможно (и необходимо) объединение разнообразных знаний в систему. Телеологизирующая когнитивная холизация как форма креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания может быть выделена в особое когнитивное образование процессуального характера по критерию достаточно очевидных оснований — всегда необходимо знать, для достижения какой цели (сугубо познавательной или практико-ориентированной) планируется объединение накопленных знаний. В современной, не без основания называемой практико-ориентированной, науке (техно-науке)¹, в русле ключевой проблематики которой будет продолжен анализ заявленной темы, наиболее актуальны исследования во втором аспекте, точнее, в русле практико-ориентированных научных проектов в технико-технологической сфере, медицине, экономике, управлении, природоохранительной деятельности и др. Соответственно, здесь на первый план выходит выявление механизмов рационализации целеполагания, т. е. выбора целей деятельности в этих сферах с учетом действия большого количества факторов. В их числе: природные и социальные условия, социальные потребности, уровень их рефлексивного осмысления в широкой сфере общественного сознания, в том числе средствами научной рефлексии, и др. Главной проблемой в этом широком предметном контексте является поиск знаний, фундамирующих значимость (правомерность) выдвигаемых целей и их ожидаемую достижимость (реализацию) в виде социально востребованных процессов и объектов, т. е. знаний, позволяющих согласовать социальные потребности с реальными возможностями, которыми на данное время располагает социум в целом, и в частности научное сообщество. Ключевое значение для ее решения имеет анализ взаимодействия вненаучной и внутринаучной рефлексии.

Названная проблема должна анализироваться в нескольких аспектах, основные из которых на данное время обозначились достаточно отчетливо: во-первых, в широком русле исследований, объединяемых под названием «культура человеческих потребностей»; во-вторых, в рамках социального заказа науке.

В первом аспекте фундаментальное значение для рационализации целеполагания имели и по настоящее время имеют ограничительные регулятивы: различные табу (запреты, моратории, предубеждения). В своем генезисе — это результаты рефлексивного осмысления всеми средствами общественного сознания существующего уклада жизни и его духовных (мировоззренческих) оснований, которые далее приобретают отчетливо выраженный нормативный характер. Однако ограничительные регулятивы в сфере целеполагания не могут быть определяющими. Необходимы позитивные предметные знания, а также умение рефлексивно анализировать возможные тренды и последствия их практического применения в русле многогранной жизнедеятельности социума. Это, в свою очередь, связано с осмыслением усилий по преобразованию имеющейся реальности и созданию новых объектов, без чего его (социума) существование, по меньшей мере в условиях техногенной цивилизации, невозможно.

Соответственно, необходима «привязка» такого рода ментальной деятельности к условиям жизнедеятельности конкретного социума. Механизм такой привязки выражает содержание понятия «социальный заказ», в данном случае понятие «социальный заказ науке» на нововведения в сфере искусственной реальности, отвечающие потребностям социума. Его формирование предполагает, во-первых, осознание обществом неспособности существующих объектов (систем) выполнять социально востребованные функции

¹ Стёпин В. Институциональные изменения в современной науке // Наука и инновации. 2009. № 12 (82). С. 5–9.

в необходимом варианте; во-вторых, стимулирование объективного анализа сложившейся ситуации и выдвижение идей, фундирующих возможные направления поиска альтернатив существующему; в-третьих, выдвижение наиболее общих критериев приемлемости альтернатив. В итоге социальный заказ науке на нововведения формируется как общественно осознанная необходимость в создании на основе научного знания новых объектов (систем) в качестве альтернатив тому, что существует, которые: обеспечивают устойчивое социально-экономическое развитие общества и его безопасность, гарантируют сохранение качества окружающей среды и генофонда социума, расширяют диапазон контактов их элементов со сферой культуры и возможности духовного роста¹.

Социальный заказ на создание альтернативы в любом случае должен быть конкретизирован по определенным параметрам нововведений. В этом контексте актуализируется весь круг проблем, связанных с функцией искусственного воспроизведения реальности как одной из ключевых в современной науке. Конкретизация параметров альтернативы осуществляется одновременно с уточнением целей, которым она должна служить. В ходе этого процесса максималистские целевые установки, исходящие из сферы социальной психологии и интересов аксиологически экзальтированных лиц, как правило, элиминируются, все прочие претерпевают изменения коррелятивно имеющимся и планируемым средствам их достижения, а также соответственно сложившейся ситуации в целом (в ее социально-экономических, экологических, научно-технических, социокультурных, социально-психологических и других измерениях). Например, параметры новых энергетических установок далеко не всегда выдержаны по максимально достигаемым значениям. Чаще всего в рамках единого энергетического комплекса страны выбираются их определенные типы, адаптированные к возможностям страны в их создании и условиям эксплуатации, к экономически, экологически и технически оправданным пропорциям между используемыми типами (атомными станциями, гидроэлектростанциями, энергоисточниками на местном сырье, на возобновляемых и так называемых нетрадиционных источниках).

Степень осмысленности в социальном заказе параметров искусственно создаваемых объектов и целей, для достижения которых они создаются, определяет характер когнитивного пространства научных исследований, обслуживающих процессы искусственного воспроизведения реальности, в данном случае — создания объектов, включающих в свой состав разнокачественные фрагменты, появление которых в ходе естественной эволюции маловероятно. Это пространство включает предметные знания о природной, искусственно созданной, социальной, социокультурной и духовной реальности, объединяемые в русле телеологизированной предметной холизации.

Телеологизированная предметная холизация — это совокупность познавательных действий, направленных на объединение на основе выдвинутой цели знаний, получаемых из разнородных предметных областей для создания (конструирования) нового объекта, т. е. телеологизированная предметная холизация — это процесс, направляемый достаточно четко фиксированной целью. И если его интенциональная характеристика ясна по определению, то в структурно-содержательном плане следует сделать некоторые существенные уточнения. В телеологическом контексте предметная холизация

¹ Лукашевич В. К. Социальный заказ на технику и технологии как фактор национального развития // Между прошлым и будущим. Современный политический и социально-экономический процесс в Беларуси, России, Украине : материалы Междунар. конф. Минск, 2000; *Он же*. Трансдисциплинарные исследования в контексте социального заказа науке // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекообразных систем : материалы Междунар. науч. конф. Минск, 2013. С. 42–46.

невозможна вне интерактивной холизации. Первый процесс (предметная холизация) неизбежно предполагает осмысление отношений, связей и взаимодействий, обеспечивающих целостность и устойчивость предметных образований. Следовательно, их разведение возможно лишь в абстракции, необходимой для понимания генезиса создаваемой системы, способной выполнять социально востребованные функции. Их отдельное исследование оправдано гносеологически (онтологически, в реальности, они неотделимы). Тем не менее существует по меньшей мере еще одно фундаментальное основание для выделения предметной холизации в особый когнитивный процесс. Это отмеченное выше ее стимулирование из сферы целеполагания, направленное в итоге на выполнение социального заказа науке, носителями которого в любом случае являются конкретные предметные образования.

Соответственно, дальнейшая работа, стимулируемая социальным заказом, связана с исследованием генезиса и условий, обеспечивающих целостность и стабильность элементов создаваемой системы как дискретных предметных образований и системы в целом при сохранении ее способности выполнять социально востребованные функции, а также с исследованием специфики отношений, связей и взаимодействий элементов внутри системы и с другими дискретными образованиями. Неизбежное в этом случае исследование параметров внешних по отношению к данной системе дискретных образований имеет производный статус по отношению к первой ориентации. Их параметры будут интересовать исследователя в основном по принципу прагматической достаточности, т. е. настолько, насколько их необходимо знать для создания условий, поддерживающих целостность, устойчивость и социально востребованное функционирование создаваемого объекта. Эти цели, как известно, достигаются на основе выбора (создания) субстрата (материала), элементной базы объекта и его структуры, обеспечивающих социально востребованные функциональные параметры или функции создаваемой системы.

В любом случае и сами элементы, и способ их интеграции в целостную систему базируется на определенном роде процессах, а именно взаимодействиях. В первом случае (внутри элементов) – более фундаментальных по сравнению с типами взаимодействия элементов внутри создаваемой системы. Это означает, что в ходе ее создания приходится иметь дело с силами, существенно превосходящими параметры создаваемой системы. Соответственно, предстоит изучить их источники и способы направленного регулирования в русле работы по созданию целостного целесообразно функционирующего социально востребованного объекта, что квалифицировано в нашей работе как интерактивная холизация.

Телеологизированная интерактивная холизация – это совокупность познавательных действий, направленных на обоснование онтологической возможности существования и востребованного функционирования конструируемого объекта на основе сведений о характере возможных, допустимых и необходимых взаимодействий его элементов между собой и с элементами объектов, составляющих окружающую среду.

В совокупности сведений, охватываемых когнитивным пространством научных исследований, направленных на создание социально востребованных объектов, ключевое значение имеет предметное знание, добытое в ходе предшествующих дисциплинарных исследований как базовых, незаменимых другими типами исследований. Оно выражает (описывает, объясняет, предсказывает) спектр возможных и в его диапазоне допустимых и необходимых взаимодействий объектов реальности, на основе которых возможно создание новых более сложных объектов, в том числе включающих в свой состав разнокачественные фрагменты. В последнем случае на первый план выходит проблема допустимых взаимодействий. Об этой проблеме впервые заговорил Ж. Ульмо в связи с исследованием

механизмов конституирования научного объекта и обоснования метода исследования¹. Он акцентировал недопустимость выбора в качестве средств исследования таких объектов, материальное взаимодействие которых с изучаемым объектом привело бы к его разрушению или деформации, меняющей его качество. В нашем случае следует акцентировать то, что из всего спектра допустимых взаимодействий разнокачественных фрагментов, способных войти в состав искусственно создаваемого объекта, предстоит выбрать необходимые взаимодействия, фундирующие устойчивое существование данного объекта как целостного образования и его способность выполнять определенные функции в более широкой социальной системе.

Этот выбор осуществляется по ряду разноуровневых критериев. Во-первых, на основе накопленного предметного знания, определяющего возможный функциональный диапазон создаваемого объекта; во-вторых, под воздействием непосредственных целей, для достижения которых планируется создание объекта; в-третьих, под воздействием метатеоретических принципов, регулирующих системные параметры создаваемого объекта в аспекте его адаптации к социальным (в широком смысле) реалиям: экологической ситуации, механизмам социокультурной преемственности, актуальной коммуникации и самоорганизации. Это принципы гуманизации, экологизации, историчности, коммуникативности, синергетичности и др. Названные критерии формируются и функционируют в русле различных методологий: первый — в русле когнитивной (отражательной) методологии, второй и третий — конструктивной методологии. Тем не менее они должны работать на достижение единой цели — создание нового искусственного объекта, обладающего заданными параметрами.

Данный объект представляется как имеющий интерактивную размерность, т. е. коррелирующий с условиями своего существования, обеспечивать и поддерживать которые имеется интерактивная (операциональная, инструментальная) возможность, а также с ожидаемыми возможными последствиями своего существования и функционирования, контролировать которые также представляется возможным, если и для первого, и для второго действия может быть создан (или имеется в наличии) необходимый инструментарий (средства). Здесь могут складываться ситуации, характерные избыточностью научного знания, накопленного для создания объекта с заданными свойствами. Поэтому в их (ситуаций) контексте предстоит сделать выбор в пользу одного из вариантов. Но чаще всего необходимых знаний не хватает, в частности, для формирования представлений о создаваемом объекте как целостном образовании, в его системном качестве, которое определяется иными (социальными) факторами и имеет иную размерность — целевую.

Вместе с тем характеристики объекта, детерминированные социальными потребностями и целями, интегрированными социальным заказом, по определению не могут выходить за параметры, заданные его интерактивной размерностью. Согласование отмеченных типов размерности создаваемого объекта (интерактивной и целевой), таким образом, оказывается главной линией взаимодействия (главной контактной линией) когнитивной и конструктивной методологий. Их взаимодействие осуществляется, во-первых, в направлении конкретизации интерактивного механизма, обеспечивающего социальное заданные параметры объекта, во-вторых, в плане уточнения его целевых параметров. Во втором контексте наиболее отчетливо проявляется смысл рационального целеполагания как процесса согласования социальных потребностей с реальными возможностями, которыми на данное время располагает научное сообщество и в целом социум, а также теми возможностями, которые на основе предметного знания могут быть оценены как реальные.

Взаимодействие основных факторов объектогенеза (целевой размерности, выраженной в форме социального заказа, конкретизированного в параметрах искусственно создаваемого

¹ *Ulmos J. La pensee scientifique modern. P., 1958.*

объекта, и его интерактивной размерности, выраженной в предметном знании, добытом в дисциплинарных исследованиях) можно представить в виде следующей схемы:

Полученные результаты эксплицируют наиболее общие интенции креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке. Это телеологизирующая когнитивная селекция, телеологизированная предметная селекция, телеологизированная интерактивная селекция, телеологизирующая когнитивная холизация, телеологизированная предметная холизация, телеологизированная интерактивная холизация. Их также правомерно квалифицировать как общие формы данного процесса, которые включают ряд специфических форм. Некоторые из них (концептуальное и логическое обоснование метода, расширение метода в систему, операционализация предмета исследования, рационализация целеполагания) эксплицированы в данной работе, что индуцирует начало более масштабного исследования.

П. С. Лемешенко

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА – НАУЧНАЯ ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ XXI ВЕКА

Человек не может быть счастлив наукой, но
теперь он еще менее может быть счастлив без нее...
Наилучшее выражение гармонии мира – это закон.

А. Пуанкаре

Наука представляет собой внутреннее единое целое.
Ее разделение на отдельные области обусловлено не
только природой вещей, сколько ограниченностью способностей
человеческого познания. В действительности
существует непрерывная цепь, ...которая ни в одном месте
не может быть разорвана, разве лишь по произволу.

М. Планк

Без преувеличения можно сказать, что, как и в другие трудные времена в прошлом, современный статус государств, всего мира определяется уровнем освоения всего теоретического арсенала средств экономической науки, грамотным и умелым использованием ее достоверных выводов в хозяйственной практике. Конечно, все науки важны и нужны. Но если, скажем, не совсем хорошего уровня достигли в области физики, химии или даже медицины, то люди испытают этот недостаток в соответствующих областях человеческого быта на практике, что, впрочем, компенсируемо заимствованием технических достижений из других стран. Однако если экономическая наука потеряет свою эвристическую функцию, практическое влияние, то стране грозит отставание буквально во всех сферах хозяйственной деятельности. И парадокс здесь заключается в том, что, по существу, для решения всех необходимых и успешных задач своего национального хозяйственного бытия и развития нельзя привлечь специалистов из-за рубежа. История почти не знает положительных примеров, когда привлекаемые зарубежные эксперты и специалисты для других стран полностью выстраивали успешную программу социально-экономического развития. Здесь не только интересы имеют значение и глубокое понимание всей культуры

страны, но при существующей разделенности сфер деятельности возникает проблема «дефекта знания», если использовать по аналогии с физикой дефект массы. По крайней мере, с бедностью стран «третьего мира» разного рода «советами» борются вот уже более чем полвека. Но «парадокс Запада» никак не может быть преодолен, хотя копируя чужие эффективные образцы методов управления, все же получают отрицательные результаты в своих конкретных странах. Здесь слишком много условий и факторов, влияющих на реализацию самых смелых, доброжелательных и дерзких проектов. Это уже, кажется, осознали страны, которые четверть века назад начали глубокие политико-экономические трансформации. И первый из них — это адекватное на глубоком теоретическом уровне отражение (!) национально-исторических условий и особенностей политико-экономической, социально-психологической и производственно-технологической реальности.

В эволюции социально-экономической системы, если исключить сциентистскую самоуверенность человека, можно выделить три компонента: а) стихийную силу развития¹, включающую в том числе осознание, но в то же время и ограниченное влияние на изменение вектора проявляющихся тенденций; б) осознанную и квалифицируемую проводимую экономическую политику со всем своим сложным и противоречивым механизмом реализации; в) индивидуальную способность людей адаптироваться своими интересами и в своей деятельности к изменению природной и институциональной среды, достигая своих целей, но и способствуя достижению цели общей.

Иначе говоря, современная мир-экономика² с ее количественными и качественными проявлениями есть следствие научно освоенной и интуитивно стихийной *деятельности* людей, которые не только в достижении своих целей изменяли обстоятельства, но и приспосабливались к ним, допуская погрешности в знании и просчеты в действии. Однако если принять во внимание крайне противоречивые оценки достигнутых результатов политико-хозяйственной деятельности человека³, то необходимость переосмысления достижений экономической науки, особенно ее наиболее влиятельных и распространенных течений, становится не только очевидной, но и крайне актуальной проблемой. Причем теория должна быть подвержена рефлексии как в случае признания ее активного начала во всех направлениях хозяйственной деятельности, так и в случае отрицания ее использования в обширной практике. Так называемые системные реформы, которые охватили почти все социалистические страны и которые безуспешно растянулись на неопределенно длительный период, еще больше требуют

¹ Этот момент можно проиллюстрировать выводом В. Парето о равной доле населения, аккумулирующей равную долю богатства независимо от социально-экономической системы. Пункт в) свидетельствует изменение состава людей в этой группе.

² Понятие «мир-экономика» отражает целостное состояние мирохозяйственной системы, многие структурные элементы которой органически взаимосвязаны между собой (Ф. Бродель, И. Валлерстайн). Основой такой взаимосвязи являются мировые финансы, и поэтому такой современной экономике Ю. М. Осипов предложил название «финансомика».

³ Первые негативные оценки способа мышления уже нашего времени и существующих форм хозяйствования прозвучали на заседании Римского клуба в 1968 г. Более поздние работы Дж. Белла, Дж. Гэлбрэйта, П. Дракера, Л. Туроу, И. Ставицкого, Н. Моисеенко, Ю. Осипова, Д. Нэсбита, Е. Массуда, О. Тоффлера, В. Инноземцева, Д. Медоуза, Дж. Сороса, Дж. Стиглица и других авторов зафиксировали всеобщий кризис индустриальной, или, иначе говоря, европейской, цивилизации. Но на практике в политико-экономической сфере, к сожалению, мало что меняется. Отдельные «сильные» государства или политические объединения пытаются за счет других государств посредством институциональной конкуренции решить свои очередные проблемы.

переосмысления существующих исследовательских традиций экономической науки. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях марксизма¹, в одночасье освободили себя, по крайней мере формально, от обязанностей перед данной теорией². Это еще вовсе не означает, что «наши», как, впрочем, и другие в подобного рода ситуациях радикального перехода на новую теорию мышления, экономисты сразу в полном объеме освоили, включая философский контекст, альтернативные направления науки. Об этом свидетельствует даже беглый анализ материалов, публикуемых в немногочисленных изданиях постсоциалистических государств³. Предметная и методологическая неопределенность, историко-аналитический консерватизм, проявление осознанного и неосознанного личного эгоистического интереса исследователя, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину до сих пор характеризуют большинство работ по современной действительности. В свою очередь, учебные планы и программы по экономике механически скопированы, иногда в упрощенных вариантах, с вводных курсов провинциальных американских колледжей⁴. Нельзя, конечно, не заметить, что все-таки за последнее время наступило некоторое отрезвление в среде экономистов и появились серьезные работы, в которых удачно соединяется историко-институциональный контекст с накопленными экономической

¹ Надо отличать марксизм по своему источнику и развитию от вулгарного, интерпретируемого под любым предлогом марксизма, получившего своеобразную и научную, и практическую окраску в социалистических странах.

² К проблемам, существующим в экономической науке в целом, в Беларуси в частности, автор в той или иной мере обращал внимание и ранее: *Лемещенко П. С.* Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Минск : БГУ, 2001; К вопросу о новой парадигме политической экономии. Минск : БГЭУ, 1991; Национальная экономическая наука: от кризиса к рациональным практическим решениям // Управление капиталом. 1997. № 4; Белорусская экономическая наука в лабиринтах поиска // Гуманитарно-экономический вестник. 1997. № 2; Новая экономика и теория: закономерности эволюции // Беларусь и Россия: императивы общественного развития: сб. Минск : ИСПИ, 2002 и др.

«Старт» же и критерии оценки теоретических экономических исследований, направление поиска тенденций логики и анализа дал прослушанный еще в годы учебы в БГУ спецкурс профессора В. С. Стёпина «Философские проблемы естествознания», а также работы: *Стёпин В. С.* Становление научной теории. Минск : БГУ, 1976; *Он же.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии.* 1989. № 10. С. 3–18; *Он же.* Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000; *Он же.* Философская антропология и философия науки. М. : Высш. шк., 1992.

³ Обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по теоретическому срезу экономических исследований. Причем это – мировая практика. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментально научное от знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Порок метода «здравого смысла» в том, что, отражая «нездоровость» переходной эпохи, этот метод воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что с очевидностью подтверждается практикой. К тому же у безработного, банкира, политика, ученого, инженера, наемного рабочего, домохозяйки, фермера, олигарха будет в подходах к социально-экономической системе проявляться «свой» здравый смысл. Теоретический фокус будет минимизировать мышление, а следовательно, и действие.

⁴ Учебные пособия по экономике, используемые в европейских вузах, как правило, отличаются своей структурой. См.: *Schotter A.* Microeconomics. A Modern Approach. London : Harper Collins, 1994. Свою «нишу» занимает «теория хозяйства» Ю. М. Осипова : в 3 т. МГУ, 1998. Изданный в Беларуси «Экономика: университетский курс» / под ред. П. С. Лемещенко. Минск : БГУ, 2007, также существенно отличается от вводных курсов «экономикс», использующих аналитический аппарат науки 1950–60-х гг.

наукой обобщениями. Иначе говоря, *единство логического и исторического* является универсальным методом познания хозяйственной реальности.

Примечательно то, что образовавшийся еще в советское время разрыв между теорией и практикой¹ углубился еще больше, поскольку аналитический аппарат неоклассики, преподаваемый в вузах, можно сказать, никак не используется ни выпускниками, ни самими преподавателями, ни тем более в практических работах. Особенно эта участь постигла раздел микроэкономики.

Полный крах и несостоятельность обнаружили советы и программы, разрабатываемые западными экономистами неоклассического толка для государств, избравших путь политических и экономических преобразований. Поствашингтонский консенсус при выяснении причин данного обстоятельства заключил об упрощенном, конъюнктурном и стандартном подходе к обоснованию реформ в социалистических государствах. Как оказалось, не учли самого главного – тех неформальных системообразующих институтов, которые нельзя изменить в одночасье, но трансформация которых имеет свои закономерности и траекторию эволюции². Однако это, как и многое другое, что было бы крайне важным для объяснения старых и новых проблем современной экономики, ее прогнозирования и управления, мягко говоря, «выносилось за скобки» господствующей в умах политиков теорией мэйнстрима. Ведь ни одна страна бывшего социализма, по существу, не приобрела нового качества и развития, и тем более качества жизни населения этих стран.

«Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, – пишет известный Р. Л. Хайлбронер, – мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените ее истории»³. Методологическая упрощенность, а точнее, отсутствие научной современной *методологии*, вынужденная научная специализация, функционально-формализованная зависимость привели в результате к «дефекту знания», который, подобно дефекту массы в физике, не дает нам целостного политико-экономического и культуролого-экологического образа взаимоотношений человека, общества, природы. Иначе говоря, современная экономика, а, наверное, правильнее говорить действительно о мир-экономике как целостной и доминирующей хозяйственной структуре, лишь частично и фрагментарно описывается существующими на сей день теориями. Эту ситуацию не следует драматизировать, потому что приблизительно раз в 50–60 лет теории приходится серьезно себя «модернизировать». Иначе к объявленным в некоторых странах программам модернизации без модернизации мышления можно отнести лишь как к очередной политико-правительственной риторике, ориентирующейся на популизм.

Наука экономика в парадигмальной ретроспективе

Итак, научного и современного экономиста от «экономиста прошлого» отличает *осознанное понимание* своей методологии в общем научно-методологическом контексте эко-

¹ Итогом оценки такого разрыва стал известный тезис из андроповской речи в 1983 г. о том, что мы не знаем то общество, в котором живем. См.: *Вопр. экономики*. 1983. № 7. С. 12; *Шерпер Ф., Росс Д.* Структура отраслевых рынков. М., 1997. С. 656–660.

² *Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002; *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

³ *Хайлбронер Р. Л.* Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS*. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 53.

номической науки, методов и инструментов исследования и анализа, а также *предполагаемая применимость* результатов своих наблюдений.

Обращение к *парадигме* отражает более зрелый этап развития науки, поскольку исследователями ставится задача установить определенные каноны мышления, придающие научным результатам более строгий, достоверный и верифицируемый вид. По Куну, парадигма выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому, вступающему в определенное сообщество, выполнять аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным ядром парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности¹. Эта онтологическая составляющая обеспечивает *связь предмета науки с объектом*, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития. Эта часть парадигмы отражает сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, а также общенаучных и междисциплинарных свойств. К сожалению, последовательное использование широкого спектра исследовательского потенциала с п е ц и а л и с т а м и осуществляется лишь в крайних случаях гносеологического и практического тупика. Но важно подчеркнуть то, что осознание самой проблемы в освоении всех структурных элементов парадигмы, с чего и начинается любая теория, оказывает решающее воздействие на степень полноты и адекватность восприятия окружающей эмпирии мира.

Логика развития экономической науки определяется взаимодействиями внутри системы знания – между собственно теорией, эмпирией и общей картиной исследуемой реальности. Смена парадигмы характеризуется ситуацией, когда новые явления выходят за привычные рамки системы знания и вступают в противоречие с идеалами, нормами, критериями научной деятельности. Жизнь показывает, что такое противоречие было в экономике советского типа, практика которой не вписывалась в общий контекст политэкономии социализма. Такое противоречие есть и сегодня, поскольку изучаемые и пропагандируемые курсы «экономикс», выполненные в стандартных неоклассических традициях, по сути, никак не отражают современную ситуацию. Преподаватели курсов и на Западе, и у нас, к сожалению, преподают не то, что необходимо, а то, что они выучили из учебных книг.

Конфликт в том, что новые идеи должны оцениваться либо по старым критериям политэкономии социализма, либо по новым, но абстрактным, не отражающим общее основание иной формирующейся системы. Например, $MC = MR$ не отражает никакой реальности, поскольку ни экономистами, ни тем более бухгалтерскими работниками не считается. Быстрая и решительная отмена прежней теории без априори выдвинутой новой приводит к теоретическому вакууму, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *антинаукой*, поскольку используемый понятийный аппарат никак не обеспечивает познавательной функции, а скорее наоборот – уводит в сторону от истины, что очень выгодно используется финансовыми дельцами.

¹ Применение выводов И. Лакатоша к экономической науке обнаружило параллельное существование в рамках одной парадигмы нескольких течений. В силу этого и других обстоятельств понятие «парадигма» стало заменяться «исследовательской программой».

Действующей в определенное время парадигме всегда присущ некоторый консерватизм благодаря инерции мышления, хотя накопившиеся изменения в теоретическом знании требуют, соответственно, изменений и в аксиоматическом наборе, отвечающем общей научной конструкции, а следовательно, и самой реальности. Этот процесс конструкции парадигмы, ее деконструкции и реконструкции слишком сложен и очень таинственен даже для методологов науки. Ведь, как правило, новая теория создается в неконтролируемом варианте. Новые теории иногда слишком долго доказывают свое право на существование, а уж после общественного признания начинается попытка их описать, а как тот или иной ученый, научная школа пришли от выдвигаемой гипотезы к развернутой и общепризнанной теории, подтвердившей свое преимущество перед уже существующими, чаще всего не анализируется.

Аксиоматика теории гуманитарной сферы отличается прежде всего *наличием в ней нравственно-этического начала общества*, в котором хозяйственная деятельность занимает доминирующее место. Это, во-первых. И в классической политэкономии это начало присутствовало имплицитно, хотя А. Смит все-таки пришлось в своей «Теории нравственных чувств» примирить индивидуально-капиталистический эгоизм, общественную нравственность и справедливость, обеспечивающие социальное воспроизводство нации. Во-вторых, экономическое движение постоянно и экспериментально не воспроизводимо. Можно лишь весьма в упрощенном виде смоделировать фрагмент какого-то историко-экономического явления или отдельную его сторону. В-третьих, человек, выражая свое отношение (активно или пассивно) к теории и ее идеологии, меняет сам объект исследования, что требует учета данного обстоятельства аналитиком, но на что вплоть до настоящего времени не обращается внимания экономистами¹. В. Гейзенберг когда-то заметил, что тонкая материя, попадая в исследовательское поле, меняет свои свойства, чем нарушает «чистоту» эксперимента. Этим хотелось бы подчеркнуть, что теория об экономике на новом витке развития этот факт зависимости объекта от исследовательского процесса должна закладывать в свою парадигмальную основу. Современное «сетевое информационное общество» кратно усиливает эффект влияния на поведение индивидов в обществе и в выборе своих приоритетов. Для примера можно привести ситуацию почти во всех странах с инфляцией, когда даже самые объективные статорганы представляют инфляцию значительно ниже, чем она существует реально.

Какие же парадигмы можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке²? Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук, и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать как мир богатства. В достижении и превращении форм богатства в его распределении они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – стоимость, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией. Элементы же стоимости, на которые она распадается ($c + v + m$), дают общепризнанное основание на фонд возмещения, пропор-

¹ Под влиянием философии позитивизма стремление к научной истине утратило свое первостепенное значение. Особенно это касается политической сферы и финансового сектора.

² Лемещенко П. С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Минск, 2001.

цию распределения вновь созданной стоимости на необходимые и прибавочные ее части. И капитал, кстати, при всем его устремлении изменить эту пропорцию в свою пользу наталкивался на общественное сопротивление к этому изменению как со стороны церкви, так и влиятельной элиты и даже правовой системы.

Можно заметить, что в интерпретации классической политэкономии нашла свое отражение именно *теоретическая экономика*. Но она не только на абстрактно-понятийном уровне целостно зафиксировала, в том числе через обобщение достижений других наук, политико-экономическую систему, но и определила историческую тенденцию эволюции ее форм существования¹.

Свое дальнейшее развитие классическая школа получила в марксизме. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смены стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на *теорию*, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала (см. схему 1). *Новизна подхода состоит в объединении исторического и логического*, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. Был преодолен и «порок» «старой» исторической школы, которая утопала в массе различных фактов хозяйственного бытия.

Но надо понимать, что экономическая деятельность связана с людьми, которые, в свою очередь, имеют свои и корпоративные, семейные интересы, наделены чувствами и эмоциями. Поэтому истина, отражающая, грубо говоря, общую тенденцию, всегда имеет индивидуально-коллективные и тем более классовые отношения. К тому же люди далеко не лишены эгоистического интереса извлечь личную выгоду. Последняя может увеличиться, если будут по-разному владеть информацией о контракте, например, между наемным рабочим и предпринимателем. Поэтому для экономической науки, получившей социальный заказ работать на феноменологическом уровне, отход от эзотерического метода вполне объясним. Экономисты ведь люди, поэтому в свободном обществе в доказательствах тем, кто может платить, никогда не будет недостатка, даже если для этого надо будет использовать статистические данные и математический аппарат. Например, фондовый рынок, в принципе, не поддается рациональному освоению, но в то же время именно эта область, как никакая другая, облачена в разного рода математические символы и формулы. И какой же финансовый кризис был спрогнозирован?

Эволюция типов методологии теоретической экономики

На наш взгляд, если использовать идею И. Лакатоша о делении парадигмы на «жесткое» ядро и «защитную» оболочку², то изменения философско-методологического основания марксизма произошли как в первом, так и во втором блоках. В остальном марксизм придерживался классической традиции. Речь идет прежде всего о границах эффективности отношений прав собственности, об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом. Все это находит отражение в тех категориях, которые получили отражение и, естественно, развитие в соответствующих работах представителей классики политэкономии.

¹ Обобщение и интеграция выводов частных наук А. Смитом достигались через неформальные отношения его с экономистом Дж. Стюартом, философом Д. Юмом, медиком У. Хантером, изобретателем Дж. Уаттом, химиком Дж. Блеком, социологом Ад. Фергюсоном, архитектором Р. Адамом. Интерес представляет также «за» профессиональной деятельностью других известных экономистов.

² *Олейник А.* Институциональная экономика. М., 2000. С. 26.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующей исследователя прежде всего на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями. «Самое формирование исторической школы в противовес классической, – пишет Н. Д. Кондратьев, – было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики. Это формирование ... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования»¹.

¹ Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991. С. 271.

Знаменитый «спор о методе», особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером¹, не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. Мир хозяйствующего субъекта, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов². Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла³ учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как процессу в освоении познанием экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек»⁴ частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма.

Примечательно то, что, определяя экономическую теорию «ящиком инструментов»⁵, неоклассики способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки, а в большей степени ориентируют на Здравый Смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале XX в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научных специализаций и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса⁶ под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке⁷.

¹ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. Спб., 1894. С. 33; Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995. С. 315.

² В этом можно заметить второй уровень рациональности (классическая политэкономия – первый), к которой обращаются экономисты.

³ Маршалл А. Принципы экономической науки : в 3 т. М., 1993. Первое русское издание: Маршалл А. Принципы политической экономии : в 3 т. М., 1983.

⁴ Так выражает свою исследовательскую стратегию А. Маршалл: «... Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев» [10, с. 212].

⁵ Робинсон Дж. Теория несовершенной конкуренции. М., 1986.

⁶ Обращаем внимание на название работы Дж. Кейнса: О б щ а я т е о р и я (выделено авт. – П. Л.) занятости, процента и денег. М., 1998. Ей предшествовал ряд работ этого автора философского, политического и экономического толка, о которых мало что говорится.

⁷ Blaug M. Kuhn versus Lacatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics. In: Method and Appraisal in Economics. Cambridge, 1976. P. 161.

Мир деятельного субъекта – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило *сближение* неклассической и марксистской теорий¹.

Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине XX в. деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки². В 1980-е гг. философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в котором явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе³.

У. Баумоль положил начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век⁴. И хотя он сам называет свою попытку наглой⁵, все же общая оценка достижений науки об экономике звучит так: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем⁶. Здесь наши оценки совпадают с позицией уважаемого мэтра. Особенно в части того, что какого-то теоретического прорыва в экономической науке за прошлый век сделано не было. Но были сделаны важные накопления, наработки, которые позволяют видеть важные изменения в ее философско-методологической структуре, других параметрах исследовательской деятельности (схема на с. 247). Например, М. Алле отмечал: «Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой физики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей»⁷.

Теоретическая экономика: новый уровень и специфика предмета

Итак, никто не станет отрицать того, что хозяйственная система представляет целостное образование, которое пронизано различной степенью интенсивности отношений и взаимосвязей людей, фирм, других институциональных структур. Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой транспортной, электрической и финансовой⁸, усилила интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов как по эндогенному, так и по экзогенному направлению не столь от национальных, сколько от наднацио-

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 270–271.

² The Structure of Economic Science. Essays on Methodology. Prentice-Hall, 1966. P. 117.

³ Начинает издаваться ряд новых журналов по экономической философии, теоретической и институциональной экономике, праву и экономике, новой политической экономии. Например, в 2009 г. Международной ассоциацией институциональных исследований учрежден «Журнал по институциональным исследованиям», который издается пока в Южнофедеральном университете, г. Ростов.

⁴ Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопр. экономики. 2001. № 2.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Алле М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // МЭ и МО. 1989. № 11. С. 27.

⁸ Лемещенко П. С. Новая экономика и теория: закономерности эволюции. Минск, 2002.

нальных институтов. Факторы развития и роста переместились в область отношений¹ и научно-информационного ресурса. Именно здесь может быть объясним остаток Солоу, который пока не может быть раскрыт с позиций традиционного факторного подхода и используемого аналитического аппарата.

Экономическая наука в широком смысле слова многогранна, как разнообразен хозяйственный мир. В фундаментальной своей части она фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Как эмпирическая наука, последняя имеет дело с наблюдательными и проверяемыми данными и фактами, объясняя и прогнозируя тем самым происходящие процессы. Определенной своей частью теория впитывает и одновременно воссоздает исторический ракурс экономической траектории эволюции. Дж. Хикс писал: «По мере того как экономическая теория выходит за рамки “статистики”, она становится менее похожей на науку и больше — на историю»². «Экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство, — пишет историк и философ Р. Коллингвуд, — и как философская наука, если она мыслится как изучение экономической деятельности»³.

Таким образом, *теоретическая экономика* — это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы⁴. Этим, не претендующим на всю полноту отражения изменений в современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное

¹ Менеджмент в теории и на практике область отношений, для увеличения производительности и улучшения качества продукции успешно использует уже несколько десятилетий. Используя знания о производственных и организационно-экономических отношениях, можно без существенных затрат значительно увеличить площадь сегмента, ограничиваемого кривой производственных возможностей.

² *Journal of Post Keynesian Economics*. 1984. Vol. 6. P. 485.

³ Цит. по: *Unknowledge and Choice in Economics*. Ed. by S.F. Frowen. Basingtoke. 1990. P. 1.

⁴ Для сравнения приведем некоторые другие определения экономической науки и ее предмета. «Определить законы, которые управляют... распределением, — главная задача политической экономии» (*Риккардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955. С. 30); «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (*Маршалл А.* Принципы экономической науки. М., 1993. Т. 1. С. 69); «Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения» (*Пезенти А.* Очерки политической экономии. М., 1976. Т. 1. С. 93); «Экономическая теория [такую дефиницию получила наука «экономика» после русского перевода] есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления» (*Самуэльсон П.* Экономика. М., 1964. С. 25); «Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка» (*Ойкен В.* Основы национальной экономики. М., 1996. С. 79–80); «Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг» (*Макконнелл К. Н., Брю Ст. Л.* Экономикс. М., 1992. Т. 1. С. 21); «Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче, — политэкономия есть наука о народном хозяйстве» (*Чупров А. И.* Курс политической экономии. М., 1914. С. 16).

и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир¹ — это сложный, но все же целостный мир, который требует такого же целостного к себе подхода и анализа. Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется практическая деятельность². Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может, и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменалистским эзотерическим. И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимися технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или имплицитно проводить многоуровневый «срез» общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее тенденциями развития. Для экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, *теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию»*, в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируют частные стороны явления, и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности.

¹ Категория «хозяйство» значительно шире категории «экономика», поскольку отражает, в-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

² В. Ойкен употребляет категорию «хозяйственная конституция», а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие «конституции экономической политики».

Более подробно предмет и эволюция методологии экономической науки изображена в схеме 2. Но хотелось бы «развести» понятия «теоретическая экономика» и «экономическая теория». В определениях, которые мы привели выше, в схемах 1 и 2 можно найти эти отличия как по предмету, так и по другим важным признакам. Теоретическая экономика воспроизводит на современном уровне развития науки в целом тот подход к человеку, природе, обществу, который в свое время выполняла классическая политэкономия. Экономическая теория, если использовать не самый лучший, но самый распространенный перевод, выступила следствием научного обеспечения частных задач практики функционирования рыночной экономики. Априори многие социокультурные постулаты принимаются как беспроблемные аксиомы, вычленяется из всей гуманитарной составляющей человека лишь его утилитарная направленность, которая якобы лежит в основе его мотивации и поведения в условиях ограниченных ресурсов. Л. Мизес назвал эту отрасль науки каталлактикой – наукой об обмене. Многие другие авторы также отмечают, что «экономикс» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена, понятие равновесия и пр.¹ «Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, – пишет Л. Мизес. – Теорию каталластики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности»². Зададим себе пока вопрос: а что нам известно о фундаменте (!) современной человеческой деятельности?

Структурные характеристики метода	<i>Методы</i>		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
<i>Парадигма</i>	Интуитивная; предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная; рациональные предпочтения при полной информации и нулевых трансакционных издержках	Эклектическая; реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
<i>Социально-политическая детерминированность</i>	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и отношений	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к экономике	Институциональная детерминированность, создающая рамки экономического развития
<i>Технологическая детерминированность</i>	В рамках производительных сил	Отсутствует; земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система, имеющая ограниченный потенциал
<i>Организационная детерминированность</i>	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, «черный ящик»	Осознанно сформированная организация (фирма, государство, мир-экономика)
<i>Предмет исследования</i>	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное, сложное структурное образование

¹ Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

² Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000. С. 10.

Структурные характеристики метода	Методы		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
Характер связей, отношения	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающие потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая система связей, отражающих разные аспекты мир-экономики
Цель метода	Эвристическая; раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская; ответить на вопрос: как работает система, чтобы достичь экономического эффекта?	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
Характер метода	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического и позитивистского методов)
Пространственно-временные рамки	Национально-государственные; долгосрочный период	Не определяются в исходном; краткосрочный, текущий	Мировые, межнациональные; сочетание времени
Уровень рациональности	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
Отражение целостности, равновесности	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность; экономическое равновесие	Мир-экономика; глобальная система; институциональное равновесие
Пользователь исследования	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита, менеджеры, политики разного уровня
Единица измерения	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

Главные характеристики методов экономического исследования

Возможно, мы в развитие статьи несколько позже дадим характеристику каждой «клетке» этой табличной схеме. В рамках же этой статьи обратим внимание на базовые категории «стоимости», «ценности», «институциональной ценности». Как известно, стоимость — это базовая категория классической политэкономии. Последняя, кстати, не умерла, хотя ее влияние в силу даже идеологических причин, значительно ослабла по известным причинам методологической и гносеологической «вредности» этой теории. Ведь она вскрывала и в своем развитии вскрывает сущностные причинно-следственные взаимосвязи и отношения. Стоимость — это прежде всего общественная норма, и она развивается в целостную систему.

Ценность же как вторая сторона или характеристика товара была выдвинута представителями маржинализма. Думается, наступила предельная отдача от эволюции этой теории, если мягко говорить о ее гносеологической полезности. Критики здесь поступило доволь-

но много, и мы не будем вдаваться в подробности. Скажем так, надо признать, что требуется переход на новую парадигму и новый методологический подход к исследованию современных сложных хозяйственных процессов, уже оформленных в глобальные структурные образования. Центральной же категорией, на наш взгляд, новой теоретической доктрины выступает «институциональная ценность». Стоимость, развитием производительных форм капитала, модифицируется в цену производства, а монополистический капитал центральной или базовой регламентирующей нормой выдвигает монопольную цену. Международные монополии и ТНК в технологическую эпоху уже стандарты и трансферты используют как наиболее влиятельные инструменты регулирования хозяйственных процессов. Сегодня практически ни одно более или менее значимое явление не обходится без институциональных норм. Последняя же в любом случае в той или иной весовой категории имеет *институциональную ценность*. *Институциональная ценность* — это в высшей степени субъективированная категория, подобная бренду товара, но выходящая на уровень формирования социально-политических и нравственно-этических и других норм и правил, которые *формируют* современное мирохозяйственное сообщество и *регламентируют* поведение не только субъектов хозяйствования, но и политических акторов, потребителей и пр.

Имеющиеся переводные и интерпретированные, похожие друг на друга отечественные учебные пособия по экономике даже не ориентируют на поиск ответа на вопрос: а какая категория является субстанциональной? Ведь без ответа на этот вопрос даже в первом приближении нельзя понять природу цены. «Человек экономический» в «экономиксах» по-прежнему трактуется как существо, имеющее безграничные когнитивные способности, узко утилитарные склонности и жестко структурированные независимые предпочтения. Но даже на рынке чипсов, мягко говоря, эти предпочтения мало влияют на уровень цен. На последние в настоящее время доминирующее влияние имеют деньги. Но даже Дж. Сорос отмечал, что «деньги узурпировали роль подлинных ценностей. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго»¹. Поэтому, как пишет далее известный финансист, «когда мы применим экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину»².

Некоторые практические выводы

Значимость любой теории определяется возможностью на основе разработанных законов и закономерностей объяснить конкретные явления, а также предсказать возникновение желаемых или нежелаемых новых явлений и ситуаций. Классическая политэкономия ответила на вызов своего времени, определив институциональный остов общества и стратегическое направление экономического развития, дав начало поиска причин, источников и общественных форм богатства³. Маркс в своей теории прописал более логично и четко самодвижение форм богатства с выделением возникающих новых институциональных норм эпохи промышленного капитала, ограничивающих развитие последнего. Кейнс, мужественно преодолев «стандарты» неоклассического мышления, своей теорией

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 24–101.

² Сорос Дж. Сорос о Соросе. М., 1996.

³ Можно с иронией воспринимать высказывание У. Петти о роли труда и земли в производстве стоимости и богатства, но, учитывая господство меркантилистского духа в обществе этого времени, следует признать важность этого положения. А. Смит также достаточно смело для своего времени пишет: «...Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения...» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 245). Экономического обоснования роли значения нынешней власти никто еще не сделал.

эффективного спроса расширяет предмет науки, чем закладывает основы и дает ориентиры на изменение норм и правил реальной экономической системы. Частная теория монетаризма расширила производственные возможности за счет активизации спекулятивной нормы поведения хозяйствующих агентов, изменяя денежные отношения и рамки¹.

Этим небольшим экскурсом хотелось бы обозначить действительно практическую значимость фундаментальной теории, результат и пользу которой иногда пытаются выразить суммой полученных денежных заказов. Здесь есть два парадокса. На первый когда-то обратил внимание Дж. Гэлбрейт: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием»². Можно подсчитать, сколько денег было потрачено на разработку разного рода программ, предвыборных платформ, бизнес-планов и пр. Второй парадокс менее заметен. Теоретическая экономика как фундаментальная наука выступает своеобразным общественным благом. Этим благом в той или иной мере будут пользоваться и пользуются многие, но платить за эти разработки сегодня никто не хочет. К тому же теория формирует образ и нормативные параметры экономического мышления и поведения людей. Индивидам, мыслящим в единых теоретических рамках, легче понимать друг друга в своих стратегиях, что снижает неопределенность и трансакционные издержки в реальной практике. Снижение неопределенности и рост доверия контрагентов создает, в свою очередь, условия для составления более реальных по вероятности прогнозов.

Теоретическая экономика по своему предмету должна учитывать политическую сферу: ее идеологию, организационную структуру, режим власти, способ принятия и реализации политических решений, кадровые назначения и многое другое. Традиционный экономикс к политической сфере до сих пор относился как к экзогенному фактору. Отсюда ориентация на позитивный экономический анализ.

В. Ойкен подчеркивал, что если экономисты не будут заниматься изучением политической сферы, в которой осуществляются экономические процессы, то этим займутся сами бюрократы, «указав» экономистам место простого наблюдателя, или, иначе говоря, позитивного анализа, чему долгое время отдавали предпочтение экономисты. До сих пор сфера принятия и реализации политических решений является самой неисследованной и самой дискуссионной областью³. Для этого есть соответствующие предпосылки. Любая власть любой страны всегда будет информационно, финансово, организационно ограничивать политико-экономические разработки. Будут финансироваться и признаваться лишь те выводы, которые не ориентируют на кардинальные институциональные изменения институциональной основы общества. Допустить экономическую науку в политический процесс означает приоткрыть занавес таинственности, который является частной собственностью бюрократии, а следовательно, приносящей властную ренту.

Существует широко распространенный метод манипулирования «научными» знаниями с определенной целью на разных стадиях политического цикла. Такое явление распространено широко во всех странах, включая и нашу республику. Привлечение же научных работников на определенные общественные должности приводит не только к мутации их мышления, но и поведения. Сказывается эффект зависимости от философско-психологических установок бюрократической олигархии. Отделить же интерес последних

¹ Правда, теперь финансовый сектор предлагают отнести к трансакционному сектору, порождающему трансакционные издержки, которые надо вычитать из ВВП (*Шаститко А. Е.* Неинституциональная экономическая теория. М., 1998. С. 206–207).

² *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 313.

³ Политические науки: новое направление / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингельманна. М., 1999. С. 625.

от государственного интереса и интересов существующих социальных групп и классов, сформировав, например, эффективную политику распределения доходов без обращения к целостному теоретическому анализу, вообще невозможно.

Специфическая проблема использования экономической науки существует в периоды системных преобразований, аналогичные нашему затянувшемуся периоду, названному переходным. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в этом метафоричном определении — «переходный период» — проявилась полная неготовность ни «западной», ни «восточной» науки¹ к прогнозу и управлению событиями, которые неожиданно возникли и возникают до сих пор. Реформы потерпели неудачу потому, что, как пишет Дж. Стиглиц, их научные представители не смогли понять современный капитализм, находясь под слишком сильным влиянием упрощенных моделей, заимствованных из учебников². Действительно, пространственно-временные институциональные изменения как главные проблемы любого переходного периода оказались за пределами внимания экономистов-неоклассиков, обеспечивающих научно-идеологическое сопровождение современной реформы³.

Кроме того, есть еще одна методологическая посылка, от признания которой зависит более или менее адекватное отражение происходящих процессов. Центральной предпосылкой современной теории мэйнстрима выступает аксиома о равновесности экономической системы. Но данная гипотеза абсолютно неприемлема для трансформационного периода, характеризующегося не только экономической неравновесностью, но и институциональными диспропорциями⁴. Следовательно, нормативная часть экономической теории, мягко говоря, может иметь лишь информационно-интеллектуальный характер.

Позитивная часть экономической теории, на чем составил себе авторитет традиционный мэйнстрим, также имеет существенные ограничения и погрешности при анализе неустойчивых ситуаций, характерных для мир-экономики в целом и транзитивных в частности. Дело в том, что позитивный анализ базируется на: а) использовании частных отдельных теорий; б) ориентировании на короткий период; в) формировании трендов, выстраиваемых на большом фактическом *с е н о в о м*⁵ материале, что потом используется при прогнозах; г) предположении институционального равновесия, оптимальных прав собственности и нулевого значения трансакционных издержек. Но во-первых, частные теории не воспроизводят целостно и глубоко всей картины сложных и динамичных процессов переходного периода⁶. Во-вторых, ценовая информация в условиях системных изменений не является главной в этот период и к тому же всегда из-за инфляции несет искаженную картину. В-третьих, мышление категориями трендов возможно, если учесть другие ограничения, возможно, но лишь на базе достаточно большого временного периода. К тому же влияние современной международной финансовой системы на экономики всех стран также ограничивает возможности строить какой-то долгосрочный прогноз на основе трендов. В-четвертых, ситуация теоретической неопределенности, которая отражает переходный период, во многом лишает самого смысла сбора и накопления фактов.

¹ Для гуманитарных наук, а экономическая отрасль знания также относится к этой сфере, очень важны мировоззренческий аспект исследования, его экономические и другие интересы как социума.

² Подобного рода оценок можно найти немало. Р. Пребиш пишет: «Напичканный всевозможными теориями, я не мог понять, что происходит с аргентинской экономикой... Более того, я часто испытывал ощущение, что то, чему меня учили, не только помогает осмыслению этой действительности, но и мешает изучать ее» (*Пребиш Р. Периферийный капитализм*. М., 1992. С. 78).

³ Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 8.

⁴ Лемещенко П. С. Институционально-эволюционная теория современной экономической реформы // Вестн. ассоциации белорусских банков. 2001. № 41. С. 47–51.

⁵ Цены в этих моделях являются единственным источником информации.

⁶ *Стэпин В. С.* Становление научной теории. Минск, 1976.

Есть еще одно обстоятельство, которое затрудняет как развитие, так и использование выводов теории. Это фактор кадрового ресурса. Дело в том, что в переходных состояниях наблюдается обычно быстрая сменяемость кадров на разных уровнях управления. Степень их теоретической подготовки, как показывает опыт, очень разная. Но именно от них во многом зависит оценка результатов теории и соответствующих рекомендаций. Управленческие кадры через финансирование и поддержку могут также стимулировать развитие экономической науки в определенном направлении. Сегодня политическая среда не ориентирует теорию на действительное отражение существующей реальности как из-за непонимания теории, так и из-за своего нежелания терять политическую ренту, для которой переходный период имеет огромнейшие условия.

Таким образом, теория может быть логически непротиворечивой, практичной, значимой и востребованной, если она постоянно занимается, кроме всего прочего, анализом и ревизией всего гносеологического арсенала, сверяя его возможности с данными опыта. Задайте себе вопрос: а когда вы такой процедурой занимались в последний раз и что с чем сравнивали? Любая теория – не догма и не миф. Ее сегодня нельзя найти в библиотеке, равно как и на сайте в интернете.

Для нынешних условий переходности и, соответственно, неопределенности выстроить обособленную и эффективную модель с точки зрения перспектив и тенденций XXI в. возможно лишь через призму правильного определения предмета теоретической экономики. В ней, как в предмете любой науки, фокусируются исходные начала анализа, определенный код, ген, который в последующем разворачивается через целостную систему категорий, понятий, законов, которые отражают разные уровни хозяйствования определенного исторического этапа. Источники же развития и роста современной экономики находятся в плоскости деятельной кооперации широкой человеческой деятельности, отношений и хозяйственных связей¹. Но отказаться теоретику от своих исследовательских традиций – это очень большая ломка стереотипов мышления, которые требуют мужества, таланта и трудолюбия для выработки новых методологических подходов к изменившемуся объекту. Надо сказать, что такому переходу на новые исследовательские позиции не способствуют научное сообщество, управленцы, политики, хозяйствующие субъекты. Инерция господствующего экономического мышления – важный институциональный фактор стабильности общественно-экономической системы и, естественно, сильнейший элемент, тормозящий развитие экономической науки и практическое развитие. «Движение науки, – говорит А. Пуанкаре, – нужно сравнивать не с перестройкой какого-нибудь города, где старые здания немилосердно разрушаются, чтобы дать место новым постройкам, но с непрерывной эволюцией зоологических видов, которые беспрестанно развиваются и в конце концов становятся неузнаваемыми для простого глаза, но в которой опытный глаз всегда откроет следы предшествовавшей работы прошлых веков. Не нужно думать, что вышедшие из моды теории были бесплодны и не нужны»². Это означает, что теория экономики без истории науки – пуста, история теории без философии экономики – слепа³.

¹ Нобелевские премии экономистам за последние десяток лет свидетельствуют о более интенсивном повороте экономистов в межпредметную область исследования. Например, заслуги О. Уильямсона и Э. Остром (2009 г.) оказались значительными и оценены влиятельным научным сообществом за вклад в оригинальные и нестандартные исследования фирмы как основного звена хозяйственной системы. В 2011 г. лауреатами признаны П. Даймонд, Д. Мортенсен и К. Писсаридес, которые получили премию за анализ рынков с поисковыми трениями.

² Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 158.

³ Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии.* – 1989. № 10; *Он же.* Теоретическое знание. М., 2000; *Он же.* Философская антропология и философия науки. М., 1992.

**ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ
ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЕ**

- А. С. Лапшенюк.* Мораль в системе универсалий культуры
- С. П. Винокурова.* Наука и религия в современном обществе
- А. И. Зеленков.* Парадигмальный статус экологии в современной науке
- П. С. Карако.* Детерминизм и научная рациональность: соотношение и стратегии развития
- А. В. Барковская.* Человек в пространстве метафизических и постметафизических приоритетов
- Е. В. Хоминь.* Постантропологический кризис как ирония истории
- Л. Ф. Шитаренко.* Смена идеалов и норм социального познания как закономерность развития социологии
- П. П. Короткая.* Современное белорусское религиоведение: проблемы и перспективы.
- С. Т. Карасева, Е. В. Шкурова.* Изучение религиозности населения в условиях поликонфессионального общества: концептуализация подхода для Беларуси
- И. А. Барсуک.* Проблема идентичности и ценности человека восточнославянской цивилизации
- Д. Ф. Добродородний.* Методологические установки современной науки и проблема их адаптации к исследовательской практике
- В. С. Сайманова.* Динамика норм научной рациональности в контексте современных философско-методологических исследований
- А. Ю. Дудінк.* Учитель и ученики: В. С. Стёпин как научный руководитель

МОРАЛЬ В СИСТЕМЕ УНИВЕРСАЛИЙ КУЛЬТУРЫ

Современный период характеризуется обострением нравственных проблем, что связано с кризисом традиционных механизмов регуляции поведения индивида, изменением взаимодействия в системе «общество — личность». Возникающие противоречия стимулируют исследования, связанные с новым пониманием сущности морали и ее роли в актуальной культуре. Снова пробуждается интерес к философии морали, в значительной степени утраченный под воздействием философии постмодернизма, которая своей релятивизацией морали превратила ее в своего рода игру. Бурное развитие в последнее время прикладной этики, в свою очередь, приводит к необходимости обоснования нового проблемного поля и разграничению предметных областей этического знания. В особенности это связано с возможным институализированием морали и определением границ морального и неморального по причине включения в моральные регулятивы, основывающиеся на различных кодексах (профессиональных, корпоративных и т. п.), административного и правового ресурсов.

В современной культуре обострилось явное противоречие в нравственной жизни общества. С одной стороны, нравственная жизнь человека включает в себя необходимость решения и реализации «вечных» проблем, в попытке ответа на которые формируется собственно человеческий способ бытия. Вся жизнь индивида есть попытка ответа на экзистенциальные вопросы, и в этом смысле в каждое историческое время человек остается неизменным в своей сущности, так как сущностной традицией предстает потребность быть человеком. В этом заключается смысл и назначение морали: выкристаллизовывать из совокупности жизненных интенций человека потребность в человечности. Быть моральным далеко не всегда означает играть по правилам. Жить по совести предполагает опору не только на социальные нормы, которые чаще всего отражают конкретно-исторические и идеологические интересы определенных групп, но прежде всего на моральные абсолюты. В меньшей степени эта потребность обоснована рационально, чаще же она связана с особыми моральными интуициями. С другой стороны, цивилизационная оболочка жизни с неизбежностью затрагивает личностные основы бытия и порождает специфические технологии воздействия на сознание и поведение индивида, противоречащие основаниям его моральной автономии. Наряду с этим возникают явления,

вызывающие такие моральные проблемы, которые раньше просто не могли появиться и решение которых пока не столь очевидно. Прежде всего это связано с появлением и развитием новых видов коммуникации. Поэтому обозначенное противоречие обретает следующий вид: с неизбежностью перед современным человеком стоит «вечная» проблема остаться человеком, что возможно с опорой на моральный абсолют, но одновременно происходит разрушение этой традиции, что подрывает возможности ее функционирования и, соответственно, основы человечности личностного бытия.

Парадокс заключается и в том, что в современный период развития общества с наибольшей полнотой воплощается возможность морального выбора, без чего проблематично само становление автономного морального субъекта. Однако мозаичность культуры порождает несколько взаимосвязанных тенденций, которые и превращают мораль в игру.

Первая из них отражает появление множественности паттернов поведения, на которые ориентируется индивид. В условиях традиционности четко определяются жизненные идеалы и вытекающие из них образцы поведения, которые базируются на безусловном авторитете жизни святых, героев или близких людей, прежде всего родителей. В современной же культуре подрастающая личность свободна от предлагаемых идеалов и образец для себя может найти в совершенно различных источниках: от авторитетов ближайшего окружения (в которые родители далеко не всегда попадают, а главенствуют примеры не всегда позитивной направленности) до паттернов поведения, извлекаемых из многочисленных каналов массовой информации, телевидения, и особенно интернета. Не стоит здесь раскрывать многовекторность предлагаемых ими образцов.

С одной стороны, возможность морального выбора всегда есть благо. Но с другой стороны, проблема заключается, что для подрастающего поколения необходимы идеалы, в соответствии с которыми выстраиваются определенные жизненные стратегии. В случае несформированности или отсутствия четких жизненных приоритетов молодого человека у него не всегда формируется потребность в выработке долгосрочных планов, когда господствует «прагматика одного дня»: живи сегодняшним днем, получай максимальное удовольствие при минимальных усилиях. Соответственно, отпадает потребность и в налаживании долговременных отношений с другими, что может привести к возникновению отчуждения между близкими людьми: дружба на время совместного времяпрепровождения, любовь, которая часто сводится к сексу, семья до первых жизненных трудностей и т. п. В нравственном сознании молодого человека часто соседствуют взаимоисключающие друг друга представления о жизненных ценностях. Данные социологических исследований¹ показывают, что на вопросы о приоритетах молодыми респондентами даются социально ожидаемые ответы: на вершине иерархии — семья, здоровье, друзья, хорошая работа и т. п. Действительно, кто же от этих старых добрых ценностей откажется. Но когда от абстрактных представлений переходим к конкретным предпочтениям, то оказывается, что даже здоровье — не такая уж абсолютная ценность, потому что получить сиюминутное удовольствие, даже идущее ему во вред, — это важнее, нежели далекая перспектива из-за этого получить какую-либо проблему или даже болезнь. Все прекрасно осознают вред от употребления алкоголя, наркотиков, иных психоактивных веществ, но наслаждение здесь и сейчас предпочтительнее. Хорошая работа также вызывает амбивалентное отношение: признается ее значимость и необходимость, но понимание того, что благосостояние появляется в результате каждодневного труда, уступает место мечтам о «красивой жизни», которая будет обеспечена удачей, выгодным бизнесом, получаемой сразу высокооплачиваемой должностью и т. п.

¹ Лаптенюк А. С. Особенности нравственного воспитания учащихся в системе образования Республики Беларусь // Адукацыя і выхаванне. 2013. № 2. С. 3–8.

Вторая тенденция характеризуется отсутствием в современной культуре четкой иерархии моральных ценностей. Множественность паттернов, если не исключает, то делает проблематичной выстраивание ценностной иерархии. В условиях традиционной культуры или монистической идеологии система морали основывается на базовых ценностях, дающих возможность четкого противопоставления добра и зла, прогрессивного и реакционного, возвышенного и низменного. Эта мораль телеологична: все, что способствует достижению декларируемых целей, нравственно, что противоречит — безнравственно. В условиях плюральной культуры, на основе толерантности и признания «священного» права выбора, получает моральное оправдание или, по крайней мере, не вызывает осуждения то, что безусловно отвергалось ранее. Примеров этому можно привести множество, ограничимся сферой половой морали: добрачные сексуальные отношения, «ценности» однополый любви и т. п. Соответственно, есть основания для утверждения того факта, что приоритетными признаются даже не ценности той или иной социальной группы, а те, которые основываются только на личностном выборе.

Третья тенденция характеризует нивелирование, а иногда и исчезновение понятия моральной нормы. Если снова проводить аналогию с традиционной моралью, то в ней можно зафиксировать наличие основополагающего кодекса, на основе которого формируются остальные — корпоративные, профессиональные и т. п. Десять заповедей, моральный кодекс строителя коммунизма и ряд иных, сравнимых с ними по своей значимости, четко фиксировали границы дозволенного и недозволенного. Отсюда основная добродетель человека заключалась в способности воспринимать эти нормы и в максимальной степени воплощать их в своей поведенческой практике. Значимый аспект существования такого рода кодексов заключается в их миссионерской направленности. Естественно, свой кодекс признается единственно возможным, правильным, другие — не соответствуют истинному знанию и должны быть опровергнуты. Соответственно, тот, кто еще не постиг этого истинного знания, нуждается в приобщении к нему, как правило, «крестом и мечом».

Состояние ценностной и мировоззренческой неопределенности приводит к напряженности в функционировании нравственной культуры. Во многом такая ситуация обуславливается отсутствием четко выраженных приоритетов не только в рамках обыденного сознания, но и в системе государственно-идеологических координат. С одной стороны, это стимулирует выработку собственной моральной позиции личности, способной на соответствующие духовные усилия, с другой — состояние неопределенности порождает отсутствие всякой моральной позиции у многих людей, что чревато непредсказуемыми последствиями в отношении как личностного развития, так и социального результата. Ситуация мировоззренческого вакуума приводит к возможности его заполнения самыми разнообразными ценностными ориентирами, далеко не всегда отличающимися позитивной направленностью. Прежде всего это касается молодежи, которая, не имея еще четких устоявшихся нравственных убеждений, часто способна воспринимать в качестве современных новаций не самые лучшие образцы поведения.

Отсюда и формируется противоречие между содержанием «официальной» морали и частной жизни. Следствия этого разрыва могут быть разными: это и конформизм, и нарастание пессимизма, моральной индифферентности. Нередко можно наблюдать и проявления различных форм эскапизма, ухода индивида в частную жизнь. Большие возможности для разрыва с миром повседневности предоставляет сегодня виртуальный мир, в котором многие видят новую реальность, где возможно прожить целую жизнь. Спрятавшись за «ником», в этой жизни можно быть тем, кем не решаешься быть в реальности. Складывается новая форма взаимоотношений между людьми. Некоторые явления действительно уникальны для современной культуры. Интернет становится неким организующим началом, что можно использовать при реализации как позитивных, так и негативных целей.

В условиях мощного развития различного рода технологий можно поставить вопрос о существовании автономной морали. С одной стороны, происходит улучшение качества жизни, возрастает уровень комфортности. Но с другой — возрастают возможности контроля над личностью как в поведенческом аспекте, так и в плане манипуляции сознанием.

Отказ постнеклассической этики от традиционных базовых характеристик бытия морали в культуре приводит в итоге к упразднению самой морали. Однако многие реалии жизни характеризуют опасность такого рода релятивизации моральных ценностей. Так называемый «феномен 11 сентября», событие в 2006 году в Беслане, опасность террористических актов, осуществляемых практически в любое время и в любом месте, порождает потребность в обретении фундаментальных моральных ценностей. М. А. Можейко делает вывод о наличии двух взаимосвязанных тенденций в современной культуре: «с одной стороны, доминирование постметафизического мышления и вырастающая из него эпатажная мода на мораль всевозможности (вседозволенности) на сегодняшний день могут быть оценены как пройденный этап; с другой — возврат современного нравственного сознания к традиционной ригористической «этике кодекса» едва ли возможен. Иными словами, постнеклассической культурой, с одной стороны, разрушены условия функционированию традиционной этики и востребована этика нового типа — *этика творчества*, ориентированная на внутреннее самовыстраивание индивидом самого себя. С другой стороны, культурой постмодерна — посредством формирования постметафизического мышления — отрицается тот аксиологический контекст, в котором только и может быть реализована подобная нравственная система — *этика ценностей как этика творчества*»¹.

М. С. Каган, размышляя о динамике культуры, пришел к выводу, что в ходе ее развития она прошла два больших этапа, названных им теоцентристским и натуроцентристским. В современный период, по мнению ученого, созревает новая мыслительная парадигма, отвечающая «устремлениям наступающего очередного *переходного периода* в истории мировой культуры — периода *становления культуры антропоцентристского типа*»². Во многом становлению нового типа культуры способствует переход от противоборства различных социокультурных сил к диалогу.

Как ни странно, в отношении нравственной культуры также можно говорить о необходимости ее «антропологизации», так как в традиционной морали и во многом в морали индустриального общества человек просто «выпадал» из целеполагающих оснований этих культур. В основу современного общества, если оно претендует на цивилизованность, должно быть положено признание безусловной ценности каждого человека, независимо от его рода социальных характеристик, как-то: места проживания, этнической или партийной принадлежности, вероисповедания и т. п.

Регулятивная функция морали и в условиях современного общества предстает в качестве одной из ведущих. Тем не менее есть основания утверждать, что сегодня происходит процесс переосмысления роли морали в жизни общества и человека. Ее назначение все более связывается не с необходимостью приведения поведения человека в соответствие каким-либо нормам, а с потребностью в уважении и признании самооценности и достоинства каждой личности. Нельзя сказать, что «мораль кодекса» исчерпала свои возможности, но на первый план выдвигается «мораль ценностей». Речь не идет о снижении значимости выполнения моралью регулятивной функции, а о том, что акцентация только этой ее роли не позволит вычленить те свойства морали, которые делают ее незаменимой в жизни социума и человека. Более того, есть все основания утверждать, что

¹ Можейко М. А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформации нравственного сознания в современной культуре // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления; под ред. М. А. Можейко. Минск : Технопринт, 2005. С. 314–315.

² Каган М. С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. С. 391.

функцию регуляции поведения человека более эффективно выполняют другие социальные механизмы — прежде всего правовые. Не случайно также то, что именно в условиях трансформирующего общества возрастает роль религиозного фактора.

Мораль (мы рассматриваем нравственность как синоним морали) представляет собой ценностную форму культуры, направленную на утверждение самоценности личности, особый способ духовно-практического освоения мира, в результате которого вырабатываются всеобщие требования.

Потребность в морали — это потребность в такой общественной связи, которая придает самоценность каждой личности, той связи, которая основана на признании своего достоинства, равно как и достоинства другого человека. В морали отражаются требования, отвечающие глубинным потребностям человека — в человеколюбии, в доброжелательных отношениях, дружбе, любви. Мораль — не столько нормы, которые всегда конкретно-историчны и создают иллюзию релятивности нравственных императивов, сколько выражение потребности человечества в человеческих отношениях, требование оставаться человеком в любой ситуации. В предельной форме такая значимость морали проявляется, когда человек оказывается в экстремальной или пограничной ситуации.

Уникальность морали — в ее объединяющем характере, проявляющемся в возможности солидарной, совместной деятельности людей при взаимном уважении моральной автономии личности, которая совершает свободный выбор жить по законам общественной жизни.

Мораль имеет всеобщую форму, она охватывает все многообразие человеческого бытия: нет таких видов деятельности, которые были бы свободны от моральной оценки. Понятие добра выражает нацеленность морали на идеал человечности, долга — ее императивный характер, а совести — интимно-личностную природу.

Мораль в этом контексте рассматривается как одна из универсалий культуры. В связи с этим В. С. Стёпин выделяет особый тип универсалий культуры, «посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни»¹.

Мораль как феномен культуры обладает, наряду с другими, двумя важными свойствами. С одной стороны, она опирается на накопленный нравственный опыт, традицию, и в этом контексте можно говорить о том, что ведущие проблемы человеческого бытия были сформулированы уже на заре человеческой истории и каждое новое поколение нуждается в поисках своего ответа на смысложизненные вопросы. С другой стороны, моральное сознание мгновенно реагирует на происходящие изменения в социальной и духовной жизни общества, оценивая их с точки зрения добра и зла, справедливого и несправедливого.

Мораль универсальна, но одновременно только личная. Моральные ценности воссоздаются в каждом личном событии жизни. Транслировать, передать *понимание* ценности Другому вряд ли представляется возможным. Если какое-то содержание нормы, требования (императива) авторитарно транслировать Другому, то это содержание не может стать ценностью без личностного понимания, без обретения личностного смысла. Каждый должен пережить и понять для себя эту ценность. А она может и не проявиться для индивида, даже если формально он придерживается должных образцов поведения, хотя чаще всего это происходит под влиянием общественных санкций в отношении субъекта. При этом каждый раз переживание ценности происходит здесь и теперь. Воспоминание о прошлых добродетельных поступках — оно и есть воспоминание, оно в прошлом, оно отнюдь не гарантирует сегодняшнюю добродетель, если за этим воспоминанием не стоит сегодняшнее личностное движение к нравственному абсолюту.

Моральный абсолют, который может быть интерпретирован как универсальный закон человеческого бытия, несмотря на кажущуюся простоту (а человек всегда все хочет

¹ Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 63.

свести к простым формулам), показывает сложность его постижимости. Как только открывается один горизонт, за ним видится другой. Мораль всегда «ускользает» от точных и прямых дефиниций. Смысл абсолюта — в нравственном ориентире. Менее всего этот абсолюта может рассматриваться в информативном плане, так как он задает смысл человеческому бытию. Моральный абсолюта вечен в той мере, как вечен сам человек, но он всегда новый в силу необходимости для каждого поколения открывать его для себя.

Мораль представляет собой сферу постоянного самоопределения и самоутверждения и уже в силу этого не может быть представлена в виде формальных, далеких от реальной социальной действительности схематичных правил, порождающих догматизм и пустое начетничество. Универсальность морали заключается не в наличии неких неизменных сущностей, нравственных истин, но прежде всего в необходимости человеку реализовать себя в качестве человека и нравственного субъекта. К морали полностью применимы слова Э. Мунье: «Когда культура теряет в качестве своего ориентира универсальность, она иссушает себя; если же культура путает универсальное с застывшей всеобщностью, она затвердевает, превращаясь в жесткую схему»¹.

Вопрос об абсолютности морали неразрывно связан с проблемой общечеловеческих ценностей. Они могут быть представлены в качестве культурных универсалий, которые и составляют фундаментальное основание морали. В. С. Стёпин среди базисных универсалий культуры выделяет особую группу категорий, посредством которых выражаются определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям социальной жизни. К ним относятся категории добра и зла, долга и совести, справедливости и свободы и др. «В мировоззренческих универсалиях культуры можно выделять своеобразный инвариант, некоторое абстрактное всеобщее содержание, свойственное различным типам культуры и образующее глубинные структуры человеческого сознания. Но этот слой содержания не существует в чистом виде сам по себе. Он всегда соединен со специфическими смыслами, присущими культуре исторически определенного типа общества, которые выражают особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, принятую данной культурой шкалу ценностей. Именно эти смыслы характеризуют национальные и этнические особенности каждой культуры, свойственное ей понимание пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти, отношения к природе, труду, личности и т. д. Они определяют специфику различных культур. В свою очередь, исторически особенное в универсалиях культуры всегда конкретизируется в огромном многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний»².

В сущности своей мораль, связанная со становлением индивидуальности, ее неотъемлемых прав и признания моральной самооценности человека, есть продукт культурно-исторического развития. Естественно, вместе с процессом становления морального субъекта меняется осознание им приоритетности выполняемых моралью функций. Если в период развития традиционного общества значимость морали связывается в основном с наиболее эффективным воздействием на сознание и поведение человека, то впоследствии выкристаллизовывается представление о морали как средстве личностного развития, которое далеко не всегда согласуется с сословно-корпоративными или прагматичными интересами социальных общностей.

Мораль, задавая человеку предельные основания его бытия, показывает ему невозможность в своем ограниченном личностном времени реализоваться в качестве морального субъекта полностью, ибо это всегда процесс. Поэтому и общечеловеческие ценно-

¹ Мунье Э. Персонализм. М. : Искусство, 1992. С. 137.

² Стёпин В. С. Культура // *Вопр. философии*. 1999. № 8. С. 66.

сти рассматриваются как «идеальная форма той степени “всеобщности”, которая реально достигнута человеком на данной ступени истории»¹.

В рамках жизненных пределов человека мораль для него предстает абсолютной. Как пишет А. А. Гусейнов: «Мораль потому и абсолютна, что не может завершиться ни в каком относительном состоянии, потому и формальна, что является условием возможности всего многообразия материальных (содержательных) целей, потому и категорична, что не суммируется из условных норм поведения, сколь бы полным их набор ни был»².

Абсолютность морали означает отнюдь не абсолютизацию конкретно-исторической системы моральных ценностей. Как только тот или иной моральный кодекс приобретает статус единственно истинного, сразу же следствием этого становится моральный догматизм, а в худшем случае — фанатизм, одной из задач которого является необходимость «приобщения» к нему тех, кто не понимает преимуществ лучшего кодекса. Всякая моральная система, претендующая на абсолютность, во-первых, распространяется только лишь среди «своих» (по разным критериям — религиозным, политическим, этническим...), во-вторых, исключает интересы «чужих», вырывая последних в отношении применения моральных норм, и в-третьих, ставила задачу «перевоспитать» гибнущий варварский мир единственно верными, истинными ценностями. Не случайно в качестве существенной особенности морали А. А. Гусейнов определяет то, что она «не может уместиться в каком бы то ни было содержательно конкретном, позитивном требовании..., ее *требования могут лишь фиксировать несовершенство человека, его удаленность от цели*»³. Абсолютность морали означает, скорее всего, абсолютность требования обрести собственно человеческий способ бытия, стать человеком. Процесс же овладения этим способом бытия всегда конкретно-историчен, он связан с особенностями функционирования и развития культуры каждого этноса.

Можно выделить несколько моделей развития морали в рамках европейской культуры. Первая модель, которую можно было бы определить как классическую, предполагает сохранение существующего положения вещей при дальнейшей дифференциации моральных систем различных социальных и профессиональных групп. Партикулярность морали при подобном развитии нравственной культуры усиливается. Вторая модель предложена этикой постмодернизма. Суть ее заключается в признании вероятностного характера морали и моральных ценностей, что делает невозможным критериальное различие добра и зла и приводит к отрицанию регулирующего воздействия морали. Продолжающаяся индивидуализация нравственной жизни приводит к релятивизации моральных ценностей и складыванию автономной личностной морали каждого индивида. В настоящий момент можно говорить о реализации третьей модели развития морали — неоклассической. Она связывается с синтезом классического морального наследия, с современными ценностями, которые предполагают не реставрацию прежней нравственной культуры, а принципиально новое ее состояние, сопряженное с признанием моральной автономии личности, осуществлением прав человека. В современных социокультурных условиях, с одной стороны, традиционные ценности приобретают новый смысл, а с другой — меняются механизмы регуляции поведения и моральный статус индивида в обществе. Это не реставрация прежней традиционной морали, а принципиально новое ее состояние, сопряженное с признанием моральной автономии личности, осуществлением прав человека.

¹ Стёпин В. С., Гусейнов А. А., Межуев В. М., Толстых В. И. От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям // Квинтэссенция: филос. альманах, 1991. М.: Политиздат, 1992. С. 37.

² Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М.: Гардарика, 1998. С. 266.

³ Гусейнов А. А. Этика Троицкого // Этическая мысль: научно-публицистические чтения, 1991. М.: Республика, 1992. С. 31.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Требуется чрезвычайно оригинальный ум,
чтобы предпринять анализ очевидного.

А. Н. Уатхед

Начало XXI столетия отмечено глобальными трансформациями, позволяющими прогнозировать вектор мирового развития в направлении становления новой цивилизации с характерными формами культурного творчества и системой общечеловеческих ценностей. Рождение новой эпохи отмечено информационными войнами, глобальными конфликтами, плюрализмом мировоззренческих ценностей и поведенческих программ. Глобализация, таким образом, не является синонимом однородности и однообразности, не означает уменьшения многообразия форм социальной организации и человеческой коммуникации. В обществе идет интенсивный поиск новых идей, переосмысливаются традиционные ценности, развивается гражданская инициатива по определению ценностных приоритетов во всех областях. Как справедливо отмечает российский философ В. С. Стёпин: «Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей. Их надо проанализировать, установить, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. Сегодня это уже не чисто абстрактные занятия, а практическая потребность определить возможные стратегии развития цивилизации. Я думаю, что реализация этой программы является наиболее перспективной задачей современного философского исследования и всего многообразия наук о культуре»¹.

Задачу по разработке обоснованных краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных социальных прогнозов развития можно успешно выполнить, опираясь не только на изучение экономических процессов, традиционно связываемых с объективными тенденциями социального развития. Продвижение в этом вопросе не в меньшей степени зависит от исследований ключевых моментов изменения различных форм общественного сознания, анализа особенностей трансформации политики, науки, религии, морали.

¹ Стёпин В. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 274–275.

Актуализация совокупности этих вопросов относится к разряду сложно решаемых задач не только в отношении процессов мирового масштаба, но и в отношении отдельных стран или союзных государств. В частности, в государствах, возникших на постсоветском пространстве, новая социально-политическая ситуация складывается в условиях внедрения принципов рыночной экономики, для которой характерно взаимодействие различных форм собственности, переоценка гуманистических принципов и моральных норм. Изменяются традиционные виды и формы коммуникации, все это происходит на фоне развития взаимоисключающих взглядов на прошлое, настоящее и будущее, отражающих противоречивость ценностного ядра общественного сознания.

Так, в сфере политического сознания острой проблемой является обоснование выбора эффективной внешней политики и адекватных политических средств поддержания социального спокойствия внутри страны. Характерным становится развитие различных форм демократических инициатив, поиск конструктивных предложений по сохранению национальной культуры, создание благоприятных возможностей для развития гражданского общества. В области экономики утверждение рыночных отношений определяет растущую тревогу на фоне времени от времени возникающих «громких дел», связанных с коррумпированностью государственных чиновников, фактами пренебрежения государственным и общественными интересами со стороны должностных лиц. Не вполне ясными представляются последствия масштабной приватизации предприятий государственной собственности для большинства граждан в плане обеспечения их работой, достойным заработком, иными социальными гарантиями. В сфере нравственных отношений расширение рамок морального выбора, вкупе с правовыми коллизиями, породили противоречивый диапазон гражданских установок, массовые индивидуалистические и потребительские настроения.

Одной из особенностей развития государств, возникших на постсоветском пространстве, является заметное расширение представительства в социальной структуре религиозных институтов, активизация действий религиозных групп, организаций, миссионеров. По мнению Элвина Тоффлера: «Игра новых глобальных сил в будущих десятилетиях не может быть понята без учета возрастающей власти ислама, католицизма и других религий — равно как глобальных конфликтов и войн за веру»¹. Наличие государственно-церковных отношений позволяет церкви выступать в качестве активного участника социальных процессов. Не случайно религиозный фактор в разной форме и степени обусловил не только известные религиозные распри XVI в., но и знаковые события в современной истории таких стран, как Польша, Турция, Индия, Ирландия, Иран, Сирия, Египет.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о возрастающей роли субъективного фактора, усилении воздействия на социальные процессы различных форм общественного, группового и индивидуального сознания, выступающих в качестве активных катализаторов развития мировосприятия современной эпохи.

Именно усилением элементов субъективности можно в определенной мере объяснить растущее внимание философов, представителей различных наук, а также церковных историков, христианских богословов, писателей и журналистов к теме взаимодействия науки и религии в современном обществе. Вместе с тем, пытаюсь разобраться в теоретических и практических аспектах этого взаимодействия, необходимо исходить из того, что всякое духовное творчество выражает свое время и что «в каждую эпоху элементы светского и религиозного, мирского и сакрального вступали в совершенно конкретные отношения»². Взаимоотношение науки и религии — это сложный и многоуровневый процесс, характер

¹ Элвин Т. *Метаморфозы власти*. М., 2002. С. 560.

² Митрохин Л. Н. *Философия и религия* // *Вопр. философии*. 1989. № 9. С. 26.

которого зависит от исторических обстоятельств, намеренных действий государства, особенностей этнических отношений, культурных идеалов и т. п.

Известно, что иерархический принцип является фундаментальным принципом строения различных систем, в том числе и систем социальных ценностей. Опираясь на это положение и не вдаваясь в дискуссию, отметим, что исторически наука и религия долгое время были связаны так называемой ранговой корреляцией: повышение ранга социального доверия к одной из них неизбежно снижало доверие к другой, вплоть до их враждебного противопоставления. Маятник массового сознания последовательно достигал точки абсолютизации — то религии, то науки, приписывая им статус единственно истинной и нравственной мировоззренческой ориентации.

При этом в первой исторической фазе взаимодействие науки и религии осуществлялось в основном через механизмы обособления и противопоставления. Один из таких периодов противостояния науки и религии в европейской культуре обозначен исторической вехой, которой отмечено становление и упрочение христианства. Запад, как известно, не только воспринял христианство на языке античности, но и успешно реконструировал и приспособил к религиозным целям греческие храмы — эти вместилища языческой культуры, науки и искусства. В иерархии социальных ценностей религия постепенно стала доминировать. Отношение религии к науке образно изложено в высказывании одного из ранних апологетов христианского учения Тертуллиана (II—III вв.): «Не ищи общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами... Я напому кое-кому, что не следует искать ничего сверх того, во что они уверовали»^{1,2}.

Позднее Августин Блаженный (IV—V вв.), автор известных богословских трактатов «О христианской науке», «Против академиков», отстаивая приоритет религии, писал: «Верь, чтобы понимать... Я желаю знать Бога и душу и более решительно ничего». В отечественной истории также имеются многочисленные примеры, связанные с попыткой утвердить приоритетность (или по меньшей мере равенство) религиозных и научно-просветительских ценностей. Так, в 1817 году в России министерство просвещения было объединено с духовным ведомством, что символизировало единство религии, образования и государства.

Принципиально важно отметить наличие в истории обратного движения, связанного с отказом от признания за религией абсолютной ценности и конструктивной социальной значимости. Один из крупнейших западных философов XX в. А. Уайтхед отмечал: «XVI в. н. э. увидел крушение западного христианства и рождение новой науки. ... Развитие науки придало такую новую окраску человеческому сознанию, что формы мышления, составляющие ранее исключение, теперь широко распространились среди образованных людей»³. Однако это не мешало религии и впредь настаивать на ведущей роли религиозных ценностей в духовном развитии общества и человека.

Абсолютизация научных истин, в противовес истинам религиозным, была присуща государственной политике в советское время. Откровенная позиция атеизма также демонстрировалась в разные времена отдельными авторами, размышляющими над вопросами о роли науки и церкви в духовной жизни человека и общества.

Социально-исторической причиной того, что научная деятельность со временем заняла престижное место в иерархии социальных ценностей и профессиональных заня-

¹Анатомия мудрости. 106 философов. Жизнь. Судьба. Учение. Т. 1. Симферополь : Таврия, 1995. С. 417.

²Там же. С. 452.

³Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 56–57.

тий, оказалась высокая экономическая эффективность науки на основе внедрения ее результатов в практику. Способность науки определять ускоренные темпы технического прогресса стали основой того, что наука стала приоритетным направлением государственной политики многих стран, а научные разработки начали активно поддерживаться растущими отчислениями из государственного бюджета. Отмечался быстрый рост подготовки научных кадров и увеличение доли населения, занятого научным трудом. Так, в середине XX в. в таких ведущих странах мира, как СССР и США, каждые 6–10 лет количество ученых удваивалось. По прогнозам отдельных специалистов развитые страны неуклонно двигались к тому, чтобы в обозримом будущем практически все население в той или иной мере занять научным трудом. Количество научных публикаций постепенно перешло в лавинообразный поток, определив так называемый «информационный взрыв»¹.

В целом отношения науки и религии в истории принимали такие разнообразные формы, что говорить об одной общей модели их взаимодействия приходится с большой осторожностью. Тем не менее следует отметить, что современная фаза общественного развития открыто демонстрирует тенденцию к преодолению автономии и обособленности развития науки и религии. Происходит это на фоне признания общности их исторической судьбы, указания на единые исторические истоки науки и религии. Вместе с тем в контексте сказанного наметившийся мирный диалог науки и религии в современном обществе, атмосфера доверительного взаимодействия этих социальных институтов и форм познания — явление новое для культуры, а значит, недостаточно исследованное с позиции мировоззренческих трансформаций и социальных последствий в целом.

Реакция научной и религиозной общественности на наметившийся диалог науки и религии в достаточной степени дифференцирована и колеблется от представлений об исчезновении разногласий между ними до утверждений о полном взаимном неприятии. Тема взаимодействия науки и религии является объектом обостренных дискуссий в средствах массовой информации, обсуждается на научных конференциях, различного рода форумах, проводимых под эгидой международных организаций. Данная проблема неизбежно оказывается в фокусе методологии науки, социальной философии, антропологии, религиоведения, социологии и других гуманитарных наук, она важна для государственной политики, находит отражение в официальных документах и практической деятельности религиозных организаций. Новое отношение к религии так или иначе затрагивает проблему научной рациональности, проблему трансформации идеалов современного научного знания, требует переосмысления старых, выработки и использования новых логико-методологических средств. Российский академик В. С. Стёпин отмечает, что: «...в периоды глобальных научных революций, связанных с преобразованием стиля мышления... выявляются потребности в новых эталонах объяснения, обоснования и организации знаний и формулируются принципы, выражающие эти идеалы»².

Современный этап в развитии науки отмечен тем, что новые теоретические знания получают не только за счет новых эмпирических материалов, но и за счет изменения оснований познания, использования новых общенаучных концепций, методов и подходов. Опираясь на исследования «человекоразмерных» систем, новых объектов науки (объекты геномной инженерии, крупные экосистемы, человеко-машинные объекты и информационные комплексы и т. п.), методологический арсенал современной науки активно использует идеи школы Ильи Пригожина, концепцию ноосферы, синергетический подход, положения концепции глобального эволюционизма и т. п. Отмечается, что в настоящее

¹ Рачков П. А. Науковедение: проблемы, структура, элементы. М., 1974. С. 4–5.

² Стёпин В. С. Становление научной теории. Минск : БГУ, 1976. С. 293–294.

время назрела потребность в новых объяснительных моделях, в новом типе рациональности, суть которого в соединении науки, нравственности, искусства, религии и философии. «Условиями же выработки новых нормативных принципов, меняющих стратегию теоретического поиска, является зарождение внутри старого способа мышления новых идеалов научности. Эти идеалы выражают новое понимание целей исследования, а формирующиеся на их основе нормы указывают на способы достижения таких целей»¹.

Что касается особенностей взаимодействия науки и религии в техногенном обществе, В. С. Стёпин отмечает: «Функции науки и религии в культуре внешне выступают как противоположные, но при более внимательном рассмотрении они выступают как дополнительные»².

Приведенное утверждение оказывается, на наш взгляд, конструктивным не только на основании приведенных автором аргументов, но и в плане постановки ряда новых вопросов. Оценка взаимоотношений науки и религии, опирающаяся на принцип дополнительности, позволяет рассмотреть их функции через участие данных социальных институтов в социальной динамике. При этом признание того факта, что религия не является чужеродным элементом в структуре научного познания, требует поиска особых аргументов для подтверждения исходного тезиса. Наука и религия выступают как уникальные социальные институты с особыми функциями, ролью и миссией, формируя в обществе особые формы социальных контекстов. Так, основная функция науки в обществе связана с познанием. Наука – особый вид познавательной деятельности, системно-организованный и обоснованный, что позволяет ей добывать и формулировать знания о мире, предлагая особый срез видения этого мира. Однако научное знание не охватывает всего многообразия предметно-объективной, субъективной и социальной среды. Именно поэтому наука не исчерпывает собой всей культуры, а составляет лишь одну из сфер, которая взаимодействует с другими сферами культурного творчества.

В свою очередь, функции религии в обществе имеют свои особенности. Среди основных социальных функций религии выделяются: функция значения или смыслополагания; функция принадлежности или идентификации; функция социальной интеграции и стабильности, а также функция сакрализации культурных ценностей³.

В частности, считается, что религия, выполняя духовно просветительскую миссию, формирует особое основание ценностной ориентации человека, научает его жить, раскрывает ему смысл и цели в жизни. В то время как жизнеориентирующие возможности науки ограничены и нацелены в основном на выполнение продуктивно-преобразующей функции. Вместе с тем, как справедливо отмечает В. С. Швырев: «Ограниченность науки как лишь одной из форм культуры не является основанием для антисциентистского отрицания ее конструктивного значения в формировании мировоззрения»⁴.

Существует также ряд общих характеристик науки и религии. Так, и наука, и религия объединяют определенную часть населения в той или иной стране и мире в целом. И наука, и религия проявляют интерес к широкому спектру вопросов познания и практической деятельности, что позволяет им вступать в диалог и находить точки соприкосновения. И наука, и религия развиваются, опираясь на определенные культурные идеалы, в частности, религия демонстрирует приверженность к сохранению чистоты религиозных

¹ Стёпин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск: БГУ, 1981. С. 47.

² Стёпин В. Цивилизация и культура. С. 249.

³ Гараджа В. Социология религии. М., 2005. С. 195–199.

⁴ Швырев В. С. Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой ориентации в условиях НТР // Философские науки. 1973. № 4. С. 22.

верований, наука — к постоянному поиску истины. И наука, и религия, будучи по сути культурно-историческими явлениями, одновременно выражают потребность личности в самоактуализации, раскрытии и расширении созидательных возможностей человека. Религиозность наряду с такими характеристиками, как пол или возраст, является маркером идентичности. Наука хотя и влияет на процессы, связанные с идентичностью, однако не имеет таких возможностей, как религия. Религия является важным и необходимым звеном мировоззрения, ибо затрагивает такие вопросы, как создание объяснительной теории происхождения человека, Земли, познания, занимается прогнозированием развития человека и общества и т. д.

Религия и наука не могут быть отделены от языковых структур и процессов коммуникаций, хотя и обладают в этом плане выраженной специфичностью. Язык науки и язык религии — это разные языки, которые мирно сосуществуют в культуре, дополняя друг друга.

Все эти характеристики замыкаются на признании высокой ценности науки и религии, определяющей степень социального доверия к ним в обществе.

Известно, что суть принципа дополнительности в том, чтобы применять два взаимоисключающих набора классических понятий, совокупность которых позволяет получить полноценную информацию о каждом из них в качестве целостных объектов. Отметим также, что данный принцип, сформулированный датским физиком Н. Бором и предложенный им в качестве рационального объяснения дуалистической природы микрообъектов в квантовой механике, достаточно быстро вышел за рамки физической теории, получив признание в иных областях знания, вплоть до оценки его в качестве своеобразного идеала современной науки. И хотя дискуссии вокруг принципа дополнительности не завершены, вплоть до взаимоисключающих мнений относительно границ его применения, речь идет о проблеме, которая становится сквозной для человеческого познания, приобретает тем самым философский характер.

В качестве подтверждения особого характера отношений науки и религии в культуре В. С. Стёпин последовательно приводит ряд аргументов.

Первый из них касается дополнения научного знания, основанного на постулате изменчивости, постулатом устойчивости которому привержена религия. «Если рассматривать общество как целостную, органическую, развивающуюся систему, то в его динамике можно выделить процессы устойчивости и изменчивости. Соответственно в культуре возникают программы, выражающие устойчивую наследственность социальной жизни, и программы, нацеленные на ее изменения. Развитие, не приводящее к гибели социального организма, возможно только при сбалансированности обоих типов программ. Если с этих позиций рассматривать науку и религию, то интенция науки на порождение нового знания делает ее важнейшим социальным фактором изменений в культуре и обществе. Что же касается религии, то она выступает хранителем традиций, устойчивых ценностей, аккумулирующих исторически апробированный опыт социальной адаптации человека к природе и социальным общностям»¹.

Действительно, наука, нацеленная на добычу объективных, системно оформленных и логически обоснованных знаний о ранее неизвестном, по сути своей экспансивна, в ее поле зрения попадают все новые и новые объекты, знание о которых постоянно уточняется. Научная истина является одной из базисных ценностей техногенной культуры, занимающих в иерархии ценностей современного общества одно из приоритетных мест. Это связано с научно-технической и технологической направленностью научной деятельности, результатом которой являются блага современной цивилизации.

¹ Стёпин В. Цивилизация и культура. С. 249.

В борьбе за мировоззрение человека арсенал средств, используемый наукой, постоянно расширяется. Будучи тесно связанной с системой образования, наука активно воздействует на формирование особой формы отношения человека к миру, особого стиля духовной деятельности, мировоззренческих установок личности, формирует особую структуру мыслительной деятельности людей, что определяет ее социальную ценность. Воздействуя на формирование логического строя познания, наука оказывает влияние на формирование представлений человека об основных особенностях социального и личностного развития. Как отмечает В. С. Стёпин: «При изучении фундаментальных наук усваиваются не только знания, но и образцы рассуждения, формируются особые ментальные программы логически последовательного мышления»¹. Иными словами, использование обобщенных результатов науки в системе образовательных дисциплин способствует интеллектуальному воспитанию, формированию у человека навыков доказательного рассуждения, что чрезвычайно важно для взаимопонимания участников различных форм коммуникативного процесса. Овладение принципами рационально-логического рассуждения формирует у человека аналитические способности, интуитивную пронизательность, позволяет поддерживать на высоком уровне логическую культуру — важнейшую составляющую культуры общества, ее высочайшую базовую ценность.

Особым эффектом, производимым наукой, следствием ее воздействия на общество и человека стал ореол высокого социального доверия к научным достижениям, престижность получения научных статусов, социальная притягательность оценок, выдаваемых представителями научной интеллигенции в отношении практически любых сторон жизнедеятельности общества. Доверие общественного мнения к научной экспертизе любого проекта, будь то мелиорация белорусских болот на Полесье или поворот сибирских рек, грандиозные проекты по использованию атомной энергетики в мирных целях или проекты научного атеизма, превращалось порой в основу для некритической веры в непогрешимость научных истин. Проблемы, возникшие на этой основе, привели к необходимости дополнения научных аргументов социально-ценностными подтверждениями. Социально-этическая экспертиза как неотъемлемая часть современных научных инноваций — «это точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры»².

Вместе с тем, как отмечает В. С. Стёпин, важным для науки является прежде всего то, что «Изменение фундаментальных понятий и принципов науки является нормой ее функционирования в культуре. В религии же нормой является сохранение ее фундаментальных принципов»³. Специфика религии, отличающая ее от науки, связана с тем, что она оперирует категориями абсолюта, признает незыблемость моральных установлений. Религия стремится строить свои мировоззренческие схемы, основываясь на незыблемых принципах веры, наука же — на относительных, изменчивых принципах знания, вписанных в параметры шкалы «истинное — ложное».

Далее В. С. Стёпин отмечает, что принципы изменчивости и устойчивости проявляются также в отношении к теоретическому наследию науки и религии. Наука не имеет священных книг, которые содержали бы все необходимые человеку знания. Именно поэтому научные знания постоянно уточняются, переосмысливаются, временами переоцениваются. Для религии существует незыблемый авторитет Библии для христиан или Корана для мусульман⁴.

¹ Стёпин В. С. Наука, образование и проблемы новой модернизации // Социология. 2012. № 3. С. 54.

² Стёпин В. С. Новые проблемы философии науки // Социология. 2011. № 3. С. 12.

³ Стёпин В. Цивилизация и культура. С. 251.

⁴ Там же. С. 252.

Отметим, что теоретики христианства и других религиозных конфессий также стремятся осмысливать противоречия современной эволюции человека и общества. Об этом свидетельствует проведение многочисленных экуменических конференций по проблемам войны и мира, демографическим проблемам, проблемам семьи, экологическим вопросам. Известно, что еще в конце XIX в. для проверки практической эффективности молитвы проводились даже социологические опросы общественного мнения, в частности делались попытки вывести статистические корреляции между фиксируемой продолжительностью жизни людей, за которых молились и за которых не молились. Из более ранней истории известен факт, связанный с рассылкой так называемых окружных писем с целью изучения отношения общественности к церковному тезису о непорочном характере святого зачатия.

В современный период, с момента осознания острых проблем, связанных с негативными последствиями научно-технического прогресса, в социальных концепциях христианских церквей начали формироваться особые подходы. Так, концептуальное обоснование целостного представления христианских учений к определению возможностей устранения угроз существованию человечества, связанной с конфликтами и войнами, может дать сравнительный анализ католической «теологии мира», православной «мирологии», протестантской «культуры мира». Системный анализ экологических проблем в рамках христианских учений позволяет выделить в зависимости от соответствующих методологических программ католическую и протестантскую версии «экологии», а также православную «экологическую этику», направленную на формирование «нового христианского аскетизма». Оценка негативных последствий научно-технической революции нашла свое отражение в католической версии «теологии науки и техники», представленном православием «проекте духовного оздоровления человечества», протестантской концепции «соответствующей техники»¹.

Необходимо обратить внимание не только на новые функции религии в обществе, но главное на функциональные границы религиозного влияния на мировоззренческие (базовые) ценности человека и общества. «Точки роста новых ценностей могут возникать..., в частности, в религиозном ... сознании. Примером таких точек роста в сфере религиозного сознания могут служить новые идеи протестантской теологии»², — пишет В. С. Стёпин.

В действительности процесс модернизации религии, особенно заметный в протестантизме, не исключает традиционалистские тенденции и чаще демонстрирует попытки с помощью обновленных аргументов подкрепить первозданные устои религиозной веры. В частности, в вопросе о сотрудничестве церкви и государства представители церкви придерживаются мнения, что такое сотрудничество «по определению не может основываться на почве атеизма, т. е. отрицания Бога. Значит, существует необходимость общественного признания тезиса о бытии Бога». Далее подчеркивается, что Церковь исполняет именно духовно-просветительскую миссию и «на земле она не может быть заменена ничем иным»³.

В настоящее время функции науки и религии в обществе в целом определены, в то время как функциональные границы их действия достаточно изменчивы и требуют постоянного мониторинга.

Конструктивный подход для реалистической оценки связан с необходимостью учета положения науки и религии на макро- и микроуровнях общества. «Социальные системы,

¹ Круглова Г. А. Христианская глобалистика. Минск, 2008.

² Стёпин В. Цивилизация и культура.

³ Профессор Высокопреосвященнейший Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Беларусь: государство, религия, общество // Труды Минской духовной академии. Жировичи, 2007. № 5. С. 8.

в которых действуют отчужденные от индивидов силы, наверняка управляются такими целевыми функциями, которые защищают целостность безотносительно к индивидам и в ущерб личности»¹. И разум, и вера, безусловно, входят в качестве средств постижения истины (пусть по-разному истолкованной) в систему мировоззренческих ценностей человека, так или иначе принадлежат личности, индивиду. Вместе с тем, как отмечает М. В. Попович, на уровне общества как целостной системы «не теряются ли эти ценности при характеристике социальной системы как целого, подобно тому, как теряют смысл характеристики импульсов и координат при переходе к тепловым характеристикам системы?»².

Исследования функциональных границ науки и религии в обществе в качестве необходимой методологической установки должны учитывать существующий раскол общественного сознания, наличие в нем не только господствующих тенденций, но и корпоративных устремлений отдельных социальных групп, а также эгоистических индивидуальных идей и проектов.

В этом плане интерес представляет позиция российского социолога Ж. Т. Тощенко, исследующего такую характеристику общественного сознания, как антиномичность. «Среди основных характеристик общественного сознания особое значение имеет такой важный и влиятельный его феномен, как антиномия, когда два или несколько различных утверждения противостоят друг другу, взаимоисключают друг друга, но одновременно сосуществуют, так как имеют под собой определенные оправдывающие их существования основы...»³ Далее отмечается, что взаимоисключающие взгляды, связи, ориентации в реальности присущи тем или иным социальным, политическим или экономическим силам, крупным социальным группам или образованиям. Приведем характерные признаки антиномий, которые позволяют провести определенную параллель для понимания отношений науки и религии, рассмотренных с позиции дополнительности.

Первое — это наличие не менее двух позиций, поддерживаемых общественными силами и достаточно влиятельных и значимых в обществе.

Во-вторых, данные позиции, взаимоисключающие друг друга, в известной степени непримиримы, несочетаемы, несогласованны.

В-третьих, обе позиции имеют достаточно весомые основания для доказательства своей правоты, своей обоснованности, своей жизнеспособности и будущности.

В-четвертых, каждая из позиций имеет определенный исторический опыт, который подкрепляет ее аргументы в противостоянии с другой позицией и ориентацией.

В-пятых, их существование характеризует кризисное состояние общества.

Антиномии общественного сознания Ж. Т. Тощенко понимает как превращенные формы сознания, олицетворяющие противостоящие друг другу общественные мировоззренческие позиции. «Они как бы представляют собой разное понимание правды, истины, претендовали на жизненность, на право существования и имели достаточно веские аргументы в отстаивании своей позиции»⁴.

¹ Попович М. В. Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность // *Вопр. философии*. 1989. № 6. С. 171.

² Там же.

³ Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // *Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития* : материалы Международ. науч. конф., посвященной 20-летию институционализации социологического образования в Беларуси, открытию отделения и кафедры социологии в Белорусском государственном университете. Минск, 4–5 нояб. 2009 г. Минск, 2010. С. 17.

⁴ Там же. С. 18–19.

При этом отмечается, что антиномии являются предтечей крупных общественных сдвигов вплоть до революций и могут быть присущи как самой форме общественного сознания (например, науке), так и характеризовать взаимоотношения науки и религии. В частности, узловыми пунктами антиномий в науке являются периоды, отмеченные сменой научных картин мира.

Социальная ценность науки и религии основывается на представлениях массового сознания. Именно поэтому взаимодополняемость их социальных функций может быть установлена на основе исследования степени доверия граждан или общественных групп к истинам науки или религиозным ценностям.

Социальное доверие входит в разряд так называемого социального капитала, является условием консолидации общества и социального спокойствия. Чаще всего объектом социального доверия принято считать реальную власть. В этом случае социальное доверие измеряется результатами референдумов, рейтингом руководителей государства, уровнем активности избирателей, высоким процентом единодушия при избрании представителей депутатского корпуса. Социология использует понятие «доверительный интервал» — показатель, отражающий вероятность положительных ответов на поставленные вопросы, меру положительной связи между соответствующими переменными. Считается, что чем выше социальное доверие к власти, тем в большей степени обеспечивается сотрудничество социальных групп, их сплоченность вокруг государства. В общем плане социальное доверие — это характеристика реально-практического мировоззрения, умонастроения, исходящего из признания высокой или даже высшей ценности того или иного объекта (процесса). Решить проблему социального доверия — значит предсказать характер господствующего умонастроения общества, складывающегося под влиянием социальной микро- и макросреды.

Относительно темы, рассматриваемой в данной статье, вопрос может быть поставлен таким образом: в какой из сфер, религии или науки, человек может обрести полную уверенность, признать истинными основополагающие постулаты (религиозные или научные), основываясь на силе внутреннего убеждения, которое не нуждается в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их?

И наука, и религия располагают определенным арсеналом средств для формирования и поддержания социального доверия. Так, в современном обществе социальное доверие к науке — это результат научной деятельности, практический итог, эффект, производимый наукой, результат ее воздействия на общество и человека. Наука по своей природе кумулятивна, ее развитие пропорционально объему знаний, накапливаемых человеком, в этом смысле наука перманентно развивается. Возникнув на фоне исторически развернутого культурного процесса, наука в современном обществе, безусловно, окружена ореолом социального доверия.

В свою очередь, религия тяготеет к конструированию символического универсума, узаконивая и объединяя не только социальный порядок, но и обеспечивая в экстремальной ситуации защитную субъективную реакцию, реализуясь в бессознательном искреннем обращении: Господи, спаси и сохрани!

Проблема социального доверия в отношении науки и религии может быть рассмотрена с различных сторон, однако принципиальное значение, на наш взгляд, данная тема приобретает в следующих направлениях:

во-первых — это доверие общества к науке, научным разработкам, конкретным личностям, представителям научного мира;

во-вторых — это социальное доверие к религии, ее институтам, лидерам;

в-третьих — это проблема доверия науки к религии и религии к науке с целью достижения взаимного понимания как основы согласия.

Настоящее время все чаще характеризуется поиском адекватного учета религиозного фактора в социальной динамике. Для оценки взаимовлияния на социальные процессы со стороны науки и религии необходимо учитывать их стремление к взаимному признанию, их желание взаимодействовать. «Во все времена согласие — это состояние важнейшее, но одновременно и труднейшее. Ни в государственной сфере, ни в общественной среде, ни в личной жизни его невозможно достичь односторонним усилием или насилем, вне диалога, без веры, без умения понимать и без способности прощать. А в основе понимания всегда лежит взаимное доверие и добрая обоюдная воля»¹.

Вопрос о взаимодействии науки и религии может быть поставлен и по-другому: может ли развиваться наука без религии или религия без науки? Бертран Рассел считал, что достаточно длительное перманентное присутствие в истории общества религии до настоящего времени не позволило человечеству создать рациональную систему образования. Отсюда объяснимо его предложение — убить дракона (религию), сторожащего дверь на пороге золотого века. Махатма Ганди, признавая боговдохновенность всех священных книг: Библии, Корана, Зенд Авеста, так же как и Вед, писал: «Я отказываюсь признать какое бы то ни было толкование, сколь ученым оно ни было, если оно противоречит разуму и морали...»².

В противовес вышеприведенным позициям существует иной взгляд, подкрепленный следующими аргументами: «Наука никогда не была бескорыстным, беспристрастным и рациональным предприятием... наука не в меньшей мере, чем иные формы постижения мира — такие как философия и религия, — существенным образом включает в себя ценности, надежды, цели и интересы, отражая тем самым культуру, человеческие чувства и устремления с той полнотой и насыщенностью, что и прочие плоды человеческого духа. Из этого, судя по всему, следует, что нет более никаких безусловных оснований отделять науку от религии китайской стеной, заведомо оправдывая превознесение первой и уничтожение последней»³.

Известно, что существует наука великих имен и великих научных открытий, вместе с тем наука включает в себя широкое поле человеческого измерения. А. Эйнштейн отмечал: «Храм науки — строение многосложное. Различны пребывающие в них люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства: можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят здесь в жертву только в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел в храм и изгнал из него тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм катастрофически опустел бы. Все-таки кое-кто из людей ... в нем бы остался. ... Большинство из них — люди странные, замкнутые, уединенные: несмотря на эти общие черты, они в действительности сильнее разнятся друг от друга, чем изгнанные. Что привело их в храм? Одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни, с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей... в мир объективного видения и понимания ... с его спокойными очертаниями, которые кажутся предназначенными для вечности ... Именно такое занятие наукой сродни религиозности...»⁴

В эпоху системных кризисов обращение к науке связано с попытками обрести устойчивую мировоззренческую ориентацию. Наука стала все в большей степени приобретать

¹ Профессор Высокопреосвященнейший Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Беларусь: государство, религия, общество // Труды Минской духовной академии. Жировичи, 2007. № 5. С. 6.

² Ганди. Мохандас Карамчанд. Моя жизнь. М. : Наука, 1969. С. 475–476.

³ Рьюз М. Наука и религия: по-прежнему война? // Вопр. философии. 1991. № 2. С. 38–39.

⁴ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. науч. тр. М. : Наука, 1967. Т. 4. С. 39–40.

выраженную социальную функцию. Вместе с тем нарастание острых, сиюминутных проблем, вал нерешенных вопросов оказывает давление на науку, стремится лишить ее автономии, подчинить научные исследования исключительно прикладным нуждам. В такой ситуации ученому все сложнее становится улавливать социальный запрос, обращенный к науке. Возникает впечатление, что наука с опозданием откликается на то, что происходит. В таких условиях влияние науки в целом и на личность ученого в частности ослабевает. Ученый как носитель и транслятор культурных ценностей остается во многом невостребованным.

В этих не простых для науки условиях религия переживает своеобразный ренессанс на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Беларуси. Так, после обретения республикой независимости религиозным организациям для богослужебных целей передано свыше тысячи культовых зданий, выделяются земельные участки под строительство новых храмов. Основными источниками финансирования строительства храмов являются пожертвования юридических и физических лиц (включая зарубежные религиозные центры). Существенную поддержку оказывает государство через предоставление дотаций, а также налоговых и иных льгот. Государство стремится обеспечить реализацию законодательства о свободе совести, создать атмосферу взаимодействия государства и религии в сфере образования, медицины, военного дела, культуры, духовного возрождения.

Безусловно, современная цивилизация, основанная на культе знания, предполагает прежде всего знание научное. Однако признание принципа дополнительности в отношениях науки и религии демонстрирует понимание того, что «духовная культура в ее общественно-доступном, зафиксированном состоянии должна включать всю мозаику мироощущений отдельных слоев и групп, в данном случае десятков миллионов верующих в Бога с их неотъемлемым правом на свободу совести и достойное выражение собственных взглядов ...»¹.

Попытки «заигрывания» науки с религией, обмен взаимными комплиментами вряд ли имеют ясные перспективы для выстраивания отношений. Все это, по словам Федора Достоевского, «от лакейства мышления». Вероятнее предположить, что ведение диалога науки и религии дает шанс открыть новые горизонты, поставить новые вопросы, создать возможности и новые ценности, которые остались бы незатронутыми в условиях отсутствия диалога или наличия открытой конфронтации. Основой для укрепления социального доверия может быть признание общих, хотя и по-разному истолкованных, и по-разному мировоззренчески мотивированных гуманистических устремлений. Путь консенсуса науки и религии сложный и неоднозначный, он неизбежно будет порождать свои проблемы, новые трудности, издержки и ошибки. Нельзя не согласиться с Н. С. Автономовой, отмечающей: «...границы между формами познания существуют и что плодотворнее о них не забывать... Когда бессознательное, сон, фантазии, схемы воображения, что-то другое выдвигается на первый план вне соотношения с другими, более способными к самоартикуляции и рефлексии силами, то получается крен иногда более опасный для общей культурной перестройки»².

Уроки ненависти и противостояния еще не в полной мере усвоены человеком. В этих условиях дискуссии между наукой и религией не только возможны, но и эффективны на платформе взаимного отказа на владение абсолютной истиной. Очень важны публичные дискуссии.

В современной ситуации человек чаще склонен рассчитывать на свои силы, на человеческий разум, на человеческие ресурсы. При этом не следует пренебрегать общечело-

¹ Митрохин Л. Н. Философы и религия // *Вопр. философии*. 1989. № 9. С. 19.

² Философия и литература: проблема взаимных отношений (материалы круглого стола) // *Вопр. философии*. 2009. № 9. С. 61–62.

веческим значением общественной морали и собственного духовно-нравственного самосовершенствования. Можно с уверенностью утверждать, что если новые поколения людей будут увеличиваться за счет доли представителей науки — прогресс и развитие цивилизации не остановятся. Если новые поколения будут прирастать за счет доли религиозно настроенных людей — духовность мира будет сохраняться и приумножаться. Но главное — если в каждом новом поколении будет увеличиваться доля порядочных, нравственно воспитанных людей, человечество не утратит надежды на воплощение идеала человека на Земле, а на Небе.

Один из вопросов об отношениях науки и религии — вопрос о том, чья позиция будет доминировать в результате их мирного диалога. К чему в итоге склонятся наука и религия в этом диалоге, куда перемещается центр тяжести в доктрине диалога? Есть ли это признание взаимной ценности и одновременно взаимной свободы, что мы получим в итоге? Ведь цель любых переговоров убедить другую сторону в своей правоте, в своей Истине, основываясь на понимании, что Истина все же одна.

В современном гуманитарном познании наличие связи между наукой и религией представляется аксиоматичным как на глобальном уровне, так и на личностном. Вместе с тем далеко не вполне ясно, каким образом осуществляется конкретное взаимодействие науки и религии.

«Великий перелом» в отношении светского и религиозного связан с решениями II Ватиканского собора, объявившего готовность к диалогу со светским миром и другими религиозными конфессиями, отказ от борьбы, сопротивления, «выбор пути, когда Церковь становится просто собеседником»¹.

Открытый диалог, обмен идеями объединит усилия тех, кому дороги духовная культура, гуманистические традиции, мир и благо человечества. В доверительной атмосфере наука и религия может многое сказать друг другу, существует ряд вопросов, по которым целесообразно размышлять вместе, чтобы достичь того, что может быть названо продвижением во взаимопонимании.

При этом для личности в науке базовыми ценностями культуры остаются личная ответственность и безусловный приоритет разума. «Разум кажется нам слабым, когда мы думаем о стоящих перед ним задачах. Но именно творения интеллекта переживают шумную суету поколений и озаряют мир светом и теплом»².

Общий вывод относительно действия принципа дополнительности, предложенного В. С. Стёпиным для рассмотрения отношений науки и религии в техногенном обществе, свидетельствует о том, что реально значимые способы духовного и практического освоения мира, к которым относятся и наука, и религия, выработаны в процессе исторического развития человечества, объективно обусловлены разнообразной природой социальных форм организации, и каждая из них является существенной предпосылкой и условием развития человека и общества. Ни одна из разнообразных форм культуры при всей их неравнозначности не может претендовать на универсальную роль.

¹ Кучинский Я. Некоторые вопросы диалога марксистов и «христиан» // Вопр. религии и религиозоведения. Вып. 1. Часть 2. М., 2009. С. 37.

² Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. науч. тр. М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 78.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СТАТУС ЭКОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

К началу третьего тысячелетия современная цивилизация обнаружила очевидные симптомы глобального системного кризиса, который все чаще называют эколого-социальным. Именно экологический аспект кардинальных изменений в системе «общество – природа» становится сегодня одним из самых насущных и драматически актуальных. Акцентируя внимание на этом аспекте, В. С. Стёпин подчеркивает, что «антропогенное давление на биосферу уже давно превысило допустимые рубежи, но сам переход к новому типу цивилизационного развития совсем не прост, поскольку предполагает изменение всей прежней системы ценностей»¹. Сегодня механизмы, поддерживающие гомеостаз биосферы, начинают давать сбой, и угроза глобальной дестабилизации жизни на Земле становится все более ощутимой и реальной. «Воздействовать на экосистему можно только в пределах, не нарушающих нормальное протекание биологических процессов. Вместе с тем на данном этапе общественного развития возможности человека вошли в противоречие с законами эволюции биосферы. Оказались нарушенными ее основные закономерности <...>»².

В этих условиях очевидной экологизации культуры возникает настоятельная необходимость системного осмысления тех трансформаций, которые произошли в отношениях человека к природной и социокультурной среде его обитания. Изменения векторов и интенсивности этих отношений всегда присутствовали в истории человеческого общества. Но сегодня их масштаб и глубина достигли таких глобальных пределов, которые выдвигают в повестку дня XXI столетия вопросы подлинно философского порядка и мировоззренческой компетенции. «Одной из основных потребностей нашего времени, – констатирует В. Хесле, – является потребность в философии природы, которая бы смогла сочетать автономию разума с самодовлеющим достоинством

¹ Стёпин В. С. Экологический кризис и будущее цивилизации // Философия и экология. М. : Наука, 1993. С. 184–185.

² Водопьянов П. А., Крисаченко В. С. Великий день гнева : экология и эсхатология. Минск : Университетское, 1993. С. 269.

природы»¹. При этом важно понимать, что современная версия философии природы должна существенно отличаться по своим содержательным и функциональным параметрам от традиционных концепций онтологии природы. Справедливо подчеркивая эту мысль, И. К. Лисеев отмечает, что «ныне философия природы все более понимается не как некая мировая схематика, существующая вне и независимо от человека, а становится философскими размышлениями человека, существующего в природе, ведущего с ней диалог, вовлеченного в сложную сеть отношений с природой»².

Симптомы нового экологического кризиса – фронтальное явление современной социокультурной ситуации. О них уже много сказано и написано, хотя по-прежнему в этих описаниях и констатациях доминирует эмоционально-пессимистический компонент и недостаточно представлены конструктивно-аналитические проекты, ориентированные на разработку альтернативных стилей цивилизационной динамики.

Да, мы являемся сегодня свидетелями различных экологических аномалий и региональных экологических катастроф. Но достаточно ли этого для радикального вывода о том, что биосфера Земли реально вступила в фазу глобальной экологической мутации, подлинной причиной которой стала неумная жажда потребительства современной цивилизации и все нарастающая техногенная экспансия человечества в естественные ландшафты и природную среду обитания. Такой вывод, безусловно, содержит в себе значительный алармистский акцент, и со времени выхода в свет знаменитого доклада Римскому клубу «Пределы роста» этот акцент становится неотъемлемым элементом множества публикаций, посвященных глобальной проблематике и адресованных массовому читателю. Наверное, такой алармистский акцент в значительной мере понятен и оправдан, когда речь идет о популярных работах и публикациях, призванных мотивировать современного человека и различные общественные инициативы на активное участие в «зеленом движении», борьбу за сохранение природы и ее естественных ресурсов. В этом случае эмоционально насыщенная и апеллирующая к человеческой чувственности и гражданской ответственности экологическая проповедь является в известном смысле оправданной. Однако ее конструктивный потенциал весьма ограничен. И поэтому, в полном соответствии с методологическим императивом современной постнеклассической науки и культуры, важно использовать эвристические возможности методологии дополнительности, согласно которой интерпретация социально-экологической проблематики на уровне экспертного и научно-профессионального сообщества должна быть существенно иной. В принципе, она не отвергает эмоционально-алармистского компонента, но главное состоит в том, что современная наука (и прежде всего экология) не может бесконечно муссировать тезис о перманентно нарастающей глобальной экологической нестабильности. Ее презумпция состоит в том, чтобы рационально и технологически обоснованно разрабатывать конкретные программы и проекты реальной стабилизации социально-экологических отношений между обществом и природой. Характерно, что во многих странах с развитой экономикой проблемы экологии сегодня рассматриваются и решаются в первую очередь через призму разработки и обоснования конкретных социально-экологических проектов, направленных на реальную оптимизацию сложившейся экологической обстановки в том или ином регионе, городе, населенном пункте. При этом предметно воплощается в жизнь известный лозунг: «Мысли – глобально, действуй – локально»³. Не только в сфере материаль-

¹ Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993. С. 9.

² Лисеев И. К. Экологические императивы современной цивилизации // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика В. С. Стёпина. М.: Канон+, 2004. С. 762–763.

³ Lafferty W. M. Sustainable Communities in Europe. London, 2001; Lundqvist L. J. Sweden and Ecological Governance: Straddling the Fence. Manchester, 2004; Ross A. Modern interpretations of sustainable development // Journal of Law and Society. 2009. Vol. 36, № 1. С. 35–42.

ного производства и экономики природопользования такой подход не имеет альтернативы, но и в сфере духовно-ценностных отношений современного общества экологическая проблематика должна все более активно освещаться не в жанре абстрактных призывов и прокламаций, а в форме научно фундированных исследований динамики экологических ценностей и традиций природопользования. Именно такая конструктивная стратегия позволит рационально и обоснованно ответить на вопрос о том, является ли глобальный экологический кризис неотвратимой перспективой для современного человека либо его неизбежность в значительной мере преувеличена и существуют реальные возможности выхода на прогрессивную траекторию в отношениях общества и природы.

Весьма важным и значимым компонентом этой стратегии призвана стать наука как особое формообразование в современной культуре, предполагающее универсализацию человека не только в системе языка и мышления, но также и в социально-практической деятельности. В данном случае уместно привести авторитетное мнение В. С. Стёпина, вся научно-творческая деятельность которого является убедительным подтверждением этой фундаментальной истины. Проблемы будущего современной цивилизации не могут обсуждаться вне анализа современных тенденций развития науки и ее перспектив, пишет он. Хотя в современном обществе существуют и антисциентистские движения, в целом наука воспринимается как одна из высших ценностей цивилизации и культуры¹. Эту же мысль в оригинальной афористической форме высказывает и автор известного бестселлера «Мир в движении» Гжегож В. Колодко. Он пишет, что в наш сложный транзитивный век только та форма политики окажется катализатором экологически сбалансированного роста, которая будет основываться на знании, на науке².

В этом контексте безусловную актуальность приобретает проблема реальной эффективности современной экологии как весьма популярной научной дисциплины, претендующей на рациональный синтез объективно-предметных и ценностно-инструментальных аспектов широкого круга вопросов экологической направленности. Решение данной задачи непосредственно связано с выбором и обоснованием оптимальной и исторически перспективной программы развития экологии как синтетической научной дисциплины, испытывающей в современных условиях интенсивное влияние со стороны различных форм культуры и духовно-познавательной деятельности (искусства, религиозного и мифологического сознания, обыденного опыта, морали и т. д.). Акцентируя внимание на этой системной природе экологических знаний и экосознания в целом, В. В. Анохина справедливо отмечает, что «создание экологически оптимальных моделей взаимодействия общества и природы предполагает системную трансформацию ключевых параметров общественной жизни. Радикальная смена материальных технологий влечет за собой не только изменение технико-технологических и экономических механизмов регуляции природопользования, но также порождает необходимость коррекции политических, административно-правовых, идеологических институтов общества, формирования новой системы социализации личности»³.

Экология по праву принадлежит к числу наиболее актуальных направлений современного научного познания. Ее принципы и методы широко используются во многих биологических дисциплинах, а в последние десятилетия экологические исследования приобрели отчетливо выраженную социальную направленность и оказывают существенное влияние на принятие различных практических решений, связанных с оптимизацией системы «общество – природа».

¹ Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 17–18.

² Колодко Гже. В. Мир в движении. М. : Магистр, 2011. С. 452.

³ Анохина В. В. Экологические проекции социальной динамики и культурные традиции. Минск : Гамма–5, 2003. С. 125.

Являясь относительно молодой наукой, современная экология синтезирует в себе огромный массив эмпирических знаний о различных компонентах биосферы и формах ее взаимодействия с абиотическими и социальными факторами. Нельзя не согласиться с мнением крупнейшего американского эколога Э. Пианки, который считает, что экспоненциальный рост экологического знания выдвигает экологию в число самых сложных и в то же время перспективных естественнонаучных дисциплин¹.

Специфика предметной области экологической науки и очевидная социальная значимость ее концептуальных построений определяют несомненную актуальность анализа особенностей становления и развития современной экологии в контексте динамики ее ценностных и метатеоретических оснований.

Строго говоря, экология сегодня чаще всего рассматривается как специфическая отрасль биологии. Правда, при этом такая достаточно узкая интерпретация ее предметной области предполагает, как правило, наличие активных взаимосвязей с генетикой, систематикой, физиологией, этологией, морфологией и другими разделами биологической науки. В свое время еще Э. Геккель отмечал эту особенность предметной ориентации экологических исследований. В своей работе «Естественная история миротворения» он писал, что к сфере экологии относятся «крайне сложные и запутанные явления, которые определяются отношениями организмов к определенной среде, к органическим и неорганическим условиям жизни <...>»². Огромный массив эмпирической информации, который накоплен в экологии за более чем столетний период ее развития, выдвигает в качестве одной из важнейших ее проблем вопрос о разработке адекватной и операциональной типологии экологического знания. В современной биологической литературе обосновываются различные критерии и формы его классификации. Существует точка зрения, согласно которой имеет смысл дифференцировать экологию на такие ее подразделения, как: 1) экология моря; 2) экология пресноводных водоемов; 3) экология наземных экосистем. Широко представлено и нашло отражение в обширной литературе разделение экологического знания на «экологию животных» и «экологию растений». Однако среди разнообразных классификаций подобного феноменологического уровня следует выделить типологию, согласно которой основными подразделениями экологии как собственно биологической дисциплины являются: а) аутэкология; б) динамика популяций или популяционная экология и в) синэкология. Данная классификация достаточно глубоко обоснована и, что принципиально важно, базируется на критериях, имманентно характеризующих специфику экологического взаимодействия живых систем разного уровня организации со средой их обитания. Это обстоятельство в значительной мере объясняет факт ее широкого распространения и популярности среди биологов и историков науки.

Согласно Р. Дажо³, аутэкология изучает взаимоотношения отдельных особей как представителей конкретного вида с окружающей их средой обитания. При этом акцент делается на исследование характера воздействия данной среды на морфологию и поведение организма. Динамика популяций описывает формы функционирования и развития живых систем популяционного уровня организации в тесной связи с биологическими и абиотическими условиями их существования. Синэкология исследует отношения между видами в рамках биоэкологических группировок и сообществ организмов в контексте взаимодействия с неорганическими компонентами экосистем.

В рамках каждого из этих подразделений, в свою очередь, вычлняются более мелкие структурные образования, позволяющие представить картину дифференциации совре-

¹ Пианка Э. Эволюционная экология. М. : Мир, 1981. С. 11.

² Геккель Э. Естественная история миротворения. СПб. : Научная мысль, 1909. С. 66.

³ Дажо Р. Основы экологии. М. : Прогресс, 1975. С. 12–13.

менной экологии как сложную мозаику ее разделов, направлений, циклов. Так, например, синэкология подразделяется на описательную и функциональную, аутоэкология — на организменную и видовую и т. д. Естественно, что при такой активной специализации и огромном эмпирическом материале, аккумулированном в рамках каждого из выделяемых разделов современной экологии, весьма непросто определить ее предмет и место в системе научного знания. Даже при самом тщательном анализе едва ли можно обнаружить в обширной специальной литературе хотя бы два одинаковых определения предмета экологических исследований.

Среди имеющихся определений экологии как науки преобладают такие ее дефиниции, в которых она представлена в виде относительно автономного раздела биологического знания. Причем, как правило, в этих определениях разделяется позиция Э. Геккеля по вопросу о предметной сфере и исследовательской направленности экологии. Так, согласно Р. Дажо, экология — это «наука, изучающая условия существования живых организмов и взаимосвязи между организмами и средой, в которой они обитают»¹. Э. Пианка под экологией понимает науку, «изучающую отношения между организмами и всеми физическими и биологическими факторами, в совокупности воздействующими на данные организмы или находящиеся под влиянием последних»². Один из виднейших экологов мира, оказавший своими работами большое влияние на процесс институализации и развития экологии как современной научной дисциплины, Ч. Элтон также определял ее задачи, исходя из традиционных геккелевских представлений о предметной сфере экологических исследований. «Экология, — писал он, — означает изучение отношений животных и растений к их среде»³.

Однако интенсивное развитие экологических исследований во второй половине XX в. обнаружило известную ограниченность как формулировки Геккеля, так и тех дефиниций предмета экологии, которые базировались на этой формулировке. Прежде всего стало очевидным, что дальнейшее успешное развитие экологии предполагает усиление ее концептуальной базы, разработку такой исследовательской программы, которая бы способствовала рациональному объединению многочисленных разделов современной экологии в единую теоретически развитую дисциплину. То понимание предмета экологии, которое было обосновано Э. Геккелем и развито впоследствии в работах многих биологов и экологов, оказалось слишком абстрактным и неоперациональным для решения этой фундаментальной задачи. В современных исследованиях все чаще отмечается, что изучение отношений между организмами и окружающей их средой обитания — слишком общая формулировка задач экологии, не позволяющая на теоретическом уровне обосновать ее специфику и место в обширной совокупности биологических дисциплин.

В последние годы отчетливо обнаруживается активное влияние системной парадигмы в экологии. Все чаще появляются работы, в которых обосновывается необходимость синтетической интерпретации предмета экологии, исследования целостных комплексов, включающих в качестве своих атрибутивных компонентов популяции растений, животных, микроорганизмов, населяющих определенные территории или акватории. В этот период оформляется исследовательская программа синтеза многочисленных ответвлений экологической науки в рамках так называемой «системной экологии», которая базируется на концепции экосистемы, выдвинутой впервые английским геоботаником А. Тэнли в 30-е гг. XX в. Данная программа развивается в работах Ю. Одума, К. Уатта, Р. Маргалефа, В. Ф. Федорова, Т. Г. Гильманова и других. Вместе с тем в рамках

¹ Дажо Р. Основы экологии. С. 9

² Пианка Э. Эволюционная экология. М.: Мир, 1981. С. 11.

³ Элтон Ч. Экология животных. М.; Л.: Биомедгиз, 1934. С. 9–10.

этой ориентации экология по-прежнему рассматривается как органичный компонент в сообществе биологических наук. Любые попытки включить в ее предмет проблемы взаимодействия надбиологических структур и среды их обитания оцениваются обычно представителями «системной экологии» как рецидивы неоправданного расширения предметной сферы экологических исследований¹.

Однако интенсивная актуализация экологической проблематики в 60–70-е гг. XX в., расширение сферы и компетенции экологии как интегральной научной дисциплины не позволяют согласиться с такой однозначной оценкой ее предметной направленности. В этот период понятийный аппарат и методы экологии начинают активно ассимилироваться далеко за пределами экологии, в области географических, технических, социально-экономических наук. В значительной мере это объясняется резким изменением качественных параметров естественной природной среды под воздействием стремительно нарастающего антропогенного давления на биосферу и активного преобразования ее важнейших экосистем. Социальное измерение экологической проблемы приобретает доминирующее значение и определяет ее статус в качестве одной из глобальных проблем современности. Неудивительно, что такой беспрецедентный рост актуальности и социальной значимости экологической проблематики привел к оформлению новых направлений и разделов экологии как науки.

Некоторые авторы считают возможным говорить о возникновении принципиально нового этапа в развитии экологических исследований и, соответственно, о формировании современной, постклассической экологии, которая по ряду важнейших оснований (предметная область, элементарный объект исследования, основные законы и т. д.) существенно отличается от традиционной экологии как дисциплины биологического цикла. Сторонники этой точки зрения утверждают, что современная экология не столько расширяет и без того обширную предметную сферу традиционной экологии и адаптирует принцип взаимодействия к системе «общество – природа», сколько изменяет ракурс рассмотрения этого принципа, акцентируя внимание на анализе активнопреобразующей сущности антропогенных и социальных характеристик исследуемой системы.

В существующей литературе теоретический статус современной экологии и ее место в системе наук пока не определены достаточно четко. Обосновываются различные подходы к интерпретации предмета, структуры и концептуального аппарата данной научной дисциплины. Нет единства среди ученых даже по вопросу о наиболее предпочтительном названии этого новейшего ответвления экологического знания. Представляется, что наиболее удачен термин «социальная экология», поскольку он отчетливо фиксирует акцент на исследование взаимодействия общества и среды его обитания, предполагает наличие социально организованного процесса перестройки биосферы. Данный термин не является, однако, общепринятым. В качестве его эквивалентов часто употребляются термины: «глобальная экология» (М. И. Будыко), «ноогеника» (М. М. Камшилов), «экология человека» (С. С. Шварц) и др.

В совокупности существующих интерпретаций и трактовок предмета социальной экологии можно выделить три наиболее распространенных и теоретически обоснованных: 1) предметом социальной экологии является интегральная совокупность биологических и социальных факторов, необходимых и достаточных для оптимального функционирования и развития человека в условиях интенсивного промышленного роста и качественной трансформации среды его обитания; 2) социальная экология – это наука о социальных механизмах взаимосвязи человеческого общества и природы; 3) под социальной экологией понимается научная дисциплина, в рамках которой на основе синтеза биологиче-

¹ Федоров В. Д., Гильманов Т. Г. Экология. М. : Изд-во МГУ, 1980. С. 21–22.

ского и социального подходов исследуются закономерности взаимодействия человеческого общества с естественной средой его обитания.

Наиболее перспективным и методологически корректным является третий подход, поскольку он позволяет представить систему взаимосвязей между обществом и окружающей его средой как сложную динамическую структуру, в которой биологические компоненты получают адекватную интерпретацию лишь в связи с социальными факторами. Это, разумеется, предполагает активное использование не только комплекса естественнонаучных дисциплин, прежде всего биологического цикла, но и теоретического инструментария экономики, социологии, социальной психологии, демографии и других общественных наук.

Естественно, что стремление объединить в рамках интегральной научной дисциплины проблематику биологической и социальной экологии и представить синтез их предметных областей в виде комплексного объекта исследования общей экологии не может не вызывать сомнений относительно концептуального статуса и инструментальных возможностей такой предельно широкой отрасли знания. И действительно, существует значительная традиция, согласно которой в рамках концепции «универсальной экологии» имеет смысл говорить не столько о существовании конкретной научной дисциплины с четко фиксированной предметной областью, понятийным аппаратом и методами исследования, сколько о некоем экологическом подходе к наиболее актуальным проблемам современной науки и практики, об особом экологическом стиле мышления. Так, по мнению Д. Оуэна, «в наши дни экология не просто фундаментальная естественная наука, она — научная, методологическая основа природопользования, охраны природы, сохранения окружающей нас среды, многих социальных и политических решений»¹. Аналогичная позиция характерна для П. Дювиньо и М. Танга, которые считают, что нет серьезных оснований рассматривать современную экологию как концептуально оформленную научную дисциплину. Скорее она представляет собой некое общее воззрение относительно проблем жизни и среды, включающее также принципы интерпретации экологического содержания человеческой деятельности².

Безусловно, для подобных интерпретаций экологии на современном уровне ее развития имеются определенные основания. По своим функциональным особенностям она все отчетливее приобретает статус междисциплинарного синтетического воззрения, метатеоретической программы научного поиска во многих отраслях исследовательской деятельности, своеобразной парадигмы современной культуры и мышления. Экологические императивы не только определяют сегодня важнейшие направления развития физики, химии, географии, медицины и других наук, но и существенно воздействуют на духовно-интеллектуальный климат современной эпохи в целом, детерминируют изменения ценностных структур мышления. Трудно не согласиться и с таким аргументом, что общая экология, синтезирующая в себе проблематику, понятийный аппарат и методы биологической экологии, а также современных представлений о взаимодействии общества и природы, превращается в такую глобально общую и абстрактную научную дисциплину, которую вряд ли возможно использовать как эффективное средство для выработки конкретных практических решений и реальной оптимизации биосферных процессов.

И все же принципиально важно представить экологию на современном уровне ее развития с многочисленными ее подразделениями как целостную и единую научную дисциплину. При этом, естественно, акцент должен делаться не на инструментальных возможностях этой дисциплины, а на ее роли и месте в системе современного научного

¹ Оуэн Д. Ф. Что такое экология? М. : Лесная промышленность, 1984. С. 6.

² Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека. М. : Прогресс, 1968.

знания. Без решения этой задачи, предполагающей интегральную характеристику экологии как целостной научной дисциплины с присущими ей методами и формами исследования своей предметной области, едва ли возможно наметить перспективную стратегию ее дальнейшего развития.

Таким образом, проблема предметного самоопределения общей экологии связана с адекватным выбором стратегии ее развития в направлении к единой системной целостности, в рамках которой должны интегрироваться важнейшие разделы экологической науки. Без такого теоретического синтеза трудно рассчитывать на преодоление описательно-эмпирической традиции, столь характерной для экологических исследований на самых различных уровнях организации экосистем. Совершенно ясно, что успешное решение этой сложной задачи предполагает разработку оптимальной стратегии дальнейшего развития экологической науки и ассимиляции в рамках ее категориального аппарата постоянно возрастающего объема новой эмпирической информации.

Однако определить магистральное направление развития современной экологии вне контекста ее предшествующего исторического изменения едва ли возможно. Иными словами, необходима историко-научная реконструкция наиболее важных и существенных этапов в процессе становления и последующей динамики экологии как науки.

Следует отметить, что задача систематической и рациональной реконструкции истории становления и развития экологической науки еще ждет своего решения. Большинство из имеющихся работ, посвященных истории экологии, ориентированы на описание процесса смены ее идей и концепций в чисто хронологической последовательности либо с позиций отдельных разделов и проблем данной научной дисциплины (см. работы Г. А. Новикова, С. С. Шварца, А. М. Гилярова, Г. С. Розенберга, Д. Симберлофа и других).

Построение интегральной теоретической модели биосферы как сложной системы в единстве ее биотических, абиотических и антропогенных характеристик должно рассматриваться в качестве основной задачи экологии на современном этапе ее развития. Однако экологическая наука далеко не сразу пришла к постановке такой сложной задачи.

В своем историческом развитии она прошла три основные стадии. На каждой из них происходило последовательное усложнение предметной области исследования, изменялась дисциплинарная онтология, трансформировались идеалы и методологические императивы познания¹.

Для начального периода становления и институализации экологии характерен акцент прежде всего на изучении закономерностей функционирования биотического компонента в системе взаимосвязей организмов с важнейшими факторами среды их обитания. На втором этапе основным предметом экологического анализа становится биосфера в единстве ее биотических и абиотических структур, при этом важнейшие закономерности эволюции биосферы исследуются, как правило, в их объективно онтологической данности, т. е. вне учета деформирующего влияния техногенной деятельности человека. И наконец, третий (современный) этап развития экологической науки связан с разработкой концептуальных моделей коэволюции человека и биосферы, т. е. предполагает системное описание ситуации, сбалансированного взаимодействия общества и окружающей его среды. Естественно, проблематика, понятийный аппарат и методологический инструментальный каждого из предшествующих этапов развития экологии диалектически снимались и ассимилировались на более зрелых уровнях ее функционирования. Причем

¹ *Зеленков А. И., Водопьянов П. А.* Динамика биосферы и социокультурные традиции. М.: Университетское, 1987. С. 71–134; *Зеленков А. И.* Современный инвайрэнментализм и парадигмальное пространство социальной экологии // *Социология*. 2008. № 1. С. 43–54.

смена парадигм экологических исследований детерминировалась не только имманентной логикой развертывания содержания последовательно усложнявшихся теоретических представлений, но и динамикой методологических установок научного познания, его социокультурных оснований.

Выделение этих трех этапов в развитии экологической науки в явной и эксплицитной форме является вполне очевидной новацией в современных историко-научных и собственно экологических исследованиях. Данная новация приобретает вполне обоснованный характер еще и потому, что на основе выделения указанных этапов в развитии экологии появляется возможность представить ее эволюционную развертку как процесс динамики и смены основных научно-исследовательских программ в современной экологии. Это обстоятельство принципиально важно, поскольку позволяет преодолеть эмпирический характер большинства имеющихся в литературе хронологических реконструкций истории становления и развития экологии. В качестве примера такой реконструкции можно привести следующую классификацию исторически изменявшейся совокупности экологических знаний. Первая ветвь экологии появилась и развивалась как биоэкология (общая экология), которая изучала взаимоотношения живых систем разных рангов (организмов, популяций, экосистем) со средой их обитания и между собой. Вторая ветвь — геоэкология — сложилась как дисциплина, изучающая динамику и взаимодействие геосфер, геофизических условий жизни и факторов неживой окружающей среды, воздействующей на живые организмы. Третья ветвь — прикладная экология — появляется уже во второй половине XX в. и в формах социальной, инженерной, экономической экологии изучает проблемы охраны природы и отношений между человеком и биосферой¹.

В полной мере уяснить сущность и содержательные характеристики первой научно-исследовательской программы в экологии можно, лишь раскрыв детерминирующее воздействие на нее фундаментальных принципов эволюционного учения Ч. Дарвина. Биотический компонент экосистем (взаимодействие между животными и растениями, межвидовая и внутривидовая конкуренция) определяет, по мнению Ч. Дарвина, основные особенности функционирования и развития экосистемы в целом. Внешняя среда в данном случае рассматривается уже не столько в функции источника деформирующего воздействия на организм, сколько в виде объекта его собственной приспособительной активности, направленной на поддержание гомеостаза своей организации².

Таким образом, отношения между организмами оцениваются в рамках исторически первой парадигмы развития экологии как доминирующая характеристика экосистемы, способная оказывать решающее воздействие на ее абиотические факторы в процессе адаптации к ним. Перспективы развития экологии в последарвиновский период были связаны с теоретическим освоением более сложных структурных уровней организации живых систем в их взаимодействии с окружающей средой. Дальнейший прогресс экологических исследований убедительно продемонстрировал ограниченность идеализации организменного уровня и стимулировал переход к более сложным формам существования живых систем (популяционной, биоценотической).

Однако уже на уровне биоценозов становится очевидным теснейшая и необходимая связь биоты с биотопом, т. е. естественным неорганическим ее окружением, представляющим собой совокупность факторов неживой природы. Характеризуя основные компоненты биоценоза, И. И. Шмальгаузен подчеркивает важность этой взаимосвязи³.

¹ *Николайкин Н. И., Николайкина Н. Е., Мелехова О. П.* Экология : учеб. для вузов. 3-е изд. М. : Дрофа, 2005. С. 25–26.

² *Дарвин Ч.* Сочинения. Т. 3. М.; Л. : Гос. изд. биол. и мед. лит-ры, 1939. С. 277.

³ *Шмальгаузен И. И.* Факторы эволюции. М. : Наука, 1968. С. 72.

Следовательно, уже на уровне биоценозов обнаруживается настоящая необходимость расширения предмета экологии и более адекватной его содержательной интерпретации. Дальнейший прогресс в данной области требовал обоснования такой картины экологической реальности, в которой можно было бы осуществить концептуальный синтез биотических и абиотических компонентов целостных экосистем. Выдающийся вклад в решение этой фундаментальной проблемы внес В. И. Вернадский, который разработал учение о биосфере и сформулировал важнейшие положения биогеохимической научно-исследовательской программы.

Важнейшая особенность этого подхода состояла в том, что биосфера как максимальная широкая область распространения жизни рассматривалась В. И. Вернадским не на основе чисто биологических закономерностей, а исходя из геохимических представлений о природе данной оболочки Земли. Геохимический подход, предполагающий унифицированное описание любых природных объектов с позиций «миграционных вихрей атомов», позволил обнаружить очевидные черты генетической и функциональной общности живых организмов и среды их обитания. Изучение органических и абиогенных природных систем в аспекте их структурной общности позволило ему сделать фундаментальный вывод о важнейшей роли живых существ в истории атомов на планете, передаче вещества и энергии по поверхности Земли и преобразовании неорганической материи. «Я буду называть совокупность организмов, сведенных к их весу, химическому составу и энергии, живым веществом»¹. Так был расширен горизонт геохимических исследований и основана новая наука – биогеохимия.

Раскрывая роль живого вещества в процессах трансформации планеты Земля, В. И. Вернадский отмечал, что «на земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. И чем более мы изучаем химические явления биосферы, тем более убеждаемся, что на ней нет случаев, где бы они были независимы от жизни»².

Развитые в концепции биосферы идеи В. И. Вернадского о системной природе экологической реальности обнаруживают свое бесспорное методологическое значение для современной парадигмы в экологии, органично включающей в свои концептуальные схемы антропогенный фактор. Здесь особый интерес представляет его учение о ноосфере. Хотя справедливости ради необходимо отметить, что в идейно-теоретическом наследии В. И. Вернадского мы не обнаруживаем целостной и глубоко разработанной концепции ноосферы. Скорее это своеобразная программа будущих исследований, ориентированная на построение такой модели биосферы, в которой бы в полной мере учитывалось влияние человеческой деятельности, приобретающей в современную эпоху черты глобального геологического фактора. Справедливо подчеркивая это обстоятельство, Р. К. Баландин отмечает: «Надо только подчеркнуть, что Вернадский нигде и никогда не называл свою гипотезу ноосферы учением»³. С ним вполне солидарен Ф. И. Гиренко: «Нужно заметить, что В. И. Вернадский не оставил нам теории ноосферы в общепринятом смысле этого слова»⁴.

Проблема ноосферы начинает реально рассматриваться и исследоваться как собственно научная задача оптимизации отношений между человеком и биосферой уже во второй

¹ Вернадский В. И. Биогеохимические очерки (1922–1932). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 10.

² Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 54.

³ Баландин Р. Учение о биосфере, мечта о ноосфере // Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 10.

⁴ Гиренко Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / отв. ред. Н. Н. Моисеев. М.: Наука, 1987. С. 5.

половине XX в., определив тем самым стратегические приоритеты новой системной парадигмы в современной экологии.

Если в условиях доиндустриальной эпохи человек эволюционировал как органичный и неотъемлемый элемент биосферы, то в настоящее время его независимость от естественной среды обитания достигает такого уровня, когда необходимо констатировать факт их совместной и сопряженной эволюции. Современное человечество не обладает достаточной энергетической мощностью для того, чтобы серьезно изменить общее количество живого вещества в биосфере Земли. Но вместе с тем оно уже вполне способно нарушить сложившуюся структуру видового разнообразия жизни, т. е. значительно уменьшить количество биогеоценозов, обеднить их популяционно-видовой состав. А это не менее опасно для устойчивости биосферы, чем уменьшение общей ее биомассы, поскольку упрощение структуры органических сообществ неизбежно приведет к значительным флуктуациям в биосферных процессах и к возможной их перестройке. Не исключено, что в результате подобной перестройки человек как биологический вид может оказаться избыточным в структуре модифицированной биосферы.

Несостоятельность такой перспективы самоочевидна, вот почему не имеют реального смысла стратегии техногенного развития на грани экологического риска, когда под угрозой оказываются фундаментальные механизмы поддержания гомеостаза биосферы. Разработка и обоснование альтернативных стратегий взаимодействия человека и окружающей его природной среды предполагают обязательное расширение традиционного для экологии предмета исследования и включение в его состав человека и его деятельности. Как справедливо отмечает Ю. Одум, «успех или неудача в использовании экологических принципов на благо человека будет зависеть, по крайней мере, в ближайшем десятилетии, не столько от технологии и науки об окружающей среде, сколько от экономики, права, планирования и других гуманитарных наук, которые до настоящего времени очень мало соприкасались с экологией»¹.

Наиболее очевидная реакция на появление новой предметной области исследования, синтезирующей в себе естественные биосферные процессы и важнейшие социальные факторы, состояла в том, что стали активно разрабатываться идеи ее междисциплинарного изучения. Важнейшая роль при этом отводится рациональному синтезу естественных, технических, социальных и гуманитарных наук.

Одним из актуальных направлений в реализации этой исследовательской стратегии является использование метода системного анализа, позволяющего учитывать в создаваемых моделях социально-экологических объектов многочисленные факторы и различные типы корреляций между ними.

Системный анализ и основанная на нем методология математического или компьютерного моделирования сложных объектов рассматриваются сегодня как весьма эффективные средства, способствующие принятию адекватных решений в тех ситуациях, когда приходится осуществлять выбор среди возможных альтернатив, характеризующихся состоянием неопределенности. Весьма типичны в этом отношении проблемы глобального моделирования мирового развития и динамики взаимодействия человеческого общества с его природным окружением.

Понятно, что глобальная модель биосферы в целом, отражающая не только естественные, но и антропогенные ее характеристики, будет чрезмерно сложной и громоздкой. В данном случае необходимо искать принципиально новые пути конфигурации различных модельных блоков и концептуально-математического описания основных закономерностей функционирования и эволюции сложного социобиосферного комплекса. Тем

¹ Одум Ю. Основы экологии. М.: Мир, 1975. С. 519.

не менее выполненная даже на принципах первичной аппроксимации условная его модель позволяет осуществлять весьма полезные имитационные эксперименты и анализировать с их помощью возможные сценарии будущего развития отношений между человеком и биосферой.

Таким образом, генезис и концептуально-методологическое обоснование системной парадигмы в экологии приводит к утверждению и распространению радикально нового понимания природы базового экологического отношения. Включение в его структуру антропогенных и социальных факторов обусловило принципиальную модификацию картины изучаемой реальности как в аспекте ее содержательных характеристик, так и с точки зрения системно-структурной организации предмета исследования.

При этом, конечно, сомнительно ориентироваться на разработку и обоснование таких концептуальных моделей, в которых бы отчетливо реализовался классический императив органичного синтеза различных языков описания и математических структур, фиксирующих биотические, абиотические и антропогенные компоненты целостных социобиосферных комплексов. Такая задача весьма слабо коррелирует с реалиями современной науки и, безусловно, будет воспринята большинством представителей научного сообщества экологов (в независимости от их профессиональных ориентаций и предпочтений) с вполне обоснованным скептицизмом. Вероятно, сегодня необходимо двигаться по принципиально иному пути, творчески реализуя парадигму постнеклассической науки, в рамках которой вместо диалектического синтетизма востребована методология дополнительности, столь убедительно подтвердившая свой эвристический статус в решении важнейших проблем физического познания.

Не исключено, что дальнейшее эффективное развитие экологической науки в рамках системной ее парадигмы будет связано с актуализацией именно этой методологической стратегии и скоррелированных с нею ценностных и мировоззренческих ориентаций современного общества. Это позволит еще более убедительно продемонстрировать уникальную роль экологии в процессе интенсивных поисков решений глобальных проблем современности и подтвердить ее парадигмальный статус в культуре и науке XXI в.

ДЕТЕРМИНИЗМ И НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Проблема «расширения детерминизма и причинности» в современном научном знании

В современных исследованиях закономерностей развития научного знания и его методологических основ все чаще отмечается значимость принципа детерминизма в познании системных объектов. При этом некоторыми исследователями обращается внимание на важность разработки самого понятия «детерминизм». С характером понимания его сущности они связывают возможности постижения, например, природы. Так, по заключению А. А. Ивина, в настоящее время «идея детерминизма становится центральной в описании понимания природы»¹. В силу этого данная идея нуждается и в серьезном обосновании.

Необходимость анализа и конкретизации детерминизма порождается и тем, что в наши дни научное знание все больше ориентируется на исследование сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. В нем существенное место стали занимать экологические системы, в которых ведущим компонентом выступает человек. Он является и главным фактором их изменения. Но исследование такого рода систем требует коренного изменения прежних трактовок детерминизма. На эту сторону вопроса обращает внимание В. С. Стёпин. Он пишет, что ориентация современной науки на анализ сложных и самоорганизующихся систем приводит к «расширению понятия детерминизма»². В цитируемой работе им отмечается и то, что в настоящее время «расширяется категория причинности — наряду с лапласовской и вероятностной причинностью важной становится идея целевой причинности»³. В другой работе Стёпина подчеркивается, что исследование места и роли целевой причины в постижении саморазвивающихся систем имеет существенное значение для выявления особенностей постнеклассической рациональности⁴.

¹ *Ивин А. А.* Проблема понимания природы и понятие детерминизма // Эпистемология. 8. Философия науки. 2008. № 1. С. 21.

² *Стёпин В. С.* О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма: синергетика образования. М., 2007. С. 102.

³ Там же. С. 101.

⁴ *Стёпин В. С.* Философия природы и постнеклассическая рациональность // Философия природы сегодня. М., 2009. С. 18.

Вопрос о целевой причине, ее статусе и значимости в постижении и осмыслении особенностей саморазвивающихся живых систем поднимают и другие философы. В частности, Л. В. Фесенкова отмечает, что «сегодня введение в науку целевой причинности настоятельно требуется всей логикой ее дальнейшего развития»¹. Она считает даже возможным придать целевой причине статус парадигмы современной биологии.

Отмеченные и другие исследователи только констатируют важность идеи детерминизма и целевой причины в системе постнеклассической рациональности, а вот конкретного исследования направлений «расширения детерминизма», объективного содержания целевой причины и сферы ее действия ими не проводится. В литературе по философии и методологии науки не выявляется и характер соотношения тех или иных трактовок детерминизма и типа научной рациональности. Все это приводит к тому, что в научной литературе стали появляться и утверждения о «кризисе детерминизма». Данная точка зрения последовательно проводится в монографической работе Л. В. Лескова. Первая глава этой работы озаглавлена «Кризис детерминизма»². Анализ рассуждений ее автора свидетельствует, что он вскрывает только ограниченность механистического, лапласовского детерминизма, его несоответствие современной научной рациональности.

Какой детерминизм «исчезает для современной физики»?

Все отмеченное свидетельствует о важности выявления взаимосвязи детерминизма и рациональности в прошлом и современном научном знании. В классическом естествознании трактовка детерминизма, заложенная еще в XVII в. И. Ньютоном, определяла и содержание типа научной рациональности того времени. В своем главном научном труде «Математические начала натуральной философии» (1687) Ньютон поставил задачу поновому «объяснить явления природы» и сформулировать отличное от его предшественников «учение о природе». Он полагал, что поставленные задачи могут быть решены только на методологических принципах созданной им механики. Именно «из начал механики» могут быть, по его утверждению, «выведены» все «явления природы» и дано их объяснение.

И. Ньютоном были разработаны и соответствующие принципы постижения природы и ее описания. Так, уже в первом принципе – «простоты природы» – утверждалось, что «природа проста и не роскошествует излишними причинами всех вещей»³. Вот почему можно вычленивать отдельные части или стороны природных систем и процессов и сделать их объектами наблюдения и эксперимента. Осуществляя их, можно вскрыть и наличие связей между ними. Затем с помощью математики отразить взаимосвязь этих частей и сторон в форме «закона природы», имеющего неограниченную силу во всем мироздании.

Во втором принципе – «единообразии природы» – фиксировалось, что природные процессы и явления однообразны, так как они вызываются одними причинами. Знание причин одного явления позволяет объяснить и все другие подобные явления. Отсюда вытекает, что система природы может быть представлена некоторым числом простейших законов. С принятием этих законов природа становится предсказуемой и покорной человеку. На утверждение данных познавательных установок сориентирован и третий принцип Ньютона – «универсальности свойств объектов природы».

В соответствии с данными установками Ньютона строилась и развивалась механическая картина природы XVIII–XIX вв., формулировались методологические нормы научной деятельности и содержание рациональности классического периода развития научного знания. В форме лапласовского детерминизма они сохранялись в научном знании

¹ Фесенкова Л. В. Методологические возможности биологии в построении новой парадигмы // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 42.

² Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003. С. 33–41.

³ Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М., 1989. С. 502.

даже начала XX в. В биологии на их основе развивалась каузальная эмбриология или механика развития, хромосомная теория наследственности и другие научные дисциплины.

В системе лапласовского детерминизма и классической рациональности не могло быть научного обсуждения и обоснования категорий цели и целевой причины в биологии. В этой области знания продолжали использоваться представления Аристотеля об этих категориях. Особое внимание к ним продемонстрировал немецкий эмбриолог и философ-мистик Г. Дриш. Развитые им на рубеже XIX–XX вв. виталистические трактовки процессов развития живого имели весьма широкое распространение. В специальной работе автора давалась оценка виталистических идей ряда исследователей второй половины XX в. Им подчеркивалось и то, что методологической основой витализма в биологии являются механистические трактовки причинности и детерминизма, сложившиеся в классической науке¹.

Но уже в 20-е гг. XX в. под влиянием бурного развития естествознания и прежде всего физики вскрылась ограниченность их прежнего понимания и использования в качестве методологических основ науки. В эти года обстоятельная критика детерминизма в классической науке осуществлялась в трудах В. И. Вернадского. Он писал, что в новых условиях познания «перестает прилагаться в обычном понимании закон причинности. Этот закон – альфа и омега ньютоновской картины мира. Идею, лежащую в основе его, ярко выразил П. С. Лаплас, допуская возможность охватить Вселенную в одной формуле, решая которую можно вычислить и движение планет, и течение мысли, движение тростника и изменение спиральной туманности. Такой *детерминизм исчезает для современной физики* для определенной категории физических явлений»².

В этом суждении Вернадского подчеркивается ограниченность и необходимость отказа от детерминизма классической науки только при исследовании «определенной категории физических явлений». А вот при решении ряда задач, например небесной механики, механики жидкостей, сохраняют свою методологическую функцию и установки классической науки. Преемственность между рациональностью неклассической науки и классической не отрицал и Вернадский.

Он обращал внимание и на особенности понимания причинной связи в классической науке, соотношении детерминизма и причинности в ней. Детерминизм хотя и опирается на принцип каузальности, но, как будет показано нами далее, к нему не сводится. Всеобщая связь и обусловленность вещей и явлений, которая фиксируется детерминизмом, выражается целостной системой специфических категорий, которые отражают отдельные формы этой связи. Но среди них существенную роль играет причинная связь. Она выражает механизм порождения, генезис явлений. В классической науке детерминизм целиком и полностью сводился к причинным связям. Причем связям линейным, однозначным. На эту особенность понимания причинности и детерминизма в классической науке обратил внимание и Вернадский.

Им было отмечено, что в новых условиях познания прежнее понимание причинности перестает служить науке. В труде «Очерки геохимии» (1924, 1934) он писал, что в современном ему естествознании «понятие физической причинности резко меняется, углубляется путем разрушения вековых о нем представлений, как только мы научно проникаем в мир атомов»³. Именно постижение «мира атомов», их сложности и раскрытие форм связей между его элементами привело и к новому пониманию причинности. Вернадским было показано, что в новых исторических условиях развития научного знания «старое» представление

¹ Карако П. С. Революция в современной биологии и ее социальные аспекты. Минск, 1982. С. 84, 87, 93.

² Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 96.

³ Вернадский В. И. Очерки геохимии. М., 1983. С. 12.

о причинной связи как однозначной, механической зависимости одной вещи или явления от других вещей и явлений обогащается новым содержанием. В вышеназванном труде он отмечал, что еще «никогда в истории человеческой мысли идея и чувство единого целого, причинной связи всех научно наблюдаемых явлений не имела той глубины, остроты и ясности, какой они достигли сейчас, в XX столетии»¹.

В. И. Вернадский подчеркивал, что отказ от классического механического детерминизма, опиравшегося на однозначную форму причинной связи, произошел после раскрытия физиками второй половины XIX в. (Л. Больцман, Дж. Максвелл) ограниченности динамических законов. Оказалось, что более глубокие связи в природе отражают не динамические, а статистические законы. Утверждение в 20-х гг. XX в. квантовой механики позволило вскрыть и статистический характер законов микромира. Этим самым в сферу научного знания была введена и качественно новая форма причинной связи — статистическая причинность. Поскольку статистические закономерности являются выражением вероятностного характера проявления физических явлений, постольку и детерминизм в статистических закономерностях представляет качественно отличную от механистического детерминизма форму детерминации. Уже в 20-е гг. XX в. такой детерминизм назвали вероятностным. В обоснование и утверждение этой новой формы детерминизма и ее парадигмального статуса существенный вклад вносит и Вернадский.

Данный аспект его научного творчества до сих пор не получил должного анализа и оценки. Но он является составной частью разработанного им учения о биосфере. Именно в рамках этого учения и была обоснована Вернадским вероятностная форма детерминизма. В чем она выражается?

Учение о «живом веществе» и вероятностный детерминизм

Содержание этой формы детерминизма может быть выявлено при анализе понятия «живое вещество». Данное понятие является одним из основных в биогеохимической концепции биосферы, развитой Вернадским. Для него живое вещество — это совокупность существующих в данный момент живых организмов биосферы. Внутри этой совокупности и в ее взаимоотношениях с неживыми частями биосферы складываются и более сложные причинные связи. В совокупностях живого проявляются и другие типы закономерностей — статистические. В постижении последних Вернадский видел и основную цель исследователей биосферы. Более того, статистические закономерности выступали у него и парадигмальными. Они принимались им в качестве методологической установки в познании биосферы. «Биогеохимик, — писал Вернадский, — имеет дело с совокупностями и со средними — статистическими — выражениями явлений. Он обращает при этом основное внимание на математическое выражение явлений: выражение средними числами или геометрическими образами»².

Весьма плодотворно отмеченные методологические приемы были использованы и самим Вернадским. В начале 20-х гг. XX в. они были положены им в основу исследования геохимической энергии живого, скорости передачи жизни в биосфере, давления живого вещества в ней и т. д. Отмеченные и другие свойства живого можно было выявить, исследуя не отдельный организм, а их совокупности. При исследовании совокупностей «каждый предмет в отдельности для нас исчезает и вместо него выступает нечто новое, обладающее такими свойствами и проявлениями, которые не заметны и не существуют для отдельного предмета, составляющего совокупность»³.

Исследуя живое вещество как совокупность всех живых организмов нашей планеты, Вернадский выявил и его роль в становлении биосферы, поддержании ее устойчивого

¹ Вернадский В. И. Очерки геохимии. С. 11.

² Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997. Т. I. С. 481.

³ Ивин А. А. Проблема понимания природы и понятие детерминизма // Эпистемология. Философия науки. 2008. № 1. С. 52.

функционирования и эволюции. На основе отмеченных исследований им была сформулирована и развита биогеохимическая концепция биосферы. Последняя была изложена Вернадским в труде «Биосфера» (1926).

В работах 20-х гг. XX в. им подчеркивалась и общность методологических принципов познания природных объектов и процессов. Именно понимание их как совокупностей и использование статистических (математических) приемов их познания и описания позволяют вскрыть в них и общие закономерности. В совокупностях, будь то живые организмы или «газовые смеси, песчаные массы, звездные потоки, раз только мы изучаем их как законы совокупностей, они подчинены законам больших чисел»¹. Даже случайное поведение отдельного элемента этой совокупности оказывается подчинено определенному статистическому закону. Так случайность стала предметом научного познания.

Внутри отмеченных Вернадским и других совокупностей складываются и более сложные причинные связи. В них нельзя предсказать появление какого-либо единичного события, так как оно случайно. Можно установить только вероятность его наступления. В этих исследованиях «совокупность с входящими в нее случайными явлениями предстает как вероятностная система»².

В таких системах и детерминация процессов предстает в другой форме. Ее своеобразие связано с наличием статистических закономерностей в различного рода совокупностях. В процессе постижения таких закономерностей к середине 20-х гг. была сформулирована развитая теория вероятностей. К ее созданию причастен и Вернадский. Он не только показал эвристическую ценность вероятностных идей в познании биосферных процессов, но и на их основе сформулировал и развил подлинно научную концепцию биосферы. Все это было переломным, революционным явлением в науке первой половины XX в. Вот почему мы соглашаемся с выводом Ю. В. Сачкова, что «вхождение вероятности в науку произвело в ней великую концептуальную революцию»³.

Одной из сторон этой революции было утверждение в системе научного знания вероятностной формы детерминизма. На место механистического детерминизма классического периода развития науки в 20-е гг. XX в. в систему ее методологических основ был введен детерминизм, опирающийся на статистические закономерности. Такой детерминизм отражал специфические особенности детерминации в разного рода совокупностей объектов и процессов. Причем отражал глубже и полнее, чем это осуществлялось механистическим детерминизмом. В силу этого вероятностный детерминизм с самого начала своего обоснования становился парадигмальным для научного знания.

В новых условиях познания природы обнаруживается и ограниченность классической рациональности, опирающейся на механический детерминизм. Открытие новой формы детерминизма привело к утверждению в научном знании и нового типа рациональности — неклассического. Ученые в своей деятельности стали руководствоваться не только представлениями о наличии в природных процессах качественно новых форм связей. В физике, например, выдвигаются и такие важные методологические принципы познания, как соответствие, наблюдаемости, дополнительности и другие, которые способствовали постижению сущности процессов, осуществляющихся в микромире и включению в систему научного знания представлений о наличии в природном мире и качественно новых структурных уровней организации материи и т. д.

Эвристическую ценность вероятностного детерминизма для многих областей научного знания видел и Вернадский. Он утверждал, что «закономерности совокупностей»,

¹ Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978. С. 52.

² Рокицкий П. Ф. Специфика современного этапа развития биологии // Биология и современное научное познание. М., 1980. С. 16.

³ Сачков Ю. В. Вероятностная революция в науке. М., 1999. С. 7.

установленные одной областью знания, следует «путем научной аналогии... переносить в область, мало изученную, подчиненную этим законам¹. Для Вернадского такой «мало изученной» областью являлись особенности организменного и видового уровня организации живого. Основные концепции их жизнедеятельности и развития в 20-е гг. еще строились на методологической основе механистического детерминизма, что приводило к весьма упрощенным трактовкам новейших достижений биологии, особенно в познании явлений наследственности, противостоянию научных и антинаучных (виталистических и ламаркистских) идей. Все это сдерживало развитие биологических знаний. Это отставание неоднократно фиксирует в своих трудах и Вернадский. Так, в работе «Биосфера» он писал, что «господствующие» виталистические и механистические представления о жизни «оказывают в изучении явлений жизни тормозящее влияние, запутывают эмпирические обобщения»².

Выход из сложившейся ситуации в области наук о живом он связывал с освоением биологами идей и представлений лидирующей в это время в естествознании физики. «Переворот, совершающийся в нашем XX в. в физике, — писал Вернадский, — ставит в научном мышлении на очередь пересмотр основных биологических представлений»³. Особенно представлений, базировавшихся на прежней механистической методологии (каузальная эмбриология, классическая генетика и т. д.). Отход физики от механистического детерминизма и восприятие ею вероятностного детерминизма, опирающегося на статистические закономерности, обеспечило и ее бурное развитие. Включение таких закономерностей в методологические установки биологии и систему ее теоретических представлений способствовало бы, по убеждению Вернадского, такому же развитию и этой области знания. Ведь «в комплексах организмов — в живом веществе, да и в отдельных организмах — размножение, рост, т. е. работа превращения ими энергии солнечной в земную, химическую, — все подчиняется неизменным математическим законам»⁴. В мире живого, пишет далее Вернадский, все «подчиняется мере и гармонии, какую мы видим в стройных движениях небесных светил и начинаем видеть в системе атомов вещества и атомов энергии». Эти общие закономерности организации и движения природных объектов должны учитывать, по его убеждению, и биологи.

Автором настоящей работы уже отмечались основные линии «вхождения» вероятностного детерминизма в систему биологического знания, подчеркивалась его эвристическая ценность в этой науке⁵. Использование биологами положений вероятностного детерминизма способствовало утверждению в биологии и нового типа рациональности — неклассического. На его основе в биологии вопросы эволюции живого, сущности мутационных и других процессов во второй половине XX в. стали решаться с учетом диалектического соотношения необходимости и случайности, динамических и статистических закономерностей, иерархии структурных уровней организации живого и т. д.

Целевая причинность в науке о жизни и постнеклассическая рациональность

На методологической основе вероятностного детерминизма стала по-другому решаться и «старая» проблема биологии — взаимоотношение организма и окружающей его среды. Оказалось, что организм неоднозначно реагирует на факторы внешней среды. Благодаря наличию сложной системы регуляции и управления процессами жизнедеятельности, он опосредует воздействия внешних факторов. Тем самым качество результата его взаи-

¹ Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978. С. 52.

² Вернадский В. И. Биосфера: мысли и наброски. М., 2001. С. 29.

³ Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. С. 89.

⁴ Вернадский В. И. Биосфера: мысли и наброски. С. 39.

⁵ Карако П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский: учение о биосфере и ноосфере. Минск, 2008. С. 50–53.

модействий со средой определяется самим организмом, особенностями его наследственности. В биологическом познании такой характер детерминации явлений жизни получает свою специфическую форму и обозначается как *органический детерминизм*¹. В его обоснование существенный вклад внес И. Т. Фролов.

Включение этой формы детерминизма в систему методологических установок современной биологии может иметь существенное значение и для решения более широкого круга проблем философии науки. Одной из них становится вопрос о статусе целевой причинности. В современной методологии науки цель и целевые установки признаются в качестве одной из характеристик науки. Например, В. С. Стёпин с ними связывает особенности постнеклассического типа научной рациональности, так как в нем учитывается направленность процессов развития систем, наличие в них механизмов саморегуляции и самовоспроизведения².

Свое дальнейшее исследование мы посвятим анализу сущности целенаправленности развития живого. При этом особое внимание уделим выявлению объективного характера цели и целевой причины, места последней в системе органического детерминизма.

Целенаправленность развития в наибольшей степени характерна для организменного уровня организации живого. Она проявляется в структурных и физиологических изменениях живого. Особенно зримо она выступает в поведении живого. Как писал Э. Майр, «птица, начинающая свой перелет; насекомое, находящее свое растение – хозяйина; животное, спасающееся от хищника; самец, старающийся привлечь внимание самки, – все они действуют целенаправленно»³. Характер этих действий у каждого организма соответствующим образом запрограммирован в их генетических структурах. Кроме того, осуществление целенаправленных действий будет означать и решение организмом определенных целей. «При наличии генетически запрограммированной целесообразности все формы жизни от молекулярного до организменного уровня оказываются в состоянии решать целевые задачи, без чего невозможна жизнь»⁴.

В живом эти «целевые задачи» выступают в форме генетической информации. В ней зафиксировано прошлое, историческое развитие организма, опыт взаимодействия многих поколений данного вида организмов со средой. Но генетическая информация организма – не только следствие его прошлого, она обращена и в будущее. Связывая прошлое, настоящее и будущее организма, она является носителем и выражением биологической цели. Целенаправленность развития организма и его поведения есть не что иное, как реализация выработанной им цели. Ее осуществление достигается только при совершении организмом определенных и направленных действий. Поскольку эти действия запрограммированы, то биологическая цель выступает в форме той причины, которая направляет процессы развития живого. В этом отношении можно сказать, что в живом цель проявляет себя в специфической форме причинности. Здесь она выступает как целевая причина.

Целевую причину нельзя понимать как форму деятельности будущих состояний живого на настоящие. В целевой причине или генетической информации кодируется не конечный результат развития, а процесс его движения к определенным результатам. В силу этого последние не могут выступать в качестве детерминирующих факторов развития. Будущее, или цель развития, есть результат прошлого и настоящего развития. При этом особое значение имеет прошлое (историческое) развитие. Оно является одной из причин развития системы в ее настоящее время. Прошлое конечное состояние живой системы

¹ Фролов И. Т. Жизнь и познание. М., 1981. С. 126.

² Стёпин В. С. Философия природы и постнеклассическая... С. 18.

³ Майр Э. Причина и следствие в биологии // На пути к теоретической биологии. М., 1970. С. 52.

⁴ Дубинин Н. П. Общая генетика. М., 1970. С. 440.

выступает одним из тех факторов, который определяет характер ее развития в настоящем и возможность достижения своего будущего, конечного состояния.

Это свойство живой системы быть зависимой от ее прошлого развития в своем движении к определенному конечному состоянию, к которому система стремится в онтогенезе, как своей «цели», отражает целенаправленный или телеономический характер развития живого. Причем своего конечного состояния развивающийся организм достигает, опираясь на запрограммированный в его генотипе «опыт» прошлого развития, «опыт» прошлых взаимосвязей с факторами внешней среды. В этом отношении онтогенез всегда носит целенаправленный (телеономический) характер.

Направленность процессов развития живого детерминирует целевая причина. Но «опыт» прошлого развития живой системы зафиксирован в ее генотипе. Вот почему он и выступает в качестве целевой причины. А материальным носителем этой причины являются молекулы ДНК, генетический код. Такой вывод находится в соответствии с результатами современного биологического познания.

Генетическая информация, или целевая причина, определяет развитие организма по выработанной его прошлым (историческим) развитием программе на основе структурных преобразований элементов, действием которых организм способен преодолевать возмущающие воздействия среды, которые стремятся отклонить систему от ее целенаправленного развития. Эта способность системы сохранять целенаправленный характер развития есть свидетельство ее целесообразной организации. Она обеспечивает своеобразие взаимодействия живой системы со средой.

Способность организма опосредовать воздействие внешних факторов осуществляется на основе сложной системы обратных связей. «Являясь информационной причиной деятельности кибернетической системы, цель в обычной, вероятностной (стохастической) среде может быть достигнута лишь путем использования обратной связи, так как при этом необходимо получать осведомительную информацию о ходе достижения цели по каналам обратной связи и соответственно посылать корректирующую информацию по каналам прямой связи»¹. Как отмечал далее Н. И. Жуков, наличие механизмов обратных связей является необходимым условием и средством достижения системой своей цели. У живых систем имеются самые разнообразные формы обратных связей. Уже на молекулярном уровне их организации через обратные связи осуществляется аллостерическая регуляция синтеза веществ в клетке, регуляция генной активности и т. д.

Наличие механизмов обратной связи обнаруживается во всяком направленном процессе активного приспособления, связанного с выбором оптимального варианта изменения структурных и функциональных свойств системы. Поскольку при помощи механизмов обратной связи осуществляется приспособление системы к тем или иным условиям среды, постольку системы с обратными связями можно характеризовать как целесообразные. В таких системах устанавливается соответствие между результатом деятельности системы и процессами, которые обеспечивают этот результат.

Обратные связи — это информационно-вещественные связи между функционирующими элементами кибернетической системы и системы со средой. В живых системах обратные связи отражают не только зависимости между функционирующими компонентами системы в их настоящем, но и зависимости от тех функций, которые осуществлялись в историческом прошлом (филогенетическом развитии) системы. В этом смысле обратные связи в живой системе являются в некоторой степени и фиксированными.

С информационной точки зрения обратные связи в живой системе преддетерминированы или фиксированы в норме реакций генотипа. В этом и состоит качественное отличие механизмов обратной связи в живой системе от обратных связей в самоуправляю-

¹ Жуков Н. И. Философские основания кибернетики. М., 1985. С. 34.

щихся технических системах. Вследствие фиксированности обратных связей в генотипе организма создаются устойчивые механизмы развития, обеспечивающие его надежность даже при наличии некоторых отклонений от нормальных условий внешней среды. Живые системы не подчиняются пассивно влиянию внешних факторов. Они активно противодействуют им, следуя своим собственным законам, определяемым исторически сложившейся организацией с ее нормой реакции.

Эти особенности организма, его развития, запрограммированы в генетических структурах в форме генетической информации, или целевой причины. В них фиксируется не только опыт прошлого (филогенетического) развития данного вида организмов, но и возможности его реализации в настоящем и будущем. Прошлое развитие организма является одной из причин его развития в настоящем и будущем. Но прошлое не однозначно определяет настоящее и будущее. Как справедливо писал С. Т. Мелюхин, «однозначной детерминации будущего прошлым в мире нет, детерминация имеет вероятностный характер»¹. Отсюда становится ясным, что рациональное истолкование целевой причины несовместимо с представлением о ее однозначности и прямолинейности. Целевая причина как фактор, определяющий направленность развития, содержит в себе возможность выбора поведения, а поэтому реализация цели в развивающейся живой системе носит вероятностный характер. Реализация цели «происходит в порядке стохастического процесса, означающего своего рода «блуждание» в некотором поле возможностей. И если блуждание в большинстве случаев завершается достижением результата, ведущего к сохранению и продолжению жизни, то это в значительной мере объясняется действием механизмов обратной связи»².

Целенаправленный характер развития живого носит стохастический процесс выбора наиболее вероятных для него состояний в меняющихся условиях среды. Этим самым исследование сущности целенаправленного развития живого требует использования вероятностного подхода, категории вероятности. В настоящее время вероятностный подход в наибольшей мере используется при исследовании закономерностей исторического развития живого. Но такой подход необходим и при исследовании закономерностей индивидуального развития организма.

Исследование механизмов целенаправленного развития живого приводит к вычленению целевой причины, информационных, вероятностных и других форм связей. Анализ их места и роли в процессах развития живого способствовал обоснованию концепции вероятностного детерминизма в эволюционной биологии и органического детерминизма в сфере жизни. Как показано в работах А. И. Филюкова и И. Т. Фролова, эти формы детерминизма существенно обогащают и конкретизируют диалектико-материалистический принцип детерминизма. В этой связи нельзя согласиться с выводом, что попытки «модернизировать» концепцию детерминизма «путем введения представлений о «вероятностной», «информационной», «целевой» и тому подобных «причинах»... не дало положительных результатов»³. Именно выявление роли такого рода причин в процессах детерминации живого способствует развитию и конкретизации принципа детерминизма. Более того, их анализ позволяет раскрыть многообразные формы связей в живом и в его взаимоотношениях со средой.

Среди них особое значение имеет выявление различных типов случайностей в детерминации целенаправленного развития. Его необходимый характер осуществляется прежде всего при наличии связей развивающегося организма с факторами внешней среды. Вступит во взаимодействие с теми или иными факторами среды организм или не вступит — все

¹ Мелюхин С. Т. Диалектика единства и многообразия свойств пространства и времени // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 228.

² Волкова Э. В., Филюков А. И., Водопьянов П. А. Детерминация эволюционного процесса. Минск, 1971. С. 81.

³ Огородников В. П. Познание необходимости. М., 1985. С. 52.

это подвержено изменениям. Взаимодействие может произойти так, а может произойти иначе или совсем не произойти. Все это носит случайный характер. Однако внешняя среда является одним из необходимых факторов развития организма. Экспериментальный анализ эмбрионального развития позвоночных животных показывает, что «по отношению к каждому морфогенетическому акту, каждому множественному механизму развития среда выступает не как «шум», а как необходимый участник этого механизма»¹. Через случайные связи организма со средой осуществляется необходимый характер его развития.

Но процесс познания механизмов целенаправленного развития живого не может ограничиться выявлением только внешних, случайных связей. Случайности имеют как внешнюю, так и внутреннюю обусловленность. Последний тип случайных связей следует также учитывать при анализе процессов развития живого. Их проявление в развивающемся организме связано с системным характером развития, наличием множества взаимодействующих элементов. Их взаимодействия могут быть и случайными. Такие случайности обуславливаются специфическими внутренними процессами, протекающими в развивающемся организме.

Например, образование некоторых тканей организма в его эмбриональном развитии зависит от направления миграции отдельных клеток или групп клеток из одной части зародыша в другую. Миграция клеток в первичных полостях зародыша — необходимое условие формообразовательного процесса. Но реализация возможностей мигрирующих клеток для специфической дифференцировки и образования тканевых структур зависит от окружения клеток и их локализации относительно первичных зачатков зародыша. Однако все эти факторы являются случайными для клетки, которая предназначена для дифференцировки и образования специфической ткани. Мигрируя в полости зародыша, клетка может случайно оказаться в том или ином окружении, вступить во взаимодействие с тем или иным участком первичного зачатка. Но если взаимодействие мигрирующих клеток с определенными участками зачатков зародыша начнется, то уже с необходимостью их последующее развитие приведет к образованию специфической ткани. Изменения (дифференцировка) клеток, вступивших во взаимодействие и при их случайных связях, образуют необходимую последовательность событий.

В явлениях эмбрионального развития организма обнаруживается, что «причинности момент случайности присущ столь же органично, как и момент необходимости»². Случайные и необходимые взаимодействия структур развивающегося организма составляют основу формообразовательного процесса. В результате различных взаимодействий за период эмбрионального развития организма происходят все возможные формообразовательные акты, которые необходимы для становления его целостной организации. Эта необходимость прокладывает себе путь через различные типы случайности и благодаря им.

Но возможности развития организма заложены в его генетических структурах в форме генетической информации или целевой причины. Реализация этих возможностей есть процесс реализации целевой причины. Через взаимодействия структур живой системы и системы со средой происходит раскодирование генетической информации и становление действительной организации живого. Анализ реальных связей, имеющих место в развитии живого, свидетельствует, что его необходимый и целенаправленный характер осуществляется в процессах реализации возможности в действительность. Этим самым необходимость предстает как «единство возможности и действительности»³. Единство реальной возможности генотипа и действительности процессов его реализации лежит в

¹ Лопашов Г. В. Эмбриология и кибернетика // Клеточная дифференцировка и индукционные механизмы. М., 1965. С. 257.

² Материалистическая диалектика : в 5 т. Объективная диалектика. М., 1981. Т. 1. С. 215.

³ Широканов Д. И. Необходимое и случайное // Материалистическая диалектика. Законы и категории. Ташкент, 1982. С. 217.

основе необходимого характера развития организма. В свою очередь, необходимость является выражением целенаправленного развития живого.

Отмеченная особенность развития живого была существенно подкреплена и открытиями, сделанными генетикой за последние годы XX в. Оказалось, что гены не строго закрепляются в определенных участках хромосомы. В ходе исследований генов многих представителей бактерий, растительного и животного мира было установлено, что каждый ген в клетке представлен не одной, а многими десятками копий. Причем они оказались разбросанными по разным участкам хромосом. Такие гены были названы мобильными или передвижными. От их положения в том или ином участке хромосомы зависит и проявление соответствующего признака. Этим самым они выступают и существенным фактором изменчивости всех живых систем. На эту роль мобильных генов особое внимание обращала американский генетик Б. Мак-Клинтон, которая открыла их наличие в зернах кукурузы. В одной из последних своих работ она писала: «Не вызывает сомнения, что гены некоторых, если не всех, организмов лабильны и что резкие их изменения могут происходить с большой частотой. Эти изменения могут вести к реорганизации генома и к изменениям в регуляции активности и времени выражения гена. Поскольку способы реорганизации генома за счет мобильных элементов разнообразны, их активация, за которой следует стабилизация, может дать начало новым видам и родам»¹.

Случайное положение мобильного гена в том или ином месте хромосомы влияет не только на характер реализации наследственной информации в процессе индивидуального развития организма, но и создает условия для появления новых фенотипических признаков. Мобильные элементы генома обеспечивают преобразование его структуры. Тем самым они расширяют и эволюционные потенции всего организма. В свете нового открытия в генетике геном клетки предстает не в качестве набора разных генов, кодирующих свой признак, а сложной системой «действующей в высшей степени целенаправленно в индивидуальном развитии и, следовательно, способной к аналогичным действиям в ходе эволюции»².

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что целевая причина раскрывает свое содержание через другие типы связей. Тем самым она находится не только в рамках органического детерминизма, но и существенно обогащает его. Вероятностный характер реализации целей в живом свидетельствует и о том, что органический детерминизм является по своей сути вероятностным детерминизмом. Вот почему мы не видим и необходимости ставить вопрос о признании парадигмального статуса целевой причинности. На наш взгляд, такой необходимости нет. Все содержание этой формы причинности может быть выявлено в системе органического детерминизма. В нем фиксируется прежде всего своеобразный характер развития живого и его взаимоотношения со средой своего обитания. Все это свидетельствует об утверждении в биологической науке и нового типа рациональности — постнеклассического. В наши дни вопросы самоорганизации живого, направленности его развития и многие другие получают свое научное объяснение и целенаправляют научный поиск на их дальнейшее постижение.

Детерминизм и синергетика: расхождения или взаимосвязь?

Становление постнеклассической рациональности в современном научном знании в значительной мере связано с зарождением и развитием синергетики. Ее оформление как области междисциплинарного знания существенно меняет стратегию научной деятельности. Она стала ориентироваться на освоение саморазвивающихся систем различной степени сложности, выявлению особенностей формирования новых уровней и их орга-

¹ Цит. по: Назаров В. И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005. С. 411–412

² Красилов В. А. Дарвинизм и креационизм // Экология и жизнь. 2008. № 10. С. 13.

низации. Для осуществления таких задач в понятийный аппарат науки вводятся и новые абстракции — «динамический хаос», «бифуркации», «аттракторы» и др. В методологии научного знания все большее внимание уделяется выявлению роли случайностей и вероятностей в самоорганизующихся системах, нелинейного характера их развития и т. д. В таких условиях познания некоторыми исследователями стали высказываться положения о «кризисе детерминизма», «отходе» современного научного знания от детерминизма и утверждения в нем индетерминизма. При этом ими подчеркивается, что фактором данного процесса выступает синергетика и формируемый ею нелинейный стиль мышления в науке. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивают С. А. Лебедев и И. К. Кудрявцев. Они считают, что «с философских позиций нелинейность современной науки означает все более четкий ее отход от детерминистских взглядов на мир как универсально истинных и дополнение их индетерминизмом, утверждающим фундаментальную и вместе с тем конструктивную роль случайности в структуре и эволюции реальных систем»¹. Из цитируемого положения можно сделать вывод, что становление синергетики приводит к «отходу» научного знания от современного детерминизма и его положений об объективности и многообразии форм причинных связей. Ведь индетерминизм и есть отрицание данного положения, а следовательно, и роли причинного объяснения в науке. В связи с этим возникает вопрос: в какой связи находятся синергетика и современный детерминизм?

Ответ на поставленный вопрос можно получить при анализе некоторых выводов создателей синергетики. Так, И. Пригожин и И. Стенгерс пишут, что в настоящее время при осуществлении исследований природных процессов «мы не можем говорить более о причинности в каждом отдельном эксперименте. Имеет смысл говорить лишь о статистической причинности. С такой ситуацией мы столкнулись довольно давно — с возникновением квантовой механики, но с особой остротой она дала о себе знать в последнее время, когда случайность и вероятность стали играть существенную роль даже в классической динамике и химии. С этим и связано основное отличие современной тенденции по сравнению с классической»². Ими показано, что эта «современная тенденция» в химии находит свое выражение в использовании положений статистической теории при описании скоростей химических реакций. По их мнению, «только статистическое описание» таких реакций позволяет наиболее полно выразить сущность химических процессов. Вот почему и в понятийном аппарате современной химии надежно «прописались» и качественно новые для нее термины — «бифуркация», «флуктуация», «распределение вероятностей» и т. д., которые используются для описания статистического характера химических реакций и процессов.

В другой работе И. Пригожин подчеркивает важность вероятностных идей и для всего научного знания. «Вероятность, — пишет он, — играет существенную роль в большинстве наук — от экономики до генетики. Тем не менее до сих пор бытует мнение, что вероятность — всего лишь состояние ума. Теперь нам необходимо сделать еще один шаг и показать, каким образом вероятность входит в фундаментальные законы физики, классической или квантовой»³. На последующих страницах процитированной нами и других своих работ им раскрывается механизм «вхождения» вероятности в современную физику. Вопросы вероятностной детерминации физических процессов и явлений раскрывались и в специальных работах С. Т. Мелюхина, Ю. В. Сачкова и других исследователей. К ним мы и отсылаем тех, кто интересуется данной проблемой.

¹ Лебедев С. А., Кудрявцев И. К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 6. С. 18.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 2003. С. 274–275.

³ Пригожин И. Конец определенности. Ижевск, 2001. С. 22.

Здесь будет уместным и анализ некоторых положений современного физика Г. Хакена, внесшего значительный вклад в обоснование синергетики. К теме нашего исследования первостепенное значение имеет его объяснение принципов работы лазерной установки. Им было выявлено, что при увеличении силы тока, подаваемого в лазерную трубку, находящиеся в ней атомы газа приходят в возбужденное состояние и начинают испускать световые волны. Дальнейшее увеличение силы тока приводит к тому, что эти отдельные волны накладываются друг на друга, в результате чего получается синхронизированное по фазе световое излучение. Складывающиеся в этом процессе взаимосвязи между отдельными световыми волнами и общим световым потоком названы Хакеном *циклической причинностью*. Механизм ее порождения и действия связан с тем, что в лазере, «с одной стороны, световая волна (параметр порядка) подчиняет себе атомы; с другой стороны, эта же волна (параметр порядка) сама оказывается результатом взаимодействия отдельных атомов»¹. В другой работе отмеченную форму взаимосвязей в лазере он называет *круговой причинностью*². Различия между названными Хакеном формами причинности мы не видим. Последняя есть циклическая причинность. Она имеет место во всех самоорганизующихся системах — от лазера до работы мозга человека.

Следующей важной особенностью работы лазера является то, что при дальнейшем увеличении подаваемого в него тока световое излучение становится совершенно неупорядоченным. Световые вспышки вырождаются в неупорядоченное движение, которые Хакен называет *детерминированным хаосом*. Оно представляет собою нерегулярное, хаотическое движение отдельных излучений атомов газа и однозначно определено исходной причиной — увеличивающейся силой тока. Но состояние детерминированного хаоса весьма характерно для многих природных систем. В настоящее время данное явление становится предметом познания ряда научных дисциплин (физика, химия и т. д.).

Таким образом, анализ работы лазера показывает, что при действии на него одного и того же фактора (силы тока), но разной степени интенсивности одна и та же система ведет себя качественно различно. Подобные изменения весьма часто встречаются в природе. Особенно характерны они для нелинейных систем. На выявление их сущности и закономерностей, осуществляющихся в них процессов, и ориентируется синергетика. А вскрытая ею новая форма причинной связи и состояния детерминированного хаоса может быть еще одним свидетельством объективности причинной связи и ее проявления в разных формах. Причем циклическая причинность раскрывает свою сущность через случайные связи. Все это означает и то, что познание самоорганизующихся систем может осуществляться только на методологической основе современного детерминизма. Синергетика не только не отрицает новейшую форму детерминизма, а, наоборот, подтверждает ее универсальную выраженность и парадигмальный статус в современной науке.

Осуществленное исследование позволяет сделать вывод, что становление новых типов рациональности и новых образов науки тесно связано с уровнем понимания сущности детерминизма. В свою очередь, утверждение неклассического, а затем и постнеклассического типов рациональности способствовало «расширению» содержания детерминизма, раскрытию наличия в нем многих форм связей. Среди них получает свое объективное обоснование целевая причина, которая выражает специфические особенности живого и характер рациональности в современной биологии. Детерминизм и научная рациональность оказываются взаимосвязанными сторонами единого методологического основания современного научного знания.

¹ Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. М., 2002. С. 30.

² Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М., 2001. С. 51.

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ И ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

Пространство философских изысканий и профессиональных интересов Академика В. С. Стёпина оказалось удивительно обширным и многообразным: это не только философско-методологическая реконструкция естествознания, благодаря которой детально исследованы феномен глобальной научной революции, типы научной рациональности, метатеоретические основания науки, структура и динамика теоретического знания и многие другие темы, коррелятивно связанные с названными, но и содержательный выход за эти рамки в проблемные сферы, которые являются пограничными – онтология, философская антропология, социальная философия и др. В. С. Стёпин писал, что «как только круг моих интересов стал расширяться за пределы философии науки, я каждый раз, возвращаясь к методологической проблематике, обнаруживал новые проблемы и возможности новых решений»¹. Следует добавить, что это касается сдвигов не только в области методологии науки, хотя и здесь достигнуты впечатляющие результаты, связанные, например, с анализом постнеклассического типа рациональности и введением в широкий оборот данного понятия, но и с формированием нового круга жизненно важных проблем, которые актуализированы в современном гуманитарном дискурсе и носят острый дискуссионный характер.

В первую очередь речь идет о будущем цивилизации, которая в ее современном состоянии определяется как техногенная, а ее приоритеты лежат в области инноваций и технологий, должных обеспечить улучшение качества жизни и социальный прогресс в целом. Достижения техногенной цивилизации получили свою позитивную оценку, однако ее статус в современной культуре порождает массу споров о возможности дальнейшего культивирования ее приоритетов из-за целого ряда кризисов – экологического, антропологического, экзистенциального, новой мировой конфигурации политических сил, связанных с глобализацией и геополитикой, влияющей на изменение жизненного пространства народов. И хотя анатомирование цивилизации происходит не впервые, она по-прежнему выступает самой

¹ Стёпин В. С. Важно, чтобы работа не прекращалась // Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В. С. Стёпина. М., 2004. С. 66.

рейтинговой проблемой, а свойственная ей динамика делает ее оригинальным и социально значимым объектом изучения. К тому же перспективы цивилизационного развития постоянно режиссируются, но при этом отсутствует общепризнанный сценарий будущей «хорошей» цивилизации. В связи с этим В. С. Стёпин считает, что «проблема судьбы, будущности мировой цивилизации имеет метафизический пласт, который нельзя игнорировать, если мы хотим добраться до корневых причин современного цивилизационного кризиса»¹. Действительно, при системном подходе к изучению цивилизации как таковой важно обнаружить системообразующие факторы, определяющие тип ее исторического развития, систему ценностных ориентиров и жизненных смыслов, фундамирующих цивилизационные стратегии, исходя из гуманистических соображений и посылок. Одновременно это и вопрошание самой философии, которая должна объяснить, в чем заключается система базисных ценностей современной цивилизации и что должно и может измениться в ней. Философия исторически воспринимается как та форма культуры, которая «как бы прогнозирует возможные миры человеческой деятельности», она «готовит нас к переменам в культуре, активно участвует в них, вырабатывает новые категориальные смыслы» (В. С. Стёпин).

В классической философии подобная работа находилась в компетенции метафизики как первой философии, ибо «философ — тот, кто познал сущность вещи»², а сущность есть нечто самостоятельное, самосущее, поэтому ему «надлежит исследовать сущее как сущее — что оно такое и каково все присущее ему как сущему» и «...приобрести знание о первых причинах...»³. Таким образом, уже в античности первая философия предстает в двух вариантах, получивших позже названия: общей метафизики, исследующей сущее как таковое, а также высшие принципы и начала бытия (архэ), и специальной метафизики, или теологии, изучающей высшую, неизменную субстанцию мира, т. е. сверхчувственное бытие. Метафизическое познание отличается опора не на чувственное созерцание, а на интеллектуальное созерцание сущности, которая трактуется как то, что противостоит наблюдаемым качествам вещи и является ее внутренней характеристикой. Таким образом, субстанция как целостная совокупность абстрактных качеств, которые воплощаются в реальной вещи, является основным объектом метафизики, изначально стремившейся описывать фундаментальную структуру действительности и отвечать на предельно общие вопросы: «Что именно существует?», «Что значит существовать?», «Что определяет сущность объекта?», «Что такое физический объект и какие его характеристики являются существенными?» и т. д. По сути — это исследование того, что значит быть или существовать, абстрагируясь от всех конкретных вещей. В результате философская мысль имеет дело с особым типом объектов, обладающих идеальным статусом и принципиально отличающихся от теоретических конструктов науки своей специфической функцией, так как они играют роль базового принципа существования всего сущего. Поэтому, независимо от того, что в античности метафизика как особая область знания, отличная от онтологии, специально не обсуждалась в силу совпадения их предметных областей, тем не менее даже в этот период явственно просматриваются их разные функциональные направленности. Метафизика выделялась своей ориентацией на статус философской исследовательской программы, так как формулировались установки и базовые принципы изучения мира в его целостности, анализировались способы обоснования выдвигаемых положений, разрабатывался категориально-понятийный язык как средство фиксации

¹ Стёпин В. С., Толстых В. И. Демократия и судьбы цивилизации // *Вопр. философии*. 1996. № 10. С. 12.

² Платон. Государство / Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 484.

³ Аристотель. Метафизика: Сочинения. : в 4-х т. М., 1976. Т. 1. С. 181–182.

существенных свойств и отношений действительности. Ее отличает обладание такими специфицирующими и только ей присущими чертами, как трансцендентность, интеллигибельность, спекулятивность, категориальность, внеэмпиризм, априорность, самообоснование. Онтология же скорее конкретизирует метафизические установки и принципы при исследовании любой формы реальности — природной, духовной, социальной, человеческой и др., законов ее организации, функционирования и развития всех типов явлений.

Чтобы метафизика утвердилась в статусе систематической философии, основной смысл которой прослеживается в весь классический период, необходимы определенные предпосылки, инициировавшие ее легитимацию: это доминирующие позиции теоретического разума, занятого поиском царства Вечности и Порядка; уничтожение роли чувств, порождающих мир иллюзий, и возведение интеллектуального созерцания в единственный источник производства истинных знаний; различение ноуменального и феноменального бытия в рамках оппозиции двух исследуемых миров, с которыми имеет дело философия. Постепенно метафизика сформировала и релевантное себе мышление, представляющее собой строгое, системно организованное, категориально оформленное, логически дисциплинированное развитие мысли. Основной метафизический пафос обнаруживается и в целом ряде ее определений: например, Р. Декарт видит в метафизике первую часть философии, в которой содержатся начала познания; Г. Лейбниц считает, что метафизика — это глубочайшее постижение принципов вещей, а И. Кант ограничивает ее претензии, но полагает, что метафизика — это природная склонность и спекулятивная потребность разума разрешать вопросы за границами опытного применения.

Итак, классическая метафизика античности, Средневековья и частично новоевропейской философии может быть охарактеризована как метафизика субстанции, так как ее целями и задачами становились вопросы о нахождении абсолютного и неизменного основания всего существующего, умозрительное постижение принципов и законов, управляющих мирозданием на сверхчувственном уровне. «Философская работа», как ее понимает Ж. Делез, «всегда задается как восхождение и преобразование, т. е. как движение навстречу высшему принципу, определяющему движение самополагания, самоисполнения и познания»¹. Высота и глубина определяют изыскания философов и задают основные метафизические ориентиры, что находит подтверждение в формулировке основных космических идей, категорий бытия и познания, атрибутов и способов бытия Бога. Субстанциализм востребован и в новоевропейском рационализме, правда, границы его несколько сузились, так как номиналистическая традиция прививала «вкус познания» уже реальных вещей и категория субстанции ею не была востребована. В этой связи Ф. Бэкон отрицал любые умозрительные суждения о строении природного мира, утверждая, что «тонкость природы во много раз превосходит тонкость чувств и разума, так что все эти прекрасные созерцания, размышления, толкования — бессмысленная вещь...»². Поскольку задача состоит в том, чтобы создать истинный образ мира, таким, каков он есть, а не таким, каким рисует каждому его разум, то для этого необходимо тщательное рассечение и анатомирование мира.

Во время становления индустриальной цивилизации оформляется критическая и активистская позиция человека, практический разум которого будет ориентирован на познание природных объектов, раскрытие их сущностных связей, в соответствии с которыми они могут быть преобразованы в деятельности. Соответственно осуществляется пересмотр задач и способов метафизического исследования, связанный с введением субъект-объектного принципа познания мира: сознание познающего человека выступа-

¹ Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 174.

² Бэкон Ф. Новый Органон: сочинения : в 2 т. М., 1977—1978. Т. 1. С. 20.

ет как «то, что лежит в основании» (субъект), а предмет познания — мир, человек и пр. — как «то, что надстраивается над субъектом» (объект). В этом случае метафизическое учение должно выяснить сущность человеческого сознания и возможную связь субъекта и объекта в самом процессе познания, что задает образ метафизики субъекта, призванной изучать сверхчувственные принципы организации человеческого разума и познания. С точки зрения Р. Декарта, *cogito* первично над бытием, субъект — это активное начало, мышление не статично. Идеалом метафизики становится описание всех исторических форм метафизического знания, где главным объектом является феномен духа.

Уже в трансцендентально-критической философии установки традиционной метафизики корректируются в рамках проекта обоснования «новой метафизики». В этом варианте метафизика хотя и не основывается на чувственных данных человеческого опыта, тем не менее должна в своем умозрительном исследовании все же опираться на безусловные и самоочевидные данности сознания, благодаря которым процесс познания становится прозрачным и максимально достоверным с рационально-логической точки зрения. Это предполагает следование трансцендентально-критической установке как исследованию доопытных категорий и принципов работы человеческого разума (согласно И. Канту, метафизика возможна только как трансцендентальная аналитика), тем самым он отказывает прежней спекулятивной, догматичной метафизике в праве на получение объективного знания, а для этого следует ограничить притязания разума на выход за пределы возможного опыта. Другой вариант корректировки метафизики связан с возможностью ее диалектического прочтения: благодаря принципу деятельного разума Гегель попытался преодолеть разрыв между онтологией и теорией познания и установить тождество бытия и мышления на качественно новой основе, представив его как динамическое тождество, онтологии и истории. Основная цель трансцендентально-логической метафизики видится в систематическом изучении рациональных логических схем человеческого мышления, на основе которых возникают возможности для всего последующего познания мира.

Метафизические установки отразились и на динамике предметных областей, история которых прослеживается от первоначальной постановки вопроса о бытии в целом, его сущностных характеристиках, вечных и неизменных принципах его организации до моральной философии (практической, внеэмпирической философии, принципы которой априорны и сверхчувственны), философии искусства (исследующей принципы и основания надындивидуального эстетического опыта, независящего от личных вкусов и предпочтений людей), аксиологии (придавшей человеческому бытию ценностное измерение) и др. И в течение всего классического периода метафизика сформировала собственные основоположения, ставшие транзитивными: такие, как принцип тождества бытия и мышления, задающий истинный образ мира в силу совпадения логики мышления с мировым порядком; субстанциализма (поиск неизменной сущности мира), объективизма (познание независимой природной реальности), детерминации (установление причинно-следственных отношений), телеологизма (способность к целеполаганию). В конечном итоге метафизика приобрела статус «науки наук» и поэтому выступает от имени всех и за всех, становясь законодателем научного знания и знания вообще.

Классическая метафизика существовала и развивалась достаточно долгое время, в процессе которого сформировался релевантный ей образ человека, рассуждающего в соответствии с разработанной ею же мыслительной технологией. В результате формируется человек метафизический, или человек «глубины»: как пишет Ж. Делез, уже «досократики помещали мысль внутрь пещер и жизни, в глубину. Они искали тайну воды и огня, и, подобно сокрушающему статуи Эмпедоклу, они философствовали молотом — молотом

геолога и спелеолога»¹. Таким образом, метафизическая суть человека устремляется к экспликации сущности, чтобы раскрыть первую и последнюю реальность. Метафизик предлагает ответы, находящиеся в резком контрасте с повседневным опытом людей, так как его рефлексивное сознание использует умозрительную технологию в качестве средства постижения объективной реальности и культивирует идею о возможности овладеть истинным знанием, поскольку только чистому мышлению, не обремененному массой разных призраков, порожденных чувствами, удастся достичь его (а обладатели таких знаний могут претендовать на высшую ступень в общественной иерархии). Претензия метафизического человека на объективное познание природной реальности базируется на вере в ее естественную упорядоченность и разумность, полагающей, что высшие законы мышления (идеи или первопричины) полностью описывают структуру всего существующего. Отсюда иллюзия о полной прозрачности мира для познающего субъекта, признающего в качестве привилегированного тип рационального, логического, научного дискурса. Соответственно, для него разум – это верховный судья, который устанавливает, что реально: а реально то, что интеллигибельно. Интеллектуальное созерцание и устремленность к трансцендентному – его личный выбор, поэтому интеллигибельный мир – это та реальность, в которой он пребывает и самоутверждается. Отличительной особенностью метафизического мышления является и его бинарная природа, поскольку оно в качестве языковых средств использует категориальную сетку оппозиций (так называемую бинарную машину языка). В такой сетке категорий нет равенства ее членов, так как изначально задана внутренняя иерархия в категориальной паре, в которой первая категория не маркирована и наделена позитивным смыслом по отношению ко второй и определяет ее (единое/многое, умопостижимое/чувственное, внутреннее/внешнее и т. д.). Впоследствии это станет одним из серьезных пунктов обвинения со стороны Ж. Деррида, который такой тип рассуждения и мышления назвал «метафизикой присутствия» как базирующейся на идее непосредственной данности сознанию тех или иных абстрактных сущностей (например, эйдос, архэ, субстанция, истина и др.). Обвинения в ее адрес связаны с тем, что она признает возможность подлинного воспроизведения реальности посредством знаковых систем, и тем самым присутствие превращается в знак знака. Знак, таким образом, рассматривается им в качестве некоторого агента метафизики.

Цивилизационные сдвиги в сторону промышленного производства изменяют перспективы метафизики как теоретической философии и ее субъекта, поскольку чашу весов перевешивает жизнь деятельная, а не созерцательная, практический разум становится приоритетнее, основную роль на себя берет воля. Научный разум приобретает статус высшей инстанции, определяющий границы объекта познания, он заинтересован в экспликации законов его функционирования, в организации систематических исследований природы и построении ее объективной картины, что должно, в конечном итоге, обеспечить социальный прогресс. Так, К. Глой выделяет «три стадии в развитии прогрессирующего и постоянно радикализирующегося конструктивизма в отношении к природе. Первая стадия, представленная философией Платона, ограничивается конструктивизмом интеллектуальным, требующим рациональной познаваемости и понятности природы. Вторая стадия, средневековая... рассматривает природу как божественную конструкцию и артефакт, искусственный продукт Бога. Третья стадия, характерная для нового времени и современности, радикализирует конструктивистскую и операционалистскую мысль до того, что искусственные продукты человека начинают конкурировать с продуктами природы и стремятся заменить их. Здесь природа рассматривается ...как человеческий конструкт»², что, собственно, и инициировало развитие техногенной цивилизации.

¹ Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 175.

² Цит. по: Философия природы в Античности и в Средние века. М., 2000. С. 16–17.

Естественно, классическая метафизика попадает под тотальную критику, особенно в постклассический период философствования, ревизии подвергаются все ее базовые установки и принципы. Явное неприятие рационалистической метафизики «гегелевского толка», отрицающей чувственно-эмоциональные и интуитивные экзистенциальные основания человеческого бытия, присутствует в иррационалистической философии А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше. «В юности, — пишет Ф. Ницше, — человек ценит метафизические объяснения, потому что они обнаруживают ему в вещах, которые он находил неприятными или презренными, нечто весьма значительное... Позднее, правда, он начинает испытывать недоверие ко всему метафизическому способу объяснения...»¹ Именно «разум — причина неверного истолкования свидетельств чувств... вообще, чувства не лгут». Это «мы вносим ложь в их свидетельство, приписывая явлениям единство, вещественность, субстанцию, продолжительность... Поскольку чувства свидетельствуют нам о становлении, исчезновении, смене явлений — в них нет лжи. В одном Гераклит, несомненно, остается всегда прав, что «бытие» есть пустая фикция: «мира действительно» нет: он выдуман; на самом деле есть только мир «кажущийся»². «Антиметафизическая установка» четко обоснована и в позитивистски ориентированной философии, которая исходит из того, что учение метафизики ложно, так как оно противоречит опытному познанию; сомнительно, поскольку постановка метафизических вопросов перешагивает границы человеческого познания, бесплодно, ибо на них нельзя найти ответов. Поэтому радикальное преодоление метафизики необходимо с целью посвятить себя практическим задачам, которые возникают перед людьми каждый день³.

В конце XIX — начале XX в. заявляют о себе новые стратегии философствования, стремящиеся также преодолеть недостатки метафизики как теории: в рамках аналитической программы метафизический способ рассуждения представляется как спекулятивный, ненаучный, внеопытный и неverifiedируемый. Поэтому следует элиминировать все метафизические допущения как псевдопроблемы из сферы строго научного знания методом «терапии языка» (Л. Витгенштейн). Аналитическая философия и начинает формироваться с критики основополагающих принципов метафизики, таких как субстанциализм, тождество бытия и мышления, парадигмальная уверенность в беспредпосылочности философского знания, как не способствующих решению целого ряда задач. Аналитическая стратегия в связи с так называемым «лингвистическим поворотом» переводит собственно философские проблемы в сферу языка и предполагает их решение на основе анализа языковых средств и выражений. Внимание к проблеме языкового значения и методу анализа позволит в отличие от других форм философской рефлексии превратить философию в «строгое», «аргументированное» знание, так как задача философской деятельности — ясность, аналитическая артикулированность, рациональная прозрачность содержания мышления. Все это предполагает освобождение от историко-философских предпосылок, размывание границ между философскими и частнонаучными проблемами (лингвистическими, логическими, методологическими, научными). Таким образом, аналитическая программа видит залог своего успеха в реализации главной идеи, которая состоит в том, чтобы создать язык, адекватный реальности. Философия языка становится «первой философией».

Феноменолого-экзистенциальная программа не прощает традиционной метафизике утрату индивидуально-личностного смысла в пользу универсально-абсолютных

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Минск, 1997. С. 28.

² Ницше Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом. Минск, 1997. С. 144.

³ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом науки // Путь в философию. Ан-тология. М., 2001. С. 42.

характеристик человека. Так, Э. Гуссерль, критикуя основания метафизики, полагает необходимость обоснования ее «научности», для этого следует отказаться от самоочевидности некоторых метафизических установок, задающих фундамент познания. Тем самым Гуссерль ориентирован на преодоление научно-познавательной установки в феноменологической философии и понимание философствования как процесса осмысления. Он считает, что «чисто интуитивный, конкретный и притом аподиктический способ доказательства, используемый в феноменологии, исключает любые метафизические авантюры, любые спекулятивные излишества»¹, но прежде всего «феноменология... исключает лишь всякую наивную метафизику, оперирующую лишенными какого бы то ни было смысла вещами в себе, но не метафизику вообще... и ни в коем случае не намерена останавливаться перед «высшими и последними вопросами»². Речь идет о том, что метафизика удваивает мир, рассуждая о трансцендентных сознанию вещах наряду с феноменами сознания, в то время как философия должна заниматься внутренним миром человека, миром его сознания. Феноменологическая установка рассматривает все содержание мира как полагаемое сознанием, а существенно необходимые связи открываются сознанию путем некоторой операции — «идеирующей абстракции», «идеации». «эйдетического анализа», «усмотрения сущности». Определяя бытие как коррелят сознания, он полагает, что всякое сознание есть «сознание о», поэтому изучение его природы включает в себя и «изучение смысла сознания и предметности сознания как таковой». Иметь дело с «чистым» сознанием должна феноменология, а не психология, предметом которой является эмпирическое сознание. Феноменология исходит из презумпции, что человеческая реальность по сути процессуальна и динамична, ибо разворачивается как мир интенциональных отношений, интерсубъективна, поскольку ее мир — это общее пространство сосуществования субъектов, возможное на основе изначальной общности меня с «иным по отношению ко мне живым телом и иным психофизическим Я», что формирует образ Другого. Значимость этой фигуры обосновывается уже хотя бы тем, что Другой конституирует меня как целостную личность и способствует моей саморефлексии.

Тем самым формируется отличная — от прежней созерцательной онтологии — принципиально иная онтология, которая создает альтернативу трансцендентальному солипсизму и может дать обоснования, опираясь на структуры, доступные не только трансцендентному разуму, но и обычному взгляду в его телесной сопричастности миру вещей и живых существ, среди которых мы обнаруживаем и других людей. Другой опровергает «гносеологическую робинзонаду» с ее субъект-объектным взглядом на мир и провозглашает субъект-субъектные отношения, что делает возможным плюральное бытие как интерсубъективное. Гуссерлианская идея о том, что телесно-поведенческое сходство конституирует фигуру Другого в качестве идентичной мне структуры мира, стала активно разрабатываться в экзистенциализме Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, психоанализе Ж. Лакана и других, герменевтике В. Дильтея, Г.-Г. Гадамера, П. Рикера, где Другой — это уже структура, порождающая смыслы, представленная в знаково-символической форме языка как собеседник, эти смыслы для меня транслирующий, как тот, чей язык требует понимания и перевода в свой собственный формат. Поэтому основным понятием и условием коммуникации с Другими здесь является понимание. Г. Гадамер в работе «Истина и метод» разъясняет, что «сущностная связь между языком и пониманием сказывается прежде всего в том, что само историческое предание существует в среде языка, так что предпочтительный предмет истолкования сам имеет языковую природу».

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 263–264.

² Там же. С. 291.

Претензии к метафизике есть и у М. Хайдеггера: с одной стороны, это неправильная постановка вопроса о бытии, поскольку его нельзя понимать как сущее, что предполагает «деструкцию» традиционной онтологии; с другой — увлеченность познанием чувственного под знаком исследования сверхчувственного. Метафизика является «подлинной оптикой философии», но прежняя или вульгарная метафизика подменила вопрос о бытии сущего вопросом о Первосущем, т. е. некотором сущем, которое стоит за сущим и является его причиной. И именно на ней лежит ответственность за забвение бытия, что привело к тому, что современная философия лишилась подлинной метафизики.

Антропологический поворот, ставший одним из событий постклассической философии, актуализирует проблему смысла человеческого бытия, экспликации его сущности, модусов его существования, упраздняет понятие бытия как такового. В частности, М. Хайдеггер исходит из следующей презумпции: человек — это единственное сущее, задающееся вопросом о смысле бытия, поэтому возможность рефлексировать над бытием является его конститутивной способностью. Человеческое бытие обнаруживает себя в изначальной принадлежности миру, а все многообразие отношений человека к миру выражается понятием «озабоченность», «забота». Данное понятие обозначает структуру человеческого бытия, которое разворачивается в разных временных модусах и выражается с помощью таких категорий, как: бытие-в-мире (подчеркивается неразрывность человеческого бытия и мира); вперед-себя-бытие (фиксируется факт проектирования человеческим бытием себя в нечто большее); бытие-при-внутримировом-сущем (говорится о «подручном» статусе вещей как спутников в человеческой жизни). И если человек есть то, чем он может стать, если он только проект, то человеческая природа не может быть определена из некоего единого неизменного центра, отыскание которого позволит объяснить все действия и поступки людей. В этом смысле сартровская формула «существование предшествует сущности», в полной мере отражает постклассическую онтологию человека и его сознания. Таким образом, ни один принцип классической метафизики не может быть востребован, так как в границах этих установок трудно обосновать парадигму, позиционирующую человека как индивидуально-личностное, историческое, конкретное и временное событие.

Социально-критическая программа не остается в стороне от начавшейся критики метафизики, поскольку она не согласуется с новыми историческими и цивилизационными перспективами. Марксизм видел в философии вид социальной практики, которая должна не столько заниматься объяснением мира, сколько изменением его. Поэтому для марксизма не приемлем любой вид созерцательности, т. е. он против любых умозрительных построений, в которых отсутствует конкретно-исторический анализ событий. Второе важное возражение связано с обвинением метафизики в догматизме ее мыслительной деятельности, так как ее мышление не способно увидеть систему всеобщих связей и процессов, которые присутствуют в любом типе реальности — природной, человеческой, социальной и т. д. Универсализация диалектического метода появилась как альтернатива прежнему метафизическому типу мышления и его методу познания, так как диалектика позволяла представить природу и общество как динамичные и трансформирующиеся системы. Еще Гегель в работе «Наука логики» начал критику метода, который он назвал метафизическим за поиск устойчивой и неизменной сущности вещей, что было неадекватно целям естествознания XIX в., ведь естествознание уже стало исследовать сложные системы. Правда, Ф. Энгельс считал, что метафизический метод имел великое историческое оправдание, поскольку надо было изучать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Необходимо было знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят. Вместе с тем

Ф. Энгельс судьбу метафизического метода не спас, и негативное отношение к нему закрепилось в веках, поскольку основными его признаками считаются абстрактность, односторонность и абсолютизация отдельных сторон познания объективной реальности. Критика спекулятивного фактического мышления метафизики и науки была поддержана и неомарксизмом, принявшим сторону диалектической «точки зрения тотальности», усматривающей всеобщую связь явлений и процессов. Постмарксисты Э. Лакло и Ш. Муфф считают, что в постиндустриальных условиях невозможен детерминистская установка в виде «экономического стадиялизма» и редукция возможных форм борьбы к классовая, что было присуще классическому марксизму. Пересмотр традиции и современные реалии привели постмарксистов к пониманию общественной системы как децентрализованной, разомкнутой, историческое движение которой не имеет предзаданной траектории и не подчиняется фиксированным законам. В этом контексте «лейтмотивом современной социальной критики является идея *неколонируемости будущего*: историю отпустили на волю, ее не нужно и нельзя делать, она идет своим чередом, и всякие попытки ее делать, вершить суд истории вызывают груз непреднамеренных последствий, которые значительно перевешивают полученные положительные результаты»¹.

Итак, каждая программа подвергает метафизику достаточно обоснованной критике в горизонте собственных задач, понимая ее востребованности/невостребованности в исторической перспективе функционирования любого современного дискурса и с учетом требований социальной практики. Отсюда и вопрос Ж. Деррида: «Умерла ли философия вчера, после Гегеля, Маркса, Ницше, Хайдеггера... или же она всегда только и жила тем, что чувствовала свое приближение к смерти...»² Судя по всему, она не умерла, хотя бы потому, что метафизика полностью не изгоняется из философского знания, ей предоставляется шанс — в соответствии с предъявленными к ней претензиями — отказаться от прежних принципов рассуждения и приобрести радикально новый формат. В этом контексте можно назвать две программы ее обновления: первая связана с деятельностью философов аналитического направления, которые одними из первых заговорили о «реабилитации метафизики» (П. Стросон, М. Вартофский), о «переоткрытии субъекта» (Д. Серль), о «реализме с человеческим лицом» (Х. Патнэм) и др. Все они приходят к осознанию неустраимости метафизики в качестве того, что организует и структурирует наше познание мира посредством языка, выступает как пространство взаимодействия различных интеллектуальных практик, что задает ее понимание как метафизики оснований языка и познания. Этот проект анализирует основания понятийного мышления и формирования мировоззрения в языке, координирует научные, художественные и религиозные практики в опыте познания.

Вторая возможная программа деконструкции метафизики связана с философией постмодерна как альтернативы логоцентричной «метафизике присутствия» с ее идеей непосредственной данности сознанию абстрактных сущностей, таких как эйдос, архе, телос, энергейя, осусия и т. д. Поэтому деконструкции в первую очередь должны быть подвергнуты ее понятия с целью выявления их генеалогии и эвристического потенциала для описания всего сущего в его разнообразии и процессуальности, обладающего способностью порождать всевозможные смыслы и пути развития. В качестве новой модели выступила метафизика отсутствия (Ж. Деррида), исследующая бытие не через призму опыта актуального настоящего и его «наличных» смыслов как завершенного целого, но стремящаяся к универсальному охвату потенциального многообразия сущего — в его способ-

¹ Фурс В. Критическое мышление сегодня: соч. : в 2 т. Вильнюс, 2012. Т. 1. С. 149–150.

² Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 124.

ности к бесконечному порождению новых смыслов, альтернативных вариантов развития и бесконечной процессуальности свершения. Это может, в свою очередь, предполагать необходимость познания самих принципов формирования такого многообразия и оснований его незавершенности. Структурная организация бытия утрачивает свое значение в силу его аструктурности, что меняет наше понимание реальности, тип мышления, лишает четкости образы субъекта и объекта.

Постметафизическая философия – в отличие от метафизической – учитывает социокультурную предпосылочность знания, полагая, что любое знание зависит от социальных и культурных практик; исповедует идею децентрации философии, приводящей к плюральности мышления и равноправию разных типов дискурсов; интересуется практиками повседневности (телесными, социокультурными); реабилитирует принцип различия, благодаря которому бытие предстает как плюральное, обладающее открытой возможностью быть иным, отличным от наших представлений о нем, что не позволяет ему быть предметом обладания. В новой парадигме бытие предстает как разнородное и становящееся, незавершенное и открытое, возможное и во многом непредсказуемое. Изменившиеся установки позволяют преодолеть наши представления об одноуровневом мире, состоящем из «одной» реальности, не включающей отношений ни к чему другому (М. Эпштейн).

Постметафизический мир – это уже не тот мир Порядка и Повторения, в котором человек всегда имел ту или иную точку опоры, а среда свободного и спонтанного изменения, неопределенности, оставляющей ему «лишь чувство умеренной надежды» (И. Пригожин) на возможность сохраниться в таких условиях. Время, Процесс, История, Переживание – вот новые ориентиры и координаты возможного понимания себя в мире. Не случайно в прошлом столетии стала развиваться усилиями многих мыслителей – А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, А. Уайтхеда, М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Батая и других – философия становления, переосмысливающая бытие. В связи с этим обозначился и новый вектор интерпретации бытия – бытия как возможного, с которым связывают новые реалии и человеческие интенции, заданные доминированием массовой культуры, информационных и визуальных технологий. В новом контексте философия уже связана не с функцией объяснения или программой изменения мира, а с функцией открытия и умножения миров возможного, хотя бы на том основании, что потенция всегда больше любой актуальности, что вынуждает сознание трансцендировать за пределы реального. Тем самым философия открывает новые горизонты предметности, и все, что мыслится, обнаруживает свою возможность быть иным, а с ростом мыслимого человеческий мир все более переходит в модус возможного. Выражения «если бы» и «как бы» символизируют собой развитие от реального к потенциальному, где игра возможностей может порождать иллюзию их реализации в действительности. Не случайно формирующаяся социальная онтология взяла под патронаж ряд базовых вопросов: «Куда движется современное человечество и что есть та реальность, в которой оно пребывает?».

Сегодня реальность – это далеко не та объективная реальность, которая прозрачна для разума, если учитывать, что человек находится в сетях симуляций и симулякров, виртуальных и символически опосредованных форм коммуникации. Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» как раз и показывает, что наука уверовала в возможность экспериментального воспроизведения любого процесса, а посему реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Человек порой не понимает, когда он живет и действует реально, а когда является элементом общества спектакля, а реальность становится призраком. Человек покупает не столько товар, сколько бренд, формирующий его имидж. В результате имидж и вытесняет

реальность, придавая ей второстепенное значение. Информационные технологии, интернет, интерактивные мультимедиа также привносят свою лепту в «исчезновение реальности», так как создают особую виртуальную реальность, способную привести человека к трансформации у него пространственно-временных координат, а любой образ воспринимается им в качестве подлинной реальности. Сетевые коммуникации формируют и особое сетевое сознание, которое не знает прошлого и будущего, так как реальность для пользователя сетей существует лишь здесь и сейчас. Единственная реальность личности в виртуальном пространстве — это, как полагают, реальность самопрезентации, возможная путем создания WEB-страничек, ЖЖ, facebook, twitter. В каждом из этих форматов человек самовыражается и самоопределяется вплоть до того, что «Я» как смыслообразующая структура — избыточно, так как важна инсценировка своей индивидуальности, и идентичность становится неуловимой. В мире виртуальных возможностей теряются социальные ориентиры, что инициирует конструирование отношений, которые предстают как объект — объектные. Проблема одиночества становится социально значимой. В онтологическом плане статус такой реальности определяется как недобытие, так как оно остается сферой возможного, несуществующего, где виртуальный объект представляется либо как символически «неналичный», либо как образ, символ, понятие.

Общественное развитие, прогрессирующее от реального к возможному, позиционируется как общество возможностей, конструирование которого возлагается на рекламу, кредитование, страхование и т. п., т. е. на любые способы презентации будущей жизни людей в модусе бесконечных возможностей. Различные компании занимаются расчетом возможностей гражданина, исходя из его возраста, здоровья, образования и т. д., поэтому система кредитов означает, что человек живет на средства, которые мог бы заработать и достичь благополучия, страхование — плата за возможные несчастья и др.¹ В третьем тысячелетии появились разнообразные идеи, определяющие постметафизическое бытие современных людей. В частности, Т. Фридман утверждает, что мир, переживший третью волну глобализации и интернет-бум, стал плоским, т. е. пространство перестало быть барьером для распространения информации, это мир, в котором никому нельзя спрятаться ни от кого и людям приходится жить при незашторенных окнах. Этот же автор заявил о существовании теории «золотых арок»: две страны, в которых есть «Макдональдс», никогда не будут воевать друг с другом (на самом деле экономика не отменяет конфликты, ибо нации всегда будут добиваться того, что недодает природа). В мире происходит глобальная коллективизация, о чем свидетельствует мир веб-два-ноль, с его социальными сетями и открытыми платформами, поэтому ради общего подъема экономики приносятся в жертву индивидуальные хозяйства, а одиночкам все труднее будет функционировать отдельно от коллектива. Появление мобильной связи утвердило новую формулировку основного вопроса философии — «ты где?». Парадокс в том, что мобильный телефон стал, скорее, инструментом для письма, чем для разговора, что позволяет сообщения архивировать, капитализировать и идеализировать, т. е. конструировать социальные объекты. Это только некоторые из идей, которые сегодня распространяются и задают формат жизни нынешнего человечества².

В этом контексте философия востребована как особый тип практики (коммуникативной, лингвистической, педагогической и др.), развивающей способность человека постметафизического к критике и творческой рефлексии, и этот проект он принимает. Телесные и социальные практики актуализируют новый тип объектов, которые стали приоритетными для исследователя: бессознательное, текст, письмо, связи, отношения,

¹ Эшштейн М. Философия возможного. СПб, 2001. С. 234—235.

² Андерсон К. 20 ключевых идей 2000-х // Prime Russian Magazine. 2010. № 3. С. 22—31.

структура, власть, идеология и т. п. Субъект, изучающий подобные вопросы, может быть определен как человек «поверхности», и его «отказ от глубины» произошел не потому, что разум не справился с ранее поставленной задачей, а потому, что жизненный мир человека оказался намного сложнее, разнообразнее и алогичнее, чем это представлялось рефлексивным познавательным схемам. Выход к дорефлексивным, дорациональным уровням человеческого бытия позволяет индивиду сменить образ абстрактного и монологичного субъекта и утверждать себя в качестве поликультурного и диалогичного человека, осваивающего децентрированное пространство и погруженного в реальные и виртуальные формы жизни. Р. Рорти призывает постметафизического человека отказаться от статуса «рупора абсолютной истины» и позиционировать себя ироником, способным иметь критическую точку зрения на быстро меняющуюся социокультурную ситуацию.

В заключение следует сказать, что в постклассической философии репрезентация любой философской темы так или иначе обязана метафизике. Причем в «конструктивистскую» эпоху речь идет уже о том, что метафизика не может быть востребована в былом догматическом качестве, когда она верила в то, что возможно отождествление своих принципов с реальностью и распространение их на мироздание в целом, поэтому избежать прошлых метафизических ошибок предлагается путем создания «компактных, камерных метафизик», оперирующих менее общими, чем материя и дух, или совсем частными понятиями: метафизика сада, метафизика города, метафизика кухни и т. д. «Малые метафизики не являются метафизиками в собственном смысле слова», ибо «не содержат утверждения о сверхчувственных, неизменных и всеобъемлющих началах бытия»¹, но рассматриваются в качестве гарантов отсутствия одного единственного, абсолютного метафизического дискурса, что соответствует идее приобретения прагматического опыта в плюралистическом универсуме. И независимо от того, кто и как относится к метафизике, реальная практика показывает, что и сегодня остается вопрос о необходимости выработки комплексного представления человека о мире, способах его познания, о путях совершенствования социальной организации жизни людей, идеалах цивилизационного развития и т. д., что исторически и пыталась разрешить именно метафизическая философия.

¹ Эпштейн М. Философия возможного. С. 119–120.

ПОСТАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ИРОНИЯ ИСТОРИИ

Ситуация антропологического кризиса не является чем-то исключительным для истории. Как правило, она симптоматична для периодов, связанных с ломкой привычных устоев бытия и поиском новых проектов существования. Осознание искусственности старых канонов, определяющее трагизм общего мироощущения, чаще всего сопрягается с попыткой найти последнее основание и смысл действительности в самом человеке. Так было в эпоху эллинизма, разрушившего комфортный и рационально организованный порядок полиса, но заставившего философскую мысль проблематизировать уже не природу, а человека. Следующей вехой становятся поздний Ренессанс и барокко, окончательно разуверившиеся в уютных границах средневековой ойкумены и забросившие человека в бездну бесконечности, одновременно актуализировав экзистенциальные вопросы в философии и искусстве.

Предпоследний кризис происходит в начале XX в. Истоки его — это рубеж веков, апогей приходится на 20–30 гг., период между двумя мировыми войнами, подчеркнутый экономическим кризисом и Великой депрессией. Поколение «разочарованных молодых людей» знаменовало полное крушение идеалов классического гуманизма, связанных с верой в разумность человека и его «предустановленную гармонию» с миром. Оснований для оптимизма в этот момент действительно было мало. Борьба за передел мира и, в особенности, Первая мировая война свидетельствовали о том, что человек превратился в заложника стихийных иррациональных сил. Демократические лозунги «свободы, равенства и братства» на практике обернулись новыми формами зависимости, социального расслоения и массовой бойней. Общее ощущение деградации и декаданса культуры усиливалось появлением феноменов массы и массового человека, заявивших свои права на истину, справедливость, благо.

Однако, разуверившись в «существовании разумном», данной эпохе хватило мужества в очередной раз сделать все ставки на человека как «меру всех вещей». Два фундаментальных текста: «Бытие и время» М. Хайдеггера (1927) и «Положение человека в космосе» М. Шелера (1928) — знаменовали начало так

называемого «антропологического поворота» в постклассической философии. Философская антропология, которая до этого существовала как «служанка» онтологии и гносеологии, наконец-то свершилась как самостоятельная дисциплина. Максимальная проблематизация человека, обусловленная реалиями времени, закончилась его акцентуацией как безусловного центра мироздания и единственного гаранта истины. Соответственно, ему вручались абсолютные полномочия и свобода во имя творческого проектирования себя как «центра», а также мира и истины как «событийных» с ним феноменов. Показательно, что Вторая мировая война отнюдь не умалила, но лишь усилила эту веру в человека. Возможно, потому что на войне всегда есть место подвигу, да и по определению она забрасывает человека в пограничную ситуацию, но именно экзистенциализм стал властителем дум в военное и послевоенное время.

Кульминацией, но одновременно завершением «антропологического поворота» стали 60-е гг. XX в. Проект Хайдеггера, реализованный в экзистенциально-персоналистских интенциях философии и искусства XX в., не смог надолго пережить 1968 г. Апелляция к безусловности и беспредпосылочности человеческой свободы была существенно подкорректирована вездесущностью и всеилием «системы», всякий раз воскрешающейся словно феникс на месте любого пожара и организующей не только свое пространство, но и весь жизненный мир человека. Романтическая вера в свою принципиальную уникальность и инаковость рано или поздно сменяется установкой на то, чтобы быть не хуже всех, быть как все. «Переболевшие» свободой студенты вернулись в свои кампусы и аудитории, к тем же самым учебным планам и профессорам, против которых они когда-то бунтовали, с тем, чтобы со временем стать такими же буржуазно-респектабельными гражданами, как и их отцы. Война закончилась, началась рутинная повседневность, в которой мало пространства для подвига, а для высоких размышлений о подлинности бытия времени не хватает.

Проект М. Шелера имел менее героическую, но не менее славную историю. Оттакаясь от положения, что «человек — это по сути дела все», Шелер апеллировал к необходимости построения новой философии не как «мета-физики», но как «мета-антропологии». Последняя должна была, с его точки зрения, собрать в фокусе человека знания не только философских, но и конкретно-научных дисциплин. Установки его во многом сродни мечте К. Маркса о слиянии со временем всех наук в одну — науку о человеке. Однако вместо реального синтеза наук в рамках философской антропологии произошло дробление самой антропологии. Если человек — это все, то что же он такое более конкретно? В поисках конкретных знаний о человеке оформляются культурная, историческая, социальная, эволюционная и даже спортивная антропологии. Сегодня редкая социально-гуманитарная или биомедицинская специальность не имеет собственной антропологии.

Наиболее значимой «научообразной» версией антропологии стала структурная антропология К. Леви-Стросса. Будучи зачарован объективной строгостью структурной лингвистики, Леви-Стросс осуществляет проекцию ее методологии на культурные явления, которые начинают анализироваться на предмет выявления устойчивых правил их организации. Так же как и Шелер, он акцентирует синтетический характер антропологии, говоря, что последняя «опирается на естественные науки, прислоняется к гуманитарным наукам и обращает свой взор к социальным»¹. Однако если у Шелера «человек — это по сути дела все», то в интерпретации Леви-Стросса оказывается, что язык — это по сути дела все. В этом контексте весьма неубедительным смотрится утверждение Леви-Стросса о своей философии как о «новом гуманизме». Возможно, он реабилитировал архаические народы, однако именно он в немалой степени поспособствовал идее «смерти человека» в современной культуре.

¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 320.

В 70-е гг. XX в. структуралисты сместили экзистенциализм с пьедестала интеллектуальной моды. Маятник истории качнулся, и на смену прежнему упоению свободой приходит осознание ее практической невозможности в условиях техногенного общества. «Человек умирает, остаются структуры», которые через механизмы языка, власти, хозяйства превращают его лишь в функцию анонимной системы. Как это ни парадоксально, но экзистенциальная свобода укоренена в отчуждении, осознание которого дает надежду на его преодоление ради выстраивания себя по альтернативному проекту, как отчуждение отчуждения. Но разве возможно отстранить от себя язык или собственное тело? Классический тоталитаризм, основанный на прозрачной иерархии ценностей, расположившихся в пространстве полюсов «отца нации» и «врага народа», сменяется тоталитаризмом децентрированного дискурса, где прокламируемые ценности свободы в реальности оборачиваются лишь ее иллюзией, а человек как гарант и мера этих ценностей исчезает, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»¹.

Казалось бы, «нет человека, нет проблемы». Вместе с тем динамика интеллектуальных исканий последней четверти XX — начала XXI в. свидетельствует об очередной радикальной проблематизации человека, снова утратившего твердую почву под ногами. Как и ранее, это стало следствием трансформации сложившихся устоев существования и перехода к новым формам организации социального опыта, однако, учитывая ускоренные темпы прогресса, временной промежуток между двумя кризисами оказался настолько мизерным, что невольно возникает сомнение в действительном существовании промежуточного между ними антропологического поворота. Собственно, ирония истории состоит в том, что он все-таки был, но закончился своеобразным самоотрицанием, при этом в полном соответствии с диалектической спиралью, современность до боли напоминает не столь отдаленные от нас «старые добрые времена».

Хотелось бы провести несколько аналогий. Оценивая причины кризиса начала XX в., М. Бубер в качестве одной из основных и первичных выделил «прогрессирующий распад прежних органических форм прямой человеческой совместной жизни»². В социологии этот процесс определяется как переход от «общины», складывающейся на основе «органических» связей родства или соседства, к «обществу», формирующемуся в результате внешних «механических» факторов, преимущественно экономических или политических. Говоря проще, это означало переход от сельского уклада жизни к городскому, в рамках которого человек оказывался отрезанным от привычных устойчивых связей с традицией, природой, другими людьми. Будучи помещен в новую искусственную среду города, растворен в безликости толпы и массы, он впервые сталкивается с ситуацией онтологического одиночества в бытии, чувством «бездомности».

Данную смену онтологических реалий человеческого опыта К. Ясперс определял как переход от культуры пространства к культуре времени. Традиционный сельский топос строился на наличии привычного «своего» ландшафта, обустроенного и обжитого многими поколениями одной семьи или общины. При этом вне времени пребывали не только окружающая действительность, но и весь уклад жизни, система ценностей и нормативных практик. Мир был комфортен и внушал доверие, во всяком случае, не вызывал сомнений. Он был реальным домом, в котором в согласии с Богом, природой и соседом можно было «жить, поживать...».

Совершенно иные реалии существования предлагает современный город. Ландшафт здесь не существует как что-то от века неизменное и предзаданное, но ежегодно (иногда ежедневно) меняется, правда без особого качественного разнообразия, разрастаясь пре-

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994. С. 404.

² Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 192.

имущественно вверх и вширь. Природа редуцирована к ряду выстроенных вдоль дорог деревьев, обреченно ожидающих очередного расширения асфальтового полотна. Жизнь нескольких поколений под одной крышей — это не жизнь, поэтому семьи дробятся по квартирам, в которых именно «квартируют». При этом лучший сосед по лестничной клетке (слово весьма колоритное!) — это тот, которого не замечаешь. Меняясь сам, город диктует необходимость перемен живущим здесь людям. Главное, это вписаться во время, чтобы успеть, не опоздать, чтобы шагнуть в ногу со временем.

Экзистенциализм в проекте М. Хайдеггера стал основой той интенции, которая вслед за Гегелем и Марксом попыталась укоренить человека во времени. Если в пространстве не осталось ничего «родного», то ведь время — оно мое и ничье больше. Есть жизнь, которую мы «проживаем» в гонках или пробках, но есть смерть, которую никому не поручишь. Время и временность, но не как абсолютный эквивалент вроде денег или объективного хода истории, но как мое время, моя жизнь. Неумолимо развертывающееся по направлению к смерти, оно выглядит зловещей насмешкой над человеческим уделом, но одновременно именно временность становится онтологическим основанием заботы о своей самости, об осуществлении «Я» как собственного проекта. Жизнь как «путь по направлению к смерти» складывается из отдельных шагов, каждый из которых также конечен и уникален, а соответственно, также требует заботы для сохранения своей неповторимости. Реальность экзистенции здесь возможна как событие, вернее «со-бытие», Da-sein, осуществляемое «здесь-и-сейчас» ради обретения своего смысла «присутствия в мире».

Хайдеггеровская онтология времени как «со-бытийности» человеческого существования оказалась максимально востребованной своей эпохой и едва ли еще полностью пережита или «снята» современностью. Как тогда, так и сегодня смущает одно: а что такое это самое «бытие», которое и определяет подлинность экзистенции. Сам Хайдеггер соотнес его с пространством мысли и языка, Э. Финк с континуумом игры, самый радикальный из экзистенциалистов — Ж. П. Сартр — укоренил человека в Ничто. По-своему они оказались пророками нашей эпохи, провозгласившей в качестве нового дома человеческого бытия виртуальность, в фокусе которой соединились и язык, и игра, и истина, и ничто.

Акцент на виртуальности, безусловно, сопряжен уже с реалиями информационного общества, хотя о действительных реалиях говорить пока рано, поскольку мы еще находимся в состоянии «перехода». Является ли он столь же трагичным для мироощущения человека, как и ситуация перехода в начале XX в.? Гегель писал, что «история повторяется дважды: один раз как трагедия, другой раз как фарс». Фактически, кроме постмодернистов, известных своим пессимизмом, и отдельных предупреждений насчет «футурошока», остальная ученая (и неученая) публика целиком и полностью голосует за прогресс. Вместе с тем успевает ли человек за прогрессом, который он сам же и сотворил? Остается ли в его ускоряющемся темпе место для самого человека? Сегодня фактически в новой форме происходит тот же разрыв привычных социальных связей и условий бытия, о котором писали когда-то М. Бубер и К. Ясперс, но воспринимается все это намного спокойней.

Возможно, так и не привыкнув к городу, человек решил вернуться в деревню, получившую с легкой руки Г. Маклюэна наименование «глобальной». Красивая мечта — соединить человечество средствами единых коммуникационных связей, в системе которых каждый мог бы выбрать себе тему или собеседника. Казалось бы, в интернете, как в большой деревне — все и все на виду, и запросто можно пообщаться с каждым. Не хватает лишь уверенности в реальности твоего собеседника. Если применительно к 1970-м гг., когда автора только начинали хоронить, вопрос Фуко «кто говорит?» выглядел эпатажным, то сегодня в большинстве случаев можно быть уверенным, что говорит программа, поздравляя вас с днем рождения или предупреждая об исчерпанности лимита.

При этом увлечение виртуальным общением приводит к девальвации реальных отношений. Город все-таки сохранял семью и корпоративные связи. Глобальная деревня, предлагая в ваше распоряжение целый мир, забирает ближайшее. В симбиозе человека с компьютером, практически как в любовном треугольнике, третий лишний. В итоге семья, которая раньше собиралась за чаем или телевизором, сегодня либо распределяется по своим мониторам, либо воюет за право на компьютер. В равной степени профессиональные вопросы решаются через посредство интернета. Вообще-то, очень удобно, можно не идти на работу, не надо краситься или бриться. С интернетом можно вообще из дома не выходить, поскольку он в состоянии обеспечить вас всем, от пиццы до интима. Опять-таки прихорашиваться не надо.

Особая притягательность виртуальности обеспечивается игровой природой ее пространственно-временного континуума. Игра удваивает мир, создавая альтернативную по отношению к привычным будням реальность, существующую по своим законам. В ее рамках возможно то, что неосуществимо в суете повседневности. Приобщая к чему-то сакральному и праздничному, она заставляет человека жить «здесь-и-сейчас», не откладывая что-то на потом, даря тем самым ощущение счастья, свободы, событийности. Ее время циклично и реализует себя как вариант мгновения на фоне вечности. Правила или сюжеты предзаданы и существуют от века, но в каждой отдельной игре они проигрываются и переживаются заново. Пространство, как правило, очерчено границами, в рамках которых эти правила по-своему структурируют мир.

В интернете также свое пространство, живущее вопреки привычным характеристикам дальше-ближе, справа-слева и т. п. Сетевой принцип позволяет соединять все со всем, но насколько все те, которые к вам присоединяются, вам действительно нужны. Существовало константное пространство деревни со своим домом, полем, речкой, лесом. Существовал (и существует) ландшафт города, не особо разнообразный, но меняющийся во времени, привязывающий не столько к топосу, сколько к месту прописки. Интернет существует вопреки физическим коррелятам места. Надоел ландшафт — поменяй обои на рабочем столе, смени e-mail, если старый сайт перестал устраивать. Казалось бы, ты — Бог, который может творить мир по своему замыслу и правилам. Но почему-то, как назойливые кумушки, приходит реклама или спам, и власть над миром сворачивается к поиску нового адреса прописки. «Язык — это дом бытия», — говорил Хайдеггер, апеллируя к необходимости своего голоса и смысла. Сегодня интернет — это дом бытия, но насколько вы там свои, если, пытаясь обустроить свой сайт как «дом», вам периодически надо изгонять из него непрошенных квартирантов. Глобальная деревня неуклонно смещается к пространству коммунальной кухни, где чтобы тебя заметили и оценили, надо подсыпать соли в суп соседу.

Сетевое время разворачивается еще причудливее. «Со-бытийность» игры, определяемая ее принципиальной временностью и конечностью, обернулась возможностью бесконечного дробления и дублирования одних и тех же тем и сюжетов. Будучи «отчужденны» от своих авторов, они начинают играть по собственным правилам, превращаясь по отношению к человеку в те же фетиши и кошмары, что и в классической модели отчуждения Маркса. Однако если в циркуляции капитала была еще какая-то внутренняя логика, то комбинаторика ссылок и сайтов никакой логике не поддается. Для виртуальности существует один принцип: возможность постоянного воспроизводства всего и всеми. Завораживающая игровая временность ушла, осталась вечность как повторение одного и того же. Если вы попали в интернет, то бессмертие имени, о котором когда-то грезил просветители, вам обеспечена. При этом ладно бы это ваш собственный призыв к вечности в стиле «здесь был Вася», а если он исходит от «любимого» соседа с ложкой соли?

Утратив событийность, игра из праздника превратилась в повседневность, где зачастую спасением от скуки служат коммунальные дразги.

Собственно, сегодня мы по-новому переживаем то, что было остро прочувствовано еще в XX в., когда человек впервые осознал, что он «оказался перед страшной реальностью, смысл которой в том, что творец демонов перестал быть их господином»¹. Одним из основных факторов подобного антропологического разочарования стала техника. Формирование современной техногенной цивилизации, согласно В. С. Стёпину, было сопряжено с развитием ценностных установок Ренессанса и Просвещения, в соответствии с которыми «человек понимался как активное существо, которое находится в деятельностном отношении к миру. Деятельность человека должна быть направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь природы, которую человек должен подчинить себе. В свою очередь, внешний мир рассматривается как арена деятельности человека, как если бы мир и был предназначен для того, чтобы человек получал необходимые для себя блага, удовлетворял свои потребности»². Техника стала конкретизацией этой веры в то, что «знание — это сила», а свобода как «познанная необходимость» возможна лишь в ситуации овладения природными тайнами и подчинения их человеческим целям.

Вместе с тем, несмотря на очевидность успехов технического прогресса в обеспечении большей комфортности человеческого существования, XX в. показал, что технику сложно интерпретировать как гарант свободы и автономии личности. С одной стороны, техника из средства осуществления наших потребностей сама стала одной из насущных потребностей, сделав человека зависимым от сотворенных им артефактов. Например, в свое время классики отечественной сатиры писали, что «автомобиль не роскошь, а средство передвижения». Сегодня с этим сложно спорить, но вместе с тем сама «aura» автомобиля для современности включает в себя слишком много дополнительных контекстов: это и показатель статусности личности, и гарант взрослости, и, наконец, объект искренней любви и заботы, которому подчас уделяется больше внимания, чем родным детям.

С другой стороны, универсализм, алгоритмичность и инструментальность машинных технологий востребовали столь же «машинизированную» личность, применительно к которой сложно говорить о свободе и автономии. Ярким символом производства, предопределившим как технические, так и антропологические коллизии XX в., стал конвейер. Его лента наводит на параллели с эмбриональным развитием ребенка, проходящего поэтапное восхождение от зачаточного состояния к готовой форме. Создавая новую искусственную жизнь, конвейер по-своему отражает принципы организации «второй природы» индустриального общества в целом: высокий уровень дифференциации труда при одновременной интегрированности всех в систему объективных экономических связей и отношений. Однако тот же конвейер ярко иллюстрирует то, что цель подобного производства — это бесперебойное движение ленты, в то время как человек — лишь средство для ее обеспечения.

«Демонизм техники» для антропологически ориентированной мысли XX в. состоял в том, что «техника стала ни от кого не зависимой, все за собой увлекающей силой. Человек подпал под ее власть, не заметив, что это произошло и как это произошло»³. Будучи активной деятельной стороной в системе производительных сил, для развития последних он фактически превращается в легко заменяемый элемент поточного производства, перед угрозой сбоя которого возможные личностные травмы или трагедии выглядят чем-то незначительным. Автономный и творческий субъект Нового времени и Просвещения

¹ Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 193.

² Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М. : Высш. шк., 1992. С. 51.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. 2-е изд. М. : Республика, 1994. С. 139.

приходит здесь к своему самоотрицанию. Он не цель машинной индустрии, но средство для ее функционирования, безликий и анонимный элемент целого, объективированный материал для поддержания бесперебойного движения конвейера.

В свое время К. Ясперс писал: «Полагать, что задача преодоления техники техникой вообще осуществима, означает пролагать новый путь неблагополучию»¹. Что изменилось с приходом новых технологий и преодолен ли «одномерный человек» индустриальной эпохи в постиндустриальном обществе?

Очевидно, что наша зависимость от техники и потребность в ней лишь умножились по сравнению с XX в. Связь человека с новыми «умными вещами» стала еще глубже и интимнее. Например, без автомобиля вполне можно прожить. Он, конечно, обещает нам должный уровень свободы и комфорта, однако в современных городах подчас быстрее и проще доехать на метро, чем стоять в пробке или искать место для парковки. Однако трудно представить современную жизнь без мобильного. Учитывая динамизм настоящего и сопряженную с ним степень неопределенности будущего, мобильник становится гарантом заботы о детях или стариках, посредником в решении профессиональных проблем, навигатором встреч с любимыми или друзьями. К слову, природа мобильной связи во многом дублирует принципы организации «глобальной деревни» интернета: принципиальная доступность всех для всех, отсутствие личного топоса при одновременной открытости твоего голоса для окружающих.

В качестве отдельной темы можно рассуждать о «мобилизации» личностных отношений. Вместо встречи, например, с родителями можно быстро отзвониться и, услышав, что «все хорошо», свернуть беседу, ссылаясь на исчерпанность лимита. Былая пристальность взгляда, которая радовала или тревожила в ситуации реального разговора, здесь исчезает. Говоря в трубку (с трубкой) взгляд (твой или Другого) невидим, а значит, и нет той энергетике ответственности, с которой он сопряжен. Другой, бывший «гордым узлом» антропологии XX в., с легкостью преодолен дистанционными технологиями XXI столетия. Пока никто не видит, нет проблемы. Конечно, разговор могут слышать многие (случайные попутчики в транспорте, коллеги по работе и т. п.), однако видимого собеседника нет, а те, кто в пределах видимости, обычно общаются со своими трубками.

Особое искушение современной техники по сравнению с механизмами прошлого века состоит в том, что она претендует не только на роль средства обеспечения вашего комфорта и свободы, но на роль лучшего друга. Например, тот же мобильный телефон, основное предназначение которого быть средством связи, выполняет для его хозяина множество не менее значимых функций: это и часы, и плеер, и органайзер, и любимая игрушка. Если вы случайно оставили его дома, то можно считать день испорченным, поскольку сразу лишаетесь множества привычных мелких радостей и привилегий, даруемых этим чудом техники. Наиболее очевидна зависимость от него у детей и молодежи, которые фактически не отрываются от смартфонов ни дома, ни на улице, ни в аудитории. Бесспорно, по сравнению со старшими новое поколение легче находит язык с современной техникой. Однако не происходит ли это за счет утраты необходимости в разговоре с реальным собеседником, за счет отчуждения от реального в целом? В 1990 г. Ж. Бодрийяр писал: «Образ сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии XX века»². Символом антропологии начала XXI в. по праву может считаться образ сидящих в метро молодых людей, отгородившихся от нависающих над ними бабушек и от мира в целом дисплеями и наушниками.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории... С. 139.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. С. 22.

Став для нас лучшими друзьями, современные «умные вещи» во многом берут ответственность за наше собственное «Я». В отличие от механических конвейеров прошлого, которые объективировали личность, превращая ее в деперсонализированный элемент производства, компьютер «субъективирует» человека. Если у вас, не дай бог, сгорел винчестер, то считайте, что вы потеряли часть биографии. Мы доверяем компьютеру свою память (фотографии, тексты), мы сверяем с ним свою работу (поиск информации, проверка ошибок), мы посвящаем ему свободное время (играя или просматривая on-line новый фильм). Информация, хранящаяся на диске, конкретизирует наше «Я» гораздо больше, чем популярные в прошлом «личные дневники».

В свое время Сократ был противником письменности, полагая, что она обезличивает знания, портит память и не способствует пониманию. Последующая победа книги над устным словом обеспечила такой расцвет знания, о котором Сократ, наверное, и не мечтал. Вытеснение печатной книги новыми информационными носителями уже сегодня приводит к перманентной интеллектуальной революции, расширяющей горизонты нашего знания и незнания, переворачивающей привычные стандарты мировосприятия. Современная жизнь немыслима без компьютеров, которые с каждым годом становятся все умнее, быстрее, лучше.

Не хотелось бы выглядеть ретроградом, однако, возможно, Сократ, протестуя против новых коммуникационных технологий, был в чем-то прав. Нам трудно вернуться ко времени, когда знание передавалось от учителя к ученику только посредством слова. Однако мы являемся очевидцами современного перехода от книги к монитору компьютера и определенные следствия для себя можем сделать.

По сравнению с печатным виртуальный текст теряет «субстанциальность», он становится более пластичным и подвижным. Это во многом облегчает работу с материалом, позволяя быстрее и эффективнее его корректировать или комбинировать. Вместе с тем та же пластичность определяет и новый тип отношений между читателем и текстом. Последний уже не «читается», а скорее «считывается». Информации при этом можно получить больше, однако действительного ее продумывания не происходит. Онтологическая самодостаточность книги позволяла дистанцироваться от той или иной строки, чтобы лучше понять идею или по-новому пережить сюжет. Подвижность монитора такого рода дистанции и остановки не предполагает. Мы скользим за текстом по поверхности, выхватывая отдельные его содержательные блоки, которые потом складываются в мозаичную картину целого. Пресловутая «клиповость мышления» современного компьютерного поколения имеет свои резоны. Век информации требует навыков быстрой работы с ней и возможностей легкого перехода от одной темы к другой, однако в жертву этой легкости и быстроте приносятся глубина и системность разума.

Последняя параллель между антропологией XX и постантропологией начала XXI в., на которой бы хотелось остановиться, связана с феноменом массы. Ее возникновение связано с техническим прогрессом и либеральной демократией, приведшими к повышению образовательного уровня, большей комфортности жизни и одновременной «машинизации» личности. В результате, как писал Ортега еще в 1930 г., «европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности... Заурядность, прежде подвластная, решила властвовать. Решение выйти на авансцену возникло само собой, как только созрел новый человеческий тип, воплощенная посредственность»¹. Основная особенность массы и массовой культуры — это эскалация культа потребления и категорическое неприятие всех тех, кто не такой, как они. Основная оппозиция массе — элита, люди, живущие творчеством и способные к принятию ответственности за собственные дела и поступки.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Весь мир, 1997. С. 98.

Несмотря на декларацию господства масс еще в начале XX в., прошлое столетие все-таки отмечено акцентуацией творчества и свободы как атрибутивных характеристик человека. Авангардная живопись, экзистенциальная литература и кино, джаз и рок в музыке стали отличительными маркерами своего времени. Говоря о разном, данные тенденции были едины в пренебрежении вкусами толпы и апологии элитарности творчества. При этом не массовая культура, а именно они составляют «золотой фонд» искусства прошлого столетия.

Современная ситуация радикально иная. Массовый человек остался. Характеризуя его психологический строй, Ортега почти сто лет назад писал, что он определяется: «...во-первых, подспудным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и во-вторых, вследствие этого — чувством собственного превосходства и всемогущества, что естественно побуждает принимать себя таким, каков есть, и считать свой умственный и нравственный потенциал более чем достаточным... Привычка ощущать превосходство постоянно берedit желание господствовать... а отсюда его третья черта — вмешиваться во все, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно...»¹. Согласитесь, что современность дает гораздо больше оснований для ощущений «легкости жизни», «собственного превосходства» и «желания господствовать». Данный психологический тип отнюдь не пережит, но активно культивируется в современном обществе и СМИ, особенно среди молодежи.

Проблема современности в том, что практически исчезла элита. Емкое понятие «средний класс» сегодня объемлет самые разные слои от рабочих до профессоров. Если раньше понятие «средний» было синонимично посредственности, то сегодняшний «средний класс» — это гарант стабильности социальных устоев, основной хранитель традиционных ценностей и морали. Мораль, правда, по преимуществу досталась в наследство от прошлого века (легкость жизни, чувство собственного превосходства), однако прежняя «масса» легко адаптировала их под ценности прогресса и свободы.

С прогрессом сложно спорить, особенно в контексте эскалации комфортности и простоты жизни. Однако в пространстве данной эскалации уже привычным выглядит то, что сантехник получает больше профессора. По сравнению с последним он вообще выглядит настоящим хозяином жизни, поскольку только он может решить «экзистенциальный кризис» великого потопа, а значит, может заставить попросить, подождать, поблагодарить и еще чувствовать себя при этом всем обязанным, несмотря на потраченные нервы, деньги, время. В сегодняшнем среднем классе «все смешалось», а иерархические приоритеты зачастую расставлены не в пользу интеллектуальной элиты.

С другой стороны, элита и сама растеряла былые амбиции. В ситуации сложившегося рынка услуг «искусство ради искусства» или «творчество ради самореализации» себя не оправдывают, поскольку если хочешь жить достойно, надо, чтобы тебя покупали. В итоге современное искусство пока живет старыми сюжетами (это в лучших случаях), но по преимуществу «эфир» (не только на телевидении, но и в литературе, живописи) забивается китчем и попсой. Единственным, относительно новым брендом эпохи «постантропологии», можно считать эстетизацию повседневного и безобразного. Реклама создает особую ауру вокруг обычных вещей, заставляя нас их любить и желать. Многочисленные сериалы, которые даже «мыльными операми» назвать сложно, поскольку от высокого искусства оперы там ничего не осталось, показывают нам таких же простых людей, как мы сами, с такими же проблемами и надеждами. Их коллизии увлекают и отвлекают, они придают смысл и устойчивость суете будней, пронизывая их сквозным сюжетом приду-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : Весь мир, 1997. С. 98.

манных, но очень понятных судеб. Сериалы сегодня откровенно торжествуют на TV, но не потому ли, что позволяют заполнить событиями пустоту реальной жизни.

В начале прошлого столетия А. Блок назвал кино «электрическим сном наяву». Торжество современных информационных технологий наталкивает на сравнение нашей жизни с «виртуальным сном (шоу?) наяву». Не хочется быть полным пессимистом, поскольку В. С. Стёпин абсолютно прав, когда пишет, что «любое изменение исторически сложившихся видов и форм деятельности обязательно должно сопровождаться изменениями в сфере культуры, появлением в ней семиотических систем, соответствующих новым программам социального общения, поведения и деятельности. За всеми случайностями, которые неизбежно сопровождают изменения культуры, стоят реальные запросы общества — потребности в трансформации сложившихся стереотипов и способов человеческой деятельности»¹.

Вместе с тем ситуация современности выступает своеобразным «кривым зеркалом» антропологического кризиса начала XX в. Экзистенциальные следствия конца реальности, демонизма техники и гегемонии масс классиками философской антропологии были прочувствованы очень глубоко и тонко. Апеллируя к человеку, они призывали его к свободе в обустройстве собственного дома бытия, к элитарности творчества и протесту против объективирующих машинных технологий. Ирония истории состоит в том, что фактически все свершилось, но совсем не так, как об этом грезили инициаторы «антропологического поворота» прошлого столетия. Свобода обернулась снятием реального в пользу виртуальных возможностей, творчество потеряло свои «законы» и стало общедоступным, машину наделили интеллектом и превратили в самого близкого друга человека, а масса заявила о себе как о гаранте ценностей и стабильности. Находясь на очередном переломе истории, мы наблюдаем сейчас за появлением новых «семиотических систем, соответствующих новым программам социального общения, поведения и деятельности». Будем надеяться, что в контексте этих систем останется место для реальной личности, что за кризисом последует новый антропологический поворот в культуре и в философии, а возможно даже, что какой-нибудь будущий Диоген с очередной гениальной машиной в руке наконец-то найдет человека.

¹ Стёпин В. С. Философская антропология... С. 26–27.

СМЕНА ИДЕАЛОВ И НОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Современное осмысление научного познания признает не жесткий социальный детерминизм лапласовского типа в функционировании науки, но причинное влияние социокультурной среды на условия развития науки, которое оформляется посредством особого социального механизма или модели научного объяснения какого-либо феномена. На этом основании Джеффри Александер даже утверждает, что культура есть автономная детерминанта социальных изменений; при этом «культуральные структуры» трактуются им как внутренние, латентные, обычно неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте определенной культуры¹. В данной статье речь пойдет о социологии, хотя сами социальные механизмы, или модели объяснения, разработанные учеными из разных областей науки, имеют структурное сходство. Это означает, что в истории социологии можно обнаружить наличие тех же общих закономерностей и механизмов развития, которые имеют место в естественных науках². Более того, нельзя не согласиться с тем, что на современном этапе развития научного познания имеет место сближение, вплоть до интеграции и синтеза, философских, социологических и историко-научных исследований³. В то же время, как подчеркивают современные социологи, социальные механизмы, используемые для объяснения социальных изменений, как правило, не наблюдаемы человеческим глазом⁴: они выделяются и познаются аналитически, на основе общенаучных знаний, в том числе знаний философии науки и ее принципов, и использования ряда общелогических процедур. Важнейшими компонентами в процессе научного поиска в целом и объяснения тех или иных конкретных процессов выступают научная картина мира, идеалы и нормы научного познания, а также принципы, посредством

¹ Alexander J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford, 2003. P. 3-4.

² Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск, 2012.

³ Стёпин В. С. Новые проблемы философии науки // Социология. 2011. № 3. С. 5.

⁴ Hedstrom P., Ylikoski P. Causal Mechanisms in the Social Sciences // Annual review of Sociology. 2010. № 36. P. 51.

которых эксплицируются идеалы познания¹. Покажем эвристичность этого философского вывода на примере истории социологии.

Выделение этапов в развитии науки можно осуществлять на основе разных критериев — временных, пространственных, содержательных и др.² Так, петербургский социолог Д. В. Иванов выделяет пять этапов эволюции социологии в зависимости от доминирующего типа теоретизирования³, тогда как академик Г. В. Осипов выделяет только два основных этапа: классический и современный⁴, поскольку использует иной (исторический) критерий. Другие авторы в качестве критериев берут предмет и метод социологии, ее функции, цели и пр.⁵

В числе критериев классификации можно использовать и тип рациональности, по которому, как и в истории развития философии, в истории социологии можно условно выделить такие большие периоды, как классический, неклассический и постнеклассический. Каждый из этих периодов соотносится с определенным типом рациональности, отличается своим пониманием предмета социологического исследования, определением проблемного поля этой научной дисциплины, в результате в науке строится и принимается определенная специальная (социальная) картина мира.

Классический этап в истории социологии, охватывающий практически все ее развитие в XIX в., связан с формированием и развертыванием трех основных ее парадигм: позитивистской (объективистской), антипозитивистской (субъективистской) и диалектической. Переосмысливая развитие социологии, современные нам авторы полагают, что позитивистская и диалектическая парадигмы были нацелены на изучение «социальных целостностей» и организации, а антипозитивистская — ориентирована на изучение «социальных атомов» и их взаимодействий⁶. Автор доказывает, что, кроме основной доминирующей парадигмы, на каждом этапе существовали и другие, так что в общем и целом все этапы отличались полипарадигмальностью, даже когда одна парадигма безусловно господствовала, как во времена О. Конта. Поэтому полная характеристика каждого этапа предполагает описание не только доминирующей, но и всех остальных парадигм, существовавших в социологическом профессиональном сообществе на каждом отрезке времени.

Дисциплинарная определенность идеалов и норм науки у классиков социологии

Классический этап в истории социологии можно начинать с ее отцов-создателей О. Конта и Г. Спенсера, которые заложили основы позитивистской картины социальной реальности и успешно развивали тип мышления, ставивший во главу угла классический тип рациональности. Принципы позитивизма были заимствованы О. Контом непосредственно из естествознания и экстраполированы на социологию. На Конта успехи естествознания, особенно физики, оказали столь большое влияние, что даже новую, созданную им науку социологию он называл сначала социальной физикой. Конт пытался систематизировать научное знание, включив в эту систематизацию все фундаментальные науки.

¹ Стёпин В. С. Научное познание... С. 276

² Ritzer G. Metatheorizing in Sociology // Sociological Forum. 1990. Vol. 5, № 1. P. 3–15.

³ Иванов Д. В. Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013 а. № 4 (100). С. 18.

⁴ Осипов Г. В. Такой истории социологии нет ни у одной из зарубежных стран. Это трагическая, драматическая история // Телескоп. 2013. № 4. С. 2–9.

⁵ См.: Зборовский Г. Е. Метaparadигмальная модель теоретической социологии // Социол. исследование. 2008. № 4. С. 3–15.

⁶ См.: Sztompka P. Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16, № 1. P. 23–37.

В каждой фундаментальной науке Конт выделял наличие тех или иных систем. Общество как высший тип систем, по мнению Конта, должно рассматриваться как целостный организм, где каждый элемент функционирует в тесной взаимосвязи с другими элементами и приносит пользу социальному целому с точки зрения общественного блага. В позитивистском духе Конт утверждал, что в обществе действуют столь же жесткие объективные законы, как и в физике, поэтому законы механики вполне могут быть применимы к анализу общества. Социальная статика описывает отношения в обществе, складывающиеся между различными социальными институтами, а социальная динамика раскрывает законы изменения общества, которые хотя и скрыты от непосредственного наблюдения, но познаваемы, объективны и универсальны. Это означает, что они функционируют в любом типе общества, объясняя, как происходит его развитие и изменение.

Принципами, которыми руководствовался Конт, были: физикализм, эмпиризм, позитивизм. Отсюда и общее название данного направления исследований общества — позитивизм, т. е. следование идеалу точного объективного знания, которое одновременно будет еще и полезно обществу. В данной Контом интерпретации полезности она означала приближение к образцу естественных наук с их точным и практическим знанием, в противовес знаниям в области философии того времени, которые отличались, по мнению Конта, метафизичностью и полной оторванностью от реального мира. Поскольку новая наука должна была дать позитивное знание об обществе, позднее (однако еще до того, как он ввел термин «социология») Конт назвал ее позитивной философией и изложил содержание данной дисциплины в шести томах в «Курсе позитивной философии» (1830–1842). Позитивной была названа и третья, современная Конту стадия развития знания о мире, которая характеризовалась систематическим описанием объективных фактов, накоплением точного (положительного) знания разными науками, включая и социологию.

Позитивистская картина социального мира, как она была изложена Контом, отличалась механистичностью в объяснении взаимосвязей между основными компонентами социального целого. Эта картина мира опиралась на изучение отдельных социальных фактов, включала описания, анализ, сопоставления и пр. Опора на факты, эмпиризм, признание объективных универсальных законов развития и функционирования общества — основа данной специальной картины социального мира и одновременно — нормы ее научного познания, а идеал общества как целостной системы — это состояние социального порядка, при котором общество постепенно развивается в направлении социального прогресса.

Позднее принципы первой позитивистской картины социальной реальности были дополнены принципом эволюционизма, сформированным Г. Спенсером (наподобие эволюции, которую естествоиспытатель Ч. Дарвин открыл в живой природе), который был признан частью всеобщей эволюции. Социальная эволюция, которую Спенсер считал доказанным фактом, — это часть надорганической фазы процесса эволюции, которая отличается высоким уровнем сложности, быстрыми темпами изменения и важностью вытекающих из нее следствий.

Идеи эволюционизма развивались в XIX в. в целом ряде позитивистских направлений социологии и были представлены такими школами, как социал-дарвинизм, расово-антропологическая и др. Позитивизм имел место не только в западной социологии, в России он также получил развитие в трудах Н. И. Кареева, К. М. Тахтарева и других (равно как и другие парадигмы — напр., субъективная, неокантианская).

В целом первая позитивистская картина социального мира представляет его образ как объективно существующую социально целостную систему, развивающуюся по объ-

ективным, не зависящим от воли человека, но познаваемым законам. Человеческая деятельность не может изменить эти законы. Познавательный принцип методологического объективизма, присущий позитивизму в социологии, — это и есть рассмотрение общества как системы, развивающейся по своим объективным законам и не зависящей от субъекта познания. Объект и субъект познания противостоят друг другу. Общество и составляющие его социальные институты — главный объект изучения в позитивистской парадигме, целью которой является объяснение существующего мира и познание законов, по которому этот мир функционирует и развивается. Само это изучение осуществляется при тщательном исследовании и систематизации эмпирических фактов.

Вершина первой позитивистской парадигмы XIX — начала XX в. — творчество Э. Дюркгейма: у него общество остается единым целостным организмом, состоящим из социальных институтов, функционирующим на основе социальной солидарности, подчиняющимся другим универсальным законам. Здесь, как и в других позитивистских схемах, субъект познания отделен от объекта, он как бы «наблюдает» за объектом «со стороны», оставаясь ценностно нейтральным. Позитивистская теория может быть подвержена верификации (проверке фактами) и является универсальной. Те же нормы и принципы познания, которые действуют на макросоциологическом уровне познания, Дюркгейм считает эффективными и для исследования отдельных социальных феноменов, например, религии, самоубийства, для которых он создал специальные теории (позднее Р. Мертон назвал такие теории теориями среднего уровня).

Позитивизм в социологии наиболее ярко иллюстрирует идею тесной взаимосвязи идеалов и норм науки и достигнутого уровня развития научного знания в целом, а также прогнозирует изменение этих идеалов и норм с каждым крупным научным потрясением, или научной революцией¹.

Вторая из основных парадигм социологии классического периода тоже зародилась в лоне классического этапа социологии, но несколько позднее, во второй половине XIX в. Она была представлена многими именами и теориями, которых объединяло, во-первых, признание активной роли субъекта в познании социального мира, во-вторых, склонность не объяснять социальный мир, а понимать и интерпретировать его развитие. Главная деятельность субъекта познания — интерпретация, в ходе которой он как бы осваивает существующее вне его множество феноменов, превращает их в факты науки, с которыми он оперирует далее. Все факты, таким образом, прежде чем стать фактами науки, проходят сквозь познавательную линзу социолога, т. е. подвергаются воздействию его эпистемологических инструментов. Чтобы быть включенным в здание науки, факты должны быть осмыслены в понятиях определенной теории, сознательно выбранной субъектом познания. Субъект познания не может быть ценностно нейтральным: он обязательно ценностно нагружен, и эта его нагруженность непосредственно влияет на процесс познания, его результаты.

Такой подход по мере того, как он набирал силу в социологии, вытесняя позитивизм, означал смену идеала научного познания: был сделан акцент на методологический субъективизм, т. е. признание картины социального мира конструкцией, плодом человеческого познания объективного мира. Социологи не ставили под сомнение реальное существование общества, они лишь полагали, что ученые имеют дело не с ним, а с концепцией данного общества, или социальным конструктом, который создается рациональной познавательной деятельностью самого субъекта, а затем «разделяется» с другими.

В своих развитых формах данная антипозитивистская парадигма представлена Максом Вебером. Немецкий классик социологии исходит из того, что предметом социологии

¹ Стёпин В. С. Новые проблемы... С. 3–13.

является социальное действие, которое понимается им как такое действие, которое осознано его субъектом (а не бессознательно) и всегда направлено на другого человека (а не на бездушный предмет)¹. Отсюда — акцент на микроуровень исследования социальных действий, что, однако, не исключает, по мнению Вебера, и макросоциологические исследования, при понимании разницы между социальными действиями на этих двух уровнях. В любом случае в центре внимания социолога находится субъект познания, человеческая личность, индивидуальное сознание, мотивация человеческих действий и поведения в целом. Поэтому такую парадигму называют еще понимающей и гуманистической.

Один из важных принципов научного социального познания, отличающий эту парадигму, — принцип ангажированности субъекта познания: он всегда включен в проводимое им исследование, так как имеет собственные интересы. Иными словами, субъект познания привносит собственные идеалы, идеологию в исследование, поэтому его познавательная деятельность не может быть объективной и нейтральной: она так или иначе пронизана интересами субъекта, ценностно окрашена. Субъект — интерпретатор включен в познаваемый им объект, как бы становится его частью. Этот акцент сближает антипозитивизм с социальной психологией и теми нормами познания, которые адекватны для данной дисциплины.

Еще один важный принцип антипозитивистской парадигмы — понимание общества вместо объяснения его функционирования и развития. Поскольку субъект познания сам строит (конструирует) блоки знания о социальном мире, постольку и вся эта конструкция общества остается плодом творчества субъекта, его творением. Конструкция общества — единственное, что может дать наука, так как разум всегда активно участвует в познании мира. Если, оперируя этой конструкцией (образом мира), познающая личность успешно действует, вступает во взаимодействия с другими субъектами, можно утверждать, что данная картина мира релевантна. Вполне естественно, что основными методами научного познания в таком его понимании будут выступать качественные процедуры (интерпретация, понимание, сопереживание объекту и т. п.).

Наконец, во второй половине XIX в. зарождается третья основная парадигма классической социологии — диалектическая, основоположником которой считается Карл Маркс. Именно Маркс, соединив диалектический метод и материалистическое понимание истории, разработал теорию классов и классовой борьбы как движущей силы истории, а также развил теорию капитализма в рамках своей макросоциологической формационной теории. Маркс рассматривает современное ему капиталистическое общество как антагонистическое образование, движимое вперед антагонистическими противоречиями, возникающими в связи с несоответствием уровня развития производительных сил уровню развития производственных отношений, основанных на частной собственности. Движение общества вперед к более гармоничному состоянию связано, по мнению Маркса, с классовой борьбой буржуа и пролетариев, которая должна привести к диктатуре пролетариата и уничтожению антагонистических классов. Прогрессивное развитие общества венчает коммунизм, с которого, по Марксу, и начнется отсчет подлинной истории человечества.

Таким образом, диалектическая парадигма рассматривает субъект познания и действия как активную и творческую силу, через которую и происходят социальные изменения. Эти изменения объективно детерминированы, но могут осуществляться лишь при наличии объективных предпосылок. Социальная революция есть механизм, посредством которого происходят в современном обществе крупномасштабные перемены.

¹ Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре. Избр. произведения. М., 1990. С. 416–494.

В диалектической социологии мир объективно существует, он познаваем, причем целью познания мира, осуществляемого активным субъектом, является изменение этого мира: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹.

Картину мира, созданную в рамках диалектической парадигмы, называют диалектической. Она противоположна позитивистской картине социального мира, хотя так же признает объективность существующих в обществе законов развития и так же, как и позитивизм, признает познаваемость мира. Главная отличительная черта этой парадигмы — диалектика как основной метод познания, без которой невозможно объяснение и преобразование этого несовершенного, полного противоречий мира. Субъект познания не просто является ангажированным: проанализировав нынешнее состояние общества и его социальные антагонизмы, он должен сознательно встать на сторону самого прогрессивного класса общества, пролетариата, и отстаивать его интересы как в познании, так и в практических действиях по изменению этого мира. Это и есть идеал научного познания в диалектической парадигме (конечно, далеко не все ее представители полностью солидарны с Марксом, однако все они признают метод диалектики как решающий для познания социальной реальности и ее возможного изменения).

Классический этап в развитии социологии изначально был разнородным, плюралистичным: в противоборстве друг с другом развивались три основные парадигмы, которые получили свое дальнейшее развертывание уже на следующем, неклассическом этапе, который начался в 1920-е гг. и охватывал около полувека. Созданные на этом этапе картины социального мира отличались друг от друга, равно как и нормы научного познания, однако представители каждой парадигмы были уверены, что именно их подход к обществу является наиболее адекватным.

Что же объединяет эти основные парадигмы классического этапа? — Уверенность социологов, что именно их парадигма (независимо от того, о какой парадигме идет речь) дает наиболее точное научное знание о мире, т. е. претензия социологов на универсальность их версии научного знания. Четко определенное предметное поле исследований, как правило, включает социальную систему как целостность, а также составляющие эту систему институты, социальные группы и общности. Эти парадигмы коренным образом различаются методом исследования: объективистский в позитивизме, субъективный в антипозитивизме и диалектический в третьей из представленных выше парадигм. Однако каждая включает в предмет своего исследования то, что объявляет собственно социальным, т. е. то, что качественным образом отличает общество, социальные сообщества от несоциальных систем.

Несмотря на парадигмальные различия, классиков социологии объединяет стремление изучать конкретные социальные процессы и явления для того, чтобы создать теоретические обобщения научного знания. Классическая социология — это «классифицирующая социология, превращающая исследование явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т. п.»². Таким образом, на классическом этапе социология приобрела предметную конкретность как наука, определила свое место среди других научных дисциплин, хотя каждая из существующих парадигм, претендовавших на универсальность, отличалась своим видением социальной картины мира, спецификой метода и понимания предмета исследования социологии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. М., 1955. С. 4.

² Иванов Д. В. Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013 а. № 4 (100). С. 15.

Наращивание теоретической силы социологии или плюралистической кризис?

Переход к неклассическому этапу развития науки был связан не только с кризисом естествознания и поиском иных, адекватных для осмысления новых научных фактов научных концепций, но и с кризисом знания в области философии науки. Преодоление этих кризисов потребовало перемещения фокуса научного познания, смены господствующих парадигм как в науке, так и в философии. Произошел качественный скачок в развитии знания. Как отмечает В. С. Стёпин, «переход от одной структуры философских оснований к другой означает пересмотр ранее сложившегося образа науки. Этот переход всегда является глобальной научной революцией»¹. В социологии обычно речь идет об эпистемологических реконфигурациях, переходе науки на новый этап развития².

Итак, объективно, толчком к развитию и трансформации парадигм в социологии, особенно позитивистской, как и в других науках в начале XX в., послужил прежде всего кризис в естествознании, вызванный новыми открытиями в физике, химии, физиологии, экспериментальной психологии начала XX в. и невозможностью объяснять новые факты в рамках старых теорий. В скором времени кризис охватил другие дисциплины и стал кризисом в развитии научного познания. В науке происходила радикальная ломка понятий и логических принципов, отказ от тех из них, которые мешали продвижению вперед (например, натурализм, эволюционизм). Шел поиск новых принципов, которые могли бы быть адекватно применены к анализу новых эмпирических данных и послужить для создания новых научных теорий.

На неклассическом этапе развития социологии три указанные ранее парадигмы модифицируются: их главными «продолжениями» являются неопозитивизм (как синоним социологического позитивизма в XX в.) и структурный функционализм (как теоретическая вершина позитивизма XX в.), феноменология и символический интеракционизм и социальная философия Франкфуртской школы (в диалектической парадигме). Так, например, в неопозитивизме был совершен отход от эволюционизма и переход к функционализму, т. е. к описанию социальных явлений и исследованию их функциональных связей, корреляционных зависимостей. Авторы-неопозитивисты полагали, что таким путем они могут наилучшим образом изучать поведение людей — объект исследования социологии. От исследования социального поведения затем предполагалось перейти к социальным структурам, социальным процессам. Как писал П. Сорокин³, также переживший в своем раннем творчестве позитивистский этап, «неопозитивизм не в индивидах может видеть социальную реальность... а в факте взаимодействия, взаимоотношения особей».

Неопозитивизм следовал принципу ценностной нейтральности социологии, ее полной свободы от классовых и идеологических интересов. Не случайно представители одной из важных неопозитивистских ориентаций первой половины XX в. (сторонник перенесения в социологию методов естественных наук, один из авторов принципов неопозитивизма Дж. Ландберг, лидер статистической школы Ф. С. Чэпин, автор S-теории С. Додд, рьяный сторонник количественных методов У. Огборн и др.), развивающейся в рамках американской эмпирической социологии, называли себя представителями естественнонаучного направления социологии. Одной из причин бурного развития естественнонаучных моделей социального знания в первой половине XX в. в США было стремление ученых этого направления превратить социологию в точную науку, которая может быть практически полезной в реформировании общества.

¹ Стёпин В. С. Научное познание... С. 356.

² Иванов Д. В. Эволюция социологии... С. 14.

³ Сорокин П. А. Социальная реальность // Вестн. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1912. Т. 9. Вып. 3. С. 66.

На этом этапе классик функционализма Роберт Мертон обосновал комплекс ценностей и нормативных регулятивов научной деятельности, т. е. обязательных «институциональных императивов» научного познания: универсализм, общность, бескорыстность и организованный скептицизм¹.

Теоретическая вершина данного этапа – новые общесоциологические теории (Сорокин, Парсонс, Адорно и др.). Кроме создания абстрактных теоретических схем, предпринимаются попытки такой систематизации накопленного эмпирического материала, которая могла бы создать «работающую» объяснительную теорию, не растеряв наследия классиков, но вместе с тем развивать новые подходы и концепты. Поэтому все главные крупные эмпирические проекты, проводившиеся в первой половине – середине XX в., были тесно связаны с социологическими теориями, их результаты объяснялись или описывались в строгих теоретических рамках (напр., проект «Авторитарная личность» – в рамках теории Адорно, хоторнские эксперименты – в рамках теории рационального выбора и прагматизма, и т. д.). Это была очередная историческая форма синтеза теории и эмпирии, философии и науки. Позднее, на постнеклассическом этапе, этот тип рациональности получил последующее развитие в системном подходе в социологии.

Развитие неклассического типа рациональности, инициированного революцией в естествознании (появлением теории относительности, физики квантовых процессов и т. п.), философией неокантианства, разработкой идеографического метода в познании, привело к переосмыслению и распространению релятивизма в социальных и гуманитарных науках. Этот тип рациональности, связанный с «веберовским поворотом», получил в середине XX в. дальнейшую экспликацию в конструктивизме и феноменологии Альфреда Шютца. Заметим при этом, что неклассическая рациональность релятивизировала и естественную науку: среди ученых растет понимание «относительной истины любой картины природы, выработанной наукой», и истинность разных теоретических описаний той же реальности². Можно сказать, что процессы, происходящие на данном историческом этапе развития общества, оказали релятивизирующее влияние и на естествознание, и на социальные науки.

Именно в трудах Альфреда Шютца, который изучал жизненный мир как мир непосредственной человеческой жизнедеятельности, наделенный смыслами, неклассическая рациональность в социологии на этом этапе ее развития проявляется особенно ярко. Шютц исходил из того, что смысловые структуры жизненного мира воспринимается субъектом-наблюдателем только сквозь призму мыслительных конструкций, идеализаций и формализаций, которые существуют в сознании субъекта познания. Социальный мир не только конструируется субъектом, но и понимается, интерпретируется им в соответствии с определенными установками – инструментами познания. Развивая теорию социального действия, идущую от М. Вебера, Шютц подчеркивал необходимость изучения ее мотивов, учета интересубъективности социальных действий, без которых невозможна смысловая интерпретация. Субъект строит (реконструирует) модель социального мира, как бы репрезентируя этот мир себе и другим, используя определенные постулаты – нормы типизации научного знания³.

Противоборство классической и неклассической рациональности, позитивизма и понимающей социологии, привели к тому, что в 1960-е гг. разразился новый кризис, который был связан с резкой критикой позитивизма, всех общесоциологических («универсальных») теорий, не замечающих человека при изучении макросоциологических систем.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 770–781.

² Стёпин В. С. Научное познание... С. 355–356.

³ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. С. 96–113.

Этот кризис означал новую реконфигурацию социологического познания, осуществленную А. Шютцем, Г. Блумером, Э. Гоффманом, Г. Гарфинкелем, А. Сикурелом и их единомышленниками. Однако, по сути, это был лишь кризис прежнего типа рациональности. Качественные методы интерпретации смыслов человеческой деятельности, доминирующие у представителей неклассического типа рациональности в социологии, превратили социологию в науку о взаимодействиях людей, привели многих социологов к отказу от макросоциологических теорий и от абсолютизации статистико-математических методов исследования. В социологии стали доминировать микросоциологические подходы к исследованию человеческого действия. Эти изменения привели к дальнейшей гуманизации социологии (обращению ее «к человеку»), что заставило вновь пересмотреть и проблемы предмета, и методы социологического исследования

В последние несколько десятилетий XX в., в контексте развития постнеклассического типа науки, начался постнеклассический период развития социологии. Исторически этот этап связан с эпохой НТР, но трансформация социальной теории и типа рациональности не напрямую обусловлена этой революцией (которая, пожалуй, непосредственно повлияла лишь на информационные теории общества). Общий контекст развития науки и культуры в последней трети XX в., рост глобализма и обострение в связи с этим многих противоречий социетального развития, появление новых сложных природно-человеко-технических систем, в большей мере обусловили социальные условия бытия науки, которые привели в очередной раз к переосмыслению господствующего типа научной рациональности. Была осознана необходимость очередной радикальной смены стратегий развития общества, что, в свою очередь, вынудило поставить вопрос и о новых ценностях и нормах социального познания. В этом смысле были переосмыслены и классики (например, Вебер, Парето), и представители неклассического этапа в социологии (Шютц). Переосмысление накопленного знания способствовало осознанию того, что выходом из сложившейся ситуации было признание правомерности существования разных типов рациональности и отказ от использования лишь одного из этих типов (чаще всего, классического) как единственного критерия и нормы для оценки многообразия социального знания. Иначе говоря, происходит расширение смыслов научного объяснения и описания: разные их типы становятся равноправными. В науке утверждается релятивизм знаний и истины. Поскольку «единственный» критерий истины исчез, появилась необходимость соотнесения внутринаучных ценностей с внешними ценностями, лежащими за пределами науки. Ценность научного знания стала измеряться не внутренними критериями, созданными самой наукой, а ее ценностью для всего общества. Более того, ценностные факторы стали учитываться в процедурах научного объяснения, было признано их влияние на научные результаты, их «включение» в полученное новое знание.

Ряд отечественных авторов открыто признает, что нынешняя эпистемологическая реконфигурация взаимоотношений субъекта и объекта познания, изменения в типе теоретизирования в социологии, называемые также «перформативным поворотом», связаны с влиянием на нее постмодернистской философии¹. Соглашаясь с ними, можно резюмировать произошедшие в последние десятилетия изменения в социологии с учетом влияния постмодернистской философии. Эта философия оказала значительное влияние на процесс переосмысления эпистемологических основ и принципов социального

¹ Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социс. 2013. № 10. С. 13–21; Иванов Д. В. Эволюция социологии... С. 13–19.

познания. В частности, влияние постмодернизма проявилось в том, что в социальной теории утвердился плюрализм. Эта черта нынешней социологии, в частности, выражается в отказе социологов от попыток установления новой доминирующей парадигмы, в стремлении интегрировать существующие противостоящие друг другу подходы: объективистский и субъективистский, структурный и агентный, позитивистский и интерпретативный. Созданные в конце XX в. интегративные теории (теория структуризации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса) рассматриваются как проявление «мягкой формы» постмодернизма в социологии¹. В то же время, несмотря на популярность интегративных теорий, другие теории и парадигмы не исчезают, а, напротив, успешно развиваются², усиливая полипарадигмальность в современной социологии. И хотя сторонники классической модели научного знания по-прежнему оценивают нынешний плюрализм в социологии как кризис, сторонники нового типа рациональности полагают, что полипарадигмальность является «нормой», поскольку отсутствие единой господствующей парадигмы означает признание неопределенности современного социума, рост его сложности и вариативности на современном историческом этапе развития. Это означает, что социолог как субъект познания не может претендовать не только на универсальное знание и создание полной картины социальной реальности, но даже на научную обоснованность своих результатов познания социума. Знание, получаемое социологом, всегда фрагментарно, частично, оно сохраняет момент неопределенности, поэтому социолог не только конструирует и репрезентирует картину социальной реальности, но и участвует в производстве знания и самой реальности. Знание, как и реальность, соединяются с субъектом познания.

Еще одним проявлением постмодернистского воздействия на социологию можно считать осознание ею сущностной неопределенности социального мира, невозможности однозначно познать его законы и прогнозировать его развитие (признание «веера» возможных путей развития общества), т. е. признания, что в обществе не существует «единственно верного» пути развития, якобы «открываемого» наукой. Также было признано, что не существует абсолютной истины ни в каких научных идеалах и нормах познания: все они содержат лишь частично истинное знание. Это не означает отказ от науки, напротив, понимание вариативности развития социума повышает роль научного знания в принятии практических решений, однако требует руководствоваться не только внутринаучными критериями, но и ориентироваться на лежащие вне поля науки социетальные цели и ценности гуманистического развития общества.

Таким образом, в идеале, новый тип рациональности, утвердившийся в науке, включает в себя рефлексию над ценностями, присущими субъекту познания. Этот подход дает возможность осознать связь между истинностью и нравственностью, что создает условия для поиска новых стратегий в преодолении глобальных рисков современности и адаптации науки к условиям неопределенности. Решением данной проблемы заняты многие социологи, развивающие разные теории современного общества, но равно осознающие необходимость постоянных трансформаций социального знания³.

¹ Иванов Д. В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социс. 2013 б. № 9. С. 3–13.

² См.: Alexander Jeffrey C. Trauma: A Social Theory. Cambridge, 2012.

³ Alexander J. C., Thompson K. A Contemporary Introduction to Sociology: Culture and Society in Transition. Boulder, CO, 2008; Bauman Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2011; Sztompka P. Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16, № 1. P. 23–37.

Заключение

История не только XX в., но и прежних веков демонстрировала существование в мире разных моделей развития общества, т. е. поставляла аргументы в поддержку тезиса, что социальные теории, принимающие на себя объяснительную или интерпретационную роль в отношении различных обществ и мира в целом, могут и даже должны быть различными. В настоящее время социальные теории также должны использовать разные познавательные инструменты для познания структурного и культурного разнообразия общества, в том числе на посткоммунистическом пространстве¹.

Сегодня мировая социология находится «на перепутье». В ней идет поиск новых макросоциологических концепций, которые могли бы предложить картины социальной реальности, адекватные для объяснения/интерпретации/производства нового знания о развитии глобальных процессов. Возможно, социология вновь подходит к очередной точке бифуркации, новой эпистемологической реконфигурации ее концептов и средств научного познания, соответствующей нынешнему состоянию науки и культуры, определенному типу рациональности. В любом случае, нормы и идеалы научного познания в социологии развиваются в тесной связи с общим развитием науки на конкретном этапе исторического развития общества.

¹ Eisenstadt S. N. *Multiple Modernities*. New Brunswick and London, 2002; Arnason J. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden : E. J. Brill, 2003; Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries: Crystallizations, Divergences, Renaissances. Leiden and Boston, 2005; Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge : Polity, 2011.

СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одной из важнейших задач современного белорусского религиоведения является расширение его методологической базы. Ученые-гуманитарии стран постсоветского пространства, и прежде всего России, активно обсуждают дисциплинарный статус религиоведения, его проблемное поле, соотношение эмпирического и теоретического уровней в религиоведении. Все это ставит на повестку дня необходимость усвоения современными религиоведами теоретических достижений современной философии науки, и прежде всего глубоких и содержательных идей академика В. С. Стёпина в этой области знаний. Несомненную ценность имеют также культурологические идеи ученого, в частности, его трактовка культуры как целостной системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, в основании которой находятся мировоззренческие универсалии. Надо сказать, что этот процесс замечен в российской религиоведческой науке. Такие известные российские ученые-религиоведы, как Л. Н. Митрохин, И. П. Давыдов и другие, в своих теоретических разработках по проблемам религиоведения опирались на теоретические разработки В. С. Стёпина. Думается, в ближайшее время и белорусские ученые-религиоведы активно включатся в этот процесс. Задача данной статьи пропедевтическая – выявить основные направления религиоведческих исследований в нашей стране, а также обозначить некоторые теоретические проблемы современного белорусского религиоведения.

С начала 90-х гг. XX в. в Республике Беларусь отмечается рост религиозности всех слоев населения. Религиозный фактор начинает играть важную роль в общественно-политической, духовной жизни Республики Беларусь. Это связано с демократизацией общественной жизни, одним из характерных проявлений которой стало изменение отношения государства, общества в целом к религии и церкви. На смену критике религии и церкви пришли идеи о том, что религия является основой национальной культурной традиции, тесно связана с морально-этическими, духовными ценностями народа. Одновременно с этим расширяется круг научных исследований в области религии. Начинает активно **разрабатываться историческое религиоведение, или история религии**. История религии исследует

многообразии религий, представленных в социокультурном пространстве Беларуси. Этот раздел религиоведческого знания опирается на выводы истории, этнографии, сравнительной лингвистики и т. п. Как известно, до 90-х гг. XX в. работ по конфессиональной истории чрезвычайно мало; фактически этот аспект национальной истории и культуры был слабо изучен. С 90-х гг. XX в. активизируется исследовательский интерес в этом направлении, по конфессиональной истории Беларуси среди работ можно назвать следующие: Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, І. І. Навіцкі, А. М. Філатава. Мінск, 1998; *Кудрявцев В. В.* Лекции по истории религии и свободомыслия. Минск, 1997; *Христианство в Беларуси: история и современность* / Т. П. Короткая, А. И. Осипов, В. А. Теплова. Минск, 2000; *Верашчагіна А. У., Гурко А. В.* Гісторыя канфесіі на Беларусі ў другой палове XX ст. Мінск, 1999; *Верашчагіна А. У., Гурко А. В.* Гісторыя канфесіі на Беларусі: мінулае і сучаснасць : дапаможнік для настаўнікаў. Мінск, 2000; *Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. даведнік.* Мінск, 2001; *Религия и церковь : краткий научно-популярный очерк* / А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 1998; *Ярмутик Э. С.* Католический костел в Беларуси в 1945–1990 годах. Гродно, 2006. Исследования конфессиональной истории становятся приоритетным направлением не только институтов гуманитарного профиля НАН Беларуси, прежде всего Института истории НАН Беларуси, но активно исследуются ее региональные аспекты в областных центрах, на кафедрах вузов.

В системе научного знания Беларуси исследования религии имеют давнюю историю, идущую от становления учреждений советской науки в 20-е гг. XX в. На протяжении существования Академии наук Беларуси (начиная с 1931 г.) исследования религии проводились в основном институтами гуманитарного профиля. Институт философии НАН Беларуси практически сформировал собственную школу исследований религии (мировоззренческой и методологической основой которой до 1990-х гг. служили диалектико-материалистическая философия и научный атеизм). Фактически этот методологический подход строился на принципах эволюционизма, в рамках которого предполагалось, что история человечества есть единый процесс последовательного развития культуры «от религии к науке». Религия понималась как некий исторический рудимент, который отомрет с развитием культуры. Сильной стороной исследований был анализ социокультурного контекста функционирования религии, опора на конкретный социологический материал. Проводились опросы-интервью с верующими и служителями культа некоторых конфессий, распространенных в Беларуси. На основе бесед-интервью с верующими были подготовлены монографические исследования: *Католицизм в Белоруссии. Традиционализм и приспособление.* Минск, 1987. С. 240.; *Короткая Т. П., Прокошина Е. С., Чудникова А. А.* Старообрядчество в Беларуси. Минск, 1992. — и другие работы.

Теснейшим образом с вышеобозначенными проблемами, а именно: изучением бытования, истории распространения основных конфессий на белорусских землях (историческая проблематика) — связана **историко-философская и методологическая концептуализация религии, атеизма, свободомыслия и свободы совести в духовном наследии Беларуси.** Эта проблематика опирается на конкретные исторические исследования, но решает проблемы философского, методологического порядка. Сегодня методологическая проблематика в области религиоведческого знания является важнейшим направлением исследований. Ее важность в религиоведческих исследованиях в нашей стране обусловлена как необходимостью ухода от редуционизма, плоско и односторонне понятого эволюционизма, так и сложностью развития белорусской культуры, поликонфессиональной и мультикультурной. Очевидна необходимость расширения методологической базы исследований религии, учитывающей нелинейность и многовекторность исторического развития. Важной

методологической проблемой является следующая: если очевидна необходимость ухода от плоско понятого эволюционизма, то также важным является уход светского религиозоведения от конфессиональной ангажированности.

Содержательная наполненность белорусской философской мысли теснейшим образом связана с христианской традицией. Начиная с X в. установки христианства оказывают определяющее влияние на формирование культуры, философии, менталитета белорусского народа. Философская мысль Беларуси имеет давнюю и богатую традицию. Начальный ее этап восходит к XI–XII вв., времени Киевской Руси. Именно в тот период сформулирован ряд положений, которые затем прочно вошли в философию последующих эпох: эстетизация и этизация философских идей, интерес к проблеме человека и общественно-политической проблематике, художественная окрашенность философского творчества. Принятие христианства дало толчок развитию письменности, зодчества, культуры Древней Руси в целом, а кроме того – заменило языческое понимание мира как вечного круговорота идеями линейного исторического развития, самоценности каждого человека, важности морального выбора. Все это привело к своеобразной духовной революции, к открытию нового духовного горизонта – горизонта веры. Проблемное поле философии, культуры в целом начало определяться новыми смысловыми коннотациями, зачастую радикально переворачивающими их первоначальное античное значение и смысл. Фактически сама философская рефлексия после возникновения христианства и ассимиляции его идей не выходила за рамки новой религии, которая задала совершенно иной импульс философскому дискурсу. В истории философии можно фиксировать три основные установки, в которых философская мысль решала основную проблему взаимоотношения веры и знания, философии и религии. Первая установка нацелена на их синтез и представлена различными вариантами христианской философии. Вторая установка стремится к противопоставлению веры и знания, пытается найти критерии автономии этих сфер. Третья установка направлена на отвержение веры и философствование вне ее границ. Все три подхода в процессе развития европейской культуры претерпели значительную эволюцию. Философия Средних веков – прежде всего патристика и схоластика – задала вектор развития новому смысловому образованию – христианской философии. Эпоха Нового времени во главу угла поставила разум. Философы Нового времени (Декарт, Лейбниц, Спиноза и другие философы) считали, что в разуме находятся начала познания, которые не нуждаются в дополнительном обосновании, поскольку являются достоверными и могут сами служить основой для верификации знания. Разум стал всеобъемлющим принципом, который понимали как универсальную способность человека и человечества. Начиная с эпохи Просвещения в европейской философии получают распространение философские течения, опирающиеся на разум, науку, т. е. доминировали светские формы общественного сознания. Эти течения ориентировались на развитие естественных наук и техники как основ социального прогресса. Следует отметить, что все названные установки взаимоотношения разума и веры присутствуют в интеллектуальном пространстве Беларуси.

С XIV в. белорусская философская мысль стала своеобразным пограничьем между Востоком и Западом Европы, точкой столкновения не только политических интересов России и Польши, но и двух духовно близких, но все-таки различных миров – православия и католицизма. Позднее (с XVI в.) в это противостояние включается протестантизм, а начиная с эпохи Просвещения в более или менее систематической форме – идеи рационализма и материализма. Все это ставит перед исследователями ряд непростых задач. Прежде всего необходимо исследовать формы проявления, персоналии и, если это возможно, определенную специфику бытования в интеллектуальном

пространстве Беларуси религиозной философии в таких ее существенных формах, как патристика (восточная и западная), схоластика (т. н. первая схоластика и вторая схоластика, связанная с периодом контрреформации в Беларуси и деятельностью ордена иезуитов). Сложной и чрезвычайно актуальной является проблема унии на белорусских землях, ее роль в духовной культуре Беларуси, оценка ее исторических судеб. Этот период основательно исследовался историками, филологами, искусствоведами. Важно продолжить изучать наследие этой эпохи, те или иные идеи, характерные для этого периода, а также отдельные персоналии. В частности, творчество такого знакового и относительно изученного для белорусской культуры деятеля, как Ф. Скорина, актуально и сегодня. По-прежнему актуален вопрос: кем же был Скорина — православным или католиком, какова роль протестантских идей в его творчестве? Надо признать, что эти проблемы решались в работах таких известных белорусских историков философии, как Н. Алексютович, С. Подокшин, В. Агиевич и другие. Однако вряд ли мы можем считать тему исчерпанной. И вновь встают вопросы о том, чем, какими причинами духовного порядка можно объяснить расцвет старобелорусской культуры XV–XVI вв., появления в ней выдающихся личностей, «пассионарных» в терминологии Л. Гумилева (Ф. Скорина, С. Будный, Л. Сапега и другие), какова роль в данном случае христианских конфессий? В этом же проблемном поле лежит и оценка культуры барокко, ее деятелей и ее значимости в развитии белорусской культуры.

Изучение религиозной философии — одно из важнейших направлений отечественной мысли. Ее актуальность видится как собственно в восстановлении смыслового поля интеллектуального пространства Беларуси, так и тесно связанной с этой проблемой оценки роли и значения основных конфессий в истории духовной культуры Беларуси. Изучение религиозной философии является актуальным направлением историко-философских и религиоведческих исследований. В этой связи удачными и перспективными можно назвать ряд исследований. С. Г. Карасева защитила кандидатскую диссертацию и опубликовала ряд статей, посвященных творчеству выдающегося русско-белорусского богослова, философа, публициста А. И. Бровковича, тем самым заложив основы для научного изучения существенного и малоизученного пласта российской культуры и философии XIX–XX вв. — духовно-академической философии, представленной в духовных академиях этого периода. Идеиные установки и формы деятельности православия в Беларуси конца XIX — начала XX в. изучала Н. А. Кожич. Религиозной философии в Беларуси начала XX в. посвятила ряд работ Т. П. Короткая. Уже с 1970-х гг. начинает активно исследоваться религиозно-философская мысль католицизма. Глубокий анализ проблемам католического возрождения в Беларуси, и в частности творчеству ксендза А. Станкевича, дал видный белорусский историк философии В. М. Конон. Можно назвать следующие работы: *Бабосов Е. М.* Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства. Минск, 1970; *Короткая Т. П.* Религиозная философия в Белоруссии начала XX в. Минск, 1983. С. 108; *Конон У.* Ксёндз Адам Станкевіч і каталіцкае адраджэнне ў Беларусі. Мінск, 2003. С. 126.

При этом следует иметь в виду, что изучать мы должны не только конкретно-историческую обстановку, описывать историю бытования конфессий в Беларуси, но должны исследовать те мировоззренческие, идейные образования, на которых строилась деятельность конфессий на том или ином этапе истории. В поле зрения исследователей должно попадать соотношение «местных» идейных образований с общеевропейскими духовными процессами. Здесь важно определить, какова специфика бытования той или иной идеи в социокультурном пространстве Беларуси. Думается, в методологическом плане эвристически значимым здесь является подход, который обозначается как история идей. До

нашего времени этот подход использовался, но лишь частично, скорее рассматривалась интеллектуальная история, т. е. контекст. Как известно, история идей как направление в истории философии возникает в 20-е гг. XX в. (А. Лавджой, Д. Боас). Суть этой концепции состоит в том, что в процессе развития истории значительную роль играют «идеи-единицы», которые возникают и изменяют свою форму не только во времени, но также переходят из одной области знания в другую. Думается, что в методологическом плане этот подход плодотворен для исследования религиозной традиции в Беларуси, а именно, раскрытия бытования той или иной идеи в различных пластах белорусского общества, и прежде всего, в интеллектуальном пространстве конфессионального пограничья. В условиях пограничья развитие тех или иных идей «задерживалось» на наших землях и порождало свою специфику, свою окрашенность. Поэтому очевидно, что при исследовании религиозных идей в Беларуси необходимо учитывать общеевропейский контекст, а также специфику их бытования в белорусском регионе.

В методологическом плане также непростой задачей является экспликация ряда понятий, прежде всего понятия «религиозная философия». Известно, что ряд исследователей вообще отрицают правомерность такого образования, считают его нестрогим и неверным по существу. При этом следует иметь в виду, что каждое из направлений христианства (православие, католицизм, протестантизм) имеет собственные конфессиональные особенности, задающие параметры взаимоотношения веры и разума, исходя из которых и строится отношение как к философии в целом, так и определяется статус религиозной философии. Для нашей страны, где христианство является основной религией, важно учитывать конфессиональные особенности трактовки веры и разума, специфику взаимоотношения религии и философии в той или иной конфессии христианства. Представляет несомненный интерес именно та полемика по данному вопросу, которая характерна для европейской культуры начала XX в. Причинами данного феномена были реакция на рационализм и позитивизм, развитие секулярной идеологии. Ставился вопрос о роли науки в развитии культуры и ее способности к объединению различных сфер знания. Если попытаться в самом общем виде охарактеризовать протестантский подход к данной проблеме, то следует отметить доминирование в ней в этот период идей либеральной теологии, представленной такими видными протестантскими богословами, как А. Гарнак, А. Ричль, Э. Трёльч. Эти богословы выдвинули тезис о существовании религиозного априори, т. е. о том, что человек обладает определенным набором установок, допытных категорий, позволяющих индивиду связываться с Абсолютом, переживать религиозный опыт обращения. Эти идеи в том или ином виде развивались Р. Отто (описание религиозного опыта, выделение сфер священного как абсолютно иного, введение понятия нуминозного и т. д.), В. Джемсом (трактовка религиозного опыта, выделение религиозных гениев). Эти философы фактически приходили к утверждению о том, что человеку присуща врожденная религиозность, что человек есть существо религиозное. Сама идея религиозного априори давала возможность строить ход рассуждений в русле религиозной философии. В начале XX в. в протестантской традиции формируется диалектическая теология, основателем которой является К. Барт. Он снова возвращается к лютеровской оппозиции веры и разума, критикует либеральную теологию, он разводит сферы знания и веры: бог Священного Писания и Абсолют философов — совершенно разные вещи.

В католической традиции на рубеже XIX—XX вв. формируется мощное неосхоластическое движение, важнейшим составляющим которого явилось появление неотомизма. На волне этого движения во Франции в 20—30 гг. XX в. прошла широкая дискуссия о возможности христианской философии. В обсуждении проблемы приняли участие видные философы — как неотомисты, так и рационалисты. Этой проблеме была посвящена

сессия Философского общества в Сорбонне (1931). Здесь фактически определились две позиции. Суть первой позиции состояла в том, что отрицалась сама идея христианской философии. Странники этой позиции утверждали, что поскольку мы не вправе говорить о христианской физике, христианской математике и других науках, точно также мы не вправе говорить о христианской философии. Эту точку зрения подвергли резкой критике два великих неотомиста — Э. Жильсон и Ж. Маритен. Э. Жильсон утверждал, что католическая трактовка природы человека дает возможность построить христианскую философию. Католическая теология в отличие от протестантской исходит из тезиса о том, что первородный грех исказил человеческую природу, однако она не является совершенно и полностью греховной. Поэтому божественная благодать возрождает человеческую природу и разум в том числе, и христианская философия, по его мнению, возможна и необходима — вера помогает и укрепляет естественный разум в его поисках истины. Ж. Маритен в этот период начинает активно разрабатывать свою экзистенциалистскую версию неотомизма. Он также утверждает возможность существования христианской философии, возможность гармонии веры и разума. Ж. Маритен разделяет философию как науку, как сущность и философию как особую практику философствования. В первом смысле философия рациональна, она не зависит от веры. Философия, понятая во втором смысле, исходит из философствующего субъекта. И вера, и божественная благодать благотворно влияют на природу человека, в том числе и на его разум. Таким образом, неотомисты обосновывали теоретическую значимость религиозной философии, возможность гармонии веры и разума, а также автономию философии и разума.

В России конца XIX — начала XX вв. формируется мощное религиозно-философское течение, представленное именами таких мыслителей, как В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. и Е. Трубецкие, П. Флоренский, Н. Лосский, С. Франк и другие. В русской религиозно-идеалистической философии формулируется принципиально антициентристская задача философии как возврат к бытию, сущему. Философия, полагали русские мыслители, должна опираться не только на науку и логические формы и отношения. Философия должна опираться на многообразие опыта: она должна учитывать нравственный, эстетический, религиозный опыт. Первостепенное значение отводилось религиозному опыту. Резкой критике подвергается тенденция секуляризации, разрыва религии и культуры, начало которой положила эпоха Нового времени. Критикуя психологизм и субъективизм, индивидуализм как характерные не только для гносеологии, но и европейской культуры в целом, они стремятся к построению философии, в которой были бы гармонически соединены вера и разум, умозрение и откровение. Речь шла о создании религиозной философии, в основе которой лежит определенная познавательная установка. В философии такого рода акцентируется понимание познания как особой направленности целостного духа, на котором истина постигается не только отвлеченно логически, но и морально. Такая трактовка предполагает духовно нравственное становление человека в процессе познания истины. Утверждалось, что само мышление по своей природе связано с абсолютным. Поэтому философия возможна лишь как религиозная философия.

Таким образом, религиозная философия включает в себя различные философские направления, в которых анализ проблемы строится с учетом существования высшей реальности. При этом она всегда связана контекстуально с определенной системой религиозной, специфику которой необходимо учитывать при анализе того или иного направления религиозной философии.

Белорусские религиоведы, как и исследователи интеллектуального пространства Беларуси в целом, исследовали те или иные формы религиозной философии в Беларуси, бытование религиозных идей в специфическом пространстве межконфессионального пограничья.

Наряду с изучением религиозной мысли важным составляющим исследовательских усилий белорусских ученых является исследование традиций свободомыслия и атеизма в белорусской культуре. Общеизвестно, что в советский период именно исследование этой традиции считалось идеологически правильным и научно достоверным. После изменения мировоззренческих установок в отношении религии и церкви многие исследователи пришли к выводу о том, что свободомыслие и атеизм является чем-то наносным, необязательным в культуре Беларуси. В ответ на это ряд известных белорусских религиоведов (Е. С. Прокошина, А. А. Круглов, В. В. Старостенко) в своих работах показали неизменное присутствие идей свободомыслия в белорусской культурной традиции. Можно назвать следующие работы: *Круглов А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987). Минск, 1989; *Старостенко В. В.* Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории. Могилев, 2004. С. 266. — другие работы.

И поэтому важен ответ на сущностный вопрос: есть ли действительно в Беларуси традиция свободомыслия либо это не более чем идеологический штамп? Работы названных исследователей дали положительный ответ, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения. В частности, есть много спорных моментов касательно оценки мировоззрения того или иного мыслителя, представляющего духовную традицию свободомыслия. Так, например, К. Лыщинский, мыслитель XVII в., считается в литературе едва ли не оплотом атеизма в культуре названного периода. Такие известные исследователи, как А. Новицкий, Н. Алексютович, Е. Прокошина, В. Шалькевич, считали К. Лыщинского последовательным атеистом. Атеистом он был объявлен католической церковью и казнен в Варшаве в 1689 г. Однако, как показал известный белорусский философ С. А. Подокшин, подобная точка зрения едва ли обоснована. Сам К. Лыщинский на судебном процессе утверждал, что является верующим католиком, а его работа должна была называться не «О несуществовании Бога», а «Диспут, в котором католик побеждает атеиста». По мнению С. А. Подокшина, судебный процесс над Лыщинским был идеологическим по своей сути, где идеологи контрреформации судили «фигуру» атеиста, пытались тем самым противодействовать развитию на белорусских землях идей Ренессанса и Нового времени. Сам же К. Лыщинский был, по мнению С. А. Подокшина, свободным философом, который, не отвергая Бога и католическую религию, подверг философскому анализу основные истины христианства.

По-прежнему актуален вопрос о роли в формировании традиций свободомыслия в Беларуси наследия такого крупного мыслителя-антитринитария, как Сымон Будный (ок.1530–1593). Антитринитарии отрицали один из основных догматов христианства — догмат о том, что бог един по существу, но троичен в лицах, т. е. они отрицали идею о трех лицах или ипостасях бога. Подобные установки приводили к пересмотру ряда традиционных христианских положений (учения о двуединой богочеловеческой природе Иисуса Христа, свободы человека и божественного предопределения, взаимоотношения веры и разума). Как известно, эти идеи доминировали в западноевропейском реформационном движении. С. Будный по своим взглядам близок к одному из течений реформации — кальвинизму. Однако можно утверждать, что его эволюция шла в направлении последовательного свободомыслия.

Изучение состояния, сущности и динамики развития современного религиозного сознания — важное направление научных исследований. Чтобы глубоко и масштабно

представлять характер и сущность процессов, протекающих в современном белорусском обществе, необходимо комплексно изучать религиозный фактор, его влияние на динамику социокультурных изменений. С начала 90-х гг. прошлого века в Республике Беларусь отмечается рост религиозности всех слоев населения. Религиозный фактор начинает играть важную роль в общественно-политической, духовной жизни Республики Беларусь.

Выявились некоторые исследовательские перспективы: во-первых, изучение религиозного сознания должно проходить на междисциплинарной основе с привлечением специалистов по философии, религиоведению, истории, социологии, экономики. Во-вторых, необходимо дать научно обоснованную характеристику феномена, который получил в современной академической литературе наименование «религиозное возрождение» в странах СНГ. Следует ответить на вопрос: будет ли дальше происходить рост религиозности на постсоветском пространстве, возрастет ли количество верующих, общин, либо мы будем наблюдать некий эффект маятника. В таком случае пик религиозности пройден, маятник начинает обратный ход. Современное религиозное сознание сегодня зачастую имеет «размытый характер», сочетает в себе разнообразные идеи и представления: рационалистические, религиозные, квазинаучные, оккультно-мистические. При оценке данного феномена, как нам представляется, уместно обратиться к аргументации семиотической тартуско-московской школы, в частности Ю. Лотмана и Б. Успенского. Анализируя динамику развития русской культуры, эти исследователи пришли к выводу о том, что ее развитие можно эксплицировать через дуалистическую модель развития. В этой связи динамика культуры представляет собой лишь смену знака, новые явления в культуре представляют собой лишь старое, но как бы упакованное в новую оболочку, с новым знаком. В силу этого реального изменения в культуре не произошло, а новое, новое кажущееся, видимое, является лишь новым по видимости, но не по существу. Обращаясь к исследованию всей кажущейся высокой религиозности, можно констатировать, что в данном случае имеет место не искренняя и глубокая вера, но нечто аморфное, размытое. То, что присутствовало в массовом сознании рядового советского человека, получило лишь иную упаковку, иной знак, не изменяясь по существу. Страна массового атеизма стала чрезвычайно поспешно позиционировать себя как страна высокой религиозности.

Полнобная размытость может в процессе развития дать самые неожиданные результаты. Именно поэтому феномен религиозности требует постоянного и глубокого изучения.

Для того чтобы правильно и научно корректно строить стратегию будущего социального развития Беларуси, необходимо уяснить причины и механизм роста религиозности, выявить специфику и особенности религиозного сознания, характер взаимоотношений религиозных конфессий, их отношение к новым политическим и духовным реалиям современности и современной культуре в целом. Важно при этом анализировать особенности деятельности конфессий, характер их взаимоотношений и их влияние на сознание и поведенческие стереотипы верующих. Необходимо уделять внимание происходящим духовно-религиозным процессам, чтобы вести научно обоснованную и грамотную государственную религиозную политику.

Как известно, характерной особенностью социокультурного пространства современной Беларуси является ее полирелигиозность: в стране 25 религиозных течений имеют статус юридического лица и функционируют в рамках действующего законодательства. В 2002 году был принят Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях». Однако для того, чтобы в стране и далее сохранялась стабильность, отсутствовали напряженность и столкновения на религиозной почве, необходимо изучение этих процессов в целях выявления тенденций и особенностей развития религиозного сознания в современной Беларуси.

Все это привело к популяризации социологии религии с 1990-х гг. Институт социологии НАН Беларуси проводил масштабное изучение динамики и уровня религиозности населения Беларуси как в рамках собственных программ, так и совместно с Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (1994, 1997). Результаты опубликованы в монографии известного белорусского ученого Л. Г. Новиковой, статьях в коллективных монографиях и в национальных научных периодических изданиях. Эти исследования продолжили традицию социологии религии, которая уже существовала в республике, но стали масштабнее и шире. Здесь можно выделить несколько основных направлений. Причем следует подчеркнуть, что наряду с головными социологическими центрами небольшие исследования проводились и в регионах республики.

Важным направлением исследований религии в Республике Беларусь является изучение отношения к религии различных групп и слоев населения, в том числе молодежи. Среди работ этого направления следует назвать следующие: *Старостенко В. В.* Современные тенденции религиозной жизни и молодежь / материалы региональной науч.-практ. конф. 3–4 февр. 1998 г. Могилев, 1998; *Студенчество и религия: проблема мировоззренческого выбора.* Минск, 1999; *Основные закономерности в религиозном сознании населения Республики Беларусь в современных условиях.* Минск, 1995; *Барыс С. В.* Адраджэнне рэлігійнага жыцця ў Беларусі ў 1988–2003 гг. / Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 5. С. 16–27; *Акинчиц И.* Современный верующий. Брест, 1999; *Бабосов Е. М., Бабосов С. Е., Бубнов Ю. М., Клименко В. А., Яковчук Т. И.* Ценностные ориентации молодежи в сфере религии. В кн.: *Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе.* Минск, 2001; *Новикова Л. Г.* Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (Социологический аспект). Минск, 2001.

Вычленим еще одну значимую проблему: характер восприятия иных конфессий верующими традиционных христианских направлений нашей страны. В этой сфере можно выделить два уровня: теоретического и уровень обыденного сознания рядовых верующих.

На первом уровне, представленном доктринальными документами различного содержания, постановлениями соборов, теоретиками той или иной конфессии, явственно прослеживается стремление к диалогу, экуменическим контактам. Если взять, к примеру, взаимоотношение православия и католицизма, то здесь мы видим явственное изменение образа друг друга. Как известно, в 1054 г. произошел раскол христианства на две ветви – восточную (православие) и западную (католицизм). Следствием этого стала взаимная трактовка каждой из ветвей как схизмы, ереси, со всеми вытекающими последствиями. Богословы фиксировали внимание на том, что отделяло одну конфессию от другой. С середины XX в. положение кардинально меняется: официально снимается взаимная анафема, в идейных установках идеологов конфессий делается акцент на общехристианских моментах. Так, Папа Иоанн Павел II (1978–2005) выразил эту идею в следующей образной форме: у Европы есть два крыла – это православие и католицизм. Официально было объявлено о том, что Кирилл и Мефодий являются наряду с католическими святыми патронами Европы. И православные, и католические богословы говорят о необходимости диалога христианских конфессий. О важности диалога неоднократно писал Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев). (См. напр.: Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. *Межрелигиозный диалог в посткоммунистическом регионе.* Доклад на конференции, посвященной открытию в Минске Института межрелигиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций 16 декабря 2002 г.). После II Ватиканского Собора эта идея становится важнейшей для католицизма (см. напр.: *Документы II Ватиканского Собора.* М., 1969). Православная и католическая

церковь в Беларуси проводят сегодня ряд совместных мероприятий — конференций, проектов, посвященных экологии, защите семейных ценностей и т. п.

Для обыденного сознания рядовых верующих также характерны идеи веротерпимости, добрососедства. Белорусские социологи исследовали, как современные верующие относятся к другим конфессиям. Наибольшую симпатию друг к другу испытывают православные и католики. Протестанты относятся к православию и католицизму одинаково. Наибольшую нетерпимость по отношению к верующим других конфессий проявляют протестанты, особенно к поклонникам восточных религий. Однако в целом уровень веротерпимости у религиозного большинства нашей страны — православных и католиков — достаточно высок.

При этом важно подчеркнуть, что восприятие других конфессий теснейшим образом связано с доминирующей системой ценностей как религиозного, так и нерелигиозного порядка (отношение к труду, чувство долга, справедливости и т. д.), которая формируется на основе общей культуры. Л. Г. Новикова выделила главные смысложизненные, а также экономические и политические ценности (закона, частной собственности, прав человека, личной ответственности и т. п.) и пришла к выводу, что есть различие в ценностных установках католиков, православных и протестантов по вопросам личного долга и ответственности. Проблема была поставлена исследователем в таком аспекте: что предпочитают верующие: служить Богу или обществу? Выяснилась следующая закономерность: большинство верующих ориентированы прежде всего на служение Богу, но у протестантов эта установка выражена очень ярко, они поглощены верой, католики же и православные примерно одинаково соизмеряют их. Представители всех христианских конфессий являются законопослушными гражданами, религиозная вера благотворно влияет на правовое сознание верующих, которые настроены в целом толерантно по отношению к другим конфессиям. Они законопослушные граждане, трудятся на благо нашего общества.

В своей статье мы обратили внимание лишь на некоторые из теоретических проблем современного белорусского религиоведения. Необходимо как расширение методологической базы исследований, так и сохранение традиции, того лучшего, что было накоплено в предшествующие годы. Освоение белорусскими религиоведами идей современной философии науки, глубоких и содержательных идей В. С. Стёпина, позволит глубже осмыслить предметное поле религиоведения, его дисциплинарный статус. Все это задачи ближайшего будущего.

С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Возврат к религиозному мировоззрению не является сегодня исключительной особенностью постсоветских (постатеистических) обществ, но составляет глобальную мировую тенденцию. Некоторые исследователи называют эту тенденцию постсекуляризацией (десекуляризацией)¹. Неизбежность мировоззренческих и ценностных изменений в эпоху секуляризма, доминирования науки и техногенного развития комплексно обоснована, в частности, в философии культуры В. С. Стёпина². Предложенное им объяснение динамики сознания культуры основано на тезисе о взаимообусловленности ее аспектов (познавательного, мировоззренческого, ценностного) как органического, саморазвивающегося единства. Техногенный скачок в развитии общества неизбежно влечет за собой переосмысление мировоззренческого и ценностного горизонтов его активности.

В локальных условиях эти глобальные изменения производят множество частных следствий. Чтобы сдерживать их возможные дестабилизирующие эффекты, желательно понимать их природу, динамику, по возможности — отслеживать их, в идеале — контролировать.

В Беларуси указанные трансформационные процессы (отягощенные крушением советской системы) находят отражение в изменении места религии в обществе и в образе жизни большого количества людей.

1990-е годы ознаменованы в Беларуси, как и в других постсоветских странах, стремительным ростом религиозности населения. В 2000-е гг. этот рост

¹ См. русскоязычные обзоры западных концепций пост/десекуляризации: *Синелина Ю. Ю.* Концепции секуляризации в социологической теории. М. : ИСПИ РАН, 2009; *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2012. № 2.

² *Стёпин В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М. : ИФ РФН, 1996; *Он же.* Ценностные основы и перспективы техногенной цивилизации // *Наукоедение.* 1999. № 1. С. 101–111; *Он же.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопр. философии.* 2003. № 8. С. 5–18; *Он же.* Цивилизация и культура: поиск новых стратегий в развитии человечества в XXI в. СПб. : СПбГУП, 2011.

очевидно замедлился и до настоящего времени сохраняется в установившихся границах. Стабилизация религиозности говорит не только о насыщении и, как следствие, угасании интереса людей к религии, но и об изменении отношения населения к ней. Религиозность перестала расти экстенсивно, количественно, но она, несомненно, перешла в фазу более или менее интенсивных качественных изменений. Исследование ее качественной, содержательной динамики является сегодня одной из важнейших задач теологов и религиоведов¹.

В Беларуси исследования религиозной ситуации проводились более или менее регулярно начиная с конца 1980-х. Было сделано не менее десятка масштабных измерений с количеством респондентов от 1000 до 1500 человек, из них по сопоставимым методикам (в рамках программы европейского изучения ценностей) – исследования 1990, 1996, 2000 и 2008 гг. Данные этих исследований (тех из них, которые были опубликованы) можно представить в таблице².

Мировоззренческие позиции респондентов (отношение к религии)	Верующие				Квазиверующие		Коллеблющиеся		Неверующие	
	1998	2000	2006	2008	1998	2006	1998	2006	1998	2006
Конфессиональная принадлежность респондентов										
Православные	77,4	83,4	81,7	86,0	58,3	74,3	61,8	72,7	14,9	28,3
Католики	14,8	12,2	11,9	12,0	6,0	8,1	7,8	7,5	0,7	0,5
Христиане в целом	2,5	–	1,5	–	11,9	4,1	9,0	1,9	5,2	2,2
Другие конфессии	1,6	4,4	2,4	2,0	1,5	4,0	0,6	1,5	0,8	–
Вне конфессий	3,7	–	2,5	–	22,6	9,5	20,8	16,4	78,4	69,0

Данные об изучении конфессиональной принадлежности верующих опубликованы также за 2008 г. С их учетом можно дать предельно обобщенную сводку, а именно: по состоянию на 2008 г. доля религиозных людей (точнее, декларирующих себя религиозными) по отношению к общей численности населения Беларуси составляла 60 %, из них

¹ Бреская О. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Соц. исследования. 2011. № 12. С. 77–78; Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «Рубикона» // Социол. журн. 2006. № 3. С. 153–168; Синелина Ю. Ю. Концепции секуляризации в социологической теории. М.: ИСПИ РАН, 2009. Глава 2: Подходы к изучению религиозности населения в социологии религии.

² Новикова Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. Минск, 1999. № 2. С. 29–36; Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Минск: БТН-информ, 2001; Пирожник И. И., Новикова Л. Г., Озем Г. З., Морозова С. А. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? // Социология. Минск, 2006. № 4. С. 46–55.

В таблице не указано число респондентов, не ответивших на вопрос, поэтому сумма по столбцу может быть меньше 100 %.

соотносили себя с православием 86 %, с католичеством — 12 %, с другими конфессиями или религиями — 2 %¹.

Приведенные цифры отражают количественную сторону религиозности в Беларуси, причем квалифицируют ее на основе достаточно узкой, христианоцентричной концепции религии. Между тем религиозная ситуация в Беларуси (как и в других постсоветских странах) характеризуется поликонфессиональностью, которую не следует игнорировать даже с учетом значительного численного перевеса православия. Другие религии и конфессии, как традиционные, так и нетрадиционные, составляют хоть и малочисленную, но все же устойчивую альтернативу религиозного самоопределения белорусского (и вообще постсоветского) населения. Кроме того, необходимо понимание в общественном масштабе мотивов и содержания религиозного выбора людей, его конфессионального характера и его влияния на состояние социума.

Несмотря на достаточно длительный опыт исследования религиозности в Беларуси, проблема определения места и роли религии в жизни общества остается актуальной. Специфика религиозной ситуации в стране обусловлена неоднородностью религиозного поля, которое характеризуется большим количеством конфессий, значительно отличающихся друг от друга численностью последователей, вероучительными, культовыми и организационными особенностями. Сегодня для Беларуси актуальна разработка концепции религиозности, которая позволила бы изучать поликонфессиональную среду. Построение такой концепции возможно на основе подхода, суть которого состоит в измерении религиозности населения Беларуси, базирующегося на кросс-конфессиональном (расширенном) определении религии, трактуемой как многомерный феномен.

Основой для разработки программы выступают классические концепции и методы зарубежных и отечественных исследователей, в частности:

1) метод Г. Олпорта по изучению религиозных ориентаций, основанный на дихотомии позиций внутренней, зрелой (жертвенной) и внешней, незрелой (утилитарной) религиозности²;

2) многомерные (в том числе кросс-культурные) шкалы религиозности Г. Ленски, Ч. Глока—Р. Старка, Д. Фолкнера — Г. де Йонга—Г. Варланда и др.³;

3) подход советских ученых Д. Угриновича, И. Яблокова⁴ и др. к изучению религиозности как отражения состояния сознания верующих;

¹ Опубликованы данные по численности и конфессиональной принадлежности религиозного населения также и за 2011 г. См.: Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социолог. исследований за 2011 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Минск : Бизнесофсет, 2012. Представленные цифры таковы: 93,5 % населения Беларуси относят себя к различным конфессиям (внимание: эта позиция отличается от ранее принятой, спрашивавшей респондента о признании себя религиозным), из них: 81 % — к православию, 10,5 % — к католичеству, 2 % — к другим (1 % — к иудаизму, по 0,5 % — к протестантизму и исламу). Однако в цитируемой публикации не указаны модель исследования и способ сбора данных, а также объем выборки. Поэтому не представляется возможным сопоставить приведенные цифры с другими.

² Allport G. The individual and his religion: A psychological interpretation. N.Y., 1960; Олпорт Г. Личность в психологии. М. : КСП+; СПб. : Ювента, 1998. С. 151–216 и др.

³ Glock C. Y., Stark R. Religion and Society in Tension. Chicago; N.Y.; SF; London : Rand Mc.Nally & Company, 1965. P. 1–66; Hill P. C., Hood R. W., Jr. Measures of Religiosity. Birmingham, Alabama : Religious Education Press, 1999.

⁴ Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1984. С. 143–144.; Яблоков И. Н. Религиоведение. М. : Книжный дом — Университет, 2001. С. 296–303.

4) адаптированные к изучению религиозности постсоветских обществ Д. Фурманом¹ (в России) и Л. Новиковой² (в Беларуси) модели всемирного изучения ценностей;

5) многомерная и динамичная шкала православной религиозности (или воцерковленности, В-индекс), разработанная российской исследовательницей В. Чесноковой³.

Комплексное перспективное исследование религиозности в Беларуси целесообразно начать с выявления не численности и конфессионального распределения религиозного населения (эти данные, как показано, уже имеются), но с изучения *степеней вовлеченности людей в религию*, — независимо от их конфессиональной принадлежности. Это позволит узнать, какую роль играет религия в личной и общественной жизни современных белорусов, в какой мере они руководствуются смыслами и жизненными предписаниями тех религий или конфессий, которые они выбирают. Для решения этой задачи необходимо найти набор универсальных характеристик религиозности, присущих всем конфессиям, что-то вроде комплексного минимума религии. Это возможно на основе многомерной трактовки религиозности.

Под *религиозностью* предлагается понимать *вовлеченность* (индивида, группы, общества) в религию, оформленную (в той или иной степени выраженности) в *религиозную систему* и существующую в виде религиозной *традиции* или религиозного *движения*.

Исходным для этого определения служит понятие *религии*, которое, в свою очередь, будет определяться через понятие *трансцендентное*⁴. Для кросс-конфессионального исследования необходима как можно более широкая трактовка обоих понятий.

Пусть под *религией* понимается *сфера жизни общества (индивида), представляющая собой институционально оформленную символическую систему убеждений и практик, сфокусированных на смыслах предельного (а именно — трансцендентного) содержания*, которые имеют статус *священных (святых)*. Такое определение позволяет включить в религию не только *монотеистические*, но и *другие теистические (пантеистические, политеистические)*, а также *нетеистические (аниматические, анимистические)* системы. Некоторые из них продолжают функционировать в современной культуре в виде влиятельных традиций (христианство, ислам, индуизм). Некоторые существуют в виде элементов старых систем и иногда синтезируются друг с другом или с элементами других мировоззрений (религиозных и нерелигиозных) в различные модели новой или неконфессиональной религиозности.

Понятие *трансцендентное* обозначает реальность, превосходящую пространственно-временные и причинно-следственные границы существующего. Убежденность индивида в этой реальности автоматически задает *трансцендентный смысл* его существованию, т. е. программирует все его решения и действия в такой жизненной перспективе, которая стремится превзойти границы реальности наличной.

Широкая трактовка понятия *трансцендентное* 1) основывается на экспликации такой характеристики трансцендентных объектов разных религий, как *самодостаточность* и 2) абстрагируется от конкретных форм и образов, в которых присутствие или действие

¹ Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. СПб.: Летний сад, 2000.

² Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социол. аспект). Минск: БТН-информ, 2001.

³ Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005.

⁴ Современная западная социальная наука выделяет два типа «предельных мировоззренческих перспектив» — *гуманистическую*, которая признает предельной реальностью и ценностью материальный мир, и *религиозную*, которая признает таковой действительность *трансцендентного*. Glock C. Y., Stark R. Op.cit. P. 5, 6, 10–12.

трансцендентного фиксируется в разных культурах. Таким образом, при расширенной трактовке трансцендентного различаются: 1) его *природа (субстанция)*, т. е. *исток, основание* самодействующих вездесущих сил (*тана* и т. п.), духов, демонов, божеств, космических принципов, богов и т. д. и 2) его *иерофании* (проявления) и *персонификации* (агенты), т. е. сами вышеуказанные сущности. Природа (субстанция) – внеположна структуре наличной реальности – *трансцендентна*, а проявления, персонификации этой природы и их воздействия на человека – *имманентны* миру.

Таким образом, предлагаемый подход в философском и религиоведческом плане опирается на широкое понимание религии – как предельной мировоззренческой перспективы, апеллирующей к трансцендентному, – и соответственно, на широкую трактовку трансцендентного как самодостаточной и самодействующей реальности.

В социологическом плане религия понимается как сложное явление, которое можно представить в виде единства ее необходимых и не сводимых друг к другу аспектов, или *измерений*, а именно: *религиозных представлений* (выражающих трансцендентную идею религии), *религиозной деятельности* (реализующей принципы и приемы осуществления идеи), *религиозных институтов* (организующих последователей идеи в сообщество)¹. Это сложное единство функционирует как *система* по сохранению и воссозданию религиозного смысла, источником которого является *религиозный опыт* (который, таким образом, выступает основанием *религии как системы*).

Религиозный опыт может трактоваться двояко:

1) в *узком* смысле² – как состояние, в котором человек обнаруживает себя пребывающим в непосредственной связанности с трансцендентной реальностью (когда трансцендентное миру живое начало становится имманентным личному опыту); это состояние имеет переворотное значение для человека, преобразует его в существо, кардинально мотивированное трансцендентными целями;

2) в *широком* смысле³ – как всякий акт участия человека в жизни религиозной традиции (движения), независимо от характера его принадлежности к религии.

В том и другом случае религиозный опыт есть *идеальное состояние* для данной религии, в первом случае – *испытанное* носителем (носителями) традиции во всей его полноте, во втором – *искомое*.

Итак, основные (неотъемлемые и не сводимые друг к другу) аспекты религии – представления, деятельность, институты – в совокупности образуют *религиозную систему*. Каждый из этих аспектов, в свою очередь, раскрывается в иерархии компонентов.

Система религиозных представлений – это комплекс символически оформленных истин предельного содержания, включающий: 1) неопровержимые утверждения о природе трансцендентной реальности, из которых выводится; 2) религиозная трактовка мира и человека в плане их происхождения, существования и судеб, а также 3) система предписаний благочестия для человека.

Система религиозной деятельности – это система принципов и форм, организующих образ жизни последователей данной религии в соответствии с ее трансцендентными целями. Она подразделяется на ритуальные (культовые) практики, формы повседневного и праздничного благочестия, миссионерскую и/или социально-культурную деятельность.

¹ Подобное структурирование религиозных систем было предложено, в частности, Э. Дюркгеймом (1858–1917), Й. Вахом (1889–1955).

² Восходит в феноменологии религии к идеям Н. Зедерблома, Р. Отто, Й. Ваха, Ф. Хайлера и др., в психологии религии – к идеям У. Джемса, в антропологии – к идеям П. Радина, в религиозной философии – С. Радхакришнана и др.

³ Выработан в социологии и антропологии религии.

Система религиозных институтов — структура и принципы организации религиозного сообщества.

Указанные компоненты религиозной системы присутствуют в любой религии, но в разной степени развернутости. В период возникновения и становления религия является скорее аморфным образованием — *движением*, чем сложившейся системой, а с течением времени она фиксируется в своей структуре и становится *традицией*.

Принадлежность человека (группы, общества) к какой-либо религии — традиции или движению — проявляется в его *религиозности*, под которой понимается *вовлеченность в религиозную систему* или *религиозное движение*.

С учетом описанных аспектов религиозной системы религиозность выступает как *интегральная величина*, которая складывается из *сочетания степеней вовлеченности* последователя в *каждое* измерение религии.

Во внутреннем плане человека состояние вовлеченности в религию переживается как *приверженность* ей, что означает готовность следовать ее трансцендентной идее, реализовать трансцендентный смысл. Следование смыслу основано на его принятии в качестве безусловной, исчерпывающей и при этом самоочевидной истины (вне зависимости от фактических или логических доказательств) непосредственно в структуру личности в качестве основного мотива (принципа) жизненного поведения. Такой способ принятия истины называют *верой*.

Таким образом, построение типологии религиозности учитывает сложную структуру религии, когда *тип религиозности* определяется как *сочетание степеней приверженности* последователя *универсальным измерениям религии* (которые фиксируются эмпирически):

1) определенной религиозной идее и выражающей ее системе представлений; здесь приверженность реализуется через религиозную веру;

2) определенной, основанной на данной системе представлений, системе религиозной деятельности; здесь приверженность проявляется в исполнении ритуалов, соблюдении норм и форм благочестия, праздничных дней (и периодов), а также через участие в миссионерской и социально-культурной деятельности религиозного сообщества;

3) определенному, более или менее организованному религиозному сообществу, консолидированному общей целью поддержания связанности с религиозным объектом посредством почитания его, служения ему; здесь приверженность проявляется в виде членства или участия в культовой и/или социально-культурной жизни общины.

Приверженность религиозной идее определяется набором таких характеристик, как: декларация человеком собственной религиозной позиции, действительное знание ее содержания, утверждения индивида о готовности жертвовать чем-либо ради своей религиозной позиции, самооценка значимости веры для жизни. В совокупности эти показатели отражают *определенность* (или неопределенность) *религиозной позиции (веры)*.

Приверженность принципам и формам религиозной деятельности определяется на основе регулярности исполнения человеком индивидуальных ритуальных практик (молитва, медитация), регулярности его участия в коллективных ритуалах (совместных священнодействиях: молитвах, медитациях, мистериях, таинствах), расширения им знаний о своей религии, соблюдения им форм мирского благочестия, регулярности его участия в религиозных праздниках, в социально-культурной деятельности общины. Комплекс перечисленных показателей образует такую характеристику религиозности, как *степень религиозной активности*.

Приверженность более или менее организованному религиозному сообществу вы является на основе декларации индивидом своей принадлежности к нему, указания им на свой статус или функцию внутри сообщества (общины) или на отсутствие таковых, а

также сообщения человека о волонтерском участии в социально-культурной деятельности религиозного сообщества (общины). Набор приведенных показателей характеризует *уровень интегрированности в сообщество*.

Кроме указанных атрибутивных признаков религиозности для уточнения ее особенностей могут быть использованы также характеристики, не относящиеся к ней по сути, но связанные с ней как предпосылки и следствия. Речь идет о *причинах* религиозного выбора человека (личные мотивы или внешние обстоятельства) и его *результатах* (влияние религиозности на образ жизни).

Изучение интенсивности указанных проявлений в совокупности позволяет составить *интегральную характеристику* религиозности каждого индивида, выражающуюся в сочетании *определенности религиозной позиции, степени религиозной активности и уровня интегрированности в религиозное сообщество*. Сравнение *интегральной характеристики* религиозности индивидов распределяет их по религиозным группам. Перечень групп, полученных на основе сравнения, образует типологию религиозных позиций от *декларативной* — через *слабую* и *умеренную* — до *глубоко вовлеченной*.

Таким образом, представленная концепция позволяет создать на основе количественных методов социологии кросс-конфессиональную типологию религиозности и тем самым определить специфику религиозной ситуации в Беларуси на современном этапе. При этом дополнение количественных характеристик некоторыми качественными признаками выявит индивидуальные проявления (мотивация выбора, последствия для образа жизни) и конфессиональные особенности (специфика понимания трансцендентного, путей служения ему) типов религиозности.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современная концепция цивилизационного развития основана на принципе этнокультурного полицентризма. Она предполагает такую интерпретацию исторического процесса, который открывает возможности для широкого взаимоопосредования культурных традиций. Однако при более тщательном рассмотрении оказывается, что за кажущейся ясностью формулы «единство в многообразии» или «многообразии в единстве» лежит ряд проблем, непростых в концептуальном отношении и нелегких в смысле практического решения.

В начале XXI в. цивилизационная проблематика выдвинулась на первый план, что связано с «возрождением» интереса к цивилизационной самобытности и идентичности. Применительно к современному состоянию проблемного поля цивилиографии на первый план выступает значение термина «цивилизация», которое фиксирует предельно общее социокультурное различие между исторически возникшими типами цивилизованного устройства по всем параметрам и направлениям развития человеческой жизнедеятельности, осмысливая амбивалентное состояние современной мировой цивилизации как контрверзу «Запад – Восток». Однако и при таком подходе находятся вне типологии рассмотрения восточнославянские страны. В какой-то степени это противоречие снимается в концепции евразийства, подчеркивающей, что к паре Запад – Восток должна быть добавлена третья сила – Россия – Евразия. Так, еще Н. А. Бердяев заметил, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток – Запад, она объединяет два мира»¹. Вместе с тем утверждаемая конструкция евразийской цивилизации не всегда учитывает реальную историческую специфику Беларуси и Украины, которые в геополитическом плане находятся в центре Европы. Необходимо отметить, что феномен восточнославянской цивилизационной общности представляется весьма проблемным и многомерным, поскольку

¹ *Бердяев Н. А.* Русская идея [Электронный ресурс]. URL : <http://www.klex.ru/281>. (дата обращения : 01.02.2011. С. 161.)

может быть рассмотрен в различных ракурсах и приоритетах социодинамики данного регионального объединения. Выдвижение на первый план национальных идентичностей сформировало в России, Украине и Беларуси далеко не одинаковое отношение к идее восточнославянского единства в различных его интерпретациях. В публицистической литературе данную ситуацию называют «культурной шизофренией», которая ориентирована на дивергентные тенденции в исторической динамике восточнославянских народов, предполагая такую транскрипцию идеи национально-культурной идентичности, которая чревата практикой национальной замкнутости и тенденциозного неприятия иных форм социокультурного опыта.

Современная Беларусь в своем историческом самоопределении ориентирована на построение социально стабильного и вместе с тем динамично развивающегося общества, органично сочетающего в себе традиционные, прошедшие испытание временем, ориентации на связи с братскими восточнославянскими народами, и современные векторы социальной эволюции, позволяющие включиться в общеевропейский экономический, политический и культурный контекст в качестве равноправного партнера. «В системе факторов, обеспечивающих национальную безопасность Беларуси, наряду с энергетической, продовольственной... и другими формами безопасности важную роль играет духовно-нравственная (духовно-культурная) безопасность¹. Причем если речь идет о явлениях духовной жизни, то какая-либо формализация знания, однозначность и формальная рациональность, характерные для социально-гуманитарных наук и создаваемых ими концептуальных моделей отдельных сфер и феноменов, невозможна. Это определяется самой спецификой духовной культуры, в которой всегда присутствуют эмоционально-образная и неформализуемая компоненты². В подтверждение данной точки зрения приведем слова известного российского методолога Г. П. Щедровицкого, считавшего, что основные продукты методологической работы – проекты, культурные нормы и ценности и т. п. – «не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость»³.

Следует подчеркнуть, что задачи и экономического, и социального, и политического порядка невозможно практически решать, игнорируя духовную сферу, духовную жизнь общества⁴. Запоздалое осознание этого может привести к чрезмерной коммерциализации и науки, и искусства, и культуры в целом. Это связано прежде всего с тем, что почти за четыре последних столетия мир человека индустриального общества оказался существенно деформированным. В нем произошла девальвация традиционных, имеющих общечеловеческий характер, духовных ценностей, а кристаллизуемые ценности «экономического человека» сводятся к материальному обогащению и потреблению, максимизации прибыли, приоритету экономики, экономическому господству и т. п. Экономические идеи признаются универсальными и достаточными для описания всех без исключения процессов в мире. «Духовным вакуумом всеобщего релятивизма» было названо современное состояние мирового сообщества в выступлении Святейшего Патриарха Кирилла, в котором акцентируются «трагические события XX века с его войнами, массовыми

¹ Адуло Т. И. В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX–XXI веков. Минск : Белорус. наука, 2011. С. 355.

² Короткая Т. П. Духовность: историко-философская экспликация понятия // Проблемы управления. 2011. № 4. С. 122–125.

³ Щедровицкий Г. П. Избр. тр. М. : Изд-во Школы культурной политики, 1995. С. 95.

⁴ Адуло Т. И. В поисках сущности бытия... С. 11.

убийствами и катастрофами»¹, а современное состояние духовной культуры в Послании Папы Римского Иоанна Павла Второго по случаю Всемирного дня мира обозначено как «драматическая ситуация»². Духовное измерение бытия оказалось скрытым за «материальным» и «фактическим».

Тем не менее за пределами экономической реальности остаются не сводимые к ней представления и понятия, которые в той или иной мере способны влиять на облик и содержание глобализационной эпохи. Как заметил А. С. Панарин, «современный человек вообще находится в состоянии перманентного социокультурного диалога..., что связано с напряжением между двумя полюсами: сферой цивилизационных универсалий — единых пространств современного мира — и сферой нередуцируемой социокультурной специфики»³. Поэтому сегодня в концепциях постиндустриального общества, в которых в роли главного субъекта современного социально-исторического процесса все чаще выступает «постэкономический человек», основным достоянием общества становится коллективный символический капитал. Под ним понимается общая (общественная) духовная собственность — коллективные моральные ценности и нормы, традиции и обычаи, нравы и ритуалы, мировоззренческие установки, социальные идеалы и другие феномены коллективной памяти и духовной культуры общества. Однако функцию капитала эти феномены начинают выполнять только тогда, когда реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей. Иными словами, капиталом они становятся только тогда, когда непосредственно включены в общественно-исторический процесс и активно используются в интересах современного общества. Тем самым, в интерпретации коллективного символического капитала отчетливо проступают черты радикального направления концепции постиндустриализма, усматривающего в постиндустриальной цивилизации возвращение к некоторым ценностям доиндустриального, традиционного общества. В этом смысле коллективный символический капитал, включающий социально-культурные мифологемы, способствует отстаиванию, с одной стороны, самостоятельности и суверенности коллективных общностей перед агрессивным прагматизмом «экономического человека» — «социального атома» и, с другой стороны, перед унифицирующим влиянием стран-лидеров глобализационного процесса.

В условиях глобализации, когда «возник кризис многих коллективных идентичностей»⁴, изменению подвержены все составляющие многомерного феномена идентичности, особенно те компоненты, которые «оторваны» или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и истоков, имеющих исключительную оригинальность и самобытность. В теоретических работах современных исследователей можно встретить множество подходов к пониманию феномена идентичности. Значительная часть моделей предполагает разработку ядра, вокруг которого происходит формирование различных идентичностей. Однако в целом категория «коллективная идентичность» фиксирует «присущую человеку потребность ощущать себя частью более широкого множества и воспринимать такую при-

¹ Святейший Патриарх Кирилл. Русская церковь и европейская культура // Эксперт. М., 2010. № 4. С. 4–6.

² Послание Папы Римского Иоанна Павла II по случаю Всемирного дня мира, Ватикан, 1 янв. 2005 г. [Электронный ресурс] // Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. URL : http://www.koltunov.ru/Other/Kolin_DuhovnayaKUlturaObshestva.htm. Дата обращения : 02.09.2010.

³ Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. М. : Логос, 1998. С. 115.

⁴ Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. С. 161.

надлежность как ценность», позволяя преодолеть частичность конкретизированных и закреплённых в разных вариантах принимаемых человеком персональных и коллективных идентичностей¹.

Для поиска оснований позитивной совместимости восточнославянских народов и формирования интегративного варианта их идентичности мы акцентируем то ценностно-смысловое ядро их взаимодействия, сохранение и культивирование которого позволит сохранить собственную историю и уникальность восточнославянского сообщества в глобализирующемся мире. Профессор О. Н. Астафьева отмечает, что идентичность по-прежнему строится на определенном ценностном ряде, включающем понятия «патриотизм», «долг», «уважение к истории и культурным традициям», а уровень национально-культурной идентичности понимается в широком обобщенном смысле и рассматривается как интегративный, рационально конструируемый феномен, образующий «культурную скрепу» для проживающей на одной территории коллективной общности².

Поэтому в контексте определения цивилизационной специфики восточных славян необходимо остановиться на рассмотрении наиболее широкой и обобщенной категории в ряду иных социокультурных идентичностей, т. е. *цивилизационной идентичности*. Данный уровень обеспечивает общий знаменатель для всех восточных славян, что проявляется в стремлении сохранить свою самобытность, свое большое «Мы», которое одновременно отделяет от «них», «чужих». Речь идет о *коллективной идентичности* важного субъекта культурно-исторического процесса, в основании которой лежит сформировавшееся сходство в мировоззрении, традициях, обычаях, мифологических представлениях, религиозном сознании и социально-политическом устройстве. Кризис цивилизационной идентичности — это историческая болезнь локальной цивилизации, из которой та может — при определенном стечении обстоятельств — выйти «окрепшей», восстановившей свой социокультурный «иммунитет», или может и не «оправиться», окончательно растеряв свои конститутивные принципы и продуктивные социальные и культурные формы³. Любая цивилизационная идентичность складывается из трех основных компонентов: менталитета цивилизации, ее локалитета и глобалитета, образующих в своей совокупности триаду. Менталитет фиксирует обращенность данной локальной цивилизации к ее ценностно-смысловому своеобразию (включая этнокультурные и социально-психологические атрибуты) в интерлокальном контексте. Локалитет — это способность цивилизации собственными — этническими, социальными, религиозными, художественно-эстетическими и иными средствами — репрезентировать мировую культуру в своем конкретном локусе, преломлять всеобщее (всемирное, глобальное, общечеловеческое) в интралокальном контексте — данной цивилизации. Глобалитет указывает, в свою очередь, на вклад локальной цивилизации во всемирную культуру, на порожденные ею общезначимые ценности, на потенциал ее «всечеловечности»⁴.

¹ Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // *Вопр. социальной теории* [Электронный ресурс]. 2010. Т. 4: Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. И. Резника и М. В. Глостановой. С. 255–281.

² Там же.

³ Кондаков И. В. Цивилизационная сущность России: сущность и структура // *Вопр. социальной теории: науч. альманах*. Т. 4 : Человек в поисках идентичности / Ин-т философии РАН; под ред. Ю. М. Резника и М. В. Глостановой. М. : Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 298.

⁴ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М. : Прогресс-Традиция, 2011. С. 150.

Далее следует обратиться к вопросу о становлении восточнославянской идентичности. В идеальном варианте для построения ценностно-смыслового ряда восточнославянской идентичности можно использовать «деятельностно-семиотическую модель» интерпретации культуры выдающегося современного ученого и философа В. С. Стёпина, которая самодостаточна как для современного понимания культуры и ведения фундаментальных и прикладных исследований, так и разработки и реализации культурной политики¹. Синтезируя деятельностный и семиотический подходы, В. С. Стёпин существенно конкретизирует и развивает представления о культуре как о способе регулирования и реализации человеческой деятельности, а следовательно, как об особом аспекте социальной жизни, который заключается в порождении и трансляции (передаче от поколения к поколению) надбиологических программ активности людей. Наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого передается от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта. В этом массиве — образцы деятельности, нормы, правила, ценности, мировоззренческие установки и прочее, что хранится в обществе, передается от поколения к поколению².

Решающим фактором в процессе цивилизационной идентификации восточного славянства стало принятие православно-христианской веры по греческому обряду. В этот период роль государства, поддерживаемая образами святости, понимается как оплот и гарант стабильности, ценность коллективного образа жизни закрепляет приоритет «мы» над «я». Эмпирически это обнаруживается в особенностях коммуникации: «русь», «русьские», «русинь» — «братья-православные». В дальнейшем аспектом терминов «Русь», «русинь» и других однокоренных определений являлся их конфессиональный смысл. Именно это позволяло Ф. Скорине называть себя «литвином» (в Ягелонском университете) и «русином» (в Падуанском университете).

Становление восточнославянской идентичности проходит ряд этапов, в процессе которых формируется «пояс» социокультурной программы, где содержательно представлены аксиологические приоритеты, которые позволяют функционировать на основе устоявшихся в данной культуре мировоззренческих схем и интерпретационных стратегий. Таким образом, под благословляющим началом христианства произошло возникновение ядра идентичности, логика ценностей которого — обращенность к Абсолюту, этика служения, ответственности и любви, критичность к своему историко-культурному наследию, антропологизм, соборность — способна стать альтернативой потребительско-технологической цивилизации как средства выработки оптимальных форм социальной организации, динамики государственного строительства и этнонациональной идентификации. Специфика существующих ценностей представлена смыслами, объективированными в системе универсалий культуры, которые задают образцы мировосприятия, социального поведения, а также возможные направления их развития. Эти особенные семантические структуры позволяют показать национально-этническую и историческую специфику восточного славянства, которая проявилась в универсальных представлениях о пространстве и времени как наиболее общих параметрах упорядоченности мира культуры, о власти как непременном условии формирования легитимного социального мироустройства, о труде как органичной части общественно-производственной деятельности.

¹ Стёпин В. С. Философия как рефлексия над основаниями культуры // Эпоха перемен и сценарии будущего: избранная социально-философская публицистика. М., 1996. С. 8–20; *Он же*. Человеческое познание и культура // Избранные лекции Университета. СПб. : СПбУП, 2013.

² Запесоцкий А. С. Деятельностно-семиотическая теория культуры Вячеслава Стёпина // Философия культуры. № 1(61). 2013. С. 9–29; *Он же*. Теория культуры академика В. С. Стёпина. СПб. : СПбУП, 2010.

Эти мировоззренческие смыслы вырабатывались в результате синтеза фундаментальных ценностей славянского общественного сознания с догматикой православного вероучения. Поэтому имманентная противоречивость процессов этнокультурной самоидентификации во многом определяется дуализмом ценностно-мировоззренческих оснований их социокультурного пространства, объединяющего в себе императивы и максимы языческой и христианской культур.

Вместе с тем в системе ценностных приоритетов выявились дивергентные ориентации, в результате которых сформировались равноправные и самостоятельные культуры белорусов, украинцев и русских, отражающие локальные особенности восточнославянских народов. Развитие Беларуси и Украины, с одной стороны, России – с другой, с конца XIII в. совершается в различных социально-исторических условиях, что привело к утверждению существенно отличающихся друг от друга политических систем и духовных традиций. «Можно утверждать, что в XV–XVI вв. на белорусских и украинских землях появляется и утверждается новый духовный субстрат, который внес принципиально новые черты в процесс формирования национальных характеров и менталитетов новых этносов, которые постепенно (а к середине XVII в. и окончательно) превращаются именно в белорусский и украинский»¹. Поэтому наряду с этнонимами «русины», «русь» самоидентификация белорусов представлена термином «литвины». С XVI в. это название приобрело государственно-политический характер, т. е. стало полиэтнонимом, включая в свой объем все население ВКЛ. «Литвой», «литовцами», «литовским народом» называют всех подданных ВКЛ белорусско-литовские летописи, правовые акты Речи Посполитой.

Поэтому вполне обоснованной является и точка зрения об идентичности восточных славян. Речь идет о национальных формах идентичности белорусов, русских и украинцев. В качестве важнейших индикаторов национальной идентичности выступают: этническая, территориальная, гражданская и культурная². Как представляется, правильное понимание и взаимодополнение понятий «восточнославянская идентичность» и «идентичность восточных славян» позволяет не только говорить о единстве исторической судьбы восточнославянской цивилизации, но и учитывать своеобразие цивилизационной динамики восточнославянских народов, которое выступает объективным основанием формирования их национальных идентичностей.

Обсуждение проблемы показало, что существует реальное тематическое пространство для научных дискуссий по вопросам об историческом прошлом восточнославянских народов, определившем возможность существования современных независимых государств России, Украины и Беларуси с различными вариантами интерпретаций: от националистических, цели которых перекликаются с задачами, преследуемыми правящими элитами Запада – создать каналы подготовки «цветных революций», – до политически нейтральных, цель которых – выявить традиционные, прошедшие испытание временем ценности и приоритеты братских восточнославянских народов. Несмотря на ряд дискуссионных моментов, работа политической, экономической и культурной элит России, Украины и Беларуси уже продемонстрировала их заинтересованность в сохранении общих для восточнославянских народов духовных ценностей. На практике ценности воплотились в деятельность, результатом которой стали политические и экономические конфигурации, создающие устойчивое основание для единства в восточнославянском регионе.

¹ Салееў В. А. Хрысціянства і шляхі развіцця культуры на беларускай зямлі // Культура. Хрысціянства. Адукацыя / пад рэд. В. А. Салеева. Мінск, 2003. С. 24.

² Науменко Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Социально-демографическая и региональная специфика. Минск : Беларус. навука, 2012. С. 36.

Д. Г. Доброродный

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ИХ АДАПТАЦИИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Современная наука представляет собой сложную и бурно развивающуюся систему, включающую множество уровней и элементов. Одно из центральных мест в системе научного знания занимает методология как особое нормативное знание, призванное упорядочить процесс познания, эксплицировав его наиболее эффективные методы и средства. В настоящий момент роль методологической рефлексии значительно возросла в связи с новейшими открытиями и переосмыслением природы познаваемой действительности. Если классическая наука была ориентирована на освоение «простых составных объектов», предметная область современной науки наполнена объектами иного порядка: сложноорганизованными, динамическими, нестабильными. Выход на новый уровень освоения универсума влечет за собой серьезные трансформации во всем корпусе научного знания и методологии. Разворачивается широкая дискуссия по проблеме поиска на различных уровнях научного познания методологических инноваций, принципиально новых методологических решений, отвечающих требованиям познаваемой действительности¹. Особую остроту эта проблема приобретает в сфере современного социально-гуманитарного познания, в связи с ситуацией перманентного самоопределения «наук о духе», подтверждения их научного статуса и поиска оснований для построения единой картины социальной реальности. Специфика

¹ Доброродный Д. Г. Статус методологических инноваций в современном научном познании // Проблемы управления. 2009. № 4. С. 105–108; Он же, Шаврова О. Г. Диалог парадигмальных оснований в социально-гуманитарном познании // Вестн. БГУ. 2011. Сер. 3. № 3. С. 43–47; Зеленков А. И., Ханей Ф. Системная природа методологического сознания в различных культурных традициях // Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія, Сацыялогія, Эканоміка. Права. 1993. № 1. С. 31–36; Зеленков А. И. Феномен методологической рефлексии и перспективы его конституирования в социальном познании // Социология. 2001. № 4. С. 3–19; Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000; Он же. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2006.

предмета социально-гуманитарных наук осложняет выработку устойчивой онтологической и методологической основы исследований, способствует росту релятивизма, субъективизма и историзма познания. Это приводит к необходимости постоянного поиска и освоения концептуальных и методологических решений, способных помочь в преодолении возникающих трудностей и противоречий. Один из вариантов выхода из сложившейся ситуации связан с попыткой расширить потенциал взаимодействия с окружающим миром и освоить опыт пограничных сфер познания, тех исследовательских стратегий, которые не соответствовали парадигмальной линии классической науки, но при этом реализовали новые, нестандартные методологические решения¹.

Специфика научного поиска в постнеклассическую эпоху накладывает свой отпечаток и на характер современных методологических исследований. Происходит смещение акцента с «описания многообразия методов», соответствующих определенной предметной области, в направлении создания моделей, способных трансформироваться вместе с условиями и задачами познавательной деятельности. Этим целям в большей степени соответствуют методологические принципы, регулятивы, отдельные идеи и понятия, которые, являясь продуктами методологической рефлексии, иницируют, направляют, корректируют исследование, при этом не ограничивая возможность привлечения дополнительных методов и средств: «Весьма актуально на современном этапе развития науки, который именуют постнеклассическим, выделение ориентаций как специфических средств методологического освоения действительности в условиях неравновесного, нестабильного мира, когда о жестких нормативах и детерминациях вряд ли правомерно вести речь»².

Итак, одним из приоритетных направлений философско-методологических исследований становится анализ и разработка «методологических инноваций», способных стимулировать и поддерживать развитие научного познания, способствовать решению актуальных проблем, стоящих перед наукой и обществом. Понятие «методологические инновации» не является устоявшимся и требует дополнительного рассмотрения. Н. И. Кузнецова и М. А. Розов связывают методологическую инновацию с разработкой новых средств и методов исследования, способных привести к смене стандартов научной работы, к появлению новых областей знания, чему способствовало, например, появление микроскопа в биологии или оптического телескопа в астрономии. В таком случае всю историю науки можно рассмотреть как движение от одного «принципиального скачка в развитии методов» к другому, связанному с качественной перестройкой методологического арсенала исследований³. С. Е. Крючкова рассматривает методологические инновации как подвид концептуальных инноваций, характерных для научной деятельности. Методологические инновации связаны с «развитием исследовательских программ (появлением новых методов)», они отличаются от «коллекторских» инноваций, связанных «с открытием новых миров, новых объектов исследования»⁴.

¹ Доброродный Д. Г. Психоанализ как методологический проект в социально-гуманитарном познании // «Credonew». 2009. № 2. С. 150–168; Он же. Психоанализ и философия. Философско-методологический статус психоанализа в социально-гуманитарном познании. Saarbrücken : LAP, 2013.

² Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М. : Приор: Приоритет, 2001. С. 22.

³ Кузнецова Н. И., Розов М. А. О разнообразии научных революций // Традиции и революции в истории науки : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т философии; под ред. П. П. Гайденко. М. : Наука, 1991. С. 60–83.

⁴ Крючкова С. Е. Инновации: философско-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Моск. гос. технол. ун-т «Станкин». М., 2001. С. 31–32.

Проблема поиска методологических инноваций познания обретает особую актуальность в связи с переходным состоянием науки в период научной революции, сменой научной рациональности и пересмотром идеалов и норм научного поиска. При этом соотношение традиции и инновации по-разному специфицируются в естественнонаучном и социально-гуманитарном познании, что обусловлено существенными различиями на уровне методологической культуры научного исследования. Принципиальной для естествознания является установка на инвариантный характер описания реальности в языке идеализированных конструктов, на объективность и воспроизводимость знания, на системность и целостность картины познаваемой реальности. Возникающие в естествознании инновации гармонично вписываются в традицию постоянного исследовательского поиска, они являются непротиворечивым ее продолжением и не нарушают глубинных, метатеоретических основ познания.

Востребованность методологических инноваций в области социально-гуманитарного познания значительно выше, поскольку предмет социально-гуманитарных исследований сам по себе является весьма динамичным и изменчивым, актуализируя принцип историзма в познании. Социальная реальность и человеческое существование с большим трудом поддаются объективированному выражению в форме идеальных конструктов, они изначально включают в себя познающего субъекта, что приводит к релятивизации познания и повышению значения конвенциональных и аксиологических положений.

Таким образом, методологические инновации призваны выступить средством адаптации интегральных методологических установок современной науки к практике конкретных исследований в различных областях познания. Рассмотрим подробнее эту проблему на примере таких важнейших характеристик современной науки, как аксиологическая нагруженность, междисциплинарность и ситуационность.

Сильнейшим стимулом для активизации методологических исследований выступает смена целевых и ценностно-нормативных оснований научного поиска. Включение в системное видение объективной действительности человека как ее неотъемлемого элемента приводит к постановке проблемы ценности того или иного знания, к гуманистической оценке самой научной деятельности. Присутствие аксиологических факторов в процессе научного освоения «человекомерных» объектов делает необходимым корреляцию внутринаучных и общесоциальных ценностей, что достигается при помощи социальной экспертизы научной деятельности. Многие современные научные проблемы, например клонирование или модификация ДНК человека, в большой степени являются этическими и мировоззренческими проблемами, вызывают широкий общественный резонанс, который зачастую определяет дальнейшее направление разрешения данных проблем.

Социально-гуманитарное познание в силу специфики предметной области исследований всегда имело выраженную аксиологическую составляющую, что в определенной степени выступало в качестве способа ее идентификации и демаркации с естествознанием, ориентированным на объективность и, соответственно, аксиологическую нейтральность. Различие проводилось и на уровне методологии между установками на понимание и на объяснение познаваемого объекта. Такое разделение обусловлено определенным социально-историческим контекстом, проблемами динамики научного познания и на современном этапе является неоправданным. Современное естествознание рассматривает объекты действительности в системе сложных взаимодействий с другими объектами и системами, которые включают человека либо имеют непосредственное отношение к его существованию, а поэтому не может игнорировать аксиологические аспекты исследования. Социально-гуманитарные исследования, во многом обусловленные мировоззренческими, ценностными и идеологическими структурами, не могут претендовать на ста-

тус научности без выполнения определенных общенаучных требований (объективности, обоснованности, системности, непротиворечивости и т. д.). Поэтому одной из важнейших задач философско-методологического познания становится разработка и реализация способов и приемов, позволяющих в процессе конкретного исследования совмещать аксиологические и эпистемологические установки познания.

Второй важнейшей методологической установкой современного научного познания является междисциплинарность, которая выступает адекватным «ответом» на расширение предметной области научных исследований и освоение объектов сложной, системной организации. Возникает потребность в разработке методологических оснований для интеграции различных исследовательских парадигм, объединения усилий нескольких дисциплин для решения комплексных задач: «В междисциплинарных исследованиях наука, как правило, сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах зачастую изучаются лишь фрагментарно, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узкодисциплинарном подходе, а выявляются только при синтезе фундаментальных и прикладных задач в проблемно ориентированном поиске»¹.

В определенном смысле почти каждое научное исследование может быть представлено как междисциплинарное, даже если оно укладывается в рамки предметной области отдельной дисциплины, поскольку современная наука пронизана многочисленными связями на всех уровнях и во всех проекциях, начиная с исторической преемственности в разработке проблемы, заканчивая различными методологическими прививками и наддисциплинарными обобщениями. В узком смысле к междисциплинарным исследованиям относят те, которые реализуются на стыке двух и более существующих дисциплин.

Междисциплинарные исследования реализуют свой эвристический потенциал в самых разнообразных предметных областях, демонстрируя образец эффективной интеграции научных дисциплин. Однако основной аналитический материал по этой проблеме представлен в «эмпирическом базисе» естественнонаучных исследований, поэтому возможность «аппликации» междисциплинарной методологии на предметную область социально-гуманитарного познания требует дополнительной теоретической разработки².

Междисциплинарные исследования представляют собой образец нового подхода к организации научной деятельности, конституирования предметности и выбора средств/методов исследования, т. е. образец новой научной рациональности: «Интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в средствах хранения и получения знаний меняют характер научной деятельности. Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности. ... Специфику науки конца XX – начала XXI в. определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания»³.

Дать однозначное определение понятию «междисциплинарное исследование» крайне сложно, что отмечал в своих исследованиях Э. М. Мирский, ведущий отечественный специалист в этой области. Сложность эта заключается прежде всего в том, что междисциплинарность не является по своим существенным характеристикам продолжением, а точнее, количественным «преумножением» дисциплинарности, которая конституируется исходя из определенной предметной области исследования. Описание и объяснение

¹ Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2006. С. 321–322.

² См.: Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования в современной науке: научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН АН СССР, 1978; *Он же*. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М. : Наука, 1980.

³ Стёпин В. С. Философия науки. С. 320–321.

феномена междисциплинарности не может быть сведено к простому вычленению общего в предметной области образующих дисциплин. Центральным для понимания особого характера междисциплинарных исследований остается методологический вопрос о том, в каких *понятиях* и с помощью каких *средств/методов* удастся перейти от «описания отдельных аспектов изучаемого объекта в дисциплинарных терминах к его комплексной формулировке в предмете междисциплинарного исследования»¹.

Междисциплинарность продуцируется новым проблемным полем, новым пониманием объекта познания. Изучение комплексных, уникальных развивающихся объектов оказывается возможным только в системе междисциплинарных взаимодействий, на основании комплекса методологических правил, принципов и приемов, разработанных для решения других задач, но успешно перенесенных на новую предметную область. При этом «основой междисциплинарного их применения выступают не те или иные свойства традиционного для дисциплин объекта, а некоторый *фундаментальный принцип* (курсив авт. — Д. Д.) его рассмотрения в связи с определенной группой исследовательских задач. ... Практика показывает, что сфера эффективного использования этих принципов действительно шире рамок какой-либо одной дисциплины»².

Хорошим примером такой универсализации определенных принципов и категорий выступает синергетика, из которой схемы объяснения и категориальный аппарат, описывающий процессы самоорганизации в сложных динамических системах неживой природы, были перенесены в область социальных, экономических, экологических и других исследований. Синергетическая методология позволяет синкретично объединить установки классической и неклассической науки и сформировать «теоретическую модель социального развития, понимающую общество как эволюционирующую целостность, которой свойственны детерминизм и случайность, устойчивость и неустойчивость, организация и дезорганизация, взаимопереходы хаоса и порядка на микро- и макроуровнях». Методологический синтез, который осуществляется на основании синергетики, интегрирует философское, естественнонаучное и социальное знание, позволяя говорить о перспективах создания междисциплинарной, «интегрированной» методологии нового порядка³.

Однако, как признает В. В. Василькова, простое перенесение понятий из синергетики в область социального познания с заменой понятий «случайность», «регресс», «революция» на синергетические термины «флуктуация», «энтропия» и «точка бифуркации» еще не дает никакого положительного прироста знания, не является эвристичным. Синергетика, как и любой инновационный проект, требует дополнительных механизмов адаптации на уровне социального познания, что и является сейчас предметом многочисленных исследований.

Наконец, третьей важнейшей методологической установкой современного научного познания является «ситуационность», или установка на «case-study». Этот вектор трансформации методологических оснований научного поиска связан с приоритетным статусом на современном этапе социально значимых и практически ориентированных разработок, обусловленных актуальными проблемами и потребностями, требующими комплексного рассмотрения. Проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности имеют принципиально прикладной характер, социальный заказ и хорошую

¹ Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования... С. 9.

² Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М. : Наука, 1980. С. 52.

³ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной организации). СПб. : Лань, 1999. С. 213.

экономическую поддержку, что обуславливает их настоящий расцвет на современном этапе развития науки. Однако организация подобных исследований имеет свои сложности, поскольку большинство социально значимых проблем имеет комплексный характер, а также требует учета уникальных культурно-исторических условий: «Реализация комплексных программ порождает особую ситуацию сращивания в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний, интенсификацию прямых и обратных связей между ними. В результате усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках»¹.

Практически каждое проблемное исследование представляет собой междисциплинарный проект, имеющий жестко заданные цели и задачи, определяемые ситуацией их исполнения. В современной философии и науке это направление наиболее ярко представлено так называемыми ситуационными исследованиями или «case-studies»: «Ситуационные исследования представляют собой междисциплинарную методологию анализа индивидуальных субъектов, локальных групповых мировоззрений и ситуаций, используемую в клинической психологии, социологии, этнографии, ряде современных эпистемологических течений (когнитивной социологии, социальной эпистемологии, антропологии познания)»².

В ситуационных исследованиях объект рассматривается как уникальное социокультурное образование, объяснение которого не может быть редуцировано к общим закономерностям и строится на основании выделения имманентных связей, характеристик и закономерностей. Сущность такого исследования заключается в том, чтобы, детально изучив один или несколько случаев, раскрыть содержание глубинных процессов, протекающих в определенной сфере действительности, лучше понять изучаемое явление и предложить множественную интерпретацию. Ключевым методологическим моментом «casestudies» является опора на качественные методы сбора и анализа эмпирического материала, методы понимания и феноменологического описания.

Многочисленные описания практики использования стратегии «case-studies», как правило, содержат довольно слабые указания на ее теоретико-методологические основания. При этом различные исследователи указывают различные источники происхождения этого методологического подхода. И.Т. Касавин отмечает юридическое происхождение термина «case-study», что было связано с прецедентным правом, «где решение, принятое при рассмотрении конкретного дела, становится нормой, образцом, парадигмой для решений по сходным делам»³. Кроме этого, указывается медицинское «происхождение» таких исследований, направленных на детальный анализ индивидуального случая, представляющего динамику и специфику заболевания.

Исследовательская стратегия «case-study» в социальном познании формируется в 20–30-е гг. XX в., чикагские социологи называли так комплекс многообразных описаний какого-либо фрагмента городского сообщества, при этом «микроскопический» анализ мотивов поведения человека совмещался с теоретической концепцией города как функциональной системы⁴. На современном этапе метод «кейсов» особенно популярен в педагогике, он предполагает обучение определенным навыкам на основании рассмотрения реальной проблемной ситуации. В качестве объекта ситуационного исследования могут

¹ Стёпин В. С. Философия науки. С. 321.

² Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. СПб. : РХГИ, 2000. С. 12.

³ Там же.

⁴ Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований : учебник. М. : Аспект-Пресс, 1995.

выступать образцы поведения, образцы отношений и взаимодействия, степень их распространённости в социальных структурах и организациях, неформальные или маргинальные общности, конкретные события или уникальные явления и т. д.

В «case-study», полагает И. М. Козина, исследователь опирается на множество технических приемов, он рассматривает свой «случай» в определенном, заданном обстоятельствами и условиями, контексте, что позволяет получить более глубокую информацию о латентных процессах, скрытых механизмах социальных отношений, реконструировать сферу неформальных отношений и ценностного сознания, оказывающего влияние на деятельность, понять уникальность каждого объекта, выделив в то же время общие черты для дальнейшего обобщения¹.

Принципы исследовательской стратегии «case-study» — комплексность, системное изучение отдельного случая на основе подробной и полной информации, способной обеспечить целостное представление об объекте, — предполагают многосторонний подход к изучаемому объекту, обращение исследователя к проблематике и различным методам «пограничных» дисциплин — психологии, экономики, истории, этики, права и т. д. Комплексные, социально значимые проблемы, как правило, имеют не только междисциплинарный характер, но и аксиологическую нагруженность и определенный культурно-исторический контекст, который также должен учитываться при построении концептуального варианта ее решения (в качестве примера можно привести проблему наркомании в современном обществе).

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XX в. ряд интегральных методологических установок определяют трансформацию представлений науки об объекте исследования и подходах к его изучению. В философии науки этот процесс описан как трансформация научной рациональности от неклассической к постнеклассической. Но, несмотря на признание своей эффективности, указанные методологические инновации еще нуждаются в разработке конкретных механизмов их внедрения в процесс научно-исследовательской деятельности, особенно это актуально для сферы социально-гуманитарного познания.

Подводя итог, можно сделать некоторые краткие выводы. Современная наука столкнулась с целым рядом трудностей, обусловленных:

- включением в предметную область современной науки новых объектов, имеющих сложную, системную, динамичную, природу;
- сменой ценностных и целевых установок познания, детерминированной гуманистическими и экологическими приоритетами современной эпохи;
- необходимостью решения социально значимых задач, продиктованных особыми социально-историческими условиями.

Эти «вызовы» преодолеваются за счет существенных трансформаций на уровне научной рациональности, что находит выражение в принятии современной наукой фундаментальных методологических установок на:

- признание принципиального значения ценностного измерения научного познания и разработку синтетической методологии, сочетающей аксиологические и эпистемологические установки, смену модели познания с монологической на диалогическую;
- усиление интеграционных процессов внутри корпуса научных дисциплин, расширение поля междисциплинарных исследований;
- расширение области ситуационных исследований («case-studies»).

Реализация этих установок в процессе конкретного научного исследования требует определенных схем адаптации, разработка которых является одной из приоритетных задач философско-методологических исследований.

¹ Козина И. М. Теоретические и методические проблемы case-study как стратегии социологического исследования : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Моск. гос. ун-т. М., 1996.

В. С. Сайганова

ДИНАМИКА НОРМ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В силу сложности и противоречивости статуса научной рациональности в современной культуре тема норм научной рациональности приобретает широкую популярность в научно-исследовательских кругах, репрезентируя многочисленные попытки интерпретации смыслового содержания норм научной рациональности, а также новые методологические ориентиры в исследовании их динамики. В связи с этим возникает необходимость концептуального осмысления норм научной рациональности и основных трендов динамики их обновления в современных философско-методологических исследованиях.

Являясь одним из приоритетных и смыслообразующих ориентиров современной цивилизации, проблема научной рациональности продолжает удерживать статус безусловного авторитета в современной философии науки. Однако сама научная рациональность претерпевает процесс постоянного самоопределения и обновления, что обнаруживает ее значимость не только и не столько в научной практике, сколько в том, что научная рациональность становится объектом специальной философско-методологической рефлексии.

Динамический аспект норм научной рациональности в современных философско-методологических исследованиях зачастую представлен в виде интерпретации исторической динамики науки в постпозитивистских моделях роста научного знания и в концепциях оснований науки, существующих как в зарубежных, так и в отечественных философско-методологических исследованиях. Анализ развития научного знания, основанный на сравнении интерналистского и экстерналистского подходов, развиваемых в постпозитивизме, позволил говорить о том, что проблема роста научного знания в философии и методологии науки в целом исходит из методологического противостояния двух основных стратегий исследования – абсолютизации «внутренней» либо «внешней» динамики науки. Обе эти стратегии могут быть оценены как предпосылки, дающие возможность выйти на проблематику обусловленности трансформации норм научной рациональности

как внутренним ходом развития самой науки, так и определенным этапом ее исторического изменения. Однако следует учитывать, что динамичность и изменчивость в разной степени присущи различным фрагментам системы норм научной рациональности. Так, например, аксиологическая составляющая норм научной рациональности, определяемая рядом ценностных требований и ограничений, которые в современной науке находятся зачастую еще в процессе формулирования и не имеют однозначного и окончательно оформленного содержания, представляет собой переменные и исторически ситуативные характеристики, такие как ценность истины и новизны, гуманистическая направленность науки, этические императивы и социальная ответственность ученого. Переменный характер такого рода норм научной рациональности является производным от социокультурной, гуманистической и этической обусловленности научного знания, зависимости аксиологических установок в системе норм научной рациональности от различных исторических этапов развития науки. Эта зависимость вносит своего рода неопределенность в науку и позволяет говорить о том, что процесс формирования и вызревания норм научной рациональности в их ценностном проявлении тесно сопряжен с поиском рациональности нового типа.

Анализ научной рациональности современного типа выдвигает перед исследователями необходимость либо включения в этот процесс аксиологических, социально-ценностных компонентов, либо отказа от жестких критериев и нормативов научной деятельности. Различные варианты решения данной проблемы демонстрируют социокогнитивная и коммуникативная парадигмы современных философско-методологических исследований научной рациональности, которые являются наиболее перспективными и репрезентативными в современной философии и методологии науки.

Социокогнитивная и коммуникативная парадигмы, в зависимости от актуализации субъект-объектных или субъект-субъектных отношений в научном познании, представляют собой различное концептуальное видение проблемы норм научной рациональности и их динамики.

Представители социокогнитивной парадигмы, среди которых следует выделить таких перспективных и масштабных современных исследователей, как В. С. Стёпин, Дж. Холлтон, В. Ньютон-Смит, исходят из субъект-объектного рассмотрения научной рациональности, а также необходимости ее выражения определенными нормативами, регулятивами и критериями, которые призваны специфицировать научную рациональность не только в статике, но и репрезентировать ее динамику.

Коммуникативная парадигма характеризуется совокупностью исследований, акцентирующих субъект-субъектную природу рациональности и не рассматривающих научную рациональность в нормативном аспекте. В рамках коммуникативной традиции исследования рациональности необходимо выделить два направления: «крайний коммуникативизм», тяготеющий к релятивизму и развивающийся преимущественно в рамках прагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема, и «умеренный коммуникативизм», получивший свое развитие в концептуальных моделях коммуникативной рациональности (коммуникативная рациональность в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория интерсубъективности К. Хюбнера) и другие.

Следует отметить, что социокогнитивная традиция развивается на стыке естественнонаучной и гуманитарной парадигм знания, а коммуникативная – в большей степени репрезентирует социально-гуманитарную парадигму исследований научной рациональности.

Развитая В. С. Стёпиным концепция оснований науки, дифференцированных в виде структурных компонентов, позволяет детально исследовать механизмы социокультурной

детерминации научного познания. С одной стороны, структурные компоненты оснований науки предстают в виде «каналов», через которые эмпирические и теоретические знания включаются в культуру, с другой стороны, они опосредуют влияние социальных ценностей и приоритетов на научный поиск¹. Рассмотрение оснований науки и их эвристической роли в процессе становления и динамики науки позволяет обнаружить механизмы взаимосвязи внутренней и внешней структуры науки. «Основания науки обеспечивают рост знания до тех пор, пока общие черты системной организации изучаемых объектов учтены в картине мира, а методы освоения этих объектов соответствуют сложившимся идеалам и нормам исследования»², однако по мере развития науки, когда в орбиту исследования вовлекаются новые типы объектов, можно столкнуться с ситуацией, которая ведет к перестройке оснований науки либо в виде внутридисциплинарного развития знания, либо в результате междисциплинарного взаимодействия, что позволяет объяснить механизмы возникновения нового знания, учитывая специфику функционирования науки на определенном этапе ее исторического развития. Так, в рамках философско-методологической позиции В. С. Стёпина, согласно историко-генетической модели научной рациональности, принято выделять три исторических типа научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический³. Переход от одного типа научной рациональности к другому в истории науки рассматривается в рамках данной модели как глобальная революция, в результате которой происходит перемена оснований науки, выраженная в смене научной картины мира, коренном изменении идеалов и норм науки и ее философских оснований. Так как исследования по проблеме смены типов научной рациональности разворачиваются на материале естественных наук, то и глобальные революции рассматриваются в истории естествознания, где обнаруживается четыре таких революции.

Первая революция ознаменовала собой становление классического естествознания (XVII в.), основополагающими идеями которого, как известно, были достижение объективности научного знания путем исключения из описания и объяснения субъектной составляющей научного исследования, а также идея о построении абсолютно истинной картины природы, основанной на идеях механицизма. Вторая глобальная революция (конец XVIII – начало XIX в.) происходила также в рамках классического естествознания и ознаменовала собой переход к дисциплинарно организованной науке. Первая и вторая глобальные революции в естествознании участвовали в оформлении и развитии классического типа научной рациональности, с присущими именно этому типу нормами и идеалами. Классический тип научной рациональности центрируется вокруг объекта исследования с необходимой элиминацией всех проявлений присутствия в исследовании субъекта, что, в свою очередь, и призвано было обеспечить объективно-истинное знание об объекте.

Третья глобальная революция в науке (конец XIX – начало XX вв.) ознаменовала собой переход к неклассическому естествознанию, что выразилось в новом понимании относительной истинности научной теории и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития естествознания, в рамках той или иной дисциплины. Переход от классического к неклассическому естествознанию связывается с пересмотром мировоззренческих и методологических установок классического рационализма и формированием нового понимания научной рациональности, которое основывается на постулировании зависимости научной рациональности от социальных обстоятельств,

¹ Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск : БГУ, 2012.

² Там же. С. 267.

³ Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2008. С. 308–328.

ценностно-целевых ориентаций. Это позволяет говорить о новом историческом этапе развития научной рациональности как о неклассическом типе научной рациональности, характеризующемся новыми установками познания и новыми нормативами исследовательской деятельности.

Четвертая глобальная научная революция (с конца XX в.) проявила себя в радикальной перестройке всех оснований науки, что связано прежде всего с интенсивным применением научных знаний в сферах социальной жизни, с изменением самого характера научной деятельности, с выходом на передний план междисциплинарной проблематики научных исследований, с вхождением идей синергетики, с изменением характера изучаемых объектов и представлением их как сложных исторически развивающихся систем. Такого рода изменения также повлекли за собой коренную перестройку оснований науки, что выразилось в пересмотре концепции истины, средств обоснования научного знания, необходимости фундаментальной экспликации связи между внутринаучными ценностями (истина, прирост знания) с внешними по отношению к науке ценностями социального характера. Совокупность процессов, приведших к изменению оснований неклассической науки, свидетельствует о переходе на качественно новый исторический уровень развития научной рациональности, который принято называть постнеклассическим типом. Для этого типа характерно «расширение поля рефлексии над научной деятельностью, учитывание соотношенности получаемых знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами»¹.

Рассматриваемая таким образом научная рациональность в аспекте выделения ее нормативов и постулирования их динамики явилась, благодаря исследованиям В. С. Стёпина, лидирующей ориентацией в отечественной философии и методологии науки.

В западной философии науки проблема норм научной рациональности получила свое развитие в концепции «тематического анализа науки» у Дж. Холтона². Такого рода анализ призван находить в развитии науки определенные черты постоянства, т. е. некоторые инвариантные структуры, которые воспроизводятся даже в революционные периоды развития науки. Смысловой концепт «тема науки» включает в себя понятия, гипотезы, эвристические правила, определяющие программу исследований, способ решения фундаментальных проблем, а также фиксирует личную оценку и индивидуальное предпочтение, отдаваемое ученым той или иной гипотезе, проблеме или теории. По мнению Дж. Холтона, «тематический анализ» во многом схож со структурным анализом в гуманитарных науках и может привести к открытию глубинных черт родства между естественным и гуманитарным научным знанием. «Тематические структуры» у Дж. Холтона надисторичны и не зависят от конкретного исторического этапа развития науки, что позволяет локализовать научное событие в историческом пространстве и времени. Это, в свою очередь, дает возможность рассматривать развитие научного знания как диалектический процесс борьбы между противоположными «темами»³.

Рациональную концепцию науки отстаивает в зарубежной философии науки и В. Ньютон-Смит. Размышляя о возможности рациональной оценки исторических изменений научного знания, он выделяет две модели, объясняющие перемены в науке: рациональные и нерациональные. Рациональность модели определяется двумя главными чертами: во-первых, она постулирует целенаправленность научной деятельности; во-вторых,

¹ Стёпин В. С. Философия науки. С. 308–328.

² Холтон Дж. Тематический анализ науки : пер. с англ. / под. ред. С. Р. Микулинского. М. : Прогресс, 1981.

³ Там же. С. 48–63.

предлагает определенную методологию, позволяющую сравнивать различные системы научного знания по степени достижения установленной цели¹.

В. Ньютон-Смит предлагает вариант «умеренного рационализма», «умеренность» которого состоит в том, что исходя из рационалистских установок необходимо отказаться от веры в единственность и абсолютность своей методологии, а правильность методологии сверять по достигнутому прогрессу в науке: если прогресс (повышение степени правдоподобия научных суждений) достигнут, то это оправдывает методологию. Таким образом, рациональная модель объяснения научных изменений, предлагаемая умеренным рационализмом, заключается в том, что между методом науки и повышением степени правдоподобия научных суждений устанавливается коррелятивная связь. «Умеренный рационализм» отказывается от статических и прибегает к динамическим моделям научной рациональности.

Таким образом, в рамках социокогнитивной парадигмы исследования научной рациональности, ее критериев и норм, исходят из установки о том, что научная рациональность, несмотря на ее социокультурную обусловленность, все-таки должна быть выражена определенными нормами и критериями, но эти нормы и критерии должны отражать динамику научной рациональности.

Позиция представителей коммуникативной парадигмы исследования научной рациональности отличается тем, что ее приверженцы не проводят анализ научной рациональности с позиций выделения ее норм и критериев, а более того, сознательно дистанцируются от эпистемологической проблематики. Рассматривая научную рациональность в рациональности человеческого действия и общения, позиция «коммуникативизма» экзплицирует субъект-субъектный характер рациональности и ставит во главу угла не когнитивные, а коммуникативные аспекты различных сфер человеческой деятельности, в том числе и науки. Рассмотрение этой позиции может быть начато с анализа ее первой проекции — «крайнего коммуникативизма», развивающегося преимущественно в рамках неопрагматических концепций Р. Рорти и Х. Патнема.

Синтезируя на базе платформы неопрагматизма широкое поле идей современной мысли от постпозитивизма до постструктурализма, герменевтики и других направлений, Р. Рорти в своей интерпретации феномена межчеловеческой коммуникации приходит к отрицанию возможности обнаружения обеспечивающих ее универсальных рациональных стандартов. Рационализму эпохи модерна он противопоставляет прежде всего идеи радикального номинализма и историзма, которые запечатлеваются в факте уникальности, случайности происходящих событий, требующих собственного языка описания, что изначально исключает наличие каких-то стандартов рациональности². Проблема рациональности вообще имеет какой-то смысл, только если она сформулирована не на языке традиционной философии с ее фиктивным словарем, а по-новому, как проблема разумной аргументации. Однако отказаться от рациональности и заменить ее разумной аргументацией Р. Рорти так и не удалось, так как сама постановка вопроса о рациональности уже подразумевает его важность для данного исследования. Р. Рорти также не смог окончательно отказаться и от критериев научной рациональности, так как предлагает в качестве требования для разумной аргументации в науке успешное содействие достижению целей, что может быть расценено как попытка отделить разумную аргументацию от неразумной, т. е. предложить некий прагматистский критерий такого разделения.

¹ *Newton-Smith W. N. The rationality of science. London : Routledge, 1981. P. 111–123.*

² *Rorty R. Science as Solidarity // Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge, 1991. P. 379–381.*

К интерпретации рациональности с точки зрения прагматизма прибегает и Х. Патнэм в своей «конвергентной теории» научной рациональности. Рациональность, по его мнению, имеет двойственную природу. С одной стороны, она не существует вне конкретно-исторических и культурно обусловленных форм. С другой стороны, она является регулятивной идеей, которой мы руководствуемся, когда подвергаем критическому разбору любые формы своей деятельности и познания¹. Что касается истинности какой-либо данной теории, то этот вопрос решается коллективным приговором ученых. Очевидно, что при таком подходе всякое наличное состояние рациональности — это некое множество сходящихся критериев, принятых в науке, причем для конкретных оценок могут применяться самые различные критерии. Получается, что и истина, и рациональность плюралистичны, и это очень значительный уклон концепции Х. Патнэма, как и, собственно, Р. Рорти, в сторону релятивизма в духе постмодернистской философии.

Наибольший интерес в рамках исследования норм научной рациональности представляют коммуникативные модели рациональности, относящиеся к позиции «умеренного коммуникативизма», так как в рамках этой парадигмы однозначно признается и по-своему обосновывается сам факт существования рациональности как одной из основополагающих ценностей и целей европейской культуры и, по крайней мере, предполагается проблема существования норм и правил, признаваемых и принимаемых участниками коммуникативного отношения для осуществления рационального дискурса, в том числе и научного.

Первым авторитетом в исследовании коммуникативной рациональности по праву считается немецкий мыслитель Ю. Хабермас, который в своей концепции сумел синтезировать идеи К. Апеля о нормативно-прагматических основах речевой коммуникации и коммуникационного сообщества, положения Н. Лумана о том, что общество является коммуникативной системой, а также трансформировал представления М. Вебера о целерациональности социального действия.

Осуществляя сопоставление понятий «коммуникация» и «рациональность», Ю. Хабермас предлагает ограничить поиск новой рациональности сферой коммуникации². В обосновании модели коммуникативной рациональности Ю. Хабермас выступает непреклонным оппонентом теоретиков постмодернизма и утверждает непреходящую универсальность критериев разума. В то же время мыслитель исходит из идеи историчности самой рациональности и необходимости утверждения в современной культуре нового — коммуникативного — типа рациональности.

Осуществленная Ю. Хабермасом реконструкция понятия рациональности исходит из идеи историчности и динамики типов рациональности в культуре. Становление коммуникативной рациональности преодолевает субъект-объектную ориентацию рациональности на соответствие трансцендентальным сферам разума либо условиям (процедурам) возможности познания и утверждает принципиальную позицию субъект-субъектного отношения. Новая рациональность возникает в процессе интеракции, вне ее не существует и, по сути, тождественна самим правилам коммуникации, признанным и принятым на основе согласия. Коммуникативная рациональность проявляется в повседневной практике общения и базируется на имплицитной способности участников коммуникации к установлению межличностных отношений (иллокутивная сила речевых высказываний) и предпосланной основе жизненного мира (передающийся посредством культуры и ор-

¹ Стёпин В. С. Философия науки. С. 308–328.

² Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns // Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. Bd.1.

ганизованный с помощью языка запас образцов истолкования). Коммуникативная рациональность означает ориентацию способных к языку и действию субъектов на свободное от принуждения взаимопонимание в процессе дискурса как тематического пространства аргументации и рефлексии на основе выдвижения и реализации универсальных притязаний на значимость всякой коммуникации (понятность речи, истинность знания, правдивость намерения и правильность действия), смысл значимости которых состоит в возможности их intersубъективного признания¹. Получается, что коммуникативная рациональность конституируется в процессе самого дискурса, в ходе субъект-субъектного взаимодействия, и в дальнейшем она оказывается свободной от готовых правил, критериев, норм, а тем самым свободной для творческого проникновения и новаций.

Таким образом, теория коммуникативного действия и проект коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса несут в себе как критический импульс постметафизической эпохи, так и позитивную стратегию новой интерпретации социокультурной реальности. При рассмотрении эволюции общества как единого коммуникативного целого Ю. Хабермас предполагает одновременно как существование персональной автономии, так и сообщества участников диалога, которые своевременно обнаружат некоторые нормативные и правовые рамки своей жизнедеятельности.

Наука как форма общественного сознания и социальный институт в лице научного сообщества выступает значимым субъектом интеракции в коммуникационном поле современной культуры. Можно предположить, что с позиций Ю. Хабермаса экспликация научной рациональности возможна лишь как разновидность коммуникативной рациональности в контексте собственно научного дискурса. Такая экспликация вполне соответствует духу проекта коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, где определение рациональности вне дискурса является в принципе невозможным, так как вне дискурса нет и рациональности. В то же время представление научной рациональности в форме научного дискурса имеет реальные основания в объективных характеристиках и новых размерностях современной науки.

Продолжая интерпретацию современных коммуникативных моделей рациональности в аспекте их сопричастности к анализу научной рациональности, можно заметить, что большинство их авторов репрезентируют лишь отдельные, хоть и существенные, коммуникативные характеристики научной деятельности. Показательной в этом плане представляется позиция К. Хюбнера, который предпринимает определенные шаги для объединения моделей рациональности в рамках философско-методологического подхода. Рациональность, по К. Хюбнеру, проявляет себя в intersубъективности. Под intersубъективностью автор имеет в виду некую общезначимость, обеспечивающую продуктивную интеллектуальную коммуникацию².

К. Хюбнер выделяет пять основных форм intersубъективности, а именно: семантическую (общая приемлемость понятий и суждений), эмпирическую (обоснованность высказываний эмпирическими фактами), логическую (обоснованность высказываний логическими выводами), операциональную (воспроизводимость определенных видов деятельности) и нормативную (общее согласие относительно правил поведения)³. Следует отметить, что К. Хюбнера интересует не то, чем является рациональность как таковая, а то, в каком смысле употребляется это слово сегодня. Таким образом, intersубъективность

¹ *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns // Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. Bd.1.*

² *Хюбнер К. Критика научного разума / пер. с нем. И. Т. Касавина; вст. ст. В. С. Стёпина. М. : ИФ РАН, 1994.*

³ Там же. С. 44–56.

понятий и суждений и есть для К. Хюбнера проявление рациональности. Однако такое отождествление рациональности и интерсубъективности допустимо, если речь не идет о собственно научной рациональности. Опоры только на интуицию «интерсубъективности» оказывается недостаточно при анализе научной рациональности.

Подводя итог рассуждениям о динамике норм научной рациональности в современных философско-методологических исследованиях, можно сказать, что социокогнитивная и коммуникативная парадигмы сосуществуют в культуре, сложно переплетены, но каждая играет свою роль на своем месте. Предлагаемый коммуникативистской традицией новый тип рациональности открывает себя в современности как субъект-субъектная рациональность, что свидетельствует о расширении понимания рациональности путем включения в ее основу таких компонентов, как интуиция, чувственность, субъективность и др., которые отбрасывались предшествующей традицией и не рассматривались в качестве необходимых и значимых. В целом, не противопоставляя, а сопоставляя социокогнитивную и коммуникативную традиции, следует исходить из их взаимодополнительности в исследовании динамики норм научной рациональности. Дополнительность здесь понимается не только как сочетание взаимно сопряженных по смыслу (противоречащих друг другу, если это сопряжение игнорируется) описаний и объяснений норм научной рациональности, но и как фундаментальный принцип построения современной концепции норм научной рациональности. В отдельности социокогнитивную и коммуникативную трактовки динамики норм научной рациональности нельзя считать самодостаточными, только в их сопряженности и взаимодополнительности можно прийти к обоснованию и утверждению нового типа рациональности в культуре.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ: В. С. СТЕПИН КАК НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Анализ деятельности В. С. Стёпина как научного руководителя ряда диссертаций, защищенных под его руководством в Минске в 1980-90-е гг., выявляет ряд сходств, присущих подавляющему большинству этих работ (общие методология, предметное поле, стилистические особенности научного мышления, используемый понятийный аппарат). Все это позволяет говорить о феномене Минской методологической школы в белорусской философии, основанной В. С. Стёпиным.

Всякий юбилей является не просто радостным и знаменательным событием. Одновременно с этим юбилей – удачная возможность отдать должное виновнику торжества и вспомнить основные вехи его пути, обратиться к его достижениям. Конечно, всякий юбиляр по определению является фигурой уникальной. Но в данном случае утверждение о сложности переоценить значение деятельности Вячеслава Семеновича Стёпина – не дежурная похвала, но вполне объективная констатация и даже обозначение определенной исследовательской задачи. Действительно, его научная карьера настолько плодотворна и насыщена событиями, что рассмотреть ее целиком (хотя бы в наиболее общих чертах) – задача весьма сложная. Поэтому в своей работе я хотел бы обратиться к одному из периодов в деятельности Вячеслава Семеновича и проанализировать его со вполне конкретного ракурса. А именно – рассмотрение деятельности Вячеслава Семеновича как научного руководителя диссертаций по философским наукам.

Эта деятельность (как в случае Вячеслава Семеновича, так, видимо, и в философии в целом) находится несколько в тени самостоятельной творческой активности мыслителя, находящей свое выражение в виде монографий, статей, докладов и т. д. При этом деятельность научного руководителя (часто требующая не меньше времени и усилий) во многом «отчуждается», поскольку итоговый продукт принадлежит самому диссертанту (хотя вопрос о соотношении вклада руководителя и диссертанта остается открытым – в соответствии с известной шуточной максимой кандидатские работы пишутся докторами, а уже докторские – самими кандидатами). Тем не менее сложно

переоценить значение связки «учитель-ученик» в истории философии. Нередки случаи, когда именно во многом благодаря усилиям учеников идеи того или иного философа приобретают широкую популярность. Так, известный исследователь Р. Коллинз в своей книге «Социология философий» отмечает особую значимость деятельности учеников и последователей в деле популяризации и распространения влияния философских концепций¹. В любом случае, деятельность Вячеслава Семеновича в качестве научного руководителя, несомненно, заслуживает внимания и анализа. В своем исследовании я ограничился кандидатскими диссертациями. Вячеслав Семенович выступал и как научный консультант для ряда диссертаций, однако этот факт не всегда указан в авторефератах диссертаций (хотя сами диссертанты охотно признают важность неформального формального и неформального консультирования со стороны Вячеслава Семеновича в процессе написания работ).

Достаточно часто в истории философии деятельность того или иного мыслителя часто делится на определенные периоды в соответствии как с содержательными (например, «докритический» и «критический» периоды в творчестве И. Канта), так и с более формальными критериями, в том числе местом нахождения мыслителя (например, «йенский» или «берлинский» периоды в творчестве Г. Гегеля). На мой взгляд, вполне возможно вести речь о «минском» периоде в деятельности Вячеслава Семеновича. А поскольку в данном исследовании нас интересует его активность в качестве научного руководителя, ограничимся только тем временным отрезком, когда он активно руководил написанием и защитой диссертационных работ по философским наукам. Возникает вопрос о конкретных датировках этого периода. Конечно, какие-то конкретные даты и годы всегда будут обладать определенной долей условности и вряд ли могут быть названы строгими и вполне могут оспариваться. Тем не менее в качестве определенных ориентиров они окажутся вполне уместными и полезными.

В качестве начальной точки можно назвать 1974 г., когда Вячеслав Семенович начал работу на кафедре философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета и, соответственно, получил возможность руководить работой аспирантов и написанием диссертаций по философским наукам. Обозначение завершающей точки оказывается более сложным. Так, формально ее можно было бы связать с 1987 годом, когда Вячеслав Семенович переезжает в Москву². Однако он не прерывает связей с минским философским сообществом и выступает в качестве руководителя (и консультанта – в случае докторской) нескольких диссертационных работ. Поэтому в качестве завершающей точки этого периода может быть выбран 1990 г., когда была защищена диссертация Г. Н. Бочко (или даже 1993 г., когда была защищена докторская диссертация Л. Ф. Кузнецовой, где Вячеслав Семенович выступает в качестве научного консультанта работы).

Конечно, невозможно детально проанализировать все диссертационные работы, однако краткая их характеристика будет вполне уместной. Сразу же отмечу, что я ориентировался на авторефераты и тексты диссертационных работ, доступные в диссертационных залах Национальной библиотеки Беларуси и Белорусского государственного университета и отраженные в соответствующих каталогах. Вполне вероятно, что какие-то работы могли оказаться вне поля моего зрения, поэтому буду признателен за любые комментарии и дополнения по этому поводу.

Анализ следует начать с 1981 г., когда под руководством Вячеслава Семеновича защищаются сразу две кандидатские диссертации. Работа И. Е. Ширшова «Становление этало-

¹ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge, Massachusetts, and London, 2002. P. 39.

² Корсаков С. Н. Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности // Вячеслав Семенович Стёпин: материалы к библиографии ученых. М., 2013. С. 7–9.

нов культуры»¹ посвящена проблеме эталонов культуры в контексте развития социокультурных программ и культурных новаций в целом. На мой взгляд, достаточно символично, что одна из первых работ, защищенных под руководством Вячеслава Семеновича, посвящена как раз проблематике философии культуры, которая (наряду с проблематикой философии науки) является одной из наиболее значимых и продуктивных тем как для самого Стёпина, так и для его учеников и последователей. Отмечу и важность проблематики ценностей для данной работы (речь идет о «структуре и динамике культурных ценностей»).

Работа Я. С. Яскевич «Определения и их роль в научном исследовании»² посвящена проблеме определения в контексте структуры и генезиса научных теорий. Интересно отметить, что исследование затрагивает прежде всего проблему определения в социальных науках, которые обладают достаточно существенной спецификой. В частности, важную роль и в этой работе играет тема ценностного аспекта научного знания (речь идет, прежде всего, о «познавательной ценности»). Таким образом, в работе осуществляется своеобразная аппликация философской методологии Вячеслава Семеновича к области социального знания.

В 1982 г. происходит защита диссертации Л. Ф. Кузнецовой «Научная картина мира и ее роль в естественнонаучном исследовании»³, в которой развивается понятие специальной научной картины мира. Интересно отметить, что большое внимание в исследовании уделяется проблемам синтеза, интеграции, диалектики и взаимодействия различных видов и областей научного знания. Затрагивая тему использованной терминологии, следует обратить внимание на применение термина «перестройка» (речь идет о «перестройке научной картины мира»), который также встречается и в работах самого Вячеслава Семеновича и других его учеников. Интересно, что этот термин, получивший в дальнейшем широкое общественно-политическое употребление, первоначально получает распространение в философских кругах. Впрочем, эта весьма интересная тема из области истории понятий заслуживает дальнейших исследований. Также отмечу, что идеи этой работы получили дальнейшее развитие в докторской диссертации Лидии Федоровны «Научная картина мира: структура, функции, историческая динамика»⁴ (защищена в 1993 г., Вячеслав Семенович выступает в качестве научного консультанта работы).

В 1983 г. защищается диссертация М. А. Можейко «Социокультурные основания генезиса первых натурфилософских картин мира»⁵. Работа посвящена анализу становления натурфилософских (как протофилософских или «недооформленных») философских категорий в их связи с глубинными категориями культуры (выраженными в мифологическом языке, повседневном языке и т. д.). Особое внимание уделяется способам организации категорий в систему (выраженную в виде картины мира), детерминированную на основе параметров данной культуры (определяемой, в свою очередь, развитием общественно-исторической практики).

¹ *Ширшов И. Е.* Становление эталонов культуры : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1981.

² *Яскевич Я. С.* Определения и их роль в научном исследовании : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1981.

³ *Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира и ее роль в естественнонаучном исследовании : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1982.

⁴ *Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира: структура, функции, историческая динамика : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук: 09.00.01. Минск, 1993.

⁵ *Можейко М. А.* Социокультурные основания генезиса первых натурфилософских картин мира: (на материале антич. философии) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1983.

В 1984 г. защищается работа А. М. Бобра «Методологический анализ проблемных ситуаций в научном познании»¹, посвященная специфике проблемных ситуаций и проблемного знания в целом. Эта тематика анализируется в контексте динамики научного знания (опять же, возникает тема «перестройки оснований научного знания») в контексте его комплексного характера и развития междисциплинарных связей (а также поднимается и проблема синтеза научного знания). Отдельно рассматривается тема интерпретации проблемных ситуаций, используется понятие «стиль научного мышления», а также анализируется проблема социокультурной детерминации научного знания.

Весьма продуктивным оказался 1985 г.: в нем проходят защиты сразу трех диссертаций. Работа Л. А. Бирало «Социокультурная обусловленность генезиса категорий пространства и времени»² рассматривает фундаментальные категории пространства и времени как универсалии культуры, которые рассматриваются как необходимые компоненты мировоззрения (на примере динамики мифологической картины мира). В исследовании на конкретном материале анализируются общие проблемы обретения новых смыслов и культурной ассимиляции.

В работе Н. А. Кандричина «Диалектика традиций и новаторства в научном познании»³ традиция и новаторство рассматриваются как особые культурные механизмы, транслирующие программы деятельности, общения и поведения внутри культуры. В исследовании анализируется понятие «эталона творчества», выступающего в качестве культурного регулятива в процессе новаторства. Далее в диссертации ставится проблема культурной детерминации новаторства (на примере развития науки и роли в этом процессе научной традиции) и роли социальных институтов в развитии культуры. Автор приходит к выводу о диалектическом взаимодействии традиции и новаторства, что и является определяющим для динамики культуры.

Работа В. А. Костенича «Научная картина мира как компонент оснований науки»⁴ рассматривает проблематику научной картины мира в контексте мировоззренческих оснований и принципиальной предпосылочности научного знания. В исследовании рассматриваются наиболее важные аспекты научной картины мира: сущностно-онтологический, операционально-деятельностный и культурно-исторический (связанный, прежде всего, с использованием определенного категориального аппарата, который является обусловленным социокультурным контекстом).

В 1986 г. защищаются две кандидатские диссертации. Работа Г. П. Донева (интересно отметить, что сам диссертант является гражданином Болгарии, поэтому деятельность Вячеслава Семеновича в этот период распространилась и за пределы границ Беларуси) «Становление деятельностного подхода к анализу логических форм мышления»⁵ затрагивает, как и многие из анализировавшихся ранее диссертаций, проблему социокультурной детерминации мышления. Эта проблема рассматривается при последовательном анализе развития деятельностного подхода к мышлению. Интересно отметить, что в исследовании используется историко-философский материал, а именно — трансцендентально-критический подход И. Канта, рассматриваемый автором диссертации в качестве существенного этапа в развитии деятельностного подхода к мышлению.

¹ Бобр А. М. Методологический анализ проблемных ситуаций в научном познании : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1984.

² Бирало Л. А. Социокультурная обусловленность генезиса категорий пространства и времени : автореф. 09.00.01. Минск, 1985.

³ Кандричин Н. А. Диалектика традиций и новаторства в научном познании : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1985.

⁴ Костенич В. А. Научная картина мира как компонент оснований науки : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1985.

⁵ Донов Г. П. Становление деятельностного подхода к анализу логических форм мышления : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1986.

Работа М. Р. Жбанкова «Мировоззренческие предпосылки становления естествознания»¹ также затрагивает проблему социокультурной детерминации и предпосылочности научного знания как результата его взаимодействия с другими формами знания и различными формами духовной жизни. На разнообразных примерах из истории становления научного знания (и его достаточно сложного взаимодействия с донаучными и ненаучными формами знания) анализируется феномен массового сознания, а также его динамики в контексте фундаментальных изменений, происходящих в культуре.

В 1987 г. была защищена диссертационная работа А. В. Барковской «Проблема структуры и механизмов функционирования фундаментальной научной теории (историко-методологический анализ)»². Она посвящена философскому анализу структуры научной теории, особое внимание уделяется элементам (например, идеалам), которые могут выступать в качестве основы для механизмов развития и трансформации («перестройки») научной теории. Особое внимание уделяется социокультурным факторам, оказывающим весьма существенное влияние на форму и содержание трансформаций, которые могут происходить с научной теорией.

В 1988 г. защищаются две диссертации. В работе Т. Н. Буйко «Профессиональное становление субъекта науки»³ анализируется проблема культурных и социальных предпосылок становления и развития субъекта науки. Показывается, что для нормально функционирующих трансляции и освоения научного знания необходимы определенные институты («академическая компонента науки»). При этом процесс становления субъекта науки заключается в усвоении не только знания, но и всего коллективного научного познавательного опыта. Отдельно рассматривается ситуация выхода за пределы уже имеющегося научного знания, чему может способствовать модель проблемного обучения.

В диссертации В. Н. Фурса «Проблема социально-исторической детерминации философского знания»⁴ проблема социокультурной обусловленности ставится применительно к философскому знанию. На примере становления и развития философии в определенные исторические периоды показывается сложность и многообразие форм взаимодействия и взаимовлияния философского знания и порождающей его культурно-исторической ситуации. Отдельно стоит отметить, что в работе содержится критика «жесткого» детерминизма, которому противопоставляется комплексное видение проблемы с учетом реального многообразия социальных и культурных факторов и нелинейного характера их влияния на форму и содержание философских концепций.

В 1990 г. защищается диссертационная работа Г. Н. Бочко «Мировоззренческие основания социально-научного поиска»⁵. В ней анализируется структура научного знания (в частности, понятие «картина мира» как концептуальное ядро конкретной научной теории (в работе исследуется классическая политэкономия), основывающееся на имплицитных представлениях о предмете изучения), разрабатывается понятие частнонаучной картины мира, выступающей в качестве мировоззренческого основания для научной де-

¹ Жбанков М. Р. Мировоззренческие предпосылки становления естествознания : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1986.

² Барковская А. В. Проблема структуры и механизмов функционирования фундаментальной научной теории (историко-методологический анализ) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1987.

³ Буйко Т. Н. Профессиональное становление субъекта науки: филос.-метод. аспект : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1988.

⁴ Фурс В. Н. (1963—2009). Проблема социально-исторической детерминации философского знания : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1988.

⁵ Бочко Г. Н. Мировоззренческие основания социально-научного поиска: на основе полит. экон. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.01. Минск, 1990.

тельности. В работе также рассматривается феномен противоречий и парадоксов в научном поиске, которые, как показывается, играют весьма важную роль в процессе не только изменения самой научной теории, но и перестройки ее мировоззренческих оснований.

Таким образом, за период 1981–1990 гг. под руководством Вячеслава Семеновича были защищены 14 кандидатских диссертаций по философским наукам. Все диссертации защищены по одной специальности (09.00.01 – «Диалектический и исторический материализм»). Отдельно отметим и тематическое единообразие работ, что бывает не так уж и часто. Например, П. Бурдьё в своей работе «Homo Academicus» отмечает, что научные руководители, пользующиеся популярностью, часто руководят достаточно разными в тематическом отношении работами, поскольку диссертантов может привлекать и известное имя и научная репутация руководителя¹. Однако случай Вячеслава Семеновича скорее является контрпримером для данной тенденции, поскольку практически во всех работах происходит использование и развитие (часто вполне творческое и самостоятельное) ряда степинских идей (о структуре и динамике научного знания, его социокультурной обусловленности и мировоззренческой компоненте, конкретных механизмах трансформации и т. д.), их применение к новым предметным областям. Кроме того, можно говорить об определенной стилистической схожести (но не единообразии!) анализируемых работ. Имеется в виду прежде всего некоторый общий стиль мышления (общая «картина мира», способ выделения предметной области исследования, способ постановки и решения проблем и т. д.). Здесь же стоит подчеркнуть определенное единство категориально-понятийного аппарата, используемого исследователями. Отдельно отмечу и хорошее знакомство диссертантов с современной им литературой по исследуемой проблематике (в том числе и зарубежной, прежде всего англо- и немецкоязычной), их включенность в дискуссии, посвященные актуальным проблемам философского, научного, социального характера.

Все это позволяет вполне определенно говорить о феномене Минской методологической школы, основанной В. С. Стёпиным, в истории белорусской философии. А учитывая тот факт, что многие из диссертантов сделали успешную академическую карьеру и играли и продолжают играть существенную роль в жизни философского сообщества Беларуси, следует говорить о влиянии и значимости этой школы. При этом большинство работ, защищенных под руководством Вячеслава Семеновича, могут быть отнесены как к «философии науки», так и к «философии культуры», поскольку динамика научного знания рассматривается исследователями в широком контексте культурной обусловленности и социокультурной значимости. Поэтому можно утверждать, что деятельность Вячеслава Семеновича и его учеников во многом предвосхитила и даже инициировала своеобразный «поворот к культуре» в белорусской философии и социогуманитарном знании в целом. Вполне вероятно, что влияние «степинской» школы может быть обнаружено и в дальнейших, формально уже вполне самостоятельных работах его учеников. Это, впрочем, уже выходит за рамки данной работы и предполагает отдельное исследование.

¹ Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, 1990. P. 245.

**ИЗВЕСТНЫЙ
И
НЕИЗВЕСТНЫЙ
В. С. СТЁПИН**

В. С. Стёпин. Важно, чтобы работа не прекращалась...

В. С. Стёпин. Новые измерения философии науки

В. С. Стёпин. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма

В. С. Стёпин. Формирование неклассического подхода в теории познания

В. С. Стёпин. Пушкин и современность

В. С. Стёпин. Философия и музыка (памяти Е. А. Глебова)

ВАЖНО, ЧТОБЫ РАБОТА НЕ ПРЕКРАЩАЛАСЬ...

Интервью с академиком В. С. Стёпиным ведет И. Т. Касавин

Беседа первая. Система отсчета

К. Вячеслав Семенович, Вы пришли на отделение философии исторического факультета БГУ в 1951 году, едва ли не в самые мрачные времена для российской интеллигенции. В аспирантуру Вы поступали уже в год XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина, в эпоху радикального изменения духовного и общественного климата в бывшем СССР. Как этот перелом повлиял на Ваше отношение к философии, на Вашу исследовательскую ориентацию? Каким образом протекал образовательный процесс в те времена, какая литература была доступна, с каким настроением студенты изучали философию?

С. Я сейчас вспоминаю эти годы. На первом курсе нас заставляли изучать в основном произведения Сталина «Анархизм или социализм», «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания». Еще была такая книжка — «Очерки по диалектическому материализму» Ленова (был такой, сегодня почти неизвестный автор). Все остальные учебники или учебные пособия не рекомендовались, считались идеологически невыдержанными. Да и просто люди боялись их писать, по некоторым разделам философского знания их вообще не было. В начале 2-го курса я понял одно: чтобы получить философское образование, надо прочитать всех классиков философии, хотя бы по одной основной книге. И я поставил себе такую цель — прочитать главные труды всех великих философов.

К. Вы имеете в виду еще издания 30-х годов?

С. Да, были в библиотеках и дореволюционные издания, и переизданные в 20-х, 30-х годах. Была «Наука логики» Гегеля, был Кант в переводе Н. О. Лосского. В 50-е годы или немного позже появились произведения Декарта, но они были перепечатаны с каких-то уже изданных работ. И по ним я изучал философию. Чтение было основным источником образования, и я бы сказал даже во многом самообразования, причем тут и там возникали забавные коллизии. Например, когда я изучал Канта в начале 3-го курса и стал читать «Критику чистого разума» в переводе Н. О. Лосского, то взял книгу в

библиотеке Дома правительства. Надо сказать, что в Минске тогда были две большие библиотеки. Одна из них — Ленинская библиотека, публичка, но там трудно было достать нужные книги, они вечно были на руках. И вот я по специальной договоренности пошел в библиотеку Дома правительства и, к своему изумлению, увидел, что книга Канта даже не разрезана, т. е. до меня ее никто не читал.

К. Наверное, не такая она была простая для чтения тогдашней студенческой молодежью?

С. Непростая, верно, но самое интересное, что когда я делал доклад по «Критике чистого разума», то выяснилось, что и наш преподаватель не читал ее, а Канта знал по «Пролегоменам», поэтому он понятия не имел, что такое трансцендентальное единство апперцепции, а это одно из ключевых понятий в гносеологии Канта. Так что самообразованием приходилось заниматься достаточно серьезно. Нельзя сказать, что все преподаватели были плохие, среди них попадались очень толковые люди. В общем, не скажу, что уж совсем все было плохо, просто годы были такие. Когда я спрашиваю, как было в МГУ в те же годы, то слышу, что примерно то же, только, может быть, чуть побольше вольнодумия было здесь, в столице.

К. Известный немецкий философ Курт Хюбнер, кстати, Ваш добрый знакомый, часто рассказывал мне, как он в 60-е годы прошлого века, будучи уже профессором Технического университета Берлина, специально взялся за изучение физики, чтобы иметь возможность квалифицированно работать в философии науки. Примерно в то же время Вы критически анализировали ту же самую неопозитивистскую философию науки, о которой говорит Хюбнер. Как складывались Ваши отношения с естествознанием и какие уроки из этого могут вынести молодые философы наших дней?

С. На втором курсе философского факультета был обязательный предмет — естествознание, включавший основы математики, физики и биологии. И нам очень повезло, что физику философам читал замечательный человек — доцент И. З. Фишер. Он прекрасно знал теоретическую физику, но нам читал общую физику — доступно и ясно. У меня еще со школьных лет остался интерес к точным наукам, и потом я понял: чтобы заниматься философией, надо кроме нее знать еще и точные науки. Мое тяготение к философии науки было, вероятно, связано и с тем, что в то время социальная философия была очень сильно идеологизирована. Сплошная догматическая, лозунговая система преподавания не привлекала меня не потому, что я не разделял эти идеи; наоборот, я воспитывался вполне в коммунистическом духе — так нас выпускали из школы. Кстати, школа тогда давала фундаментальные и очень хорошие знания по математике и естественным наукам, но вместе с тем она формировала человека иллюзорного мира. Будет счастливое общество, все люди будут счастливы, будет коммунизм — самое счастливое общество на Земле. В это верили. Правда, когда мы вышли из школы в жизнь, то постоянно сталкивались с тем, что все эти идеалы имеют к жизни мало отношения и даже противоречат тому, что в жизни происходило, но все это было уже потом. Поэтому я не скажу, что у меня было отторжение коммунистических идей. Но преподавали марксистскую теорию общества, социализма и коммунизма скучно и догматически. Да это и понятно: люди читали по конспектам, очень боялись сказать свое слово, потому что тогда легко было нарваться на политическое обвинение. Например, студент мог написать в парторганизацию, что преподаватель прививает ему не те взгляды. Тогда началось бы расследование, преподавателя могли уволить, а то еще и посадить. В общем — это была сталинская эпоха во всем разгаре, во всей прелести. В те времена был у нас замечательный преподаватель доцент В. И. Степанов, читавший диалектический материализм. Как-то у него на семинаре мы изучали работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «О диалектиче-

ском и историческом материализме» — знаменитую 4-ю главу Краткого курса истории ВКП(б). В этих работах приводился такой тезис, что с преобразованием базиса исчезает и его надстройка, поскольку надстройка обслуживает базис. А я уже перед этим почитал Ленина и заметил противоречие. У Ленина есть такая мысль: когда буржуазия приходит к власти, то она не разрушает государственный аппарат, сложившийся в эпоху феодализма, а использует его как главный инструмент для укрепления своей власти. Однако по всем канонам марксистской схематики государственный аппарат — это надстройка, значит, получается, что элементы старой феодальной надстройки обслуживают новый буржуазный базис. Вот с этим я и выступил на семинаре и помню ужас на лице доброго Василия Ивановича, когда он закричал: «Что ты тут Сталину приписываешь всякие нелепые вещи, садись». Потом я подошел к нему после занятия и говорю: «Как же так, Василий Иванович, это же у Ленина написано». А он мне: «Выброси это из головы». Потом, увидев меня в коридоре, подумал, что я к нему еще раз хочу подойти, закрылся в кабинете, чтобы не продолжать этой скользкой темы. Такие были времена, что ж делать. До многого доходили своим умом.

Для меня то, что относилось к философии науки, было особенно интересно. В общем, я понял, что кроме истории философии надо изучить еще и естествознание. И начал изучать физику. Мой энтузиазм усилился после экзамена, когда Иосиф Залманович Фишер не только похвалил меня за мои ответы, но и посоветовал перейти учиться на физфак. Я остался на философском, но спросил И. З. Фишера, нельзя ли мне ходить на его лекции. Он разрешил. Оформив в деканате право на посещение лекций и обучение на физфаке, я начал постигать основы современной физики. В этом мне помогал мой друг — у меня там было много друзей из физиков, но наиболее близким был и остается Лев Митрофанович Томильчик, Лева Томильчик. Сейчас он член-корреспондент, заведующий лабораторией теоретической физики Института физики Белорусской академии наук. Тогда он учился на 5-м курсе, я был на 3-м, потом он стал аспирантом — я перешел на 4-й курс. Помню, он помогал мне разобраться в квантовой механике, а затем в квантовой электродинамике и теории квантовых полей. Иногда мы ужинали в ресторане (был на вокзале дешевый ресторан, где можно было поужинать за студенческие деньги) и часто на бумажных салфетках писали формулы, чем вызывали большое уважение у официантов. Диплом я писал на философском факультете, но его основное содержание было посвящено анализу копенгагенской интерпретации квантовой механики. Тогда его хвалили, говорили, что это уже готовая кандидатская диссертация. Поступив в аспирантуру, я продолжил работу над этой тематикой и стремился выделить то физическое содержание современных теорий, которое получают различные философские интерпретации, и обсудить, как физика и математика влияют на развитие философии. В качестве темы диссертации я выбрал критический анализ позитивизма Венского кружка и начал писать работу с целью доказать, что поскольку Венский кружок — это продолжение позитивистских идей Маха, а Мах критиковал Ленин, значит, ничего положительного для науки там быть не должно. Так и руководитель меня настраивал. Я прочитал Р. Мизеса, Л. фон Крафта, М. Шлика, Р. Карнапа, К. Поппера. Прочитал практически все основные труды Венского кружка, сам переводил Ф. Франка; до сих пор у меня лежат тетради с этими переводами. Начал писать диссертацию исходя из принятой в то время установки, что позитивизм — разновидность идеалистической философии, связанной с целым рядом неправильных принципов, а потому — с искажением самой науки, научного метода. Но по мере того как вникал в суть дела, я обнаружил, что исходная установка не находила у меня аргументированного подкрепления. В общем, я написал какой-то текст, где первая половина была в духе критики того времени (сходной с работами И. С. Нарского), а во второй части я пытался показать,

что некоторые идеи позитивизма (например, различение эмпирического и теоретического языка) имели рациональный смысл и их можно сохранить в новой интерпретации, но у меня это не очень получилось. Так или иначе, но мне надо было отчитаться о проделанной работе за 3 года аспирантуры. К моему удивлению, кафедра в целом одобрила представленный текст (были сделаны замечания частного характера) и рекомендовала его к защите с учетом высказанных замечаний. С самого начала у меня не было желания защищаться по этому тексту, он мне не нравился, это был, в лучшем случае, начальный вариант, да еще и не совсем качественный, и я его дорабатывать не стал. Как начать заново писать и как аргументированно критиковать позитивизм, мне было тогда непонятно. Я физику XX века уже знал и видел, что у позитивистов были идеи, которые положительно воспринимались естествоиспытателями. Известно, что А. Эйнштейн, прочитав «Механику» Э. Маха, дал довольно высокую оценку этой книге.

В нашей философии в 50-х годах были публикации, которые объявляли теорию относительности махистской и несовместимой с диалектическим материализмом. К началу 60-х годов эти примитивные оценки фундаментальных физических теорий уже преодолевались. Но проблема аргументированного критического анализа позитивизма оставалась и обретала все большую актуальность. Поскольку у меня еще не было в распоряжении достаточно эффективных средств решения этой задачи, я забросил эту тему и ушел на преподавательскую работу в Политехнический институт.

К. И чем Вы там занялись?

С. Там потребовалось читать много разных курсов. Я читал курс математической логики на факультете радиофизики, что для меня особого труда не составило; диалектический материализм я тоже преподавал, но этого было мало для учебной нагрузки. Тогда меня обязали читать курс эстетики на огромных потоках, я увлекся этим. На следующий год мне предложили читать теорию искусства на архитектурном факультете. Внутри курса была теория архитектурной композиции, в чем я вообще плохо разбирался. Поэтому я попросил, чтобы меня послали в Ленинград на стажировку. Я прошел первоначальный курс теории архитектурной композиции в ЛВПХУ им. В. Мухиной, понял, как организуется архитектурное пространство. После стажировки я вернулся и с удовольствием читал курс теории искусства на архитектурном факультете 15 лет. Этот курс включал два больших блока: исторические закономерности развития искусства и язык видов искусства. Язык живописи я читал на экспозиции белорусского музея; кстати, там замечательная экспозиция, по ней очень хорошо видно, как исторически развивались выразительные средства живописи. Язык кино я читал, используя кинофильм режиссера Ричарда Викторова «Третья ракета». Он тогда работал на киностудии «Беларусьфильм», и мы с ним были дружны. Позднее он перешел на «Мосфильм» и более известен по своему фильму «Москва — Кассиопея». Но фильм «Третья ракета» был замечательный, хотя его, как часто было в те времена, раскритиковали за пацифизм. Р. Викторов подарил мне узкоплечный вариант этого фильма, две бобины, и когда я читал лекции по языку кино, то на этом материале показывал, как строится кадр, что такое внутрикадровый монтаж, каковы выразительные возможности крупного плана, причем мне в голову не приходило, что там многие фрагменты, которые я обсуждал со студентами, не допущены цензурой.

К. Так что же стало с Вашей диссертацией в конце концов?

С. Работать со студентами было интересно, и про диссертацию свою я как-то не вспоминал. Но через 4 года я столкнулся с таким мнением: вот, мол, смотрите, умник какой — и физикой занимался, и философией, его в три аспирантуры сразу рекомендовали, по трем кафедрам, и он выбирал, в какую идти, а диссертацию до сих пор не защи-

тил. Меня это уязвило, да и на кафедре все советовали защититься, а потом заниматься чем хочу. И я снова сел за диссертацию уже где-то в 1963 году, через 4 года после окончания аспирантуры. И написал ее новый вариант. Расширение поля моих занятий позволило преодолеть узость прежних представлений о познании. Возникло понимание того, что гносеология должна учитывать особенности не только науки, но и других форм познания: художественного, философского, обыденного. Идея взаимодействия всех этих форм в историческом развитии культуры сегодня воспринимается почти как постулат. А в тот период она была совсем нетривиальна. В процессе чтения курса по теории искусства я обратил внимание на своеобразные переключки и взаимное влияние мировоззренческих образов, возникающих в науке и искусстве. Что же касается взаимодействия науки и философии, то важно было проанализировать под этим углом зрения реальную историю науки. В нашей литературе к этому времени появились исследования, нацеленные на решение этой задачи. Для аргументированной критики позитивизма они давали определенный материал.

Но, пожалуй, главным для меня было понимание активно-деятельностной природы познавательного процесса. Традиционно критика позитивизма в советской философской литературе была ориентирована теми представлениями о познании, которые содержались в ленинской книге «Материализм и эмпириокритицизм». Но там акцентировалась трактовка познания как копирования, зеркального отражения внешних объектов. По существу, это был вариант наивно реалистической концепции познания. Лишь в более поздних работах В. И. Ленин видоизменяет эту трактовку. Он пишет о практической природе познавательного процесса, включенности практики в этот процесс, восстанавливая в правах идею Маркса, что объект дан познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики. Для критики позитивизма продуктивнее была именно вторая, деятельностная версия теории познания.

Второй и третий этапы развития позитивизма (эмпириокритицизм и неопозитивизм) возникали в эпоху, когда научные революции во второй половине XIX – первой половине XX века остро поставили проблему разработки новых методологических основ теории науки. Классический идеал теории как абсолютно правильного и наглядного «портрета» реальности ставился под сомнение.

Выяснилось, что одни и те же законы природы могут быть выражены с помощью разных теоретических понятий. Например, длительное соперничество альтернативных исследовательских программ электродинамики Ампера — Вебера, с одной стороны, и Фарадея — Максвелла, с другой, показало, что возможны разные формулировки законов электромагнетизма. Победа полевой концепции Фарадея — Максвелла вовсе не означала, что законы, сформулированные Ампером и Вебером, неправильны и им ничто не соответствует в физическом мире. Из физической картины мира были исключены представления о теплороде, электрическом и магнитном флюидах как об особых субстанциях-носителях сил. Но законы феноменологической термодинамики и первых вариантов теории электричества и магнетизма остались, хотя они возникали в рамках неадекватных онтологических представлений. После того как механическую картину мира сменила электродинамическая (последняя четверть XIX века), были предложены новые формулировки механики. Г. Кирхгоф предложил исключить понятие силы из числа фундаментальных понятий механики, оставив его только как производное, вспомогательное понятие. Г. Герц предложил новую формулировку механики исходя из представлений о мировом эфире и физических полях как о состояниях эфира. Сила и энергия в его концепции выступали не как основные, а как вспомогательные понятия, выражающие изменения конфигурации масс.

Короче, остро возникла проблема онтологического статуса понятий и представлений научной картины мира. Э. Мах критиковал представления об абсолютном пространстве и

времени, которые перешли из механической в электродинамическую картину мира. Как позднее выяснилось, они действительно были идеализациями, которые имели ограниченную область применимости. Установление этих границ и отказ от представлений об абсолютном пространстве и абсолютном времени были связаны с формированием теории относительности. Кстати, можно показать, что даже в маховской критике атомистики, при всей ее неприемлемости в целом, было рациональное содержание. Атомистические концепции в физике XVII—XIX веков базировались на представлении о неделимости атома как «первокирпичика» материи. Но Мах справедливо указывал на то, что это всего лишь теоретический конструкт, но не сама реальность и что он может разделить судьбу теплорода. Правда, на этом основании он заявлял, что атомы — это «шабаш ведьм», и отбрасывал саму идею атомистики, за что, конечно, Маха следовало критиковать.

Тем не менее проблему онтологизации позитивизм выделил правомерно, она стала действительно актуальной в условиях интенсивного развития науки. Натурфилософские концепции классического этапа естествознания, обосновывавшие те или иные его онтологические постулаты, утратили свою ценность. Наука нуждалась в новой методологии. Отсюда и выростала позитивистская программа «реконструкции философии». Она полагала, что разработка методологических проблем науки должна осуществляться средствами самой науки без обращения к метафизике (методология как позитивная философия). От метафизики же науку нужно очистить.

Уже тогда я понял, что именно в такой постановке проблемы была скрыта логика дальнейшей эволюции позитивизма. Сегодня эту логику я охарактеризовал бы следующим образом. Подход позитивизма вводил особую и весьма ограниченную идеализацию науки. Во-первых, наука рассматривалась как абсолютно автономное образование, не связанное с философией и, более широко, не связанное с другими сферами культуры. Она рассматривалась вне культуры и культурной традиции. Во-вторых, она рассматривалась вне связи с деятельностью. В-третьих, наука рассматривалась вне ее исторического развития. Кстати, неисторический подход нашел выражение в том, что позитивизм искал последнюю и абсолютно правильную научную методологию, которая на все времена обеспечила бы прогресс науки.

Возникает вопрос, что же можно было получить в рамках такой идеализации науки? Можно было выявить структуру сложившегося знания, выделить его эмпирический и теоретический уровень, проанализировать особенности теоретических и эмпирических терминов, провести различие между наблюдением и фактом (факт как конструкт, который образуется при особой обработке, интерпретации данных наблюдений).

Все это позитивизм сделал. И за это его критиковать не следует. Но в рамках исходной идеализации, принятой позитивизмом, невозможно было выявить механизмы развития знаний, формирования новых теорий, изменения фундаментальных понятий и принципов науки, взаимодействия наук и включения в культуру результатов научных исследований. Короче, философско-методологическая проблематика резко сужалась, в рамках позитивистской парадигмы нельзя было понять, как развивается и функционирует в культуре научное знание.

Нельзя сказать, что в то время, приступая к написанию диссертации, я четко эксплицировал все изложенные выше принципы критики позитивизма. Но основу я нащупал и с этих позиций сначала опубликовал небольшую книжку «Современный позитивизм и частные науки» (Минск, 1963), а затем в следующем году довольно быстро написал текст диссертации. По тогдашним нормам кандидатская была объемом равна нынешней докторской — примерно 300 страниц. Я ее успешно защитил. Это было моим возвратом в сферу философии науки, и после защиты я начал всерьез работать над методологической проблематикой.

К. В 70—80-х годах прошлого века Вы разрабатывали концепцию структуры и генезиса научной теории, в дальнейшем нашедшую широкий круг приложений в методологии естественных и технических наук. Одновременно складывалась и Ваша первая научная школа, получившая название Минской методологической школы. На ландшафте марксистской философии все это были весьма значимые события. Какие обстоятельства тому предшествовали, сопутствовали? Откуда Вы черпали идеи и вдохновение? Какие идейные и мировоззренческие мотивы двигали Вами тогда?

С. Для этого надо вернуться к середине 60-х. Работать над концепцией структуры и генезиса теории я начал практически сразу же после защиты диссертации. К этому времени я понял: чтобы серьезно заниматься анализом научного знания, процедур его порождения, его истории, нужно брать в качестве основы оригинальные тексты истории науки. Эти тексты и являются эмпирическим материалом для философа науки. В них запечатлены своеобразная лаборатория научного мышления той или иной исторической эпохи, способы и операции познания, которые стали культурной традицией. Целью было выяснить, как устроено и как развивается научное знание, как формируются новые научные теории. Над этой проблемой работали как зарубежные, так и отечественные методологи. Это была ключевая проблема философии науки 60—80-х годов. Она и сегодня остается фундаментальной проблемой этой области философского знания. Но чтобы решить ее, только изучения текстов истории науки было недостаточно. Необходимо было выработать методологические гипотезы, которые определили бы особое видение текстов. Проверять методологические идеи путем анализа этих текстов, философ науки осуществляет исторические реконструкции тех или иных фрагментов эмпирической истории науки. Между методологическими идеями и их эмпирической проверкой всегда лежат исторические реконструкции. Проверять ту или иную методологическую идею на материале текста, мы видим текст в определенном ракурсе, с определенных позиций и одновременно реконструируем его.

К концу 60-х годов у меня возникла исходная идея анализа, на формирование которой оказали влияние исследования Г. П. Щедровицкого и Э. Г. Юдина. Рассматривая знание с позиций деятельностного подхода, я особо акцентировал внимание на операциях с идеальными объектами, которые могут репрезентировать в познании реальные объекты, их свойства и отношения. Я для себя сформулировал следующую гипотезу. Аналогично тому, как в практической деятельности мы оперируем реальными объектами, переносим их из одной системы практических действий в другую, подобно этому мы действуем и в познании с идеальными объектами. Отсюда вытекал ряд задач. Прежде всего нужно было выявить типы идеальных объектов и их связей в системе научного знания, выявить их системную организацию. Далее нужно было рассмотреть, как формируются новые идеальные объекты в процессе оперирования с ними, каковы механизмы их трансляции из одной системы знания в другую, как в этом процессе порождается новое теоретическое содержание и как осуществляется его эмпирическое обоснование.

В методологической литературе уже было принято выделять два типа идеальных объектов соответственно двум уровням языка науки — эмпирические и теоретические. Важная идея была высказана В. А. Смирновым, который показал, что эмпирические объекты — это особые абстракции, применяемые в эмпирических описаниях (например, «Земля», «Луна», «расстояние между Землей и Луной»). Их признаки всегда можно сопоставлять с признаками (свойствами и отношениями) реальных объектов. В отличие от них теоретические объекты, например «материальная точка», «абсолютно твердое тело», являются идеализациями, теоретическими реконструкциями действительности. Они наделяются признаками, не существующими у реальных объектов опыта (материальная точка — тело, лишенное размеров).

Далее при анализе теоретических конструктов было установлено, что в языке каждой теории они образуют особую целостную сеть. Г. Маргенау подчеркивал, что лишь отдельные элементы этой сети связаны с опытом посредством операциональных определений. Остальные оправданы только в рамках сети. Но тогда возникал вопрос о структуре сети. То, как ее изобразил Г. Маргенау, было лишь первым и в общем-то неадекватным представлением.

Мне удалось показать, что сама эта сеть имеет уровневую организацию. Каждый уровень имеет особое ядро, небольшой набор теоретических конструктов, которые в своих связях образуют теоретическую модель исследуемой реальности. Например, в ньютоновской механике (если взять ее эйлерову формулировку) фундаментальными конструктами являются «материальная точка», «сила», «инерциальная пространственно-временная система отсчета». В своих связях они образуют обобщенную модель механического движения. Чтобы отличить такого рода модели от аналоговых, применяемых в качестве средства построения теорий, я назвал их теоретическими схемами. В отличие от аналоговых моделей теоретические схемы включаются в состав теории и обеспечивают особое системное видение изучаемой реальности. Высказывания теории, формулировки теоретических законов непосредственно относятся к теоретическим схемам, и лишь в той мере, в какой эти схемы могут быть обоснованы опытом, теоретические высказывания могут применяться для объяснения опытных фактов.

Соответственно двум уровням теоретических законов — фундаментальным (типа трех законов Ньютона в механике) и частным (типа законов малых механических колебаний, вращения тел, движения тел в поле центральных сил и т. д.) — я выделил фундаментальную и частную теоретические схемы. В результате теоретический уровень знаний предстал как система, включающая два подуровня.

Теории нижнего уровня (частные теоретические схемы и законы) могут существовать относительно самостоятельно. Но они могут включаться в развитую теорию в качестве ее разделов. Тогда частные теоретические схемы модифицируются и предстают как производные от фундаментальной, становятся ее «дочерними» образованиями. Соответственно, и частные теоретические законы предстают как следствие фундаментальных.

Позднее, примерно лет через пять-семь после того, как я получил все эти результаты, появились публикации И. Д. Снида и В. Штегмюллера, где высказывались некоторые похожие идеи относительно организации теоретического знания. Но, честно говоря, меня это особо не беспокоило, хотя, конечно, было бы хорошо, если бы полученные мной результаты были известны на Западе. Но к этому времени я уже видел, что продвинулся дальше и получил, как мне кажется, более аналитические и детализированные представления о структуре теоретического знания.

Когда выяснилось, что организация этого знания определена иерархией теоретических схем, возникла проблема, как относиться к стандартным идеям о дедуктивном развертывании теории. Известная схема Р. Брайтвайда о том, что из высказываний верхних ярусов теории можно дедуктивно получить как следствие высказывания нижних ярусов и затем сопоставить их с результатами опыта, требовала пересмотра. Анализ реальных ситуаций вывода применительно к физической теории обнаруживал, что выведение частных теоретических законов в качестве следствия из фундаментальных законов предполагает сложную работу по модификации фундаментальной теоретической схемы и построению частных. И здесь уже нет одностороннего движения «сверху» от теории к опыту, а возникает «челночное» движение между теоретическими представлениями и опытом, где взаимодействуют дедуктивные и индуктивные методы.

Новый взгляд на развертывание теории в процессе ее функционирования противоречил стандартной концепции. Подкрепление правильности своего анализа я обнаружил

в идеях генетически-конструктивного метода построения теории. Эти идеи развивал В. А. Смирнов. Он различил гипотетико-дедуктивный и генетически-конструктивный методы и проиллюстрировал особенности последнего на примере вывода в евклидовой геометрии. Я истолковал полученные мною результаты о развёртывании физической теории как вариант генетически-конструктивного метода и показал, что этот метод доминирует в опытных науках. Как всегда, решение одной задачи перетекало в постановку другой. Потребовалось выяснить более детально, как теоретические схемы соотносятся с опытом, каковы механизмы такого соотношения.

При решении этой задачи пришлось еще раз обратиться к анализу структуры эмпирического знания. Я выявил наличие в нем двух важных подструктур. Первая из них представлена реальными экспериментами и ситуациями наблюдения, к которым относятся данные наблюдения (фиксируемые в протокольных высказываниях). Вторая — особыми схемами экспериментально-измерительной деятельности, которые построены из эмпирических идеальных объектов и их связей. Такие схемы часто фиксируются в текстах в форме чертежей и эмпирических описаний — это схемы опыта и схемы ситуаций наблюдения. Я назвал их эмпирическими схемами и показал, что с ними непосредственно соотносятся такие формы знания, как эмпирические зависимости и опытные факты.

Здесь возникала еще одна проблема: как унифицировать ситуации наблюдения вне эксперимента и наблюдения в системе эксперимента, как выработать единое представление о деятельностной природе эмпирического уровня знаний?

Решение было найдено на путях истолкования ситуаций наблюдения в качестве квазиэкспериментальной деятельности. На примерах систематического наблюдения в астрономии было показано, что ранее изученные объекты природы могут использоваться в функции квазиприборов. Например, в наблюдениях за характером излучения Крабовидной туманности использовалось ее покрытие Луной. Луна здесь функционировала в качестве своего рода экрана, а ситуация наблюдения выступала как осуществление своеобразного квазиэксперимента, в котором наблюдаемый объект (излучение Крабовидной туманности) взаимодействовал с рабочей частью квазиэкспериментального устройства (Луна) и затем результаты взаимодействия фиксировались в регистрирующей подсистеме этого «устройства» (приборами на Земле). Такого типа наблюдения я обозначил как приборные ситуации. И по признаку наличия приборной ситуации отделил систематические наблюдения от случайных.

Эксперимент и приборные ситуации предстали в качестве особого типа взаимодействия реальных объектов, у которых активностью субъекта функционально выделены некоторые наборы признаков. Каждый реальный объект обладает бесконечным числом признаков, но его включение в эксперимент и приборную ситуацию превращает его в объект с функционально выделенными признаками. Такой объект можно рассматривать в двух аспектах: и как реальный материальный объект, и как своего рода квазиабстракцию нулевого уровня.

В результате всех этих напряженных размышлений над проблемами структуры научного знания у меня возникло представление о его многоуровневой иерархической организации, где уровни связаны прямыми и обратными связями. Изучаемая реальность на каждом из этих уровней представлена особыми схемами изучаемого объекта и схемами деятельности (реальными и мысленными экспериментами), а также соответствующими формами их описания.

К. Вы, по сути дела, говорите об истоках Минской методологической школы, которая складывалась в то время и в 70-е годы стала известным объединением единомышленников в рамках философии науки. Меня всегда интересовало: была ли необходимость ее возникновения в Минске или это чисто случайное событие?

С. Я думаю, что есть несколько взаимосвязанных факторов, в том числе и психологических. Все школы возникают тогда, когда появляется человек с повышенным энергетическим зарядом, который, активно занимаясь исследованиями, вырабатывая новые идеи, заражает этим других. Есть разные психологические типы личности. Есть люди, которые работают преимущественно в одиночку, коммуникации с другими осуществляют преимущественно через текст, книги. Они редко обсуждают только зародившиеся идеи, пока не доводят их до кондиции. Конечно, это не означает полной изоляции таких исследований от живых обсуждений и общения. Они тоже ориентированы на сообщество, участвуют в семинарах, конференциях, предлагают свои результаты для обсуждения. Речь идет о доминировании личной сосредоточенности и индивидуальной работы.

Я же принадлежал к людям иного психологического склада, которым нужна живая коммуникация именно в процессе генерации новых идей. Им хочется поделиться тем, что они открыли, но еще не написали. Когда я что-то открывал, это приводило меня в состояние творческого возбуждения, и я делился со своими друзьями — рассказывал им, обсуждал ту или иную тему.

Разумеется, что такого рода активность — это необходимое, но недостаточное условие возникновения школы. Нужно, чтобы тот, кто претендует на лидирующее положение в создающейся школе, генерировал новые идеи и чтобы эти идеи были интересны тем, кому он их адресует. Нужна содержательная работа. Я думаю, что ядро Минской методологической школы складывалось не тогда, когда у меня появились аспиранты и неформальные ученики. Началом Минской методологической школы, если угодно — ее зародышем, были мои дискуссии с физиками Белорусской академии наук, а затем и совместная работа. Методологическую концепцию структуры научного знания и его динамики в первом приближении я уже имел. Поскольку она апеллировала к физическому материалу, физикам это было интересно. Ну и, конечно, многое определялось доверием, дружескими отношениями — ведь обсуждал я свои идеи с Л. М. Томильчиком, его коллегами и аспирантами.

Проблема, которая интенсивно нами обсуждалась, — это проблема генезиса физических теорий. Как они создаются? Известно, что А. Эйнштейн одним из важнейших методологических уроков физики XX века считал вывод, что теория не возникает как простое индуктивное обобщение опыта. Исходя из представлений о том, что ядром теорий являются теоретические схемы, я переформулировал проблему как вопрос о генезисе теоретических схем. Предварительно проделанный мной анализ на материале частных теоретических схем классической физики показал, что они вначале формируются как гипотезы путем трансляции теоретических конструктов из уже сложившихся областей теоретического знания и погружения этих конструктов в новую сетку связей. Осуществляются эти операции в процессе аналогового моделирования. Аналоговая модель представляет сетку связей. В ней прежние конструкты замещаются новыми. Приведу пример. Всем известно, что Э. Резерфорд создал планетарную модель атома, доказав в опыте с альфа-частицами существование атомного ядра. Часто это открытие интерпретируют как свидетельство, что теория возникает в результате индуктивного обобщения опыта. Но на самом деле это не так. Планетарную модель атома в качестве гипотезы предложил японский физик Х. Нагаока в 1904 году, за восемь лет до опытов Э. Резерфорда. Само ее построение было инициировано открытием делимости атома. Возникла задача построить такую модель атома, чтобы в атоме было одинаковое количество электронов и положительно заряженных частиц и чтобы при этом он был устойчивым. Нагаока использовал представление небесной механики о вращении небесных тел (планет, спутников) вокруг центрального тела. Он заимствовал из небесной механики теоретическую схему,

в которой вращение тел вокруг центрального тела изображалось как движение точечных масс по орбитам вокруг центральной точечной массы. Эту теоретическую схему он использовал как аналоговую модель. Точечные массы он заместил зарядами (электронами на орбитах и положительным зарядом в центре, вокруг которого вращаются электроны). Так была построена первая гипотетическая планетарная модель атома. Аналоговая модель была носителем сети отношений, заимствованной из механики. Положительные и отрицательные заряды заимствовались совсем из другой области физического знания — из электродинамики. Соединение теоретических конструктов из одной области с новой сеткой связей привело к формированию новой теоретической схемы, на первых порах гипотетической. И нужно было доказать правомерность гипотетической модели, обосновать ее, апеллируя к эмпирическим знаниям именно той области, на объяснение которой претендовала новая модель.

В этом пункте возникал чрезвычайно важный сдвиг проблем. Получалось, что новые теоретические конструкты возникают не путем обобщения опыта, а путем преобразования прежних конструктов за счет переносов их из одной области знания в другую и погружения в новую сеть отношений. Но ведь теоретические идеализации всегда рассматривались как конечный результат мысленных экспериментов, аккумулирующих реальные возможности опыта. В учебниках физики, в физических и философских словарях, в книгах по теории познания можно найти тому многочисленные и уже ставшие стандартными примеры.

Допустим, речь идет об идеализации абсолютно твердого тела. Опыт показывает, что под влиянием внешней силы тела деформируются. Чем тверже тело, тем меньше деформация при фиксированной силе. А дальше можно осуществить предельный переход. Предполагается, что сила неограниченно возрастает, а тело деформируется все меньше. Так возникает идеализация абсолютно твердого тела.

Итак, следовало ответить на вопрос: как формируются теоретические идеализации? «Сверху», без обращения к опыту, за счет операций с ранее построенными идеальными объектами, или «снизу», как обобщение опыта?

В рамках разрабатываемой мною концепции ответ был довольно простой: на стадии гипотезы — «сверху», а затем, при обосновании гипотезы, — «снизу». Иначе говоря, построенные за счет внутритеоретических операций новые конструкты, образующие гипотетический вариант теоретических схем, должны быть затем обоснованы как идеализации, опирающиеся на особенности нового опыта. В случае с планетарной моделью атома такое обоснование получил теоретический конструкт — атомное ядро. Введенный в гипотетической модели Нагаока, этот конструкт после опытов Резерфорда по рассеиванию α -частиц был определен по признаку: «ядро — это центр потенциальных отталкивающих сил, способный рассеивать положительно заряженные тяжелые частицы на большие углы». Нетрудно видеть, что это определение по существу представляет собой описание мысленного эксперимента, который выражал существенные черты проведенных Резерфордом опытов по рассеиванию α -частиц.

Вторичное конструирование абстрактного объекта теории как идеализации, опирающейся на новую область опыта, — это одно из условий придания теоретическим конструктам онтологического статуса. Теоретические схемы, введенные на стадии гипотезы «сверху» по отношению к опыту, затем в процессе обоснования предстают как обобщение опыта.

Я обсудил все эти результаты с моими друзьями-физиками, и мы сразу же зафиксировали, что подобный способ обоснования гипотетических абстрактных объектов теории лежал в основе формирования квантовой механики и квантовой электродинамики. В

квантовой механике соотношение неопределенности $\Delta p_x \cdot \Delta x \geq \hbar$ в принципе можно получить из математического аппарата, из перестановочных соотношений, но физический смысл оно обретает благодаря мысленному эксперименту В. Гейзенберга по рассеиванию фотона на электроном. А сам этот мысленный эксперимент был выражением сущности тех экспериментов в атомной физике, которые основаны на рассеянии одних частиц на другие. Аналогичным образом фундаментальные теоретические конструкты квантовой электродинамики, созданные в процессе построения ее математического аппарата, затем были введены в систему мысленных экспериментально-измерительных процедур. В этих процедурах были выражены основные особенности реальных экспериментов и измерений в квантово-релятивистской области (процедуры Бора — Розенфельда).

После всех этих обсуждений у меня не оставалось сомнения, что обнаружена не описанная ранее в методологии науки принципиально важная операция построения теорий. Я предложил назвать ее процедурой конструктивного обоснования теоретических объектов и теоретических схем. В своей последующей работе я не раз возвращался к уточнению деталей этой процедуры. В частности, описал порождение на стадии гипотезы новых признаков теоретических конструктов в языке логики как результат погружения абстрактного объекта в новые отношения. Известно, что в новой системе отношений абстрактные объекты всегда приобретают новые признаки. А поскольку теоретические конструкты заданы как носители строго определенных признаков, то это эквивалентно построению новых конструктов из ранее созданных. Здесь прежние признаки конструктов дополняются новыми. Но тогда возникает новая задача: выяснить, совместимы ли новые и старые признаки, нет ли между ними противоречия. Несовместимость признаков может обнаруживаться в форме теоретических парадоксов. В примере с планетарной моделью атома такого рода парадокс был обнаружен применительно к представлениям об электронных орбитах. В модели Нагаока — Резерфорда электрон был наделен признаком «устойчиво двигаться по орбите вокруг ядра». Но поскольку электрон несет электрический заряд, то по законам классической электродинамики при вращении вокруг ядра он должен излучать, а вследствие этого терять энергию и в конце концов падать на ядро. Атом в планетарной модели становится неустойчивым. Признак электрона «устойчиво вращаться вокруг ядра» и признак «нести электрический заряд» оказывались несовместимыми.

Этот парадокс был обнаружен известным физиком В. Вином. Он был устранен только благодаря развитию квантовой теории, разработку которой в числе других факторов этот парадокс тоже стимулировал. В квантово-механических представлениях об атоме орбиты были элиминированы (они — неконструктивный объект).

Таким образом выявлялся новый аспект конструктивного обоснования теоретических схем. Процедура уточнялась и включила уже две взаимосвязанные операции: 1) проверку взаимной непротиворечивости признаков теоретических конструктов; 2) выстраивание новых признаков как идеализаций, учитывающих особенности нового опыта, того, на объяснение которого претендует создаваемая теория.

Все эти уточнения процедуры конструктивного обоснования были получены мной уже в работе над докторской диссертацией, в начале 70-х годов. Но в первом приближении эта процедура была обнаружена еще в 1967 году.

Выработанные методологические средства оказались эффективными при исследовании генезиса частных теоретических схем. Я проанализировал под этим углом зрения не только первичные модели строения атома, но и процесс построения частных теоретических схем домаксвелловской электродинамики (создание фарадеевской модели электромагнитной индукции, построение моделей и законов силового действия тока в электродинамике Ампера). Нужно было сделать следующий шаг — проследить, как

создаются фундаментальные развитые теории. Вначале целесообразно было исследовать процедуры их построения в классической физике. К исследованию особенностей становления теорий в квантово-релятивистской физике я намеревался приступить позднее, на следующем этапе, после того как будут проанализированы операции построения классических теорий.

Естественным было начать с исторически первой развитой физической теории — механики Ньютона. Я надеялся на этом историческом материале проследить, как были синтезированы и обобщены предшествующие этой теории частные теоретические схемы и законы доньютоновской механики — такие, как, например, закон идеального маятника Гюйгенса, законы Кеплера, законы вращения тел, соударения упругих тел и соответствующие им модели.

К. А также комплекс законов Галилея?

С. Безусловно. Все эти теоретические модели и законы описывали отдельные виды механического движения и опирались на соответствующий эмпирический материал. У меня возникла первичная гипотеза о том, что развитая теория не нуждается для своего построения в новом эмпирическом материале, который не был уже ассимилирован предшествующими частными теоретическими схемами. Она должна прежде всего работать с ними, она должна их обобщать. Но когда в 1967 году я обратился к материалу ньютоновской механики, то в «Математических началах натуральной философии» И. Ньютона не нашел последовательных этапов такого обобщения. В «Математических началах» Ньютон изложил конечный результат своей работы над обобщающей теорией механического движения. А чтобы проследить логику построения теории, нужно было иметь в распоряжении тексты, фиксирующие промежуточные стадии ее создания. Однако такие тексты, судя по всему, не сохранились. Поскольку я работал на материале истории физики, то для варианта классической фундаментальной теории оставались две возможные области: либо термодинамика, либо электродинамика.

Всеми этими поисками я занимался в первой половине 1967 года. Я в это время находился на стажировке в Москве, в МГУ. Часто встречался и спорил с Г. П. Щедровицким, познакомился с В. А. Смирновым и В. А. Лекторским, Л. Б. Баженовым, которые с одобрением отнеслись к моим результатам. В. А. Смирнов особо выделял мои идеи относительно генетически-конструктивного развертывания физической теории. Он посоветовал не затягивать с их публикацией. Но меня мучил вопрос, как проследить генезис развитой научной теории. Выявляя закономерности построения частных теоретических схем, я часто обращался к материалу истории электродинамики (использовав тексты Фарадея и Ампера). И мне показалось естественным попытаться выяснить, как создавалась классическая теория электромагнитного поля. Сразу после стажировки в Москве я стал обсуждать эту проблему со Львом Томильчиком. Я нашел в моем старом друге очень хорошего союзника, которому также были интересны эти сюжеты. Его давно интересовало, как Максвелл открыл уравнения электромагнитного поля, и мы занялись анализом максвелловских текстов. К счастью, получилось так, что выбор материала оказался исключительно удачным. У Максвелла было несколько промежуточных публикаций до того, как он изложил уже в окончательном варианте свою теорию электромагнитного поля (у него было, по крайней мере, две крупные промежуточные публикации). И мы начали анализировать в исторической последовательности эти публикации, пытаясь восстановить ход максвелловской мысли. Определенная трудность состояла в том, что математический язык, которым пользовался Максвелл, был отличен от современного. Лева (Лев Митрофанович) объяснял мне, как перевести максвелловские формулировки в принятую сегодня форму векторного анализа. После этого мы приступили к выяснению внутренней логики максвелловского открытия.

Работа была чрезвычайно интересной. Мы почти каждый день собирались с моим другом в кабинете его шефа — академика-секретаря Отделения физико-математических наук АН БССР Федора Ивановича Федорова. Федор Иванович был известным физиком-теоретиком, автором книг, получивших международное признание. Он был учителем Льва Митрофановича Томильчика, его научным руководителем. В период учебы в университете я посещал некоторые его лекции на физфаке. К нашим философским и историко-научным занятиям он относился благосклонно, разрешил заниматься в его кабинете после того, как заканчивалась официальная работа в Отделении. Единственным его неудовольствием было то, что я в энтузиазме наших поисков иногда брал его карандаши и машинально ломал их. Он весьма тактично попросил Льва Митрофановича сохранять в кабинете порядок, и я стал контролировать свои манипуляции с карандашами.

Работа наша продвигалась, мы находили факты, не замеченные историками науки, и давали им объяснение. Идея конструктивного обоснования позволяла проследить логически необходимые шаги предпринятого Максвеллом грандиозного синтеза знаний об электричестве и магнетизме. Причем то, что во многих книгах по истории физики оценивалось как нелогичные натяжки, в нашем анализе выстраивалось совершенно по-другому.

К середине 1968 года мы завершили свою реконструкцию. Выяснилось, что знаменитое уравнение с током смещения и вся система максвелловских уравнений электромагнитного поля были получены как закономерный логический итог последовательных обобщений ранее созданного в электродинамике набора частных теоретических схем и законов. Мы испытывали чувство удовлетворения и духовного подъема.

Но именно в этот период судьба преподнесла мне испытание. 1968 год — время так называемых чешских событий. Я продолжал преподавать философию и эстетику в Политехническом институте. В лекциях со студентами и в частных беседах со своими коллегами я обсуждал проблему сталинизма и маоизма. На эту тему у меня была целостная концепция, объясняющая, почему в странах с недостаточно развитым капитализмом, после того как в них осуществляется социалистическая революция и начинаются социалистические преобразования, наиболее вероятен авторитарный и тоталитарный тип правления. Появление таких личностей, как Сталин и Мао Цзэдун, я объяснял с позиций марксизма не как чисто случайное историческое событие, а как выражение тенденций общественного развития. Я высказывал и такую мысль, что в XX веке социализм должен демократизироваться, чтобы обеспечить новый научно-технологический прорыв и более высокую, чем при капитализме, производительность труда. С этих позиций я считал идею «социализма с человеческим лицом» чрезвычайно важной и осуждал ее подавление силовыми методами. Многие из моих тогдашних рассуждений стали через двадцать лет, во времена горбачевской перестройки, почти публичными мнениями. Но в то время они были социально опасны, а уж оправдание «чешских ревизионистов» — тем более. На пленуме ЦК Белорусской компартии в докладе ее первого секретаря П. М. Машерова я был упомянут в числе негативных примеров как человек, чьи оценки чешских событий и истории социализма несовместимы с коммунистической идеологией. Меня исключили из партии, и после этого заведующий кафедрой, на которой я работал, потребовал, чтобы я написал заявление об увольнении. Речь шла об утрате профессии.

Но в принципе мне повезло. П. М. Машеров выступал на партактиве в Политехническом институте. В перерыве он общался со студентами, и там зашел разговор обо мне. Студенты сказали какие-то хорошие слова, но главное — меня поддержали парторг архитектурно-строительного факультета Э. Овчинников и ректор института П. Яшеричин. Как мне потом передали, ими было сказано примерно следующее: «Он молодой, теоретик, фантазер, его занесло, но он не вредный. Вы разрешите его оставить в коллек-

тиве, мы его перевоспитаем». Машеров был весьма незаурядным человеком, он не был до конца циничен, как многие руководители в брежневское время, и поэтому его в партийных верхах не очень любили. Он позже всех получил звание Героя Социалистического Труда, хотя в Белоруссии показатели были самые лучшие из всех республик СССР. Машеров ответил: «Ну что, товарищи, я думаю, что из него получится и хороший ученый, и хороший коммунист, а за это стоит побороться». И эту же фразу он произнес публично в заключительном слове на активе. Мне посоветовали написать апелляцию, и затем в горкоме меня восстановили в партии, но со строгим выговором. С этим выговором я проходил еще три года, пока его не сняли. На работе я остался в прежней должности доцента. В общем, все обошлось. Но говорить, что эта история в то время сильно способствовала моему научному творчеству, я бы не стал. Хотя психологически я пережил несколько таких состояний, когда научные занятия оказывались своеобразным антистрессовым фактором.

Вспоминаю, что после партсобраний и парткомиссий, на которых приходилось выслушивать обличительные речи, я шел в библиотеку. Анализировал тексты Ампера и Максвелла, обнаруживал связи теоретических конструктов с их деятельностными основаниями, за теоретическими высказываниями видел схемы деятельности. И как-то мир обретал порядок, мне начинало казаться, что все, происходящее за стенами библиотеки, — это какая-то ненужная и глупая мелочь по сравнению с тем, чем я сейчас занимаюсь. Позднее я нашел у Эйнштейна интересные мысли о психологических состояниях исследователя, систематически работающего в науке. В речи памяти Макса Планка Эйнштейн сказал примерно следующее. Если из храма науки выгнать торговцев и менял, то там мало кто останется. Людей, которые пришли за чинами, деньгами, званиями, с честолюбивыми стремлениями, в науке большинство, но есть люди, для которых наш мир суетных страстей психологически невыносим. И они строят для себя идеализированный мир чистых сущностей, логически упорядоченный мир разума, в котором им хорошо жить. Как считал Эйнштейн, к таким людям и относился Макс Планк. Когда я это прочитал, то подумал, что я, наверное, в какой-то маленький отрезок своей жизни переживал похожие состояния и что они сохраняли мои нервы и здоровье в период стресса.

К. Это что-то вроде психоаналитической компенсаторной трактовки науки?

С. Нечто вроде этого, хотя я не сказал бы, что именно в поисках таких состояний был основной стимул моих занятий наукой. В каждом из нас в той или иной степени переплетаются и честолюбивые замыслы, и понимание самооценности научных результатов, и любопытство к тому, как устроен тот или иной изучаемый нами объект. Стимулы для научных занятий многообразны, как многообразны человеческие интересы и мотивации.

После того как у меня все более-менее утряслось в смысле социального положения, моя работа продолжилась с прежней интенсивностью, хотя и появились дополнительные препятствия.

В 1969 году мы с Л. М. Томильчиком написали книгу, в которой были изложены представления о деятельностной природе научного познания и проведен анализ квантовой теории под углом зрения деятельностного подхода. Выход книги планировался в издательстве Белорусской академии по философской редакции. Но, судя по всему, редакторы не очень хотели участвовать в публикациях диссидентствующего автора. И тогда Федор Иванович Федоров перевел ее в физико-математическую редакцию и согласился быть ее научным редактором. Книга «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики» вышла в 1970 году и получила очень хорошие отзывы. В этом же году вышли две мои публикации в «Вопросах философии» (№ 1 и № 10, 1970). Особенно важной для меня была первая из них — статья «Проблема субъекта и объекта в опытной науке», где я изложил разработанные мной представления о структуре научного

знания и о приборных ситуациях как основании систематических наблюдений. Основная идея этой статьи состояла в доказательстве того, что онтологический статус теоретических схем возникает как своеобразная «свертка» схематизмов деятельности.

К. Много позже эту статью все еще продолжали интенсивно обсуждать. Дело в том, что тем самым идее практики было придано конкретное эпистемологическое содержание, открывались новые перспективы...

С. Я встречал положительные ссылки на эту статью где-то в 80—90-х и даже в наши дни. Но в то время для меня такие оценки были особенно значимы. Меня стали приглашать с докладами на престижные конференции. Постепенно создавалось имя. В начале 70-х годов вышли две мои публикации в коллективных монографиях Института философии АН СССР— «Философия. Методология. Наука» (отв. ред. В. А. Лекторский, 1972) и «Практика и познание» (отв. ред. Д. П. Горский, 1973). Само участие в таких книгах, рядом с известными московскими философами и естествоиспытателями, уже было для меня престижным. Тем более что в рецензии на книгу «Философия. Методология. Наука», опубликованной после выхода книги в «Вопросах философии», рецензент уделил особое внимание написанному мной разделу «К проблеме структуры и генезиса научной теории», проанализировал его, дал в целом высокую оценку и указал на возможные перспективы дальнейшего развития концепции. А рецензентом был Эрик Григорьевич Юдин, идеи которого оказали влияние на выбор направления моих исследований.

В 1973 году вышла книга «Методы научного познания» (в соавторстве с А. Н. Елсуковым). В ее основе были мои лекции по методологии науки, прочитанные аспирантам Политехнического института, где я продолжал работать.

Памятным было и участие в работе Международного конгресса по истории науки, который проводился в Москве в 1973 году. На конгрессе я выступал с докладом, подготовленным совместно с Л. М. Томильчиком. В докладе излагались основные результаты нашей реконструкции максвелловской электродинамики (тезисы доклада были опубликованы в материалах конгресса). На конгрессе я познакомился с Борисом Семеновичем Грязновым, работы которого хорошо знал. Само это знакомство началось довольно курьезно. Я подошел к нему, представился и начал рассказывать о том, что мы сделали в Минске, как нужно интерпретировать логику максвелловского открытия. Но он куда-то торопился по делам конгресса, и беседы не получилось. Тут я, конечно, был неправ. Нельзя приставать на ходу к человеку, который обременен организаторскими обязанностями. Он вежливо дал понять, что не место и не время сейчас говорить о проблемах, которые требуют сосредоточенности и особой дискуссии. И я не обиделся, понял, что занят человек. После того как я сделал свой доклад, на котором Борис Семенович не только присутствовал, но и руководил заседанием, он подошел ко мне и сказал: «Снимаю шляпу, это блестяще». С этого времени началась наша дружба, я с ним обсуждал многие проблемы философии науки.

К. На теоретические дистинкции и структуры надстраивались, таким образом, и связи между людьми.

С. Да. Мы всегда работаем в коммуникациях с другими, в прямых и косвенных. В 70-е годы сложилось довольно многочисленное сообщество философов и методологов науки. Мы читали работы друг друга, обсуждали доклады, дискутировали, обменивались книгами, статьями и даже рукописями. Были коммуникации, было настоящее сообщество. И туда входили разные люди: логики, методологи, историки науки. Наиболее известные из них приглашались на семинары Института философии АН СССР и звенигородские симпозиумы, которые проводил Институт истории естествознания и техники АН СССР.

Выступать с докладами на этих семинарах было честью. Туда не всех допускали. Я гордился тем, что меня приглашали в качестве докладчика. Дискуссии были весьма жесткими. Помню, на семинаре в Институте философии АН СССР я выступил с докладом об операциях построения теоретических моделей. Рассуждения я сопровождал диаграммами, на которых показывал, как осуществляется «челночное движение» от теории к эмпирии в процессе конструктивного обоснования моделей. С критическими замечаниями выступил Э. М. Чудинов, тогда уже доктор наук, заведующий кафедрой философии знаменитого Физтеха. Его замечания сводились примерно к следующему. В философии науки мы привыкли использовать язык математической логики. Как этот язык применить к Вашим картинкам и как применить логический аппарат к Вашим рассуждениям — это неясно. На мою защиту встал В. А. Смирнов, уже тогда, пожалуй, самый авторитетный из наших логиков. Он высказался довольно резко: за картинками, которыми Стёпин иллюстрировал процессы конструирования абстрактных теоретических объектов, скрыта особая логика, которая для формального выражения требует разработки новых средств. Здесь доминирует не гипотетико-дедуктивный подход, основанный на оперировании высказываниями, а генетически-конструктивный, основанный на мысленных экспериментах с абстрактными объектами «как конкретно-наличными».

После окончания семинара мы втроем еще долго беседовали на все эти темы. Надо отдать должное Э. Чудинову: он не только довольно быстро разобрался в сути предлагаемой мною концепции, но и тут же посоветовал соотнести ее с недавно вышедшими работами Штегмюллера. В дальнейшем мы не раз встречались с ним в неформальной обстановке, обсуждали излюбленную Чудиновым тему эквивалентных описаний. Он был потом оппонентом моей докторской и дал ей весьма лестную оценку.

Особо хочу отметить знаменитые «звенигородские вербалки» — семинары по методологии и истории науки. Их организатором и мотором был Борис Семенович Грязнов. Мои доклады на этих семинарах активно обсуждались, и эти обсуждения часто стимулировали новую постановку задач. Но не менее впечатляющими были заключительные вечера после окончания семинаров, с ночными бдениями, шутками, с поэтическими комментариями Вадима Рабиновича, известного своими работами по истории алхимии, обладавшего немалым поэтическим даром (он сейчас не только известный философ и историк науки, но и не менее известный поэт). Сочиненные им шуточные поэмы на тему «звенигородских вербалок» и стенгазета с иллюстрирующими его стихи карикатурами были своеобразной изюминкой звенигородских вечеров. Кончалось все чтением стихов Пастернака, Цветаевой, Бродского, песнями под гитару. Хорошие были времена!

А дискуссии мы вели, как сейчас сказали бы, почти в режиме «нон-стоп». Помню, как после одного из семинаров в Ленинграде я летел в Минск, а Михаил Александрович Розов — в Новосибирск. В аэропорту мы затеяли дискуссию по проблеме механизмов трансляции абстрактных объектов из одной области знания в другую. Мы так увлеклись, что я забыл о предстоящей «трансляции меня» в Минск и чуть не опоздал на самолет.

В Новосибирске была интересная школа методологов — М. А. Розов и И. С. Алексеев были ее лидерами. Игорь Алексеев переехал потом в Москву. Он рано ушел из жизни, а сделал много, развивая деятельностную парадигму.

Хотел бы специально отметить, что в рамках сообщества философов науки 70—80-х годов функционировало несколько оригинальных школ и сообществ, которые тесно взаимодействовали. Была школа ленинградских (санкт-петербургских) философов (В. П. Бранский, А. С. Кармин, М. С. Козлова), сообщество киевских философов (М. В. Попович, С. Б. Крымский, П. С. Дышлевый и др.), несколько московских школ (философы и логики Института философии; философы и историки науки Института

истории естествознания и техники АН СССР, школа Г. П. Шедровицкого). Была и Минская методологическая школа.

1972—1973 годы стали для меня годами признания моих работ сообществом. Было много встреч, дискуссий. В Ленинградском университете мы с В. П. Бранским в 1973 году устроили большую публичную дискуссию по проблеме генезиса теории. Она шла, наверное, часов пять в большом зале, и к ее концу народу не только не убавилось, но, как мне помнится, прибавилось.

Все эти поездки, дискуссии, участие в семинарах и конференциях были для меня не только демонстрацией ранее полученных результатов. Я продолжал развивать свою концепцию. После того как мы с Л. М. Томильчиком осуществили реконструкцию истории максвелловской электродинамики, мне нужно было решить следующую задачу: выяснить, как создаются теории в неклассической науке, что изменяется в методах их построения?

В 1969 году перед написанием совместно с Л. М. Томильчиком книги «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики» мы по творческой инерции после реконструкции максвелловского открытия провели анализ того, как П. Дирак создавал релятивистскую теорию электрона. Это был своеобразный пролог к исследованию процессов формирования неклассических физических теорий. Я понимал, что наиболее продуктивным и интересным было бы сопоставить построение классической теории электромагнитного поля и создание квантовой электродинамики как неклассического образца развитой физической теории. Но эту задачу мне нужно было решать уже самостоятельно.

Мой друг Лев Томильчик с начала 70-х стал активно работать над проблемами монополя Дирака. Эта его работа завершилась через несколько лет успешной защитой докторской диссертации и написанием солидной монографии. Я также начал работать над докторской, и решение проблемы построения теорий в неклассической квантово-релятивистской физике было, пожалуй, главным звеном для необходимой полноты концепции. Без решения этой проблемы невозможно было показать, как исторически меняются методы и методологические принципы формирования теорий. А в том, что эти методы и принципы исторически развиваются, у меня сомнений не было. Короче, я приступил к новой реконструкции, как потом выяснилось, довольно сложного фрагмента истории физики. И здесь мне пришлось разрабатывать новые методологические средства, поскольку речь шла о новых основаниях и новых стратегиях неклассического этапа развития науки.

Беседа вторая. *От структуры теории — к основаниям науки*

К. Логика Вашей работы была во многом чужда обычной марксистской методологии науки тех лет, исходившей из некоторых общих понятий и принципов и стремившейся обосновать заранее известные выводы ссылками на «данные науки». Вам тогда удалось нащупать иное взаимоотношение между теорией и историей науки как между равноправными партнерами междисциплинарного диалога.

С. Я хотел бы особо подчеркнуть, что работа в области современной философии науки и методологии науки не может ограничиваться набором отдельных выводов, примеров, которые выхвачены из истории разных эпох. Часто в нашей и западной литературе методологические идеи излагаются следующим образом: как пример берется некий эмпирический материал, скажем, классическая теория излучения или теория излучения атома, и они иллюстрируют рассуждения логико-методологического характера. У нас была другая задача — проследить, как по шагам строится теория, т. е. какова логика ее построения. Конечно, эта логика всегда предварительно предполагалась в качестве методологической гипотезы, но потом мы ее проверяли на историческом материале, и материал

часто сопротивлялся первичным гипотетическим схемам, заставлял их переделывать, перестраивать, уточнять. Здесь возникает, как я люблю выражаться, челночное движение от методологической идеи к материалу и от материала к идее. Сами тексты научных теорий, которые оставили их творцы, — это и есть тот эмпирический материал, который подлежит осмыслению и исторической реконструкции. Реконструкции — это особый тип знания, который, как я думаю, вообще необходим для исследования исторически развивающихся систем, это особый тип теоретического знания, который присутствует и в методологии науки, и не только в методологии, но везде, где речь идет об исторических объектах. Исторические реконструкции позволяют выяснить, как такие объекты возникают и развиваются. Например, чтобы понять, как возникла наша Вселенная, нужна реконструкция ее истории (от первого взрыва до современного состояния), т. е. сначала вводятся предварительные модели развивающейся Вселенной, проверяются их следствия, и если возникает их несоответствие фактам, модели уточняются и конкретизируются. По существу, это попытка реконструировать события от Большого взрыва до наших дней, выявить, как шла эволюция Вселенной. Если вы хотите построить теорию возникновения жизни на Земле, то вы должны тоже провести соответствующую реконструкцию. Любая теоретическая концепция, которая воспроизводит основные вехи зарождения жизни, выступает как своеобразный тип теоретического знания, как историческая реконструкция. В социальных и гуманитарных науках, там, где речь идет об историческом развитии социальных процессов, при их теоретическом осмыслении также используются исторические реконструкции. Причем один и тот же исторический процесс может быть осмыслен и теоретически описан в различных реконструкциях. Например, когда М. Вебер исследовал эпоху становления капитализма, он осуществил реконструкцию, посредством которой выяснил, как возникла протестантская этика и все то, что он называл духом капитализма. К. Маркс эту же эпоху описывал с другой точки зрения. Он тоже предложил реконструкцию истории первоначального накопления: исследовал, как происходит превращение денег в капитал и как рабочая сила становится товаром. Каждая из этих реконструкций эпохи становления капитализма осуществлялась под определенную систему теоретических идей. У Маркса — это была идея материалистического понимания истории, когда главным в становлении нового типа общества полагалось изменение способа производства. У Вебера же главным фактором такого становления было изменение фундаментальных ценностей культуры.

Подобным образом работает и современный философ и методолог науки, апеллируя к истории науки. Он предлагает историческую реконструкцию определенного материала, и те или иные методологические идеи выполняются и демонстрируются в этом материале. Я люблю приводить такой пример: скульптор, который замыслил создать скульптуру, может бесконечно рассказывать словами, что он хочет, но у вас не будет образа этой скульптуры или будут иные образы до тех пор, пока скульптор не создаст свое произведение, и если оно соответствует его замыслу, то, по существу, он представит свои идеи воплощенными в материале. Похожим образом реконструкция того или иного фрагмента реальной истории науки представляет собой выполнение некоторых методологических идей в историческом материале. Исторические факты — это отдельные события реального исторического процесса. В исторической реконструкции по отдельным историческим точкам-событиям выстраивается логика исторического развития. Философ и методолог науки имеет дело с особым объектом. Научное знание — это исторически развивающаяся система, и он не должен выхватывать из разных областей знания наугад взятые примеры, чтобы обосновать свои идеи. В этом случае он чаще всего создает только иллюзию обоснования своих идей историческими фактами. Если речь идет

о генезисе развитой теории, то наилучший способ обоснования методологических моделей становления теории — это продемонстрировать модель в материале исторической реконструкции.

К. Но в таком случае историк науки и методолог науки фактически должен повторить тот реальный процесс, который имел место. Это ведь невозможно в силу того, что много звеньев пропущено, у нас ограниченный исторический материал. Даже большая часть пропущена, и потому мы сталкиваемся так или иначе с проблемой полноты исторической реконструкции. И критерием ее оказывается набор методологических конвенций, принятых историками и методологами, а не сама «объективная» история...

С. Конечно, реконструкция — это не сама история. Я еще раз подчеркну — это теоретическая модель реальной истории. И есть соперничество между теоретическими моделями, какая из них лучше объяснит имеющиеся исторические факты. Но есть еще и предсказательные возможности модели. Если с ее позиций открываются новые факты, то это сигнал продуктивности модели. Так, реконструируя историю максвелловской электродинамики, мы обнаруживали такого рода факты, не описанные историками науки. Возможно, исследователи их и видели, но просто полагали их незначительными, а в нашей реконструкции они были чрезвычайно значимыми. Например, тот факт, что на одном из этапов своей работы Максвелл, по существу, имел в руках уравнения поля, да еще в современной лагранжевой формулировке. Но он оставил этот перспективный математический аппарат и начал свою работу заново. В нашем подходе этот факт легко находил объяснение, поскольку Максвелл не смог конструктивно обосновать основные величины построенного математического аппарата. Но тому методологу и историку, который не знал о существовании операции конструктивного обоснования, этот факт мог представляться либо аномалией, алогичным событием, либо его просто не замечали.

Я могу еще указать и на такое обстоятельство. Во многих учебниках физики и в трудах по истории науки распространены неадекватные представления и псевдофакты об открытии Максвеллом уравнения с током смещения. Считается, что Максвелл ввел это уравнение из соображений симметрии. Историк физики А. М. Борк внимательно проанализировал тексты Максвелла и отметил, что в них нет таких свидетельств. Но из нашей реконструкции следовало еще более сильное утверждение, что такого рода прием и не мог быть использован Максвеллом, так как он не соответствовал логике его познавательного движения. Такие приемы построения теории стали типичными для физики XX века, но в XIX веке в физике господствовали иные методологические установки.

Что же касается тезиса о принципиальной неполноте реконструкции, то любая теоретическая модель не имеет в своем распоряжении всей полноты возможных эмпирических фактов объясняемой ею предметной области. Конечно, важно, чтобы была определенная эмпирическая база для исторической реконструкции. Я уже отмечал, что моя попытка обратиться к творчеству Ньютона, приведшему к построению первой фундаментальной теории механического движения, успехом не увенчалась, потому что эмпирическая база для анализа была недостаточна. Но важно и другое. Важно, что между методологическими идеями и осуществляемыми на их основе реконструкциями истории науки всегда были не только прямые, но и обратные связи. В процессе реконструкции часто происходит уточнение и развитие исходных методологических представлений о структуре и генезисе теории. Развитие же этих представлений может заставить по-новому отнестись к результатам, уже полученным в реконструкции, уточнить и даже переписать эту реконструкцию заново.

В моих исследованиях так было не раз. Моя работа в 70—80-х годах была связана с углублением первоначальных представлений о структуре и развитии научных знаний.

В этот период центральное место в моих исследованиях заняла разработка проблематики оснований науки. Она потребовала переосмыслить и ранее проделанные реконструкции. В них не учитывались такие важные аспекты динамики науки, как целенаправляющая роль научной картины мира в выдвижении гипотез, обратное воздействие конструктивно обоснованных теоретических схем на картину мира, процедуры онтологизации, изменение типа рациональности, механизмы включения научных знаний в поток культурной трансляции. Под этим углом зрения я внес коррективы в уже осуществленные реконструкции, в том числе и в первоначальный вариант реконструкции истории максвелловской электродинамики, который мы проделали совместно с Л. М. Томильчиком. Но при этом ядро данной реконструкции, связанное с применением идей конструктивного обоснования, естественно, сохранилось. Этот переосмысленный и углубленный вариант был опубликован в моей книге «Становление научной теории» (1976).

К. Так постепенно наращивался концептуальный аппарат. С каждым разом возникал другой уровень понимания научной теории, новый тип методологической интерпретации...

С. Концепция развивалась по мере решения проблем. Я описал основные вехи этого развития в предисловии к книге «Теоретическое знание» (2000, 2-е изд. 2003 г.). Сегодня многие из полученных результатов уже вошли в учебники, эти результаты знают не только наши, но и западные философы и достаточно высоко их оценивают.

К. С этим нельзя не согласиться. Ваши работы содержат ставшую классической детализацию структуры оснований науки. Сегодня, говоря о воздействии социокультурных факторов на формирование стратегий научного исследования, исследователи как нечто само собой разумеющееся используют Ваши понятия «научная картина мира», «идеалы и нормы исследования», «философские основания науки». Что побудило Вас предпринять движение в данном направлении? Есть ли внутренняя необходимая связь между Вашей концепцией конструктивного введения теоретических объектов и пониманием науки в социокультурном контексте?

С. Прежде всего это было связано со стремлением выяснить механизмы выдвижения научных гипотез. Конструктивное обоснование обеспечивало превращение гипотетических схем в ядро создаваемой теории, привязку этого ядра к опыту. Но как выдвигается научная гипотеза, что ориентирует исследователя в этом процессе — эта проблема требовала своего решения. Я не был согласен с позитивистской установкой, что описание процесса выдвижения гипотезы может быть дано лишь языком психологии, но не логики открытия. Кстати, эта установка сохранилась и у многих представителей постпозитивизма. Проведенный мной ранее анализ аналогового моделирования как погружения теоретических конструкторов в новую сеть связей был первым шагом в исследовании методологическими средствами процесса выдвижения гипотез. Следующий шаг состоял в ответе на вопрос: что ориентирует исследователя в выборе аналоговых моделей, почему он обращается к некоторой области, чтобы использовать те или иные теоретические схемы в качестве аналоговых моделей для новой области? Ведь чтобы предложить работающую аналогию, нужно заранее увидеть некоторое сходство изучаемых предметных областей. Что выступает в роли такого «табло распознавания»?

Ответ на эти вопросы приводил к анализу особой формы теоретического знания — научной картины мира.

Это был первый из компонентов оснований науки, который я выделил и проанализировал. Еще на этапе начального анализа структуры знания я обнаружил конструкты, которым приписывается статус реальности. Но первоначально я их полагал элементами

теоретических схем. Позднее я понял, что их система дает особые целостные системы видения предмета исследования данной науки. К этому времени в нашей литературе уже было введено понятие научной картины мира. Это понятие можно было обнаружить и у классиков современного естествознания: М. Планка, А. Эйнштейна, В. И. Вернадского и др. В работах М. В. Мостепаненко была высказана идея, что научная картина мира выступает посредником между философией и научными теориями. Я проанализировал внутреннюю структуру картины мира и ее функции в познании. В этом вопросе наша философия науки ушла намного вперед по сравнению с западной. Анализ научной картины мира как особой формы теоретического знания породил целый ряд новых проблем: как связана научная картина мира с теориями, которые возникают на ее основе, как она связана с опытом, как изменяются картины мира? На одну и ту же картину мира может опираться несколько теорий. Например, на основе механической картины мира развивались механика, электродинамика Ампера — Вебера, термодинамика.

К. В западной философии науки, пользовавшейся понятиями «парадигма», «тема», «исследовательская программа», часто не делали различия между теоретической схемой и картиной мира.

С. Да, они теоретические модели от картины мира не отличали. Там вообще это все называлось одним словом — теория. А это разные типы теоретического знания. Есть частные и фундаментальные теоретические схемы, и есть научная картина мира. Она может быть интерпретирована как предельно обобщенная модель исследуемой реальности. Эта модель репрезентирует предмет уже не отдельной теории, а предмет соответствующей науки в его главных системно-структурных характеристиках. Только через соотношение с этой картиной теоретические схемы получают онтологический статус.

К. В чем же специфика объектов картины мира по сравнению с объектами теоретической схемы?

С. Это разные типы объектов. Как я уже отмечал, элементами фундаментальной теоретической схемы ньютоновской механики (если рассматривать ее в формулировке Эйлера) выступают такие объекты, как «материальная точка», «сила» и «инерциальная система отсчета». А в механической картине мира процессы природы характеризуются в терминах неделимых корпускул и построенных из них тел, которые меняют состояние своего движения под влиянием силового воздействия других тел, и все эти процессы разыгрываются в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени. Конструкты, из которых построена картина мира, онтологизируются, отождествляются с реальностью. Каждый физик понимает, что материальной точки как тела, лишенного размеров, в мире нет. Но ньютонианец свято верил, что существуют неделимые корпускулы (атомы).

«Бог создал мир из неделимых корпускул», — так Ньютон писал в своей «Оптике». И это характеристика механической картины мира.

Хотя конструкты теоретических схем и картины мира являются различными абстракциями, между ними существуют связи. Материальные точки сопоставляются с неделимыми корпускулами или телами; сила — с воздействием тел на другие тела, передающимся мгновенно по прямой и меняющим состояния их движения; инерциальная пространственно-временная система отсчета — с абсолютным пространством и временем. В результате онтологического статуса теоретическая схема отображается на картину мира и обретает онтологический статус. Она начинает восприниматься как выражение сущности исследуемых процессов. Связи признаков конструктов теоретической схемы и конструктов картины мира фиксируются в соответствующих определениях фундаментальных теоретических понятий. Например, определение массы как количества материи в ньютонов-

ской механике было связано с представлениями о неделимом атоме как «первокирпичике» материи (поскольку атом неделим, количество материи в нем постоянно, а значит, и масса постоянная). В свою очередь, с такой трактовкой связывался в механике принцип неизменности массы материальной точки в процессе ее движения. Аналогичным образом инвариантность отдельно пространственных и отдельно временных интервалов при переходе от одной инерциальной системы отсчета к другой (фундаментальный признак инерциальной системы отсчета в механике) сопоставляется с представлениями об абсолютном пространстве и времени.

Теоретические законы непосредственно соотносятся с соответствующей теоретической схемой и описывают связи признаков ее конструктов. А связи абстрактных объектов, образующих картину мира, характеризуют принципы (онтологические постулаты). Примерами здесь могут служить принцип мгновенной передачи силы, принцип неделимости атома и т. п., принятые в физике в эпоху доминирования механической картины мира.

Вообще-то отличие теории и картины мира как различных форм знания долгое время было своеобразным камнем преткновения в нашей философско-методологической литературе. По традиции теоретическое знание рассматривалось в аспекте высказываний и понятий. Но при таком подходе различие между теорией и картиной мира провести трудно, поскольку в содержание теоретических понятий включаются определения, выражающие связь ядра теории с научной картиной мира, а в систему высказываний теории всегда включались ее онтологические принципы. Я решил эту проблему потому, что переформулировал ее, поставив вопрос о различии теоретических схем как ядра теории и картины мира. Но для такой постановки вопроса нужно было вначале выявить иерархическую организацию теоретических конструктов и зафиксировать наличие внутри их сети особых структурных единиц — теоретических схем как моделей, включаемых в состав теории.

Тогда по типу конструктов можно различить ядро теории и картину мира, а также установить, что с одной и той же картиной мира соотносятся теоретические схемы, принадлежащие самым различным теориям.

После этого уже можно было решать проблему функций научной картины мира. Первая из них — это функция онтологизации, связанная с онтологическим статусом картины мира и ее способностью переносить этот статус на соотносимые с ней теоретические схемы.

Конечно, онтологизация конструктов картины мира имеет свои границы. Эти конструкты тоже являются идеализациями, но можно обнаружить такие условия опыта, в которых эти идеализации допустимы и работают. Например, абсолютное пространство и время можно полагать для описания процессов, которые протекают со скоростями, намного меньшими, чем скорость света.

Механические процессы обладают именно такими характеристиками. А как выяснилось после построения теории относительности, при малых скоростях по отношению к скорости света изменения пространственных и временных интервалов при переходе от одной системы отсчета к другой пренебрежимо малы. Поэтому идеализация, согласно которой они неизменны и не зависят от относительной скорости систем отсчета, была допустима при описании механических процессов. В свою очередь, эта идеализация соответствует представлениям об абсолютном пространстве и абсолютном времени. Такие представления легко согласовывались с тем обыденным опытом, в котором человек имел дело с механическими процессами.

Примерно так же обстоит дело и с идеализацией неделимого атома. Пока исследуются диапазоны механических энергий, в которых атом действительно неделим, эта идеализация работает. Отождествляя конструкт «неделимый атом» с реальностью, исследова-

тель обеспечивает возможность эффективного изучения процессов в соответствующем энергетическом диапазоне. Он заранее не знает, где границы его картины мира. Он может лишь, опираясь на философское осмысление истории науки, полагать, что такие границы есть. Но обнаруживают их чаще всего тогда, когда наука сталкивается с новым типом объектов и процессов, сущностные системно-структурные характеристики которых не учтены в картине мира. Тогда наступает эпоха научных революций, связанная с радикальной трансформацией прежней картины мира и построением новой.

Второй функцией научной картины мира является функция систематизации знаний. Картина мира связана, с одной стороны, с теоретическими схемами как ядром фундаментальных и частных теорий, а с другой — с ситуациями опыта. Она получает как непосредственную, так и опосредованную (через обоснованные опытом теоретические схемы) связь с эмпирическими фактами. В результате этих связей все эмпирические и теоретические знания научной дисциплины предстают как сложная системная организованность. В каждой науке можно обнаружить дисциплинарную онтологию, определяющую видение предмета данной науки и описываемую в системе онтологических принципов. Эта форма знания была обозначена как специальная научная картина мира. С этих позиций можно говорить о физической картине мира, картине биологического мира, картине социальной реальности. Термин «мир» здесь применяется в узком смысле, как мир отдельной науки, ее предметная область. Но, кроме специальной научной картины мира, существует еще одна форма систематизации знаний, уже междисциплинарная — это общенаучная картина мира. В ней уже речь идет о самых общих представлениях о Вселенной, неживой и живой природе, обществе и человеке. Специальные научные картины мира выступают по отношению к ней в качестве ее аспекта или фрагмента.

И наконец, о третьей функции научной картины мира. Она не только включает в себя наиболее важные результаты науки и создает образ исследуемой реальности, но и определяет направления исследований, их стратегию. И в этом своем качестве картина мира выполняет функцию исследовательской программы.

Когда я начал разрабатывать понятие картины мира, у меня возникла гипотеза, что именно в этом блоке научного знания нужно искать целенаправляющие «подсказки» для применения аналоговых моделей. Ведь картина мира дает схему предмета исследования в его основных системных характеристиках (субстанция, взаимодействие, пространство и время). Тип субстанции — это фундаментальные объекты и построенные из них типы других объектов. Кроме того, в картине мира обязательно присутствуют представления о типах взаимодействия, об их характере (силовой или несилевой, как передается сила, понимание причинности) и, наконец, — представления о пространстве и времени. Получается, что картина мира — это какое-то хитрое устройство, которое задает табло, способ распознавания различных объектов, относящихся к одной предметной области. Исследователь через картину мира смотрит на изучаемые объекты и процессы, которые относятся к его предмету, и видит их в определенном ракурсе. Благодаря способу видения мира картина мира определяет допустимые формулировки исследовательских задач и выбор средств их решения. Например, в ньютоновской (механической) картине мира ставить вопрос о скорости передачи сил от точки к точке — бессмысленно (там по определению сила передается мгновенно и по прямой), а в фарадеевско-максвелловской (электродинамической) картине мира — это главный, осмысленный вопрос, поскольку там вводится представление о близкодействии и передаче сил от точки к точке. Что же касается выбора средств решения задач, то их также подсказывает картина мира.

В начале 70-х я с этих позиций проанализировал уже осуществленные мной ранее реконструкции генезиса частных теоретических схем, а также нашу с Л. М. Томильчиком

реконструкцию максвелловской электродинамики. Проявились механизмы использования аналогий как важного аспекта процесса выдвижения гипотезы. Еще в период первой реконструкции истории становления планетарной модели атома у меня возникали вопросы: почему Х. Нагаока обратился к небесной механике и искал там аналогии со строением атома; в чем он усмотрел сходство этих в общем-то принципиально далеких областей? Теперь я мог ответить на эти вопросы. Ответ нужно было искать в особенностях физической картины мира начала XX века. В эту историческую эпоху утвердилась электродинамическая картина мира. В ней силы тяготения и электромагнитные силы рассматривались как состояние одной и той же субстанции — мирового эфира. Известный физик того времени В. Томсон (Кельвин) писал, что принципом физики должен стать тезис: «Один эфир — для света, электричества, теплоты и тяготения». При таком рассмотрении аналогия между действием сил тяготения в небесной механике и электромагнитных сил, определяющих взаимодействие зарядов в атоме, становилась вполне оправданной.

Подобным образом можно было объяснить выбор Максвеллом аналоговых моделей и математических средств при построении теории электромагнитного поля. Его исследовательская программа была ориентирована первоначальным вариантом электродинамической картины мира, которая была предложена М. Фарадеем. Она вводила представления о полях сил, и наиболее естественным для их описания было обратиться к аналогиям и математическим средствам механики сплошных сред. Показательно, что альтернативная максвелловской программа Ампера — Вебера ориентировалась на традиционную механическую картину мира и поэтому использовала аналогии и математические средства, заимствованные из механики точек.

После того как «подсказанные» картиной мира гипотетические варианты теоретических схем получают конструктивное обоснование, они вновь отображаются на картину мира. Благодаря этому картина мира может уточняться, корректироваться, а значит, развиваться.

Так у меня возникло представление об элементарном познавательном цикле, который, многократно повторяясь, обеспечивал построение теорий в классической науке. От картины мира — к гипотезе — к конструктивно обоснованной теоретической схеме — и вновь к картине мира.

Под этим углом зрения я внес коррективы в первоначальный вариант реконструкции максвелловского открытия и написал соответствующий текст, который вошел в мою книгу «Становление научной теории» (1976).

Затем были проанализированы те видоизменения, которые возникли в элементарном познавательном цикле классической науки при переходе к неклассическим вариантам теоретического поиска. В квантово-релятивистской физике это было связано с применением метода математической гипотезы.

Я проанализировал особенности построения развитой теории неклассического типа на материале истории квантовой электродинамики. Осуществление реконструкции этого фрагмента истории физики XX века было довольно трудоемким занятием. Но к концу 1973 года я завершил эту работу, а через полгода, уже в 1974 году, закончил докторскую диссертацию «Проблема структуры и генезиса физической теории».

Диссертацию я писал как соискатель-стажер в Институте философии АН СССР, поскольку на кафедре в Минском политехническом институте не было специалистов в этой области. Обсуждали ее на совместном заседании трех секторов: философских проблем физики, теории познания и логики. Отзыв был очень хорошим, заключение на диссертацию по итогам обсуждения завершилось фразой «диссертация заслуживает самой высокой оценки». Если учесть, что в обсуждении приняли участие такие из-

вестные философы, как Ю. В. Сачков, Л. Б. Баженов, Е. А. Мамчур, В. А. Лекторский, В. А. Смирнов, то нетрудно понять, что в Минск я вернулся в самом хорошем настроении. Правда, мои ожидания на скорую защиту не оправдались. По тогдашнему положению ВАКа для защиты я должен был еще получить рекомендацию с места работы. Но заведующий кафедрой философии Политехнического института (профессор П. Ф. Протасеня) всячески тянул с отзывом, ссылаясь на мои прошлые «политические грехи», хотя партийный выговор к этому времени с меня уже сняли. Разборки дошли до отдела науки ЦК Белоруссии и секретаря ЦК А. Т. Кузмина. Там дали понять, что ко мне претензий нет и нет поводов тормозить мою защиту.

В это же время меня пригласили на работу в Белорусский государственный университет, на кафедру философии гуманитарных факультетов, которая была основной и выпускающей на факультете философии. Хотя мне было жалко расставаться с любимыми ребятами-архитекторами, но философский факультет перевесил. Да и проблемы отношений с прежним заведующим кафедрой решались. На новой кафедре я без особых трудностей получил рекомендацию для защиты и в 1975 году успешно защитил докторскую на Университетском совете. Этот же текст с небольшой редакцией был опубликован в следующем году в этапной для меня книге «Становление научной теории».

К. Она была этапной и для нашей философской науки.

С. В ней я продемонстрировал подход, отличный от того, который был в то время распространен в нашей и западной философии. Я рассматривал в качестве единицы анализа не отдельно взятую теорию, а весь массив теоретического знания научной дисциплины. У меня теории взаимодействуют между собой. Аналоговое моделирование, трансляция уже сформированных идеальных объектов в другие области знания, использование теоретических схем уже сложившихся теорий в качестве аналоговых моделей — все это уже свидетельствовало о системной целостности знаний научной дисциплины. Но после того, как были описаны и проанализированы научная картина мира и другие компоненты оснований науки, выявился системообразующий ее блок.

Стало ясно, что исходной единицей теоретического знания является не отдельно взятая теория, а системы теорий научной дисциплины в их взаимосвязи с опытом. И только так можно понять развитие теоретического знания. Единицей анализа является дисциплина, а не отдельно взятая теория и ее отношение к опыту. Тогда все иначе видится, тогда проявляется системная целостность, но в отличие от современных синергетических подходов, которые я в общем-то ценю, тут дается не феноменологическое описание, а структурное. Я считаю, что эти два описания обязательно надо совмещать и дополнять одно другим и в методологии, и в философии науки. Аналогично тому, как, например, в биологической науке можно феноменологически описывать свойства жизни, наследственность и изменчивость, эволюцию, как это, в частности, делал Дарвин, и можно потом найти структурные единицы наследственности — гены, которые объяснят наследственность и изменчивость, и включить в описание эволюции генетические мутации.

К. Различие феноменологического и структурного описания, как мне кажется, формировалось в контексте двух типов естествознания — математизированного и натуралистического, которые в дальнейшем заимствовали друг у друга элементы картины мира.

С. Возможно. Но в данном контексте, применительно к анализу науки, соединение идей целостности и структурного подхода формировало представление о научном знании как о сложной, исторически развивающейся системе. В таких системах формируется уровневая организация элементов, они способны порождать в ходе исторического развития новые уровни, причем каждый такой вновь возникший уровень организации воздействует

на ранее сложившиеся, видоизменяет их, в результате возникает новый тип целостности системы. По мере развития система дифференцируется, увеличивает свое разнообразие, в ней возникают относительно автономные подсистемы, и между ними устанавливаются все новые связи. Системы такого типа являются открытыми и в процессе развития всегда проходят через состояния неустойчивости, фазовых переходов, связанных с изменением качества системы, типа системной целостности. Применительно к научному знанию открытость — это погруженность его в культуру и взаимодействие с широким полем социокультурных факторов, а фазовые переходы — это эпохи научных революций.

Анализом научных революций я занялся позднее. А в тот период, в первой половине 70-х, основное внимание было сосредоточено на исследовании структуры и функций оснований науки. Они по отношению к массиву знаний научной дисциплины выступают системообразующим фактором.

Одновременно возникала проблема междисциплинарных взаимодействий. Выделение общенаучной картины мира наряду с дисциплинарными онтологиями (специальными научными картинами мира) вводило представление еще об одном, более высоком уровне систематизации знаний. В нем уже вся наука предстает как развивающееся системное целое. Отдельные науки (дисциплины) выступают ее подсистемами, между которыми осуществляется взаимодействие.

Рассматривая картину мира как обобщенный образ предмета исследования, я столкнулся с новой важной проблемой. Она была сформулирована применяемыми мной установками деятельностного подхода. Любая схема объекта исследования неявно предполагает схему метода деятельности, вводится коррелятивно этой схеме. Возникал вопрос: как фиксируется эта схема метода, в чем она выражается? Это был первый шаг к пониманию идеалов и норм науки — идеалов и норм объяснения и описания, обоснования и доказательности строения и построения знаний. Я их интерпретировал как обобщенную схему метода научной деятельности; потом показал, как они исторически меняются, какова их структура. И дальше возникла новая проблема: как научная картина мира, идеалы и нормы науки включаются в культуру? И вот тут выявился третий компонент оснований науки, в новом ракурсе возникла традиционная для нас тематика, согласно которой философия включена в процессы развития фундаментальных научных знаний. Появилось понятие «философские основания науки». Через них происходит включение всего массива специализированного научного знания в культуру, и они же работают одновременно как эвристика научного поиска. Частично этот анализ оснований науки был намечен в книге «Становление научной теории». Но главная аналитическая работа была проделана уже после ее выхода в свет, во второй половине 70-х, и результаты этой работы были представлены в моих публикациях конца 70-х — начала 80-х годов, прежде всего в книгах «Природа научного познания» (1979) и «Идеалы и нормы научного исследования» (1981).

К. Когда я изучал Вашу книгу «Становление научной теории», меня как раз и привлекала эта логика, позволявшая отойти от позитивистских схем и при этом выгодно отличавшаяся своей простотой и продуманностью от построений постпозитивистской философии науки.

С. Когда я стал академиком, то у меня брали интервью для журнала «Вопросы философии». И там был вопрос: что нового я сделал в тех областях философии, в которых я работал? Я сказал, что вообще-то трудно заниматься самооценкой, оценку дает научное сообщество. Но, подводя определенные итоги и используя оценки как наших, так и зарубежных философов, я могу рискнуть сказать, что я сделал нового. Первое — это детальный анализ структуры научного знания, не просто фиксация его отдельных элементов, а прежде всего их системных связей, например, связей между картиной мира, теоретическими схемами и

эмпирическим уровнем научных знаний. Этого до меня не было сделано. Второе — это открытие процедуры конструктивного обоснования. Третье — анализ структуры и функций оснований науки. Я представил их и как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. Различные области культуры влияют на процессы генерации новых научных идей. Но это влияние опосредуется системой оснований науки. В свою очередь, эти основания развиваются, с одной стороны, под влиянием возникающих в науке эмпирических и теоретических знаний, а с другой — адаптируясь к культурной традиции своей эпохи. Причем эта адаптация протекает не только как воздействие на науку различных областей культуры, но и как обратное влияние науки на эти области. Под этим углом зрения я выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность. Такого рода структурная детализация оснований науки привела к ряду следствий, которые мои рецензенты оценивали как новые идеи и новые подходы в философско-методологическом анализе научного знания.

В конце 70-х — начале 80-х на материале истории классической и квантовой электродинамики, а также сопоставляя квантово-механическое описание и принципы анализа сложных систем, я предложил идею о нелинейности исторического развития науки; о потенциально возможных путях истории науки, которые не реализовались, но в принципе могли бы реализоваться в других ситуациях, при других поворотах культуры. Сегодня можно, используя язык синергетики, говорить о точках бифуркации и нескольких сценариях развития в определенные периоды науки. Но вначале я о синергетике и не думал, а получил этот вывод из своего анализа динамики знания, из постановки проблемы: как научное знание включается в культуру. Было показано, каким образом основания науки вписываются в культурную традицию и как эта традиция отбирает из нескольких возможных путей исторического развития знаний те направления, которые лучше всего согласуются с доминирующими в культуре мировоззренческими смыслами, с тем типом рациональности, который лучше всего вписывается в культуру определенной исторической эпохи. Конечно, влияние культуры на научный поиск можно описывать, ссылаясь на психологические факторы и особенности личности ученого. Но это — другой аспект. Я не отрицаю важности анализа психологии творчества, но, на мой взгляд, такой анализ должен опираться на логико-методологические разработки, а в логико-методологическом плане главным звеном в этой проблематике выступают механизмы включения достижений науки в культуру и ее воздействие на научный поиск через основания науки. Еще раз подчеркну, что основания науки — это посредник между наукой и остальной культурой, включающей и внеучные формы знания.

К. Здесь в особенности важно, как мне кажется, вспомнить о той функции оснований науки, которая выполняется в отношении научного знания, когда еще не сформирована теоретическая схема.

С. Согласен. Я думаю, что это тоже был новый аспект методологического анализа науки. Я сначала изучал, как возникает научная теория и как в этом процессе функционируют основания науки. Это первое, что меня интересовало. Но потом я натолкнулся на следующую проблему: когда есть научная картина мира, идеалы и нормы, философские основания, но еще нет теорий, наука накапливает факты и способна открывать новые явления. Что целенаправляет исследования в этих ситуациях? Я предположил, что основания науки, и прежде всего картина мира, в этих ситуациях напрямую взаимодействуют с опытом. Вначале я думал, что так происходит только на начальных стадиях становления науки. Но потом обнаружил, что когда наука сталкивается с новыми объектами, для которых еще не построены теории, даже в условиях достаточно высокого уровня теоретиза-

ции, то она изучает эти объекты эмпирическими методами. Эмпирическое исследование здесь целенаправлено картиной мира, которая определяет стратегию исследований и сама может развиваться под влиянием его результатов.

К. Эту идею и сегодня еще не все усвоили и по достоинству оценили, а в то время это была очень свежая мысль.

С. Я подробно описал эту ситуацию в книге «Природа научного познания» и ряде других работ конца 70-х — начала 80-х годов. Не могу в этой связи не вспомнить один курьезный случай. Через 10 лет после того, как вышли мои работы на эту тему, я как-то встретил книгу: В. Н. Михайловский и Г. Н. Хон «Диалектика формирования современной научной картины мира» (Л., 1989). В ней авторы пишут, что В. С. Стёпин анализировал картину мира и у него показано, как она работает при построении теорий; но не проанализировано, как картина мира может взаимодействовать с опытом напрямую, и мы предлагаем это новое дополнение к уже проведенному анализу. Я только внутренне засмеялся, но был вынужден в одной из своих книг отреагировать на это в виде ремарки, сославшись на соответствующие свои публикации прошлых лет.

К. Надо понимать, что авторы читали, но не дочитали эти Ваши работы?

С. Не дочитали, а может быть, прочитали, да забыли. Это, знаете, напоминает шутки И. Ильфа и Е. Петрова: «... утром встал, сочинил стихи «Я помню чудное мгновенье», а потом обнаружил, что все это у Пушкина уже есть, — какая подлость со стороны классика...» Я себя классиком не считаю, но, согласитесь, вариант похожий.

Вначале я анализировал ситуацию «картина мира — опыт» на материале естествознания, преимущественно физики. Но потом обратился к социально-гуманитарным наукам. Здесь такие ситуации встречаются значительно чаще. Но осмысливаются неадекватно. Принципы картины мира называют теорией, а поскольку это отлично от образцов развитых теорий естествознания и его конкретных теоретических моделей, то усматривают в этом специфику социальных и гуманитарных наук. Но в этих науках тоже существуют теоретические модели, в том числе и математизированные.

К. Уже К. Маркс пытался, видимо, сделать это в экономике, в первом томе «Капитала».

С. Я в своей книге «Теоретическое знание» обращал внимание на то, что в экономической науке есть достаточно образцов конкретных теоретических схем, использующих идеализации так же, как это делается в естествознании. Например, когда К. Маркс писал о законе стоимости, он формулировал его для идеализированной ситуации. Предполагается, что товар обменивается на товар в соответствии с общественно необходимым трудом, вложенным в него. Но такого никогда не бывает, поскольку в реальности есть колебание рыночных цен. Закон формулируется относительно теоретической схемы, в которой фигурируют стоимости, идеализированные товары и идеализированный товарный обмен. В современных макроэкономических теориях важную роль играет математическая формулировка законов спроса и предложения товаров, которая получена относительно модели, предложенной известным швейцарским экономистом XIX века Л. Вальрасом. Эта модель предполагает, что сумма избыточного спроса и предложения всех товаров на рынках равна нулю. Я отмечал в своей книге «Теоретическое знание» (2000), что закон Вальраса с методологической точки зрения формулируется так же, как закон идеального газа в физике, который применим только к ситуациям с небольшими давлениями, когда взаимодействие молекул можно интерпретировать как упругое соударение материальных точек. Но при больших давлениях закон Бойля — Мариотта не выполняется. Он обобщается в законе Ван-дер-Ваальса, учитывающем силы молекулярного взаимодействия, от

которых абстрагируется модель идеального газа. Так же обстоит дело и в законе Вальраса, в макроэкономике. Этот закон требует корректировки при описании неравновесных рынков, и тогда создаются новые модели и новая система идеализаций (модель Кейнса — Викселя, усовершенствованная Дж. Стейном и Г. Роузом, модель неравновесных рынков, предложенная американскими экономистами Д. Патинкиным, О. Левхари и Г. Джонсоном). Относительно этих моделей вводятся более сложные математизированные формулировки законов товарно-денежного обращения. Впрочем, большая часть исследований в социально-гуманитарных науках может быть описана как ситуации взаимодействия картины социальной реальности и опыта. И нужно еще принять во внимание то обстоятельство, что теоретический уровень исследования может быть представлен историческими реконструкциями, которые применительно к исторически развивающимся объектам выполняют функцию теоретических моделей исследуемой реальности.

Кстати, если уж мы затронули тему новых результатов, полученных в моих исследованиях, то я бы выделил особо еще два следствия, которые вытекали из анализа оснований науки и идей конструктивного введения абстрактных объектов в теоретические модели. Речь идет о поставленной Т. Куном проблеме образцов решения задач и об обобщении принципа наблюдаемости.

К. В 70-е годы прошлого века едва ли не все эпистемологи, историки и методологи науки увлекались постпозитивистской философией науки, в частности концепцией Томаса Куна, а его книга «Структура научных революций» стала чуть ли не Библией целого поколения. Мне известно, что Вам удалось справиться с важной проблемой генезиса образцов, которая уже была намечена, но не решена Куном.

С. Т. Кун справедливо указал на то обстоятельство, что в состав теории включаются образцы решения задач. В механике в качестве таких образцов выступают задачи колебания и вращения тел, соударения упругих тел, движения тела в поле центральных сил и т. п. В классической электродинамике — кулоновская задача, задачи электромагнитной и электростатической индукции, магнитного и силового действия токов, постоянного тока и т. п. Идея Т. Куна выражала понимание того, что теория разворачивается как решение задач в соответствии с некоторыми образцами. К тому времени, как я познакомился с книгой Т. Куна, а это произошло где-то к концу 60-х, у меня уже были разработаны идеи генетически-конструктивного разворачивания физической теории.

Это позволило не просто зафиксировать наличие образцов, по аналогии с которыми решаются другие теоретические задачи, но и поставить вопрос об их структуре. В моем анализе образцы выступали как демонстрация способов редукции фундаментальной теоретической схемы к частным, способов порождения «дочерних» (по отношению к фундаментальной) частных теоретических схем и соответствующих законов. Эти способы в самой теории, как правило, не описываются в форме методологических инструкций, они демонстрируются. И усвоение теории, ее понимание не сводятся только к усвоению ее принципов и пониманию сути ее законов. Это необходимо, но этого недостаточно. Нужно еще усвоить, как решаются теоретические задачи на образцах (например, как выводятся из уравнений Максвелла законы Кулона, Био-Савара, законы Фарадея для электромагнитной индукции и т. п.). Только благодаря этому приходит понимание теории, и тогда можно решать новые задачи по образцу и подобию уже решенных, включенных в качестве образцов в состав теории. Заслуга Т. Куна была как раз в том, что он сфокусировал внимание на образцах как особых компонентах научной теории.

Но тогда возникает проблема генезиса образцов. Как они формируются и как включаются в состав теории? Нельзя сказать, что Т. Кун не видел этой проблемы. Напротив,

он пытался найти ее решение, апеллируя к психологии творчества. Он пытался объяснить генезис образцов в терминах применения аналогий и «гештальт-переключения». Но решить проблему на этих путях не удалось. В лучшем случае возникали лишь некоторые предварительные ассоциации, которые могли стимулировать новые подходы.

К проблеме генезиса образцов я обратился уже после того, когда была проработана тематика генезиса частных и фундаментальных теорий классической и неклассической науки. Решающим звеном было открытие процедур конструктивного обоснования, а осуществленная мною с Л. М. Томильчиком реконструкция максвелловской электродинамики послужила материалом для нового уровня методологической рефлексии — анализа проблемы образцов.

Суть дела была в следующем. Важно предварительно зафиксировать, что построение развитой теории осуществляется путем последовательного обобщения частных теоретических схем. Процесс обобщения протекает поэтапно. Он основан на применении аналоговых моделей, построении промежуточных гипотетических схем и их конструктивного обоснования. При включении в процесс обобщения нового материала промежуточная схема перестраивается, превращается в новую гипотезу, и ее нужно вновь конструктивно обосновывать. И здесь появляется самое главное! Необходимо, но недостаточно осуществить «конструктивную привязку» обобщающей теоретической схемы к новому материалу, доказать, что в нее включается конструктивное содержание нового блока частных теоретических схем. Важно еще и проверить, сохранилось ли в модифицированной промежуточной схеме прежнее конструктивное содержание. Не разрушилось ли оно в процессе ее модификации, ведь составляющие ее абстрактные объекты наделялись новыми признаками. Проверка этого типа проводится путем конструирования на основе обобщаемой схемы всех ассимилированных ею ранее частных теоретических схем. Теперь они предстают как «дочерние» образования по отношению к обобщаемой схеме. И на этой основе осуществляется вывод из обобщающих законов ранее автономно существовавших частных теоретических законов.

В нашей реконструкции максвелловской электродинамики все эти процедуры прослеживались достаточно отчетливо. Когда Максвелл получал на каждом этапе предпринятого им синтеза очередное обобщающее уравнение и соответствующую конструктивно обоснованную теоретическую схему, он проверял, насколько сохраняется в них предшествующий физический смысл, относящийся к уже ассимилированному материалу.

А на завершающем этапе, когда были получены его знаменитые уравнения, выражающие законы электромагнитного поля, Максвелл показал, что из этих законов можно получить все частные теоретические законы, на которые он опирался. На этой стадии обоснования и возникала демонстрация решения задач, возникали образцы такого решения.

К. Когда в последний раз исследователь выводит частные законы, опираясь на новую теорию, можно ли этот последний шаг рассматривать просто как дедуктивный вывод следствий?

С. Вывод следствий осуществляется генетически-конструктивным путем. Максвелл показывает, как из его обобщающей теоретической схемы можно получить в качестве «дочерних» образований частные теоретические схемы кулоновского взаимодействия зарядов, электромагнитной и электростатической индукции, постоянного тока и т. п. И соответственно вводит новые формулировки законов Кулона, Био-Савара, Ампера, Фарадея и т. п., причем многие из этих законов ранее были сформулированы в контексте идеи дальнего действия и имели другую математическую форму. Он их переписывает в полевой форме. Это было изложение новой теории и одновременно ее обоснование. Можно сказать, что теория как исторически развивающаяся система несет в себе следы своего генезиса. То, что было

основными этапами генезиса, становится структурой теории, то, что было обоснованием, становится образцами решения задач.

Как бы потом ни видоизменялась теория (а она после своего становления может не раз переформулироваться, выражаться в новой математической форме), первичные образцы решения задач в ней сохраняются. В современных изложениях теории электромагнитного поля обязательно будет вывод из уравнений Максвелла, законов Кулона, Био-Савара, электромагнитной и электростатической индукции, постоянного тока. А это именно те законы и теоретические схемы, которые выступали исходным материалом для построения максвелловской электродинамики и которые в видоизмененном виде были включены в нее.

У меня был случай обсудить эти результаты с Т. Куном. Я встречался и дискутировал с ним дважды — в самом начале 90-х в Москве и затем в Бостоне. Вначале он скептически воспринял мое утверждение о том, что поставленная им проблема образцов мною решена логико-методологическими средствами. Но затем, по мере углубления дискуссии, он убедился в справедливости сказанного. Я довольно твердо объяснил, почему проблема не могла быть решена в рамках западной традиции и выработанных ею методологических средств. Для решения принципиально важно было обнаружить процедуру конструктивного обоснования. Т. Кун сказал, что ему требуется все это обдумать, и просил переслать ему все мои работы на английском по данной тематике. Я передал ему две статьи, а затем выслал еще несколько оттисков. Мы договорились продолжить дискуссию через год на одной из конференций. К сожалению, эта встреча не состоялась. Томас Кун тяжело заболел, а затем пришла печальная информация о его смерти. Как и рано ушедший из жизни И. Лакатос, Т. Кун бесспорно был одной из самых ярких фигур в постпозитивистской философии науки.

К. А как соотносились Ваши идеи конструктивности с принципом наблюдаемости, ограниченность которого стала ясна довольно быстро в результате критики индукции К. Поппером?

С. Я обобщил принцип наблюдаемости, истолковав его как первую попытку подойти к идеям конструктивности. Принцип наблюдаемости создает иллюзию, что теория рождается как индуктивное обобщение опыта. А принцип конструктивности утверждает, что теория рождается вначале как гипотетическая схема сверху по отношению к опыту и только потом адаптируется к опыту. Конструктивное введение объекта — это адаптация гипотетического варианта теории к опыту, которое автоматически создает правила соответствия, связывающие теоретические термины с опытом.

Кстати, не только К. Поппер предьявлял претензии к индуктивистской трактовке принципа наблюдаемости. Сходные идеи я нашел у А. Эйнштейна. В беседе с В. Гейзенбергом Эйнштейн подчеркивал, что сама по себе наблюдаемость без теории мало что значит. Только теория может определить, что наблюдать и как наблюдать. Принцип наблюдаемости, если его применять в его жесткой версии, требовал использовать при построении теории только принципиально наблюдаемые величины. Но жесткое требование исключать из теории ненаблюдаемые величины никогда не применялось в науке. Без этого нельзя построить большинство гипотез и теорий. Но в своей мягкой формулировке принцип наблюдаемости перестает работать в качестве методологического регулятива. Он не содержит конкретных указаний, где и когда его следует применять, на каком этапе построения теории следует устранить ненаблюдаемые объекты. Применение принципа наблюдаемости становится делом интуиции исследователя, который должен сам решить, какие величины и какие теоретические конструкты устранить как ненаблюдаемые.

Принцип конструктивности преодолевает эти трудности. Он предполагает, что на стадии гипотезы конструкты могут приобрести новые признаки, указывает, что это долж-

ны быть конструкты гипотетической теоретической схемы. Их признаки нужно проверить на непротиворечивость и выстроить заново в качестве идеализаций, опирающихся на новую область опыта.

Все эти результаты были получены мной в период, когда философия науки акцентировала логико-методологическую проблематику, сосредоточиваясь на анализе операций построения нового знания.

Концепция динамики науки была разработана мною на материале физики. Естественно, возникал вопрос, насколько можно переносить эту концепцию на другие области знания. Я не сомневался в возможности такого применения, поскольку концепция была сформулирована в общей форме, в логико-методологическом языке, выходящем за рамки философии физики.

После перехода в Белорусский госуниверситет, где я после защиты докторской стал и профессором, у меня появились ученики — аспиранты, а затем и докторанты. Большинство из них принимали мою концепцию структуры и развития научных знаний. Они применяли ее в своих исследованиях. Появились работы, в которых анализировался под этим углом зрения материал биологии и социальных наук. Проблемным, например, было выявление в составе биологического знания такой формы этого знания, как специальная научная картина мира. В этом плане интересны были работы Л. Ф. Кузнецовой. Я был научным руководителем ее кандидатской и консультантом докторской диссертации. Сегодня она профессор, работает на той же университетской кафедре. В ее работах было прослежено, как создается и развивается картина биологической реальности на разных этапах истории биологии и как эта картина выполняет роль исследовательской программы в теоретических и эмпирических исследованиях биологии. Но не только мои прямые ученики демонстрировали возможности концепции. Мне, например, было чрезвычайно интересно обсуждать под этим углом зрения методологические проблемы астрономии с В. В. Казютинским — известным специалистом в этой области. Он затем применил представления об изменениях картины мира и идеалов и норм исследования при анализе революций в астрономии.

Помню, пришло письмо из Томска от В. В. Чешева, который использовал некоторые идеи моей концепции при анализе технического знания. Впоследствии мы не раз встречались с ним и вели интересные дискуссии на темы специфики технического знания.

В начале 80-х я познакомился с В. Г. Гороховым. Он хорошо знал мои работы и применил мою концепцию к анализу структуры и генезиса технических наук. Результаты, которые он получил, на мой взгляд, были из числа интереснейших в этой области. В. Горохов показал, что в технических науках, которые традиционно полагались прикладными, есть слой фундаментальных теорий и частных теоретических схем и законов, выявил специфику теоретических схем в технических науках, выделил их классические и неклассические образцы.

Расширение поля приложения концепции свидетельствовало о ее потенциале и возможностях дальнейшего развития.

В конце 70-х — первой половине 80-х годов на передний план в философии науки стали выходить проблемы социокультурной детерминации научного познания. В моих исследованиях они возникли как естественное следствие анализа оснований науки. После выяснения роли социокультурных факторов в развитии научных картин мира, в развитии идеалов и норм науки главное мое внимание было направлено на анализ философских оснований науки и их связи с культурной традицией.

Беседа третья. *Культура и типы рациональности*

К. Каким образом Ваши исследования философских оснований науки привели к исследованию оснований культуры, как изменялось Ваше понимание роли философии в культуре?

С. К новому сдвигу проблем приводило, с одной стороны, выявление специфики научного познания, а с другой — процесса формирования и развития философских оснований науки. Проблема специфики науки и ее отличия от других форм познания особенно актуализировалась в связи с анализом социокультурной детерминации науки. Ведь для того чтобы исследовать, как взаимодействует наука с философией, искусством, религиозно-мифологическим сознанием, обыденным сознанием, — для этого нужно вначале их различить. Интуитивного различения здесь недостаточно, нужен был особый анализ.

Существует несколько признаков, характеризующих специфику науки. Я выделил два главных, а остальные представил как зависящие от них, скоррелированные с ними. Первая основная характеристика науки состоит в том, что она дает предметное объективное знание о мире. Все, на что направлено научное познание, — это объект. Наука может изучать и субъекта, состояние его сознания, но изучает их как объекты, подчиненные естественным законам. Она может изучать все в человеке и окружающем его мире, но в особом ракурсе, с особой точки зрения. Наука — как царь Мидас из известной легенды. К чему бы Мидас ни прикоснулся, все обращалось в золото. К чему бы ни прикоснулась наука — все для нее объект, подлежащий изучению. А там, где наука не может сконструировать предмет и представить его «естественную жизнь», определяемую его сущностными связями, там кончаются ее притязания. Этот ракурс предметности выражает одновременно и безграничность и ограниченность науки, поскольку человек как самостоятельное сознательное существо обладает свободой воли, его бытие не только объектное, но и субъектное. И не все состояния его субъектного бытия могут быть исчерпаны наукой, даже если предположить, что такое всеобъемлющее знание о человеке, его жизнедеятельности может быть получено. В этом утверждении о границах науки нет ничего антисциентистского. Просто это констатация того в общем-то очевидного факта, что наука не может заменить все формы познания мира, всю культуру. И то, что ускользает из ее поля зрения, компенсируется другими формами духовного постижения мира — искусством, религией, нравственностью, философией и даже, в определенной мере, обыденным познанием.

К. Это уже был ход далеко за пределы методологии науки как таковой, в область общефилософских проблем мировоззрения, культуры...

С. Возможно, и так. Важно, что в рамках этого понимания возникли новые подходы. Наука не просто ориентирована на получение предметного, объективно-истинного знания. Она должна постепенно наращивать это знание, обеспечивать его рост, открытие нового. В этом — вторая отличительная характеристика науки. Рост знания она обеспечивает за счет появления теоретических исследований, имманентного движения в системе идеализированных конструктов теории и проверки теоретических гипотез опытом. И в этом развитии она открывает предметные структуры будущей практики. То, что делает наука, не обязательно сейчас же должно быть употреблено в массовой практике сегодняшнего дня. Оно может быть освоено в практике далекого будущего, а возможно, что это вообще вспомогательные идеи, непосредственно не имеющие выхода в практику, но без них не были бы выработаны теории, открывающие пути к новым технологиям. Наука — это деятельность, которая открывает человечеству новые предметные миры.

Я показал, что из этих главных признаков науки можно получить и ряд других: особенности средств научной деятельности (языка науки и ее инструментария), методов нау-

ки, ее результатов (того типа знаний, которые наука генерирует) и, наконец, особенности субъекта научной деятельности, в том числе и этических установок, которые регулируют эту деятельность. Из базисных характеристик науки вытекают два базисных принципа научного этоса: ищи истину («Платон мне друг, но истина дороже») и наращивай истинные знания, не повторяя уже пройденного, того, что было сделано до тебя. Отсюда и два важных этических ограничения в науке — запрет на умышленное искажение истины и запрет на плагиат.

Постоянные прорывы науки к новым предметным мирам связаны с открытием и освоением его новых типов системных объектов. От простых механических систем наука переходит к освоению сложных, саморегулирующихся систем, а затем и сложных саморазвивающихся систем. Каждая из таких систем требует особого понимания категорий части и целого, причинности, пространства и времени. Чтобы изучать объекты, относящиеся к разному системному типу, нужны особые «категориальные сетки», обеспечивающие понимание и познание таких объектов. И тогда вставал вопрос: откуда они берутся, как они возникают в науке и культуре? И здесь возникла идея философии как генератора новых категориальных смыслов, которые заранее формируются, включаются в культуру, транслируются в ней, ждут своего часа, и когда необходимо, ученый к ним обращается, начинает с ними работать. Эта же идея в несколько другом варианте возникала в процессе анализа философских оснований науки. Если рассмотреть, допустим, физику с XVII до конца XIX века, то там в качестве ее философских оснований выступал механицизм. Совершенно очевидно, что эти принципы и способы видения мира не исчерпывали всего массива философского знания, потому что в это время в философии было множество различных концепций, идей, теорий, была борьба между ними. Но чтобы включить в культуру те знания, которые были добыты физикой XVII—XVIII веков, достаточно было механистического мировоззрения.

Философские основания науки играют двоякую роль: с одной стороны, они обеспечивают включение добытых знаний в культуру, а с другой — служат эвристикой научного поиска, обеспечивают поиск новых подходов к изменению картины мира и изменению идеалов и норм науки. Тогда возникла первая проблема: как соотнести философские основания науки с остальным массивом философского знания? Очевидно, что они не совпадают, что философские основания селективно заимствуются наукой из развивающегося массива философского знания. Они располагаются между философией и наукой и разрабатываются уже не только философами, но и учеными-специалистами вместе с философами, т. е. такими людьми, которые могут совместить в себе и философию, и специальные научные знания, такими как Галилей, Декарт, Лейбниц, Бор, Эйнштейн. Но есть еще развивающийся массив философского знания, из которого наука черпает отдельные идеи, для того чтобы обеспечить производство своего знания в какую-то историческую эпоху. Получается, что в философии заранее нарабатываются идеи, представления, категориальные смыслы, которые может использовать наука. Если ученые не находят в готовом виде такие идеи, то они должны выработать их самостоятельно. Но при этом, во-первых, они уже выходят за рамки своей специальной науки и входят в область философских исследований, перестают быть только физиками, математиками, биологами, а становятся философами (такое совмещение как раз и характеризует великие умы от Галилея, Ньютона, Декарта и Лейбница до Эйнштейна и Бора). Во-вторых, в своих философских поисках они опираются на предшествующие философские работы, на развитый в философии концептуальный аппарат и методологический инструментарий.

Поэтому во всех случаях выходит: для того чтобы наука использовала при решении своих проблем те или иные категориальные смыслы, философские идеи и принципы,

нужно, чтобы эти категории, идеи и принципы были предварительно получены в системе философского знания.

Когда наука формирует и использует те или иные философские основания и когда она их преобразует, переходит к новым основаниям, то для всего этого в массиве философского знания должны быть предварительные наработки. И тогда возникает вопрос: а как это возможно? Как возможна философия? Для решения этого вопроса мне понадобился анализ культуры. Это относится к работам 80-х годов, когда я от собственно методологических занятий перешел к исследованию связей философии, культуры и цивилизации. Я и сейчас занимаюсь этой проблематикой.

К. Расскажите более подробно, как Вы решали проблему прогностических функций философии по отношению к науке?

С. Для начала нужно было зафиксировать факты, свидетельствующие, что философия способна порождать идеи, которые потом оказываются эвристически ценными для науки. Кроме того, важно было выяснить, в каких ситуациях научного поиска эти идеи становятся наиболее актуальными. По этому поводу у меня уже были предварительные соображения, связанные с объективной потребностью науки перестраивать наиболее общие категориальные смыслы при переходе к освоению нового типа системных объектов.

Допустим, речь идет о классической науке XVII—XVIII веков. Для освоения объектов, с которыми она тогда работала (это были простые системы), было достаточно следующей категориальной сетки. Можно считать, что целое определяется свойствами частей, которые автоматически создают свойство целого, т. е. исключается идея особых системных качеств целого. Этот подход вполне оправдан для простых механических систем. Например, простую машину типа часов или механического двигателя можно разобрать на части, а потом собрать, и она будет работать, если сборка проведена правильно, т. е. элементы, выделенные из системы, не теряют своих свойств и их снова можно включить в систему. Далее для описания причинных связей между элементами системы и ее взаимодействия с другими подобными системами достаточно лапласовской детерминации, т. е. жесткой однозначной причинности. Если известно положение частиц в какой-то момент времени, их начальные импульсы и координаты, а также известны действующие на них силы, то можно предсказать их поведение на сколь угодно большое время. Пространство и время при этом можно считать абсолютными, как в ньютоновской, механической картине мира. Они безразличны к протеканию в них тех или иных процессов. Эти процессы не влияют на свойства пространства—времени, это как бы арена, на которой разыгрываются процессы, но их особенности не влияют на свойство самой арены. Вот примерно такая категориальная сетка применима для освоения простых систем. Она и составляла ту базу философских оснований естествознания, которая доминировала в науке этого исторического периода. Но при переходе к освоению больших систем, сложных систем с обратными связями, с блоком управления, с передачей информации уже прежних категориальных смыслов недостаточно. Придется по-новому вводить соотношение частей и целого. В понимание целого нужно ввести представление об особых системных качествах; т. е. свойства целого полностью не исчерпываются свойствами частей, часть внутри целого и вне целого может обладать разными свойствами. Более того, часть может существовать только внутри целого, а будучи выделенной из целого теряет свои качества. Например, если вы разберете живой организм на клетки, то клетки могут погибнуть, и вы назад его уже не соберете, в отличие от часов, которые вы можете разобрать и собрать по винтикам, если умеете это делать. В сложных системах лапласовская причинность уже действует с ограничениями. Она может присутствовать в виде жестких команд, идущих от блока

управления к подсистемам, но одновременно подсистемы характеризуются стохастическими взаимодействиями, и там проявляется вероятностная причинность. В понимание пространственных и временных характеристик приходится вносить коррективы, потому что в больших системах типа биологических объектов возникает особое внутреннее пространство и внутреннее время (пространство ареала, биологические часы), которые не сводимы к внешнему пространству и времени. Для понимания и исследования сложных систем нужна другая категориальная сетка, а не та, которая работала в познании малых систем. А если перейти к системам третьего типа, к системам с саморазвитием, исторически развивающимся объектам, то здесь опять требуется новая категориальная структура. Например, придется связывать понятие детерминации с понятием о возможности и действительности, с превращением возможности в действительность, потому что появляется несколько сценариев развития, относительно которых невозможно жестко детерминированно предсказывать будущее поведение системы. Она, проходя через точки бифуркации, может менять стратегию своего развития; возникает несколько возможных линий развития системы. Появление нового уровня организации элементов будет воздействовать на ранее сложившийся уровень и менять их связи, а значит, менять законы функционирования. Для сложных развивающихся систем можно ввести идею изменения законов во времени. К примеру, было время, когда во Вселенной не было живых систем и не было законов биологии, они появились исторически. Если вы рассматриваете такую систему как развивающуюся Метагалактику, то можно констатировать появление здесь законов биологического и социального развития на определенных стадиях эволюции этой системы. С этих позиций проблема формулируется следующим образом: сложившаяся в науке и применяемая ею категориальная сетка обеспечивает освоение определенных типов объектов, но развивающаяся наука рано или поздно наталкивается на новые объекты более сложной системной организации, чем те, которые она изучала ранее. Значит, наука должна иметь ресурсы, чтобы ввести новую категориальную сетку, иначе она будет рассматривать новый объект в старых категориях и все время сталкиваться с противоречиями. Хороший тому пример — история квантовой механики. В начале ее создания в умах исследователей, которые строили новую теорию, витала старая категориальная структура, сформировавшаяся в классической физике, и они были вынуждены мучительно преодолевать ее и все время решать философские проблемы: как часть относится к целому, нужно ли расширить понятие детерминизма? Этому во многом были посвящены знаменитые споры А. Эйнштейна и Н. Бора на Сольевевских конгрессах. По существу, само движение науки к освоению новых типов объектов, в частности объектов микромира, и новых типов взаимодействия потребовало решать философские проблемы, формировать новую категориальную систему, обеспечивавшую понимание и познание новой реальности.

К. И такое случается достаточно часто, если мы имеем дело с активно прогрессирующей наукой, с «перманентной революцией», как К. Поппер это называл? Видимо, и сам Поппер по-другому стал относиться к философии, поскольку понял невозможность без обращения к ней объяснить динамику науки...

С. Когда наука переходит к освоению объектов нового типа, это, как правило, требует переосмысления категорий. И в эти периоды наука просто заставляет ученого заниматься философской работой, он обращается к массиву философского знания и находит в нем необходимые ресурсы. К примеру, есть свидетельство Гейзенберга и Бора о том, что на ранних этапах квантовой теории они очень активно обсуждали проблемы теории познания, вопросы, связанные с пониманием причинности, и многие другие философские проблемы. Есть свидетельство о том, что на формирование принципа дополнительности

Н. Бора оказали влияние идеи С. Кьеркегора, который критиковал Гегеля и выдвигал идеи дополнительности противоречий. Здесь возникает очень интересная проблема: как в философии еще до того, когда наука начинает осваивать те или иные типы объектов, вырабатываются категориальные структуры, которые обеспечивают освоение этих объектов? Это кардинальный вопрос: как возможна философия в качестве эвристики науки?

И отвечая на него, я вынужден был заняться проблемой природы философского знания. Мне пришлось при этом внутренне преодолевать установки, которые в той или иной мере были в сознании каждого из нас, получивших образование в советскую эпоху. «Философия — наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления». Я верил в эту знаменитую энгельсовскую фразу, но потом я вынужден был все это переосмыслить. Во-первых, я сам для себя сделал такой вывод, что эта энгельсовская формула верна, но ограничена. Она подходит только для некоторых систем философского знания. Под нее очень трудно подвести, например, средневековую философию, которую мы изначально не можем определять как науку. Согласно стандартам, по которым нас обучали, — это религиозные доктрины или религиозная философия, она представляет собой особый случай, отличающийся от научной философии. Потом я подумал о том, что Толстой, Достоевский создали оригинальные философские идеи. Но они вырабатывались в рамках совсем иной, не научной, а художественной традиции и отражены в созданных этими великими писателями произведениях. В романе «Война и мир» Толстого есть и своя философия. Потом я вспомнил о том, что есть философия Камю, Сартра, которые в драматургических произведениях выражали свои философские идеи. И тогда я пришел к выводу, что энгельсово определение философии не подходит для философии в целом.

К. То есть это определение, может быть, отчасти подходит для французского Просвещения, для Гегеля или для самого марксизма, но не для всего многообразия философских учений?

С. Совершенно верно. Оно характеризует философию, которая ориентирована на сциентистскую традицию. Есть разные типы философствования. Есть в философии тип, связанный со строго логическими построениями, когда одно положение строго логически выводится из другого, а есть философия, которая больше работает на смысловых образах, и в ней преобладает художественное начало. Это меня заставило по-иному осмыслить то, чем занимается философия, но поставленная ранее проблема сохранялась. Как возможно в философии продуцировать категориальные сетки, которые потом пригодятся для науки?

О том, что философия это умеет делать, свидетельствует история науки. Я с этой точки зрения посмотрел, например, на то, как физика XX века относилась к Канту, и вспомнил о том, что в своей автобиографии Эйнштейн с сожалением отмечал, что он поздно прочитал Канта, так как иначе ему легче было бы создавать теорию относительности. Эйнштейн исходил из того, что теория может быть навеяна опытом, но она не может быть индуктивно выведена из опыта. На деле же она вводится сверху по отношению к опыту, в каком-то смысле вводится априорно на первых этапах, а потом адаптируется к опыту. Дальше я установил, что ряд идей, которые наука начинала разрабатывать относительно исторически развивающихся систем только со второй половины XX века, были высказаны еще Гегелем. Идеи возможных сценариев развития системы были отработаны у Гегеля в виде категорий реальной и абстрактной возможности и превращения возможности в действительность. Всегда есть поле возможностей, из которых не все превращаются в действительность. Затем я вспомнил о том, что у Гегеля есть замечательная идея погружения в основание. Нечто рождает свое иное, вступая с ним в рефлексивную связь, и меняет само основание. Это было явно похоже на наращивание уровней иерархии в раз-

вивающейся системе, когда верхний уровень заставляет перестраивать связи элементов нижнего уровня и меняет свойства этих элементов. Я даже подумал об этой идее Гегеля по поводу необходимости иначе определить понятие времени для процессов развития. Он не находил развития в природе, а только в сфере духа, в сфере сознания, поэтому у него природа развивается в пространстве, но не во времени.

К. Похоже, что идея времени особо чувствительна к концептуальным перестройкам в науке и философии. Как раз этой теме посвящена статья П. П. Гайденко, которую она подготовила для данного издания. Применительно же к Гегелю получается едва ли не так, что разрабатываемые им идеи историко-культурного времени в дальнейшем оказались бесполезными для естественной истории, для современной постнеклассической науки?

С. Гегель, по крайней мере, привлек внимание к тому, что применительно к естественной истории надо как-то иначе задавать время, т. е. каждый тип развития может иметь свои пространственно-временные характеристики. Проводя анализ далее, я заметил, например, определенную связь между идеями Лейбница и идеями, которые развивал Дж. Чью в знаменитой модели бутстрапа (зашнуровки). Там есть нечто похожее на монады, где каждая частица содержит потенциально все остальные, когда они как бы зашнурованы друг на друга. Они все представляют собой систему, постоянно обменивающуюся веществом, энергией и информацией, и каждая из них вроде бы сама по себе, как лейбницева монада без окон, и в то же время все остальные частицы в ней светятся. Потом я вспомнил апории Зенона, когда он говорит, что нельзя перейти мост и Ахиллес не догонит черепаху. Если вы берете отрезок, он ведь — бесконечное число точек, если вы берете маленький кусочек отрезка, то он — тоже бесконечное число точек, и сколь бы малый кусочек отрезка вы ни брали — это бесконечное число точек.

К. Отсюда напрашивается ход к теории множеств, к проблемам обоснования математики.

С. Да. Эта проблема потом возникла у Г. Кантора и Г. Фреге — как сравнивать бесконечные множества. Таким образом, старая проблема всплывает через две тысячи лет на высших этапах развития математики. Значит, философия может формулировать проблемы, которые намного опережают свой век, и создавать категориальные смыслы, которые в ее эпоху избыточны, но могут понадобиться в будущем. И тогда встал вопрос: каковы механизмы такого порождения этих новых категориальных структур?

Переосмысливая понятие философии, я натолкнулся в конце 70-х годов на довольно расплывчатые определения, которые были у М. Мамардашвили. Он определял философию как рефлексию над предельными основаниями культуры. Но что такое предельные основания — этого определения у него не было. Возможно, таков был стиль его философствования, многое было построено на догадках, на контекстных недомолвках, на образах. Были у него и интересные, довольно строгие логические рассуждения, но были и плывущие структуры. Он мне сам часто говорил, что еще не может найти адекватного языка для выражения каких-то образов и идей. Поэтому его идея о предельных основаниях культуры для меня была непрояснена, но постановку проблемы она инициировала. В то время я уже начал анализировать роль культуры в формировании человеческой социальности, сконструировал определенную схему (модель) социума, где он рассматривался как система, в которой было выделено три взаимодействующие подсистемы. Первую можно обозначить как неорганическое тело цивилизации — это искусственные органы человеческой деятельности, созданная им вторая природа, система техники и способ развития двухкомпонентной телесности человека: его органического, биологического тела и системы искусственных органов, предметных структур второй природы, которые функционально выступают как

продолжение и дополнение естественных органов человека. Такое понимание человека было основным принципом марксистской философской антропологии. Оно явилось одной из стимулирующих идей, которые привели к материалистическому пониманию истории, разработке представления о решающей роли способа производства, которое Маркс рассматривал как способ воспроизводства и развития неорганического тела цивилизации. Вторая подсистема — это многообразие человеческих отношений: бытие человека в социальных коллективах, больших и малых социальных группах, образующих макро- и микроструктуру общества. И третья подсистема — это культура, наличие в обществе как целостном социальном организме сложноорганизованной совокупности информационных кодов, хранящих и транслирующих надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Воспроизводство и развитие общества предполагает воспроизводство и развитие многообразия видов деятельности, поведения и общения. Воспроизводство любого вида деятельности нуждается в соответствующих программах, потому что деятельность дискретна. Осуществление любого акта деятельности и его повторение, необходимое для получения определенного результата (продукта), предполагает, что субъект деятельности имеет цели, ценности, знания и навыки, обеспечивающие его целесообразные действия с орудиями, их соединения с исходным материалом, который преобразуется в продукт как в опредмеченную цель. Эти цели, ценности, знания, навыки и выступают как особая программа деятельности, которая должна стать достоянием субъекта. Такого рода программы могут транслироваться, передаваться в виде образцов, знаний, предписаний, верований, норм, мировоззренческих установок и т. п. Они составляют массив накопленного человеческого опыта — гибкий, исторически изменчивый, который составляет то, что мы называем культурой. В рамках этой модели социума я и начал анализировать основания культуры.

К. Мне кажется, это вообще было время, когда в марксистской философии обратились к понятию культуры и пытались как-то скорректировать всю концепцию, спасти ее, хотя и безрезультатно. Однако при этом возникает общая культурологическая тенденция, которая и сегодня весьма влиятельна, в том числе и в теории познания. Впрочем, основания культуры по-прежнему остаются недостаточно проясненным феноменом, что, видимо, вообще характеризует всякие основания...

С. Пытаясь выяснить, что нужно понимать под основаниями культуры, я много перечитал, пересмотрел Шпенглера, Хайдеггера. В 70-е годы появилась очень хорошая книжка А. Я. Гуревича — «Категории средневековой культуры», где он показывает, как категориальные смыслы в культуре определяют человеческую социальность. И тогда возникла идея: надо то, что Гуревич назвал категориями культуры, то, что Шпенглер называл эпифеноменами культуры, выделить и отличить от философских категорий. И я провел такое различие. Прежде всего зафиксировал, что философские категории выступают как рефлексия над категориями культуры. И чтобы дважды не употреблять слово «категория», я применил как синоним категорий культуры термин «мировоззренческие универсалии», имея в виду, что они и составляют основание культуры той или иной исторической эпохи. Я размышлял примерно так: культура — это очень гибкая, изменчивая система, это огромный массив постоянно меняющихся программ деятельности, поведения и общения людей. Тем не менее Шпенглер пишет правильно, что культура представляет собой всегда некое целое, единый целостный организм, что есть какая-то связь между, допустим, греческой архитектурой, греческой наукой и способом решения дел на народном собрании, политической организацией полисной жизни. Но что обеспечивает эту целостность? Как приверженец системного подхода я искал системообразующие факторы. В системе культуры такими факторами могли быть смыслы мировоззренческих универсалий. У меня тогда возникла идея, что категориальные структуры культуры можно обозна-

чить как то, что обеспечивает селекцию человеческого жизненного опыта и включение его в поток культурной трансляции. Ведь опыт многообразен, каждый человек постоянно что-то изобретает в своей жизни, но не все попадает в культуру. Культура обладает средствами селекции: этот поступок справедливый, а вот этот несправедливый; люди знают, что такое справедливость, хотя часто не могут выразить это рефлексивно. Если спросить у человека на улице, как понимать справедливость, он вам продемонстрирует свое понимание на жизненных примерах. Но категорию справедливости он, чаще всего, не определит. Это был для меня очень важный момент, когда я понял, что есть скрытые и часто не осознаваемые жизненные смыслы, которыми руководствуется человек в своей деятельности. Эти осознанные и неосознанные смыслы составляют содержание мировоззренческих универсалий культуры. Они фиксируют шкалу ценностей, обеспечивают понимание мира, его осмысление и переживание. Для человека вопрос о справедливости или несправедливости всегда эмоционально переживается — это оценка, а значит, предполагает ценность. Эти универсалии задают, во-первых, способы селекции человеческого опыта, они как бы отбирают, что попадет в поток культурной трансляции. Во-вторых, они образуют категориальный строй сознания людей той или иной исторической эпохи. И наконец, в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии они задают обобщенный целостный образ человеческого жизненного мира. Этот образ выражает отношение человека к природе, обществу и духу (сознанию). Он определяет миропонимание, мироосмысление и миропереживание (мироощущение) людей той или иной культуры в определенную историческую эпоху. И тогда появляется наш любимый философский термин — «мировоззрение». Универсалии культуры — это мировоззренческие категории. С этих позиций я выделил в универсалиях культуры три уровня смыслов: 1) общечеловеческий — весьма абстрактный, но в нем фиксируется отличие человека от остального мира; 2) исторически особенное содержание, выражающее специфику культуры определенной эпохи, и 3) групповое и личностное содержание, соответствующее индивидуальному опыту человека и опыту той или иной социальной группы, в которую он включен. Все три уровня связаны между собой, и ни один из них не существует в изоляции от других. Наиболее интересным представлялся мне анализ второго уровня, поскольку именно здесь выражались особенности разных типов и видов культуры, взятых в их историческом развитии. Известно, что помимо классовых, групповых сходств и различий есть глубинные структуры сознания, которые отличают людей одной эпохи от людей другой эпохи, например древнего грека от человека эпохи Средневековья. Они отличают людей, принадлежащих к разным культурам, например людей традиционного общества Китая III века до н.э. от древних греков III века до н.э. Тут я уже стал смотреть конкретный материал. Я, например, сравнивал, как древние греки и китайцы представляли себе бытие и небытие — а это смыслы ключевых мировоззренческих универсалий. Для грека, для его обыденного сознания бытие — это предметный мир, а небытие — это исчезновение бытия. А для древнего китайца бытие — это не только предметный мир, но и потенциальная возможность этого мира, скрытая где-то в глубинах небытия как резервуара, из которого выплывают и в котором пропадают воспринимаемые нами вещи, события, явления. И тогда у него небытие — это не отсутствие бытия, а вся полнота бытия! Вот такая получилась неожиданная конструкция. С этими смыслами были связаны смыслы других, конкретизирующих их категорий. Небытие ассоциировалось с пустотой. Для древних греков понимание пустоты — это отсутствие предметов, исчезновение вещей, а для китайцев — это формирующее начало вещей. Я в «Книге перемен» вычитал такие фрагменты: строят дом, прорубают окна и двери; что делает дом годным к потреблению? Пустота в нем. Делают кувшин, лепят глину, обжигают ее. Что делает кувшин годным к потреблению? Пустота в

нем. У древних китайцев пустота — формообразующее начало и, одновременно, пустота — это отсутствие страданий, особое состояние, которое обеспечивает самосохранение духа.

К. А разве это не напоминает кое-какие греческие идеи — элеатов, Платона?

С. Здесь очень важно выяснить, что доминировало в культуре, в обыденном сознании, в языке, в понимании искусства. Философия частично тоже воспроизводит доминирующие смыслы культуры, но ее особенность в том, что она может выйти за рамки своей культурной традиции и сконструировать такие смыслы категорий, которые адресованы не настоящему, а будущему. И чем больше развита эта эвристическая функция в философии (а в античной философии она — почти доминанта), тем чаще в ней возникают идеи, противоречащие здравому смыслу эпохи. Поэтому философские категории могут не совпадать с универсалиями культуры. И когда речь идет об укорененных в культуре жизненных смыслах, представленных универсалиями культуры, нужно с большой долей осторожности апеллировать к философии. По существу, Ваш вопрос заставил меня эксплицировать второе отличие категорий философии от мировоззренческих универсалий.

Но я все-таки продолжу разговор о первом отличии, а потом вернусь еще раз (более конкретно) ко второму.

Итак, основание культуры представлено системой мировоззренческих универсалий, а кроме них есть философские категории, которые возникают как рефлексия над универсалиями культуры. И те и другие могут обозначаться одними терминами — «бытие», «мир», «природа», «пространство», «время», «причинность», «человек», «общество», «добро», «зло», «истина», «красота», «справедливость», «совесть», «труд» и т. д. Но смыслы этих терминов, в зависимости от того, обозначают ли они мировоззренческую универсалию или соответствующую философскую категорию, могут различаться. В процессе рефлексии над мировоззренческими универсалиями философия схематизирует и упрощает их, превращает в особые идеализированные объекты (в содержание своих категорий). И с ними она начинает оперировать как с особыми предметами (примерно так же, как математик превращает числа в особые сущности, свойства которых он начинает изучать). Философ превращает универсалии культуры в абстрактные объекты, в понятия, где часто исчезает вся полнота эмоциональных переживаний мира, а упор делается скорее на структуру понимания и осмысления мира. Поскольку философские категории схематизируют универсалии культуры, они никогда не передадут всю полноту смыслов, связанных с переживаниями людей. Они — понятия, теоретические конструкты, и философия начинает оперировать с ними как с особыми объектами, изучать их свойства, связи, отношения. В этом процессе она открывает такие новые смыслы, которых в культуре данной эпохи нет. Философия может сочинить такое, что является чуждым обыденному сознанию данной исторической эпохи, она выходит за рамки этого обыденного сознания. Философия организует такое движение: от мировоззренческих универсалий к своим категориальным смыслам, а затем — теоретическое движение в поле этих смыслов. Вот так же, как наука движется в системе идеализированных объектов, философия начинает двигаться в системе этих идеализированных смыслов, причем она проводит эту работу постоянно. С одной стороны, она подпитывается рефлексией над основаниями культуры, она должна улавливать изменения, которые возникают в культуре своей эпохи, а с другой стороны, она изобретает иные миры, возможные миры человеческой жизнедеятельности. Вот тогда я вспомнил лейбницеву идею о том, что математика — это наука о возможных мирах, и определил философию как науку о возможных мирах человеческой жизнедеятельности: не тех, которые уже реализованы, а тех, которые могут возникнуть в возможном будущем. Здесь усматривается теоретическая деятельность, очень похожая на науку. В философии обнаруживаются два аспекта: с одной стороны, она работает как на-

ука, а с другой — когда начинает искать жизненные смыслы, предлагать мировоззренческие ориентиры, она может их оправдывать, оправдывать тот или иной образ жизни. Тогда она выполняет идеологические функции. Философские категории не сразу оформляются как научные понятия, они возникают сначала как некие, если угодно, синтетические образы, выступают не как понятия, а как смыслообразы. Таким смыслообразом является, например, гераклитовский Логос — огонь. В рассуждениях, оперируя смыслообразом, Гераклит часто следует логике метафоры. К примеру, он объясняет, почему пьяный человек глуп: это, по его мнению, происходит потому, что разумная душа — огненная, сухая, а вино увлажняет душу, и поэтому человек утрачивает разум во время опьянения. Такие как будто наивные размышления вызваны доминантой в соответствующей категории ее образного содержания. Но есть в философии и достаточно строгие рассуждения, когда она работает с категориями как с понятиями, дает им строгие определения, прослеживает их связи и начинает выдвигать теоретические проблемы. Смыслообразы переплавляются в понятия, и это подготавливает логическое развертывание выдвигаемых в философии внутренних теоретических проблем. Например, возникает проблема соотношения категорий части и целого. И прослеживаются все ее возможные решения. Целое делится на части до предела — это атомистика Демокрита и Эпикура. Целое делится на части беспредельно — это Анаксагор. И наконец, сумасшедшая идея и решение — целое вообще не делится на части. Бытие едино и неделимо (элеаты). И вот тут-то возникает эта необычная постановка проблемы, которая уже выходит за рамки здравого смысла эпохи. Но именно в этих чисто теоретических построениях философия открывает новое — идеи атомистики, проблемы сопоставления бесконечных множеств (апории Зенона), которые затем многократно побуждают к новым открытиям научную мысль последующих эпох. Философия открывает такие категориальные смыслы, которые затем как дрейфующие гены включает в культуру, и они транслируются в ней, пока не находят свою аппликацию в науке или в других формах культурного творчества. Философия нужна не только для того, чтобы жить в культуре своей эпохи. Она готовит нас к переменам в культуре, активно участвует в них, вырабатывает новые категориальные смыслы. И наступает время, когда эти смыслы перерастают в новые идеи публицистики, журналистики, литературной критики, выражаются в художественных произведениях, новых религиозных верованиях, правовых и политических учениях. Они наполняются эмоциональным содержанием и начинают внедряться в культуру. Философский смысл вновь возвращается к основаниям культуры с высот абстрактного знания, переплавляется в конкретные мировоззренческие универсалии и становится базисом новой культуры.

Если бы культура и общество не менялись, а лишь воспроизводили одни и те же состояния социальной жизни, тогда и философия была бы не нужна. В состояниях социальной стагнации власть всегда стремится контролировать философскую мысль, превратить философию в идеологию, до предела сузив ее творческий научный потенциал. Но даже в этих неблагоприятных для философии состояниях несвободы она находит возможности заниматься своим основным делом. В своих абстрактных построениях, казалось бы далеких от жизни, она генерирует новые категориальные смыслы, часто защищая их обрамлениями принятой политической риторики. Если вспомнить яркие слова Гегеля и Маркса о философии, то она действительно — «живая душа культуры», «эпоха, высказанная в мысли». Можно добавить, что это и квинтэссенция возможных будущих эпох, высказанная в мысли.

Вот, собственно, такие идеи возникли у меня при анализе природы и функций в культуре философского знания. Я разработал и зафиксировал их в ряде публикаций, в том числе и в статье «Прогностические функции философского знания», которая вышла в

«Вопросах философии» в 1984 году. Освоение новой проблематики создало возможности новых исследований. Я выяснил роль универсалий культуры в социальной жизни, и для меня открылись новые возможности для анализа социума, культуры, типов цивилизации, но это уже были другие идеи и другие времена.

К. В своей известной статье 1972 года М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев и В. С. Швырев сформулировали концепцию классической и неклассической рациональности. Вам принадлежит идея постнеклассической рациональности, при этом понятие рациональности не ограничивается философией, но относится к культуре в целом. Что побудило Вас к размышлению о новой форме рациональности? Только ли новейшие подходы в естествознании, направленные на изучение сложных самоорганизующихся систем, или к тому привели Вас и какие-то обстоятельства внешнего, социально-мировоззренческого характера?

С. Как только круг моих интересов стал расширяться за пределы философии науки, я каждый раз, возвращаясь к методологической проблематике, обнаруживал новые проблемы и возможности новых решений. Последние результаты такого рода — это анализ постнеклассического типа науки; этот термин я предложил в конце 80-х годов, и он сейчас достаточно широко используется. У меня возникли четкие критерии различения типов научной рациональности: тип системных объектов, метод, особенности субъекта научной деятельности. Эти критерии скоррелированы между собой. Пришел я к этому следующим путем.

Разрабатывая идеи внутренней структуры и динамики науки и выделяя блок оснований науки, я определил научные революции как перестройку оснований науки. В этом анализе я вначале детализировал уже предложенную Т. Куном трактовку революции как смены парадигм, возникающую в результате накопления аномалий и кризисов. Структуру оснований науки можно было интерпретировать как структуру парадигмы. В моем подходе аномалии и кризисы не просто фиксировались, но находили свое объяснение. До тех пор, пока наука осваивает объекты, главные системно-структурные характеристики которых выражает сложившаяся картина мира, а предельно обобщенные особенности метода их освоения выражены в системе идеалов и норм исследования, никаких кризисов наука не переживает. Это эпохи ее устойчивого развития. Но, расширяя сферу своего применения, наука может втянуть в орбиту исследования принципиально новые типы объектов, не соответствующие представлениям старой картины мира и требующие новых идеалов и норм исследовательской деятельности.

В этих ситуациях накапливаются факты, не находящие своего теоретического объяснения (аномалии). А попытки построить теоретические модели, объясняющие новые факты, при сопоставлении их с картиной мира порождают парадоксы (кризисы).

Типичным примером тому являются парадоксы, возникшие после введения в электродинамику преобразований Лоренца. Из этих преобразований следовало, что пространственные и временные интервалы меняются при переходе от одной инерциальной системы к другой. Но при сопоставлении этого следствия с электродинамической картиной мира возникало противоречие. Картина мира постулировала существование абсолютного пространства и времени, а оно по определению означало независимость пространственных и временных интервалов от относительной скорости движения систем отсчета. Разрешение парадоксов предполагает коренную трансформацию картины мира. В рассматриваемом случае это было связано с построением теории относительности и с введением в картину мира представлений о пространственно-временном континууме как едином пространстве-времени физического мира.

Я проследил механизмы построения новых теорий и новых картин мира на этапе научных революций, показал, что в этом процессе активно участвуют философские идеи, которые после построения новой картины мира включаются в систему философских оснований науки и перестраивают их. Конкретной демонстрацией всех этих процессов была осуществленная мной реконструкция становления специальной теории относительности. Все эти результаты были опубликованы в книгах «Идеалы и нормы научного исследования» (1981) и «Научные революции в динамике культуры» (1987). Позднее, как это всегда бывает, я уточнил ряд моментов в проделанной реконструкции становления теории относительности. Этот более полный и более конкретный вариант был изложен в моей книге «Теоретическое знание» (2000).

Рассматривая механизмы внутривидеодисциплинарных научных революций, я затем обратил внимание на особый тип революций в науке, связанных с междисциплинарными взаимодействиями. Этот вариант не был проанализирован Т. Куном. Он осуществляется за счет «парадигмальных трансплантаций», когда основания одной науки начинают изменять основания другой. В этих случаях научные революции не обязательно начинаются с аномалий и кризисов. Так развертывалась великая революция, приведшая к возникновению дисциплинарно организованной науки. Так возникли революционные изменения в химии под влиянием квантовой физики, в современной биологии под влиянием идей кибернетики и теории информации.

Анализируя оба типа научных революций, я выделил ситуации, когда происходит радикальная перестройка всех компонентов оснований науки: ее картины мира, идеалов и норм, ее философских оснований. Обозначив такие случаи как глобальные научные революции, я связал их с изменением типа научной рациональности. Так были введены в методологический обиход представления о трех типах рациональности – классической, неклассической и постнеклассической.

Первый из них (классика) характеризуется особым пониманием идеалов объяснения и описания. Предполагается, что объективность объяснения и описания достигается только тогда, когда в цепочке деятельности «субъект—средства (операции)—изучаемый объект» объяснение сосредоточивается только на объекте и будет исключено все, что относится к субъекту, средствам и операциям деятельности.

Второй (неклассика) эксплицирует связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Объяснение и описание включает принцип относительности объекта к средствам наблюдения (квантово-релятивистская физика).

Третий (постнеклассика) расширяет поле рефлексии над деятельностью, учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. В явном виде учитывается связь между внутринаучными и внеаучными социальными целями и ценностями.

Соответственно этим изменениям структур метода деятельности, представленных идеалами и нормами науки, расширяется поле типов системных объектов, которые можно освоить в соответствующих структурах деятельности. Классическая рациональность позволяет осваивать в познании простые (малые) системы, неклассическая – сложные системы с саморегуляцией и обратными связями, постнеклассическая – исторически развивающиеся системы, в том числе и такой их вариант, как человекоразмерные системы (исторически развивающиеся системы с включенным в них человеком).

Каждый из трех типов рациональности вводит особую категориальную сетку, обеспечивающую освоение изучаемых объектов (понимание вещи и процесса, части и целого, причинности, случайности и необходимости, возможности и действительности, пространства и времени), а также категориальную сетку, характеризующую наиболее общую схему метода

деятельности (понимание объяснения и описания, доказательности и обоснования, строения знания, понимание теории, наблюдения, факта). Изменения смыслов этих категорий меняют онтологическую и методологическую составляющую философских оснований науки. Поэтому каждый тип рациональности предполагает свою систему философских оснований, которая меняется при смене типа рациональности.

Под этим углом зрения я выделил и три этапа развития философско-методологической рефлексии над наукой: центрированной на онтологической проблематике (классика), переносящей акцент на анализ процедур и операций построения знания (неклассика) и акцентирующей проблематику социокультурной детерминации науки (постнеклассика).

В развернутом виде эти идеи были опубликованы в моей статье в журнале «Вопросы философии» № 10, 1984. Но в эскизном, первоначальном варианте они уже были в моих предыдущих публикациях — в частности, в книге «Научные революции в динамике культуры» (1987). Затем я уточнял и развивал их в книге «Философская антропология и философия науки» (1992).

Анализ постнеклассической рациональности выводил меня к проблематике особенностей культуры на современной стадии развития цивилизации. Исследование природы и тенденций развития современной цивилизации я начал уже на новом этапе моей биографии и моих научных занятий, в Москве, работая директором одного из престижнейших научных философских центров — Института философии АН СССР (а с 1992 года — Российской академии наук).

Беседа четвертая. *Философия и цивилизация*

К. В прошлый раз Вы говорили о природе философии. Сформулировав свою концепцию, Вы, если я не ошибаюсь, совершили очередное «челночное движение» и посмотрели на науку по-новому, в более широком контексте, поскольку стало ясно, какие конкретные функции могут выполнять, к примеру, философские основания науки.

С. Мы говорили о том, что философия обладает по своей природе прогностическими функциями по отношению к будущим состояниям общества и культуры, и не только по отношению к науке, но и по отношению к разным сферам жизни культуры. Она как бы прогнозирует возможные миры человеческой деятельности. В этом смысле я еще раз повторю лейбнищевскую идею о математике как науке о возможных мирах, которая хорошо подходит и к философии. Это наука о возможных мирах человеческой жизнедеятельности, а поскольку она затрагивает фундаментальные мировоззренческие основания этой жизнедеятельности, она соединяет в себе научные и вненаучные, или околонучные, способы познания мира. Прояснив, как относятся философские основания науки к массиву философского знания, я получил более или менее завершенную конструкцию. Структура науки включает блок оснований как своеобразного посредника между наукой и культурой. Как основание науки он, с одной стороны, обеспечивает внутреннюю логику развития науки, а с другой стороны, является способом включения научных знаний в культуру и способом перевода на язык науки некоторых идей и представлений, которые возникают в разных сферах культурной жизни и которые рационально осмысливаются через основания науки. Тем самым я снял не нравившуюся мне альтернативу экстернализма—интернализма, т. е. внутренняя логика истории науки в моей концепции изначально включала то, что идет от оснований науки, а значит, то, что затем попадает в культуру. Наука — это действительно специфическая область познания мира, которая включает в себя особые процедуры, особые способы деятельности по производству знаний. Но она не изолиро-

вана от культурной традиции, она всегда в нее включена, взаимодействует с ней. В этом смысле основания науки — это своеобразный транзитный уровень, объединяющий интерналистские и экстерналистские факторы.

К. Можно сказать, это механизм интернализации культурного содержания в науку.

С. Да, и одновременно — инкорпорации в культуру научного знания. Оно влияет на культуру, и вместе с тем постоянно идут воздействия от культуры к науке, возникают исходные образы и представления, которые потом ложатся в основу картины мира и могут воздействовать на внутреннюю логику построения науки и логику экспериментального исследования. Этот этап моей работы в более или менее завершенном виде относится ко второй половине 80-х годов. Это был интересный период в моей жизни. С 1981 года я стал заведующим кафедрой философии в Белорусском университете. В середине 80-х годов кафедра работала очень продуктивно. Наша работа вызывала в то время не то что зависть, хотя это тоже было, но подозрение. За мной тянулся шлейф старых историй, что, мол, Стёпин — скрытый диссидент. Но на кафедре возникло дружное сообщество, коллектив, который состоял во многом из друзей и моих учеников первого поколения; им сейчас где-то по пятьдесят, а в то время было по 30—35 лет. Эти люди, успешно защитив кандидатские, очень толково работали со студентами. На базе кафедры мы проводили круглые столы «Вопросов философии», которые печатались в этом журнале. В то время было совершенно нетривиально, чтобы в таком престижном журнале печатались люди из провинции. Издавали коллективные монографии, в которых участвовали известные философы страны и куда попадали лучшие работы сотрудников кафедры. Эти книги известны — «Идеалы и нормы научного исследования» (1981), «Научные революции в динамике культуры» (1987) и др. Работали много, но атмосфера была дружеская, в чем-то даже веселая. Мы вместе отдыхали, ходили на тропу здоровья, выезжали в дома отдыха, снимали кино, ходили на байдарках. Были и бесконечные проверки. Нужно было отдельно отчитываться о воспитательной работе со студентами, отдельно — с иностранными студентами, отдельно о том, как у тебя поставлена гражданская оборона. Каждая проверка выискивала, за что можно было бы зацепиться, но не получалось, потому что у меня были очень хорошие лаборантки, многие из них потом стали кандидатами наук. Все бумажки у них были в порядке. Потом у нас сложился хороший состав кафедры. Моими заместителями были Е. В. Петушкова, А. А. Михайлов, А. Н. Елсуков, позже А. И. Зеленков. Со всеми были дружеские отношения.

К. С А. Н. Елсуковым Вы даже книжку опубликовали?

С. Да. С ним я пришел на кафедру практически одновременно. Мы вместе работали на кафедре в Политехническом институте, а потом перешли в Университет. А. А. Михайлова я знал еще со студенческих лет, хотя я был старше его. Сейчас он академик Белорусской академии, основатель Европейского гуманитарного университета в Минске, человек известный. Одно время он работал в ООН, в совершенстве владеет немецким и английским. Потом перешел на работу к нам на кафедру, написал и защитил докторскую по герменевтике. В общем, все трудились, была атмосфера и дружеских общений, и, вместе с тем, жесткая, требовательная, когда это касалось дела. Диссертации у нас проходили строго: проводились первичные обсуждения на секциях и были очень высокие требования. Несмотря на это, за пять лет, с 1981 по 1986 год, у нас на кафедре были защищены более 30 кандидатских (почти все аспиранты защищались стопроцентно) и 5 докторских диссертаций.

К. Считай, ежемесячно по защите.

С. Да. Я был научным руководителем половины кандидатских и почти у всех докторантов был научным консультантом. И это при том, что мы издавали и книги, и ежегодно несколько десятков крупных статей, в том числе в престижных журналах «Вопросы философии» и «Философские науки». Вспоминаю такую историю. Подводили итоги соцсоревнований за пятилетку, и вышло, что наша кафедра на первом месте по всем показателям. Мне тогда с большим скрипом, с консультациями в ЦК все-таки решили дать орден «Дружбы народов» за показатели кафедры и во многом за мои личные тоже.

К. Тем самым Вас как бы уже простили на самом высоком уровне.

С. Да, реабилитировали, а перед этим в 1983 году меня впервые выпустили в Зальцбург на конгресс по логике, методологии и философии науки. До этого я был «невъездной» — была в те годы такая категория лиц, которых не выпускали за границу. Помню, организаторы философского конгресса в Дюссельдорфе меня пригласили выступить с докладом на пленарном заседании, но меня не только не выпустили, даже не дали ответить им. Все мои письма в Германию не дошли, а конверты с приглашениями, которые ко мне приходили, были нагло вскрыты и разорванными лежали в почтовом ящике. Госбезопасность мне сигнализала, что я рано решил выйти из категории «невъездных».

К. Значит, Вас перед этим довольно долго держали под колпаком.

С. Можно и так сказать. И мое участие в конгрессе в Зальцбурге (а это была поездка сразу в капстрану, я до этого и в социалистические страны не ездил) было воспринято как моя реабилитация, хотя я в это время уже заведовал кафедрой. Кафедра постепенно завоевала передовые позиции в Университете, хотя и не всем это нравилось. О ней знали не только в Минске, но и в Москве, в Министерстве высшего образования и в Отделе науки ЦК, который курировал науку и образование. Была одна очень забавная история. Где-то в 1984 или в 1985 году пришла к нам такая бумага, чтобы на кафедрах создали учебно-методический комплекс, в который должны входить кроме программы еще и масса всяких планов и других документов. Когда все посмотрели, сколько там надо готовить бумаг, то первое желание было — нет, этого делать мы не будем. Я просмотрел внимательно, что там требовалось, и выяснилось, что все это на кафедре есть, только в разных папках. Нужно было все это просто перепечатать еще раз на машинке и сложить вместе. Как сказал однажды В. С. Черномырдин, премьер России в середине 90-х, «собрать документы и послать в одно место». Мы собрали имеющиеся у нас материалы, переплели, написали заголовок «Учебно-методический комплекс кафедры философии» и поставили в шкаф. Там он и пылился, этот комплекс. И вот приезжает комиссия из ЦК КПСС. Они проверили наши лекции, им понравилось, похвалили нашу научную работу. Потом председатель комиссии мне говорит: «А учебно-методического комплекса у вас, конечно, нет?». А я ему: «Почему же нет? Есть он у нас». Оказалось, что ни на одной кафедре не выполнили это распоряжение. Я ему подаю этот гроссбух с надписью. Он открыл, полистал, очень бережно закрыл и, посмотрев куда-то в потолок, сказал: «Да, это лучшая кафедра в СССР». Оказывается, он был идейным вдохновителем этого пресловутого комплекса. Естественно, после доклада комиссии о результатах проверки в Минвузе республики и республиканском ЦК наши акции возросли. Но зависти от этого, конечно, не убавилось. Помню, примерно в 1986 году было заседание Белорусского философского общества, и к нам приехала из Болгарии завкафедрой Софийского университета И. Апостолова. У нас были с их кафедрой добрые отношения, в Болгарии в это время уже хорошо знали мои работы, на них было много ссылок. Апостолова пошла на заседание Белорусского философского общества, где подводились итоги работы за год, и с удивлением отметила, что в длинном докладе председателя Д. И. Широканова (тогда уже ака-

демика АН БССР) не было сказано про нашу кафедру вообще, как будто ее и не было в Белоруссии. Она мне тогда сказала: «Это зависть, но это значит, что вы первые». Так что было всякое. Но в целом жизнь шла достаточно хорошо, и когда я вспоминаю этот период, то, несмотря на мелкие булавочные уколы, мне он представляется одним из самых счастливых в моей жизни. Я тогда много сделал сам, успешно работали мои ученики, был хороший коллектив, была дружба, была хорошая работа.

Для меня стал переломным 1987 год. В это время тяжело заболела моя мама, у нее был рак, и она от этого заболевания умерла в том же году. В это же время мне стали предлагать переехать в Москву. Звонил И. Т. Фролов, тогда он был редактором журнала «Коммунист», а затем стал помощником Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. С Иваном Тимофеевичем Фроловым я познакомился еще в начале 80-х. Он был тогда в относительной опале, ушел с поста заместителя директора Института системных исследований АН СССР и возглавлял Совет по философским и социальным проблемам науки и техники при Президиуме Академии. Судя по всему, он с одобрением относился к моим работам, хотя я в основном опирался на материалы истории и философии физики, а он был известным специалистом по философии биологии и глобальным проблемам (о которых он первым из наших философов стал серьезно писать). Перестройка изменила его статус, как, впрочем, впоследствии и мой. И. Т. Фролов, а затем и вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев предложили перейти на работу в Академию наук директором института — Институту истории естествознания и техники нужен был директор.

К. А в чем там было дело? **С. Р. Микулинский** ведь умер позже, если не ошибаюсь?

С. Он уже работал в то время в Архиве истории науки и ушел из института. Там была довольно напряженная атмосфера, Бауманский райком сильно вмешивался в их деятельность. В это время, в 1987 году, в Москве начался процесс демократизации, который всколыхнул многие оппозиционные слои и, естественно, проник и в академические институты. На должность директора ИИЕТА решили пригласить меня. Я долго отказывался, прежде всего по той причине, что умирала мама, и я не хотел уезжать; кроме того, я просто не хотел покидать Минск, оставлять работу на кафедре в университете. В 1986 году я баллотировался второй раз в члены-корреспонденты Белорусской академии наук. В первый раз, в 1980 году, хотя моя кандидатура была одобрена в ЦК, вытащили мою историю с диссидентством, заявили, что меня нельзя выбирать, и я не добрал один голос. Во второй раз у меня уже был орден и в два раза больше работ — шесть монографий в том числе. И я не добрал уже шесть голосов. Помню последний разговор с мамой, когда она еще могла сидеть; мы вышли в коридор больницы, сели и долго говорили о жизни, и она мне сказала: «Езжай-ка ты в Москву, они тебе все равно здесь ходу не дадут и в члены-корреспонденты не выберут». А я ей говорю: «Ну и ладно, мам, я профессор». Она возразила: «Дело не в том, я же тебя знаю, ты же эти булавочные уколы переживать будешь, а они здесь не кончатся». На мои слова, что в Москве будут свои проблемы, она мне ответила: «Не скажи, в Москве таких мелких уколов будет намного меньше, там ты не будешь белой вороной, там у тебя есть и друзья, и коллеги — известные ученые». После ее смерти мне снова позвонили И. Т. Фролов и П. И. Федосеев и сказали, что коль скоро несчастье произошло, то меня ничего не должно удерживать от приезда в Москву. Я приехал 15 апреля сюда на переговоры, и вдруг неожиданно П. И. Федосеев отвел меня к А. Г. Егорову, который тогда руководил Отделением философии и права, а Егоров отвел меня сразу в ИИЕТ. Оказалось, что они уже провели общее собрание и избрали меня директором заочно. Когда я вошел в зал Ученого совета, меня встретили аплодисментами. Я там тоже очень многих знал: я же участвовал в звенигородских семинарах и во многих их конференциях. Оказалось, что ко времени моего приезда уже состоялось решение Президиума о том, чтобы

удовлетворить просьбу, идущую снизу, и меня рекомендовать директором. Мне дали два дня на поездку в Минск, чтобы я сдал кафедральные дела. Сказали, что сначала я поживу в гостинице, а потом будет решаться вопрос о служебной квартире. Вот таким образом я попал в ИИЕТ и стал директором. С этого момента и начинается моя московская жизнь. Я еще продолжал свою работу по философии науки, но меня уже больше тянуло к анализу культуры, к социальной философии.

В 1988 году состоялось решение о переводе меня в Институт философии, которое было принято, как мы понимаем, не только Президиумом Академии, но и секретариатом ЦК. Два или три месяца я был директором двух институтов. Мне говорили, что я пошел по стопам Б. М. Кедрова, который в свое время тоже был директором двух институтов. Потом я беседовал в секретариате ЦК с Александром Николаевичем Яковлевым и попросил, чтобы мне разрешили перейти не только самому, а вместе с группой сотрудников, выходцев из Института философии. Это были П. П. Гайденко, А. П. Огурцов, Б. Г. Юдин и другие. А. Н. Яковлев спросил у меня, сколько всего таких людей будет. Я ответил, что человек двенадцать. И он мне сказал: «Ну, тогда и берите их в Институт философии, ему это совсем не помешает». Вот так и осуществился этот переход. Со мной перешел сектор П. П. Гайденко. Потом в Институте философии был организован центр наук о человеке, который со временем превратился в Институт человека. Вот так началась моя институтская жизнь. Прошло уже пятнадцать лет, а прошли они так быстро, что я их даже не заметил. Здесь очень интересная работа, хороший коллектив. Хотя я тоже долго не хотел переходить из ИИЕТА в ИФАН. Я только наладил дела в ИИЕТе, вдобавок была и такая установка, что Институт философии все-таки идеологический, он будет вечно под контролем ЦК, а история естествознания и техники — это специальность на все времена. Так зачем мне менять хорошее на непонятное? Но в Президиуме Академии мне напрямую сказали, что вопрос решен и тут даже разговаривать не о чем — переводим Вас на новую работу. Я потом подумал: чего я упираюсь? Я же работал с этим институтом, у меня здесь восемнадцать статей в коллективных сборниках вышло. Я подготовил здесь докторскую. У меня были дружеские отношения с очень многими сотрудниками. Когда в 1984 году отмечали мой юбилей по случаю 50-летия, то приехали из Института философии В. А. Лекторский, Д. И. Дубровский, Р. С. Карпинская. Они привезли поздравления, грамоты, участвовали в банкете; веселый банкет был. И я подумал: зачем мне сопротивляться переходу, там же почти все свои? Я перешел в Институт философии и, конечно же, не жалею, работа здесь интересная.

К. В связи с кризисом марксистской философии был практически отброшен формационный подход в социальной философии, в философии истории. Сегодня в этой области царит хаос: теории А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Данилевского сосуществуют с учениями Л. Февра, Ф. Броделя и М. Блока, с одной стороны, и с концепциями Ж. Батая, В. Райха, Ж. Делеза — с другой; идеи Г. Риккерта, Р. Д. Коллингвуда, Фукуямы, П. Бурдьё произвольно объединяются с представлениями, восходящими к И. Киреевскому, К. Леонтьеву, А. Хомякову, В. Соловьеву, Н. Бердяеву, С. Франку. Какое место в данном контексте Вы отводите Вашему цивилизационному подходу, какие задачи он призван решать?

С. Именно в Институте философии я и начал развивать эту идею. Это было связано с определенным социальным заказом, потому что с 1989—1990 годов начиналась критика марксизма и возникла идея, что формационному подходу надо противопоставить цивилизационный подход, который разрабатывался в основном на Западе. Критиковали марксистский формационный подход, говорили, что он ограничен и нужно перейти к анализу цивилизационного подхода, и тогда, может быть, мы поймем многое в современной ми-

ровой истории. Мне, честно говоря, не очень нравилось такое жесткое разграничение, я согласен был скорее с их соединением по принципу дополнительности в смысле Н. Бора.

К. Поскольку он представлял собой феноменологическую фиксацию ситуации, Вы полагали, что надо искать какие-то внутренние причины, не так ли?

С. Я видел рациональное и в формационном, и в цивилизационном подходах. Постепенно у меня стала вырисовываться идея типов цивилизационного развития. К этому меня вел предшествующий анализ универсалий культуры. В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде и фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов — это генофонд жизни в разных ее вариантах. В общественной жизни аналогом такого генофонда является культура, причем основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходят генетические мутации, изменяющие геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их мутацию. Я понял, в чем была ограниченность марксова подхода. Маркс прошел мимо программирующей роли культуры в жизни человечества. Упрекать его за это бессмысленно. Проблематика культуры под этим углом зрения стала разрабатываться уже после смерти Маркса. Решающая роль здесь принадлежала XX веку — синтезу знаний истории, антропологии, психологии, лингвистики с возникшими в XX веке генетикой, теорией информации, теорией систем и семиотикой. Только в этом синтезе и возникает продуктивная аналогия между биокодами, закрепляющими наследственную информацию организмов, и социокодами, закрепляющими накопленный социально-исторический опыт. Кроме биологических, генетических программ, представленных геномом человека, у него есть еще надбиологические, социальные программы, и эти два типа программ сложным образом взаимодействуют. Второй тип программы — это система нравов, традиций, привычек, образцов деятельности, предписаний, знаний, которые хранит культура. Весь этот сложно организованный набор программ существует благодаря особой структуре, которая выступает и функционирует как своего рода геном социальной жизни. Эта структура представлена мировоззренческими универсалиями, пониманием того, что есть человек, общество, личность, природа, пространство и время, что есть свобода, справедливость, совесть, честь, труд и т. д.

К. Но это вообще-то не противоречит марксизму. В общем виде эти идеи там намечены, особенно когда идет речь об обратном влиянии надстройки на базис, сознания на обуславливающее его бытие.

С. В принципе не противоречит. Но у Маркса эти идеи только в эскизном варианте намечались в последние годы его творчества. Энгельс писал об обратном влиянии сознания на бытие. И это открывало новую проблематику для марксистов. Но культуру нельзя свести только к сознанию, она включает и социально подсознательное, часто не поясненное, не отрефлексированное знание. Такое знание носит характер интересубъективного, величностного знания.

К. В этой связи часто вспоминают Кантову идею схематизма и истолковывают ее достаточно широко.

С. Да, универсалии культуры в определенном смысле — это схематизмы человеческого понимания, переживания мира и установок его деятельности. Исторически они меняются, и эти изменения означают изменение способов воспроизводства социальной жизни, а если такие изменения носят радикальный характер, то они приводят к появлению новых типов общества. С этих позиций я еще раз критически проанализировал классические идеи исторического материализма. У Маркса была идея о том, что общественное развитие определяет смена способов производства материальных благ. Способ производства выступал здесь своеобразной формой отбора жизнеспособных обществ. То общество выживает в конкуренции с другими обществами и природой, у которого способ производства открывает большие перспективы развития производительных сил, создает лучшие возможности для овладения природой, развивает более высокие технологии. Это можно рассматривать как аналог дарвиновской идеи естественного отбора. И если учесть, что Маркс и Ленин неоднократно проводили параллели между дарвиновской концепцией эволюции и материалистическим пониманием истории, то эта аналогия вполне допустима. Но в классическом дарвинизме не было представления о носителях наследственности. Там наследственностью обладает весь организм, что приводило к парадоксам при объяснении сохранения наследственных признаков. Парадоксы были сняты после возникновения генетики, которая появилась в начале XX века. Маркс не мог знать о ней, а если бы знал, то, бесспорно, сообразил бы, что необходимо внести соответствующие коррективы в понимание общества. Представление о биологической эволюции учитывает влияние двух факторов — мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если под этим углом зрения рассмотреть развитие общества, то функции естественного отбора здесь выполняет развитие производства, экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов — это изменение мировоззренческих универсалий культуры. Оно происходит благодаря появлению новых видов деятельности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В такие эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха критики прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов.

К. Боюсь, что это было уже давно, не только в 80-х.

С. Общество периодически в своем развитии порождает такие эпохи. Так происходило в эпоху Возрождения и Реформации, когда устанавливалось капиталистическое общество, так обстояло дело перед Французской революцией и перед нашей, русской революцией 1917 года.

К. То есть это характеризует любой транзитный период в развитии общества?

С. Бесспорно. И это то, о чем писал в свое время Ленин: все противоречия общества проходят через головы людей. И почти наблюдаемый исторический факт — всякой политической революции предшествует революция духовная, которая формирует новые мировоззренческие идеи, за которые люди будут бороться. Это и есть мутация генного аппарата общества, его изменение и предпосылки создания нового типа социальности.

К. Если смотреть на современные реалии, то в голову приходит следующая мысль. Учитывая ускорение исторического развития, которое имеет место постоянно, мы в кон-

це концов получим, что мутация никогда не прекращается и транзитный период вообще становится обязательным этапом исторического развития.

С. Этот вывод я бы делал поосторожнее. Так, например, сейчас рассуждает постмодернизм, и это выражает современное состояние общественной жизни. Но я не считаю, что такое состояние будет длиться вечно, считаю его переходным периодом. Возможно, это начальный этап смены типа цивилизационного развития. Ему, конечно же, предшествует эпоха смятения в умах, эпоха, когда рвется связь времен, когда мы не знаем, какие истины жизни взять от отцов, дедов и передать детям и внукам. Я не думаю, что динамический хаос социальной жизни — это то, на что общество вечно обречено. Для меня это особые периоды социального состояния, которые сменяются устойчивым развитием. Если человечество не погибнет и найдет выход из глобальных кризисов, то наступит новая фаза развития цивилизации, где люди будут себя чувствовать и жить совершенно иначе, чем сейчас. Но это особый разговор. Сейчас я хотел бы вернуться к обсуждению темы культурно-генетических кодов. Я понял, что нужно дополнить марксизм, материалистическое понимание истории идеей культурно-генетического кода как особой подструктуры социального организма. Исчезает ли при этом основная установка Маркса — рассматривать общество как естественно-исторический процесс? Вовсе нет. Мы же не считаем, будто тот, кто говорит, что гены определяют воспроизводство организма, перестает научно подходить к анализу своего объекта — живого организма или популяции. Просто у него особый объект, включающий в свою структуру информационные коды.

К. В то время как в современном обществе на первый план выходят информационные связи, ограниченность старых подходов становится все более очевидной.

С. Не нужно воспроизводить старый спор о том, что первично — курица или яйцо. Мы имеем дело с социальным организмом, который живет особой жизнью как материальный объект, только этот объект очень сложно устроен. В нем действуют активные индивиды, есть культурно-генетический код, который фиксирует программы социальной жизни, и эти программы динамичны, развиваются и изменяются. Есть способ производства и сложная система отношений людей, видов и типов их поведения и деятельности, которые регулируются культурой. С этих позиций у меня возникла идея, что можно выявить типы цивилизационного развития, различая их в зависимости от особенностей генетических кодов. Иначе говоря, для выделения типовых черт цивилизаций следует проанализировать фундаментальные универсалии их культур, выявить их общее и различное в понимании человека, деятельности, природы, пространства и времени, традиций и новаций, личности и власти. Идея, что существует традиционалистское общество и современная цивилизация, была выдвинута достаточно давно. В скрытом виде здесь содержалась мысль о том, что все многообразие традиционных цивилизаций можно объединить одним понятием. Я провел анализ и объединил все традиционные общества в один тип, выделив в системе их универсалий культуры общие смыслы, которые отличают их от цивилизации проекта «модерн». Эту цивилизацию я называю техногенной. Тогда выявляются традиционалистский и техногенный типы развития. Из 21 цивилизации, выделенной известным историком и философом Арнольдом Тойнби, большинство принадлежали к традиционалистскому типу. Техногенная цивилизация возникла намного позже, в европейском регионе, в эпоху становления капитализма.

Ее часто называют западной, по региону ее возникновения, но в наше время она уже представлена не только странами Запада. Я называю эту цивилизацию техногенной, поскольку в ее развитии решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций.

Техногенной цивилизации предшествовали две мутации традиционных культур. Это культура античного полиса и культура европейского христианского Средневековья. Грандиозный синтез их достижений в эпоху Возрождения, Реформации и Просвещения сформировал ядро системы ценностей, на которых основана техногенная цивилизация. Фундаментальным процессом ее развития стал технико-технологический прогресс. Часто на протяжении жизни одного поколения он радикально меняет предметную среду, в которой живет человек, а вместе с тем — тип социальных коммуникаций, отношений между людьми, социальные институты. Динамизм техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ, где виды деятельности, их средства и цели меняются очень медленно, иногда воспроизводясь на протяжении веков.

Инновации и технологические новшества выступают приоритетом техногенной культуры, они самоценны, и считается, что они приведут к улучшению качества жизни, обеспечат социальный прогресс. В традиционалистских культурах ничего подобного не было. Там инновации никогда не выступали как ценность, они всегда были подчинены традиции. Жить в эпоху перемен для традиционалистского типа общества считалось совсем не благом, а наоборот. В древнекитайской притче сказано, что самая тяжелая участь для человека — жить в эпоху перемен.

К. Отношение к социальной динамике в восточной культуре, насколько я понимаю, совершенно иное, чем в европейской. И из этого вытекает много следствий в отношении к природе, к личности, характеру познания.

С. Система ценностей и жизненных смыслов, которая характерна для техногенного развития, включала особое понимание человека и его места в мире.

Это прежде всего представление о человеке как о деятельностном существе, которое противостоит природе и предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении ее своей власти. С этим пониманием человека органично связано понимание деятельности как процесса, направленного на преобразование объектов и их подчинение человеку. И опять-таки можно констатировать, что ценность преобразующей, креативной деятельности присуща только техногенной цивилизации, и ее не было в традиционных культурах. Им было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры «у-вэй», который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, стал тянуть их за верхушки и вытянул их из земли, наглядно иллюстрировала, к чему может привести нарушение принципа «у-вэй».

Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. В техногенных же культурах такое понимание доминирует. Оно распространяется не только на природные, но и на социальные объекты, которые становятся предметами социальных технологий.

В рамках базисных ценностей техногенных культур природа понимается как противостоящий человеку неорганический мир, который представляет особое закономерно упорядоченное поле объектов, выступающих материалами и ресурсами для человеческой деятельности. Вспомним изречение героя романа Тургенева «Отцы и дети»: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Противоположностью этим установкам было традиционалистское понимание природы как живого организма, малой частичкой которого является человек.

В техногенной культуре доминирует ценность автономной и суверенной личности. Кстати, идея прав человека развивалась с опорой именно на эту ценность. Но человек традиционалистских обществ не принял бы такого понимания личности. В этих обществах

личность формируется в системе жестких, веками воспроизводившихся корпоративных связей, как принадлежащая к строго определенной касте, клану, сословию.

Человек уже с рождения был закреплен за определенным местом в кастовосословной системе, ему предстояло усвоить определенный тип профессиональных и иных навыков, чтобы продолжить передачу эстафеты традиций. В современной же техногенной цивилизации человек становится личностью именно благодаря тому, что он не привязан жестко к некоторой одной корпоративной структуре, не сращен с ней, а может гибко строить свои отношения с другими людьми, включаясь в разные социальные общности и разные традиции.

Успех преобразующей деятельности, приводящей к позитивным для человека результатам и социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично увязывается с приоритетной ценностью науки, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает доминантой в системе человеческого знания, оказывает активное воздействие на все другие его формы. Но в традиционалистских культурах этого нет. Там наука подчинена религиозно-мифологическим или философско-идеологическим формам знания, которые доминируют в мировоззренческих ориентациях людей.

Наконец, среди ценностных приоритетов техногенной культуры можно выделить особое понимание власти и силы. Власть здесь рассматривается не только как власть человека над человеком (это есть и в традиционных обществах), но прежде всего — как власть над объектами. Причем объектами, на которые направлены силовые воздействия с целью господства над ними, выступают не только природные, но и социальные объекты. Они тоже становятся объектами технологического манипулирования.

Из этой системы ценностей вырастают многие другие особенности техногенной культуры. Эти ценности выступают своеобразным геномом техногенной цивилизации, ее культурно-генетическим кодом, в соответствии с которым она воспроизводится и развивается.

Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры.

Техногенные общества сразу после своего возникновения начинают воздействовать на традиционные цивилизации, заставляя их видоизменяться. Иногда эти изменения становятся результатом военного захвата, колонизации, но чаще — итогом процессов догоняющей модернизации, которую вынуждены осуществлять традиционные общества под давлением техногенной цивилизации. Таков был и путь России, которая прошла через несколько модернизационных эпох, основанных на трансплантации западного опыта, заимствованиях технологий и пластов техногенной культуры (реформы Петра I, Александра II, большевистская революция и ускоренная индустриализация советской России в первой половине XX века).

В конце XX столетия модернизационные процессы перерастают в глобализацию. Техногенная культура внедряется практически во все регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию и мировой рынок.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений. Научно-технологический прогресс и экономический рост привели к новому качеству жизни, обеспечили возрастающий уровень потребления, медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни. Большинство людей связывало с прогрессом

этой цивилизации надежды на лучшее будущее. Еще полвека назад мало кто полагал, что именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге своего самоуничтожения. Экологический кризис, антропологический кризис, растущие процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, — все это побочные продукты техногенного развития. И поэтому сейчас стоит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Я исхожу из того, что эту систему ценностей придется менять. Очевидно, что придется изменить наше отношение к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры.

Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации.

К. Вероятно, что техногенный тип развития должен измениться и человечество должно отыскать новые стратегии развития?

С. Да, это был бы один из наиболее благоприятных для человечества сценариев. Не возврат к традиционалистским обществам и не продолжение техногенного развития с обострением глобальных кризисов, а переход к новому, третьему типу развития, который обеспечил бы выход из этих кризисов.

Особо отмечу, что когда речь идет о типах цивилизационного развития, то это не совпадает с формационным подходом, акцентирующим противопоставление социализма капитализму как более высокой и более низкой стадий общественного прогресса. Хотя советский социализм и капитализм в XX веке жестко противостояли друг другу, их можно рассматривать как два альтернативных варианта техногенного развития. Их соперничество не исключало общих черт в базисных ценностях, характерных для техногенной цивилизации: признания ценности креативной деятельности, нацеленной на преобразование мира, пафоса подчинения природы человеку, идеала творческой личности, особой ценности научной рациональности, инноваций и прогресса. Нельзя забывать, что марксизм, который стал идеологией советского социализма, возник в рамках техногенной культуры, был ее детищем и не ставил под сомнение большинство ее базисных ценностей, а лишь давал им специфическую интерпретацию и обоснование.

Идеалы потребительского общества, которые западный капитализм XX века активно воплощал в жизнь, в какой-то мере разделялись и социализмом. Вспомним лозунги относительно недавнего прошлого: «догнать и перегнать Америку по потреблению молока и мяса на душу населения», построить коммунизм, где «блага польются полным потоком» и ими будут пользоваться по потребностям.

Соперничество с социализмом сказалось и на облике капитализма. Оно во многом стимулировало становление западных вариантов социального государства.

В конце XX века социализм проиграл капитализму на почве борьбы за рост потребления. Однако отсюда не следует, что сами идеалы потребительского общества будут определять на долгосрочную перспективу путь развития человечества. Между тем именно на западные образцы потребительского общества сегодня ориентированы наши реформы. Многие убеждены, что если делать все, «как у них», мы будем и жить, «как они». Но все дело в том, что сегодня рост вещественно-энергетического потребления уже подошел к критическим границам, резко обостряющим экологический кризис.

К. В чем Вы видите наиболее благоприятный сценарий развития цивилизации?

С. Важно зафиксировать, что возможны по меньшей мере два понимания постиндустриального общества. Они соответствуют двум разным тенденциям и двум разным сценариям этого развития. Первое понимание, наиболее распространенное, рассматривает постиндустриальное общество как особый этап по отношению к индустриальному, но не меняющий радикально базисных ценностей техногенной цивилизации, которые сохраняются и пролонгируются на новом этапе. Второе понимание расценивает постиндустриальный этап как переходный период от техногенного к новому типу цивилизационного развития и связывает его с пересмотром ценностей предшествующей техногенной культуры. Соответственно, в первом подходе не ставятся под сомнение идеалы потребительского общества. И тогда наиболее вероятный путь развития человечества — это сценарий золотого миллиарда. Во втором подходе ценности потребительского общества проблематизируются и ставится вопрос о новых стратегиях развития. Конечно, нужно отдавать себе отчет, что отказ от идеалов потребительского общества предполагает много радикальных перемен, затрагивающих существенные особенности современного мирового рынка и массовой культуры, т. е. многое из того, что определяет облик нынешней западной цивилизации. Но если учесть возможности взрывного обострения глобальных кризисов в ближайшие 15–20 лет, то выбор у человечества невелик. Ему мало времени осталось для размышлений.

Нужно откровенно сказать, что философия, да и в целом культура, оказались недостаточно готовы к тем быстрым переменам, которые произошли за последние десятилетия в современном мире. Жизнь слишком быстро меняется, а осмысление изменений идет с запозданием.

Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития.

Я анализировал с этих позиций современные изменения научной рациональности и тенденции научно-технического прогресса, который является сердцевинной техногенной цивилизации. Сегодня наука и высокие технологии все чаще имеют дело со сложными, исторически развивающимися системами, в которые включен человек.

Образцами таких систем выступают: биосфера как глобальная экосистема, биогеоценозы, объекты современных биотехнологий, социальные объекты, системы «человек — компьютер», «компьютерные сети». Сегодня в социальных и производственных технологиях все чаще проектируются не просто технические устройства и даже не система «техническое устройство — человек», а целостный комплекс, выступающий как сложная развивающаяся система: «техническое устройство — человек» плюс особенности природной среды, в которую будет внедряться соответствующая технология, плюс особенности социокультурной среды, принимающей данную технологию.

Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и древними восточными культурами. И это очень важно, если иметь в виду проблемы диалога культур как фактора выработки новых ценностей и новых стратегий цивилизационного развития. Долгое время наука и технология в новоевропейской культурной традиции развивались так, что они согласовывались только с западной системой ценностей. Теперь выясняется, что современный тип научно-технологического развития можно согласовать и с альтернативными и, казалось бы, чуждыми западным ценностям мировоззренческими идеями восточных культур. Здесь я выделил бы три основных момента.

Во-первых, восточные культуры всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделять. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как о глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекоразмерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Этим системам свойственны синергетические характеристики, и в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития. Установка на активное силовое преобразование объектов уже не является эффективной при действии с такими системами. При простом увеличении внешнего силового давления система может не порождать ничего нового, а только воспроизводить один и тот же набор структур. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с принципом «у-вэй».

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностнорационального действия. Научное познание и технологическая деятельность с такими системами предполагают учет целого спектра возможных траекторий развития системы в точках бифуркации. Реальное воздействие на нее с целью познания или технологического изменения всегда сталкивается с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возможных. И ориентирами в этом выборе служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования с системой и ее преобразования.

Сегодня все чаще комплексные исследовательские программы и технологические проекты проходят социальную экспертизу, включающую этические компоненты. Эта практика соответствует новым идеалам рационального действия, видоизменяющим прежние представления о связи истины и нравственности.

В западной культурной традиции долгое время доминировал идеал истинного знания как самоценности, не нуждающейся в дополнительных этических обоснованиях. Более того, рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственному поведению.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности, и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который сегодня утверждается в науке и технологической деятельности со сложными развивающимися, человекообразными системами, резонирует с древневосточными представлениями о связи истины и нравственности. Сегодня во многом теряет смысл жесткое противопоставление западного идеала рациональности многим идеям традиционных культур. Новые точки роста создают иную, чем ранее, основу для диалога западной культуры с другими культурами.

К. И последний вопрос. Россия переживает сегодня не самые легкие времена. Позиции философии как науки с не совсем понятным статусом, утратившей ко всему прочему и идеологическую власть, сильно поколеблены как экономическими, политическими, так и идейными турбулентциями рубежа XX—XXI веков. Раньше российские философы развенчивали «буржуазный миф» о смерти философии, а сегодня, похоже, склонны с ним согласиться. Ведь философия как форма интеллектуальной роскоши пока мало востребована и политическими элитами, и широкими общественными кругами. Впрочем, Ницше говорил: «Оставьте мне роскошь, а от всего прочего я могу отказаться». Как вы, на Ваш взгляд, перспективы философии и как они соотносятся с социальным оптимизмом вообще?

С. Будущее философии — в ее способности увидеть будущее цивилизации. Сегодня как раз такая эпоха, когда требуются новые мировоззренческие идеи. В такие эпохи философия становится практически востребованной. Важно проследить, где в современной культуре формируются, пусть в зародышевой форме, новые ценностные, новые мировоззренческие ориентиры. Эти точки роста выступают материалом для философского анализа и одновременно теми объективными состояниями, которые могут обеспечить внедрение в культуру новых мировоззренческих идей, если их сумеет выработать философия. Я считаю, что мы вступили в эпоху поиска новых ценностей, но они не будут заимствованы откуда-то извне и в готовом виде современной цивилизацией. Они должны вырастать внутри нее. Как у Гегеля, нечто в развитии порождает свое иное.

Часто приводят такую аналогию: мол, Древний Рим пал под воздействием варваров, и сейчас развитые техногенные цивилизации — Америка, Европа, «семерка» — это что-то вроде Древнего Рима. В конечном счете они надорвутся и рухнут под напором терроризма и внутренних противоречий. Этот сценарий можно обсуждать. Но здесь важно учесть (продолжая аналогию), что после падения Рима была тысячелетняя христианская цивилизация. А где она начиналась? Она начиналась не у варваров. Ее духовной предпосылкой было развитие христианства. Возникла же эта религия в римских провинциях, а потом пришла в Рим, была легализована. Христианская традиция зарождалась в лоне цивилизации Рима. Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации. Я думаю, что именно это на сегодня — одна из главных задач философии. Я уже говорил об изменениях мировоззренческих смыслов в современном научно-техническом развитии, о переключках, резонансе их с некоторыми идеями традиционных восточных культур. Подобное может обнаруживаться и в других сферах современной культуры: в области этической мысли и поиска новых форм нравственного поведения, в литературе и искусстве, в политическом, правовом религиозном сознании и т. п. Можно указать на идеи экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения (работы Б. Калликотта, Р. Аткинсона, Ф. Метьюза, Б. Дивола и Д. Сеженс). Предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применяя его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношениях человека к живой природе.

Одновременно можно констатировать появление множества практик экологического поведения. В начале 90-х мне выпал случай встретиться с представителями американских общин. Они создали поселение, где основным занятием жителей было выращивание экологически чистых овощей. Все они — выходцы из крупных городов, окончили престижные университеты. Исповедуют религию, которая является странной смесью христианства и буддизма. Глава этой общины и его жена ранее были преподавателями физики в университете. Они с увлечением рассказывали о своем мировоззрении, согласно которому в каждом живом существе есть свет добра, и он усиливается при соприкосновении с другим таким же светом, а больше всего этого начала в человеке, только он не умеет им пользоваться.

Конечно, было бы опрометчиво утверждать, что такого типа экстравагантные, а возможно, и наивные верования пролагают путь к новому типу цивилизационного развития. Но наличие множества подобных идей, находящихся пока на периферии современной культуры, свидетельствует о своеобразных пробных попытках отыскать новые мировоззренческие смыслы и строить по-новому свою жизнедеятельность.

Не так давно я познакомился с современными западными работами по философии религии и обратил внимание на то, что в сфере протестантской теологии неожиданно возникают какие-то еретические идеи. Например, теологи Пиккок и Ролстон развивают идею, что эволюция не закончилась, что Бог продолжает творить мир, он — участник процесса эволюции. На периферии религиозной жизни появляются идеи, что сумма зла, творимого на Земле, может оказывать влияние на эволюцию Вселенной и Бог вынужден будет потом исправлять неблагоприятные сценарии развития. Возникает идея, что человек ответствен за космическую эволюцию, влияет на нее добром или злом, которые он творит. Это новые идеи, и они могут сформулировать по-новому принципы человеческой ответственности перед природой, перед собой, перед будущими поколениями.

В политике сейчас возникают очень интересные вопросы. В свое время У. Черчилль высказывался в том смысле, что демократия обременена множеством недостатков, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Демократия, действительно, наиболее соответствует управлению сложными социальными системами, поскольку она предполагает многообразные обратные связи, корректирующие управленческие решения. При монархическом и авторитарном способе правления эти связи резко ослабевают. Но в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться изъяны демократии. В частности, развитие современной демократии настраивает власть меньше уделять внимания сверхдальним стратегическим программам, а больше ориентироваться на тактические. Президент избирается на четыре года, максимум на восемь лет (два срока). И он, естественно, думает о том, что он за это время сделает и какие реальные результаты может получить. Он тактически ориентирован. А тут нужна какая-то иная стратегия, потому что речь идет о глобальной цивилизации, о глобализирующемся мире, радикально меняющем сегодняшнее его состояние. Должна быть ответственность перед природой, перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей.

К. С другой же стороны, общественное мнение все больше демонстрирует свою силу, свою эффективность. Это означает, что нравственные критерии вторгаются уже непосредственно в регулирование общества.

С. Я считаю, да. Хотя и здесь есть проблемы. Общественное мнение активно управляется современными СМИ, и чем дальше идет развитие информационного общества, тем больше появляется возможностей манипуляций общественным мнением.

Проблем для анализа много. Жалко только, что жить осталось не очень много. Уже не скажешь, как поется в песне: «Вся жизнь впереди, надейся и жди». Жизнь идет к закату, увы. Что-то мы сделали, что-то сделают другие. Важно, чтобы работа не прекращалась...

Москва, март—апрель, 2003 г.

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Дредмет философии науки изменяется по мере исторического развития самой науки. Смена типов рациональности каждый раз формирует новое видение научной деятельности. Соответственно возникает и новое поле проблем философии науки.

Характеристики разных типов рациональности были обозначены мною еще в работах середины 1980-х гг. Впоследствии я систематизировал и уточнил основные признаки типов научной рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая). Они различаются: во-первых, системой организации исследуемых объектов. Классическая рациональность обеспечивает освоение простых систем, неклассическая – сложных саморегулирующихся систем, постнеклассическая – сложных саморазвивающихся систем. Каждый из этих типов систем требует для понимания и познания особой категориальной сетки (особых смыслов категорий части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени).

Во-вторых, различие типов рациональности выражается в специфическом понимании идеалов и норм исследования. При сохранении инвариантного содержания этих норм, выражающих отличие науки от других форм человеческого познания, в каждом новом типе научной рациональности возникают особые, специфические смыслы в трактовке объяснения и описания, обоснования, строения и построения знания.

Например, классика условием объективности знания полагает элиминацию из процедур объяснения и описания всего, что относится к познающему субъекту, к средствам и операциям его деятельности. Неклассика, напротив, включает в процедуры объяснения и описания характеристику средств и операций деятельности, благодаря которым выявляются свойства и закономерности изучаемого объекта. И это интерпретируется не как отказ об объективности знания, а как условие ее достижения.

В постнеклассической рациональности возникает новое расширение смыслов научного объяснения и описания. В них, в качестве условия реализации идеала объективности, включаются процедуры соотнесения внутринаучных и вненаучных ценностей.

В-третьих, в каждом новом типе рациональности изменяются философские основания науки. Углубляется философская рефлексия над научной деятельностью. В классической рациональности эта деятельность предстает как познавательное отношение, в котором суверенный познающий разум (субъект) со стороны наблюдает и изучает объекты, и в идеале не детерминирован ничем, кроме своих способностей постигать свойства и сущностные связи объектов.

В неклассической рациональности выясняется, что между разумом и объектом всегда есть посредник – средства и операции деятельности. Они исторически развиваются, и от уровня их исторического развития зависит то, что может выделить и изучить в мире познающий разум. Наконец, в постнеклассической рациональности принимается во внимание, что любая деятельность, в том числе и научное познание, социально детерминирована, определена базисными ценностями культуры, которые программируют деятельность, влияют на формирование ее ценностно-целевых установок.

Научное познание во все эпохи было социально обусловлено. Но не во все эпохи это осознавалось и закреплялось в философских основаниях науки¹.

Включение в предмет философии науки представлений о социальной детерминации научной деятельности поставило ряд проблем соотношения философского и социологического подходов к анализу процессов генерации нового научного знания. Эти проблемы были намечены еще в дискуссиях 1980-х гг. и освещены мною в последней главе данной книги. Сегодня они не только не утратили своей актуальности, но в определенных отношениях обрели новую остроту в связи с новым развитием социологии знания.

Социология знания с самого начала своего возникновения взаимодействовала с философией и историей науки. Применительно к исследованиям науки в ранний период социологии знания (Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Р. Мертон и др.) были определены границы ее предметной области – изучение науки как социального института. Что же касается процессов порождения нового научного знания, то эта область исследований оставалась за эпистемологией и философией науки.

Возникновение новых направлений в социологии знания второй половины XX в. (сильная программа социологии знания Д. Блур, исследования К. Кнорр-Цетиной, М. Малкея, Б. Латура и др.) привело к расширению ранее обозначенных границ. Формулируя сильную программу социологии знания, Д. Блур отмечал, что «социология знания могла бы активнее вторгаться на территорию, занимаемую в настоящее время философами, которым было позволено взять на себя задачу определения природы знания. В самом деле социологи слишком охотно ограничивают свой интерес к науке ее институциональной структурой и внешними факторами, определяющими темп ее развития или направление. Это оставляет в стороне вопрос о характере создаваемого таким образом знания»².

Такой подход в определенной мере улавливал особенности современной науки. В ней достаточно отчетливо прослеживается, что в процесс формирования и реализации исследовательских программ инкорпорированы социально-этическая экспертиза, оценки социальной эффективности программы, ее популяризация, формирующая позитивное общественное мнение по отношению к научному исследованию.

¹ Более детальный системный анализ критериев научной рациональности, рассмотрение процессов их формирования в истории естествознания и социальных наук см. в моей работе «Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения» в книге «Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009; см. также: Стёпин В. С. «Цивилизация и культура». Гл. 4. СПб., 2011.

² Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Парадигмы социологии знания : хрестоматия / под общ. ред. В. Л. Шульца. М., 2007. С. 193.

Все эти факторы, ранее рассматриваемые как внешние по отношению к науке, сегодня с очевидностью предстают как включенные в сам процесс порождения нового знания. Они выступают необходимым условием формирования этого знания. Строго говоря, наука на всех стадиях своего развития была социально детерминирована. Но то, что отчетливо проявилось в современных условиях, на предыдущих стадиях развития науки было завуалировано.

Социология знания целенаправленно исследует состояния науки под особым углом зрения, акцентируя роль социальных детерминант в самом процессе научного открытия. В работах Б. Латура эти особенности были продемонстрированы при анализе истории открытия Пастера, формирования Лайелем основ геологии, открытия Эдисоном лампочки накаливания и др.

Но расширение границ социологии знания не означает, что в рамках только социологического анализа можно раскрыть механизмы генерации нового знания в науке.

Сильная программа Д. Блура ориентирует на исследования процессов порождения научного знания в особом аспекте. Согласно этой программе любое знание, в том числе и научное, должно рассматриваться как продукт коллективного убеждения. Эта значит, что акцент сделан на субъект-субъектных отношениях научной деятельности, которые полагаются главным предметом анализа. Такой анализ необходим для понимания того, как принимается новое знание научным сообществом, как оно включается в поток культурной трансляции и используется в других областях деятельности. Но он еще недостаточен для раскрытия механизмов формирования новых научных знаний.

Как и любая человеческая деятельность, научное исследование включает две взаимосвязанные подструктуры деятельности: субъект-объектную и субъект-субъектную. Деятельности не бывает вне отношения к объекту, который преобразуется в деятельности. Основная задача науки — познать законы, в соответствии с которыми происходят изменения и развития объектов. И только благодаря решению этой задачи научные знания имеют технологическое применение в различных сферах социальной жизни (от промышленных до социальных технологий).

Процессы познавательного освоения исследуемых объектов традиционно изучали гносеология и философия науки. Выработанные здесь концептуальные средства и методы столь же необходимы для понимания процессов формирования знания, как и методы социологии науки. Стремление противопоставлять эти подходы малопродуктивно.

В философии науки такое противопоставление было связано с позитивистской традицией, история которой показала, что решить две главные методологические проблемы науки (выяснить механизмы научного открытия и найти принципы, обеспечивающие интеграцию дисциплинарно организованной науки) невозможно, не принимая во внимание социокультурную детерминацию науки.

Но и в социологии знания есть примеры, когда стремление минимизировать привлечение современных концептуальных средств философии науки приводит к весьма сомнительным и неприемлемым выводам. К ним можно отнести выводы К. Кнорр-Цетинной о том, что в естественнонаучной лаборатории мы имеем дело не с природой, а только с продуктами нашей деятельности, что структурирование продуктов науки (знаний) не зависит «от их внешнего структурирования соответствием или несоответствием реальности»¹, что понятия «истина» и «природа» столь же не нужны для описания процессов формирования фактов, как и понятие «теория», и т. п.

¹ Кнорр-Цетина К. Фабрикация фактов: к микросоциологии // Парадигмы в социологии. М., 2007. С. 118.

Но если полностью абстрагироваться от анализа объектного содержания знания и свести его только к форме коммуникации между познающими субъектами, если интерпретировать процедуры формирования научных фактов только с точки зрения согласия и несогласия ученых, выбора результатов с целью сформировать коллективные убеждения, то тогда невозможно отличить научную деятельность от ее псевдонаучной имитации.

Представим себе сообщество псевдоученых, которые, получив финансирование, устраивают диспуты, обсуждения, конференции, поощряют друг друга, присваивают различные почетные титулы, а на выходе никакого нового результата не дают (сюжет, не так уж далеко отстоящий от реалий современной жизни). Микросоциолог обнаружит там все признаки отношений между исследователями, которые он полагает достаточными для генерации нового знания. Но такого знания не производится.

Абстрагируясь от содержательных аспектов научной деятельности, ориентированной на познание исследуемых объектов, невозможно выявить механизмы роста научного знания. Крайние версии как интернализма, так и экстернализма гипертрофированно выделяют только один из аспектов исследовательской деятельности. Более продуктивны промежуточные (слабые) варианты. Они открывают путь к синтезу разных подходов.

В рамках неклассической социологии знания к ним можно отнести исследования Б. Латюра. Они меньше тяготеют к «жесткому» варианту «сильной программы», нежели работы К. Кнорр-Цетинной. Латюр при анализе процесса формирования факта постоянно отмечает, что сопротивление объекта внешнему воздействию, следы этого сопротивления в данных наблюдения выступают исходным базисом последующих коллективных убеждений сначала научного сообщества, а затем и более широкой сети поддержки нового научного знания (продолжение сети за счет практического внедрения, финансовой политической, общественной поддержки). Уместно подчеркнуть, что при исследовании экспериментальной деятельности и операций формирования факта Б. Латюр активно использовал идеи философа и методолога науки Людвиг Флека¹.

Такого рода инкорпорация в социологию знания идей философии науки, разработанных в ней методологических приемов и концепций неслучайна. Эти две области исследования с разных сторон изучают одну и ту же реальность — знание как феномен культуры. И использование концептуальных средств, заимствованных из соседней области, часто выступает как необходимое условие решения проблем и задач в другой области. Даже в наиболее жестких версиях сильной программы социологии знания можно обнаружить обоснования, относящиеся к области гносеологии и философии науки. К. Кнорр-Цетина, обосновывая свой подход к анализу научной деятельности, использует ряд идей С. Тулмина, модернизируя их с учетом концепции самоорганизации.

Следы применения философских идей нетрудно обнаружить и в текстах Д. Блура. Сформулированные им принципы социологии знания представляют результат философской рефлексии, выявившей в различных исторически меняющихся и методологических установках различных наук устойчивое, общенаучное содержание. Принципы каузальности, беспристрастности, рефлексивности были обнаружены и обсуждены в философии науки задолго до Д. Блура и его программы. Но и при исследовании конкретных ситуаций формирования знаний Блур часто апеллирует к результатам, полученным в исследованиях по философии науки (в частности, использует идеи Т. Куна и П. Фейерабенда).

Как философия, так и социология, изучая закономерности человеческого познания в социокультурном контексте, привлекают материал, относящийся к различным сферам истории знания. Применительно к социологии и философии науки — это результа-

¹ Латюр Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Предисл. О. В. Хардина. СПб., 2006. С. 27.

ты историко-научных исследований. Описания различных ситуаций истории знаний, используемые в качестве материала для дальнейшего анализа, могут касаться как современности, так и прошлых эпох.

В социологии знания часть этого материала может быть получена в процессе полевых исследований социальными антропологами и в исследованиях социологами (этими же методами) деятельности научных лабораторий (Д. Блур, К.Кнорр-Цетина, Б. Латур солидарны в подходе, согласно которому изучение социологами деятельности ученых в лабораториях аналогично изучению культуры некоторого племени социальным антропологом). Но все же большая часть материала, необходимого для анализа процедур формирования знаний, заимствуется из уже осуществленных историко-научных исследований. Показательно в этом отношении, что, говоря об эффективности сильной программы социологии знания, Д. Блур ссылается на ряд историко-научных исследований – на анализ роли технологий в развитии термодинамики, на анализ последствий для теории эволюции ее критики Лордом Кельвином, на работы Формана, посвященные влиянию социокультурного климата Веймарской республики (20-е гг. XX в.) на формирование квантовой механики¹.

Во всех этих ситуациях речь идет не о наборе исторических фактов-событий, а об исторических реконструкциях, учитывающих роль социокультурных факторов и их влияние на развитие науки.

Исторические реконструкции являются особым типом теоретических моделей. Этот тип теоретического знания возникает тогда, когда изучаемый объект является исторически развивающейся системой. Все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторической эволюции, в том числе и культура и ее подсистемы, принадлежат к типу исторически развивающихся систем. Исторические реконструкции призваны раскрыть логику развития системы.

Применительно к научному знанию историческими реконструкциями могут быть как исследования изменений науки в качестве социального института, так и анализ процессов возникновения и развития научных идей. В классической философии и классической социологии знания эти два аспекта выступали как дополнительные, каждый из которых дает свой срез сложного процесса исторического развития науки, но для полноты описания нужно учитывать оба.

В неклассической философии и социологии знания открываются пути синтеза этих подходов, в определенной мере противоположных, но дополняющих друг друга. Этот синтез определен принципом социокультурной детерминации науки. Как реализация этого принципа возникают историко-научные реконструкции, в которых прослеживается эвристическая роль социальных факторов в генерации новых научных идей. Эти реконструкции могут быть результатом работы в сфере социологии знания. Примером тому может служить предложенная Бруно Латуром реконструкция открытия Пастера, его принятия культурой и внедрения в социальные практики. Но они могут быть и продуктом исследований философии науки, выполненным в историко-научном материале. Примером могут служить исследования философами науки процессов формирования естествознания в новоевропейской культуре, когда метод эксперимента, который в греческой науке рассматривался только как «технэ», относящийся к сфере искусственного, становится методом изучения природы и соединяется с идеалом ее математического описания².

¹ Блур Д. Указ. соч. С. 196.

² Из отечественных исследований можно указать на следующие работы: Ахутин А. В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время. М., 1988; Гайденок П. П. Эволюция развития науки (XVII – XVIII в. в.). М., 1987; Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997; Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. Гл. 1. Раздел «Зарождение опытных наук».

Между социологическим, философским подходом и историко-научными исследованиями нет непроходимых барьеров, приватизированных территорий, огражденных крепкими заборами. Социологи способны реконструировать исторические процессы развития знания, не утрачивая логики развития научных идей, философы способны, прослеживая эту логику, выяснить, как на нее воздействуют состояния культуры и ее глубинные изменения, каковы условия включения новых научных открытий в поток культурной трансляции.

Программа синтеза социологических, философских и историко-научных исследований при изучении сложных процессов функционирования и развития научных знаний представляется сегодня наиболее перспективной.

В конце XX — начале XXI в. эта программа получила новые импульсы и обрела новые, неожиданные измерения. В современных ситуациях анализ научной деятельности и ее социальных последствий включает жизненно важные для всего человечества контексты — проблематику глобальных кризисов. Эти кризисы имеют глубокие основания в системе базисных ценностей современной цивилизации. В западной литературе ее часто именуют цивилизацией «проекта Модерн». Я называю эту цивилизацию техногенной, учитывая, что определяющим фактором ее эволюции является ускоряющийся научно-технический прогресс. Она разительно контрастирует с предшествующими ей традиционными обществами, где инновации допускались только в рамках традиции и не воспринимались как приоритетная ценность, где виды деятельности, цели и средства менялись чрезвычайно медленно, часто воспроизводясь на протяжении жизни многих поколений. Что же касается техногенной цивилизации, то в ней инновации становятся приоритетной ценностью. Здесь новые научные достижения, воплощенные в технологических инновациях, порождают новые виды деятельности, которые меняют окружающий человека предметный мир (вторую природу), структуры социальных связей, виды человеческих коммуникаций.

Я не буду останавливаться на характеристике других базисных ценностей техногенной цивилизации, которые составляют ее культурно-генетический код. Об этом подробно сказано в моих работах¹.

После своего возникновения техногенная цивилизация начала активно воздействовать на традиционные общества, вызывая модернизационные процессы, переводящие эти общества на рельсы техногенного развития.

Еще сравнительно недавно (по историческим меркам) казалось, что техногенная цивилизация является магистральным путем развития будущего человечества. Но уже в середине прошлого столетия стало выясняться, что она подошла к критическим рубежам, породив обостряющиеся глобальные кризисы (экологический, антропологический и др.).

В человеческой истории не было таких этапов, когда возникла реальная опасность деградации и гибели не отдельных народов, империй и культур, а всего человечества. Поэтому необходима радикальная смена стратегий цивилизационного развития, что, в свою очередь, ставит вопрос о новых ценностях и новых мировоззренческих ориентирах. Необходимо пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.

Столь радикальный пересмотр базисных ценностей современной цивилизации означает переход к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. И важно установить, возникают ли в современном

¹ Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С.48–53; *Он же*. Теоретическое знание. М., 2003. С. 18–29

развитии внутренние предпосылки формирования новых мировоззренческих ориентиров, точки роста новых ценностей, т. е. такие состояния культуры, в которых зарождаются новые мировоззренческие смыслы, могущие быть воспринятыми различными культурами, в том числе и сохранившимися стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры — в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности и, главное, в характере научной и технологической рациональности. Главное потому, что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры — креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

Включая эти проблемы в сферу анализа, философия науки обретает новое измерение — как и любая область философского познания, она обращается в конечном итоге к мировоззренческим универсалиям культуры, к рассмотрению фундаментальных основ человеческого бытия.

В последние годы я неоднократно анализировал под эти углом зрения изменения, происходящие в научно-техническом развитии конца XX — начала XXI в. Решающим в плане возникновения точек роста новых ценностей является здесь формирование постнеклассического типа научной рациональности. В нем наука сохраняет свои основные установки: исследовать объекты, выявляя закономерности их функционирования и развития, открывать новые предметные миры, которые выходят за рамки наличных форм деятельности своей исторической эпохи и могут быть практически освоены лишь на будущих этапах развития цивилизации. Сохраняются и основные принципы научного этоса, обеспечивающие реализацию этих фундаментальных установок: запрет на умышленное искажение истины и запрет на плагиат как на действие, тормозящее рост истинного знания. Но специфика исследуемых объектов (сложных саморазвивающихся систем) такова, что она формирует особые конкретизации основных установок науки.

Большинство саморазвивающихся систем, которые осваиваются в современном научно-технологическом развитии, человекоразмерны. Примерами таких человекоразмерных комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом, объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек-машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта), все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторической эволюции.

При изучении человекоразмерных объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека.

В этой связи трансформируется идеал ценностно нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к человекоразмерным объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных

исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе программ. Вместе с тем в ходе самой исследовательской деятельности с человекообразными объектами исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями.

Здесь возникает существенная корректировка идеала самооценности научно-технологических инноваций как выражения одной из базисных ценностей техногенной культуры. Наука остается наукой. Ее фундаментальные установки поиска истины и роста истинного знания сохраняются. И социально-этическая экспертиза вовсе их не отменяет. Наоборот, она предстает как условие реализации этих установок. Это — точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры. Не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение предстает одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития.

В этих изменениях научной рациональности открываются также новые возможности диалога культур. Многие из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки.

Я обычно выделяю здесь три основных момента¹. Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекообразные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации². Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй», который полагал идеалом минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

¹ Стёпин В. С. История и философия науки. М., 2011. С. 394–414; *Stepin V. Theoretical Knowledge. Springer*verl. Dordrecht, 2005. P. 357–369.

² Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Напомню, что там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексивность над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада. А этот диалог выступает одним из условий формирования новых ценностных ориентиров и новых стратегий цивилизационного развития.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

В историческом развитии науки можно зафиксировать эпохи, которые характеризуются изменениями типа научной рациональности. Можно выделить три таких типа: классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность.

Критериями их различения выступают: 1) особенности системной организации объектов, осваиваемых наукой (простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы; каждая из них требует для понимания особой категориальной матрицы, особых смыслов категорий «часть» и «целое», «вещь» и «процесс», «причинность», «пространство» и «время»); 2) присущая каждому типу рациональности система идеалов и норм исследования (объяснения, описания, обоснования, структуры и построения знаний); 3) специфика философско-методологической рефлексии над познавательной деятельностью, обеспечивающая включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи¹.

Классическая рациональность

На этапе классической науки основными объектами исследования являются простые системы. Для познавательного и практического освоения простых систем достаточно полагать, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого. Считается, что часть (элемент) внутри целого и вне его обладает одними и теми же свойствами. Особым образом интерпретируется соотношение вещи и процесса: вещь (тело) рассматривается как нечто первичное по отношению к процессу, а процесс трактуется как воздействие одной вещи на другую. Причинность в этом подходе редуцируется к лапласовской детерминации. Пространство и время рассматриваются как нечто внешнее по отношению к системе (объекту). Полагается, что состояние движения объектов никак не сказывается на характеристиках пространства и времени. Категориальная сетка описания простых систем лежала в основании механической картины мира, которая господствовала в науке в XVII–XVIII вв.

¹Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.

и отчасти первой половины XIX в. Эта картина вводила следующий образ Мироздания. В качестве фундаментальных объектов полагались неделимые корпускулы (атомы). И. Ньютон в «Оптике» писал, что Бог создал мир из неделимых корпускул (атомов) и все тела (твердые, жидкие и газообразные) составлены из них, возникают благодаря взаимодействию корпускул. Взаимодействие корпускул и тел осуществляется как мгновенная передача сил по прямой (дальнодействие) и подчиняется строгой детерминации, получившей позднее определение как лапласовской причинности. Процессы движения и взаимодействия протекают в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени.

Неделимая корпускула, силы, действующие мгновенно по прямой, абсолютное пространство и время – все это теоретические идеализации, которые наделялись онтологическим статусом. Относительно их формулировались принципы – неделимости атома и сохранения материи, принцип дальнодействия, лапласовской детерминации, принцип неизменности пространственных и временных интервалов и их независимости от характера движения тел. Система этих принципов составляла фундамент физического знания соответствующей эпохи.

Механическая картина мира выступала как первая научная онтология физики. Но одновременно она функционировала и как общенаучная картина мира, ориентируя исследователей рассматривать не только физические, но и биологические, а также социальные объекты в качестве простых механических систем.

Приведу два примера, относящихся к функционированию механической картины мира в качестве парадигмального образа природы и общества. Оба относятся к этапу становления биологии и социологии как особых научных дисциплин.

В становлении биологии в качестве особой научной дисциплины важную роль сыграли идеи об эволюции организмов как источника видообразования. В XVIII в. эти идеи обрели вид теоретической концепции Ламарка. Сегодня она воспринимается как своего рода антитеза механистическим представлениям. Но историко-научный анализ показывает, что все обстоит иначе. Оказывается, представления механической картины мира служили в концепции Ламарка фундаментальным объяснительным принципом.

В XVIII столетии механическая картина мира была модифицирована. В качестве фундаментальных объектов в нее были включены, наряду с атомами вещества (неделимыми корпускулами), невесомые субстанции – носители тепловых, электрических и магнитных сил – теплород, электрический и магнитный флюиды. Ламарк сознательно ориентировался на эту картину при исследовании изменений организмов в результате их приспособления к среде. Он полагал, что упражнение органов, вызванное приспособительной активностью, приводит к накоплению в них электрических и магнитных флюидов, что в конечном итоге порождает изменение органов. Отсюда он вывел принцип: упражнение создает орган. И с этих позиций выявлял эволюционные ряды организмов, демонстрирующие образование новых видов¹.

В дальнейшем развитии биологии идея флюидов была устранена, но представление об эволюции видов организмов осталось. Эти представления легли в основание картины биологического мира, несводимой к физической, что конституировало биологию в качестве особой научной дисциплины.

Аналогичные процессы прослеживались в становлении социальных наук. Известно, что Сен-Симон и Фурье предлагали положить в основу исследования социальной жизни механику. Фурье считал, что возможно открыть закон наподобие закона всемирного тяготения, который описывает все взаимодействия людей, только это будет тяготение не

¹ Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 147–148, 170–172.

по массам, как в физике, а по страстям. Ученик Сен-Симона О. Конт, выдвинув идею социологии как науки об обществе, сначала называл ее социальной физикой. Он полагал, что ее можно построить по образу и подобию механики. Но потом выяснилась неадекватность механистических представлений в новой области исследований, и Конт первый сделал шаги по их преодолению. Он предложил рассматривать общество как целостный, развивающийся организм. Но первые шаги по созданию социологии были основаны на механической картине мира, предлагавшей видение общества как механической системы.

Освоение любого типа системных объектов предполагает не только построение соответствующей научной онтологии, но и осмысление структуры операций и средств познавательной деятельности. Особенности этих операций и средств выражает интерпретация идеалов и норм науки.

На этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должно включать только характеристики объекта. Ссылки на ценностно-целевые структуры познания, на особенности средств и операций деятельности, согласно классическим нормам, не должны фигурировать в процедурах описания и объяснения. Отклонение от этих норм воспринималось как отказ от идеала объективности знания.

Особое истолкование получили идеалы и нормы обоснования знаний. В качестве главных требований обоснования теории выдвигалось два принципа: подтверждение теории опытом и очевидность (наглядность) ее фундаментальных постулатов. Идеалом было построение абсолютно истинной картины мира и теорий, точно и однозначно соответствующих объекту. Полагалось, что из двух альтернативных теоретических описаний одной и той же области опыта истинным может быть только одно.

Эпистемологическими основаниями классической науки выступали представления о познании как наблюдении и экспериментировании с объектами, которые раскрывают тайны своего бытия познающему разуму. Причем сам разум наделялся статусом суверенности. В идеале он трактовался как дистанцированный от вещей, как бы со стороны наблюдающий и исследующий их, не детерминированный никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов.

Неклассическая рациональность

Основными объектами исследования в неклассической науке становятся сложные саморегулирующиеся системы. Такие системы дифференцируются на относительно автономные подсистемы, в которых происходит массовое, стохастическое взаимодействие элементов. Целостность системы предполагает наличие в ней особого блока управления, прямые и обратные связи между ним и подсистемами. Большие системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Автоматические станки, заводы-автоматы, системы управления спутниками и космическими кораблями, автоматические системы регуляции грузовых потоков с применением компьютерных программ и т. п. — все это примеры больших систем в технике. В живой природе и обществе — это организмы, популяции, биогеоценозы, социальные объекты, рассмотренные как устойчиво воспроизводящиеся организованности.

Категории части и целого применительно к сложным саморегулирующимся системам обретают новые характеристики. Целое уже не исчерпывается свойствами частей, необходимо учитывать системное качество целого. Часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами. Так, органы и отдельные клетки в многоклеточных организмах специализируются и в этом качестве существуют только в рамках целого. Будучи выделенными из организма, они разрушаются (погибают), что отличает сложные системы от простых

механических систем, допустим, тех же механических часов, которые можно разобрать на части и из частей вновь собрать прежний работающий механизм. В сложных саморегулирующихся системах целое не только зависит от свойств составляющих частей (элементов), но и определяет их свойства. По-новому рассматривается соотношение вещи и процесса. Сложные системные объекты (вещи) предстают как процессуальные системы, самовоспроизводящиеся в результате взаимодействия со средой и благодаря саморегуляции.

Причинность в больших, саморегулирующихся системах уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму (в этом качестве он имеет лишь ограниченную сферу применимости) и дополняется идеями «вероятностной» и «целевой причинности». Первая характеризует поведение системы с учетом стохастического характера взаимодействий в подсистемах, вторая — действие программы саморегуляции как цели, обеспечивающей воспроизводство системы. Возникают новые смыслы в пространственно-временных описаниях больших, саморегулирующихся систем. В ряде ситуаций требуется наряду с представлениями о «внешнем» времени вводить понятие «внутреннее время» (биологические часы и биологическое время, социальное время).

Коррелятивно новому типу исследуемых объектов формировалась новая интерпретация идеалов и норм науки. Они характеризовались отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития науки. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания. Осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается объект. В связи с этим принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Наиболее ярким образцом такого подхода выступали идеалы и нормы объяснения, описания и доказательности знаний, утвердившиеся в квантово-релятивистской физике. В ней в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигалось требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом (классический способ объяснения и описания может быть представлен как идеализация, рациональные моменты которой обобщаются в рамках нового подхода).

В отличие от классических образцов, обоснование теорий в квантово-релятивистской физике предполагало экспликацию операциональной основы вводимой системы понятий (принцип наблюдаемости), а также выяснение связей между новой и предшествующими ей теориями (принцип соответствия).

Эпистемологической основой идеалов и норм неклассической науки было представление о деятельностной природе познания. Познающий разум рассматривался уже не как дистанцированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, детерминированный им. Возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов (В. Гейзенберг)¹. Сам этот способ зависит от исторического развития средств и методов познавательной и практической деятельности.

Постнеклассическая рациональность

Стратегию развития современной (постнеклассической) науки определяет освоение сложных, саморазвивающихся систем.

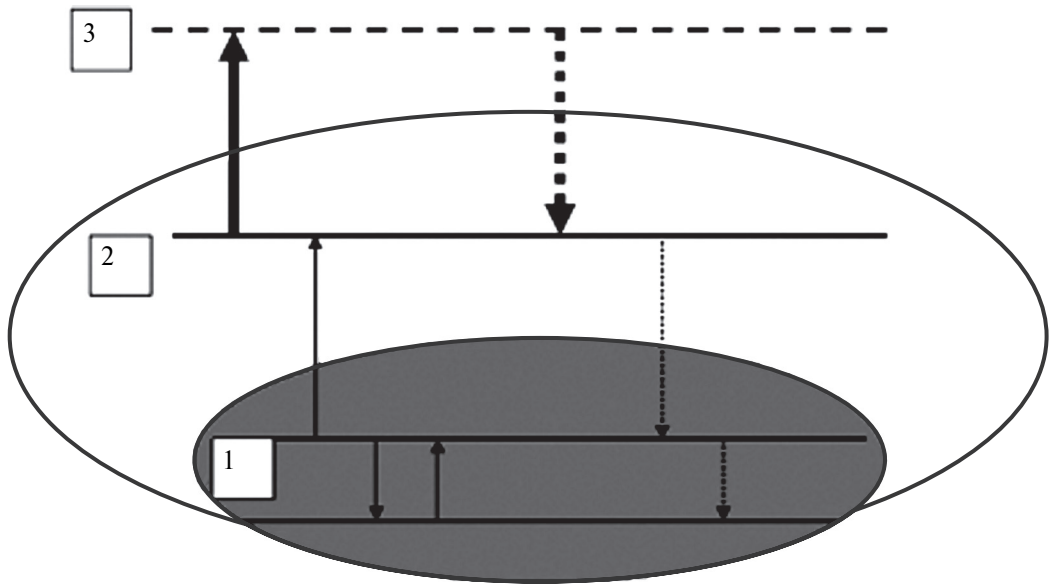
Саморазвивающиеся системы представляют собой еще более сложный тип системной целостности, чем саморегулирующиеся системы. Этот тип системных объектов

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990. С. 27.

характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Здесь саморегуляция выступает аспектом, устойчивым состоянием развивающейся системы. Смена вида саморегуляции системы представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса. В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики.

Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

Изменения структуры саморазвивающихся систем по мере появления в них новых уровней организации и перестройки их прежних оснований можно изобразить посредством следующей схемы.

1. Исходная саморегуляция.
2. Новый тип саморегуляции, основанный на трансформации предшествующих уровней иерархии системы.
3. Потенциально возможный уровень организации при продолжении развития системы как возможность нового типа саморегуляции.

Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий).

К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития, объекты современных нано- и биотехнологий, и прежде всего генетической инженерии, системы современного про-

ектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек-компьютер, «глобальная паутина» — интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

Сложные саморазвивающиеся системы требуют для своего освоения особой категориальной матрицы. Категории части и целого включают в свое содержание новые смыслы. При формировании новых уровней организации происходит перестройка прежней целостности, появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо, но недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого, следует дополнить это понимание идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы.

В сложных саморегулирующихся системах появляется новое понимание объектов как процессов взаимодействия. Усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Возникает два смысла процессуальности объекта (системы): она проявляется и как саморегуляция, и как саморазвитие, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к новому.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает также расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с представлениями о превращении возможности в действительность. Целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. При этом направленность не следует толковать как фатальную предопределенность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) формируют аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний.

Применительно к саморазвивающимся системам выявляются и новые аспекты категорий пространства и времени. Нарастание системой новых уровней организации сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени. В процессе дифференциации системы и формирования в ней новых уровней возникают своеобразные «пространственно-временные окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает особые стратегии деятельности. Взаимодействие человека с саморазвивающимися системами протекает таким образом, что само человеческое действие не является внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее, необратимо изменяя каждый раз поле ее возможных состояний.

На этапе фазовых переходов, в точках бифуркации возникает спектр возможных сценариев развития системы. Какой из них реализуется, зависит от условий взаимодействия системы со средой. И если мы своими действиями создаем определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, которые втягивают систему в определенное русло развития, то можно считать, что мы сконструировали эти процессы своей деятельностью. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы.

И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного.

В исследованиях сложных саморазвивающихся систем фундаментальные и прикладные исследования часто выступают как компоненты единого комплекса с прямыми и обратными связями. В нанонауке, генетической инженерии, когнитивных науках фундаментальные открытия часто в явном виде дают спектр технологических следствий, имеющих прямой выход к новым технологиям.

Большинство исследований саморазвивающихся систем требует междисциплинарного подхода. В постнеклассической науке удельный вес междисциплинарных исследований резко возрос.

Все эти особенности исследования сложных саморазвивающихся систем существенно перестраивают идеалы и нормы науки. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний — определение возможных сценариев развития системы в точках бифуркации. С идеалом строения теории как аксиоматически-дедуктивной системы все больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы, и т. д. В естествознании начинает все шире внедряться идеал исторической реконструкции, которая выступает особым типом теоретического знания. Этот идеал ранее применялся преимущественно в гуманитарных науках (истории, археологии, историческом языкознании и т. д.).

Образцы исторических реконструкций можно обнаружить не только в дисциплинах, традиционно изучающих эволюционные объекты (биология, геология), но и в современной космологии и астрофизике. Современные модели, описывающие развитие Метагалактики, могут быть расценены как исторические реконструкции, посредством которых воспроизводятся основные этапы эволюции этого уникального исторически развивающегося объекта.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные и социальные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты нанонауки, биотехнологии (в первую очередь, генетической инженерии), системы «человек — машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

При изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека.

В этой связи трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеаучными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе исследова-

тельских программ и проектов. Исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможных изменений системы. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями. Этическая экспертиза включается в качестве компонента в идеал обоснования научных знаний.

Эпистемологическим основанием всех этих трансформаций идеалов и норм науки выступает понимание научного познания как особого компонента культуры и социальной жизни, детерминированного ее базисными ценностями.

Постнеклассическая рациональность и инергетическая парадигма

Синергетика по своим онтологическим и методологическим принципам предстает в качестве одной из важнейших экземплификаций постнеклассической рациональности. Ключевые понятия синергетики – сложность (complexity) и самоорганизация – фиксируют главные признаки сложных систем – их открытость, процессуальность, нередуцируемость системной целостности к свойствам элементов. Теория динамического хаоса применяется как при описании воспроизводства сложных систем в их взаимодействии со средой (гомеостаз), так и при описании эволюционных процессов, связанных с усложнением системы, формированием в ней новых уровней организации, переходом от более простых к более сложным видам гомеостаза.

Различие этих двух ситуаций проявляется в контексте решения двух классов задач, которые можно было бы условно обозначить как «синергетику гомеостаза» и «синергетику эволюции».

В работах И. Пригожина, Г. Хакена, Дж. Николса¹ и др. эти две ситуации выделены, хотя их отличительные признаки фиксируются неявно. Более явно они обозначены при формулировке принципов синергетики, в ходе методологической рефлексии над особенностями синергетикой парадигмы в ее сопоставлении с классическим подходом.

В отечественных исследованиях такой анализ уже осуществлялся. В. Г. Буданов, учитывая обозначенную Пригожиным и Хакеном связь между характеристиками бытия и становления сложных систем, выделяет в качестве принципов бытия таких систем гомеостатичность и иерархичность, а в качестве принципов становления – открытость, нелинейность, неустойчивость, динамическую иерархичность². В исследованиях В. М. Еськова принципы синергетики анализируются в контексте сопоставления теории хаоса и самоорганизации (ТХС) и классического детерминистско-стохастического подхода. В. М. Еськов справедливо отмечает, что ТХС раскрывает ряд новых особенностей гомеостаза и эволюции. В этой связи он отмечает потребности в новом этапе разработки общей теории систем³. Тот уровень разработки, который был достигнут во второй половине XX века в связи с появлением кибернетики необходим, но уже недостаточен.

Но чтобы сделать новые шаги в разработке общей теории систем, следует предварительно в явном виде различить в рамках концепции сложности два типа систем:

¹ Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. М., 1985; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986; Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985; Николс Дж. Динамика иерархических систем: эволюционное представление. М., 1989.

² Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2007. С. 44–74.

³ Еськов В. М. Физика и теория хаоса-самоорганизации в изучении живого и эволюции разумной жизни // Сложность. Разум. Постнеклассика. Сургут–Тула–Ганновер–Вашингтон, 2013. № 2.

саморегулирующиеся и саморазвивающиеся. Соответственно, понятие самоорганизации в этом случае расщепляется на два взаимосвязанных понятия: «саморегуляция» и «саморазвитие».

Синергетика вносит ряд существенных новаций в понимание обоих типов систем, учитывая их взаимосвязь. Процессы гомеостаза (саморегуляции) не сводятся только к представлениям кибернетики, но включают в описание гомеостаза теорию динамического хаоса (В. М. Еськов)¹.

Новое понимание возникает и относительно саморазвивающихся систем. Процессы качественного усложнения системы, связанные с формированием новых уровней ее организации, обычно характеризуются как стадия фазового перехода. С возникновением синергетики эта стадия получила осмысление и теоретическое описание. То, что ранее обозначалось как скачок, перерыв постепенности в развитии, стало предметом особого анализа. Фазовый переход был рассмотрен как стадия динамического хаоса. Были выяснены многие существенные характеристики этой стадии при ее описании в терминах нелинейной динамики (особенности формирования аттракторов в нелинейной среде, режимы с обострением, возникновение в точках бифуркации множества вероятных сценариев развития и изменения этих вероятностей с формированием странных аттракторов, роль кооперативных эффектов в становление порядка из хаоса и т. п.

Все эти достижения синергетики выступают необходимым компонентом разработки современной концепции саморазвивающихся систем. Но сама эта концепция не редуцируется к синергетике. Здесь возникают более сложные отношения между синергетикой и разрабатываемыми в различных областях науки представлениями об исторически развивающихся системах.

Идеи уровневой организации сложных системных объектов и динамики уровней сформировались в научной картине мира до возникновения синергетики. Уже в середине XX в. научная картина мира включала представления об основных уровнях организации материи в нашей Вселенной и их иерархии: элементарные частицы, атомы, молекулы, звезды, планетные системы, галактики и их скопления, Метагалактика; уровни организации живого (доклеточный уровень, клетка, многоклеточные организмы, популяции, биоценозы, биосфера); подсистемы и уровни организации социальной жизни людей (общество). Все эти уровни в научной картине мира рассматривались как возникающие в ходе эволюции Метагалактики, началом которой является Большой взрыв.

Синергетика заимствовала эти представления и вносила в них новые конкретизации. И это обстоятельство следует учитывать на современной стадии разработки системного подхода, когда речь идет о новом (втором после «кибернетического бума») этапе разработки общей теории систем.

Центральным звеном здесь выступает концепция саморазвивающихся систем. Пока не все идеи, включенные в эту концепцию, получили достаточное осмысление в качестве методологических принципов современной науки. Прежде всего это касается принципа обратного воздействия возникающих в процессе эволюции новых уровней организации системы на ее ранее сложившиеся уровни. Фазовые переходы завершаются только благодаря этому воздействию, и в итоге система обретает более сложную целостность (предшествующий гомеостаз переходит в качественно новый, более сложный гомеостаз).

В науке можно найти достаточное количество примеров, когда исследователи конкретных образцов саморазвивающихся систем в природе и обществе выявляли действие

¹ Еськов В. М. Физика и теория хаоса-самоорганизации в изучении живого и эволюции разумной жизни // Сложность. Разум. Постнеклассика. Сургут-Тула-Ганновер-Вашингтон. 2013. № 2. С. 84–90.

этого принципа. В качестве одного из таких примеров можно сослаться на концепцию биосферы и ноосферы, разработанную В. И. Вернадским.

О биосфере как включающей все разнообразие живых организмов писал еще Ж.-Б. Ламарк. В принципе это понимание биосферы присуще и современному обыденному сознанию. Но В. И. Вернадский иначе определяет понятие биосферы. Различая живое вещество (организмы) и неживое, косное вещество планеты, он определяет биосферу как биокосную систему, в которой живое вещество соединено с особой подсистемой косных тел планеты, с которой оно непосредственно взаимодействует и обменивается атомами в процессе своей жизнедеятельности. Эта подсистема косных тел меняется под воздействием живых тел. Эволюция живых существ, возникновение их новых видов приводит к расширению и преобразованию «косной составляющей» биосферы. Между ними есть «непрерывная, никогда не прекращающаяся связь, которая может быть выражена как непрерывный биогенный ток атомов из живого вещества в косное вещество биосферы и обратно». Биосферу Вернадский определяет как «сложное планетарное биокосное тело»¹. Ведущую роль в ее эволюции играет развитие биологической составляющей.

Каждый новый этап биологической эволюции, каждый возникающий в этом процессе новый уровень организации живого изменяет включенные в биосферу косные тела. Под влиянием возникающих в процессе эволюции видов организмов изменился газовый состав атмосферы, состояние мирового океана, почвенные воды. Большая часть осадочных горных пород, почва также являются результатом жизнедеятельности организмов.

Все эти трансформации косного вещества биосферы в биокосное В. И. Вернадский характеризует как включение в современное состояние биосферы былых биосфер².

Биохимия живого воздействует на геохимию косного вещества и порождает *биогеохимические* взаимодействия. Каждая новая трансформация биогеологического фундамента под влиянием новых уровней развития живого, в свою очередь, создает новые возможности для возникновения еще более высоких уровней системной организации жизни (как, например, накопление кислорода в атмосфере в результате жизнедеятельности растений создало условия для появления высших животных и человека).

В результате по мере развития биосфера расширяет свои пространственные границы на планете. В современном состоянии, согласно Вернадскому, верхняя граница биосферы поднимается примерно до 25 км от уровня геоида (до ионосферы, проникая в нее), а нижняя находится внутри стратисферной части литосферы, 4–5 км ниже уровня геоида. Причем в морских глубинах живое вещество местами может проникать до 11 км³.

Новое качественно особое изменение биосферы происходит при возникновении ноосферы. Ноосфера в понимании В. И. Вернадского (в отличие от Э. Леруа) — это не сфера чистого разума (духа), а разума, воплощенного в труде, науке и ее практических приложениях, в организации социальной жизни людей. Ноосфера рассматривается Вернадским как возникший в ходе эволюции высший уровень организованности биосферы, ее особая подсистема, которая, по мере своего развития, оказывает возрастающее воздействие на ранее сформировавшиеся уровни биосферы — на живое, а также косное и биокосное вещество.

Этап формирования биосферы до человека определяла биогеохимическая энергия живого, которая оказывала обратное воздействие на геохимию оболочки планеты, породив биогеохимические взаимодействия. Становление ноосферы породило особую

¹ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 24–25.

² Вернадский В. И. Избр. соч. М., 1959. Гл. VI: «Земная кора — область былых биосфер, поверхность современной биосферы на суше».

³ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. С. 23.

форму биогеохимической энергии – «культурную биогеохимическую энергию» (термин В. И. Вернадского), которая превратилась в важнейший фактор биологической и геологической истории планеты¹.

Возникновение в саморазвивающихся системах новых уровней организации сопровождается дифференциацией систем. В их рамках формируются новые подсистемы, которые выступают как части нового целого и также могут быть рассмотрены в качестве относительно автономных саморазвивающихся систем. Но эта их автономность имеет границы, которые определены их включенностью в более сложное целое и подчиненностью этому целому.

В каждой из таких подсистем в ходе развития могут возникать новые уровни организации. И здесь вновь мы имеем дело с универсальным принципом обратного воздействия каждого возникающего нового («верхнего») уровня системной иерархии на ранее возникшие («нижние») уровни.

Например, экономика и ее ядро – производство материальных благ, будучи подсистемой общества как целостной саморазвивающейся системы, усложняется в ходе социальной эволюции. И в этом процессе возникают новые уровни ее системной организации. Так, развитие производства в процессе разделения труда порождает обмен продуктами деятельности. Расширение продуктообмена формирует потребность в особом товаре, который служит средством универсального обмена. Возникают деньги, которые начинают управлять как процессом обмена товарами, так и процессом производства товаров. Следующая ступень развития определена превращением денег в капитал. Возникает фазовый переход от простого товарного к капиталистическому производству, где капитал начинает управлять не только производственной, но и всеми другими сферами социальной жизни.

С этих позиций следует уточнить принцип динамической иерархичности сложных систем, который включен в понимание синергетики. Фиксируемые в нем представления о возможном усложнении системы при прохождении ею этапа динамического хаоса и формирования новых уровней ее иерархии необходимы, но недостаточны (условно можно обозначить это понимание как динамическую иерархичность 1 – ДИ 1). Эти представления следует дополнить идеей об обратном воздействии каждого нового уровня на ранее сложившиеся (обозначим это понимание как динамическую иерархичность 2 – ДИ 2). ДИ 2 – это процесс, который формирует параметры порядка новой системной сложности. Становление же новых уровней и новых параметров порядка может рассматриваться как возникновение новых законов, управляющих функционированием системы.

Описание эволюции в терминах саморазвивающихся систем предполагает трактовку законов как возникающих во времени. Этот вывод выглядит необычным и даже неприемлемым с точки зрения классической рациональности. Но с позиций современных представлений о космической эволюции он является совершенно логичным.

Было время, когда во Вселенной (Метагалактике) не существовало атомов и молекул, а значит, и не было химических процессов и соответствующих им законов. С возникновением жизни во Вселенной возникли и законы гомеостаза биосистем и законы биологической эволюции. С возникновением разумной жизни и общества возникли законы социальной регуляции и социального развития.

Возникновение новых законов в процессе формирования более высоких уровней усложняющейся иерархии системы относится не только к таким крупномасштабным фазовым переходам, как переход от неживой к живой природе, а затем к обществу. В раз-

¹ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. С.132–133.

витии подсистем биосферы и общественной жизни людей также можно зафиксировать формирование новых закономерностей в процессе усложнения подсистем в ходе их эволюции (как в приведенном выше примере перехода от простого товарного к капиталистическому производству).

Но тогда возникает еще один аспект интерпретации принципа динамической иерархичности системы в его новой версии (ДИ 2). Законы «верхнего» уровня иерархии должны накладывать ограничения на действия законов предшествующих уровней.

Здесь возможны два варианта трактовки. Первая состоит в том, что эти ограничения не отменяют и не изменяют законов ранее сформировавшихся уровней, но определяют формы и границы их действия в рамках нового системного целого. Например, биологические инстинкты и продиктованные ими поведенческие реакции не отменяются целиком и полностью в человеческом обществе. Но ряд возможных поведенческих реакций блокируется нравственными и правовыми нормами. Культура с ее ритуалами, обычаями, образцами поведения, нравственными и правовыми императивами определяет допустимые формы действия в обществе биологических закономерностей инстинктивного поведения.

Второй вариант трактовки воздействия закономерностей «верхнего» уровня системной иерархии на ранее возникшие уровни более радикален. Он допускает изменение законов этих уровней под воздействием более высокого уровня усложняющейся системы.

Пока это правдоподобная гипотеза, требующая для своего подтверждения новых исследований.

В моих прежних работах такие допущения анализировались¹. В принципе с ними согласуется известная идея П. Дирака об изменениях мировых констант в процессе космической эволюции. Если изменяются мировые константы, то изменяются и физические законы, включающие эти константы. Вполне возможно, что в дальнейших исследованиях самых ранних стадий развития нашей Вселенной, когда осуществлялись три великих фазовых перехода (рождение гравитации, дифференциация сильных и электрослабых взаимодействий и последующее разделение на слабое и электромагнитное взаимодействия), будут найдены подтверждения гипотезы П. Дирака. Не исключено, что будет обнаружено изменение мировых констант и в ходе последующего расширения Метагалактики. Но пока гипотеза П. Дирака не получила достаточного обоснования, хотя и не утратила своей правдоподобности.

В разработке идеи взаимодействия законов различных уровней системной иерархии и в оценке перспектив второй, более радикальной интерпретации этой идеи, важен анализ различных областей знания, в которых исследователь имеет дело с саморазвивающимися системами.

Так, в наследии В. И. Вернадского можно обнаружить ряд положений, которые соответствуют радикальной интерпретации ДИ 2. Трансформация геохимии в биогеохимию и «культурную биогеохимию» в ходе развития биосферы и возникновения ноосферы допускает гипотезу об изменении геологических закономерностей под влиянием жизни и разумной жизни. Вернадский особо выделял трансформации внутренних пространственно-временных характеристик биосферы по мере появления в ней новых, более высоких уровней организации. Соответственно, он подчеркивал, что развитие биосферы и ноосферы меняет временные параметры геологических изменений. В неявном виде здесь присутствовала идея о трансформации геологических законов, которым ранее подчинялись изменения литосферы, гидросферы и атмосферы.

¹ Стёпин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. С. 297–299.

***Проблема преемственности типов научной
рациональности и их социокультурная размерность***

Идея глобального (универсального) эволюционизма в соединении с представлениями об особенностях сложных, саморазвивающихся систем сегодня определяет развитие научной картины мира. В связи с этим акцентируется особая значимость постнеклассической рациональности, познавательные идеалы, нормы и философские основания которой обеспечивают познание объектов, представляющих собой саморазвивающиеся системы.

Вместе с тем практика научных исследований свидетельствует, что с возникновением постнеклассики классическая и неклассическая рациональность не исчезают, что и на современном этапе науки существует множество задач, для решения которых постнеклассическая парадигма оказывается избыточной и достаточно ограничиться неклассическим и даже классическим подходом.

Я уже не раз констатировал, что возникновение каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности.

Такие взаимодействия выдвигают новые методологические проблемы. Следует определить границы применения каждого типа рациональности и выяснить, существуют ли между ними отношения преемственности. Ключевыми для решения этой задачи выступают связи между типами системных объектов (простых, сложных саморегулирующихся и сложных саморазвивающихся систем). Все остальные различия и соотношения между типами рациональности определены их объектной компонентой.

При изучении и описании сложных саморазвивающихся систем возникает комплекс задач, связанных с исследованием закономерностей воспроизводства системы в ее устойчивых состояниях. В этом случае можно абстрагироваться от фазовых переходов, изменяющих систему. И тогда мы получим в качестве предмета исследования саморегулирующуюся систему (гомеостаз). Саморегулирующаяся система воспроизводится как устойчивое (инвариантное) в процессах изменения до тех пор, пока сохраняются параметры порядка. И в том временном интервале, пока они не меняются, можно при решении ряда задач абстрагироваться от процессуальной сложности саморегулирующихся системных объектов, полагая их устойчивыми и неизменными. Тогда их взаимодействие можно описывать в терминах простых систем. Например, при рассмотрении процессов гравитационного взаимодействия Земли и Солнца главными системными параметрами выступают их массы и расстояние между ними. В этой ситуации можно абстрагироваться от сложных процессов ядерных реакций в недрах Солнца, от процессов взаимодействия литосферы, гидросферы, атмосферы, биосферы и ноосферы Земли и рассматривать Землю и Солнце только как тяготеющие массы. Кстати, в этом случае величина, характеризующая массу, становится решающей. При увеличении массы выше определенного предела гравитационное сжатие порождает ядерные реакции и превратит планету в звезду. Значительная потеря массы звезды превратит ее в остывающее квазипланетное тело.

Таким образом, человеческое познание может выделить и зафиксировать отдельные фрагменты и аспекты саморазвивающихся систем, превратив их в самостоятельные предметы изучения.

Познавательное освоение сложных саморазвивающихся систем в естествознании началось именно с аспектов и фрагментов. Но отсюда не следует, что простые, сложные, саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы онтологически рядоположены. Онтологически, в ходе космической эволюции простые системы не предшествуют слож-

ным и не возникают отдельно от них. Правда, «онтологическую первичность» простых систем по отношению к сложным можно зафиксировать в техногенезе. Здесь действительно техника простых (механических) систем предшествовала возникновению техники сложных саморегулирующихся, а затем и саморазвивающихся систем (последние начинают появляться только на современном этапе техногенеза, на рубеже XXI века). Но при всем этом нельзя упускать из вида, что техногенез представляет собой особую линию эволюции, которая предполагает человека и его деятельность. В естественной линии эволюции природы без человека технические устройства не возникают. Вероятность их самопроизвольного рождения исчезающе мала, хотя и не противоречит законам природы. Только с появлением человека и общества как особой стадии космической эволюции техногенез становится реальностью. Он встроен в эволюцию общества, в процессы формирования ноосферы, в качестве ее особой подсистемы. В этом смысле все объекты техногенеза предстают как фрагменты и аспекты сложной саморазвивающейся биосферно-ноосферной системы.

Онтологическая первичность саморазвивающихся систем, включенность в них фрагментов и аспектов, которые могут интерпретироваться как сложные саморегулирующиеся и простые системы, определяет преемственность идеалов и норм и философских оснований классической, неклассической и постнеклассической науки. Нетрудно проследить, что неклассика не отбрасывала целиком и полностью идеалы объяснения, описания и обоснования знаний, сложившиеся в рамках классического типа рациональности, но обобщала их и включала в переосмысленном виде в систему новых идеалов и норм исследования.

Аналогично обстоит дело с соотношением неклассики и постнеклассики. Идеалы, нормы и философские основания неклассики сохраняются в постнеклассической рациональности в трансформированном виде, как подчиненные новым, более полным представлениям о природе научного познания.

Научное познание во все эпохи являлось особым типом деятельности, предполагающим активное воздействие субъекта на познаваемый объект. Познающий субъект не со стороны созерцает мир, а находится внутри него. В своих познавательных целях и ценностях, в возможностях вычленения тех или иных фрагментов и аспектов мира в качестве предметов познания субъект определен уровнем исторического развития средств познания, состоянием культуры своей эпохи, ее базисными ценностями. Он формируется и воспроизводится в исторически определенном типе социокультурных связей.

Так было во все эпохи. Но не во все эпохи это осознавалось исследователем.

Классика ограничивалась только первым и самым абстрактным уровнем рефлексии над научным познанием — его видением как разделенным на исследуемый объект и познающий разум. Деятельностно-практическая природа познания и его социокультурная детерминация оставались вне поля рефлексии в классическую эпоху. Но этот уровень рефлексии был достаточен для изучения объектов, относящихся к классу простых систем.

Неклассическая рациональность расширила поле рефлексии над познавательной деятельностью, включив осмысление корреляций между исследуемым объектом и характером средств и операций деятельности. Этот уровень рефлексии обеспечивал познавательное освоение саморегулирующихся систем.

Наконец, в постнеклассике был сделан новый шаг — осмысление ценностно-целевых структур научного познания и их социокультурной обусловленности. С учетом этого, третьего, типа рефлексии сегодня разрабатывается методология исследования объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы.

С появлением постнеклассической рациональности возникает новый тип взаимодействия социально-гуманитарных, технических и естественных наук. Социально-гуманитарные науки раньше естествознания столкнулись с объектами, представляющими собой исторически развивающиеся человекообразные системы. И многие методологические идеи наук о духе (в частности идеи В. Дильтея) предвещали развиваемую в современную эпоху методологию постнеклассической рациональности. Мне уже приходилось не раз отстаивать точку зрения, что жесткая граница между естествознанием и социально-гуманитарными науками сегодня стирается. В эпоху В. Дильтея естествознание находилось еще в стадии классической науки, а социально-гуманитарные науки уже не удовлетворялись классическим подходом, но четко еще не осознавали особенностей своего предмета и его категориальной матрицы.

Эта матрица по частям, по аспектам прорисовывалась в философии. Вместе с ней нащупывались и новые методологические предпосылки исследования социально-гуманитарных объектов.

В современных условиях, когда сложные, часто уникальные саморазвивающиеся системы становятся объектами переднего края науки, многие проблемные ситуации исследования могут значительно легче преодолеваются при осознании особенностей постнеклассической рациональности. Разработка методологии постнеклассической науки, на мой взгляд, облегчит обмен методами и концептуальными средствами между естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками, причем не односторонне, механически, а с учетом их прямых и обратных связей.

В изменениях научной рациональности открываются также новые возможности диалога культур. Многие из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки.

ФОРМИРОВАНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Новый подход был связан с формированием в европейской культуре особого типа рациональности, который получил название «неклассическая рациональность». Ее центральным звеном было особое понимание познающего разума и его места в мире.

В классической философии доминировала концепция субъекта познания как носителя суверенного, беспредпосылочного разума, который со стороны созерцает мир и не нуждается ни в каких основаниях, кроме самого себя, кроме своих способностей обнаруживать явления и усматривать их существенные связи. Парадоксы классической гносеологии свидетельствовали о необходимости переосмыслить эту точку зрения и изменить ее.

Мир познает человек, и он изначально не является существом, находящимся вне мира и со стороны созерцающим его. Мы, люди, – часть природы, мы внутри Космоса, мы – часть социальной жизни. И наше познавательное отношение к миру сопряжено со всеми процессами нашей жизнедеятельности, с практической деятельностью, с поведением, нацеленным на адаптацию к различным социальным общностям и социальным институтам, с общением с другими людьми. Вопрос о том, как человек познает окружающий мир, перерастает в вопросы: «Как осуществляется человеческая жизнедеятельность?», «Как она влияет на познавательные процессы?», «Как формируется субъект познания в контексте социальной жизни?».

Но тогда анализ процесса познания необходимо начать не с того, что я созерцаю мир, а с того, что я действую в этом мире. Необходимо активность познания связать с более широкой формой человеческой активности, основанной на многообразных видах практической деятельности людей в каждую конкретную историческую эпоху.

Отношение человека к миру есть отношение деятельностного существа. Познание – это тоже деятельность, но особого рода. Оно погружено в контекст других видов деятельности, в многообразие социальных практик, связано с ними многочисленными прямыми и обратными связями.

Но тогда нужно заменить саму схему познавательного отношения человека к миру Между субъектом и познаваемыми им объектами есть посредник –

человеческое социальное действие. В этом случае субъект и объект предстают как своего рода два полюса деятельности, которая соединяет их в единую систему.

Познающий и действующий субъект формируется в контексте разнообразных видов деятельности, которые регулируются культурой и в системе которых воспроизводится социальная жизнь. И если мы это осознаем, то можем сказать, что наши знания о мире и познание, как процесс получения знаний, определены, детерминированы (причинно обусловлены) моей социальной жизнью и моей культурой. Я смотрю на мир в зависимости от того, как устроена культура, в которой я живу и действую. Культура — это своего рода «концептуальные очки», через которые я смотрю на мир.

Есть детская игра, в которой через цветные очки (синие, зеленые, желтые) нужно смотреть на рисунки, выполненные в разных цветах. Когда смотришь на рисунок без очков, то сначала видишь бессмысленный набор пятен. Но когда надеваешь фильтр, то в этом наборе пятен можно увидеть картинку: людей, дома и т. д. Картинки меняются в зависимости от того, какой фильтр используется. Эта аналогия в некоторой мере полезна для понимания того, как мы познаем мир и мыслим о мире. Мы мыслим и видим мир сквозь те «концептуальные очки», которые нам предлагает культура конкретной исторической эпохи.

В разных культурах эти «очки» могут быть разными. Те очки, которые предложила европейская культура Нового времени, сформировавшаяся в духовных революциях трех великих исторических эпох — Ренессанса, Реформации и Просвещения, — это было видение субъекта классической рациональности. А те очки, которые сконструировала европейская культура второй половины XIX — начала XX в., — это неклассическая рациональность. Это было другое видение человека и человеческого разума, познающего мир. Познающий разум в этом подходе рассматривается как обусловленный состоянием общества и культуры.

Предпосылкой познания мира человеком всегда являются история культуры и история социальной жизни людей. Субъект познания видит мир, понимает и переживает его посредством концептуальных структур, которые сформированы историческим развитием общества и культуры. Познающий субъект создан этой историей, и он меняется от одного ее этапа к другому.

Это значит, что необходимо переосмысливать классическую теорию познания, исходя из принципа историзма и социокультурной обусловленности познания. Познавательную активность в этом подходе следует рассматривать как связанную с различными, исторически развивающимися формами практической деятельности человека, как определяемую особенностями исторического развития общества, в которое эта активность включена.

В этом и состоит суть неклассического подхода, неклассической парадигмы в теории познания¹.

Напомню, что термин «парадигма» ввел в научный оборот американский философ и историк науки Томас Кун. В переводе с греческого этот термин означает образец. В данном случае — доминирующий стиль мышления. Духовные революции, в том числе и научные, — это смена парадигм, стилей мышления, доминирующих образцов, картин мира как обобщенных представлений о мире и человеке.

Примерно с середины XIX в. философия вступает в эпоху радикального пересмотра прежней парадигмы познания. Смена парадигм и формирование неклассического подхода не были мгновенным одноразовым актом. Это был достаточно длительный исторический период, в рамках которого происходило столкновение различных концепций познания. Причем этот процесс, поскольку он затрагивал глубинные мировоззренческие

¹ В отечественных исследованиях разработка эпистемологической проблематики с позиций неклассического подхода имеет достаточно давнюю традицию. Здесь можно сослаться на работы В. А. Лекторского, Э. Г. Юдина, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого, Т. А. Микешиной, В. С. Швырева, Б. И. Дружинина, И. Т. Касавина и др.

образы, ранее доминировавшие в культуре, охватывал ее различные сферы. Изменения в одной из них оказывало воздействие на другие. Новые идеи формировались не только в философии, хотя она была в авангарде перемен в стиле мышления. Они возникали и в сфере художественного познания, и в науке, предьявляя новый и часто неожиданный материал для философского осмысления.

Началом пересмотра классической парадигмы в философии было переосмысление категории «рациональность». В классической трактовке она разрабатывалась прежде всего с опорой на научное знание. Правда, уже в рамках философской классики, например у Гегеля, можно было найти идею о рациональной компоненте в обыденном познании, в религиозном опыте, искусстве, где она выступала в обрамлении чувств, воли и веры. Вместе с тем, согласно Гегелю, рациональность в «чистом виде», поскольку она выявляет и осознает логику саморазвития абсолютной идеи, имеет приоритетный статус. Учитывая, что в этом качестве рациональность представлена в науке и философии, эти виды познания Гегель рассматривал как высшие по отношению ко всем другим, как наиболее важные для понимания сути человеческого бытия.

Критическое отношение к такого рода установке привело к более глубокому анализу вненаучных форм познания и было предпосылкой для неклассического понимания рациональности. А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше обратили особое внимание на повседневное, обыденное познание и его мировоззренческие основания, на роль желаний и воли в любой познавательной активности человека, на значение мифа, религии и искусства в воспроизводстве социальной жизни и идентификации индивида как личности. В этих новых акцентах анализа сознания и познания рациональность представляла лишь одной из сторон полноты человеческого существования. В реальной жизнедеятельности людей рациональность нельзя изолировать от взаимодействия с другими сторонами человеческого бытия.

Все эти идеи получили дальнейшее развитие в первой половине XX в. в концепциях Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Согласно Гуссерлю, любая познавательная активность человека (в том числе и научная) определена его жизненным миром. Этим термином Э. Гуссерль обозначал многообразие человеческого опыта, и прежде всего до-теоретический, повседневный опыт, из которого формируется рациональное осмысление действительности. Жизненный мир, согласно Гуссерлю, это не окружающая нас природная и социальная среда, а их понимание, переживание и осмысление людьми. Жизненный мир, подчеркивал Гуссерль, предстает как «духовное образование в нас и в нашей исторической жизни». Он исторически меняется, и в каждую эпоху его устойчивые черты соединяются с особенностями, выражающими принятую в то время систему жизненных смыслов, значений и ценностей. Например, «жизненный мир древних греков, — отмечал Гуссерль, — это не объективный мир в нашем смысле, а их представления о мире, т. е. их собственная субъективная значимость, со всеми действительностями, имеющими для них значение, например, богами, демонами и т. д.»¹. «Жизненный мир» представлен не только сферой «первоначальных очевидностей» повседневного опыта, но и возникающими из него относительно автономными областями знания (например, философией, наукой), которые также включены в жизненный мир, взаимодействуют с обыденным опытом и могут вносить в него изменения.

Согласно Гуссерлю, «конкретный жизненный мир» любой исторической эпохи включает все смыслы и значения и все смысловые образования данной эпохи².

Из всех этих определений и разъяснений Гуссерля можно заключить, что термином «жизненный мир» он обозначает мир культуры, который организует связи и отношения людей. И тогда его стремление представить любую познавательную активность как за-

¹ Цит. по: *Мотрошилова Н. В.* Жизненный мир // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. I. С. 29.

² См.: *Husserl E.* Gesammelte Werke // Husserliana. 1960. Bd. VI. S. 136. Mbid. S. 153.

висящую от особенностей культуры, от «скрытой атмосферы ее основополагающих ценностей» выражает неклассический подход к проблематике познания.

Последующее развитие этих идей можно найти в творчестве великого философа XX в. М. Хайдеггера. Он был ассистентом Гуссерля, но затем развил и переосмыслил идеи своего учителя.

Творческому наследию Хайдеггера посвящена огромная историко-философская литература¹. Я выделю лишь те аспекты, которые по-новому заставили осмыслить характеристики познающего субъекта.

Хайдеггер вводит в качестве фундаментальных определений человеческого существования то, что связано с его бытием как индивида и личности. Это не только, и даже не столько, наличие разума, самосознания и способности к разумным действиям. Это в первую очередь эмоциональная сфера сознания, переживание человеком мира, в который он погружен. Причем это такие переживания, которые присущи любому человеку в любую эпоху и в любой культуре. Их Хайдеггер характеризует термином «экзистенциалы» (от *лат.* *existentia* — существование). Это категории, выражающие глубинные смыслы и состояния человеческого бытия: «свобода», «совесть», «забота», «понимание», «вина», «страх», «покинутость» и др.

Все эти жизненные смыслы закреплены в языке. Язык выступает одновременно как выражение и индивидуального, личностного бытия, и надиндивидуального (интерсубъективного) человеческого существования. Индивидуальное «я» всегда обусловлено его коммуникациями с другими, его совместным существованием в сообществе людей.

Язык репрезентирует эту связь. Он аккумулирует опыт поколений (социальная память, традиция) и вместе с тем открывает путь для творчества, для формирования новых смыслов и значений, которые со временем могут стать традицией. Хайдеггер особо подчеркивает эту роль языка как условия человеческого бытия: «Язык — это дом бытия».

Сложные и многообразные процессы взаимосвязи личности и социальной среды, традиции и творчества организуются и управляются системой фундаментальных жизненных смыслов и ценностей (экзистенциалов). Они пронизывают все формы познания и сознания людей. Здесь Хайдеггер обозначает чрезвычайно важный аспект человеческой жизнедеятельности — наличие в культуре особых, предельно общих смысловых ориентиров, которые переживаются людьми и вместе с тем определяют способы рационального постижения действительности.

Рациональность выступает в этом подходе как имеющая предпосылки в глубинных структурах социального бытия. Эти структуры чаще всего не осознаются людьми, но они включены в конструкцию тех «концептуальных очков культуры», через которые человек видит мир.

Идея неосознаваемых предпосылок познающего разума активно обсуждалась в конце XIX — начале XX в. также и в философии фрейдизма. Эта философия тоже была одним из вариантов неклассического подхода. Ее основоположник — австрийский врач-психиатр Зигмунд Фрейд, — опираясь на свой опыт лечения неврозов, сформулировал концепцию сознания как обусловленного подсознанием и бессознательным. Человеческую психику Фрейд рассматривал как систему, состоящую из трех взаимосвязанных уровней: бессознательного (ид), личностного (эго) и надличностного сознания (супер-эго). Ид — это сфера желаний и устремлений, порождаемых биологическими инстинктами, неосознаваемыми индивидом (инстинкты самосохранения, питания, половой инстинкт и т. п.). Супер-эго — это сфера культуры, надличностных, коллективных состояний человеческого духа, которые представлены нормами, идеалами, образцами поведения, обычаями и

¹ Из отечественных исследований творчества М. Хайдеггера можно выделить работы В. В. Библина, П. П. Гайдено, А. Ф. Зотова, Н. В. Мотрошиловой.

т. д. В сфере эго происходит столкновение инстинктивных желаний и регулирующих их социальных идеалов, моральных и правовых норм. Запреты культуры не позволяют свободно реализоваться всем инстинктивным желаниям. Те из них, которые противоречат нормам и обычаям, могут вытесняться из сферы сознания индивидов в область подсознания и бессознательного, блокироваться в этой области. Но они полностью не исчезают, а образуют устойчивые подсознательные комплексы, которые могут порождать неврозы и неожиданные поступки, в том числе и асоциального характера.

Фрейд полагал, что доминирующую роль в системе таких комплексов играют комплексы либидо, импульсом которых является половой инстинкт. Не только эго, но и супер-эго, согласно Фрейду, испытывает постоянное влияние этих комплексов. Фрейдизм справедливо критикуют за стремление представить все феномены культуры и творчества (религию, искусство, науку и т. д.) как бессознательные проявления энергии либидо. Но общую идею о существовании в культуре неосознаваемых, подсознательных духовных образований, которые оказывают воздействие на человеческое сознание и поведение, отбрасывать нельзя. Она имеет позитивное значение. Эту идею развивал последователь Фрейда, швейцарский психолог и философ К. Юнг. Он зафиксировал, что кроме «личностного бессознательного» существует «коллективное бессознательное».

Оно выражено в архетипах сознания, определенных символическими образами, которые можно выявить в мифологии, религии, искусстве разных народов. Согласно Юнгу, основополагающие религиозные идеи, философемы, великие научные открытия испытывают влияние архетипов коллективного бессознательного.

Идеи Фрейда и Юнга лежали в русле неклассического понимания познающего субъекта. Они показали, что субъект познания формируется в процессе сложного взаимодействия биологических и социокультурных факторов.

Наконец, говоря о становлении неклассического подхода к проблемам познания, следует особо выделить философию марксизма, которая была, пожалуй, одним из первых вариантов ясно артикулированной неклассической парадигмы в философии.

Эта парадигма была сформулирована К. Марксом еще в 1840-х гг. Она опиралась на две фундаментальные идеи: понимания деятельности как основного процесса человеческого отношения к миру и социальной детерминации всех форм человеческого познания и сознания. Применительно к проблемам гносеологии первая идея была конкретизирована Марксом в «Тезисах о Фейербахе» (1845): человек познает мир не в форме созерцания, а в форме практики. Вторая идея нашла свою разработку в анализе политики и права, религии, морали, искусства, науки, философии как исторически развивающихся форм общественного сознания.

Теперь посмотрим под углом зрения неклассической парадигмы, утвердившейся в философии во второй половине XIX – начале XX в., на процессы, которые в этот же исторический период развертывались в сфере художественного познания (в литературе и искусстве).

Известный литературовед и философ М. М. Бахтин важнейшей вехой изменений в литературе на рубеже XIX–XX вв. считал появление, наряду с классическим романом, нового типа литературного произведения – неклассического романа.

Сравнивая романы Л. Толстого и Ф. Достоевского, он отмечал, что в классическом романе (Л. Н. Толстой) авторская точка зрения представлена как анализирующая и оценивающая со стороны духовные миры своих героев (персонажей создаваемых произведений). Позиция автора предстает как некоторая абсолютная, выделенная система отсчета, позволяющая в художественном языке выразить истинное и должное в законченной форме. Бахтин, используя метафору голосов автора и героев романа, характеризовал классическую традицию как монологический и «гомофонический» роман.

Иначе обстоит дело с романами Ф. М. Достоевского. Здесь сознание автора, его мировоззренческая концепция и оценки не возвышаются как последняя истинная инстанция над духовными мирами его героев, а вступают с ними в равноправный диалог. Автор не позиционирует свое понимание человеческого жизненного мира, поступков и переживаний людей как некоторое видение из «абсолютной системы отсчета». Проблемные ситуации человеческой жизни, выраженные в романах Достоевского через отношения созданных им героев, столь же проблемны для них, как и для самого автора. Он ощущает себя не созерцающим и познающим жизнь со стороны, а погруженным в нее. И он осознает себя носителем тех же противоречий добра и зла, которые обнажает через отношения героев своих произведений.

Как подчеркивает М. Бахтин, в романах Достоевского голос автора постоянно соотносится с голосами его героев, звучит вместе с ними. В отличие от монологического, «гомофонического» образца классического романа, Достоевский создает «полифонический» роман¹.

В изобразительном искусстве конца XIX – начала XX в. также происходят перемены, которые можно было бы охарактеризовать как становление неклассической парадигмы.

Разумеется, сравнивая классический и неклассический подходы, мы не должны забывать, что каждый из них есть особый вариант общих характеристик художественного освоения мира. Эти характеристики присутствуют во всех видах и жанрах искусства. В любом из них формой познания мира является художественный образ. Он обычно определяется, во-первых, как единство индивидуально неповторимого и типического, во-вторых, как единство эмоционального и рационального.

В любом произведении искусства присутствует авторское видение, включающее переживание отображаемой им действительности, ее эмоциональную оценку. Но в классическом и неклассическом вариантах авторское видение проявляется по-разному. Попробуем проследить это на конкретных примерах из истории искусства XIX – начала XX в.

Обратимся к одной из картин классика русской живописи второй половины XIX – начала XX в. И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». На ней изображены все влиятельные приближенные к императору сановники периода царствования Николая II. Фрагмент этой картины – портрет К. Победоносцева – был написан Репиным в качестве предварительного эскиза, а затем перенесен в картину.

В принципе, этот эскиз уже был законченным портретом, на котором изображен человек – бездушный охранитель устоев империи. Построение и эмоциональная оценка великим художником его персонажа перекликается с характеристикой Победоносцева в одной из поэм великого русского поэта А. Блока:

Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

Изобразив одного из высших и влиятельных сановников Российской империи как человека, который кладет под сукно живые души, Репин выразил свои демократические настроения и свое неприятие практики подавления свободомыслия. В том, как выстроен образ Победоносцева, выражено мировоззрение Репина, его нравственная позиция, продиктовавшая соответствующую эмоциональную оценку изображаемого. Здесь уместно вспомнить известную формулу: «Портрет, написанный великим художником, – это в какой-то мере и его автопортрет».

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

Классика всегда была ориентирована на выявление в индивидуальном облике личности главных, типических черт ее характера, устойчивого ядра ее духовного мира. Такого рода установка предполагала особое самосознание и самоощущение художника: принципиальную возможность усматривать в изменчивых и многообразных проявлениях личностного духа изображаемого на картине персонажа его типические, сущностные черты и выражать это видение в законченном произведении.

Все эти неявные, скрытые допущения соответствуют классическому пониманию субъекта познания с учетом той его специфики, которая проявляется в сфере искусства.

«Классическое» понимание художником мира и самого себя длительное время доминировало в европейском искусстве. Оно обеспечивало достаточную полноту отображения жизненных ситуаций средствами искусства.

Но во второй половине XIX – начале XX в. на арену социальной жизни вышли такие ситуации и процессы, которые потребовали нового видения реальности и нового художественного языка.

Константин Победоносцев. Этюд к картине И. Н. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения»

Поль Сезанн.
Портрет Амбруаза Воллара

Пабло Пикассо.
Портрет Амбруаза Воллара

В Европе и Северной Америке в этот исторический период разворачивалась ускоренная индустриализация. Научно-технологический прогресс быстро обновлял и качественно преобразовывал предметную среду, непосредственно окружающую человека (новые предметы быта, автомобиль, аэроплан, новые орудия и средства производства, новая архитектура, рост городов). Урбанизация приводила в движение огромные массы людей. Приток сельского населения в города требовал его адаптации к новым условиям. Традиции и обычаи, веками регулирующие жизнь людей, оказывались непригодными для жизни в новой социальной среде.

Менялась макро- и микроструктура общества. Сословное деление перестало доминировать, уступая место классовому. Складывались новые типы малых социальных групп. Общество усложнилось, и в нем сформировались новые зоны неустойчивости, периодически вызывающие кризисы. Кризисы приводили к открытым классовым и межнациональным

столкновениям, революциям, гражданским войнам, войнам между государствами, в том числе и такого, ранее невиданного масштаба уничтожения людей, какой стала Первая мировая война. Все эти усложняющиеся, изменчивые, конфликтные процессы представляли собой ту новую социальную среду, в которой происходило формирование личности.

Адаптируясь к новым условиям социальной среды, человек, хотел он того или нет, вынужден был многократно решать в своей жизни проблему выбора ценностей. На какие ценности он должен ориентироваться? Как сохранить свое достоинство, когда приходится пересматривать свои взгляды на жизнь, когда с детства усвоенные ориентиры и образцы могут помешать решению новых жизненных задач?

Все эти вопросы предстают в качестве аспектов кардинальной проблемы — сохранения личности, ее своеобразной сборки в разрушающей среде, воссоздания ее целостности. И чем сложнее социальная среда, чем быстрее в ней происходят перемены, тем труднее ответить на вопросы: «Кто я?» и «Кто мы?».

Художник интуитивно чувствовал эту проблематизацию личности в современном ему обществе. Самого себя он не ощущал и не воспринимал как изолированного от воздействий и изменений социальной среды, от неподвластных ему столкновений социальных интересов и страстей. Такого рода мироощущение соответствовало позиции «неклассического» субъекта познания.

То, что в классическом искусстве воспринималось как предварительное, эскизное, незаконченное, обрело новый смысл. Выразить изменчивость человеческого бытия, неустойчивость его состояний стало одной из задач понимания мира в искусстве последней трети XIX — начала XX в.

В этот период формируются направления в искусстве, которые открыто противопоставляют себя классической традиции (импрессионизм, постимпрессионизм, кубизм). Для живописи импрессионизма (от *франц.* *impression* — впечатление) особую значимость обретает ускользящая красота вещей и состояний, увиденных художником под необычным, зачастую случайным углом зрения. Изображаемый предмет предстает как погруженный в пульсирующую, цветосветовую воздушную среду. Неотделимый от нее, он подвижен, изменчив даже в своей устойчивости.

Клод Моне написал более 30 картин, изображающих Руанский собор в разных состояниях (20 из них были экспонированы на выставках). В каждой из картин представлено новое и неповторимое впечатление художника от собора, его порталов при разном освещении в разное время суток.

Та же идея присутствует и в серии картин Клода Моне, изображающих здание английского парламента, — передать зрителю необычные и даже в чем-то уникальные впечатления художника от здания в тумане, при заходе солнца, в яркий день. То, на что в обычной жизни человек, как правило, не обращает внимание.

Импрессионизм принципиально отказался от сюжетных композиций, заранее продуманных и выражающих те или иные религиозные, нравственные или политические идеи. Он решал другую задачу — уловить мир в его пульсации, изменениях и обнаружить ускользящую красоту в чувственном восприятии этих изменений.

Художник-импрессионист в изображениях людей, в обращении к портретному жанру не искал сущностных черт характера личности. Многие искусствоведы и критики сравнивали образы женщин на картинах Ренуара с красивыми цветами, избегая при этом применять критерии психологического портрета.

Стремление восстановить жанр психологического портрета в какой-то мере было присуще ряду художников-постимпрессионистов. Это направление в западном искусстве было достаточно разнородным и, в отличие от импрессионистов, не объединенным

общей программой. В него входили художники разного стиля, разрабатывавшие новые выразительные средства живописи. Среди них были такие выдающиеся самобытные мастера, как Сезанн, Гоген, Ван Гог, Тулуз Лотрек. Их кисти принадлежат известные в истории искусства портреты и автопортреты. Написанные в разной манере, многие из них сохраняли намеченную классикой традицию глубокого проникновения в духовный мир личности. Вместе с тем в серии автопортретов и Гогена, и Ван Гога прослеживаются неклассические тенденции. Каждый такой автопортрет выражает определенные черты духовного мира автора, которые не были выражены в других автопортретах. Подчас кажется, что в новом автопортрете изображен совсем другой человек, хотя внешне похожий на предыдущие изображения. В этом развернутом во времени автопортретировании самосознание художника и его интуиция улавливали сложные процессы «самовоспроизводства» личности, проблемы поиска идентичности неповторимого «я» в меняющихся жизненных обстоятельствах. Это была позиция не только самонаблюдения (хотя оно здесь тоже присутствовало), но прежде всего внутреннего ощущения своей погруженности в изменчивое бытие.

Это была позиция неклассического видения предмета, в качестве которого в данном случае выступает духовный мир самого художника.

Классический и неклассический подходы переплетались в стремлении постимпрессионистов воссоздать в новых условиях жанр психологического портрета. Ближе к классической традиции были такие работы Ван Гога, как «Портрет крестьянина», «Портрет папаши Танги»; работа Сезанна «Портрет Р. М. Рильке» (известного поэта начала XX в.) и др. Но были и неудачи даже у великих мастеров, которые свидетельствовали об ограниченности и недостаточности традиционных подходов.

Поль Сезанн в течение 115 сеансов пытался создать психологический портрет Амбруаза Воллара, но не закончил эту работу. А. Воллар был в то время широко известен в среде художников. Он отбирал их работы для выставок, организовывал продажи картин, был ценителем живописи, знатоком истории искусства. Сезанн оставил портрет А. Воллара незаконченным.

В этом портрете нет классической устойчивой полноты характера. В незаконченном портрете есть образ человека, погруженного в себя и даже в чем-то отрешенного от мира. Но нет образа мысли, обращенной одновременно и к себе, и к миру.

Этот образ появился позднее, в картине Пабло Пикассо. Художник написал портрет Воллара в кубистской манере. Это было одно из редких произведений кубизма в жанре портрета, которое могло соперничать с классическими шедеврами¹.

Свою родословную в качестве особого направления в искусстве кубизм ведет с экспонирования работы П. Пикассо «Девушки из Авиньона» на выставке 1907 года. Представителями этого направления, наряду с П. Пикассо, были Ж. Брак, Х. Гизе, П. Мондриан, М. Дюшан и др. Они стремились разработать новый язык пластических искусств, который позволял бы, не отказываясь от предметных форм, выразить их подвижность, связь изменчивости и устойчивости, переход от эмоционального хаоса переживаний к их упорядоченности.

П. Пикассо на предшествующих кубизму этапах своего творчества (голубой и розовый периоды) пытался решить эту задачу, не порывая с традициями реалистического изображения. В его известной картине «Девочка на шаре» хрупкая, гибкая, балансирующая на шаре фигурка девочки контрастирует с неподвижной фигурой гиганта, сидящего на

¹ Зингерман Б. И. Пикассо, Чаплин, Брехт, Хемингуэй // Образ человека и индивидуальность художника в западном искусстве XX века. М., 1984. С. 128.

кубе. И вместе они создают переживание «неустойчивости-устойчивости» как разделенных, противоположных, но предполагающих друг друга состояний.

Обращаясь к языку кубизма и развивая его, Пикассо попытался сделать следующий шаг — синтезировать эти противоположности, выразить их в качестве состояний одного и того же предмета. В языке кубизма каждый предмет, каждая фигура предстает как своеобразная сборка первичных пространственных форм — квадрата, плоскости, линии, куба, подвижных и перетекающих друг в друга. Причем сами эти геометрические формы одновременно выступают и как первичные состояния, вызывающие у человека эмоциональный отклик. В принципе, такого рода эмоциональное воздействие на человека простейших пространственных форм было известно и до кубизма. Художники разных эпох интуитивно чувствовали эту «эмоциональную нагруженность» пространственных форм, цвета, света и тени. «Вертикаль дает ощущение подъема, горизонталь — покоя; овал более динамичен, чем круг; разомкнутые фигуры более “событийны”, чем замкнутые; округлые формы рифмуются с остроконечными; несколько точек и черточек можно расположить на плоскости так, что они дадут впечатление уравновешенности, а можно расположить их “конфликтно” и т. д. Подобные закономерности, как и закономерности цветовых отношений, интуитивно использовались художниками и прежде, а наиболее простые даже входили в систему академического обучения основам композиции»¹.

В классической живописи эти первичные элементы не имели самостоятельного звучания. По выражению известного отечественного искусствоведа Н. Дмитриевой, они «умирали» в изображении предмета. Кубизм же представил их живущими самостоятельной жизнью. Подобно движению молекул, соединяющихся в макротела, они в своих переплетениях, взаимопроникновениях, объединениях и разъединениях образуют предметы, человеческие фигуры, лица. В портрете А. Воллара, написанном П. Пикассо, фон и само изображение предстают как движущееся напластование полупрозрачных кристаллов и замкнуто-разомкнутых плоскостей, где одно переходит в другое. Из этой движущейся среды создается, формируется лицо, в котором читается мощный интеллект, мысль, одновременно обращенная и вовне, и вовнутрь самопознающей себя личности.

Монументальная устойчивость образа создается именно этим состоянием мысли. Оно удерживает изображенное на картине лицо от его растворения в калейдоскопе движущихся пространственных форм, из которых оно собрано.

Художник переживает, эмоционально оценивает и выносит на суд зрителя выраженную в его полотне идею о самосознании и самоопределении личности как условия ее самосохранения в хаотичной среде. Отношение художника к созданному им образу в чем-то аналогично диалогу автора и героев в романах Ф. Достоевского.

Созданный Пикассо образ — это в определенном смысле и собственная судьба художника. Он сам не раз менял свое понимание мира, манеру художественного письма, искал новый язык, чтобы выразить пережитые им состояния поиска себя, своей идентичности в калейдоскопе противоречивых социальных событий. И зрителю он предлагает включиться в понимание и сопереживание созданного им образа как в своеобразный диалог, предполагающий активное осмысление зрителем своего жизненного опыта.

Здесь прослеживается позиция художника как осознающего себя погруженным в социальную среду, обусловленным ее изменениями, изнутри познающим человеческий жизненный мир. А это — ключевая характеристика неклассического субъекта познания и неклассической парадигмы в искусстве.

¹ Дмитриева Н. А. Опыты самопознания // Образ человека и индивидуальность художника в западном искусстве XX века. М., 1984. С. 25.

Обратимся теперь к процессам, которые происходили примерно в этот же исторический период в научном познании. Начало XIX в. было началом великой революции в науке, потребовавшей пересмотра сложившихся в классическую эпоху фундаментальных познавательных установок.

Классическое естествознание особым образом истолковывало идеал объективно истинного знания. Считалось, что теоретическое объяснение фактов и обоснование теории должны содержать только характеристики исследуемых объектов, но не включать никаких ссылок на субъект познания и его деятельность.

Эта трактовка выражала парадигму классической рациональности, согласно которой познавательное отношение субъекта к объекту выступает как созерцание мира суверенным, беспредпосылочным разумом.

Революция в естествознании, связанная с построением теории относительности и квантовой механики, показала неадекватность этого подхода и предложила иную трактовку теоретического описания, объяснения и обоснования.

В процессе построения специальной теории относительности и квантовой механики важнейшую роль сыграли мысленные эксперименты, выражающие главные и существенные характеристики реальной экспериментальной практики, применяемой в новой области исследования. Мысленные схемы практической деятельности органично были включены в обоснование новых теорий.

В структуре квантовой теории в явном виде присутствовали ссылки на средства деятельности и производимые субъектом операции, позволяющие выявить законы поведения объектов микромира. Они были выражены в форме теоретических принципов: относительности характеристик объекта к средствам наблюдения и дополнительности.

Соответственно, в состав теоретических описаний и объяснений квантовой физики были включены характеристики средств и операций деятельности, благодаря которым фиксируются сущностные характеристики микрообъектов.

Один из создателей квантовой механики В. Гейзенберг, обобщая опыт формирования квантово-релятивистской физики, подчеркивал, что она заставляет по-новому рассматривать само научное познание.

В классической науке предполагалось, что, наблюдая за природой, мы получаем ответы на наши вопросы об устройстве природы. Новая физика показала, что эти ответы зависят не только от устройства самой природы, но и от способа нашей постановки ей вопросов. «Мы должны помнить, — писал В. Гейзенберг, — что то, что мы наблюдаем, — это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в котором она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов»¹. Гейзенберг особо отмечал высказывания Н. Бора о квантовой теории, которая показала, что научное отношение к природе предполагает учет характера нашей собственной деятельности при описании природных процессов².

Неклассическая рациональность в науке не отменяла классических образцов. Она лишь более точно определяла сферу их действия, очерчивала границы их применимости.

Для процессов, которые протекают со значительно меньшими скоростями, чем скорость света, эффекты, описываемые теорией относительности, столь малы, что ими можно пренебречь. И тогда релятивистская механика переходит в классическую. Точно так же обстоит дело в отношении квантовой и классической механики. При изучении процессов микромира принципиально важную роль играет квант действия, выраженный в математическом аппарате квантовой физики постоянной Планка (h). Но при переходе к

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990. С. 27.

² Там же.

описанию механических взаимодействий в макромире квантовые эффекты могут становиться пренебрежимо малыми. И тогда можно допустить, что постоянная Планка стремится к нулю ($\hbar \rightarrow 0$). В этом случае основные уравнения квантовой механики переходят в уравнения классической механики.

При решении ряда задач неклассическая рациональность может быть избыточной, и вполне можно обойтись классическими теориями. Классика и неклассика не просто соседствуют, а взаимодействуют в науке.

Аналогичная ситуация прослеживается и в искусстве. Формирование многообразия неклассических направлений не устраняло классической традиции и произведений, выполненных в классической манере. Более того, многие выразительные средства, использованные неклассическими течениями, вначале были открыты в рамках классической традиции. В живописи, например, активно развиваемый импрессионизмом язык был во многом основан на использовании открытой еще Тицианом, а затем примененной в позднем творчестве Рембрандта цветной тени.

В свою очередь, язык импрессионистов и постимпрессионистов оказал воздействие на последующее развитие реалистической живописи.

Неклассическая парадигма в искусстве утверждалась на протяжении XX в. в самых его различных отраслях: литературе, поэзии, живописи, скульптуре, музыке, театре, кино. При этом границы между видами становились менее жесткими. Шли поиски их новых синтезирующих форм. Были эксперименты с цветомузыкой, попытки синтеза кино и театра, возникли музыкальные шоу, включающие элементы балета, оперы, фрагменты кинофильмов и т. п.

Вместе с тем были и своеобразные переключки между неклассическими поисками в искусстве и неклассическими теориями науки, изменившими наши представления о природе.

Под влиянием этих теорий произошли радикальные изменения научной картины мира. Теория относительности и квантовая физика включили в эту картину новые представления о пространстве и времени, о вероятностной причинности как дополнении к классическому детерминизму, о необычных для здравого смысла идеях корпускулярно-волновой природы микробъектов, о Большом взрыве и нестационарной Вселенной. Революция в биологии, связанная с открытиями генетических кодов организмов и надорганизменных уровней жизни, радикально изменила ранее сложившиеся образы живой природы. В научную картину мира вошли представления о генах, популяциях, биогеоценозах и биосфере как особых структурах жизни, связанных между собой многообразными прямыми и обратными связями.

Все эти необычные для здравого смысла представления вызывали неподдельный интерес и находили отклик у образованных людей, в том числе в среде литераторов и художников. Революции в науке оказали влияние на многие авангардные направления в искусстве XX столетия.

Философия анализировала все эти изменения в культуре, улавливала связи между мировоззренческими поисками в различных ее сферах, сопоставляла их с собственными внутритеоретическими философскими проблемами.

Как результат, все более глубоко обосновывалась идея обусловленности человеческого познания социальной средой, характером культуры той или иной исторической эпохи, особенностями деятельности с изучаемыми объектами.

ПУШКИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Выступление в клубе «Свободное слово» в дискуссии по докладу
В. С. Непомнящего «Странный поэт Пушкин» 21 декабря 2005 г.
Институт философии РАН*

Я выделю особо одну из тем — о современности А. Пушкина. Когда я был намного моложе, я любил Б. Пастернака, М. Цветаеву, а А. Пушкина воспринимал как со школьной скамьи внедренного в сознание, что-то мы читали из А. Пушкина, заучивали наизусть, чтобы ответить на уроке, и мне казалось, что перечитывать А. Пушкина не столь интересно, чем, допустим, Б. Пастернака. И только позже, уже в зрелые годы, я открыл, что это не так, что А. Пушкин и в XX в. вполне воспринимается как современный поэт.

Хотя основная специализация моей работы — философия науки с акцентом на математику, логику и физику, в моей жизни был такой период (примерно 15 лет), когда я преподавал теорию искусства на архитектурном факультете. В рамках этого курса был раздел, посвященный языку кино, и мне попала прекрасная работа Михаила Рома «Литература и монтаж». Я помню, был немало удивлен, когда прочитал эту работу. В ней М. Ромм показывает, что А. Пушкин во многих своих произведениях — это живой кинематограф. Ромм отмечает, что многие тексты А. Пушкина — это одновременно готовый сценарий — просто бери и снимай. Он приводит в качестве примера отрывок из «Медного всадника» — сцену наводнения. Я воспроизведу ее, но так, чтобы были видны монтажные фразы.

Вот начало: **«Погода пуще свирепела, Нева вздувалась и ревела, котлом клочка и клубясь, и вдруг, как зверь остервенясь, на город кинулась».** (Здесь ясно видны два кадра). А дальше все идет по кадрам: **«Пред нею все побежало», «все вокруг вдруг опустело», «воды вдруг втекли в подземные подвалы», «к решеткам хлынули каналы»** — это же все кадры, их видишь. **«И всплыл Петрополь, как тритон, по пояс в воду погружен».** **«Осада! Приступ! злые волны, как воры, лезут в окна»** — кадр. **«Челны с разбега стекла бьют кормой», «лотки под мокрой пеленой», «обломки хижин, бревны, кровли, товар запасливой торговли, пожитки бледной нищеты», «грозой снесенные мосты»** (это все кадры). И дальше жуткий кадр — «гроба с размытого кладбища

плывут по **улицам!**». Чем еще можно закончить ужасный образ наводнения? И Ромм пишет, что это блистательная вещь — готовый кинематограф. Он также **анализирует** с этой точки зрения «Пиковую даму»... Под впечатлением роммовского анализа я увидел, что с детства заученные фрагменты пушкинской поэзии могут быть представлены как кино-монтаж. Помните? «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит» (потенциальные кадры). «Прозрачный лес один **чернеет** (общий план), и **ель** сквозь иней зеленеет (крупный план!), и речка подо льдом блестит».

Показательно то, что кинематограф, бесспорно, детище XX в. А эта переключка через века — одно из удивительных **свидетельств** современности А. С. Пушкина.

В этой связи я **подумал**, почему пушкинская поэзия так по-человечески естественно воспринимается? Почему это легко запоминается? Наверное, она совпадает с глубинными основаниями человеческого восприятия мира (здесь уже область психологии восприятия), с особенностями формирования наших представлений о вещах и событиях. Когда мы что-то запоминаем, в нашем сознании возникает серия образов, которые нами переживаются и которые могут синтезироваться в более сложный целостный образ того или иного фрагмента нашего жизненного мира. Сложные образы складываются из локальных образов — картин как своего рода монтаж, когда возникает новый, глубинный смысл из последовательности сменяющих друг друга отдельных локальных образов. **Но это не просто конгломерат** клипов. **Такого рода конгломерат** — это плохая имитация человеческого способа восприятия мира, когда нанизывают несвязанные между собой случайные образы. И этот калейдоскоп не создает сколь-нибудь глубокого смысла, не вызывает глубоких переживаний. **В поэзии же** Пушкина зримые картинки-кадры всегда складываются в целостное видение, создается объемный синтетический образ, **выраженный посредством русского языка со свойственной ему глубинной эмоциональной структурой**. И именно поэтому, пока будет русское слово, человек, знакомясь с пушкинской поэзией, поймет ее, соотнося **со своим** субъективным опытом и мировосприятием. И это будет, наверное, просто и естественно. Естественно так, как мы живем, как мы воспринимаем жизнь, как ее чувствуем и переживаем.

В заключение выскажу еще одно соображение относительно места А. Пушкина в культуре наступившего XXI века. Сейчас много говорят о новой эпохе компьютерного письма. Да, действительно, компьютерное письмо — это особый тип культурной трансляции, особый тип передачи знаний и образов, который основан на взаимодействии двух исторически сложившихся типов письма — это линейное финикийское письмо и плюс к этому иератика, иероглифическое письмо, которое дано в виде квазинаглядных образов-схем.

Современный компьютер соединяет эти два типа письма, и он поэтому уплотняет информацию. В современной культуре возрастает информационная емкость знаково-символических форм трансляции человеческого опыта. Для того чтобы в этой скоростной современной жизни что-то усвоить, человеку часто некогда длинно рассуждать. Ему нужны схема, образ и некоторые пояснения к схеме.

Современная культура неожиданно начинает переключаться с забытыми древними способами целостного видения, придавая им новый смысл. В индийской математике доказательство часто строилось как апелляция к наглядному образу-чертежу, в котором демонстрировалась возможность сведения, допустим, площади сложной фигуры к простым, площадь которых уже была известна, чертеж сопровождался одним словесным пояснением: «Смотри!» Такой тип математики был в древних культурах. И сегодня компьютерное письмо в чем-то восстанавливает и широко использует подобный способ усвоения знания. Может ли Пушкин включиться в эту культуру? Как он будет здесь жить? Я думаю, может. Потому что компьютерное письмо основано на взаимодействии

рационально-аналитических и образно-синтетических средств, взаимно согласованной работой двух полушарий нашего мозга. Левополушарное мышление аналитично, правополушарное синтетично, и оба эти мышления синтезируются. У А. Пушкина такой синтез представлен буквально в каждом его произведении. У него мысль, идея, действие и образ — все сращено. И вот поэтому я думаю, что он современен даже в эпоху компьютерного письма. Это — черта действительно гениальных людей, которые могут опережать на много веков свое время. Конечно, для любой поэзии и для любого искусства синтез рационального и эмоционального, индивидуально неповторимого и типического является условием создания художественных образов. Но так естественно просто и ясно представлять объемную сложность жизни, как это делал А. Пушкин, не всякой поэзии дано. И есть множество пластов смысла, которые по-новому раскрываются при прочтении Пушкина в разные времена нашей личной и общественно-исторической жизни. Если говорить современным языком информатики, то у него, несмотря на естественность и простоту выражения, огромная плотность информации, адресованной не только своему веку, но и будущим столетиям. Я солидарен с формулой, высказанной в докладе, что пушкинское творчество — своего рода квинтэссенция русской культуры. А русская культура переплывала в себе множество традиционалистских, азиатских и древнеславянских идей, соединив их с идеями новоевропейской культуры.

Я верю, что эта специфика нашей культуры не будет утрачена (а если она будет утрачена, мы вообще перестанем быть Россией). Но пока она есть и будет, А. Пушкин останется современником многих поколений людей, живущих в этой культуре.

ФИЛОСОФИЯ И МУЗЫКА (ПАМЯТИ Е. А. ГЛЕБОВА)

С годами время бежит быстрее. Так мы его переживаем. Физиологи объясняют этот факт изменением альфа-ритмов головного мозга. Эти ритмы — наши внутренние часы, которые определяют наше ощущение времени. В молодости они идут быстрее, а с годами медленнее (обмен веществ замедляется). А когда внутренние секунды растягиваются, их меньше укладывается во внешнем времени, и возникает переживание и восприятие его ускорения. Но это лишь часть объяснения. Есть и социально-психологические факторы. События, которые в молодости воспринимаются как неожиданные, нестандартные, переживаются ярко, а по мере накопления жизненного опыта часто становятся ожидаемыми и уже не оставляют в памяти яркого следа. С годами память все строже сортирует людей и события, и постепенно остается то, что было действительно значимо в нашей жизни. Наверное, для многих, кто длительное время общался с Евгением Александровичем Глебовым, эти встречи надолго остались в памяти. Я принадлежу к их числу.

Мы познакомились где-то в середине 60-х гг. прошлого столетия. Некоторое время отношения были сдержанными. Евгений Александрович как бы присматривался ко мне. Он был старше меня на пять лет и имел жизненный опыт, который мне еще предстояло приобрести. Его путь к вершинам профессионального мастерства был нелегким и нестандартным. Позднее я с удивлением узнал из его биографии, что он окончил вовсе не музыкальную школу, а железнодорожный техникум и вначале работал по этой специальности. А когда он поступал в консерваторию, он не знал нот и не умел играть на фортепиано, и ему разрешили вступительные экзамены сдавать на гитаре. У него были недюженные музыкальные способности, абсолютный слух и великолепный мелодический дар. Плюс огромное трудолюбие. Все это позволило ему стать в ряд выдающихся композиторов не только в республике, но и в Союзе, той огромной и самобытной цивилизации, которой уже больше нет.

В начале нашего знакомства мы называли друг друга на «вы» и по имени. Эта традиция сохранилась и тогда, когда наши отношения стали доверительными и дружескими. Было несколько странно, что в совместных встречах

с друзьями и близкими знакомыми, к которым я и он обращались на «ты», между собой мы по-прежнему говорили «вы». Женя как-то сказал, что сохранение этой традиции — дань особого уважения друг к другу. Я согласился. Это было действительно так.

Самые лучшие из наших встреч и самые частые были не в компаниях, а наедине. Тогда возникала обстановка особого духовного доверия и взаимопонимания. Мы обсуждали самые разные темы и проблемы: от философии и специфики современной музыки до обычных жизненных коллизий, которых было предостаточно и у него, и у меня.

Начало 1970-х гг. было этапным для творчества Е. Глебова. Он начал работу над одним из самых значительных своих сочинений — балетом «Тиль Уленшпигель». Это была его давняя мечта. То, как он готовился к ее осуществлению и как он работал, само по себе было крайне интересно и поучительно. Он часто иронически говорил о композиторах, как бы с точки зрения обывателя, что они соединяют «звучки» различных инструментов. Впрочем, как известно, не все композиторы пишут партитуру, многие ограничиваются клавиром. Глебов же знал оркестр досконально, знал возможности каждого инструмента. Это позволяло ему создавать объемную и выразительную музыку. Но главное, что в его крупных сочинениях всегда была глубокая внутренняя логика, была философия, которую он находил и воплощал в музыке. Когда шла работа над «Ткнем...», он постоянно обращался к литературному источнику — книге Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Он досконально знал ее текст, реконструировал все голоса ее героев, выявил основные сюжетные линии, которые выражали вечные человеческие страсти, мечты и ценности — власть, свободу, любовь, смерть и бессмертие, преданность и предательство, месть и прощение. Чтобы проникнуть в дух той эпохи, он внимательно изучал ее музыкальные памятники, но не только их. Мы много говорили в этот период о живописи великих голландцев, об истории Европы времен Реформации, о том, как формировались в эту эпоху новые ценности культуры.

Возвращаясь к книге Костера, говорили о том, что два антипода Тиль и Филипп — это как два полюса магнита, две противоположности, каждая из которых в своем существовании предполагает другую. Через некоторое время Евгений Александрович показал мне тему Тили и тему Филиппа, сочиненные им, а также фрагменты будущего балета, где эти темы перекликались, взаимодействовали и развивались в этом взаимодействии.

Я не слышал исполнения музыки этого балета в клавире, но знал ее симфонический вариант и многократно прослушивал вместе с автором его запись. И меня эта музыка каждый раз восхищала своей системной красотой, где отдельные сами по себе прекрасные музыкальные фрагменты органично связывались в еще более прекрасное целое. И я тогда сказал Жене, что нелегко будет осуществить адекватную музыке балетную постановку.

Но первые трудности возникли совсем с другой стороны. Различные «доброжелатели» Глебова заговорили об идеологической несвоевременности балета, а в отделе культуры ЦК КПБ начали вопрошать, почему именно Тиль Уленшпигель? Что, в истории Белоруссии не нашлось национальных героев? Глебов на это отвечал, что свои герои, конечно, были, но не было своего Костера. Вся эта мышьяная возня завершилась «подъемом проблемы» на самый высокий уровень, откуда и было дано разрешение поставить балет в Белоруссии.

Постановку осуществил О. Дадишкилиани. Он и до этого работал с Глебовым, ставил его балеты «Альпийская баллада» и «Избранница»*. Постановка нового балета была в целом удачная, но было ощущение, что она все-таки не выражает всего богатства глебовской музыки, ее глубинной философии. Затем были постановки в Ленинграде и Хельсинки. Я их не видел, но, как говорил Глебов, это были совершенно разные сценические интерпретации его музыки. Постановщик ленинградского балета о Тиле Уленшпигеле талантливый молодой балетмейстер В. Елизарьев стал работать в Минске. И этот же спектакль

он поставил на сцене Белорусского театра оперы и балета. Я был на премьере, и, на мой взгляд, елизарьевская интерпретация в большей степени соответствовала замыслу композитора. Спектакль и сегодня идет на минской сцене, а когда жизнь спектакля исчисляется тремя десятилетиями — это уже показатель качества.

Разумеется, чтобы преодолеть трудности, связанные со сценическим воплощением музыки, требовалось немало душевных сил. И не только творческих. Е. Глебов активно работал с постановщиками его произведений. Но в качестве предварительного условия начала такой работы всегда приходилось проводить множество переговоров административного характера, обходить препятствия, искусственно создаваемые и чиновниками, и некоторыми «доброжелателями из музыкального цеха», добиваться разрешений и согласий поставить спектакль, заключать договоры и т. д.

В этой менеджерской работе большую помощь Евгению Александровичу оказывала его жена и друг — Лариса Васильевна. Юрист по профессии, она была специалистом по авторскому праву, участвовала во многих его переговорах, умело снимала стрессы внешних воздействий, мешающих его творчеству, держала дом, который весьма часто по вечерам, после 8—10-часовой работы Е. Глебова над сочинениями, превращался в дом «открытых дверей», куда приходили друзья и коллеги. Она была первым слушателем глебовской музыки, его советником в делах и даже автором либретто одного из его этапных балетов, «Маленького принца», а впоследствии и оперы «Мастер и Маргарита».

После «Тиля...» следующей важной вехой в глебовском творчестве был балет по мотивам известной книги А. де Сент-Экзюпери о Маленьком принце. И я снова был свидетелем поисков, которые выражали творческое кредо Е. Глебова. Как и в «Тиле...», он не просто ориентировался на фабулу литературного источника, а выявлял его глубинную философию. Сказка Сент-Экзюпери — это одновременно философская притча о ценности человеческого общения и доброты. И эти вечные человеческие ценности нашли свое выражение в глебовской музыке. И вновь были сложности со спектаклем. Сомнительный с точки зрения классового подхода литературный источник, абстрактные общечеловеческие ценности — все это настораживало чиновников. «Маленький принц» не был поставлен в Белоруссии. Премьера была вначале в Хельсинки, а потом — в Москве, в Большом театре. Я был на этой премьере. Она была успешной. И все-таки мне казалось, что спектакль поставлен скорее как сказка для детей, нежели как философская притча для взрослых. В его видеоряде не доставало высот обобщения, которые были в музыке Глебова.

Я не специалист, не музыковед, возможно, это была моя субъективная точка зрения. Но мне кажется, что в глебовских балетах, сочиненных по мотивам великих литературных памятников человеческой культуры, было несколько пластов музыкальных смыслов: один конкретный, прямо коррелирующий с определенными зрительными образами и порождающий их (что облегчало работу балетмейстеров), а другой — как подводная часть айсберга — выраженный в музыке глубинный философский смысл, который организовывал и сцеплял конкретные музыкальнозрительные образы. Выразить этот сущностный пласт в спектакле было нелегкой задачей, и не всем удавалось.

У Глебова напрочь отсутствовала нарочитая усложненность музыкального текста, которая иногда воспринимается как головоломка и вызывает вопросы: «А что собственно хотел сказать автор?» Его музыкальные образы прозрачные, яркие, запоминающиеся. Но в них всегда присутствует глубинный смысловой пласт. Сменяя друг друга, они образуют нечто вроде монтажных фраз в талантливом кино, когда несколько смыслонагруженных образов, состыкуясь, порождают новый смысл, и он отдельно ни в одном кадре не присутствует, он менаду. И этот смысл «между» не возникает случайно, а является

продуманным авторским замыслом. Так всегда строилась высокая классика и в литературе, и в музыке, и в театре, и в кино, классика, которая в разные времена и разные исторические эпохи находит отклик в человеческих душах.

Сегодняшние увлечения постмодернистскими идеями ориентируют на иной тип формирования и восприятия произведений искусства. Компьютерные игры, назойливая телереклама, да и весь стиль современной рыночной жизни эпохи глобализации формируют так называемое клиповое сознание, когда различные образы произвольно комбинируются, бессистемно сменяя друг друга. Случайные комбинации могут порождать новые смыслы, но это уже не дело авторской концепции, их выявляет, а вернее, конструирует потребитель, реципиент. Он соавтор, а может быть, и автор того содержания, которое он обнаружил.

В клиповом сознании нет логики, нет глубины, в нем разрушается разумное начало. Оно нацелено на потребление информации как своего рода пищи, которую даже не обязательно усвоить, а нужно просто потреблять для удовольствия. Как в Древнем Риме в эпоху последних императоров, когда устраивались пиры, участники которых, достигнув состояния насыщения, использовали рвотное и вновь принимались за еду как за источник удовольствия.

Но даже эта аналогия требует дополнений. «Информационная еда» не всегда доброкачественная пища, а ее суррогаты действуют как духовный наркотик, делая человека «одномерным» (термин известного философа середины XX в. Г. Маркузе) и легко управляемым. Как любят говорить современные мастера «промывки мозгов», «пипл хавает».

Все эти процессы уже нашли свое определение — их обозначают как кризис культуры. Противостояние же этому кризису требует культивирования разумного начала, ответственности и высоких человеческих устремлений.

Образы подлинного искусства — это не только эмоции, это сплав эмоционального и рационального, чувства и смысла, реальности и идеала. Сегодня приходится вспоминать эти аксиомы перед мутным потоком суррогатного квазиискусства.

В глебовской музыке ее возвышающаяся человеческая эмоциональность всегда соединялась с высокой мыслью, поисками глубинных смыслов человеческой жизни. Наши беседы, споры, размышления в период создания Е. Глебовым двух его этапных работ — «Тиля...» и «Маленького принца» — прямо или косвенно затрагивали проблемы, которые в своем языке и своей традиции обсуждались и философией.

В начале 1970-х гг., когда Е. Глебов создавал музыку «Тиля...», я работал над проблемой связи науки и философии. Чтобы выяснить механизмы этой связи, пришлось по-новому истолковать природу и функции философского знания. В наших беседах я делился с Женей своими новыми идеями. Он с интересом и внимательно меня выслушивал. Мысли о целостности культуры и перекличках идей, возникающих в философии, науке и искусстве, находили у него отклик, и он даже приводил подтверждающие примеры из истории музыки.

Мне эти беседы помогали оттачивать аргументацию. Концепцию, которая в те времена у меня еще была в стадии разработки, сегодня уже известна, нашла выражение в моих книгах и даже стала основой «Новой философской энциклопедии». Главное в этой концепции — это понимание философии как рефлексии над основаниями культуры.

Философия порождала многие идеи, которые опережали свой век и давали импульсы развитию науки. Идея атома и атомистического строения вещества была вначале сформулирована в философии, а затем, пройдя более чем двухтысячелетнюю историю, вошла в физику и химию в качестве достоверного научного знания, опирающегося на множество опытных фактов.

Между философией и другими областями человеческого творчества — наукой, литературой, искусством — всегда существует органическая связь, существует своего рода резонанс между различными сферами культуры.

Все эти рассуждения, хотя они непосредственно не касались деталей музыкального творчества, вызывали у Е. Глебова живой интерес. И я впоследствии, вспоминая 70-е годы уже прошлого века, думал о том, что подлинное творчество никогда не бывает ограничено узкими рамками своего профессионального «огородика», а предполагает широту взгляда на мир, встречу идей, возникающих в разных областях творчества.

Мне кажется, что 1970—80-е гг. и у Евгения Александровича, и у меня были годами творческих удач, хотя и совсем нелегкими, если учесть те жизненно социальные коллизии, которые приходилось преодолевать.

С тех пор прошло много лет. В конце 1980-х я был приглашен в Москву директором академического института. Был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Новая работа, продолжение исследований в философии занимали все время. В Минск приезжал редко и все реже бывал в доме Глебовых. После одной из конференций, кажется в Германии, приехал домой в Москву и узнал о смерти Евгения Александровича.

В моей памяти он остался живым, и таким остается по сей день. Открытым к друзьям, настороженно официальным к разным недоброжелателям, раздражительным и нетерпимым к халтурщикам и проходимцам. Разный в разных обстоятельствах, но всегда сохраняющий достоинство.

У меня есть несколько кассет с записями глебовской музыки. Иногда я слушаю его прекрасные мелодии к кинофильмам, его хрустальную и трогательную музыку песни «Белый парус», записи из «Тиля...».

Жизнь меняется, приходят новые поколения, сегодня Е. А. Глебову было бы 80 лет. Не знаю, как принял бы он нынешнюю жизнь. Но многое из того, что он создал, уже осталось в культуре, а значит, что-то главное из той программы, которая была ему предначертана судьбой и его природным дарованием, он выполнил.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. С. СТЕПИНА

Вячеслав Семенович Стёпин родился 19 августа 1934 г. в пос. Навля Навлинского р-на Брянской обл.

1951 г. — Окончил среднюю школу (Минск).

1951–1956 гг. — Студент отделения философии исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ).

1956–1959 гг. — Аспирант кафедры философии БГУ.

1959–1974 гг. — Ассистент, с 1961 г. преподаватель, с 1962 г. старший преподаватель, с 1966 г. и. о. доцента кафедры философии Белорусского политехнического института.

1965 г. — Присуждена ученая степень кандидата философских наук за диссертацию «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позитивизм».

1972 г. — Присвоено ученое звание доцента.

1974–1987 гг. — Доцент, с 1977 г. и. о. профессора, с 1979 г. профессор, с 1981 г. заведующий кафедрой философии БГУ.

1976 г. — Присуждена ученая степень доктора философских наук за диссертацию «Проблема структуры и генезиса физической теории. Содержательные аспекты строения и эволюции теоретических знаний».

1979 г. — Присвоено ученое звание профессора.

1982 г. — Награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

1983 г. — Командирован на VII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки (Зальцбург, Австрия); выступил с секционным докладом.

1986 г. — Награжден орденом Дружбы народов.

1987 г. — Избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Участвовал в VIII Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Москва); выступил с пленарным докладом.

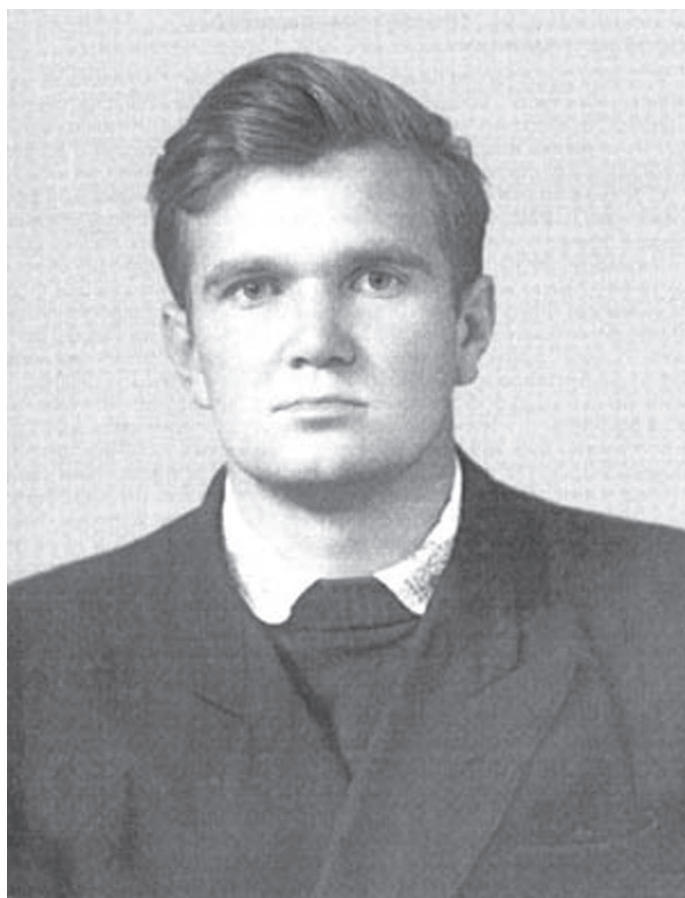
1987–1988 гг. — Директор Института истории естествознания и техники АН СССР.

- 1988 г.** — Командирован на XVIII Всемирный философский конгресс (Брайтон, Великобритания); выступил с секционным докладом.
- 1988–2006 гг.** — Директор Института философии АН СССР / РАН.
- 1989 г.** — Командирован на XVIII Международный конгресс по истории науки (Гамбург — Мюнхен, ФРГ); выступил с секционным докладом.
- 1990 г. (по наст. время)** — Заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- 1991 г.** — Присвоено звание почетного члена Международного института правовых и экономических исследований (Гонконг). Командирован на IX Международный конгресс по логике, методологии и философии науки (Упсала, Швеция); выступил с секционным докладом.
- 1992 г.** — Избран почетным членом Международной академии науки, образования и передачи технологий (ФРГ).
- 1993 г.** — Участвовал в XIX Всемирном философском конгрессе (Москва); выступил с пленарным докладом.
- 1993 г. (по наст. время)** — Декан философского факультета Российского центра гуманитарного образования (с 1997 г. — Государственного академического университета гуманитарных наук).
- 1994 г.** — Избран действительным членом Российской академии наук.
- 1995 г.** — Избран иностранным членом Национальной академии наук Беларуси. Командирован на X Международный конгресс по логике, методологии и философии науки (Флоренция, Италия); выступил с секционным докладом.
- 1997 г.** — Участвовал в Первом российском философском конгрессе (Санкт-Петербург); выступил с пленарным докладом.
- 1998 г.** — Награжден медалью «В память 850-летия Москвы». Командирован на XX Всемирный философский конгресс (Бостон, США); приглашенный докладчик на специальной дискуссии.
- 1999 г.** — Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Присвоено звание почетного доктора философии Университета г. Карлсруэ (ФРГ). Присвоено звание заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Участвовал во Втором российском философском конгрессе (Екатеринбург); выступил с пленарным докладом.
- 1999 г. (по наст. время)** — Президент Российского философского общества.
- 2000 г.** — Присвоено звание почетного доктора Новгородского государственного университета. Избран иностранным членом Национальной академии наук Украины.
- 2000–2001 гг.** — Председатель научно-редакционного совета «Новой философской энциклопедии» в 4-х томах.

- 2001 г.** — Избран действительным членом Международного института (Академии) философии (Париж, Франция). Командирован на Международный конгресс по компаративистике (Гонolulu, США); выступил с пленарным докладом.
- 2002 г.** — Присвоено звание почетного доктора Ростовского государственного университета. Участвовал в Третьем российском философском конгрессе (Ростов-на-Дону); выступал с пленарным докладом.
- 2003 г.** — Командирован на XXI Всемирный философский конгресс (Стамбул, Турция); приглашенный докладчик на специальной дискуссии.
- 2004 г.** — Присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники. Благодарность Президента Российской Федерации за большой вклад в развитие науки.
- 2005 г.** — Присвоено звание почетного профессора Института философии Академии общественных наук КНР. Участвовал в Четвертом российском философском конгрессе (Москва); выступил с пленарным докладом.
- 2006 г. (по наст. время)** — руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. Советник РАН. Научный руководитель Института философии РАН.
- 2008 г.** — Командирован на XXII Всемирный философский конгресс (Сеул, Южная Корея); приглашенный докладчик на специальной дискуссии.
- 2009 г.** — Награжден медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии». Избран действительным членом Академии устойчивого развития и технологий (Карлсруэ, ФРГ). Присвоено звание почетного профессора Белорусского государственного университета. Участвовал в Пятом российском философском конгрессе (Новосибирск); выступил на пленарном заседании.
- 2010 г.** — Избран действительным членом Международной академии философии науки (Брюссель, Бельгия). Избран почетным доктором Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.
- 2011 г.** — Награжден дипломом XXIV Московской международной книжной выставки-ярмарки.
- 2012 г.** — Участвовал в Шестом российском философском конгрессе (Нижний Новгород); выступил на пленарном заседании.
- 2013 г.** — Командирован на XXIII Всемирный философский конгресс (Афины, Греция).

1954 г. Команда философского отделения исторического факультета БГУ – чемпион БГУ по баскетболу. В центре – В. С. Стёпин

1956 г. Минск. В. С. Стёпин – выпускник БГУ

1983 г. Минск. Заведущий кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ

1987 г., апрель. Кафедра философии БГУ

2007 г. Москва. В. С. Стёпин на заседании Совета программы Президиума РАН «Социология и экономика знаний» с академиком В. Л. Макаровым

2011 г. Вручение диплома почетного профессора БГУ

2011 г. Минск. БГУ. Презентация серии книг Института философии РАН «Философия России второй половины XX века». Слева направо: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, В. Л. Ключа, В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин

2011 г. Минск. БГУ. Встреча в ректорате БГУ. Слева направо: А. И. Зеленков, В. Л. Ключа, А. Н. Данилов, А. В. Рубанов, Б. И. Пружинин, В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, А. В. Лекторский, В. П. Шалаев

2012 г. Санкт-Петербург. Чествование нового почетного доктора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

2012 г. Лекция на философском факультете

2012 г. Нижний Новгород. В перерыве между заседаниями VI Российского философского конгресса

2013 г. Минск. БГУ. Член-корреспондент НАН Беларуси А. Н. Данилов;
академик РАН В. С. Стёпин; член-корреспондент НАН Беларуси Л. М. Томильчик

2013 г. Санкт-Петербург. Круглый стол «Куда идет российская культура».
М. Б. Пиотровский, В. С. Стёпин

2013 г. Санкт-Петербург. День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. В. С. Стёпин, Д. А. Гранин

2013 г. Санкт-Петербург. У бюста почетного доктора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов академика В. С. Стёпина

2013 г. Москва. Академики РАН. Слева направо:
Г. В. Осипов, В. С. Стёпин, Т. Я. Хабриева (вице-президент РАН), В. Л. Макаров

2013 г. МГУ. В. В. Миронов, В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов

В. С. Стёпин

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абламейко Сергей Владимирович – академик Национальной академии наук Беларуси, доктор технических наук, профессор, ректор Белорусского государственного университета

Бабосов Евгений Михайлович – академик Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ, заведующий сектором социологии политики Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Барковская Алла Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Барсук Ирина Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Безнюк Дмитрий Константинович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Берков Владимир Федотович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Богдевич Иосиф Михайлович – академик Национальной академии наук Беларуси, заведующий лабораторией мониторинга плодородия почв и экологии Института почвоведения и агрохимии Национальной академии наук Беларуси

Винокурова Светлана Петровна – доктор философских наук, профессор, первый проректор Белорусской государственной академии искусств

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор Белорусского государственного технологического университета

Воробьева Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Данильченко Алексей Васильевич – доктор экономических наук, профессор, проректор Белорусского государственного университета

Доброродний Данила Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Дудчик Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Елсуков Альберт Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Зеленков Анатолий Изотович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Карако Петр Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Карасева Светлана Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Касавин Илья Теодорович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, заведующий Сектором социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (Москва)

Короткая Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, старший научный сотрудник Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук (Москва)

Кузнецова Лидия Федоровна – доктор философских наук, профессор

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент, директор Института философии Национальной академии наук Беларуси

Лаптенко Александр Сергеевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

Легчилин Анатолий Александрович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Лемешенко Петр Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Белорусского государственного университета

Лойко Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белорусского национального технического университета

Лукашевич Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

Можейко Марина Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор ГУО «Институт теологии» Белорусского государственного университета

Новиков Владимир Тимофеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Новикова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Рубанов Анатолий Владимирович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Румянцева Татьяна Герардовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Сайганова Вероника Святославовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Соколова Галина Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ, заведующий отделом экономической социологии и демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Стёпин Вячеслав Семенович – академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук Российской академии наук, руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук Российской академии наук

Титаренко Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Томильчик Лев Митрофанович – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Института физики Национальной академии наук Беларуси

Филарет – Почетный Экзарх всея Беларуси, доктор богословия, ректор ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета (Вахромеев Кирилл Варфоломеевич)

Хомич Елена Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Шавель Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии инноваций Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Щербин Вячеслав Константинович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси

Шкурова Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Яскевич Ядвига Станиславовна – доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Приветствие ректора Белорусского государственного университета С. В. Абламейко.....	6
Слово Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всех Беларуси к 80-летию В. С. Стёпина.....	8
<i>С. Н. Корсаков.</i> Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности В. С. Стёпина.....	9
<i>А. Н. Данилов, Л. М. Томильчик.</i> Беларусь навсегда в его сердце и трудах....	19
ФИЛОСОФИЯ И СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
<i>Л. М. Томильчик.</i> Стёпинская модель историко-методологической реконструкции – ключ к пониманию процесса научного открытия.....	29
<i>П. А. Водопьянов.</i> Контуры новой цивилизации в контексте идей коэволюционной стратегии.....	39
<i>А. А. Лазаревич.</i> Современные тенденции цивилизационного развития и проблема общественного понимания науки.....	46
<i>А. В. Рубанов.</i> Социальное развитие: к вопросу о механизмах и ценностных ориентирах.....	59
<i>Я. С. Яскевич.</i> Коммуникативная рациональность в контексте жизненного мира.....	67

<i>М. А. Можейко.</i> Феномен неравновесных культурных сред и проблема нелинейного моделирования в гуманитаристике	79
<i>А. Н. Елсуков.</i> Техничко-теоретическая обусловленность эмпирического познания и формирования фактов науки.....	92
<i>В. Ф. Берков.</i> Научное открытие как предмет диалогистики.....	102
<i>С. А. Шавель.</i> Социологические мотивы в творчестве академика <i>В. С. Стёпина</i>	109
<i>В. Т. Новиков, О. В. Новикова.</i> Генезис философии истории как теоретико-методологическая проблема.....	120
<i>Т. Г. Румянцева.</i> О новом понимании системной функции и места «Феноменологии духа» в учении Гегеля.....	128
<i>С. В. Воробьева, А. А. Легчилин.</i> Логико-методологические аспекты кросс-культурных исследований	136

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Е. М. Бабосов.</i> Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа.....	147
<i>Г. Н. Соколова.</i> Научная рациональность как ценность в формировании научно-технического прогресса	154
<i>А. В. Данильченко.</i> Методологический инструментарий построения интегрированных концепций (на примере экономической теории интернационализации предпринимательства).....	165
<i>Л. Ф. Кузнецова.</i> Проблема оснований науки в концепции <i>В. С. Стёпина</i>	174
<i>В. К. Щербин.</i> Классификационные схемы как метод познания социальной реальности.....	183
<i>И. М. Богдевич.</i> Радиоэкологические знания и формирование культуры ответственности	198
<i>А. И. Лойко.</i> Диалог современного естествознания и культуры: методология и мировоззрение	212

<i>Д. К. Безнюк.</i> Структура теории и отраслевая социология: опыт конструирования теоретико-методологических основ социологии власти.....	222
<i>В. К. Лукашевич.</i> Интенции и формы креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке..	226
<i>П. С. Лемещенко.</i> Теоретическая экономика – научная основа хозяйственной системы XXI века	235

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>А. С. Лаптенюк.</i> Мораль в системе универсалий культуры	255
<i>С. П. Винокурова.</i> Наука и религия в современном обществе	262
<i>А. И. Зеленков.</i> Парадигмальный статус экологии в современной науке	275
<i>П. С. Карачко.</i> Детерминизм и научная рациональность: соотношение и стратегии развития	287
<i>А. В. Барковская.</i> Человек в пространстве метафизических и постметафизических приоритетов.....	300
<i>Е. В. Хомич.</i> Постантропологический кризис как ирония истории	312
<i>Л. Г. Титаренко.</i> Смена идеалов и норм социального познания как закономерность развития социологии	322
<i>Т. П. Короткая.</i> Современное белорусское религиоведение: проблемы и перспективы	333
<i>С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова.</i> Изучение религиозности населения в условиях поликонфессионального общества: концептуализация подхода для Беларуси	343
<i>И. А. Барсук.</i> Проблема идентичности и ценности человека восточнославянской цивилизации.....	350
<i>Д. Г. Доброродный.</i> Методологические установки современной науки и проблема их адаптации к исследовательской практике.....	356

<i>В. С. Сайганова.</i> Динамика норм научной рациональности в контексте современных философско-методологических исследований.....	363
<i>А. Ю. Дудчик.</i> Учитель и ученики: В. С. Стёпин как научный руководитель.....	371

ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ В. С. СТЁПИН

<i>В. С. Стёпин.</i> Важно, чтобы работа не прекращалась (интервью И. Т. Касавина).....	379
<i>В. С. Стёпин.</i> Новые измерения философии науки.....	439
<i>В. С. Стёпин.</i> Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма	448
<i>В. С. Стёпин.</i> Формирование неклассического подхода в теории познания	463
<i>В. С. Стёпин.</i> Пушкин и современность.....	476
<i>В. С. Стёпин.</i> Философия и музыка (памяти Е. А. Глебова).....	479
Основные даты жизни и деятельности В. С. Стёпина	484
Краткая информация об авторах	497

Научное издание

**СИНТЕЗ ФИЛОСОФИИ,
НАУКИ, КУЛЬТУРЫ**

К 80-летию академика В. С. Стёпина

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *Н. И. Бондарчик*

Корректор *Л. С. Мануленко*

Подписано в печать 14.07.2014. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,63. Уч.-изд. л. 45,1.

Тираж 120 экз. Заказ 535.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.